

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТИ

№ 11 ↔ НОЯБРЬ ↔ 1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1912.

О ПОДПИСКѢ НА
„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“, „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“
и „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

въ 1913 году.

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1912 года № 194).

Въ 1913 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по-прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемѣсячно. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказы по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба *принимаются къ руководству со времени полученія въ частяхъ и учрежденія къ названной газетѣ.*

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главные официальные извѣстія и слѣдитъ за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, и также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» будетъ имѣть задачей давать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймоновской, № 21. Телефонъ 672.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На «Русскій Инвалидъ»:

Въ Россіи:		Съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою изъ городовъ.
На годъ	9 р. — к.	
„ 11 мѣсяцевъ	8 „ 50 „	
„ 10 „	8 „ — „	
„ 9 „	7 „ 50 „	
„ 8 „	7 „ — „	
„ 7 „	6 „ 50 „	
„ 6 „	5 „ 75 „	
„ 5 „	5 „ — „	
„ 4 „	4 „ 25 „	
„ 3 „	3 „ 25 „	
„ 2 „	2 „ 25 „	
„ 1 „	1 „ 25 „	

За границей:		Съ пересылкою.
На годъ	15 р. — к.	
„ 11 мѣсяцевъ	14 „ — „	
„ 10 „	13 „ — „	
„ 9 „	12 „ — „	
„ 8 „	11 „ — „	
„ 7 „	10 „ — „	
„ 6 „	9 „ — „	
„ 5 „	8 „ — „	
„ 4 „	6 „ 50 „	
„ 3 „	5 „ — „	
„ 2 „	3 „ 50 „	
„ 1 „	2 „ — „	

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го янв. по 1-е янв. слѣдующаго года. Подписка на сроки менше года принимается лишь на цѣлыя мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не далье конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ» принимается попрежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съоставкою на домъ), за границу 8 руб. съ пересылкою; *на срокъ менше года и отдѣльно* на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.

СРОКИ ВЗНОСА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ:

Подписная плата вносится *полностью* при подпискѣ.

Но при подпискѣ на годъ *отдѣльныхъ военно-служащихъ допускается разсрочка платежа* по слѣдующему расчету:

На «Русскій Инвалидъ».		На «Военный Сборникъ».	
не позже 1 января	2 р.	не позже 1 января	2 р.
„ „ 1 марта	1 „	„ „ 1 марта	1 „
„ „ 1 мая	1 „	„ „ 1 мая	1 „
„ „ 1 іюля	1 „	„ „ 1 іюля	1 „
„ „ 1 сентября	1 „	„ „ 1 сентября	1 „
„ „ 1 ноября	1 „		
Итого	9 р.	Итого	6 р.

См. далье на 3-й страницѣ обложки.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

I.

	СТРАН.
I. Мысли о нашемъ мышленіи. Э. Х. КАЛНИНЬ.	1
II. Служба генеральнаго штаба. Ө. ЧЕРНОЗУБОВЪ.	19
III. Подвижной сборъ юнкеровъ Кіевскаго военнаго училища. * *	35
IV. Работа конницы въ военное время, въ связи съ ея организаціей и обученіемъ въ мирное. Гр. А. Д.	39
V. Совмѣстная стрѣльба артилеріи съ пѣхотой. Е. КОБОЗЕВЪ.	47
VI. О подготовкѣ артилеріи къ стрѣльбѣ. И. ЗЛОБИНЬ.	55
VII. Артилерійскія единицы и ихъ стрѣльбы. В. ВОРОНЕЦКІЙ.	61
VIII. По поводу новой школы фортификаціи. Б. М. ЖИЛЬЦОВЪ.	67
IX. Отвѣтъ г. Салеру. М. ГРУЗЕВИЧЬ-НЕЧАЙ.	81
X. Телеграфъ или телефонъ? К. ИСАКОВЪ.	85
XI. «За» и «противъ» психологіи г-на Ш—а. А. ДМИТРЕВСКІЙ.	91
XII. На Дону. В. ДОБРЫНИНЬ.	97
XIII. Служеніе священника на войнѣ. (Изъ наблюденій участника Русско-японской войны). Г. ШАВЕЛЬСКІЙ.	115
XIV. Шестъ задачъ стрѣльбы для пѣхотныхъ частей и пулеметныхъ командъ, продѣланныхъ въ окрестностяхъ сел. Нёйеин 12-го сентября 1911 г. (Сообщеніе Императорско-Королевской стрѣлковой школы). (Со схемами). Переводъ К. Ф.	129
XV. Отъ Алайской долины до Маргелана. (Изъ путевыхъ очерковъ по Средней Азіи). Д. ЛОГОФЕТЪ.	143
XVI. По Монголіи до границъ Тибета. (Съ рисунками). П. КОЗЛОВЪ.	165
XVII. Въ ногадѣ. П. Ч.	198

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ. С. ДОБРОРОЛЬСКІЙ; В. Н.	199
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. Б.	221
ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»
Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ *Бьялевъ*.

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Пруссанъ*.

МЫСЛИ О НАШЕМЪ МЫШЛЕНІИ.

I.

Много лѣтъ тому назадъ за границею въ одной книгѣ анонимнаго автора я случайно натолкнулся на такой отзывъ о турецкихъ войскахъ сравнительно съ нашими въ кампанію 1877—78 гг.: «Этотъ походъ кончился, правда, неудачно для Турціи, но если изслѣдовать его безпристрастно, то нельзя не прійти къ тому же заключенію, къ которому приходитъ покойный генераль Штрекеръ-паша въ концѣ своей брошюры «Русскіе и турецкіе вожди въ войну 1877—78 гг.»: «Если принять въ соображеніе, что русская армія съ самаго начала военныхъ дѣйствій численно превосходила турецкую и что это превосходство съ теченіемъ времени все возрастало, то разница между ожиданіями, вытекавшими изъ ходячаго представленія о достоинствахъ обѣихъ армій, и дѣйствительными ихъ успѣхами окажется еще сильнѣе. Фактъ, что послѣдніе не соотвѣтствовали первымъ, многими объясняется просто тѣмъ, что Турція проявила такую силу сопротивленія, какой отъ нея не ожидали, но никто не далъ себѣ труда выяснить, откуда бралась эта сила. Не числомъ выставленныхъ войскъ превзошли турки всѣ ожиданія и, конечно, ужъ не организаціей или обученіемъ ихъ: оказанная ими сила сопротивленія могла имѣть своимъ источникомъ только присущія имъ личныя качества, въ особенности ихъ умственныя способности (Intelligenz)». «Да, прибавляетъ авторъ, несмотря на то, что

турецкая армія числомъ, организаціей и обученіемъ стояла ниже русской, несмотря на плохое управленіе отдѣльными частями войскъ, на неопытность и неустойчивость высшаго военнаго совѣта въ веденіи всѣхъ операцій, высшая интеллигентность, болѣе высокія моральныя качества турецкой расы,—вотъ что было причиною неоднократныхъ чувствительныхъ пораженій, испытанныхъ русскими, вотъ что создало геройскую оборону Шлевны, отсрочило на долгіе мѣсяцы побѣдоносный походъ къ Константинополю, о которомъ такъ мечтали, и было сломлено лишь послѣ продолжительныхъ боевъ, благодаря громадному превосходству силъ»¹⁾).

Я былъ тогда сравнительно молодъ и только что попалъ за границу. Неудивительно, что такой отзывъ глубоко уязвилъ меня. Мнѣ казалось крайне несправедливымъ и обиднымъ, что насъ, русскихъ, успѣвшихъ уже дать міру цѣлый рядъ великихъ поэтовъ, ученыхъ, государственныхъ и военныхъ дѣятелей, позволяютъ себѣ не только ставить на одну доску съ турками, которые еще ничего не внесли въ общечеловѣческую культурную сокровищницу, но даже находить ихъ по умственнымъ дарованіямъ выше насъ. Я тогда не зналъ еще, что иностранцы рѣдко отзываются благопріятно о насъ и что разсчитывать на ихъ безпристрастіе совершенно невозможно. Впрочемъ, я скоро просвѣтился на этотъ счетъ, пересталъ удивляться подобнымъ отзывамъ и уже забылъ почти объ упомянутой книгѣ, когда случай свелъ меня съ авторомъ ея. Имъ оказался очень интересный человѣкъ, корреспондентъ одного изъ первоклассныхъ европейскихъ телеграфныхъ агентствъ, отличный знатокъ турокъ и турецкой арміи, долгое время поставлявшій статьи о ней для Лѣбелевскаго Ежегодника. Когда мы съ нимъ познакомились покороче, я какъ-то навелъ разговоръ на его обидное сравненіе насъ съ турками. Мой собесѣдникъ сконфузился, старался замять этотъ разговоръ и перевести его на другую тему, но... отъ своихъ словъ отказаться не пожелалъ. Зная его за человѣка вдумчиваго, разсудительнаго, самостоятельнаго въ своихъ сужденіяхъ, я былъ пораженъ такимъ упорнымъ нежеланіемъ его разстаться со своимъ, какъ мнѣ казалось, заблужденіемъ; и тутъ во мнѣ впервые шевельнулась мысль, нѣтъ ли въ этомъ отзывѣ доли правды, такъ ли ужъ мы умны на самомъ дѣлѣ?

Недавно мнѣ пришлось убѣдиться, что мой знакомецъ не измѣнилъ своего мнѣнія и до настоящаго времени. Въ одной изъ своихъ новѣйшихъ статей, посвященныхъ турецкой арміи, онъ приводитъ

¹⁾ Die Türkische Wehrmacht und die Armeen der Balkanstaaten. Von H. A. Wien. 1892, стр. 110.

другой отзывъ того же Штрекера-паши, который онъ называетъ «весьма замѣчательнымъ»: «Если и нельзя было сомнѣваться, что общее образованіе среди турокъ было не выше, чѣмъ у русскихъ, то все же на представителяхъ многихъ народностей Турціи сказывалось вліяніе древней культуры, а природныя умственныя способности (Intelligenz) мусульманскаго населенія Турецкой Имперіи въ силу социальныя условій развились гораздо выше, чѣмъ у русскихъ»²⁾.

Такой неблагопріятный отзывъ внимательнаго и вдумчиваго наблюдателя, какъ мой знакомецъ, о нашей интеллигентности сравнительно даже съ турками невольно обращаетъ на себя вниманіе. Но все же надо сказать, что въ немъ умственныя способности русскаго народа не характеризуются самостоятельно, а лишь сопоставляются со способностями турокъ; къ тому же Штрекеръ-паша, какъ и мой знакомецъ, опирающійся на его отзывы, врядъ ли могли хорошо знать русскихъ и потому къ ихъ компетентности въ этомъ вопросѣ позволительно отнестись недовѣрчиво.

Но послѣдняя наша война съ Японіей даетъ тоже рядъ примѣровъ недостатка у насъ здраваго смысла.

Положимъ, въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о Дальнемъ Востокѣ, о Маньчжуріи и Приамурьи, странахъ отдаленныхъ, мало извѣстныхъ намъ, не вызывавшихъ въ насъ никакого интереса. Мы отмахивались отъ заботъ, которыя навязывали намъ Маньчжурія, Корея, Портъ-Артуръ, и въ возгорѣвшейся изъ-за нихъ грандіозной войнѣ думали только о томъ, какъ бы скорѣе такъ или иначе развязаться съ нею. При такихъ условіяхъ самыя грубыя, самыя нелѣпыя ошибки были вполнѣ возможны и при наличіи здраваго смысла. Но оказывается, что и безпримѣрныя пораженія въ этой войнѣ не оживили въ насъ интереса къ Дальнему Востоку: мы и теперь не вдумываемся ни въ значеніе для насъ Тихоокеанской окраины, ни въ политическія и національныя задачи нашихъ тамошнихъ вѣсѣлей; мы просто знать не хотимъ этихъ вопросовъ.

Но если упрекъ въ недостаткѣ здраваго смысла справедливъ по отношенію къ нашей военной и политической дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ, — а съ этимъ трудно не согласиться даже при поверхностномъ знакомствѣ съ событіями того времени и настоящимъ положеніемъ вещей тамъ, — то совершенно естественно возникаетъ вопросъ, не составляетъ ли отсутствіе здраваго смысла въ насъ общаго явленія, сказавшагося только болѣе понятнымъ

²⁾ Danzer's Arnee—Zeitung. 22 Dezember 1910: «Lose Betrachtungen über die Neutürkei und ihre Wehrkräfte». Von H. Albertall. Стр. 5.

для насъ образомъ на Дальнемъ Востокѣ, благодаря чувствительнымъ ударамъ, которыми мы были тамъ наказаны за свое неразуміе? Вѣдь не можетъ же быть такъ, чтобы, поступая всегда, во всѣхъ случаяхъ разумно, мы только по отношенію къ Дальнему Востоку оказались неразумными. И политическіе, и военные дѣятели наши на Дальнемъ Востокѣ не составляли и не составляютъ особой разновидности россіянь, они такъ же плоть отъ плоти и кровь отъ крови русскаго народа, какъ и всѣ мы, грѣшныя, они вышли изъ нашей среды, получили одинаковыя съ нами воспитаніе и образованіе и въ своей предыдущей службѣ проходили тѣ же ступени и были на тѣхъ же должностяхъ, что и мы; было бы поэтому неосновательно предположить, чтобы они могли отличаться въ чемъ-либо отъ общей массы нашихъ военныхъ и политическихъ дѣятелей. Приходится, слѣдовательно, допустить, что отсутствіемъ здраваго смысла страдаемъ, вѣроятно, всѣ мы, всѣ тѣ классы общества, откуда комплектуются наши руководящія сферы. А отсюда недалеко уже до предположенія, не готовимся ли мы къ пораженію не только на Дальнемъ Востокѣ, но на всѣхъ фронтахъ, во всѣхъ областяхъ нашей военной и политической жизни?

Отсутствіе здраваго смысла въ цѣломъ народѣ, въ его интеллигентныхъ классахъ, — да это парадоксъ, скажетъ читатель. Оно, конечно, кажется страннымъ говорить о недостаткѣ здраваго смысла у народа, давшаго міру мыслителей въ родѣ Менделѣева или Лобачевского, творенія которыхъ поражаютъ глубиною мысли и трезвою логикою своихъ построеній. Но... не станемъ, однако, и преувеличивать значенія подобныхъ явленій; на нашъ многомилліонный народъ такихъ мыслителей разъ — два и обчелся, да и тѣ теряются въ малодоступныхъ публикѣ областяхъ чистой науки. На аренѣ же политической и военной жизни людей сильнаго, логическаго мышленія у насъ было на рѣдкость мало, и особенно въ послѣднее время. Принявъ это во вниманіе, придется сознаться, что выводъ объ отсутствіи въ насъ здраваго смысла теряетъ, пожалуй, свой парадоксальный характеръ, сохранивъ значеніе положенія, вполне возможнаго, хотя, быть можетъ, и требующаго еще доказательствъ.

Вѣроятно, каждому изъ насъ приходилось встрѣчать спеціалистовъ, людей, всю душу свою влагающихъ въ какое-либо, хотя и маленькое дѣло, и выслушивать отъ нихъ жалобы на полное непониманіе лицъ, отъ которыхъ оно зависитъ, и на неправильныя рѣшенія на практикѣ, которыя являются слѣдствіемъ невниманія къ ихъ представленіямъ. Какъ общее правило, пожеланія такихъ лицъ вытекають

изъ сущности дѣла, и, рѣшая вопросъ несоотвѣтственно съ ними, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, мы прямо вредимъ дѣлу, какими бы обстоятельствами и условіями ни прикрывалось принятое нами неправильное рѣшеніе. Все же, однако, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эти обстоятельства и условія не позволяютъ приписать неправильное рѣшеніе недостатку въ насъ здраваго смысла: здѣсь рѣшеніе чаще всего зависитъ отъ усмотрѣнія того или другого лица, и, слѣдовательно, несоотвѣтствіе его сущности дѣла всегда можетъ быть приписано индивидуальнымъ особенностямъ этого лица. Но нетрудно найти примѣры и такихъ рѣшеній, въ которыхъ сказывается уже характеръ мышленія массы: по нимъ легче судить, въ какихъ отношеніяхъ живемъ мы со здравымъ смысломъ.

Въ 1911 г. офицерамъ, державшимъ при штабахъ округовъ экзаменъ для поступленія въ Императорскую Николаевскую военную академію, была предложена для рѣшенія чрезвычайно простая тактическая задача: полкъ, составляющій боковой авангардъ, одновременно узнаетъ, что прикрываемая имъ дивизія попала подъ артилерійскій огонь съ позиціи, занятой противникомъ на пути ея наступленія, и что появились значительныя силы противника съ той стороны, съ которой онъ прикрываетъ движеніе дивизіи; требовалось отдать распоряженія по боковому авангарду. Казалось бы, такая элементарная, несложная задача не должна была представить никакихъ затрудненій для экзаменуемыхъ. На экзаменъ пришли люди уже довольно солидные, въ чинахъ отъ поручика до капитана включительно, люди, конечно, неглупые, въ извѣстномъ смыслѣ лучшіе офицеры своихъ частей, не новички въ тактикѣ, много поработавшіе при подготовкѣ къ экзаменамъ. Съ другой стороны, и надъ задачей не приходилось долго раздумывать: полкъ въ качествѣ бокового авангарда прикрываетъ движеніе дивизіи съ той стороны, гдѣ онъ находится, и, значить, въ случаѣ появленія отсюда противника долженъ направить свои операціи именно противъ него, если, конечно, онъ не получитъ другой директивы или если обстановка не измѣнится такъ, что выполнение его функцій бокового авангарда станетъ излишнимъ³⁾. При такихъ условіяхъ неправильныя, невытекающія изъ обстановки задачи рѣшенія, казалось бы, могли оказаться только въ видѣ единичныхъ, немногихъ исключеній. Вышло же, однако, не то: три четверти экзаменовавшихся (въ округѣ, гдѣ я служу, 32 изъ 43), наперекоръ здра-

3) См. рѣшенія, признанныя академіею наилучшими, въ «Извѣстіяхъ Императорской Николаевской военной академіи», январь 1912 г.

вому смыслу и логикѣ, наперекоръ даже основной обязанности военной службы исполнить во что бы то ни стало данное приказаніе (полку—прикрывать дивизию съ фланга), направили полкъ въ атаку на позицію, преграждавшую путь дивизіи, а не противъ противника, показавшагося со стороны прикрываемаго полкомъ фланга.

Пораженный такимъ результатомъ, я послѣ экзамена постарался выяснитъ соображенія, которыми руководствовалось большинство офицеровъ, принявъ такое явно неправильное рѣшеніе. Соображенія оказались довольно простыми. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся у офицеровъ, академія, будто бы, всегда требуетъ рѣшеній въ смыслѣ наступленія, оцѣнивая иныя рѣшенія неудовлетворительными отмѣтками; въ данномъ же случаѣ они видѣли подтвержденіе этому еще и въ томъ, что на присланныхъ академіею листахъ карты, на которой должна была рѣшаться задача, позиція, преграждавшая путь дивизіи, находилась въ центрѣ листа, тогда какъ путь движенія бокового авангарда помѣщался близко къ его обрѣзу: очевидно, рассуждали они, рѣшеніе, угодное академіи, заключается въ атакѣ позиціи. Такимъ образомъ, почти три четверти экзаменованныхъ офицеровъ (я говорю почти, потому что среди нихъ могло оказаться нѣсколько человекъ, добросовѣстно считавшихъ это рѣшеніе наилучшимъ) нашли возможнымъ уклониться отъ разбора задачи по существу и вывода изъ него извѣстнаго рѣшенія, а предпочли заняться рѣшеніемъ другой задачи—отыскать отвѣтъ, который соответствовалъ бы требованіямъ академіи, какъ они ихъ понимали, и тѣмъ опезпечить себѣ удовлетворительный экзаменаціонный баллъ, совершенно не заботясь о томъ, вытекаетъ ли этотъ отвѣтъ изъ сущности задачи или нѣтъ ⁴).

Положимъ, экзамены—дѣло слишкомъ важное для офицеровъ, чтобы они не постарались гарантировать себѣ успѣшный исходъ ихъ всѣми правдами и неправдами. Можетъ показаться также, что было бы, пожалуй, слишкомъ ужъ строго требовать отъ нихъ забвенія собственныхъ интересовъ ради того, чтобы добиться правильнаго рѣшенія какой-то тамъ совершенно отвлеченной задачи, требовать, чтобы они давали *правильныя* рѣшенія, а не рѣшенія, *угодныя* академіи или кому бы то ни было. Конечно, всѣ мы люди, всѣ человекѣ, всѣмъ намъ своя рубашка ближе къ тѣлу. Но когда рѣчь идетъ о подготовкѣ матеріала, изъ котораго впослѣдствіи будутъ комплектоваться дѣятели, вершающіе дѣла государственнаго зна-

⁴) Повидимому, и въ другихъ округахъ офицеры дали въ большинствѣ такое же рѣшеніе: по крайней мѣрѣ, относительно Варшавскаго округа это отмѣчено «Офицерскою Жизнью», 1911 г. № 260.

ченія, мы должны рѣшительно высказать осужденіе тенденціямъ, въ которыхъ сказывается стремленіе замѣнить рѣшеніе вопроса по существу рѣшеніемъ въ угоду чему или кому бы то ни было. «На военное дѣло надо смотрѣть, какъ на дѣло святое, въ которомъ всѣ фокусы, личные интересы, счеты самолюбія или тщеславія должны быть отброшены въ сторону. Дѣло это жестокое, требующее поэтому полной добросовѣстности»⁵⁾. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, думать, что бы человѣкъ въ однихъ случаяхъ мыслить такъ, въ другихъ иначе, чтобы, привыкши во всякомъ дѣлѣ прежде всего вспоминать о своихъ интересахъ, онъ сталъ бы въ дѣлахъ общественнаго значенія забывать о себѣ. Къ тому же у всякаго человѣка личная жизнь такъ тѣсно связывается съ его общественнымъ служеніемъ, что выборъ между рѣшеніемъ дѣла по существу или по постороннимъ соображеніямъ приходится дѣлать на каждомъ шагу. Поэтому легкость, съ которою большинство офицеровъ, поступающихъ въ Императорскую Николаевскую военную академію, готово мириться съ неправильнымъ рѣшеніемъ вопроса ради какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній, составляетъ дурное предзнаменованіе для будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба и высшихъ войсковыхъ начальниковъ: въ ихъ будущей дѣятельности можно всегда ожидать уклоненій отъ логики и здраваго смысла, которыя вредно отразятся на поручаемыхъ имъ дѣлахъ.

Впрочемъ, съ своей точки зрѣнія, офицеры, если хотите, въ разбираемомъ случаѣ рассуждали правильно. Тѣмъ не менѣе, если бы случайно не стала извѣстна причина, подтолкнувшая офицеровъ на ошибочное рѣшеніе, ничѣмъ другимъ нельзя было бы объяснить себѣ его, какъ отсутствіемъ въ офицерахъ здраваго смысла, дѣлающимъ ихъ неспособными къ согласному съ пользою дѣла рѣшенію задачъ.

Было бы очень поучительно прослѣдить дальнѣйшую карьеру экзаменовавшихся офицеровъ въ академіи и въ послѣдующей службѣ, чтобы опредѣлить, какъ и насколько измѣнялось подъ вліяніемъ этихъ факторовъ ихъ отношеніе къ вопросамъ, представляющимся имъ на разрѣшеніе. Но этого нельзя; однако, по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что вліяніе это врядъ ли было бы значительно. Вотъ, на примѣръ, что рассказываетъ «Офицерская Жизнь» 1911 г., № 260 объ офицерахъ генеральнаго штаба по поводу тѣхъ же экзаменовъ. Когда нѣкоторыхъ изъ нихъ спросили, какъ бы они рѣшили задачу, они отвѣтили, что полкъ долженъ

⁵⁾ «Русская Старина», апрѣль 1911 г. А. Витмеръ. «Генераль Церпицкій», стр. 40.

дѣйствовать противъ обходящей дивизіи, т. е. охранять флангъ; но когда имъ было объяснено, что верстовка не захватывала этого района, отвѣтъ получился одинъ: «это другое дѣло—тогда надо атаковать на фронтъ....» Изъ статьи не видно, много ли офицеровъ было опрошено и дало подобный отвѣтъ; но журналъ, повидимому, склоненъ думать, что офицеры генеральнаго штаба въ массѣ отвѣтили бы подобнымъ же образомъ, такъ какъ онъ обобщаетъ этотъ отвѣтъ и иронизируетъ надъ академіей, добившейся яко бы такого единства взглядовъ среди своихъ бывшихъ питомцевъ разныхъ выпусковъ. Изъ этого можно бы, пожалуй, заключить, что и въ офицерахъ генеральнаго штаба вообще преобладаетъ то же самое безразличное отношеніе къ истинѣ, что и имъ не такъ важно рѣшить задачу по существу, сколько догадаться, какое рѣшеніе болѣе всего по вкусу академіи и вообще тому, кому рѣшеніе представляется.

Такою же податливостью и готовностью поступиться правильнымъ рѣшеніемъ въ пользу тѣхъ или иныхъ постороннихъ соображеній, хотя и болѣе благороднаго характера, мнѣ пришлось наблюдать и въ другомъ случаѣ. Въ гарнизонѣ того большого города, гдѣ протекаетъ моя служба, имѣется человекъ сорокъ офицеровъ генеральнаго штаба. И вотъ, каждый разъ, когда кто-либо изъ нихъ покидаетъ насъ, получая назначеніе въ другой округъ, среди остающихся начинаются нескончаемые дебаты, слѣдуетъ ли почтить отъѣзжающаго какимъ-либо выраженіемъ нашихъ чувствъ, и, въ утвердительномъ случаѣ, въ какой формѣ это сдѣлать. Эти споры мнѣ приходится слышать уже много лѣтъ, хотя они давнымъ-давно освѣтили всесторонне всякіе сюда относящіеся вопросы. Выяснилось съ полною очевидностью, что проводы, въ какой бы формѣ ни устраивались, не могутъ служить выраженіемъ нашихъ чувствъ уже по одному тому, что лица, старшія чиномъ и служебнымъ положеніемъ, тѣмъ самымъ гарантированы отъ выраженія несочувствія и неудостоенія проводами. Если же чествовать проводами всѣхъ покидающихъ насъ товарищей, то самое слово «чествованіе» окажется неумѣстнымъ, да и проводы теряютъ всякій смыслъ, такъ какъ тогда въ сущности каждый самъ себя устраиваетъ прощальный обѣдъ или ужинъ, самъ себя подноситъ подарокъ или жетонъ. При такихъ условіяхъ, казалось бы, разумнѣе всего отказаться отъ всякихъ проводовъ, въ какой бы формѣ они не предлагались, въ формѣ ли совмѣстной ѣды, въ формѣ ли поднесенія подарка или жетона. Тѣмъ не менѣе это разумное рѣшеніе постоянно отвергалось офицерами въ теченіе ряда лѣтъ, споры во-

зобновлялись каждый разъ при отъѣздѣ кого-либо изъ товарищей съ обычною горячностью, и проводы все-таки устраивались.

Прислушиваясь къ сужденіямъ сослуживцевъ, я убѣдился, что они только отчасти вызываются непониманіемъ неумѣстности всякаго рода проводовъ при указанныхъ условіяхъ; большинство же, понимая это, тѣмъ не менѣе высказывается всегда за проводы подъ вліяніемъ въ сущности очень хорошихъ и симпатичныхъ побужденій. Какъ извѣстно, офицеры генеральнаго штаба у насъ объединены въ одну корпорацію лишь общностью мундира и приблизительно одинаковыми условіями служебной карьеры; пдейнаго объединенія ихъ не замѣчается. Это-то отсутствіе духовной связи, отсутствіе идеи, во имя которой они объединялись бы въ общей работѣ, больно чувствуется большинствомъ офицеровъ генеральнаго штаба и заставляетъ ихъ цѣпляться хотя бы за призракъ, за форму безъ содержанія, за внѣшнее выраженіе несуществующаго корпоративнаго духа. Это лишнее свидѣтельство ненормальнаго положенія корпуса офицеровъ генеральнаго штаба у насъ. Но съ точки зрѣнія занимающаго насъ теперь вопроса это опять уступка правильнаго рѣшенія въ пользу постороннихъ, не вытекающихъ изъ дѣла соображеній.

Какъ ни характерны приведенные факты, они еще не позволяютъ, пожалуй, судить о томъ, насколько правильно мы умѣемъ мыслить: можетъ быть, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не замѣшанъ нашъ личный интересъ, наше личное чувство, мы будемъ мыслить гораздо лучше, объективнѣе? Но мнѣ пришлось уже упомянуть, что характеръ мышленія у человѣка не можетъ мѣняться по произволу: если онъ не привыкъ всегда и во всѣхъ случаяхъ дорожить истиною выше всего, если отклоненія отъ нея, каковы бы ни были ихъ причины, не вызываютъ въ немъ боли, разлада съ самимъ собой, то для него и въ случаяхъ, не затрагивающихъ его интересовъ, легко возможны ошибки мышленія и зачастую даже весьма грубыя. Привычка относиться безъ должнаго вниманія къ строгости своихъ выводовъ и легко поступаться ими скажется и при разработкѣ вопросовъ общаго характера, въ которыхъ личному интересу уже нѣтъ мѣста, и даже при разработкѣ чисто теоретическихъ, научныхъ вопросовъ, гдѣ рѣчь идетъ только о выясненіи истины. Такова ужъ природа человѣка: привычка въ ней играетъ огромную роль. Это вѣдь вторая натура. Мы не привыкли и не умѣемъ правильно мыслить, а поѣтому и не дорожимъ логическимъ развитіемъ той или иной идеи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я помѣстилъ въ нашихъ военныхъ

журналахъ двѣ—три статьи, а затѣмъ выпустилъ отдѣльную книгу⁶⁾, въ которыхъ усиленно старался освѣтить вопросъ о спеціальности генеральнаго штаба. Я взглянулъ на него не какъ на учрежденіе, которое, по желанію, можетъ быть, а можетъ и не быть при арміи, которому можно дать то или другое устройство въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ и усмотрѣній: я разсматривалъ его, какъ явленіе, вызываемое къ жизни современнымъ состояніемъ военнаго дѣла, какъ необходимый органъ современной арміи. безъ котораго она не можетъ выполнять своего назначенія. Исходя изъ такого взгляда, я въ основу своихъ работъ принялъ нѣкоторыя положенія, которыя казались мнѣ неоспоримыми, и затѣмъ, путемъ разсужденій и ряда умозаключеній, постарался выяснитъ роль и назначеніе генеральнаго штаба въ арміи, его спеціальность. Выводы, къ которымъ я пришелъ, я провѣрилъ путемъ сравненія ихъ съ тѣмъ, что генеральный штабъ представляетъ собою въ дѣйствительности въ различныхъ арміяхъ. Мои статьи и книга удостоились нѣкотораго вниманія и вызвали въ повременной печати рядъ статей и замѣтокъ различныхъ авторовъ. Отзвывы были крайне разнообразны—и очень лестные, и неблагопріятные; но въ общемъ вся эта полемика о спеціальности генеральнаго штаба сильно напоминала по своему характеру споры съ женщиной. Вы начинаете убѣждать ее въ чемъ-нибудь и послѣдовательно, шагъ за шагомъ заставляете ее соглашаться съ вашей точкой зрѣнія; но, когда вы доходите до вашего конечнаго вывода, несогласнаго съ ея взглядомъ, вы неизмѣнно услышите: и все-таки ты не правъ, а вѣрно то, что я говорю. Такъ и въ полемикѣ о генеральномъ штабѣ моимъ разсужденіямъ не отказывали въ послѣдовательности и логичности, но... съ выводомъ, къ которому они приводили, все же не желали согласиться, такъ какъ онъ не соотвѣтствовалъ привычнымъ взглядамъ.

Въ сущности полемизировать съ сочиненіемъ въ родѣ моего, какъ оно выше очерчено, не представляетъ никакихъ трудностей: надо доказать либо ошибочность исходныхъ положеній, либо несостоятельность умозаключеній и выводовъ, дѣлаемыхъ изъ нихъ. Однако, ни одинъ изъ моихъ критиковъ не пошелъ этимъ путемъ: критика сводилась къ тому, что либо разбирались отдѣльныя мысли изъ моихъ сочиненій внѣ связи съ другими, либо моимъ словамъ придавался смыслъ, котораго они не имѣли, и доказывалась не правильность моего пониманія дѣла, либо, наконецъ, прямо вы-

⁶⁾ Э. Х. Калнинъ. «Генеральный штабъ и его спеціальность».

сказывался собственный взглядъ на генеральный штабъ, а проводимый мною безъ церемоніи отвергался, какъ несогласный съ нимъ. Особенно же оригинально ноступилъ органъ нашего высшаго военно-научнаго учрежденія: «Извѣстія Императорской Николаевской военной академіи»; въ статьѣ «Служба германскаго генеральнаго штаба» ⁷⁾ совершенно голословно мой методъ изслѣдованія названъ несостоятельнымъ, взгляды предвзятыми и выводы нежизненными, а затѣмъ дано собственное изслѣдованіе вопроса, выводы котораго... совпали вполнѣ съ моими! Очевидно, примѣненіе такихъ пріемовъ полемики мало способствуетъ выясненію истины.

Еще оригинальнѣе предложеніе, исходившее отъ г. Скугаревскаго. Имя г. Скугаревскаго пользуется въ нашей арміи почетною извѣстностью, какъ одного изъ видныхъ нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба, много подвизавшагося на военно-литературномъ поприщѣ, занимавшаго одно время высокій постъ въ строю и являвшагося въ послѣдніе годы однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Военнаго Совѣта; все его общественное служеніе свидѣтельствуешь, что это человекъ, всей душой преданный военному дѣлу и много поработавшій на пользу его. Это, однако, не помѣшало ему выступить съ предложеніемъ въ высшей степени страннымъ. Оно сдѣлано въ статьѣ «Генеральный штабъ», помѣщенной въ № 1008 «Развѣдчика» за 1910 г., въ которой онъ, перечисливъ взгляды нѣсколькихъ писателей на специальность генеральнаго штаба, вкратцѣ возражаетъ на нихъ, затѣмъ поясняетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ и въ концѣ концовъ предлагаетъ, путемъ голосованія, найти правильное опредѣленіе специальности генеральнаго штаба. Съ точки зрѣнія разбираемаго мною теперь вопроса о характерѣ нашего мышленія здѣсь одинаково любопытны и высказанный г. Скугаревскимъ взглядъ на специальность генеральнаго штаба, и само предложеніе голосовать вопросъ.

Г. Скугаревскій въ № 1 «Военнаго Сборника» за 1885 г. опредѣляетъ, между прочимъ, генеральный штабъ, какъ «особый специальный органъ, служащій для исполненія многихъ специальныхъ обязанностей»; въ указанной статьѣ «Развѣдчика» онъ повторяетъ: «Я... считаю главнымъ назначеніемъ генеральнаго штаба специальную войсковую службу». На мое замѣчаніе, что такое опредѣленіе ничего не опредѣляетъ, г. Скугаревскій возражаетъ: «... вѣдь я въ двухъ статьяхъ подробно перечислилъ эти спе-

7) «Извѣстія Имп. Ник. военной академіи» 1911 г. №№ 9 и 10.

ціальныя обязанности, сжатый перечень которых вошелъ теперь въ полевой уставъ, какого же еще опредѣленія остается желать?» Нельзя не удивляться, какъ это г. Скугаревскому, когда онъ писалъ эти строки, не пришла въ голову простая мысль, что перечень не есть опредѣленіе, что относительно перечня, хотя бы и попавшаго въ уставъ, всегда возможны вопросы, почему такія-то обязанности включены въ него, другія нѣтъ, что поэтому перечень долженъ явиться слѣдствіемъ опредѣленія специальности, а не наоборотъ, и что, слѣдовательно, необходимо имѣть, прежде всего, не перечень обязанностей генеральнаго штаба, а точное опредѣленіе его специальности. И эта-то простая мысль ускользнула отъ г. Скугаревскаго и до такой степени, что онъ въ недоумѣніи спрашиваетъ: «какого же еще опредѣленія остается желать?»

И онъ, дѣйствительно, обходится безъ него. Свое прежнее опредѣленіе, данное въ «Военномъ Сборникѣ» 1885 г. № 1, что генеральный штабъ есть «особый специальный органъ, служащій для передачи въ войска воли начальниковъ», «важный посредствующій органъ между начальниками и войсками для стройнаго и правильнаго приведенія въ движеніе и дѣйствіе отрядовъ и армій», онъ самъ признаетъ несостоятельнымъ, соглашаясь, что это опредѣленіе не генеральнаго штаба, а всякаго отряднаго штаба. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что «въ этихъ отрядныхъ штабахъ полезно имѣть специальныхъ офицеровъ, хорошо подготовленныхъ для довольно сложной и характерной полевой службы войсковыхъ штабовъ, подобно тому, какъ есть специальные артилерійскіе, кавалерійскіе и саперные офицеры». И въ этомъ опредѣленіи какают путаница. Специальные офицеры входятъ въ составъ штабовъ, составляютъ какъ бы часть ихъ, а въ то же время должны быть хорошо подготовлены къ полевой службѣ штабовъ: слѣдуетъ ли это понимать въ томъ смыслѣ, что специальное дѣло этихъ офицеровъ—полевая служба штабовъ, т. е. вся разносторонняя штабная служба въ полѣ, на войнѣ? Или въ составѣ штабовъ должны быть офицеры, подготовленные къ какой-то специальной службѣ, и въ такомъ случаѣ—къ какой именно? И потомъ—необходимо ли имѣть такихъ специалистовъ въ штабѣ или только полезно, а въ сущности можно бы и безъ нихъ обойтись? Объясненій этому въ статьѣ г. Скугаревскаго не найти. И въ концѣ концовъ приходишь къ заключенію, что мысль г. Скугаревскаго бессильна создать какое-либо опредѣленіе специальности генеральнаго штаба: его мнѣніе, что назначеніе генеральнаго штаба заключается въ исполненіи специальныхъ обязанностей, перечисленныхъ въ полевомъ

уставѣ, имѣеть въ этомъ отношеніи такую же цѣну, какъ если бы кто-нибудь сталь утверждать, что специальность генеральнаго штаба заключается въ исполненіи обязанностей по тѣмъ должностямъ, которыя, случалось, бывали у насъ заняты офицерами генеральнаго штаба во всѣхъ вѣдомствахъ, начиная съ Государственнаго Совѣта и кончая женскими институтами.

Я остановился нѣсколько дольше, можетъ быть, чѣмъ слѣдовало бы, на мнѣніи г. Скугаревскаго, потому что на немъ особенно убѣдительно сказалась невозможность навязывать генеральному штабу тѣ или другія обязанности, не вытекающія изъ его естественнаго назначенія въ жизни современныхъ армій. Не давъ себѣ отчета, въ чемъ сущность генеральнаго штаба, его специальность, выдающійся офицеръ генеральнаго штаба выработалъ схему его обязанностей, которая была одобрена компетентными лицами и вошла въ уставъ, сдѣлавшись, такимъ образомъ, обязательной для всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Всѣ шансы, казалось бы, были налицо, чтобы въ арміи прочно установился опредѣленный взглядъ на генеральный штабъ. И что же? Прошло съ тѣхъ поръ всего шесть лѣтъ, и самъ авторъ схемы вынужденъ сознаться (въ той же статьѣ «Генеральный штабъ» въ № 1008 «Развѣдчика» за 1910 г.), что генеральный штабъ расплылся по всевозможнымъ вѣдомствамъ, что о вошедшей въ уставъ его регламентаціи обязанностей генеральнаго штаба у насъ «много не подозрѣваютъ и даже руководители службы генеральнаго штаба часто того не знаютъ...» и что «въ послѣднее время были высказаны такіе разнорѣчивые взгляды на этотъ институтъ, писатели такъ далеко разошлись даже въ опредѣленіи цѣли и назначенія его...», что автору кажется необходимымъ обратиться за выясненіемъ этого вопроса къ общественному мнѣнію. Все это ясно доказываетъ, что генеральному штабу нельзя навязывать обязанностей или специальности по произволу, что генеральный штабъ, родившись изъ условий, которыми опредѣляется современное военное дѣло, только въ томъ случаѣ будетъ правильно функционировать, когда будетъ устроенъ соотвѣтственно своему естественному назначенію, что поэтому въ настоящее время важнѣйшей задачей въ вопросѣ о генеральномъ штабѣ будетъ не придумываніе ему тѣхъ или иныхъ обязанностей, а изслѣдованіе его роли и назначенія въ жизни современныхъ армій. Генеральный штабъ появился въ составѣ ихъ помимо воли отдѣльныхъ лицъ: онъ такое же дитя XIX вѣка, какъ массовыя арміи, разрѣженный боевой порядокъ, интенсивный ходъ современныхъ войнъ и т. п. слѣдствія научнаго и техническаго

прогресса. Его нужно изучать, изъ этого изученія вывести его сущность и назначеніе и уже на нихъ строить схемы его обязанностей для включенія въ уставъ. Всякія попытки придумать для него какое-либо назначеніе инымъ путемъ свидѣтельствуютъ лишь о непониманіи сущности вопроса, о недостаточно развитомъ научномъ мышленіи и неизбѣжно обречены на неудачу.

При такомъ взглядѣ на генеральный штабъ сразу становится ясною вся несостоятельность того способа выясненія его спеціальности, который предложенъ г. Скугаревскимъ въ упомянутой статьѣ «Развѣдчика»: онъ обращается «къ общественному мнѣнію, въ видѣ голосованія вопроса среди читателей «Развѣдчика», желающихъ принять въ немъ участіе». На голосованіе онъ ставитъ пять опредѣленій назначенія генеральнаго штаба, данныхъ разными лицами, и проситъ отвѣтить, «какое изъ этихъ опредѣленій читатели признаютъ болѣе соответственнымъ».

Но въдѣ голосованіе допустимо лишь въ вопросахъ личнаго вкуса, личнаго усмотрѣнія: на конкурсѣ красавицъ голосованіе можетъ выяснитъ, какой типъ женщинъ приходится болѣе всего по вкусу мужчинамъ данной мѣстности и въ данное время; при выборѣ головного убора для арміи голосованіе, можетъ, тоже было бы полезно, выяснивъ, что, напримѣръ, введенный у насъ киверъ нравится большинству армій, что оно находитъ его удобнымъ, красивымъ, практичнымъ, по силамъ офицерскому карману. Но это и все, что можетъ дать голосованіе: женщина, премированная на конкурсѣ красоты, можетъ тѣмъ не менѣе очень отличаться отъ созданій Праксителей и Рафаэлей; киверъ, понравившійся большинству, все же можетъ оказаться никуда негоднымъ головнымъ уборомъ съ точки зрѣнія требованій и условій военной службы. Полагать же, что голосованіемъ можно рѣшать вопросы, требующіе научнаго изслѣдованія, составляетъ ошибку мышленія, почти граничащую съ безуміемъ. Попробуйте, напримѣръ, пустить у насъ въ Россіи на голосованіе вопросъ о вращеніи земли вокругъ оси—вы навѣрное принуждены будете признать, что она не только не вращается, а стоитъ прочно на трехъ китахъ; а относительно сущности грома голосованіе убѣдило бы васъ, что это Илья Пророкъ катается въ колесницѣ по небу. Понятно поэтому, что и изъ голосованія, предпринятаго г. Скугаревскимъ, мы узнали лишь взглядъ значительнаго числа офицеровъ на назначеніе генеральнаго штаба, но нисколько не подвинулись въ рѣшеніи вопроса, въ чемъ же заключается его спеціальность; а между тѣмъ г. Скугаревскій, предлагая голосованіе, именно это и имѣлъ въ виду, надѣясь разсѣять «туманъ, напущен-

ный писателями послѣднихъ дней», и дать полезный матеріалъ для сужденія при предстоящей реформѣ генеральнаго штаба. Предложеніе г. Скугаревскаго подверглось въ свое время вполне заслуженной суровой критикѣ г. А. Н. въ № 1010 «Развѣдчика» за 1910 г., который приходитъ къ справедливому, хотя и нѣсколько грубо выраженному заключенію, что полученному такимъ путемъ рѣшенію вопроса о назначеніи генеральнаго штаба «грошъ цѣна; надо благодарить Бога, если оно не окажется еще вреднымъ».

Результатъ голосованія приведенъ въ замѣткѣ, помѣщенной въ № 1017 «Развѣдчика» за 1910 г. Изъ нея видно, что на предложеніе г. Скугаревскаго откликнулось 222 человекъ разнаго служебнаго положенія и разнаго рода службы: были отвѣты отъ корпусныхъ командировъ и отъ подпоручиковъ, откликнулось и довольно много офицеровъ генеральнаго штаба. Такимъ образомъ 222 офицера, въ томъ числѣ лица высшаго команднаго состава арміи и офицеры генеральнаго штаба оказались повинными въ той же ошибкѣ мышленія, что и г. Скугаревскій. Печальное значеніе этого факта усугубляется еще тѣмъ, что Императорская Николаевская военная академія, разсадникъ научнаго образованія въ арміи, отмѣтивъ въ «Лѣтописи военной печати» въ №№ 2 и 4 своихъ «Извѣстій» за 1910 г. предложеніе г. Скугаревскаго и результаты его, не сочла нужнымъ дать надлежащую оцѣнку этому совершенно ненаучному приему; а между тѣмъ для нея, какъ высшаго военно-научнаго учрежденія въ странѣ, казалось бы, не должны быть безразличными тѣ приемы, которыми армія рѣшаетъ представляющіеся ей вопросы теоретическаго характера.

Съ точки зрѣнія характеристики нашего мышленія, пожалуй еще курьезнѣе, чѣмъ голосованіе вопроса о назначеніи генеральнаго штаба, является полемика о единой военной доктринѣ, недавно разыгравшаяся на страницахъ нашей военной печати. Одни горячо защищали необходимость для арміи чего-то такого, что никакъ не поддавалось изложенію и что называли иностраннымъ словечкомъ «доктрина». Другіе отвергали эту необходимость, также совершенно не давая себѣ отчета, что это такое за «доктрина», о которой говорятъ ихъ противники, и, подсовывая вмѣсто нея разныя другія понятія—доктринерство, шаблонъ и т. п., настойчиво предостерегали отъ опасности, которою грозитъ «доктрина». Люди говорили и спорили о неизвѣстномъ, но въ то же время какъ будто и знакомомъ имъ предметѣ, котораго ни опредѣлить, ни указать никто изъ нихъ не могъ. Картина получилась въ высшей степени назидательная, но и сумбурная, наводящая на «невеселыя думы и недобрыя пред-

чувствія», картина, составляющая «безусловно зловѣщій симптомъ», напоминая собою «Вавилонское столпотвореніе»⁸⁾.

А между тѣмъ вопросъ о единой военной доктринѣ очень простъ самъ по себѣ, такъ какъ доктрина, этотъ таинственный, страшный жупель, хорошо знакомъ всѣмъ со школьной скамьи и твердится намъ часто въ теченіе всей нашей служебной карьеры. Единую доктрину намъ нечего «вырабатывать», какъ требуютъ нѣкоторые сторонники ея (М. Эбѣловъ. «Воспитательные идеалы», «Развѣдчикъ» 1911 г. № 1066; «Обзоръ печати», «Развѣдчикъ» 1911 г. № 1070 и др.): она давнымъ давно выработана и у насъ и за границей и составляетъ, можно сказать, общее мѣсто, которое выслушиваютъ изъ вѣжливости, чтобы тотчасъ же и забыть о немъ. И формулировать ее можно различно. Не такъ давно всю Россію облетѣли два слова, въ которыхъ незаурядный военный дѣятель исповѣдалъ ее: это афоризмъ трагически погибшаго на «Петропавловскѣ» незабвеннаго адмирала Макарова: «помни войну!» Вотъ единая военная доктрина, которою мы, подобно нѣмцамъ, французамъ, японцамъ и др., должны проникнуться до мозга костей. Эта мысль кажется намъ, однако, такой банальной, избитой, что и говорить о ней какъ-то даже неловко. Посмотрите, напримѣръ, какъ робко приступаетъ г. А. Дмитревскій въ статьѣ «Доктрина, декадентство, шаблонъ, доктринерство» въ № 72 «Русскаго Инвалида» за 1912 г. къ изложенію этой же самой мысли другими словами: «Неужели, говоритъ онъ, намъ грозилъ бы въ будущемъ разгромъ... отъ принятія, напримѣръ, такой доктрины (прошу прощенія за слабую ея формулировку): согласное, дружное, какъ одинъ, общее (единое) стремленіе къ единой цѣли—*уничтоженію* (убиванію) врага какимъ угодно способомъ? Это покажется съ перваго взгляда очень простымъ, почти дѣтскимъ; однако, и этого мы еще не добились». Смѣлѣе, г. А. Дмитревскій, вамъ не въ чемъ просить прощенія, не зачѣмъ конфузиться, что высказанная вами мысль очень проста, дѣтски проста: это та же мысль, что и макаровское «помни войну», это и есть единственная «единая военная доктрина», которая только существуетъ, равно необходимая и для насъ, и для всякой другой арміи въ мірѣ; и за вами остается честь, что во всей полемикѣ о доктринѣ вы одинъ формулировали ее и тѣмъ опредѣлили предметъ спора.

Итакъ, если дѣло такъ просто, если эта доктрина намъ хорошо извѣстна, отчего же мы не замѣчаемъ ея благодѣтельнаго вліянія

⁸⁾ А. Дмитревскій. «Вавилонское столпотвореніе», «Русскій Инвалидъ» 1912 г. № 18.

на насъ, на наше военное дѣло? Въ томъ-то и бѣда, что наше мышленіе, непріученное къ строго научной, послѣдовательной работѣ, оказывается безсильнымъ связать каждое наше дѣйствіе съ этой доктриной, обосновать его на ней, оно такъ привыкло поддаваться всякаго рода привходящимъ соображеніямъ. «Помни войну!» Да, у Макарова вся его дѣятельность направлялась этою мыслью и заставляла его неустанно трудиться надъ подготовкой къ войнѣ, придавая его работѣ всегда цѣлесообразный характеръ; это она выдвинула его изъ ряда другихъ военныхъ дѣятелей того времени и заставила вѣрить въ него, въ разумность его взглядовъ, требованій и распоряженій. У насъ же наше больное, искалѣченное мышленіе прямо отказывается принять «помни войну» регуляторомъ нашихъ дѣйствій. Вѣдь если руководствоваться имъ, придется подчасъ отказываться отъ блестящаго или выгоднаго назначенія, если оно превышаетъ наши силы; придется работать дни и ночи и страдать отъ мысли, что все-таки не успѣваешь сдѣлать всего, что нужно для войны; придется, можетъ, вступать въ непріятные конфликты съ начальствомъ и заслужить, пожалуй, репутацію непокойнаго человѣка; чего добраго, можно даже потерять по службѣ. А какъ затруднится каждое дѣло, если его неизмѣнно относить все къ тому же основанію: «помни войну», какъ много придется надъ нимъ думать, работать! Очевидно, все это отнюдь не можетъ располагать насъ къ слѣдованію доктринѣ, мы и къ ней относимся съ привычными намъ пріемами мышленія и, не стѣсняясь, откидываемъ ее въ пользу какихъ-либо постороннихъ соображеній. Неудивительно, что въ силу этихъ несчастныхъ особенностей нашего мышленія доктрина у насъ не прививается, не можетъ привиться; и намъ приходится считаться со всѣми послѣдствіями этого факта, которыя отражаются вреднымъ образомъ на всей нашей подготовкѣ къ войнѣ и несомнѣнно принесутъ намъ немало горя въ будущихъ войнахъ.

Въ разобранныхъ случаяхъ рѣчь шла о выясненіи специальностей генеральнаго штаба и объ единой доктринѣ, о вопросахъ скорѣе отвлеченныхъ, теоретическихъ, хотя и имѣющихъ исключительно высокое практическое значеніе; въ нихъ, казалось бы, уже не могли пмѣть мѣста никакія соображенія, не вытекавшія изъ сущности самого вопроса, какъ въ случаѣ экзамена офицеровъ при штабахъ округовъ. А между тѣмъ и въ нихъ совершенно отчетливо сказалась наша неспособность или непривычка къ строго логическому, научному мышленію не только въ массѣ офицеровъ, но и среди выдающихся представителей офицерской кор-

пораціи, среди лицъ вышаго команднаго состава, среди офицеровъ генеральнаго штаба. Мы не умѣемъ разбираться объективно въ представляющихся намъ вопросахъ, не стараемся точно устанавливать факты, отыскивать между ними соотношенія, не даемъ себѣ труда постичь причинную связь между ними и дѣлать изъ нихъ правильные, безпристрастные, научно-обоснованные выводы. Мы привыкли въ теоретическихъ вопросахъ, въ дѣлахъ общественныхъ и служебныхъ примѣнять тѣ же методы мышленія, которыми руководствуемся въ нашей частной жизни, гдѣ регуляторомъ нашихъ поступковъ служатъ наши желанія, страсти, симпатіи и антипатіи, и потому легко миримся съ подчасъ явно несообразными и несостоятельными выводами. Между тѣмъ строго логическое, чисто научное мышленіе, чуждое по возможности всякихъ субъективныхъ вліяній, обязательно для тѣхъ, кому приходится работать не съ цѣлью удовлетворенія запросовъ личности, а на пользу общаго дѣла; и чѣмъ выше стоитъ общественный дѣятель, тѣмъ обязательнѣе для него эта способность.

Э. Х. Калнинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Д Картографическій материалъ ¹⁾.
збука успѣшности каждой работы заключается въ томъ, чтобы никогда не дѣлать того, что уже сдѣлано. Поэтому, приступая къ изученію избранной страны, населенія и арміи, надо прежде всего собрать и тщательно изучить весь существующій печатный материалъ. Материалъ этотъ можетъ быть раздѣленъ: на картографическій, статистическій, военно-историческій и вообще военно-литературный.

Неимѣніе картъ, недостатокъ или невѣрность ихъ приводили къ незнакомству съ мѣстностью и не разъ служили причиною не только неудачъ, но даже пораженій. Благодаря неимѣнію картъ, французскія колонны блуждали во время боя подъ Смоленскомъ въ 1812 г., а незнаніе нами во время того же сраженія о существованіи бродовъ на Днѣпрѣ чуть не поставило наши войска въ затрудни-

¹⁾ Статья эта является продолженіемъ ряда очерковъ: «Развѣдывательная служба въ мирное время» см. «Военный Сборникъ» за 1911 г. № 12 и 1912 г. №№ 2, 6 и 8.

тельное положеніе. Велингтонъ въ сраженіи при Бузако (1810 г.) считалъ мѣстность на своемъ лѣвомъ флангѣ недоступною и былъ за это обойденъ Массеною. Мы въ сраженіи при Головчинѣ (1708 г.) считали болотистую рѣчку Бабичъ впереди нашего фронта непродоходимою, а Карлъ XII ее перешелъ. То же случилось съ нами и въ сраженіи при Бородинѣ (1812 г.) и при Альмѣ (1854 г.). При переходѣ черезъ р. Тамегу при Альмарантѣ въ 1809 г., французы потеряли безъ всякой пользы до 180 нижнихъ чиновъ и нѣсколькихъ офицеровъ, пытаясь перейти черезъ рѣчку. Послѣ этого уже обнаружилось, что вблизи мѣста переправы находился удобный бродъ, присутствіе котораго ни одна сторона не подозрѣвала, а потому никто имъ и не воспользовался. Американскій генералъ Ли въ семидневномъ бою при Ричмондѣ составлялъ диспозицію по картѣ, на которой одна изъ дорогъ, не имѣвшая названія, была подписана именемъ другой дороги «Квакеръ-Штрассе». Эта же послѣдняя подписи не имѣла. Согласно диспозиціи, генералъ Магрудеръ со своею дивизіею, взявъ проводниковъ, двинулся по настоящей Квакеръ-Штрассе, попалъ, конечно, не туда, куда желалъ направить его Ли, и дивизія его не приняла участія въ бою въ рѣшительную минуту. Такихъ примѣровъ очень много.

Уроки военной исторіи не проходили, конечно, безслѣдно, и всѣ арміи стремились имѣть необходимыя карты. Но въ прежнія времена веденія медленныхъ операцій было всегда достаточно времени, чтобы сперва изучить театр военныхъ дѣйствій, изготовить нужныя карты, а затѣмъ воевать. Поэтому о заблаговременныхъ съемкахъ не было рѣчи. Начиная съ коалиціонныхъ войнъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, обстоятельства измѣнились. Незначительныя арміи, поле дѣйствій которыхъ обнималось кругозоромъ главнокомандующаго, уступили мѣсто массовымъ операціямъ. Обнять глазомъ современное поле сраженія немислимо и главнокомандующій долженъ слѣдить за развитіемъ дѣйствій по картамъ, безъ которыхъ уже нельзя обойтись.

Слѣдовательно карты пріобрѣли громадное значеніе, а измѣнившійся характеръ веденія войнъ вооруженными народами, вызывающій преимущественно въ силу экономическихъ причинъ, необходимость нанесенія быстрыхъ и рѣшительныхъ ударовъ и требующій зачастую припятія рѣшеній въ нѣсколько часовъ, заставилъ заботиться заблаговременно еще въ мирное время объ изготовленіи картъ всѣхъ предполагаемыхъ театровъ военныхъ дѣйствій.

Во времена Наполеона ²⁾ лишь въ нѣкоторыхъ государствахъ существовали топографическія карты въ крупномъ масштабѣ и приходилось вообще пользоваться, такъ называемыми, генеральными картами, по которымъ можно было лишь комбинировать движеніе армій и армейскихъ корпусовъ, но совершенно недостаточныхъ для опредѣленія позицій и ночлежныхъ пунктовъ для войскъ. Между тѣмъ императоръ придавалъ самое важное значеніе картамъ и, кромѣ топографическаго бюро арміи, существовавшего подъ начальствомъ генерала Сансона, имѣлъ и свой личный топографическій кабинетъ, во главѣ котораго стоялъ генералъ Баклэ д'Альбъ (Basler d'Albe). Эти два учрежденія имѣли постоянною задачею собирать всѣ необходимыя картографическія свѣдѣнія о сосѣднихъ странахъ и предполагаемыхъ театрахъ военныхъ дѣйствій и дополнять ихъ спеціально-военными съемками и рекогносцировками. Не довольствуясь, однако, этимъ, передъ началомъ каждой кампаніи Наполеонъ командируетъ своихъ генералъ-адъютантовъ, ординарцевъ, офицеровъ генеральнаго штаба и инженеръ-географовъ для производства рекогносцировокъ предполагаемаго театра военныхъ дѣйствій. Наполеонъ требовалъ прежде всего своевременности доставленія необходимыхъ ему картъ и плановъ и, будучи недоволенъ дѣятельностью топографическаго бюро арміи, вслѣдствіе временнаго отсутствія генерала Сансона, въ письмѣ отъ 13-го мая 1809 г. пишетъ военному министру: «По крайне смѣшному обычаю мнѣ представляютъ чистовыя копіи произведенныхъ работъ, а такъ какъ копировка идетъ медленно, то я своевременно не получаю нужнаго мнѣ матеріала... прикажите, чтобы мнѣ присылали подлинники всѣхъ работъ». Весь доставляемый картографическій матеріалъ, императоръ, пользуясь присущею ему громадною памятью, тщательно изучалъ. Не довѣряя, однако, себѣ, полководецъ возилъ за собою свой картографическій кабинетъ, начальникъ котораго, генералъ Баклэ д'Альбъ, разстилалъ передъ императоромъ, въ случаѣ нужды, необходимыя для комбинацій планы и карты. Во время похода и боя на обязанности Коленкура лежало имѣть при себѣ карту театра войны, пополненную всѣми произведенными рекогносцировками и при требованіи Наполеона «La carte» тотчасъ подавать ее.

Въ первые годы царствованія Императора Александра I ³⁾ для

²⁾ De Philipp. «Etudes sur le service d'État-major pendant les guerres du Premier Empire».

³⁾ Глиноскій. «Исторія русскаго генеральнаго штаба», т. I, «Матеріалы Военно-Историческаго Архива главнаго штаба», «Отечественная война».

всякаго рода соображеній нашихъ военачальниковъ служила подробная карта Россійской Имперіи въ масштабѣ 20 верстъ въ дюймѣ, затѣмъ квартирная карта и подробныя милитарныя карты въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ пограничнаго пространства съ Пруссією и Турцією. Весьма понятно, что эти карты не могли удовлетворить наше военное управленіе, предвидѣвшее возможность войны въ предѣлахъ Россіи и поэтому еще въ 1809 г. были командированы въ разныя части западной Россіи квартирмейстерскіе офицеры для осмотра дорогъ и нанесенія на нихъ почтовыхъ пунктовъ съ указаніемъ всѣхъ деревень, лежащихъ въ тридцати-верстномъ районѣ около этихъ пунктовъ. Офицерами этими осмотрѣно протяженіе дорогъ болѣе чѣмъ на 25.000 верстъ и доставленныя ими свѣдѣнія послужили драгоцѣннымъ матеріаломъ для составленія подъ редакцію подполковника Хатова военно-дорожной карты. Въ 1810 г. предпринято въ большихъ размѣрахъ обзорѣніе западной границы. Офицеры свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части должны были ѣздить подъ предлогомъ исправленія подробной карты Россійской Имперіи. Сверхъ военно-статистическихъ описаній они должны были снять важнѣйшія оборонительныя позиціи, а затѣмъ составить подъ руководствомъ генераловъ Вистицкаго и Довре генеральную карту въ крупномъ масштабѣ, на которой обозначить важнѣйшія позиціи, въ мѣстечкахъ и селеніяхъ проставить число дворовъ, нанести рѣки и пр. По разсмотрѣніи работъ въ сентябрѣ 1810 г., Барклай призналъ ихъ недостаточными и приказалъ командировать пять группъ офицеровъ квартирмейстерской части для составленія военно-глазomѣрной карты западнаго пограничнаго пространства. Работа эта была окончена осенью 1811 г. Къ крайнему сожалѣнію, трудъ этотъ почти пропалъ непроизводительно, такъ какъ менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ открытія кампаніи наша армія была за Днѣпромъ, очистивъ мѣстность разслѣдованную и вступивъ въ пространства, для которыхъ почти не было картъ.

Въ министерство же Барклая де-Толли, для обезпеченія возможности дѣйствій на территоріи иностранныхъ государствъ, наши дипломаты покупали за границею карты и планы, которые могли пригодиться, и доставляли ихъ военному министру. Такія же карты выписывалъ изъ-за границы управлявшій квартирмейстерскою частью кн. Волконскій. Доставляли карты и пограничныя власти.

Конецъ царствованія Императора Александра I и начало царствованія Государя Николая Павловича ознаменовались пригото-

влениями къ войнамъ съ Персією и Турцією, которыя считались неизбежными ⁴⁾). Хотя свѣдѣнія о предполагаемыхъ театрахъ военныхъ дѣйствій и собирались задолго до войны, но къ 1826 г. матеріаль, которымъ мы располагали, былъ не великъ. Въ 1826 и 1827 гг. къ нашему посольству въ Константинополь была прикомандирована военная миссія, состоявшая изъ полковника Берга и трехъ офицеровъ, которой была поставлена широкая задача собрать свѣдѣнія о крѣпостяхъ и вооруженныхъ силахъ страны, произвести обзоръ путей, ведущихъ отъ Дуная къ Адрианополю и Константинополю, и составить описаніе западной части возможнаго театра войны. Бергу приказано было дѣйствовать тайно и съ величайшею осторожностью и всѣ свѣдѣнія пересылать въ главный штабъ, что лишало штабъ 2-й арміи возможности получать непосредственно собранныя свѣдѣнія. Независимо отъ мѣропріятій главнаго штаба, усиленно работалъ и штабъ 2-й арміи. Весь раіонъ, занимаемый этою армією, былъ снятъ офицерами квартирмейстерской части. Путемъ постояннаго пріобрѣтенія топографическихъ и описательныхъ матеріаловъ, составлено нѣсколько картъ Турціи, изъ которыхъ, собственно говоря, имѣла лишь значеніе военнотопографическая карта части Болгаріи и Румыніи, составленная генераль-маіоромъ Хатовымъ. «Итакъ, что касается картографической части, столь важной для успѣха военныхъ дѣйствій, можно сказать, что, хотя и были пробѣлы, но много было сдѣлано квартирмейстерскою частью 2-й арміи для снабженія войскъ хорошими картами какъ Европейской Турціи, такъ и ближайшаго къ турецкой границѣ пространства».

Въ кампаніи 1853 — 1855 гг. ⁵⁾ мы уже не можемъ похвастаться подготовительными работами по изученію театра войны. Дунайская дѣйствующая армія все же находилась въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ въ распоряженіи штаба арміи имѣлись еще не устарѣвшія работы, произведенныя въ предшествовавшую войну и послѣ нея. Однако имѣющимся матеріаломъ не сумѣли воспользоваться. Въ Крыму русскія войска обходились картою, которая далеко не удовлетворяла потребностямъ военнаго времени: масштабъ ея былъ 5 верстъ въ дюймѣ. Послѣ Альминскаго сраженія полковникъ Герсевановъ, назначенный на должность генераль-квар-

⁴⁾ Глиносскій. «Исторія русскаго генеральнаго штаба». Н. Епалчинъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи».

⁵⁾ П. К. Менъковъ. «Дунай и пѣмцы». «Русская Старина» 1877 г. Разказы А. А. Панаева. «Кн. А. С. Меншиковъ». «Военный Сборникъ» 1859 г. № 4. Циммерманъ. «Замѣтка о Крымской кампаніи».

тирмейстера, доложилъ главнокомандующему, что въ штабѣ нѣтъ карты Крыма. Князь Меншиковъ отозвался, что «про это долженъ знать военный министръ», но предоставилъ Герсеванову написать генераль-квартирмейстеру главнаго штаба требованіе картъ. Отзвъ былъ полученъ на имя князя Меншикова съ объясненіемъ, что подобныя карты могутъ быть выдаваемы не иначе, какъ по требованію главнокомандующаго. Тогда только князь рѣшился написать министру. Въ карманахъ убитыхъ французовъ между тѣмъ находили карты Крыма, лучше тѣхъ, которыми пользовался главнокомандующій. Одною изъ таковыхъ онъ впослѣдствіи и руководствовался. Когда, послѣ заключеннаго перемирія, наши офицеры генеральнаго штаба были во французскомъ лагерѣ, то встрѣтили нѣсколько французскихъ офицеровъ, которые прекрасно знали Крымъ. Капитанъ Дивенэ показывалъ ошибки на нашихъ картахъ и въ такихъ частяхъ края, гдѣ никогда не проходили французскія войска. Надобно отдать справедливость французамъ, что главное начальство ихъ арміи обратило особенное вниманіе на собраніе подробныхъ свѣдѣній о неприятелѣ и краѣ, и эта часть была у нихъ отлично устроена.

Постоянныя войны, веденныя нами въ минувшемъ столѣтіи съ Турціею, могли бы дать, казалось, обильный матеріалъ по описанію Балканскаго полуострова и Малоазіатской Турціи. Къ сожалѣнію, мы оказались крайне неподготовленными въ этомъ отношеніи и лишь во время сосредоточенія нашей арміи въ Бессарабіи осенью 1876 г. были приняты экстренныя мѣры для организациі сбора необходимыхъ свѣдѣній ⁶⁾. Войскамъ были выданы передъ началомъ войны карты Европейской Турціи. Судя по офиціальному отчету военно-топографическаго отдѣла, каждый кавалерійскій полкъ получилъ 18 экземпляровъ картъ: 14 Артамонова и 4 Каница. Но военно-топографическая десяти-верстная карта, составленная въ значительной мѣрѣ по справочнымъ свѣдѣніямъ была неполна и невѣрна. Невѣрность ея и была одною изъ причинъ пораженія отряда генерала Шильдеръ-Шульднера. При неудовлетворительности русскаго картографическаго матеріала пришлось обратиться къ напечатанной у М. Яфе въ Вѣнѣ фотографическимъ образомъ картѣ Дунайской Болгаріи, Балканъ и

⁶⁾ Паренсовъ. «Изъ прошлаго», т. I, стр. 123. «Русская Старина» 1895 г. № 3. Кн. В. А. Черкасскій. «Отчетъ о дѣятельности Б.-Т. Отд. полев. штаба 1877—78 гг.». Полк. Артамоновъ и Е. Мартыновъ. «Блокада Плевны», стр. 13, 14, 67 и 257.

юго-восточной Сербіи по глазомѣрнымъ съемкамъ Ф. Капица. Карту Румыніи и то лишь въ начерно отдѣланномъ видѣ удалось купить передъ самою войною въ Букарестѣ у книготорговца Сочека, конкурента главнаго штаба румынской арміи. Мы не сумѣли даже использовать имѣвшійся у насъ матеріалъ и самъ помощникъ начальника штаба арміи, генераль-маіоръ Левицкій, былъ съ нимъ незнакомъ. Генераль Паренсовъ въ своихъ крайне интересныхъ воспоминаніяхъ «Изъ прошлаго» приводитъ слѣдующій фактъ. Когда передъ войною инженерный полковникъ Мазюкевичъ сдѣлалъ генералу Левицкому крайне обстоятельный докладъ о наиболѣе удобныхъ мѣстахъ для переправы черезъ Дунай, то генераль спросилъ: «Вы давно были на Дунаѣ»?—«Никогда не былъ», отвѣтилъ Мазюкевичъ и открылъ, что доложенныя имъ свѣдѣнія были почерпнуты изъ сочиненія генерала Шуберта: «Статистическія свѣдѣнія о Молдавіи и Валахіи», составленныя послѣ войны 1828—1829 г., о существованіи которыхъ генераль-квартирмейстеръ арміи и не подозрѣвалъ.

Недостаточность нашей подготовки къ послѣдней восточной кампаніи въ картографическомъ отношеніи была признана передъ войною, такъ какъ при мобилизаціи арміи къ концу 1876 г. былъ образованъ при арміи военно-топографическій отдѣлъ. Дѣятельность его до выступленія арміи изъ Бессарабіи заключалась въ разсылкѣ картъ и плановъ въ войска и въ нанесеніи на карты получаемыхъ свѣдѣній о Румыніи и Турціи. Затѣмъ, по объявленіи войны, были произведены астрономическія и топографическія работы и разнаго рода рекогносцировки какъ въ Румыніи, такъ и въ Болгаріи. Такъ какъ имѣвшіяся карты наши и австрійскія оказались далеко не полными, то была произведена первоначально съемка мѣстности, занятой нашими войсками. Послѣ заключенія перемирія было приступлено къ работамъ между демаркаціонною линіею и Адрианополемъ, а затѣмъ, въ виду возникновенія возможности новаго столкновенія съ Турціею, спѣшно исправленъ листъ десяти-верстной карты Турціи, и на турецкихъ литографныхъ картахъ налитографированы двѣ карты этого пространства въ пяти-верстномъ масштабѣ. Затѣмъ, послѣ С.-Стефанскаго мира, произведены инструментальныя съемки Болгаріи. Такимъ образомъ, военно-топографическимъ отдѣломъ была произведена громадная работа, которая, надо надѣяться, не пропадетъ даромъ.

Итакъ, большинство приведенныхъ примѣровъ рисуется отрицательно подготовку картографическаго матеріала къ войнамъ и у

нѣкоторыхъ писателей проскальзываетъ даже убѣжденіе, что никогда никто не былъ доволенъ вполне имѣвшимися картами. Последнее опровергли своею подготовкою германцы, приложившіе много труда къ изученію мѣстности передъ кампаніями 1866 и 1870—1871 гг. Передъ Австро-прусскою войною всѣ пограничные съ Австріею города, Саксонія и Бельгія были наводнены прусскими рекогносцерами, преимущественно передѣтыми офицерами, производившими развѣдки. Въ 1867 г. прусскій военный агентъ въ Парижѣ пересылалъ въ Берлинъ черезъ посредство прусскихъ банкировъ цѣлыми тюками карты Франціи. Во время возникновенія Люксембургскаго вопроса Пруссія командировала своихъ офицеровъ во Францію, гдѣ они объѣзжали всѣ департаменты, производя рекогносцировки, а непосредственно передъ 1870 г. передѣтые рыбаками офицеры дѣлали промѣры рѣкъ; другіе выдавали себя за художниковъ и крокировали мѣстность. Такимъ образомъ, былъ обрекогносцированъ весь возможный театръ; были намѣчены даже позиціи, выгодныя для обороны въ баварскомъ Поральцѣ. Результаты такой предусмотрительности не замедлили сказаться въ кампаніи 1870 г. При мобилизаціи войска получили карту западной Германіи, а къ концу сосредоточенія— карты окрестностей Метца и берега Луары, притомъ настолько точныя и исправленныя, что нѣмцы знали непріятельскую территорию лучше, чѣмъ сами французы. У послѣднихъ же обстояло совершенно иначе. Они предполагали только войну наступательную. Самообольщеніе и увѣренность въ успѣхѣ у Наполеона и военнаго министра маршала Лебефа доходили до того, что во всѣ штабы были разосланы только карты Германіи. Когда на первыхъ же порахъ война приняла оборонительный характеръ, войска остались безъ картъ. Тогда начали разсылать и пользоваться старыми картами, на которыхъ не было нанесено, конечно, ни новопостроенныхъ желѣзныхъ дорогъ, ни возникшихъ поселеній и т. п.

Во всѣхъ государствахъ Европы въ настоящее время произведены подробныя съемки и въ картахъ недостатка нѣтъ. Но во вѣевропейскихъ владѣніяхъ и въ большинствѣ колоній дѣло обстоитъ иначе: и въ войнахъ, и въ экспедиціяхъ приходится довольствоваться крайне общими географическими картами и глазомѣрными рекогносцировками. Весьма поѣтому понятно, насколько важно значеніе послѣднихъ и какъ необходимо прилагать усилія для собиранія свѣдѣній о тѣхъ малокультурныхъ странахъ, въ которыхъ, быть можетъ, придется дѣйствовать. Еще въ самое послѣднее время

французская экспедиція въ Дагомею въ 1892 г. ⁷⁾ встрѣтила сильное затрудненіе, вслѣдствіе незнанія страны и ея средствъ. Тѣ рѣдкіе путешественники и рекогносцеры, которые побывали въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагомеи давали крайне ограниченныя и настолько сбивчивыя свѣдѣнія, что заставили генерала Додса приступить непосредственно передъ кампаніей къ сбору необходимыхъ данныхъ. Но и эта развѣдывательная работа, произведенная изъ Порто-Ново, дала лишь невѣрныя свѣдѣнія и фантастическія карты.

Совершенно иначе поступили англичане въ предвидѣніи похода въ Абиссинію ⁸⁾. Люди близко знакомые съ этою странюю предсказывали неизбѣжность вмѣшательства Англіи еще въ то время, когда лондонскій кабинетъ не придавалъ значенія возникшимъ недоразумѣніямъ и, во всякомъ случаѣ, вполне рассчитывалъ на возможность уладить дѣло путемъ мирныхъ переговоровъ. Полковникъ Маріузеръ, занимавшій съ 1863 г. мѣсто политическаго резидента въ Аденѣ и великобританскій консулъ въ Массовѣ Мунцингеръ, знаменитый путешественникъ, отлично изучившій сѣверо-абиссинскія области, глубокой знатокъ амхарскаго языка, играли не только видную роль во время экспедиціи, но принесли еще и ту важную пользу, что своими предварительными изслѣдованіями во многомъ подготовили успѣхъ дѣла. Маріузеръ ѣздилъ въ Англію выяснить положеніе дѣлъ, затѣмъ вернулся. Онъ успѣлъ уже основательно ознакомиться съ характеромъ и политическимъ положеніемъ страны, въ которую предстояло вступить англійскимъ войскамъ, и рѣшилъ, не теряя времени, тотчасъ же приступить вмѣстѣ съ Мунцингеромъ къ изслѣдованію доступовъ къ Абиссинскому нагорію. Прежде всего онъ осмотрѣлъ окрестности Массовы, съ цѣлью отыскать здоровую мѣстность для расположенія войскъ вблизи мѣста высадки и осмотрѣлъ дороги къ Аймету, верстъ на пятьдесятъ въ западномъ направленіи отъ Массовы; онъ проникъ до горъ Агамета, а Мунцингеръ, между тѣмъ, ознакомился съ проходами, ведущими во внутренность страны въ направленіи на Кіанвору. Еще въ январѣ оба они во всей подробности осмотрѣли Анеслійскій заливъ и, на основаніи разспросовъ у жителей, пришли къ заключенію, что дорога, идущая въ Сенафе, представляетъ, по всей вѣроятности, всѣ удобства для дви-

⁷⁾ Cousin. «De L'Influence du calcul dans la conduite des opérations militaires» pp. 154—155.

⁸⁾ «Походъ англичанъ въ Абиссинію въ 1867 г.», «Военный Сборникъ» 1870 г. № 7.

женія отряда. Въ февралѣ былъ осмотрѣнъ заливъ Ханфила, лежащій южнѣ Анеслійскаго и представлявшій при хорошей якорной стоянкѣ и удобной дорогѣ важную выгоду, что пунктъ этотъ находится въ болѣе близкомъ разстояніи отъ Магалы, вѣроятнаго предмета дѣйствій. Для болѣе точнаго изслѣдованія этого пути было предпринято Мунцингеромъ опасное и трудное путешествіе. Маріузеръ посѣтилъ Таджурскій портъ въ Аденскомъ залпвѣ и собралъ всѣ свѣдѣнія о дорогахъ, ведущихъ съ этого мѣста въ Абиссинію. Изъ осмотрѣнныхъ, такимъ образомъ, четырехъ пунктовъ Массова представляла наибольшія выгоды. Между тѣмъ англійское правительство окончательно признало необходимость вооруженнаго вмѣшательства и начало готовить экспедицію. Къ числу важнѣйшихъ приготовительныхъ работъ слѣдуетъ отнести первоначальную рекогносцировку, производство которой по предложенію сэра Роберта Нэпира (главнокомандующаго), было возложено Бомбейскимъ правительствомъ на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генерала Маріузера изъ слѣдующихъ членовъ: полковника Файра, предназначеннаго занять должность генералъ-квартирмейстера въ штабѣ экспедиціоннаго корпуса, подполковника С. Клеръ-Уилкенза, начальника пнженеровъ, штабъ-доктора Лумсдена и старшаго изъ находящихся въ заливѣ морскихъ офицеровъ.

Комиссіи было поручено опредѣлить наиболѣе соотвѣтствующую цѣли гавань и мѣсто высадки корпуса, отыскать лучшій проходъ для слѣдованія войска съ побережья въ нагорье, завязать дружескія отношенія съ туземцами, враждебными негусу Теодору, собрать точныя и подробныя свѣдѣнія о продовольственныхъ средствахъ края; составить точную смѣту матеріаламъ и предметамъ, потребнымъ на производство необходимыхъ построекъ на мѣстѣ высадки и представить военный обзоръ и съемки мѣстности по направленію предполагаемаго движенія экспедиціоннаго отряда. Вся эта программа была выполнена.

Мы нарочно остановились подробно на принятыхъ англичанами мѣрахъ по подготовкѣ къ колоніальной экспедиціи.

Теперь прослѣдимъ ту постепенность въ знакомствѣ съ предполагаемымъ театромъ военныхъ дѣйствій, съ которою приходится считаться въ странахъ малоизвѣстныхъ. Первыми свѣдѣніями о такихъ мѣстностяхъ являются обыкновенно разспросныя данныя и составленныя по этимъ разспросамъ карты, въ особенности, если населеніе воинственно, живетъ въ трудно доступной мѣстности и

относится подозрительно и враждебно къ своимъ культурнымъ со-сѣдямъ, видя въ нихъ будущихъ завоевателей. Въ такомъ положеніи находились мы передъ походомъ генераль-адъютанта Перовскаго въ 1834 г. ⁹⁾. Для похода въ Хиву, конечно, необходимо было предварительное изученіе степи и путей къ ней, что было весьма трудно, вслѣдствіе вѣроломства, подозрительности и недо-вѣрчивости Хивинскаго правительства и хищничества окружа-вшихъ это ханство кочевыхъ народовъ. Посольства наши и торго-вые караваны хивинцы принимали рѣдко, а принявши посланни-ковъ, держали ихъ взаперти; путешественниковъ не допускали вовсе, да и кому была охота ѣздить туда, гдѣ по малѣйшему подо-зрѣнію легко было попасть на колъ или быть живымъ закопаннымъ въ землю. Изъ прежнихъ нашихъ двухъ походовъ въ Хиву, яицкихъ казаковъ въ 1610 г. и князя Бековича-Черкаскаго въ 1717 г., имѣлись не полныя и отрывочныя свѣдѣнія, составленныя изъ раз-спросовъ и догадокъ. Бывшій въ Хивѣ въ 1819 г. штабсъ-капи-танъ Муравьевъ описалъ путь только изъ Красноводска, т. е. отъ Каспійскаго моря, а находясь въ Хивѣ взаперти и опасаясь за свою жизнь, не могъ собрать какихъ-либо достовѣрныхъ свѣдѣній ни о Хивѣ, ни о путяхъ къ ней съ оренбургско-уральской кордонной линіи. Поэтому, передъ походомъ генеральнаго штаба подполков-никъ Иванинъ самымъ тщательнымъ образомъ распросилъ при-бывшихъ изъ Хивы, выкупленныхъ нашимъ правительствомъ рус-скихъ плѣнныхъ и сличеніемъ ихъ показаній собралъ довольно подробныя свѣдѣнія о Хивинскомъ ханствѣ, составилъ описаніе его и распросную карту, которыя и послужили основаніемъ для предварительныхъ распоряженій и соображеній передъ походомъ. Походъ этотъ окончился неудачно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неправильнаго выбора времени года, основаннаго на ложныхъ взглядахъ на условія зимняго движенія по большой и безкормной степи при морозахъ въ среднемъ 18° Р. и показалъ намъ насколько важно имѣть заблаговременно точныя свѣдѣнія о сопредѣльныхъ средне-азиатскихъ ханствахъ.

При военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ ¹⁰⁾ составленіе предва-рительнаго плана дѣйствій встрѣчало постоянно большія затрудне-

⁹⁾ Д. Годосовъ. «Походъ въ Хиву», «Военный Сборникъ» 1863 г. № 2. М. Иванинъ. «Замѣтки генерала Иванина». «Описаніе зимняго похода въ Хиву въ 1839—1840 г.». То же № 4. Лобyseвичъ. «Походъ въ Хиву въ 1873 г. и наступатель-ное движеніе въ Среднюю Азію».

¹⁰⁾ «Военный Сборникъ» 1865 г. № 11. «Матеріалы для описанія войны на западномъ Кавказѣ».

нія по незнакомству съ мѣстностью. Съемка впервые производилась только тогда, когда шелъ отрядъ, при которомъ обязательно находился топографъ, дѣлавшій промѣры цѣпью. Но и то, въ особенности при туманной погодѣ, съемка производилась лишь маршрутная, а поэтому всѣ соображенія приходилось также основывать на разспросахъ и предположеніяхъ. Между тѣмъ отъ горцевъ-лазутчиковъ, единственнаго источника для разспросовъ, было очень трудно добиться обстоятельныхъ свѣдѣній о мѣстности. Напримѣръ, для разстояній, ни верстъ, ни миль они не знали и если мѣряютъ разстояніе, то часами ходьбы, но, притомъ, о часѣ у нихъ понятія самыя смутныя и разнообразныя. Случалось, что одинъ проводникъ скажетъ три часа ходу, а другой—шесть, а выйдетъ ни то, ни другое. Или о качествѣ пути, они могутъ сказать только: «дорога трудна», «очень трудна», «хороша», «такъ себѣ», или что-нибудь въ этомъ родѣ. А бывало, что по пути, названному труднымъ, отрядъ пройдетъ скорѣе и легче, нежели по тому, который называли хорошимъ.

Весьма понятно, что разспросными свѣдѣніями довольствоваться можно только въ крайности и такія данныя служатъ лишь первую степень знакомства со страной. Въ нихъ обыкновенно скоро разочаровываются и изыскиваются другія средства для изученія необходимой мѣстности. Первымъ средствомъ служатъ обыкновенно дипломатическія миссіи, въ составъ которыхъ назначаются офицеры генеральнаго штаба и топографы. Если обстоятельства позволяютъ, то производятся полуинструментальныя и даже просто глазомѣрныя съемки, а въ случаѣ подозрительнаго отношенія туземцевъ, ограничиваются маршрутными описаніями и замѣтками.

Такихъ миссій русскимъ правительствомъ посылалось въ Среднюю Азію нѣсколько; главнѣйшія изъ нихъ: посольство Ермолова въ 1817 г. въ Персію; командированіе въ 1819—1820 гг. въ Бухару Негри и Мелендорфа; въ 1841 г. въ Бухару—горнаго инженера Бутенева и въ томъ же году въ Хиву генеральнаго штаба капитана Никифорова; посольство въ Хиву въ 1842 г. подполковника Данилевскаго; миссія въ 1854 г. въ Бухару флигель-адъютанта Игнатьева; туда же въ 1865—1866 гг. Струве и Глуховскаго; въ 1870 г. полковника Носовича въ Кашгаръ, въ 1871 и 1878 гг. генерала Столѣтова въ Афганистанъ. Всѣ эти посольства доставили очень много матеріала, послужившаго для нашихъ экспедицій въ Среднюю Азію.

Къ произведеннымъ подобнымъ образомъ работамъ войска обы-

кновенно относятся крайне критически, находя массу ошибокъ и пробѣловъ, забывая про условія, при которыхъ онѣ производились. Критическое отношеніе и выясненіе неполноты наличныхъ свѣдѣній имѣетъ, однако, и ту хорошую сторону, что заставляетъ пользоваться благопріятными условіями нахождения войскъ въ странѣ для пополненія матеріаловъ.

Такимъ образомъ, при возвращеніи нашихъ войскъ изъ Хивы ¹¹⁾, рѣшено было воспользоваться случаемъ и собрать какъ можно болѣе данныхъ объ этой еще не изслѣдованной мѣстности. Съ этою цѣлью съ оренбургскимъ отрядомъ командированы были съемочныя партіи для снятія маршрутовъ и въ болѣе крупномъ масштабѣ городовъ, крѣпостей и чѣмъ-либо замѣчательныхъ участковъ. Для выполненія этихъ работъ, кромѣ топографовъ оренбургскаго отряда, распоряженіемъ полевого штаба была командирована, подъ руководствомъ полковника Жилинскаго, особая съемочная партія отъ туркестанскаго военно-топографическаго отдѣла. Для астрономическаго опредѣленія попутныхъ пунктовъ съ отрядомъ слѣдовалъ геодезистъ, капитанъ Солимани. Для сбора разныхъ статистическихъ свѣдѣній о пространствѣ, которое предстояло пройти оренбургскому отряду, а также для военнаго обозрѣнія и изслѣдованія того края, командированъ былъ генеральнаго штаба подполковникъ бар. Каульбарсъ; для сбора свѣдѣній по этнографіи и исторіи края при войскахъ слѣдовалъ А. А. Кукъ; для зоологическихъ изысканій М. Н. Богдановъ и для ботаническихъ г. Краузе.

Изъ всего, только что сказаннаго, слѣдуетъ, что заботы по изготовленію картографическаго матеріала группируются въ два отдѣла. Прежде всего каждое государство должно преслѣдовать оборонительныя цѣли, т. е. заботиться объ изданіи подробныхъ картъ и плановъ своей страны; затѣмъ идутъ труды по снабженію арміи, въ случаѣ необходимости, картографическимъ матеріаломъ тѣхъ иностранныхъ государствъ, которыя могутъ быть театромъ военныхъ дѣйствій. Наконецъ, сборъ необходимыхъ для послѣдней цѣли картъ и плановъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: на сборъ точныхъ свѣдѣній о культурныхъ государствахъ и о странахъ малоизвѣстныхъ.

Въ настоящее время всѣ государства имѣютъ въ своемъ распоряженіи прекрасныя карты своей территоріи и притомъ въ крупномъ масштабѣ. Но обладать хорошими картами еще недостаточно:

---

¹¹⁾ Лобысевичъ. «Описаніе Хивинскаго похода 1873 г.»

не надо забывать, что мѣстность постоянно мѣняется какъ вслѣдствіе естественныхъ причинъ, такъ и вслѣдствіе успѣховъ культуры: рѣки мѣняютъ свои русла, образуются овраги, проводятся новыя дороги, вырубается лѣса, возникаютъ новыя поселенія и т. д. Поэтому карты требуютъ постоянныхъ исправленій и лишь посредствомъ непрерывной работы можно быть увѣреннымъ, что въ случаѣ войны въ распоряженіи арміи будутъ вѣрныя карты. Чтобы достигнуть этого территория государства должна быть распределѣна на извѣстные раіоны съ опредѣленнымъ составомъ съемщиковъ и съ отвѣтственными начальниками, на обязанности которыхъ должны лежать заботы по исправленію картъ.

Гораздо труднѣе снабдить армію въ случаѣ нужды картами иностранныхъ государствъ. Но опытъ показалъ, что для человѣчества невозможнаго нѣтъ. Какъ мы уже выше сказали, въ кампанію 1870 г. германцы имѣли въ своемъ распоряженіи гораздо болѣе вѣрныя карты, чѣмъ тѣ, которыми пользовались французы на собственной территоріи.

За отрицательный примѣръ можетъ быть принято снабженіе картами нашей арміи въ Русско-японскую войну. Несмотря на громадный театръ военныхъ дѣйствій, равнявшійся 560 тысячамъ квадратныхъ верстъ, начиная съ 1901 г. нами было произведено много съемочныхъ работъ. Матеріалу собралось очень много. Правда, на ряду съ прекрасными инструментальными съемками, имѣлись и посредственныя, если не сказать болѣе, глазомѣрныя работы, но мѣстность все же была снята. И большаго требовать было трудно, принимая во вниманіе условія времени, средствъ, а главное—пространства. Но бѣда заключалась въ томъ, что изданія выходили слишкомъ поздно или вовсе не выходили. Поэтому войска наши были безъ картъ или пользовались первоначальными рекогносцировками и, конечно, оставались ими недовольны. Японцы находились въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Они успѣли сдѣлать то, чего мы не были въ силахъ. У японцевъ были прекрасныя карты Маньчжуріи. По словамъ Н. А. Демчинскаго (въ «Словѣ»), они пользовались нашими же картами. «У нихъ никогда не было своихъ картъ, ибо подробную съемку Маньчжуріи впервые производили наши топографы. Вполнѣ точно установленъ тотъ фактъ (перехваченными распісками), что на нашу двухверстку была установлена японцами такса: они платили по 6.000 р. за каждый листъ ея». Но удивительно то, что японцы успѣли на нашихъ картахъ замѣнить надписи японскими и изготовили ихъ въ то время,

когда наша армія нуждалась въ картахъ и терпѣла въ нихъ недостатокъ. Изъ этого ясно, что *ria desiderata* каждаго генеральнаго штаба это приобрѣтеніе негласнымъ путемъ необходимыхъ ему картъ. Если это невозможно, то работа, конечно, крайне осложняется, такъ какъ приходится исправлять старинныя карты трудными секретными рекогносцировками.

Недостаточно, однако, еще имѣть необходимый матеріаль. Надо быть въ состояніи своевременно снабдить армію картами и при томъ въ достаточномъ количествѣ. Эта необходимость заставила всѣ государства организовать картографическія заведенія, гдѣ все подготовлено такимъ образомъ, что исправленныя карты могутъ быть отпечатаны и разосланы въ войска въ самый короткій срокъ. Въ нѣкоторыхъ арміяхъ войсковыя части снабжены еще въ мирное время запасомъ картъ, конечно, постоянно освѣжаемыхъ. Мы, къ крайнему сожалѣнію, не можемъ похвастаться тѣмъ, что всегда умѣли воспользоваться имѣвшимся матеріаломъ. 23-го октября 1853 г. ¹²⁾ войска, назначенныя для атаки карантина въ с. Старой Ольтеницѣ, послѣ двухъ-часового артилерійскаго огня начали движеніе. Ряды ихъ рѣдѣли, смыкались, и массы храбрыхъ неустрашимо шли впередъ. Задержанныя двумя линіями вязкихъ лощинъ, подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ колонны мѣшались, вязли въ мокрыхъ ровикахъ и, при видѣ новой опасности, снова смыкались и шли впередъ.... Убитыхъ и раненыхъ въ этомъ безусловно неудачномъ дѣлѣ оказалось 44 офицера и 926 нижнихъ чиновъ. Между тѣмъ еще въ августѣ мѣсяцѣ полковникъ Веймарнъ былъ посланъ для осмотра береговъ Дуная и Ольтеницы и представилъ самый точный планъ мѣстности. Тогда всѣ любовались этимъ планомъ, видѣли мокрые ровики впереди карантина, положили планъ въ архивъ, а въ октябрѣ при атакѣ карантина никто и не вспомнилъ о планѣ. Затѣмъ 11-го іюня 1877 г. ¹³⁾ графъ Лорисъ-Меликовъ, въ предвидѣніи сраженія у Зивина, обратился къ подполковнику Воинову съ разпросомъ о бродѣ черезъ Араксъ у д. Алиджерекъ и послѣдній доложилъ, что онъ изслѣдовалъ этотъ бродъ въ началѣ сентября 1875 г. и нанесъ на планъ дорогу отъ Дели-бабы черезъ Алиджерекъ до Нижняго Меджингерта, причѣмъ на этомъ планѣ, въ деталяхъ былъ нанесенъ въ масштабѣ 100 саж. въ дюймѣ бродъ черезъ Араксъ съ показаніемъ глубины въ футахъ.

Командиръ корпуса нежелалъ имѣть планъ съ приложеннымъ

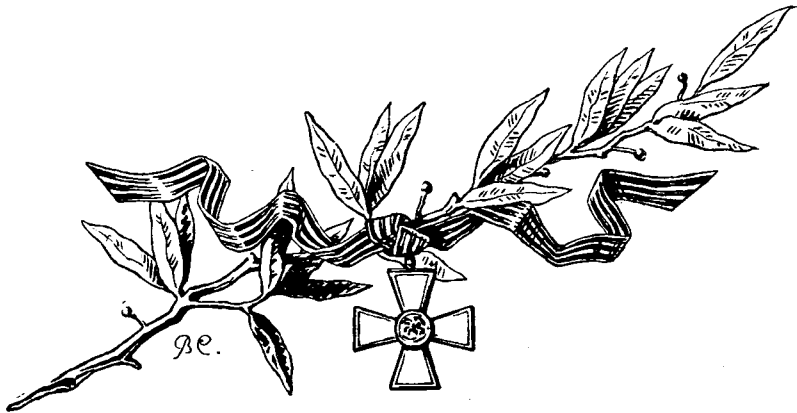
¹²⁾ П. К. Меньковъ. «Дунай и Нѣмцы» стр. 62, 63.

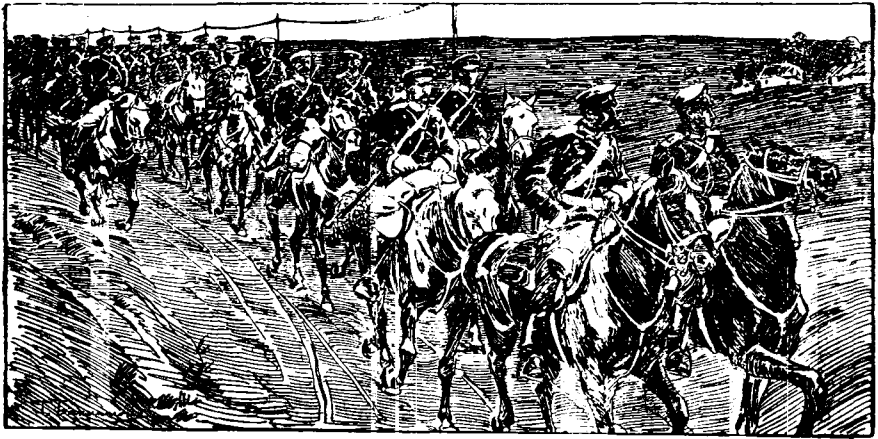
¹³⁾ А. М. Воиновъ. «Бой подъ Зивиномъ», «Русская Старина» 1888 г. № 7.

къ нему описаніемъ, но по справкѣ оказалось, что этого плана съ описаніемъ не имѣется вовсе въ корпусномъ штабѣ, а что онъ остался въ окружномъ штабѣ въ Тифлисѣ.

Въ заключеніе надо сказать нѣсколько словъ относительно «секрета картъ». Очень многіе злоупотребляютъ словомъ «секретно», забывая, что тайна возможна лишь относительно крайне ограниченаго числа предметовъ, и тѣ государства, которыя хотятъ сдѣлать всѣ свои карты секретными, достигаютъ лишь отрицательныхъ результатовъ, такъ какъ войска не умѣютъ пользоваться картами, а непріятель все же имѣетъ эти карты въ своемъ распоряженіи. Англичане, швейцарцы и др. націи имѣютъ очень мало секретныхъ картъ. Число ихъ должно быть ограничено.

©. Чернозубовъ.

Подвижный сборъ юнкеровъ Кіевскаго военного училища.

Десятидневный подвижный сборъ юнкеровъ Кіевлянъ происходилъ въ этомъ году въ районѣ г. Кіева Василькова—станціи Мотовиловка съ 20-го по 29-е іюля включительно и по разнообразію выполненныхъ занятій, а также вслѣдствіе привлеченія къ участию въ немъ частей 9-го гусарскаго Кіевскаго полка, 2-го конно-горнаго артилерійскаго дивизиона и 5 и 6 понтонныхъ баталіоновъ представлялъ исключительный интересъ.

«Занятія эти», какъ говорилось въ инструкціи, данной начальникомъ училища, принявшимъ на себя руководство сборомъ, «имѣютъ цѣлю укрѣпить юнкеровъ въ примѣненіи хорошо пзвѣстныхъ имъ тактическихъ положеній въ условіяхъ, возможно близкихъ къ боевой дѣйствительности, и поставить ихъ въ роль отвѣтственныхъ строевыхъ начальниковъ, вынужденныхъ принимать самостоятельное рѣшеніе на свой страхъ по оцѣнкѣ сложившейся обстановки и въ духѣ первоначально полученныхъ приказаній». На основаніи этого, на всѣ командныя должности, начиная съ начальника отряда, назначались юнкера старшаго класса по очереди, причемъ имъ представлялась полная свобода дѣйствій въ духѣ данныхъ имъ указаній.

Гг. офицеры распредѣлялись руководителемъ по частямъ маневрирующихъ отрядовъ для наблюденія за ихъ дѣйствіями, при-

чемъ отмѣчали всѣ промахи юнкеровъ для доклада на общемъ разборѣ, отнюдь не входя въ какія-либо поправки, совѣты во время самаго маневра за исключеніемъ случаевъ явно нелѣпыхъ рѣшеній, препятствующихъ естественному теченію маневра. Въ такихъ случаяхъ на нихъ возлагалась обязанность доложить или донести о семъ на бланкѣ полевой книжки руководителю.

Выступивъ съ артилерійскаго полигона, гдѣ расположенъ лагерь училища, въ 7 часовъ утра 20-го іюля юнкера послѣ 25-верстнаго перехода, завершившагося боемъ (одна сторона обозначалась заранѣе высланной ротой), лишь къ вечеру достигли своего перваго бивака у южной окраины Вѣты почтовой. Сильная жара смѣнилась къ концу дня дождемъ, который не переставалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ: палатки намокли, обувь разбухла, но веселое бодрое настроеніе не оставляло юнкеровъ, сразу окупившихся въ условія походной жизни. Слѣдующій день былъ полонъ захватывающаго интереса. Противникъ—необозначенный, а живой, притомъ очень дѣятельный—Кіевскіе гусары; въ составѣ юнкерскаго отряда—также полуэскадронъ. Занятія сразу оживились. Искусныя дѣйствія гусарь дали очень поучительную практику юнкерамъ, предоставивъ значительный просторъ для проявленія инициативъ частными начальниками, для юнкеровъ же младшаго класса это было весьма цѣнное первое совмѣстное занятіе съ конницей, познакомившее ихъ съ боевою дѣятельностью этого рода оружія практически.

Бой въ этотъ день закончился занятіемъ города Василькова, у котораго училище расположилось бивакомъ на ночлегъ и дневку.

Во время послѣдней по случаю дня Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны былъ произведенъ утромъ парадъ, послѣ котораго юнкера были выведены на учебное поле Кіевскихъ гусаръ, гдѣ ихъ дивизионъ подъ командой ротмистра Катеринича произвелъ образцовое конное ученіе, сопровождавшееся все время поясненіями строевъ, перестроеній и боевыхъ порядковъ эскадрона и полка, послѣ чего показаны дѣйствія разѣзда въ различныхъ случаяхъ, для наблюденія за которыми юнкера старшаго класса были посажены на гусарскихъ лошадей и послѣдовательно занимали рядъ удобныхъ для сего пупктовъ. Въ составъ разѣзда вошли юнкера, взявшіе вакансіи въ конные казачьи полки. Движеніе разѣзда все время сопровождалось поясненіями. Въ заключеніе была показана походная колонна конницы со всѣми мѣрами охраненія и связи.

Около 4 часовъ дня юнкера прибыли на бивакъ, полные глубокаго впечатлѣнія отъ молодецкаго ученія лихихъ гусаръ. Въ 6 часовъ вечера на дворѣ 4 эскадрона была показана чистка, уборка лошадей, образцоваяковка, выведены лошади съ различными недостатками, указаны ихъ характерные признаки. Показъ закончился лихой волтижировкой, въ которой принимали участіе и офицеры эскадрона.

На слѣдующій день училище съ приданными ему взводомъ 2 конно-горнаго артилерійскаго дивизиона и эскадрономъ гусаръ двинулось въ направленіи на с. Мотовиловку, произведя на пути двусторонній маневръ, закончившійся около 2 часовъ дня.

Послѣ полутора-часового отдыха и разбора маневра дана была новая тактическая задача, во исполненіе которой баталіонъ училища съ пулеметной командой и эскадрономъ гусаръ составилъ сторожевой отрядъ, выставившій охраненіе въ сторону г. Василькова. Противникомъ служили гусары. Ихъ разѣзды все время пытались прорываться черезъ линію сторожевого охраненія, заставляя юнкеровъ быть особенно бдительными; появлялись парламентареры, перебѣжчики.

Въ темную безлунную ночь юнкера прибыли въ этотъ день на бивакъ, гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ. Усталость, естественная при почти непрерывной 14-часовой работѣ, взяла свое и вскорѣ подъ покровомъ теплой южной ночи бивакъ заснулъ крѣпкимъ юношескимъ сномъ.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшій сборъ прошелъ безъ участія конницы, отозванной для участія въ общемъ сборѣ войскъ Кіевского лагеря, съ однимъ лишь артилерійскимъ взводомъ. Въ послѣдующіе дни юнкера произвели наступленіе черезъ полосу Мотовилковскаго лѣса, двигаясь по дорогѣ, намѣченной на картѣ, вели бой за мостовую переправу черезъ р. Ирпень, причѣмъ часть силъ переправилась въ бродъ черезъ эту рѣку для удара во флангъ противнику, занимавшему переправу, совершили маршъ въ исключительно темную, непроглядную ночь, ночью же выставили охраненіе на двѣ стороны съ переходомъ на разсвѣтѣ въ наступленіе и дали полную увѣренность, что съ ночной обстановкой освоены вполне; выполнивъ еще рядъ разнообразныхъ тактическихъ задачъ и дѣйствуя все время на двѣ стороны, училище подошло 29-го іюля утромъ къ р. Днѣпру у Китаевскаго понтоннаго лагеря. Въ этотъ день ожидалась переправа всей 44-й пѣхотной дивизіи съ приданнымъ ей Кіевскимъ гусарскимъ полкомъ.

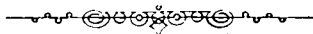
Баталіонъ училища долженъ былъ оборонять участокъ рѣки у лагера. Маневръ закончился вскорѣ послѣ полудня, юнкера при этомъ имѣли возможность наблюдать переправу и дѣйствія десанта, въ высшей степени сноровистую и быструю наводку понтопнаго моста и переправу главныхъ силъ. Около 2-хъ часовъ дня была показана 6-мъ понтоннымъ баталіономъ, подъ руководствомъ его командира полковника Гамзагурди, переправа на подручномъ матеріалѣ и поплавахъ Полянскаго черезъ 100-саженный рукавъ Днѣпра. Эти поучительныя занятія были проведены съ большимъ интересомъ и вызвали живой обмѣнъ мнѣній.

Съ наступленіемъ сумерекъ баталіонъ училища приступилъ къ выполненію новой тактической задачи—наступательной переправѣ черезъ р. Днѣпръ съ высадкой десанта на противоположномъ берегу и наводкой понтопнаго моста.

Въ 1 часу ночи 30-го іюля, послѣ утомительнаго ночного марша по размытой дождями дорогѣ, юнкера прибыли въ лагерь на артилерійскій полигонъ, завершивъ свой 10-дневный подвижной сборъ.

Всего за время сборовъ пройдено около 145 верстъ въ 7 переходовъ, изъ коихъ 2 были совершены при ночной обстаповкѣ; каждый переходъ сопровождался тактической задачей; были дни, когда выполнялись двѣ задачи. Несмотря на неполнѣ благопріятныя, а иногда и тяжелыя, условія похода, малое количество дневокъ (одна была цѣликомъ посвящена показному ученію конницы и въ сущности не можетъ идти въ счетъ, другая пришлась въ отчаянную непогоду при холодномъ вѣтрѣ и дождѣ, среди поля),—юнкера вернулись въ лагерь совершенно свѣжими и бодрыми. Отсталыхъ не было; очень небольшое число больныхъ, послѣ неблагопріятной дневки въ стужу, ясно указывало, что юнкера вообще втянулись въ условія походной жизни и получили должную полевую закалку. Обращалъ на себя вниманіе тотъ живой интересъ, съ которымъ они относились какъ къ самому маневру, такъ особенно къ разбору его. Несомнѣнно было, что цѣль, положенная въ основу производства сборовъ, была достигнута. Остается только пожалѣть, что далеко не вездѣ снятыя поля препятствовали часто развитію маневра и заставляли прибѣгать къ ряду условностей, чѣмъ искажалась иногда обстановка, которая должна была бы имѣть мѣсто въ дѣйствительномъ бою.

* *
*

Работа конницы въ военное время, въ связи съ ея организаціей и обученіемъ въ мирное.

Въ великіе дни памяти 1812 года невольно въ голову приходятъ сравненія. Конница прошлаго вѣка въ Отечественную войну покрыла себя неувядаемыми, вѣчно поминаемыми лаврами, ея предводителямъ поставлены памятники, и пѣхота того времени съ благодарностью и уваженіемъ произносила имена героевъ—конниковъ. Та конница, очевидно, была доблестною помощницею своей пѣхоты, хотѣла и умѣла умирать за нее и рядомъ съ нею. Тогда широко дѣйствовали лавы казачьи, и русская конница въ каждую нужную минуту появлялась въ тылу у противника и наносила ему тяжелые удары.

Прошло почти сто лѣтъ. Въ Русско-японскую войну многочисленная (сравнительно съ конницей противника) русская конница наводнила поля Маньчжуріи; она не имѣла противъ себя коннаго противника, а между тѣмъ дѣйствія ея свелись почти къ нулю. Нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ конныхъ атакъ частями отъ взвода до полка—и всегда удачныхъ,—набѣгъ на Инкоу, Хайченскій набѣгъ, Факумынскій набѣгъ—всѣ три совершенные съ полу-успѣхомъ—вотъ и вся работа конницы на протяженіи почти полутора-годовой войны. Послѣ нея стали появляться въ періодической печати статьи и замѣтки съ упреками по адресу конницы. Въ то время, говорилось въ этихъ замѣткахъ, когда пѣхота умирала на поляхъ сраже-

нія—конница бездѣйствовала. Тюренченъ, Вафангоо, Дапичао, Лаоянь, Шахе, Мукденъ—эти кровавыя скрижали не имѣютъ на себѣ именъ конныхъ полковъ, сумѣвшихъ смертию своею защитить пѣхоту, своею жертвою повернувшихъ успѣхъ сраженія въ нашу сторону.

И затѣмъ, очень часто послѣ этихъ воспоминаній слышишь поспѣшный выводъ: конница отжила свой вѣкъ. Она перестала быть самостоятельнымъ родомъ войскъ, стала вспомогательнымъ войскомъ. Ея функціи—органы развѣдки и связи. Иные въ своихъ выводахъ идутъ еще дальше—они говорятъ, что и для развѣдки конница мало полезна. Тайная развѣдка съ одной стороны, съ другою—работа пѣхотныхъ развѣдчиковъ съ лихвою покрываютъ работу конницы. Воздушный флотъ во много разъ продуктивнѣе выполнить работу развѣдыванія и наблюденія—итакъ для чего же держать этотъ дорого стоящій, хрупкій и капризный родъ войскъ, требующій и большихъ затратъ и особеннаго воспитанія. Конница могла работать въ тѣ времена, когда техника была ничтожна, ружье стрѣляло на двѣсти шаговъ, заряжалось медленно и лучшимъ средствомъ передачи воли начальства считались ординарцы и конные посыльные.

Золотой вѣкъ конницы миновалъ.

Попробуемъ сравнить сначала конницу Наполеоновскихъ войнъ съ конницею современною.

Конскій составъ сталъ за сто лѣтъ много выше. Кровнѣе, рѣзвѣе, выносливѣе и крупнѣе стали лошади. Соотвѣтственной работой лошадь нынѣшней конницы приноровлена къ современному ружью и къ ширинѣ и глубинѣ теперешнихъ боевыхъ порядковъ.

Снаряженіе, вьюкъ болѣе приспособлены къ лошади и менѣе вредятъ ей, нежели сто лѣтъ тому назадъ. Вооруженіе, если не считать винтовки, осталось почти тѣмъ же, но стало легче и прочнѣе, уничтожена броня.

Духъ конницы, если судить по отдѣльнымъ подвигамъ, совершеннымъ офицерами, казаками и драгунами въ Русско-японскую войну все тотъ же полный доблести и благороднаго порыва.

Чего же тогда не хватало? Не хватало умѣнья использовать конницу, не хватало правильнаго, мирнаго обученія конницы въ духѣ непрерывной конной работы....

Возьмемъ всего двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Какія идеи витали тогда въ военномъ обществѣ вообще, въ частности въ обществѣ кавалерійскомъ? «Конница есть глаза и уши арміи».... т. е. конница—органы развѣдыванія и охраненія, но не боя. Пѣхотѣ

говорили въ это время — «дерись, какъ можно крѣпче, стрѣлай, иди на врага со штыкомъ; сломался штыкъ, бей прикладомъ; сломалъ прикладъ, дерись кулаками, грызи зубами—но только дерись, бей, побѣждай!» Конница только развѣдываетъ. Рубка была въ загонѣ. «Офицеръ не мясникъ» — его дѣло руководить дѣйствіями нижнихъ чиновъ, а не рубить. Такая постановка дѣла какъ бы исключала и самую возможность руконашнаго боя и атаки. На маневрахъ посредники жестоко осуждали кавалерійскія атаки, называли ихъ батальными картинками, а самое проникновеніе конницы въ тылъ считалось немислимымъ. Кавалерійскіе корпуса были упразднены. Настойчивая работа такихъ корифеевъ коннаго дѣла, какъ генералы Гурко, Сухотинъ, Сухомлиновъ, кое-гдѣ подвергалась критикѣ—на войнѣ, дескать, это невозможно.... И на войнѣ «этого», т. е. постоянной, самостоятельной работы конницы и не практиковали.

И послѣ войны всѣ противники смѣлой работы конницы съ радостью упираютъ на Инкоускій набѣгъ и указываютъ на то малое, что онъ сдѣлалъ. Винавать генераль Мищенко.... Такъ ли это? Винавать ли этотъ доблестный генераль, рыцарь безъ страха и упрека, что ему пришлось совершить кавалерійскоо дѣло *съ не поквалерійски обученными частями*? Та пестрая толпа казачьихъ полковъ, тѣ драгуны, которые пошли съ генераломъ Мищенко въ набѣгъ, имѣли ли въ мирное время практику такихъ набѣговъ? Были ли они обучены *самостоятельнымъ* дѣйствіямъ, борьбѣ за побѣду до послѣдняго, отчаянной схваткѣ, занимались ли они хотя въ мирное время на маневрахъ боемъ въ массахъ? Винавать одинъ генераль Хорановъ въ томъ, что ночная атака спѣшенными частями станціи Инкоу была произведена безграмотно, что казаки и понятія не имѣютъ о стрѣлковомъ наступательномъ боѣ, и объ атакѣ пѣшкомъ позиціи противника. Мнѣ кажется, что ни генераль Мищенко, ни генераль Хорановъ тутъ не причемъ. Это была ѣзда на невыѣженной лошади; вы хотите ее повернуть налево, она идетъ направо, пугается воза, закидывается, несетъ, падаетъ....

Мы говорили, да и теперь часто говоримъ: пѣшкомъ конница только обороняется. Стрѣляетъ лишь на ближнія дистанціи—нѣшій бой не ея дѣло.... Что же ея дѣло? Атаки невозможны (такъ говорили), пѣшкомъ одна оборона.... И снова напираютъ на одну идею—конница это органъ охраненія и развѣдыванія.

Спросите тѣхъ драгунъ, донцовъ, забайкальцевъ, сибиряковъ и уральцевъ, которые ходили въ Инкоускій набѣгъ, въ чемъ практиковали ихъ въ мирное время на маневрахъ.

Маленькіе разъѣзды, развѣдка, сторожевка, держаніе постовъ летучей почты—это въ лучшемъ случаѣ. Въ худшемъ—они возили за начальниками разныхъ степеней флаги, значки, планшеты, плащи и иные предметы до калошъ включительно. Офицеры вели отчетные листы по фуражу, отсчитывались въ разныхъ видахъ довольствія, трепетали, чтобы щи не оказались мало наваристыми, пли каша мало упрѣвшей,—согласитесь, что отъ этихъ весьма почтенныхъ работъ до ночной атаки большими силами—дистанція огромнаго размѣра.

Видали ли вы, чтобы на маневрахъ большой конный отрядъ вель самостоятельный маневръ съ боемъ въ пѣшемъ и конномъ строяхъ большими силами? Я видалъ только въ Петербургскомъ округѣ. Слышали ли вы о боевой стрѣльбѣ съ маневрированіемъ дивизій конницы съ конной артилеріей?

Этого не было. Такъ иногда дадутъ гдѣ-либо на флангъ пострѣлять одному—двумъ эскадронамъ и только...

Для громаднаго большинства нашей конницы въ чемъ проходятъ маневры? Эскадронъ или сотня при пѣхотѣ. Тоскливые переходы по 12—20 верстъ въ день, все шагомъ и шагомъ. Высылка разъѣздовъ, назначеніе ординарцевъ, а самъ эскадронный командиръ съ 15-ю—20-ю рядовыми плетется въ концѣ колонны. Какъ будетъ онъ умирать рядомъ съ пѣхотой и за пѣхоту, когда ему не съ чѣмъ умирать? Отъ длиннаго ряда лѣтъ, проведенныхъ на маневрахъ, остается скучное воспоминаніе о маневрахъ съ пѣхотой. И вдругъ война и пожалуйста рейдъ чуть не ста эскадроновъ и сотенъ. Такое примѣненіе военнаго дѣла à *live ouvert* далеко не всякому по плечу. Да и люди не привыкли. Въ цѣпи подъ Инкоу, говорятъ очевидцы, люди шли баранами, сбивались въ кучи, теряли направленіе. Крикъ, шумъ, поправки...

Поздно было учить.

Скажите по совѣсти, господа эскадронные и сотенные командиры. учили и учите вы своихъ людей ходить змѣйками, разсыпать цѣпи, перебѣгать согнувшись, умѣло примѣняться къ мѣстности, накапливаться, подползать? Знаете вы, что такое боевой участокъ, что такое равеніе въ бою? Видали вы, особенно до войны, движеніе въ атаку спѣшенной дивизіи? Я не видалъ.

Какъ же хотите вы, чтобы штурмъ Инкоу могъ выйти удачнымъ? Причемъ генераль Мищенко или генераль Хорановъ, когда *никто* не зналъ, какъ это дѣлать, никто въ мирное время этого не дѣлалъ?..

Ходили вы въ мирное время массаи конницы, организовывали

довольствіе, обозы, связь? Да, кое-гдѣ, въ Петербургскомъ, Варшавскомъ и Кіевскомъ округахъ это дѣлалось, но увѣренъ, что тѣ части, которыя пошли на Инкоу, этого не могли продѣлывать въ мирное время... и т. д., и т. д. «Они не знали.» Въ этомъ ихъ тягчайшая вина. «Ихъ не учили» — въ этомъ имъ крошечное оправданіе.

Не знали, не учили... но вѣдь теперь-то нужно знать, нужно учить...

Новый кавалерійскій уставъ написанъ удивительно хорошо. Главы о боѣ полны такого увлекательнаго подъема, такъ красивы, что ихъ читаешь, какъ романъ. Уставъ полонъ наступательнаго направленія, онъ настойчиво требуетъ отъ конницы дѣятельности и боя, конница должна умирать, неся побѣду своей пѣхотѣ.

Новѣйшія техническія средства, воздушный флотъ, радіотелеграфныя станціи, автомобильныя части, новыя орудія, пулеметы, автоматическія ружья, — все это, имѣя громадныя положительныя стороны, загромаждаетъ тылъ арміи чрезвычайно. Фабрики водорода, сараи, склады бензина, снарядовъ, патроновъ наполняютъ на много десятковъ верстъ тылъ непріятельской арміи. Охранить все это достаточными силами полагаю невозможнымъ. И вотъ для конницы, для конницы достаточной и искусной, является широкое поле дѣятельности. На каждомъ шагу будутъ у нея объекты для нанаденія и уничтоженія.

Теперь каждый кавалерійскій офицеръ долженъ быть и опытнымъ шофферомъ и хорошимъ летчикомъ, чтобы не только уничтожать забранныя у непріятеля машины, но и использовать ихъ для себя.

Сила кавалеріи въ томъ, что она «скачетъ, куда хочетъ», какъ конь въ шахматной игрѣ, конница появляется внезапно и ея ходы разрушаютъ самые тщательно комбинированные планы.

Если въ 1812 году казачьи лавы Платова изматывали лучшую французскую конницу, то теперь казачьи лавы могутъ парализовать цѣлыя арміи. А каково это отразится на современной арміи неврастениковъ? А что число таковыхъ растеть не только у сосѣдей, но и у насъ, показываетъ слѣдующій случай, имѣвшій недавно мѣсто у меня на глазахъ. Одинъ начальникъ призываетъ къ себѣ старшаго унтеръ-офицера.

— Я тебя желаю назначить фельдфебелемъ.

— Ваше высокоблагородіе, увольте...

— Это почему?

— Нервы не позволяютъ.

Здоровый, красивый дѣтина, сынъ крестьянина и вдругъ— нервы...

Я увѣренъ, что у насъ это случай рѣдкій, въ западныхъ арміяхъ—это случай обычный. На маневрахъ, въ горахъ, три сотни внезапно атаковали авангардъ и окружили его два орудія. И вотъ на маневрахъ же подпрапорщикъ, командовавшій этими двумя орудіями, при видѣ каждаго казака снималъ орудія съ передковъ. Это все—нервы. Не буду будить тяжелыя воспоминанія, скажу лишь четыре имени—Тюренченъ, Вафангоо, станція Фандзятунъ и Мукденъ. Подъ Тюренченомъ нѣсколько нашихъ же ѣздовыхъ, скакавшихъ въ беспорядкѣ къ отступавшему Восточному отряду, вызвали панику, подъ Вафангоо ночью паша сотня была принята за кавалерію японцевъ и поднялась беспорядочная стрѣльба, подъ Мукденомъ—паника у Пухэ вызвана двумя эскадронами, и два эскадрона, предводимыхъ доблестными офицерами, появившись въ глубокомъ тылу у станціи Фандзятунъ, заставили наканунѣ рѣшительнаго сраженія въ равнинѣ отослать донскую дивизію въ глубокій тылъ. Это все—нервы.

Случалось ли вамъ въ разгаръ сраженія попасть въ тылъ арміи? Вотъ вы миновали линію стрѣлковыхъ цѣпей, гдѣ, несмотря на непрерывное шелканье выстрѣловъ, на тревожный свистъ пуль, на вихрь смерти, носящійся надъ людьми, царитъ жуткая тишина. Все припало къ землѣ, въ ней ища защиты. Лица блѣдны, глаза неестественно расширены. Чтобы встать здѣсь во весь ростъ нужно не мало мужества, появиться верхомъ на лошади—немыслимо.

Полоса земли 300--600 шаговъ и притаившись, закрывши голову руками, точно руки спасутъ отъ пуль, лежатъ поддержки... Тутъ пули свистятъ рѣже, ихъ свистъ не такой рѣзкій, болѣе пѣвучій, но и здѣсь блѣдныя лица, напряженное вниманіе и здѣсь царство смерти; никто не поднимается и только офицеръ въ полусидячей позѣ разглядываетъ въ бинокль позицію противника...

Отсюда бѣжитъ черною змѣею проволока телефона на батарею. Несмотря на вихрь смерти, проносящійся надъ батареею, на частыя бѣлые дымки шрапнели, вдругъ появляющіеся впереди орудій, и на стремительный свистъ шрапнельныхъ пуль, несущихъ увѣче и смерть, на батареѣ уже какъ-то спокойнѣе. Люди бѣгаютъ; то прячутся въ ровикахъ, то вылѣзаютъ наружу, то лежатъ, то стоятъ во весь ростъ, и грохотъ пушекъ и ревъ снарядовъ заглушаютъ свистъ рѣдкихъ, далекихъ излетныхъ пуль. Дальше версты на полторы—только раненые, уныло бредущіе въ наскоро сдѣланныхъ, черныхъ отъ крови, повязкахъ. За какимъ-нибудь

прикрытіемъ притаились вѣстовые съ лошадьми, бредеть умный осликъ, безъ провожатаго несущій патроны въ цѣпь.

Затѣмъ — перевязочные пункты, заваленные ранеными и убитыми, возлѣ которыхъ ходятъ въ бѣлыхъ фартукахъ врачи, сестры, а въ сторонкѣ священникъ торопливо читаетъ отходную. Сюда пули не залетають, шрапнели рвутся далеко и все на одномъ и томъ же мѣстѣ, давая высокіе разрывы, но здѣсь уже начинаются настоящіе нервы. Здѣсь къ оборонѣ не способны.

Измученные непосильною работою, видомъ человѣческихъ страданій, раскромсанныхъ снарядами и ножами хирурговъ окровавленныхъ тѣлъ, не знающие, что дѣлается тамъ впереди — эти люди доживаютъ до высшаго переутомленія нервовъ...

Еще дальше въ новой войнѣ будутъ стоять большіе переносные сараи, бочки бензина, приборы для добыванія водорода, отсюда будутъ взлетать и сюда спускаться съ тревожнымъ трескомъ пропеллеровъ аэропланы.

Маленькія безпечныя прикрытія. Густыя массы лошадей возлѣ обозовъ и артилерійскихъ парковъ. Неизвѣстность того, что дѣлается впереди, обиліе людей съ истрепанными нервами, безразличіе передъ смертью въ облакахъ, передъ смертью, нанесенною снарядомъ, пулями, ядрами, и ужасъ передъ человѣкомъ-убійцей, идущимъ съ шашкой, штыкомъ или пикой.

Маленькія группы людей, очень ученыхъ, очень искусныхъ въ механикѣ, высшей математикѣ и совсѣмъ не признающихъ рукопашнаго боя, капризные аэропланы, на которыхъ не всегда можно сѣсть и улетѣть, шумливые, издали видные автомобили; еще дальше — желѣзная дорога, большая сѣть телефоновъ и телеграфовъ, радіографныя станціи — та периферическая нервная система, которая идетъ къ главнокомандующему.

Подумайте, какъ все это хрупко! Какъ заманчивы рейды и набѣги именно сюда. Не на станцію Инкоу, гдѣ ничего нѣтъ, а на станцію Ляоянь, гдѣ рѣетъ бѣлый флагъ съ краснымъ кругомъ и расходящимися отъ него лучами красной матеріи... Не на Фандзя-тунь, гдѣ одинъ фельдфебель Харинъ, не имѣющій къ тому же нервовъ, а на Мукденъ, гдѣ множество праздношатающагося военнаго и притомъ безоружнаго люда.

Вотъ задачи конницы... Вотъ громадная дѣятельность самостоятельной конницѣ, не связанной никакими частными задачами и получившей лишь общую директиву главнокомандующаго.

Вихрь, затерявшійся въ пустынь и который не найдешь и не обнаружишь — вотъ ея движенія.

Для охраненія и развѣдыванія пѣхотѣ тоже нужна конница и пусть она будетъ. Но одновременно съ нею должны быть взяты отборные люди по духу и по силѣ, самые предприимчивые и смѣлые, отборныя по рѣзвости и выносливости лошади и создано нѣсколько корпусовъ особой кавалеріи. Назовите ее какъ хотите—армейской, въ отличіе отъ дивизионной, самостоятельной, въ отличіе отъ приданной пѣхотѣ—но и въ мирное время ведите ее обученіе широко въ духѣ современнаго устава. Молодые вожди, всѣ аттестованные «безпокойными», всѣ самостоятельные характерами, твердые волею, неутомимые на конѣ, должны быть отобраны сюда и проходить здѣсь курсъ той смѣлой работы, выполнять которую имъ придется на войнѣ. Въ эти полки—кровныя лошади, въ эти полки—легкія горныя пушки, вьючный обозъ и пулеметы; при этихъ полкахъ—самолеты для широкой развѣдки, въ этихъ полкахъ—просторъ чистаго поля и отсутствіе нарядовъ на заставы, на ординарцы, на службу связи.

Половина донскихъ казаковъ, тѣхъ, что приходитъ съ низовьевъ Дона, что сидитъ на крупныхъ и кровныхъ лошадяхъ можетъ составить одинъ—два такихъ летучихъ корпуса, регулярная конница дастъ таковыхъ же два—три корпуса—остальное отдайте на службу пѣхотѣ для ближней развѣдки, для охраненія фланговъ, для службы связи.

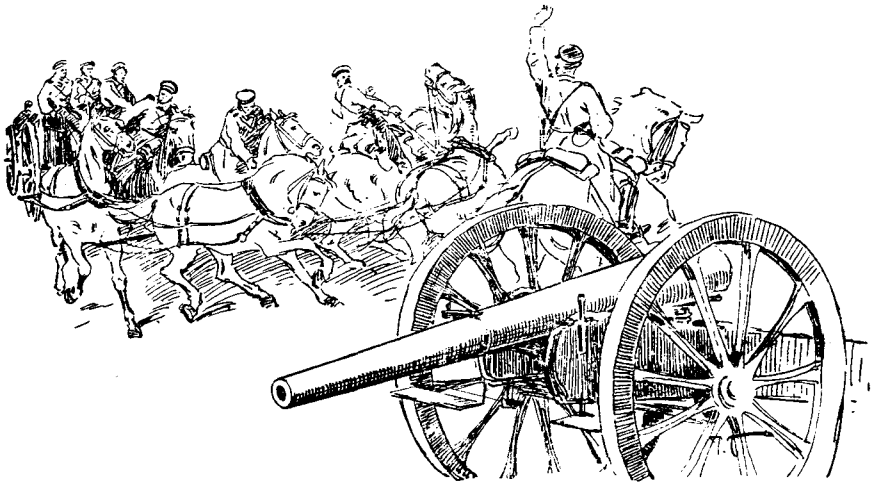
Золотой вѣкъ конницы начинается снова, отъ насъ зависитъ въ ближайшую войну любоваться ея подвигами и превозносить ея героевъ, или снова конфузиться передъ неудачами импровизированныхъ набѣговъ, составныхъ, не обученныхъ въ мирное время отрядовъ конницы, призванной для самостоятельной работы и не знающей этой работы въ мирное время...

Если нельзя вести обученіе всей конницы въ самостоятельномъ духѣ новаго устава, если у насъ на это нѣтъ ни силъ, ни средствъ—намъ нужно приступить теперь же къ организаціи и серьезному обученію самостоятельной конницы въ крупныхъ соединеніяхъ, прочно созданныхъ въ мирное время и остающихся нерушимыми въ военное.

Не надо забывать, что «организація не терпитъ импровизаціи», что на войнѣ мы хорошо будемъ дѣлать лишь то, что прочно усвоили въ мирное время... «*Sans une cavalerie expérimentée et suffisante les armées marchent en aveugle et sont compromises*».

Гр. А. Д.

СОВМѢСТНАЯ СТРѢЛБА АРТИЛЕРІИ СЪ ПѢХОТОЙ.

Совмѣстная стрѣлба артилеріи съ пѣхотой дѣло не новое. Стрѣлба эта производилась вѣроятно во всѣхъ частяхъ артилеріи, большею частью на зимовыхъ квартирахъ. Этого требовали всѣ наши наставленія, положенія и Инструкціи по стрѣлбѣ. Для этихъ стрѣлбъ ежегодно каждая батарея, изъ числа отпущенныхъ боевыхъ припасовъ на лѣтнюю практику оставляла часть ихъ, которая и называлась «На стрѣлбу съ пѣхотою». Новаго тутъ ничего нѣтъ, но почему-то въ послѣднее время объ этомъ заговорили, какъ о чемъ-то новомъ. Почему это? Трудно сказать, развѣ по той русской пословицѣ, что «ново то, что хорошо забыто», но къ данному случаю и эта пословица непримѣнима, такъ какъ никто никогда въ артилеріи этого не забывалъ. Почему же это? Да такъ! Захотѣли и заговорили. Что жъ, можетъ быть это такъ и надо. Заговорили, Богъ дастъ и договорятся до чего-нибудь путнаго.

Какъ производилась эта совмѣстная стрѣлба, всѣмъ очень хорошо извѣстно. Всѣ отлично знаютъ, что слово «совмѣстная», тутъ рѣшительно не причемъ. Никогда никакой совмѣстной стрѣлбы и не было.

Полагаю, оговаривать, что здѣсь рѣчь идетъ о стрѣльбѣ въ мирное время, не стоитъ, такъ какъ въ военное время другой стрѣльбы, какъ совмѣстной, и не бываетъ.

Совмѣстность стрѣльбы характеризуется главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы цѣли были однѣ и тѣ же какъ для пѣхоты, такъ и для артилеріи, и если не въ строго точномъ смыслѣ этого, то въ томъ смыслѣ, чтобы взаимнымъ расположеніемъ своимъ онѣ составляли одинъ и тотъ же боевой порядокъ.

Въ дѣйствительности пѣхота, опасаясь случайныхъ поражений отъ нерѣдко бывающихъ преждевременныхъ разрывовъ артиллерійскихъ снарядовъ, отходить въ сторону на 300—400 сажень отъ артилеріи и тѣмъ разумѣется нарушаетъ связь съ нею, а слѣдовательно, и стрѣльба изъ совмѣстной обращается въ раздѣльную. Общимъ является только время стрѣльбы, а потому, пожалуй, было бы, быть можетъ, справедливѣе называть эти стрѣльбы не совмѣстными, а «одновременными», такъ какъ въ дѣйствительности совмѣстности тутъ нѣтъ никакой, а одновременность все-таки есть.

Часто слышатся такія объясненія этому непонятному употребленію одного слова вмѣсто другого: предполагается, говорятъ, что хотя сомкнутая часть (правильнѣе было бы говорить о сомкнутыхъ частяхъ, такъ какъ односторонніе маневры есть событія вынужденныя чисто полигонными условіями) и находится обѣими своими половинами по сторонамъ артилеріи, вдали отъ нея, но половины эти связаны цѣпью, находящеюся и передъ артилеріей. Допустимъ, что это такъ, но что же изъ этого выходитъ? Положимъ, для примѣра, на позиціи полкъ съ батареею. Батарея занимаетъ по фронту 50—70 сажень. Удаленіе въ обѣ стороны пѣхотныхъ частей 600—800 сажень, да протяженіе 2-хъ баталіоновъ, занявшихъ позицію по обѣ стороны артилеріи (остальные 2 баталіона, положимъ, находятся въ частномъ резервѣ или въ бой вообще еще не введены), это тоже дастъ 500 сажень, итого 60 с. + 700 с. + 500 с., что составитъ въ общемъ 1.260 сажень, а проще— $2\frac{1}{2}$ версты, на полкъ же получается протяженіе по фронту всего 1 верста. Выходитъ, такимъ образомъ, что предположеніе, яко бы обѣ стрѣляющія части пѣхоты соединены цѣпью, неправдоподобно, такъ какъ такая цѣпь длиною въ $2\frac{1}{2}$ версты отвѣчаетъ дивизіи или бригадѣ, а ужъ никакъ не полку. Значитъ это натянутое объясненіе критики не выдерживаетъ. А разъ оно критики не выдерживаетъ, значитъ такими стрѣльбами мы приучаемъ глазъ къ неправильностямъ, могущимъ вредно отразиться на глазомѣрѣ въ будущемъ. А такъ

какъ вообще въ мирное время не слѣдуетъ учить ничему такому, чего не можетъ быть въ бою, то, слѣдовательно, такія стрѣльбы практиковать не слѣдуетъ. А что же, скажутъ, по вашему дѣлать? Отказаться совершенно отъ этихъ совмѣстныхъ стрѣльбъ? Жаль! Это вѣдь такъ красиво въ разговорѣ и на бумагѣ. Да, красиво, но не только бесполезно въ дѣйствительности, но даже, пожалуй, вредно въ учебномъ смыслѣ. Вредно потому, что это не только не сближаетъ стрѣляющія части, но даже разъединяетъ ихъ.

Припомните спокойно, кто бывалъ на этихъ стрѣльбахъ, чувствовала ли артилерія, что она стрѣляетъ вмѣстѣ съ пѣхотой? Ничуть. Точно также и пѣхота ничѣмъ не чувствовала, что она стрѣляетъ вмѣстѣ съ артилеріей. Сплошь и рядомъ не только не было чувства этой совмѣстности, но часто не было даже и одновременности. Начинали стрѣлять, пожалуй, и пѣхота, и артилерія одновременно, получая на то разрѣшеніе отъ начальника отряда или отъ руководителя, когда поле оказывалось готовымъ, но дальше—ничего общаго по времени рѣшительно не бываетъ. Другъ о другѣ пѣхота и артилерія вспоминаютъ лишь тогда, когда, окончивъ свою стрѣльбу, посылаютъ счетчиковъ пробоишь, и вотъ тогда опять начальникъ пѣхоты появляется лично или даетъ о себѣ знать черезъ ординарца или по телефону, прося у начальника отряда или у руководителя разрѣшеніе выслать счетчиковъ, а частямъ пѣхоты идти домой.

Артилерія, какъ имѣющая большее число и разнообразіе цѣлей, всегда почти, по чисто мишеннымъ условіямъ, запаздываетъ сравнительно съ пѣхотой; поэтому, отчасти по нашей халатной добротѣ, а главное, по отдаленности расположенія пѣхоты отъ артилеріи, удаленія съ поля происходятъ врозь. Требованіе боевого отступленія при каждомъ маневрѣ, такъ какъ поля наши всѣ почти таковы, что пути съ позиціи въ лагерь всегда есть, отступленія практикуются рѣдко, да, строго говоря, и приучать войска къ отступленіямъ едва ли воспитательно. Учить этому не слѣдуетъ и теперь, какъ не учили этому и въ старину.

Значитъ, строго говоря, въ практикуемыхъ нынѣ стрѣльбахъ пѣхоты съ артилеріей нѣтъ ни совмѣстности, ни одновременности. А если нѣтъ одновременности, то не лучше ли будетъ совсѣмъ устранить одновременность, но зато сдѣлать стрѣльбу вполне совмѣстной въ томъ смыслѣ, какъ это было сказано выше. Но какъ же это сдѣлать? А вотъ какъ.

Наканунѣ дня стрѣльбы два отряда, каждый примѣрно силою

въ полкъ пѣхоты или кавалеріи и батареи артилеріи, получаютъ задания на двухсторонній маневръ, для чего отряды эти и разводятся на соответствующія разстоянія отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ на одной сторонѣ можно будетъ поставить мишени, а для другой—занять позиціи.

Разумѣется, было бы самымъ наилучшимъ дѣломъ въ смыслѣ поучительности, а главное, въ смыслѣ вниманія маневрирующихъ частей, если бы части не знали, которая изъ нихъ будетъ стрѣлять на другой день. Это можно было бы дѣлать только тогда, когда то позволяли бы наши учебныя поля, а для этого надо, чтобы размѣры ихъ были не менѣе 13×13 верстъ, не считая лагеря и стрѣльбищъ пѣхоты. Такихъ полей пока еще у насъ нѣтъ, но въ будущемъ они должны быть обязательно.

Далѣе. Въ назначенное для маневра время, по распоряженію руководителя, части начинаютъ движенія, для чего и высылаютъ, разъѣзды, дозоры и пр. Руководитель, имѣя на каждой сторонѣ помощнику для наблюденія, чтобы своевременно и безъ запозданія каждая часть начинала свои движенія, имѣетъ еще при себѣ или предсѣдателя мишеннаго комитета или начальника полигона, если маневръ происходитъ на полигонѣ, но гораздо лучше было бы стрѣльбы эти производить на незнакомой мѣстности; тогда навѣрное будетъ больше шансовъ на то, что явится возможность производить ихъ такъ, какъ сказано выше, т. е. какъ на полигонахъ съ размѣрами 13×13 , а то и болѣе верстъ.

При каждой маневрирующей части должны быть еще по одному а, если можно, и по 2 члена мишеннаго комитета.

Всѣ эти лица, т. е. руководитель, его помощники и лица полигона, должны быть связаны телефонами независимо отъ тѣхъ телефоновъ, которыми будутъ связаны маневрирующія части съ ихъ начальствующими лицами.

Во время хода маневра, помощники руководителя и лица полигона намѣчаютъ на планѣ мѣстности, на которой идетъ маневръ, моменты расположенія частей каждой стороны во время стрѣльбы той или другой части и свѣдѣнія о томъ, какая часть по какой стрѣляетъ, а, если можно, то и время продолжительности стрѣльбы по каждой части, особенно, если эта послѣдняя скрывается совершенно или перемѣняетъ позицію. Моменты эти могутъ быть или указываемы руководителемъ, если ему отлично видны всѣ части маневрирующихъ отрядовъ, или по заранѣе указаннымъ моментамъ времени, по точно свѣреннымъ часамъ всѣхъ лицъ, участвующихъ

въ организаціи маневра и стрѣльбы. Первый способъ проще, но онъ не всегда можетъ быть примѣнимъ; второй сложнѣе по дальнѣйшей своей разработкѣ по производству стрѣльбы, но зато всегда и всюду легко можетъ быть примѣнимъ.

По окончаніи маневра, руководитель собираетъ, какъ своихъ помощниковъ, такъ и лицъ полигона, а также и начальство маневрирующихъ частей и дѣлаетъ сперва разборъ маневра, а затѣмъ по совѣщаніи съ помощниками и лицами полигона, отпустивъ начальство маневрировавшихъ частей, составляетъ планъ расположенія мишеней и порядокъ стрѣльбы, руководствуясь, какъ своими личными впечатлѣніями, такъ и докладами помощниковъ и лицъ полигона. Въ планѣ мишеней должно быть показано: какая часть, на какомъ мѣстѣ, въ продолженіе какого времени, была обстрѣливаема отдѣльно пѣхотою и отдѣльно артилеріею. Въ порядкѣ стрѣльбы должно быть показано, какая часть, съ какого мѣста, по какой части и въ продолженіе какого времени вела стрѣльбу.

При составленіи этихъ плановъ отъ руководителя потребуется очень много ловкости и умѣнья для выбора изъ всѣхъ этихъ моментовъ тѣхъ, которые наиболѣе характерны, наиболѣе поучительны и наиболѣе жизненны, а главное—чтобы въ предстоящей на другой день стрѣльбѣ, исполненіе ея не потребовало бы чего-нибудь такого, что было бы неисполнимо или неудобноисполнимо, а самое главное, это то, чтобы предстоящая стрѣльба по выполненію своему была бы какъ можно ближе къ бывшему маневру.

Согласованіе порядка стрѣльбы артилеріи и пѣхоты, согласованіе такое, по которому отъ пѣхоты не потребовалось бы лишнихъ передвиженій по полю стрѣльбы, составляетъ самую главную и трудную часть роли руководителя, и потому руководителемъ долженъ быть такой начальникъ, которому одинаково дороги всѣ маневрирующія части и которому всѣ въ одинаковой мѣрѣ подчинены.

Выбравъ моменты и части и составивъ порядокъ стрѣльбы, руководитель даетъ указанія чинамъ полигона, гдѣ какія мишени, изображающія артилерію, должны быть поставлены и гдѣ должны быть указаны позиціи стрѣляющей артилеріи. Пѣхотныя части обоеихъ отрядовъ должны быть обозначены такъ: въ обстрѣливаемомъ отрядѣ—всѣ, по ихъ моментамъ нахожденія, а въ стрѣляющемъ отрядѣ—только цѣпи и поддержка. Мѣста остальныхъ частей пѣхоты стрѣляющаго отряда должны быть только намѣчены, какъ равно должна быть намѣчена и позиція стрѣляющей артилеріи, какъ выше и было уже сказано.

При производствѣ на слѣдующій день боевой стрѣльбы очень важнымъ факторомъ является время ея исполненія. Не только желательно, но даже обязательно, стрѣльба должна производиться строго въ то же время, въ какое производился и маневръ.

Освѣщеніе, зависящее отъ времени дня, играетъ такую существенную роль, что производить стрѣльбу не въ тѣ часы, въ которые былъ маневръ, равносильно полному умаленію пользы дѣла, такъ какъ, что было отлично видно въ одно время дня, на очень дальнія дистанціи, то можетъ быть совершенно не видно въ другое время дня и обратно, что не было видно во время маневра, можетъ быть, будетъ отлично видно во время стрѣльбы, если стрѣльба и маневръ будутъ производиться въ разное время дня.

Самая стрѣльба по распредѣленнымъ мишенямъ можетъ быть произведена тремя способами, а именно: первую можетъ стрѣлять артилерія, а второю—пѣхота или обратно: первую можетъ стрѣлять пѣхота, а затѣмъ артилерія или, наконецъ, производить стрѣльбу можетъ и пѣхота, и артилерія послѣдовательно одна послѣ другой, строго придерживаясь того порядка, въ которомъ шла стрѣльба на маневрѣ холостыми патронами.

Первые два способа стрѣльбы проще и удобоисполнимѣе, третій же способъ нѣсколько сложнѣе.

Объ исполненіи первыхъ двухъ способовъ нечего почти и говорить. Передъ стрѣльбой части собираются къ мѣсту, съ котораго началось наканунѣ развертываніе и выжидаютъ очереди вызова ихъ на стрѣльбу. Когда данная часть подойдетъ къ мѣсту, то руководитель или его помощникъ указываетъ ей цѣли и начало момента открытія огня и слѣдитъ за продолжительностью его.

О стрѣльбѣ по третьему способу приходится сказать нѣсколько словъ, главнымъ образомъ, о пѣхотѣ. Артилерія едва ли будетъ мѣнять позицію, да она и ни въ какомъ случаѣ нодѣ огонь своей пѣхоты не попадетъ, а при перемѣнѣ позиціи частями, выѣздъ части артилеріи подѣ прикрытіемъ огня другой—стрѣляющей, при внимательномъ ея веденіи огня, съ противоположнаго фланга, а еще лучше при временной его остановкѣ, тоже затрудненія не составитъ. Другое дѣло—движеніе пѣхоты. Пѣхота во все время боя двигается. Выбрать тѣ остановки для стрѣльбы, которыя наиболѣе существенны, дѣло, какъ выше сказано, руководителя. Выбирая ихъ, онъ долженъ такъ обдумать дѣло, чтобы отстрѣлявшая по данной цѣли

данная часть могла бы легко удалиться въ полосу безопасности ¹⁾ и въ случаѣ надобности, вновь выйти на это же мѣсто и продолжать движеніе и стрѣлбу, когда дойдетъ до новаго мѣста, т. е. до того, съ котораго она стрѣляла на маневрѣ.

Эти удаленія съ поля и вновь на него вступленія пѣхоты или спѣшенной кавалеріи—самыя сложныя и самыя трудныя эволюціи, самая нежелательная часть дѣла, но зато и картина стрѣлбы, въ общемъ, получится вполне правдоподобная.

Полезьа отъ такой стрѣлбы, помимо того, что она будетъ приучать глазъ ведущихъ стрѣлбу къ правильнымъ взаимнымъ расположеніямъ частей одной относительно другой, будетъ еще въ томъ, что, стрѣляя по непріятельскимъ частямъ, можно будетъ видѣть, насколько опасна стрѣлба наша для нашихъ же частей, такъ какъ части нашей пѣхоты, какъ сказано выше, будутъ обозначены мишенями въ тѣхъ положеніяхъ, какія онѣ занимали во время стрѣлбы, а теперь, во время стрѣлбы артилеріи, покинули эти мѣста. Особенно это важно тогда, когда наши части будутъ находиться отъ непріятельскихъ въ разстояніи 200—300 сажень. Осмотръ мишеней, изображающихъ наши части, воочію убѣдитъ стрѣляющихъ и находящихся подъ ихъ огнемъ, насколько опасно полагаться на теоретическіе расчеты и насколько надо проявить спо-

---

¹⁾ Безопасная полоса опредѣляется такъ. Къ самому крайнему направленію выстрѣла, при точкѣ стоянія флаговаго орудія, надо мысленно провести линію подъ угломъ 45° (75 дѣлений углемѣра) и все то пространство, которое будетъ находиться внѣ этой линіи, и будетъ безопасною полосою. На мѣстности, въ дѣйствительности эта безопасная полоса будетъ, не вездѣ въ ранѣе названную цифру 300—400 сажень, а будетъ такова: около орудія это разстояніе равно 0, т. е. пѣхота, на линіи огня артилеріи, можетъ примыкать къ ней сплосъ и будетъ въ полной безопасности. На разстояніи 100 сажень отъ направленія огня она уже будетъ въ безопасности, въ 200 саженьяхъ—въ 200 саженьяхъ, въ 250—въ 250 саженьяхъ и такъ далѣе до 350 сажень. На этомъ разстояніи отъ стрѣляющей батареи есть самое дальнее удаленіе начала безопасной полосы. Дальнѣйшее увеличеніе разстоянія отъ стрѣляющей батареи больше не вызываетъ уже увеличенія разстоянія до начала безопасной полосы, такъ какъ это удаленіе въ 350 сажень нужно уже только для безопасности отъ пуль и осколковъ при разрывахъ шрапнелей.

Всѣ эти разсужденія разумѣется относятся къ тѣмъ случаямъ, когда стрѣлба артилеріи идетъ на разстояніи большія, чѣмъ удаленіе пѣхоты отъ батареи. Если бы случилось такъ, что пѣхота отошла отъ батареи, положимъ на 200 сажень, по директрисѣ, а батарея стрѣляла бы на то же разстояніе, то понятно, что въ этомъ случаѣ пѣхота должна будетъ отойти на разстояніе въ 350 сажень для безопасности отъ нормальныхъ и вообще поражающихъ цѣль выстрѣловъ, тогда какъ при стрѣлбѣ на дистанцію дальше удаленія пѣхоты, рѣчь идетъ только о конусѣ разлета пуль и осколковъ при случайныхъ разрывахъ и при возможныхъ отклоненіяхъ снарядовъ отъ направленія огня.

койствіе, попадая въ положеніе случайно поражаемыхъ, когда самъ поражаешь врага, наступая на него.

Очень можетъ быть, что при дальнѣйшемъ усовершенствованіи снарядовъ и трубокъ и достиженіи стрѣляющими высокаго искусства въ управленіи огнемъ, стрѣльбы черезъ головы своихъ войскъ и въ мирное время стануть такими же обычными явленіями, какими онѣ являются нынѣ во время войны.

Пока же стрѣльбы въ томъ видѣ, какъ описано здѣсь, если и не дадутъ вполнѣ того, что бываетъ и будетъ на войнѣ, то все же онѣ сдѣлаютъ шагъ къ тому, чтобы научиться въ мирное время бить врага, не поражая своихъ, что разумѣется полезно будетъ даже и на войнѣ.

Въ заключеніе оговорюсь.

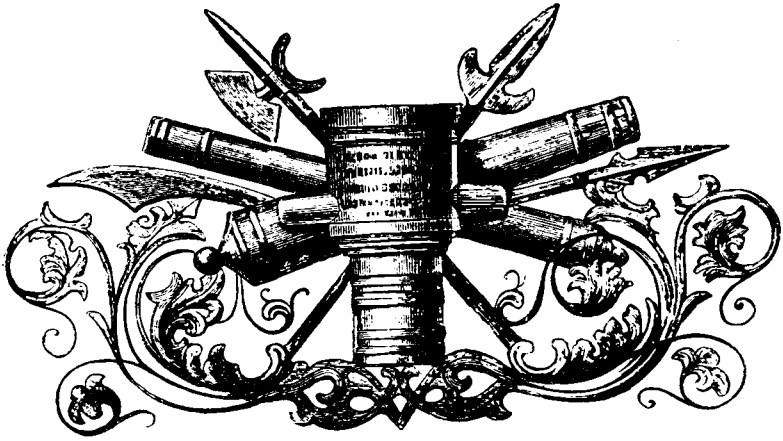
Увлекаться какъ чѣмъ бы то ни было, такъ равно и стрѣльбами подобнаго рода, артилеріи не слѣдуетъ. Во всемъ всегда должна быть постепенность.

Артилерія, какъ и всякій другой родъ войскъ, нуждается въ систематичности своего обученія. Систематичность должна заключаться сначала въ изученіи элементовъ, а затѣмъ уже въ практикѣ сложныхъ дѣйствій. Только что описанныя стрѣльбы должны быть концомъ занятій, а никакъ не серединою, а тѣмъ болѣе не началомъ ихъ.

Хотя по закону всякая артилерійская часть должна быть готова къ стрѣльбѣ во всякое время, но то же вѣдь относится и ко всѣмъ другимъ родамъ войскъ, а если они ежегодно лѣтнія свои практики начинаютъ съ азовъ, то нѣтъ никакого резона артилеріи начинать ихъ съ ижиць.

Б. Кобозевъ.

О ПОДГОТОВКѢ АРТИЛЕРІИ КЪ СТРѢЛБѢ.

Въ сводѣ замѣчаній генераль-инспектора артилеріи («Артилерійскій Журналъ» 1909 г. № 135) есть весьма цѣнное указаніе: «уже неоднократно указывалъ на то, что курсъ стрѣльбы проходится круглый годъ и ни первыхъ, ни послѣднихъ стрѣльбъ быть не должно. Неужели командиръ батареи, прокомандовавшій батареей нѣсколько лѣтъ, нуждается каждый годъ въ маѣ мѣсяцѣ въ стрѣльбѣ по открытой цѣли только потому, что эта стрѣльба первая въ данномъ году»? Выводъ отсюда несомнѣненъ: 1) командиръ батареи долженъ владѣть искусствомъ стрѣльбы; 2) всѣ послѣдующія стрѣльбы, которыя придется вести командиру батареи во время командованія ею, должны служить средствомъ для доведенія искусства стрѣльбы до доступнаго его способностямъ совершенства. Вотъ основное положеніе. Теперь необходимо установить, при какихъ условіяхъ должны протекать стрѣльбы командира батареи, чтобы добиться желаемыхъ результатовъ.

Въ настоящее время установлено, что боевой единицей артилеріи является дивизионъ, который, во-первыхъ, представляетъ собой мощную силу, способную на выполненіе сложныхъ боевыхъ задачъ и, во-вторыхъ, является предѣломъ того числа батарей (орудій), управленіе которыми доступно одному лицу. Разсмотримъ это нѣсколько подробнѣе.

Батарея въ 8 орудій нѣсколько громоздка, но зато можетъ быстрѣе пристрѣляться (выигрышъ полминуты имѣетъ большое значеніе) и развить интенсивный огонь. Дивизионъ въ 24 орудія безъ всякаго напряженія, на любую дистанцію, можетъ выпустить около ста патроновъ мѣткого огня, сосредоточеннаго по нужному

пункту; сила внушительная. Это одна сторона вопроса, другую составляет протяженіе фронта и организація связи.

Батарея при тридцати шаговыхъ интервалахъ между орудіями займетъ по фронту 70 сажень, а дивизионъ—230 сажень независимо отъ того, будетъ ли онъ занимать отдѣльный боевой участокъ или располагаться за пѣхотой. Въ зависимости же отъ мѣстныхъ условій длина фронта можетъ быть значительно больше, а хорошій наблюдательный пунктъ заставитъ, подчасъ, командира дивизиона отойти въ сторону версты на двѣ и больше.

Продолжительный опытъ и масса наблюденій въ этомъ направленіи приводятъ къ твердому выводу, что въ отношеніи управляемости дальше дивизиона идти нельзя; только дивизионъ при хорошей слаженности и умѣломъ руководствѣ способенъ выполнять своевременно приказанія о направленіи огня по данной цѣли, распределеніи и сосредоточеніи его въ нужную минуту и въ данный промежутокъ вренени. Если на стрѣльбахъ мирнаго времени даже въ хорошо слаженныхъ частяхъ мы часто наблюдаемъ недостатокъ инициативы и отзывчивости со стороны батарей—то что можетъ быть въ бою? Оправданіемъ до нѣкоторой степени можетъ служить несвоевременное достиженіе до батарей приказанія, неясность опредѣленія ориентирнаго пункта (если нѣтъ рѣзко выдающихся предметовъ), наконецъ перевираніе приказанія; понятно, что, чѣмъ больше батарей будетъ сосредоточено въ однѣхъ рукахъ—тѣмъ больше будетъ недоразумѣній и задержекъ; все это вызоветъ переспросы, иногда необходимость отдачи приказанія наново, а цѣль движется или уже успѣла скрыться.

Такимъ образомъ, повторяю, при учетѣ разстоянія и времени, потребнаго на передачу приказанія, предѣльной величиной по управляемости слѣдуетъ признать дивизионъ, тѣмъ болѣе, что онъ удовлетворяетъ и первому (главному) условію: способности развить мощный огонь.

Какъ было сказано выше, командиръ батареи ко времени назначенія на эту должность обязанъ уже владѣть стрѣльбой батареи; дальнѣйшая работа, стало быть, должна протекать въ условіяхъ болѣе трудныхъ, чѣмъ стрѣльба отдѣльныхъ батарей, т. е. въ составѣ дивизиона. Это подтверждаетъ § 103 «Инструкціи для подготовки артиллеріи къ стрѣльбѣ»: «дивизионныя стрѣльбы служатъ для утвержденія командира дивизиона въ управленіи огнемъ дивизиона, а батареей въ совмѣстномъ маневрированіи и стрѣльбѣ». А такъ какъ тактической единицей артиллеріи признаанъ дивизионъ, то и въ мирной практикѣ дивизионнымъ стрѣльбамъ слѣдуетъ отвести пер-

венствующее мѣсто. Въ войсковыхъ отчетахъ не разъ указывалось на то, что на дивизионныхъ стрѣльбахъ пораженіе мишеней оказывается обыкновенно значительно меньшимъ, чѣмъ на стрѣльбѣ отдѣльныхъ батарей, несмотря на большее число выпускаемыхъ патроновъ. Объяснить это можно только недостаткомъ упражненій въ практикѣ этого важнѣйшаго вида стрѣльбы (двѣ стрѣльбы въ годъ).

Итакъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) тактическая единица есть дивизионъ; 2) командиръ батареи долженъ совершенствоваться, упражняясь въ наиболѣе трудныхъ условіяхъ стрѣльбы; 3) дивизионныя стрѣльбы являются важнѣйшими, а результаты даютъ слабые—стало бытъ необходимо увеличить число упражненій этого рода; 4) такъ какъ нельзя командирамъ дивизионовъ гарантировать безсмертіе, то слѣдуетъ приготовить имъ замѣстителей въ лицѣ командировъ батарей, которымъ необходимо дать возможность упражняться въ управленіи дивизиономъ.

Если признать всѣ изложенные доводы справедливыми, то программа практики на артилерійскихъ полигонахъ будетъ состоять изъ ряда дивизионныхъ стрѣльбъ. Пять практикъ (три теперешнихъ командирскихъ и двѣ дивизионныя) будутъ проходить подъ управленіемъ командировъ дивизионовъ, причемъ батареями будутъ командовать командиры; три стрѣльбы старшихъ офицеровъ, также въ составѣ дивизиона, которымъ по очереди будутъ командовать командиры батарей, а старшіе офицеры выполнять всѣ обязанности послѣднихъ съ момента ввода въ паркъ.

Ни затрудненій, ни новыхъ расходовъ такой порядокъ не вызоветъ, но всѣмъ дастъ практику, какъ въ рѣшеніи тактическихъ задачъ, такъ и въ управленіи дивизиономъ или батареей. Необходимо, впрочемъ, сдѣлать небольшую оговорку. Среди молодыхъ старшихъ офицеровъ могутъ оказаться такіе, которые по недостатку практики не будутъ искусными стрѣлками, а, наоборотъ, потребуютъ обстановки болѣе простой, чѣмъ стрѣльба въ составѣ дивизиона.

Тогда стрѣльбы ихъ можно будетъ выполнять такъ: всю работу отъ выхода изъ парка и вплоть до момента открытія огня вести въ составѣ дивизиона; какъ только она окончена—огонь открываетъ очередная батарея, а прочія предполагаются въ наблюдательномъ положеніи. Такой порядокъ дастъ командующему дивизиономъ и батареями возможность во-первыхъ, рѣшить боевую задачу (§ 97 «Инструкціи»), а во-вторыхъ, самую стрѣльбу провести такъ, чтобы прослѣдить всѣ корректуры и получить результаты разрывовъ съ наблюдательныхъ приборовъ.

Теперь остается сказать еще о стрѣльбахъ младшихъ офице-

ровъ и нижнихъ чиновъ. Случай, когда имъ придется самостоятельно рѣшать боевую задачу, будетъ конечно исключеніемъ; въ подавляющемъ же числѣ случаевъ младшіе офицеры явятся замѣстителями убывшихъ (старшихъ ихъ) лицъ; въ этой роли ихъ и слѣдуетъ практиковать. Отдѣльныхъ практикъ имъ назначать не придется, а по окончаніи стрѣльбы дивизиона давать задачи на продолженіе стрѣльбы предшественника съ переносомъ огня на новую цѣль, какъ это дѣлается во многихъ частяхъ и теперь; стрѣльбы вести, конечно, отдѣльными батареями, дабы прослѣдить за ходомъ пристрѣлки, получить данныя съ наблюдательныхъ приборовъ и имѣть возможность сдѣлать подробный разборъ стрѣльбы.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ организаціи дивизионныхъ стрѣльбъ. Тутъ придется рассмотреть двѣ стороны: маневрированіе и выполненіе самой стрѣльбы.

Время, когда артилерія скакала, какъ сама хотѣла, уже миновало; если въ періодъ завязки боя ей отводится первенствующее мѣсто, то есть много случаевъ, когда она сама примѣняется къ пѣхотѣ. Въ послѣднее время проводятся совершенно новыя мысли даже о первоначальномъ расположеніи артилеріи на позиціи. Такъ, въ «указаніяхъ по нѣкоторымъ вопросамъ тактики», приложенныхъ къ приказу по академіи генеральнаго штаба отъ 9-го іюня 1909 г. за № 159, читаемъ: «Для артилерійскихъ частей специальныхъ интерваловъ въ боевомъ порядкѣ не оставляется. Артилерія располагается или противъ интерваловъ между пѣхотными частями, или позади пѣхотныхъ частей, соображаясь съ удобствомъ выполненія боевыхъ задачъ и мѣстностью. Такъ какъ массивованіе орудій влечетъ за собой серьезныя неудобства (легкость пристрѣлки для противника, большія потери), а между тѣмъ дальноточность орудій позволяетъ сосредоточить огонь, не сосредоточивая орудій, то, если мѣстность и протяженіе фронта боевого порядка допускаютъ разсредоточенное расположеніе, — артилерія преимущественно располагается прерывчато, безъ нарушенія, однако, организаціи. При этомъ нѣкоторыя артилерійскія части могутъ оказаться въ районахъ боевыхъ участковъ, но быть въ подчиненіи не начальникамъ участковъ, а начальнику артилеріи отряда. Стрѣльба черезъ головы своей пѣхоты неизбѣжна». Въ этой выдержкѣ находятся опредѣленные указанія, какъ для выбора позицій, такъ и для расположенія на ней батарей.

Отсюда ясно, что вѣрное рѣшеніе задачи можетъ быть достигнуто только путемъ совмѣстнаго обсужденія вопроса начальниками пѣхоты и артилеріи. Слѣдовательно идеаломъ производства

дивизионныхъ стрѣльбъ являются стрѣльбы совмѣстно съ пѣхотой; со временемъ, когда будутъ корпусные лагеря, это такъ и будетъ; пока же трудно осуществимо. Вотъ почему до наступленія лучшихъ дней намъ надо работать въ предѣлахъ тѣхъ рамокъ, которыя доступны намъ при данныхъ условіяхъ, т. е., не увлекаясь воображаемымъ присутствіемъ фиктивной пѣхоты, заняться, главнымъ образомъ, доведеніемъ до возможнаго совершенства искусства управленія дивизиономъ и стрѣльбы батареями съ тѣмъ, чтобы не потеряться ни при какихъ условіяхъ.

Мнѣ приходилось не такъ давно высказаться на страницахъ «Русскаго Инвалида» о вредѣ увлеченія тактикой при производствѣ практикъ въ періодъ спеціально-артилерійскихъ сборовъ. Долженъ указать, что на дивизионныхъ стрѣльбахъ увлеченіе доходитъ до предѣла: три четверти работы отдается тактикѣ, а самая стрѣльба пристегивается въ видѣ лишь неизбежнаго приложенія.

При стрѣльбѣ совмѣстно съ пѣхотой, какъ рекогносцировка позицій, такъ и расположеніе на ней рѣшаются (въ особенности на началахъ приведенной выше выдержки) сравнительно просто: пѣхота намѣчаетъ фронтъ своего расположенія, уступая артилеріи нужные ей наблюдательные пункты; по этому фронту разставляются батареи. При стрѣльбѣ же одной артилеріи вопросъ осложняется тѣмъ, что придется сначала рѣшить задачу за пѣхотнаго начальника, иначе нозиція артилеріи не будетъ удовлетворять боевымъ условіямъ. Затратить время и трудъ на эту работу, конечно, не жаль, такъ какъ эта работа настоящая, реальная; но ею и слѣдуетъ покончить съ тактикой.

Чтобы доказать правильность этого взгляда, постараюсь отвѣтить на вопросъ: какую пользу дѣлу можетъ принести допускаемое «Инструкціей для подготовки артилеріи къ стрѣльбѣ» (§ 112) веденіе воображаемаго боя? Для разыгрыванія его нужно имѣть только изощренное воображеніе; ни особыхъ способностей, ни знаній не требуется. Въ періодъ зимнихъ занятій, при рѣшеніи задачъ на планахъ, мы поневолѣ прибѣгаемъ къ такому способу; при этомъ главной цѣлью ставится умѣнье хорошо читать карты, выбрать нозицію и намѣтить расположеніе на ней войскъ, умѣнье твердо и ясно изложить приказаніе и т. д. Когда же мы выходимъ не на маневръ даже, а на боевую стрѣльбу, то желательно имѣть живого сподвижника или, по крайней мѣрѣ, реальнаго врага въ видѣ мишенной обстановки, которую можно все же бить по настоящему. Добиться же этимъ путемъ развитія способности охватить поле дѣйствій, правильно оцѣнить обстановку, принять цѣлесообразное рѣ-

шеніе, воспитать волю, необходимую для приведенія въ исполненіе принятаго рѣшенія,—невозможно, а вѣдь въ этомъ вся суть дѣла.

Когда передъ нами, даже на маневрахъ, неожиданно поднимается пѣхота и открываетъ живой огонь, когда на насъ мчится въ атаку кавалерія—это импонируетъ намъ; слабый человекъ потеряется и надѣлаетъ, быть можетъ, ошибокъ; у сильнаго, наоборотъ, явится подъемъ, родится вдохновенная комбинація, какъ парировать ударъ, и рѣшимость тотчасъ осуществить ее. Воображаемый бой ничего подобнаго не дастъ, какъ не даетъ даже обозначенный противникъ; ибо, если на меня направлены два кавалериста съ желтыми флагами, то мое воображеніе отказывается видѣть въ нихъ эскадронъ; ничего, кромѣ двухъ лѣниво скачущихъ солдатъ, я не вижу, они не заставятъ сердца моего биться сильнѣе и живѣе работать мой мозгъ.

Приведу, какъ иллюстрацію къ только что сказанному, случай изъ жизни знаменитаго генерала Зейдлица. Король Фридрихъ былъ возмущенъ тѣмъ, что Зейдлицъ ничего не понимаетъ въ развитіи сраженія, которое король разыгрывалъ на картѣ, и высказалъ ему это. Зейдлицъ отвѣтилъ: «Ваше величество, если бы я видѣлъ противника—я что-нибудь придумалъ бы».

Итакъ, что же намъ нужно дѣлать? Отвѣтъ находимъ въ томъ же сводѣ указаній генераль-инспектора артилеріи.

«Еще недостаточно правильно рѣшить тактическую задачу и правильно подготовить позицію, надо еще умѣть правильно отличать перелеты отъ недолетовъ и оцѣнивать высоты разрывовъ».

Въ этомъ указаніи заключается полная программа нашихъ спеціально артилерійскихъ сборовъ: 1) умѣть рѣшить боевую задачу (§ 97 «Инструкція»); 2) умѣть выбрать позицію и расположиться на ней; 3) умѣть правильно наблюдать, т. е. владѣть краеугольнымъ камнемъ искусства стрѣльбы.

Если трудно иногда наблюдать за разрывомъ снарядовъ при стрѣльбѣ отдѣльной батареи, то понятно насколько осложняется дѣло, когда одновременно стрѣляютъ нѣсколько батарей по цѣлямъ, близко одна около другой расположеннымъ. Поэтому, если въ періодъ спеціально-артилерійскихъ сборовъ мы ограничимъ тактику только что приведенными рамками, а главную часть энергіи затратимъ на развитіе умѣнья управлять огнемъ дивизионовъ и батарей и искусства вѣрно наблюдать, то будемъ хорошо стрѣлять при всякой тактической обстановкѣ.

Ж. Злобинъ.

АРТИЛЕРІЙСКІЯ ЕДИНИЦЫ И ИХЪ СТРѢЛБЫ.

Въ §§ 17 и 18 «Наставленія для дѣйствія полевой артилеріи въ бою», изд. 1912 г. сказано, что дивизионъ есть тактическая артилерійская единица, а батарея — огневая (стрѣлковая) единица.

Однако и части батарей — полубатареи, взводы, отдѣльные орудія, — являются также какими-то единицами. Эти части — «способны, въ извѣстной мѣрѣ, къ самостоятельному веденію стрѣлбы и, при требующихъ того условіяхъ, могутъ примѣняться отдѣльно для рѣшенія простѣйшихъ задачъ» (§ 18 того же «Наставленія»).

Простѣйшихъ задачъ? А вся батарея, въ полномъ ея составѣ, согласно того же § 18, способна къ рѣшенію лишь «*несложныхъ*» боевыхъ задачъ?

Откровенно говоря, я, право, не могу уразумѣть разницы между «простѣйшими» и «несложными» боевыми задачами. Мнѣ кажется, что тутъ какое-то недоразумѣніе и, главнымъ образомъ, въ этихъ самыхъ артилерійскихъ *единицахъ*. Мнѣ кажется такъ — вотъ почему.

Не отмѣненный и обязательный для руководства § 5 «правиль стрѣлбы», изд. 1911 г., гласитъ: «Въ случаѣ раздѣленія батареи на части или одновременнаго обстрѣливанія частями ея различныхъ

цѣлей, стрѣльба ведется начальниками этихъ частей, а на обязанности командира батареи лежитъ тактическое управленіе огнемъ».

Запомните— «тактическое управленіе огнемъ».

Что же выходитъ? А выходитъ, что, *въ некоторыхъ случаяхъ, батарея будетъ вовсе не огневою, а тактической единицею.*

Очевидное противорѣчіе упомянутымъ §§ 17 и 18 «Наставленія». Однако и этого мало. Фактически и *части батареи* могутъ быть тактическими единицами.

Въ бою важно «не массированіе орудій», говоритъ § 446 полев. устава 1912 г., «а возможность сосредоточенія огня». Въ бою успѣшность дѣйствій артиллеріи оцѣнивается только количествомъ тѣхъ снарядовъ—этой «живой силы» артиллеріи,—которые произвели на противника желаемое впечатлѣніе. Артиллерійская часть, разстрѣлявшая ея патроны, будь то хоть 100-пушечная масса, превращается въ обезсиленный, печальный обозъ, въ живой трупъ, не могущій противодѣйствовать даже только *одному* неприятельскому орудію. Для насъ совершенно безразлично одно ли орудіе, одна ли батарея, дивизионъ или бригада, но разъ они *дѣйствуютъ* и *разъ ихъ снаряды причиняютъ неприятелю ущербъ, то тѣмъ самымъ они рѣшаютъ ту или иную тактическую задачу.* Безъ послѣдней—будетъ не артиллерійская боевая стрѣльба, а преступная, не оправдываемая никакими тактическими соображеніями и, слѣдовательно, *безцѣльная* трата цѣнныхъ патроновъ.

Вотъ почему думаю, что *въ артиллеріи, какова бы ни была огневая единица, въ то же время она будетъ и тактической, а также... и наоборотъ.* Не даромъ говорятъ, тактика артиллеріи—въ ея огнѣ. Не даромъ—совмѣстная и согласованная работа нѣсколькихъ дивизионовъ тѣмъ и заманчива, что, какъ выражается § 17 «Наставленія», «позволяетъ лучше использовать *огневую силу* ¹⁾,-силу артиллеріи».

Однако, быть можетъ, §§ 17 и 18 «Наставленія» имѣли въ виду какія-либо техническія, специально-артиллерійскія, соображенія?

Конечно,—нѣтъ. Я не говорю уже про указанія упомянутаго выше § 5 «правиль стрѣльбы», но техника артиллерійскаго дѣла подсказываетъ также иное.

Согласно §§ 47, 70, 74 и 87 «правиль стрѣльбы» и какъ вошло уже въ привычку артиллеристовъ, *пристрѣлка* ведется не сразу всею массою расположенныхъ на одной позиціи орудій, а серіями—*по четыре* выстрѣла въ каждой. Такъ выгоднѣе по тактическимъ и техническимъ соображеніямъ. Необходимость дѣлать по-

¹⁾ Курсивъ мой.

правки трубки не ранѣе наблюденія четырехъ разрывовъ, затѣмъ затрудненія по одновременному наблюденію за болѣе значительнымъ числомъ разрывовъ, въ-третьихъ, стремленіе къ экономному расходованію цѣнныхъ патроновъ и, наконецъ, желаніе возможно дольше не обнаруживать противнику дѣйствительнаго числа расположенныхъ на одной позиціи орудій—все вмѣстѣ наталкиваетъ на мысль, что, во всякомъ случаѣ, если и считать что-либо за огневую (стрѣлковую) единицу, такъ естественнѣе считать современную полубатарею, вѣрнѣе 4-орудійную батарею.

Недаромъ давно уже раздавались и до сей поры раздаются голоса, твердящіе о необходимости 4-орудійныхъ батарей.

Недаромъ многіе увѣрены, что, снабдивъ столь мелочною и сравнительно дешевою вещью, какъ *уголомѣръ*, нашихъ командировъ полубатарей, и *полубатарей* стали бы *вполнѣ* способны къ выполненію «простѣйшихъ», «несложныхъ», «самостоятельныхъ» огневыхъ и тактическихъ боевыхъ задачъ.

Какая простая вещь—этотъ самый уголомѣръ, а вотъ, подите-ка, только изъ-за принятія его въ полубатареяхъ, пришлось бы, пожалуй, вводить еще новую артилерійскую единицу въ «Наставленіе» 1912 г.

Но что же тогда станетъ съ дивизионами? Увы! то же, что и теперь въ дѣйствительности, но отнюдь не то, о чемъ говорится въ § 17 «Наставленія» и что нуждается и теперь уже въ исправленіи. Дивизионъ, какъ и теперь, останется *простымъ команднымъ соединеніемъ 2—3 батарей*, могущихъ такъ же легко, какъ въ §§ 17 и 18 «Наставленія», стать какими угодно артилерійскими единицами.

Дивизионъ въ артилеріи по существу тотъ же дивизионъ въ конницѣ, благо и именуется онъ одинаково. Однако, при построеніи конницею боевыхъ порядковъ, дивизионеръ-кавалеристъ, не воспитывающійся въ духѣ шаблоновъ о какихъ-то огневыхъ и тактическихъ единицахъ, становится зачастую, и безъ всякихъ разсужденій, во главѣ то трехъ, то двухъ, то четырехъ эскадроновъ. Не то въ артилеріи.... Попробуйте-ка, хотя бы даже въ силу условій мѣстности, поставить на одной позиціи 2 батареи, а на сосѣдней—4 батареи одной и той же бригады. Увѣренъ, что вы потеряете нѣсколько минутъ *золото* въ бою времени или на размышленія о выкраиваніи мѣста для «*нераздѣльнаго*» расположенія дивизионовъ, или же на разсужденія о нежелательности нарушать *существующую организацію*. Вѣдь въ § 17 «Наставленія» прямо говорится, что дивизионъ—«*тактическая единица*», дѣйствующая, въ видѣ общаго правила, «*нераздѣльно*».

Такое указаніе, по духу, противорѣчитъ даже полевому уставу

того же 1912 г. Тутъ сказано: «артилерійскія части могутъ на участкахъ располагаться раздѣльно, но для облегченія управленія огнемъ полезно дивизионы безъ надобности не раздѣлять» (§ 446). И далѣе (§ 448) «при выборѣ позиціи для артилеріи первенствующее значеніе должно имѣть *успѣшное выполненіе ея боевыхъ задачъ*, а затѣмъ уже удобство техническихъ дѣйствій». Иначе говоря, даже вопросы о «раздѣльномъ» или «нераздѣльномъ» расположеніи какъ дивизионовъ, такъ и батарей должны рѣшаться не по шаблону §§ 17 и 18 «Наставленія», не въ зависимости отъ весьма спорнаго еще наименованія ихъ тою или другою единицами, *а всецѣло въ зависимости отъ безконечно видоизмѣняющихся условій обстановки.*

При такихъ мысляхъ, какъ-то невольно становится грустно, что изъ-за ошибочнаго наименованія дивизиона «тактической артилерійскою единицею» мы нѣсколько *вредимъ надлежащей стрѣлковой подготовкѣ артилеріи въ мирное время.*

Оглянитесь на жизнь. Озабочиваясь почему-то «огневой» (стрѣлковой) подготовкой дивизионовъ, мы очень и очень часто на, такъ называемыхъ, дивизионныхъ стрѣльбахъ выпускаемъ львиную долю патроновъ изъ ежегоднаго отпуска для практическихъ занятій. Знаю такихъ командировъ батарей и полубатарей, которые *для личной практики*, какъ командировъ современныхъ и будущихъ «огневыхъ единицъ», выпустили за лѣто по 24—40 патроновъ, а для упражненій «по управленію огнемъ» дивизиона выпустили по 200—300 патроновъ. Знаю такихъ командировъ батарей и полубатарей, которые за все лѣто не имѣли ни одной спеціальной для каждаго изъ нихъ *«стрѣльбы на пораженіе»*, но которые зато, также безконтрольно, выпускали по 200—300 патроновъ во имя слаживанія какихъ-то призрачныхъ «тактическихъ единицъ». Знаю также, что почти ни одинъ изъ командировъ батарей ни разу въ жизни не упражнялся въ производствѣ стрѣльбъ разчлененными на части батареями, какъ то предусматриваетъ § 5 «правиль стрѣльбы».

Я не говорю уже про то, что многіе и многіе изъ командировъ «огневыхъ единицъ», не достигнувъ хоть сколько-нибудь осязательнаго успѣха въ своей слабой стрѣлковой подготовкѣ, продолжали также плохо стрѣлять и на дивизионныхъ упражненіяхъ. Я не говорю уже про то, что большинство изъ командировъ «огневыхъ единицъ» имѣютъ за лѣто самое большое только по 2—3 практики въ переносахъ огня съ одной цѣли на другую, да и то, зачастую, воспроизводятъ это крайне кропотливо, а иногда даже пошибочно.

Вспоминая все это—мнѣ становится жаль и времени, и патроновъ, удѣляемыхъ для дивизионныхъ стрѣльбъ. Особенно жаль потому, что для подготовки такихъ артиллерійскихъ частей, какъ дивизионъ, бригада, артилерія корпуса — дѣло не столько въ боевыхъ патронахъ, сколько—*въ другомъ*.

Для чего, въ сущности, необходима командиру дивизиона эта масса боевыхъ патроновъ? По-моему, *только для полученія лишней, сверхъ батарейныхъ стрѣльбъ, разъ зрительныхъ приятныхъ или неприятныхъ впечатлѣній отъ подготовки батарей* ²⁾.

И только для этого? Конечно, только для этого, такъ какъ все то, въ чемъ мы упражняемся, главнымъ образомъ, на дивизионныхъ стрѣльбахъ, все это можетъ быть продѣлано и въ достаточной, а иногда и въ большей мѣрѣ, провѣрено *безъ всякаго расхода боевыхъ патроновъ*.

Къ чему тратить боевые патроны на дивизионныя стрѣльбы, когда желательнѣе дать болѣе широкую, полезную и разнообразную практику въ стрѣльбѣ по подготовкѣ «огневыхъ единицъ»? Къ чему тратить патроны, когда для полученія и для увѣренности въ полученіи желательныхъ зрительныхъ впечатлѣній относительно разрывовъ снарядовъ, командиру дивизиона вполне достаточно только болѣе внимательно и планомѣрно руководить батарейными стрѣльбами, а также почаще заниматься въ зимнее и лѣтнее время, на планахъ и въ полѣ, слаживаніемъ команднаго состава вмѣстѣ съ командами телефонистовъ, сигнальщиковъ, ординарцевъ, развѣдчиковъ и наблюдателей.

Къ чему тратить боевые патроны, когда при условіяхъ мирнаго времени и при невозможности точно оцѣнить результаты дивизионнаго огня, гораздо полезнѣе, и во много разъ полезнѣе, обучать дивизионы маневрированію совмѣстно съ пѣхотою и конницею. Тутъ фактически и наиболѣе наглядно могутъ быть приложены всѣ справки, силы и средства по управленію дивизиономъ рука объ руку съ другими родами войскъ. Тутъ, и особенно на двухстороннихъ маневрахъ, дѣйствительно полезная практика для дивизионовъ, а отсутствіе боевыхъ патроновъ и многого еще другого, встрѣчаемаго при боевой дѣйствительности, можетъ быть вполне искуплено надлежащею организаціею маневровъ, соотвѣтственнымъ выборомъ руководителей съ посредниками и должнымъ отношеніемъ исполнителей.

Вотъ этимъ, безъ ущерба надлежащей стрѣлковой подготовкѣ

²⁾ Такія стрѣльбы носятъ иногда чисто смотровой характеръ. но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, сводить сразу по три батареи, а не повѣрять ихъ по частямъ, какъ повѣряемъ въ другихъ родахъ войскъ—отдѣльно роты и эскадроны. Смотръ же «огневой единицы» и долженъ заключаться въ повѣркѣ *только* ея стрѣльбы.

«огневыхъ единицъ», гораздо полезнѣе, нежели тратить боевые патроны, заниматься ³⁾ артилерійскимъ дивизионамъ и не имь *однимъ*.

Странно, что, говоря о раздѣльномъ или нераздѣльномъ расположеніи артилерійскихъ частей, наши официальные источники обратили вниманіе только на дивизионы. Говорю странно потому, что § 17 «Наставленія» самъ же опредѣляетъ нѣчто другое: *«совмѣстная и согласованная работа нѣсколькихъ дивизионовъ позволяетъ лучше использовать огневую силу артилеріи и даетъ послѣдней возможность рѣшать болѣе важныя и болѣе обширныя боевыя задачи»*.

Что же это? Неужели же мы, озабочиваясь наилучшей подготовкой себя къ бою, довольствуемся только упражненіями по управленію дивизиономъ? А лучшее использованіе огневой силы? А болѣе важныя и болѣе сложныя боевыя задачи? Неужели же мы игнорируемъ все то, что имѣетъ наибольшее боевое значеніе и представляетъ больше всего трудностей по управленію?

Увы, да. Мы манкируемъ упражненіями въ составѣ нѣсколькихъ дивизионовъ. Увы, мы, усиленно упражняясь въ управленіи дивизиономъ, упражняясь въ наиболѣе *легкомъ*, хотимъ, какъ будто, заняться импровизаціей болѣе сложнаго уже на полѣ сраженія. Тяжело въ ученія, говорилъ Суворовъ, легко въ походѣ... Можетъ случиться и наоборотъ.

Однако, почему же мы манкируемъ этимъ? Неужели же и для этого необходимъ также отпускъ боевыхъ патроновъ? Вѣдь упражненія по управленію нѣсколькими дивизионами, какъ и однимъ дивизиономъ, заключаются только въ соотвѣтственномъ выборѣ позицій и наблюдательныхъ пунктовъ, въ умѣлой организаціи службъ развѣдки, связи, наблюденій и въ должной находчивости по отдачѣ распоряженій той или иной «огневой единицы» для направленія и веденія ея огня въ опредѣленную цѣль.

Почему же во всемъ этомъ мы упражняемся крайне рѣдко, а подчасъ и вовсе не упражняемся, даже на полигонахъ, куда для спеціальныхъ сборовъ собираются, *кстати*, большія массы артилеріи? Если изъ-за не отпуска боевыхъ патроновъ, то неужели они и тутъ необходимы для того же самаго, для чего только они и были нужны, при упомянутыхъ выше дивизионныхъ стрѣльбахъ?

Конечно, для того же, что постигается, повторяю, лучше маневрированіемъ съ другими родами войскъ, а не тратой боевыхъ патроновъ, цѣнныхъ, главнымъ образомъ, для обученія *«огневыхъ единицъ»* артилеріи.

В. Воронежскій.

³⁾ Кстати и полигонъ съ его окрестностями можетъ быть использованъ по вѣсьмъ направленьямъ, а не по шаблоннымъ, вполнѣ опредѣленнымъ директрисамъ.

ПО ПОВОДУ НОВОЙ ШКОЛЫ ФОРТИФИКАЦИИ.

Въ № 4 «Инженернаго Журнала» помѣщена статья «Фортификаціонныя заблужденія» г. С. Мордовина, направленная противъ новыхъ фортификаціонныхъ идей. Подробный разборъ этой статьи мною будетъ сдѣланъ въ специальной статьѣ, здѣсь же я только вкратцѣ коснусь нѣкоторыхъ изъ наиболѣе интересныхъ пунктовъ.

Обвиненія г. С. Мордовина можно сгруппировать въ четыре отдѣла:

1) Примѣры, приведенные въ «Миражѣ Русско-японской войны» онъ либо опровергаетъ, либо дѣлаетъ изъ нихъ противоположные выводы и, наконецъ, приводитъ рядъ своихъ примѣровъ.

2) Новыя фортификаціонныя идеи противорѣчатъ тактикѣ, строевому уставу и обученію войскъ.

3) Новыя фортификаціонныя идеи создаютъ, такъ называемую, «трусливую» фортификацію, гдѣ стрѣлки должны имѣть подавленный духъ и обороняться будутъ не въ состояніи.

4) Новыя фортификаціонныя идеи настолько вредны, что Суворовъ, Наполеонъ и Скобелевъ ужаснулись бы, познакомившись съ ними.

Всѣ эти обвиненія тѣсно связаны съ вопросомъ о расположеніи оконъ на наружныхъ скатахъ горъ (требованіе старой фор-

тификаціи), или на топографическомъ гребнѣ (одно изъ требованій новой фортификаціи).

Попробую дать краткое возраженіе по всѣмъ 4-мъ отдѣламъ:

I отдѣлъ. Изъ выводовъ г. С. Мордовина заслуживаютъ вниманіе слѣдующіе:

а) Какъ извѣстно, въ бою подъ Цинхеченомъ японцы, захвативши сильно укрѣпленный тактическій ключъ позиціи Бересневскую сопку, заставили пась отступить. Г-нъ С. Мордовинъ объясняетъ, что этотъ бой былъ проигранъ не потому, что въ немъ (какъ вообще на укрѣпленныхъ позиціяхъ старой фортификаціи), вступила въ бой съ превосходными силами японцевъ, только ничтожная часть отряда (2 роты пѣхоты и 2 пулемета), остальные же войска оставались парализованными въ своихъ окопахъ на склонѣ и укрѣпленіяхъ, а потому что *«небольшіе отряды саперъ, вооруженные ручными гранатами, были направлены противъ укрѣпленія»*, имѣющаго ярусъ окоповъ, засѣки, проволочныя сѣти, фугасы,—словомъ, устроеннаго по всѣмъ правиламъ науки.

Если добавить къ этому, что наши саперы (еще съ сентября 1904 г.) тоже примѣняли ручныя гранаты, то старая фортификація не можетъ поблагодарить г. С. Мордовина за такую своеобразную защиту.

б) Въ бою на Гаотулинскомъ перевалѣ наши стрѣлки, по мнѣнію г. С. Мордовина, отбили ожесточенныя атаки въ упоръ отчасти и потому, что сзади нихъ былъ *отвѣсный обрывъ и имъ нельзя было отступить*. Эта мысль не новая, еще персы, китайцы и турки примѣняли такой способъ обороны, приковывая цѣпами своихъ артиллеристовъ къ пушкамъ. Но вѣдь изъ окопа на склонѣ тоже нельзя выйти наверхъ, однако, въ этомъ же эпизодѣ на Гаотулинскомъ перевалѣ японцы захватили окопъ на склонѣ безъ всякихъ затрудненій.

Относительно всего остального отдѣла, гдѣ выводы г. С. Мордовина расходятся съ мопми, можно замѣтить, что вообще бываютъ различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же бой. Такъ, на примѣръ, одинъ изъ моихъ оппонентовъ, желая доказать, что въ окопахъ на склонѣ войска не несли большихъ потерь, пишетъ: *«15-часовой артиллерійскій бой подъ Ташичао далъ въ тѣхъ же демаскированныхъ окопахъ всего нѣсколько десятковъ человѣкъ потерь въ 1-мъ и 4-мъ Сибирскихъ корпусахъ»*. (См. «Русскій Инвалидъ» № 180, 1910 г.). Участникъ же этого боя командиръ 1-го Сибирскаго корпуса генералъ Штапельбергъ доносилъ: *«Непрія-*

тель чрезвычайно сильнымъ артилерійскимъ огнемъ обстрѣливаетъ наши пѣхотные окопы. По нѣрѣ еще не имѣю, потому что окопы еще не заняты; съ занятіемъ же ихъ понесу значительныя потери, что слѣдуетъ избѣжать и пр.» (См. «Военно-Историческій Сборникъ» 1911 г., № 4 «Ташичао»).

II отдѣлъ. Для того, чтобы выяснитъ, почему новыя идеи противорѣчатъ тактикѣ, нужно знать, что подразумѣваетъ старая фортификація подъ этимъ словомъ. Позіція, укрѣпленная согласно «Тактикѣ», имѣетъ такую схему: представьте себѣ расположеніе боевого порядка, начиная съ дозоровъ и кончая полковыми и дивизионными резервами. Прикажете этому боевому порядку окопаться. Дозоры выкопаютъ отдѣльные окопники, стрѣлковыя цѣпи—окопы, ротные резервы—заслоны для себя, баталіонные и полковые резервы построятъ редуты, дивизионные резервы—тыловые узлы обороны и пр.

Это и будетъ русская схема укрѣпленія позіцій, вполне согласованная съ тактикой и строевымъ уставомъ. (Споръ идетъ только о деталяхъ).

Съ началомъ боя все боевое расположеніе войскъ приходитъ въ движеніе, но такъ какъ фортификація не создала еще такихъ окоповъ, заслоновъ, редутовъ и узловъ обороны, чтобы они могли свободно передвигаться по всему полю сраженія, являясь тамъ, гдѣ они нужны по обстановкѣ боя, то приходится: либо мириться съ тѣмъ, что боевой порядокъ превращается въ какое-то парализованное состояніе, либо прибѣгнуть къ новымъ фортификаціоннымъ идеямъ. Насколько новая фортификація идетъ въ разрѣзъ съ современной тактикой, можно видѣть изъ слѣдующихъ выдержекъ изъ рецензіи профессора Незнамова: «На развалинахъ фортификаціи» (см. «Извѣстія Императорской военной академіи» 1911 г., № 22). «Самыя идеи его заслуживаютъ полнаго вниманія, онѣ жизненны и продуманы» и «Идеи же заслуживаютъ, какъ я уже сказалъ выше, полнаго вниманія прежде всего за то, что въ основѣ ихъ лежитъ тактика».

III отдѣлъ. Чѣмъ вызванъ отказъ отъ окоповъ и укрѣпленій стараго типа, можно ли назвать новыя идеи «трусливыми», видно изъ копіи акта комиссіи, осмотрѣвшей одну изъ учебныхъ образцовыхъ позіцій новой фортификаціи.

ПРОГРАММА

вопросовъ, на которые дала отвѣтъ комиссія по осмотру одной изъ учебныхъ горныхъ позицій.

В о п р о с ы.

Отвѣты (даны еди-
ногласно).

А. Со стороны атаки:

1) Находясь на высотахъ расположенія атакующаго, можно ли выяснить, какіе участки позицій заняты окопами, гдѣ расположены капониры, гдѣ расположены укрѣпленія, батареи и проч.

2) Можетъ ли атака найти себѣ закрытіе отъ огня съ позицій (стрѣлковаго, пулеметнаго и артилерійскаго).

3) Можно ли опредѣлить мѣста открытія огня обороняющагося и можно ли задавить этотъ огонь.

4) Можно ли помѣщать стрѣлкамъ и пулеметамъ обороняющагося непрерывно мѣнять свои мѣста въ зависимости отъ расположенія атакующаго.

1) Нѣтъ. (Комиссія производила наблюденіе съ разстоянія отъ 1.500 и ближе шаговъ. Пользовались биноклями).

2) Нѣтъ—при условіи организаціи надежнаго наблюденія со стороны обороны. Мѣры для облегченія этой организаціи на позиціи приняты. Мѣста, могущія служить для накопленія противника въ непосредственной близости къ укрѣпленію, изучены и поражаются фланговымъ шрапнельнымъ огнемъ днемъ и ночью.

3) Нѣтъ.

4) Нѣтъ. (Во время объѣзда комиссіей, позиція была занята стрѣлками, которые

вели по ней непрерывный огонь холостыми патронами. Ни одного стрѣлка комиссия до окончанія всѣхъ своихъ работъ не замѣтила).

Б. Со стороны обороны:

5) Можно ли найти на позиціи такіе участки, съ которыхъ, не сходя съ мѣста, оказалось бы возможнымъ обстрѣливать противника на всемъ протяженіи его атаки.

5) Нѣтъ.

6) Есть ли на позиціи хотя одинъ окопъ, спущенный на наружный склонъ горы

6) Нѣтъ.

7) Есть ли хоть одинъ участокъ позиціи, окопъ или капониръ, связь котораго съ остальной позиціей не обезпечена.

7) Нѣтъ.

8) Есть ли хоть одна фортификаціонная постройка, которой могъ бы воспользоваться противникъ съ выгодой для себя.

8) Нѣтъ.

9) По мѣрѣ приближенія противника обороняющійся будетъ постепенно очищать передовыя, фланговыя и проч. огневыя позиціи, всѣ ли эти позиціи обстрѣливаются сзади и выше расположенныхъ позицій.

9) Да — всѣ.

10) Можетъ ли обороняющійся во время огневой борьбы открывать огонь всѣми своими стрѣлками, не оставляя ни одной молчащей винтовки.

10) Можетъ.

11) Можетъ ли атакующій помѣшать капонирному огню пулеметовъ, обстрѣливая ихъ фронтальнымъ огнемъ.

11) Нѣтъ — не можетъ.

12) Не занявши укрѣпленія позиціи можетъ ли атака захватить позицію и ею воспользоваться.

12) Нѣтъ — не можетъ.

13) Когда противникъ сосредоточился подъ укрѣпленіемъ, можетъ ли обороняющійся въ свою очередь стянуть стрѣлковъ съ огневыхъ позицій къ укрѣпленію.

13) Можетъ.

14) Достаточно ли обеспечено укрѣпленіе отъ дневныхъ и ночныхъ атакъ съ фланга и тыла.

15) Имѣются ли въ укрѣпленіи огневые позиціи для обороны горжи.

16) Можетъ ли противникъ воспользоваться этими огневыми позиціями для отраженія контръ-атаки.

17) Внутри и около укрѣпленія имѣется ли достаточно убѣжищъ для всѣхъ стянувшихся къ нему резервовъ.

18) Есть ли внутри укрѣпленія такія мѣста, которыми могъ бы воспользоваться противникъ

19) Можетъ ли противникъ, не занявши самаго укрѣпленія, расположиться снаружи напольнаго фаса (у гребня) и обстрѣлять внутренность укрѣпленія и тылъ позицій.

20) Можно ли защищать укрѣпленіе неполнымъ числомъ стрѣлковъ, а одной третью или четвертью нормальнаго гарнизона. (Защита только редюита).

21) Условные знаки, расположенные у всѣхъ возможныхъ огневыхъ позицій атакующаго достаточно ли обеспечиваютъ (безпрерывное) опредѣленіе точнаго разстоянія до противника.

22) Если противника на данномъ фронтѣ нѣтъ, или онъ ведетъ атаку малыми силами, можно ли оставить всю позицію безъ войскъ, чтобы нанести ударъ въ рѣшительномъ мѣстѣ боя. Словомъ, можно ли сказать, что гарнизонъ данной учебной позиціи можетъ измѣняться отъ 0 и до величины всего отряда.

14) Обеспечено — достаточно.

15) Да—имѣются.

16) Нѣтъ — не можетъ.

17) Имѣется достаточно.

18) Нѣтъ.

19) Нѣтъ — не можетъ.

20) Защищать все укрѣпленіе нельзя, но не допустить противника во внутрь укрѣпленій, впредь до подхода резервовъ, можно.

21) Обеспечиваютъ вполне.

22) Можно, такъ какъ положеніе противника, захватившаго нечаянно позицію, значительно ухудшилось послѣ произведенныхъ на ней работъ. Расходъ стрѣлковъ для производства наблюденія за противникомъ какъ до, такъ и послѣ произведенныхъ работъ на пози-

- 23) Для того, чтобы отобрать контръ-атакой всю позицію назадъ, достаточно ли отобрать только укрѣпленіе.
- 24) Обезпечена ли вполнѣ эта контръ-атака.
- 25) Обезпечена ли возможность всѣмъ батареямъ позиціи мѣнять свои мѣста невидимо для противника.
- 26) Обезпечена ли возможность сосредоточенія войскъ обороняющагося вполнѣ невидимо для противника; обезпечена ли невозможность противнику незамѣтно перевести свои войска для отраженія контръ-атаки съ одного фронта атаки на другой. Есть ли проѣздъ для батарей контръ-атаки. Словомъ, обезпечена ли возможность неожиданнаго перехода съ позиціи въ контръ-атаку.
- 27) Такъ какъ при контръ-атакѣ осматрѣнной позиціи, стрѣлки знаютъ, что захвативши какой бы то ни было окопъ или укрѣпленіе, они найдутъ для себя удобныя, укрытыя позиціи, съ которыхъ можно окончательно уничтожить противника, способствуетъ ли это «Порыву впередъ».
- 28) На осматрѣнной позиціи стрѣлки ведутъ непрерывно огонь по противнику, наносятъ ему потери во всѣхъ его положеніяхъ, оставаясь сами неуязвимыми, скопившись къ укрѣпленію, открываютъ огонь въ упоръ по противнику, остановленному препятствіями, вступаютъ въ штыковой бой не цѣпью, а въ массѣ.
- Какое у стрѣлковъ должно быть настроеніе «подавленно-трусливое» или «приподнятое-увѣренное въ побѣдѣ».
- 29) Ознакомившись съ горной мѣстностью, можно ли найти такой хребетъ или вершину горы, чтобы, расположивши окопъ на склонахъ, имѣть обстрѣлъ до подошвы горы.
- ціи остается, конечно, неизмѣннымъ.
- 23) Достаточно.
- 24) Обезпечена.
- 25) Обезпечена.
- 26) Обезпечена.
- 27) Да — способствуетъ.
- 28) «Приподнятое — увѣренное въ побѣдѣ».
- 29) Нѣтъ — нельзя. Склонъ каждой горы имѣетъ много перегибовъ, либо выпуклую

30) Сколько примѣрно ярусовъ окоповъ нужно сдѣлать для фронтальнаго обстрѣла хребта осмотровѣнной позиціи.

31) На какомъ разстояніи примѣрно будутъ расположены ярусы окоповъ другъ отъ друга.

32) Возможно ли замаскировать подобные окопы.

33) Возможно ли связать эти окопы ходами сообщеній вверхъ.

34) Можетъ ли воспользоваться противникъ этими окопами, какъ закрытіемъ отъ нашего огня съ тыла.

35) Можно ли вести изъ этихъ ярусныхъ окоповъ огонь во время обстрѣливанія ихъ шрапнелью и пулеметами.

поверхность, либо и то и другое вмѣстѣ.

30) Въ связи съ расположеніемъ фасовъ укрѣпленія, комиссія осмотрѣла два направленія и нашла: въ первомъ направленіи нужно добавить къ окопу на гребнѣ еще 4 яруса окоповъ на склонѣ, а во второмъ направленіи нужно добавить 7 ярусовъ окоповъ.

31) Разстояніе между ярусами отъ 40 до 110 шаговъ. Наибольшій ближній огонь въ 200 шаговъ даютъ только окопы, расположенные у гребня. (Это, конечно, частный случай).

32) Нѣтъ. Солнце даетъ тѣни, нижніе ярусы обнаруживаютъ свои заднія стѣнки.

33) Въ полевой войнѣ невозможно. (Времени для устройства этой связи потребуется больше чѣмъ на постройку всей позиціи и кромѣ того необходимо примѣнить лѣсной матеріалъ).

34) Можетъ.

35) Нѣтъ.

36) Можно ли вести по этимъ окопамъ огонь вплоть до подхода къ нимъ атакующаго на 20--30 шаговъ.

36) Можно.

37) Извѣстно ли комисси, что на опытной стрѣльбѣ осенью 1911 г. пулеметы съ разстоянія 2.400 шаговъ перебили всѣ 100 головныхъ (205 пробойнъ) мишеней, обозначающихъ противника, открывшаго огонь изъ окопа на склонѣ по контръ-атакѣ, уже подшедшей къ нему на 30 шаговъ, и что ни въ одной изъ мишеней, обозначающихъ стрѣлковъ контръ-атаки, не было ни одного пораженія.

37) Извѣстно.

38) Если окопъ или укрѣпленіе обнаружены противникомъ (будь они на склонѣ или на вершинѣ), то атака своимъ огнемъ можетъ заставить ихъ замолчать до момента удара въ штыки. Приняты ли на позиціи мѣры для отраженія этого удара: огнемъ въ упоръ скопившихся къ этому мѣсту стрѣлковъ, искусственными препятствіями и, наконецъ, обезпеченностью контръ-атаки.

38) Мѣры приняты.

39) Ночью дальній огонь отсутствуетъ; обезпечиваютъ ли принятыя на позиціи мѣры возможность отраженія ночныхъ атакъ въ упоръ.

39) Обезпечиваютъ.

40) Какія бы мѣры на позиціи ни были приняты, возможенъ ли случайный захватъ окопа или укрѣпленія.

40) Возможенъ.

41) Опасенъ ли этотъ случайный захватъ на осмотровѣнной позиціи.

41) Нѣтъ—если послѣдуетъ немедленная контръ-атака.

42) Опасенъ ли захватъ окопа или укрѣпленія стараго типа.

42) Опасенъ.

43) Возможно ли замаскировать укрѣпленіе стараго типа, опоясывающее вершину горы.

43) Нѣтъ—нельзя.

44) Возможно ли вести изъ этого укрѣпленія огонь по фронту и во флангъ (съ боковыхъ фасовъ) во время его бомбардированія.

44) Нѣтъ—нельзя.

45) Возможно ли выбить нашимъ огнемъ

45) Нѣтъ—нельзя.

съ тыла противника, ворвавшася хотя бы случайно, въ укрѣпленіе стараго типа.

46) Извѣстно ли комиссіи, что на опытахъ осенью 1911 г. изъ 400 мишеней, обозначающихъ противника, нечаянно ворвавшася въ укрѣпленіе, было перебито только пулеметнымъ огнемъ съ тыла (2.400—1.200 шаговъ) 65% мишеней.

47) Разъ контръ-атака укрѣпленія и окоповъ стараго типа не обезпечена, то можно ли оставлять ихъ безъ гарнизоновъ, подобно укрѣпленію и окопамъ новаго типа.

48) Требуя полной свободы въ своихъ дѣйствіяхъ (маневрированіе), можно ли допустить на осмотровѣнной позиціи хотя бы одинъ окопъ на склонѣ или укрѣпленіе стараго типа (хотя бы они и имѣли надежный обстрѣлъ).

49) Въ учебникахъ фортификаціи есть типъ окопа на гребнѣ, задняя стѣнка окопа не срѣзана на нѣтъ и даетъ позицію для стрѣльбы въ тылъ. Возможно ли допустить подобные окопы на осмотровѣнной позиціи.

50) На осмотровѣнной позиціи есть окопы на склонѣ, служащіе нормально ходами сообщенія (но могутъ оказаться пригодными для огневыхъ позицій). Съ тыла они прострѣливаются вдоль. Можно ли допустить подобные окопы на склонѣ.

51) Стрѣлки во время обстрѣливанія окопа на склонѣ сидятъ на днѣ его; тотъ обстрѣлъ, который былъ до появленія противника, исчезъ. Чувствуется приближеніе и накапливаніе противника для удара въ штыки. Помощи съ боковъ и сверху ждать нельзя. Какое у стрѣлковъ должно быть настроеніе «подавленное» или «приподнятое».

52) Не является ли требованіе невидимости позиціи и ея жизни (такъ же, какъ и появленіе закрытыхъ артилерійскихъ позицій),

46) Извѣстно.

47) Нѣтъ—нельзя.

48) Нѣтъ—нельзя.

49) Нѣтъ—нельзя.

50) Можно.

51) «подавленное».

52) Да, является.

какъ неизбежный результатъ совершенства оружія и зрительныхъ приборовъ.

53) Осмотрѣнныя позиціи имѣютъ ли хоть одинъ окопъ или участокъ укрѣпленія профилью сильнѣе, чѣмъ окопъ для стрѣльбы стоя (безъ ступеньки).

54) Осмотрѣнная позиція имѣетъ ли хоть одинъ блиндажъ, или вообще примѣненъ ли на ней какой-либо другой матеріалъ кромѣ земли (исключая препятствія).

55) Если бы укрѣпленіе позиціи производилось подъ огнемъ противника, возможно было бы выполнить осмотрѣнную позицію.

56) Осмотрѣнная позиція давала ли бы закрытіе во всѣхъ стадіяхъ своего развитія, начиная съ самоокапыванія стрѣлковъ.

57) Если бы на позиціи были примѣнены окопы и укрѣпленія стараго типа, можно ли было бы выполнить работы подъ огнемъ противника, можно ли было позицію занимать до окончанія работъ.

58) Считаетъ ли комиссія возможнымъ, чтобы во время огневой борьбы стрѣлки обороняющагося лежали, или сидѣли бы ярусами совершенно открыто на наружныхъ скатахъ хребта.

59) Не противорѣчитъ ли требованіе «располагать войска на наружныхъ скатахъ горъ», требованію, «чтобы каждый стрѣлокъ обязательно примѣнялся къ мѣстности».

53) Нѣтъ — неимѣютъ.

54) Нѣтъ — не имѣетъ.

55) Возможно.

56) Давала бы.

57) Нѣтъ — нельзя.

58) Комиссія считаетъ, какъ правило, подобное расположеніе стрѣлковъ не допустимымъ. Въ зависимости отъ огня противника подобное расположеніе стрѣлковъ возможно, какъ исключительное явленіе.

59) Отъ каждаго стрѣлка требуется, чтобы онъ сначала позаботился объ обстрѣлѣ и потомъ о своемъ закрытіи. Чѣмъ ниже спустится стрѣлокъ по скату, тѣмъ больше онъ уменьшаетъ свой дальній обстрѣлъ, теряя

командованіе. Ближній же фронтальный огонь (согласно п. 31 сего акта) не только не увеличивается, но даже иногда уменьшается. Ухудшая свой дальній огонь, стрѣлокъ кромѣ того лишается естественнаго закрытія за гребнемъ, гдѣ онъ совершенно невидимъ и можетъ свободно передвигаться для достиженія лучшаго обстрѣла. Члены комиссіи, участники упорныхъ боевъ въ горной мѣстности (всѣ неоднократно ранены) добавляютъ, что они никогда не спускали своихъ стрѣлковъ на наружный скатъ. Окоповъ же, вырытыхъ ярусами на склонѣ, они старались совсѣмъ не занимать, такъ какъ стрѣлки, будучи въ нихъ замѣчены, несли большія потери, лишались возможности вести огонь по противнику и должны были оставаться неподвижными.

60) Расположеніе и количество войскъ обороняющагося на осмотровѣнной позиціи можетъ безпрепятственно мѣняться въ зависимости отъ обстановки каждаго момента боя. Эта особенность не уменьшаетъ ли значенія плановъ и фотографій позицій, добытыхъ воздушными развѣдчиками противника.

60) Да, уменьшаетъ.

61) Осмотрѣнная горная учебная позиція соответствует ли тактическимъ указаніямъ проф. Незнамова: «Бой въ горахъ» («Извѣстія Императорской военной академіи» № 1, 1912 г.).

61) Внолнѣ соответ-
ствуетъ.

IV отдѣлъ. Защищая старую фортификацію, г. С. Мордовинъ ссылается на авторитетъ Наполеона, Суворова и Скобелева. И какъ доказательство приводитъ слова Скобелева: «Ни боевая линія, ни резервъ не должны подчиняться окопамъ». Читателямъ, ознакомившимся съ «актомъ комиссіи», должно быть ясно, что новыя позиціи удовлетворяютъ этому требованію. Но какимъ образомъ эту выдержку можно отнести къ позиціямъ старой фортификаціи, мнѣ неизвѣстно.

У насъ, въ арміи, имѣются военные авторитеты, мнѣніемъ которыхъ мы обязаны руководствоваться, даже если они не сходятся съ мнѣніемъ авторовъ учебниковъ фортификаціи.

Вотъ мнѣніе генерала Рененкамфа объ окнахъ на склонѣ. (Цитирую на память выдержки изъ одного приказа 1911 г. по 3-му корпусу). *«Окопы на переднихъ скатахъ имѣютъ такіе недостатки, что давно пора отъ нихъ отказаться». «Въ данномъ случаѣ, хотя окопы были расположены на скатахъ, все-таки обстрѣла достигнуто не было» и «Обстрѣлъ достигается искуснымъ расположеніемъ группы окоповъ».*

Вотъ мнѣніе генерала Самсонова, осмотрѣвшаго учебную позицію новаго типа: *«Нахожу идею позиціи и ея выполненіе, насколько я могъ замѣтить, блестящимъ».*

Вотъ мнѣніе военного министра, осмотрѣвшаго, случайно, эту же позицію: *«Правильная мысль повлекла за собой правильное исполненіе».*

Заканчивая на этомъ свой краткій отвѣтъ г. С. Мордовину, я снова указываю:

а) Мало дать принципъ—надо умѣть проводить его въ жизнь.

б) Суть новой фортификаціи не въ томъ, что въ окнахъ на склонѣ или укрѣпленіяхъ стараго типа, войска несли большія потери, а въ томъ, что войска, занимая эти постройки, не имѣли возможности маневрировать и этимъ парализовать или самимъ наносить удары противнику.

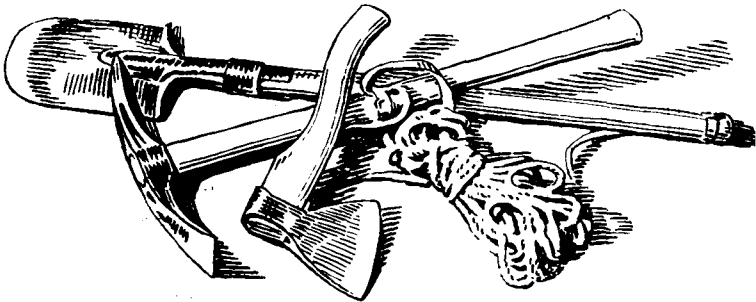
в) Если бы на протяженіи всѣхъ 100 верстъ Мукденской по-

зиціи наши войска сидѣли въ броневыхъ башняхъ, то и тогда бой былъ бы проигранъ.

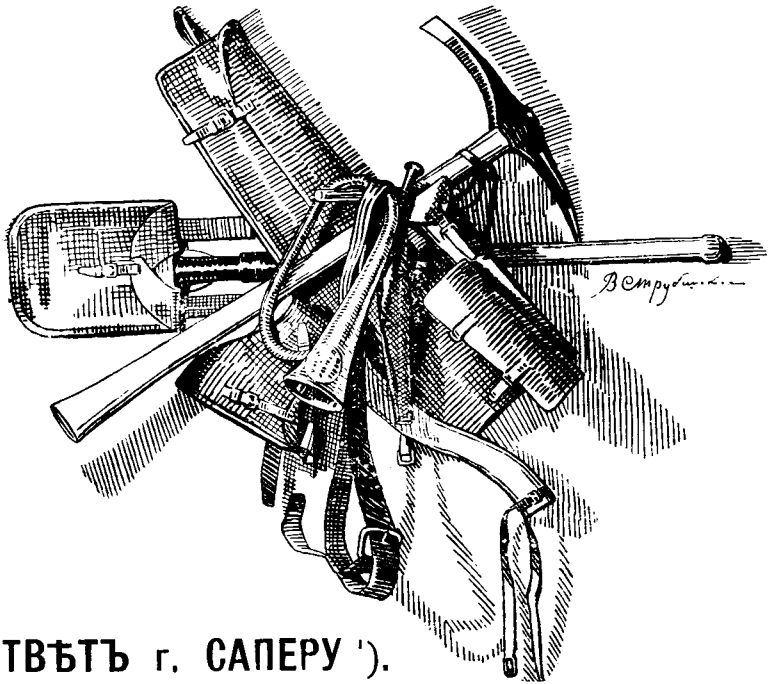
г) Мертвыя пространства для атаки являются громаднымъ подспорьемъ; научитесь отвѣчать на мертвыя пространства въ рукахъ противника подготовкой своихъ мертвыхъ пространствъ. Примѣняя же старую фортификацію, вы искусственно лишаете оборону возможности пользоваться этимъ средствомъ.

д) Эти четыре пункта и объясняютъ, почему наши войска вели ожесточенные бои на укрѣпленныхъ позиціяхъ, не поддаваясь ни шагу назадъ и, наоборотъ, при защитѣ укрѣпленій стараго типа и окоповъ на склонѣ, очищали эти постройки, чтобы затѣмъ драться на свободѣ, въ естественныхъ условіяхъ боя.

Б. М. Мильцовъ.

Вс.

ОТВѢТЪ г. САПЕРУ ¹⁾.

Чтобъ укрѣпить позицію, надо знать тактику, имѣть здравый смыслъ и нѣкоторый навыкъ.

Въ «туманѣ фортификаціонныхъ теорій» изъ опыта послѣдней войны г. Саперъ обращаетъ свои взоры на генеральный штабъ и ждетъ отъ него, какъ отъ органа вѣдающаго вопросами тактики, яснаго, точнаго и опредѣленнаго рѣшенія съ указаніемъ, гдѣ въ этомъ туманѣ теорій ишеница, а гдѣ плевелы. Своего сужденія на этотъ предметъ г. Саперъ имѣть не желаетъ, ибо «всякъ сверчокъ—знай свой шестокъ» ²⁾.

Имѣя нѣкоторую претензію на грамотность въ военномъ смыслѣ, постараемся дать г. Саперу посильные отвѣты на вопросы, помѣщенные въ его статьѣ.

Но прежде всего напомнимъ, что фортификація не представляетъ чего-либо самостоятельнаго—это лишь прикладная наука въ тактикѣ; поэтому всѣ ея теоріи, которыя не будутъ согласованы съ требованіями тактики, должны быть, какъ плевелы, отброшены. Вотъ ключъ для разрѣшенія всѣхъ сомнѣній г. Сапера. Съ этимъ, кажется, согласенъ и онъ самъ, такъ какъ въ туманѣ фортификаціонныхъ теорій онъ ищетъ отвѣтовъ тактики, а не фортификаціи.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8, 1912 г.

²⁾ Собственное признаніе г. Сапера.

Сохраняя дословность вопросовъ, которые предлагаетъ г. Саперъ, начнемъ ихъ разборъ по порядку.

Вопросъ 1-й. Считаешь ли тактика возможнымъ практическое созданіе узловъ обороны на перестыченной мѣстности, не говоря уже о горной?

Отвѣтъ. Да, считаетъ это возможнымъ. Тактика учитъ, что всякая оборонительная позиція дѣлится по мѣстнымъ рубежамъ на рядъ боевыхъ участковъ (узловъ обороны). Войска такихъ узловъ, въ связи съ общей задачей всего отряда, ведутъ вполне самостоятельный бой и сами устраняютъ вредное вліяніе случайностей въ предѣлахъ своего участка.

Вопросъ 2-й. Считаешь ли тактика возможнымъ ввести въ правило «бой на короткѣ», отбивать атаки съ 20—30 шаговъ, имѣя въ 30 шагахъ передъ фронтомъ мертвья пространства въ 200—300 шаговъ?

Отвѣтъ. Нѣтъ, считаетъ невозможнымъ, такъ какъ смыслъ принимаемыхъ формъ боевого построенія заключается въ томъ, чтобы дать возможность пѣхотѣ съ наибольшей выгодой использовать всѣ баллистическія качества своего ружья, т. е. какъ можно лучше поражать противника не только ближнимъ огнемъ, но главнымъ образомъ на разстояніи дѣйствительнаго ружейнаго огня.

Огонь въ современномъ бою — это могущественное средство, это его основа, и пренебреженіе имъ можетъ привести къ неудачамъ и катастрофѣ.

Вопросъ 3-й. Какія формы фортификаціонныхъ укрытій тактика признаетъ «архаическими» и какія необходимыми, отвѣчающими современнымъ требованіямъ боя?

Отвѣтъ. Тактика учитъ, что боевымъ порядкомъ называется такая форма строя, въ которой пѣхота группируется для огнестрѣльнаго боя. Она же рекомендуетъ пѣхотѣ, для полного использования силы ружейнаго огня, принимать линейное расположеніе боевой части. Отсюда слѣдуетъ, что тѣ формы фортификаціонныхъ укрытій, которыя будутъ отвѣчать современнымъ тактическимъ требованіямъ веденія боя, будутъ необходимы, такъ какъ будутъ способствовать пораженію противника и укрытію своихъ войскъ.

Всѣ же прочія формы, которыя по своему начертанію не только не будутъ примѣняться къ боевому расположенію войскъ, а напротивъ, уродуя до неузнаваемости тактической боевой порядокъ, будутъ заставлять его примѣняться къ своимъ искусственнымъ начертаніямъ, явятся не только нежелательными, но и опасно вредными.

Можетъ быть въ прежнія времена такія формы фортифика-

ціонныхъ сооруженій и имѣли какой-либо тактической смыслъ, но теперь, съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія и съ расширеніемъ современныхъ полей сраженій, они его потеряли, отошли въ область преданій и стали достояніемъ одной лишь исторіи.

Это—архаическія формы.

Вопросъ 4-й. Какія формы фортификаціонныхъ сооруженій должны быть на фронтѣ позиціи, на тактическихъ ключахъ ея, на флангахъ и въ тылу?

Отвѣтъ. Формы фортификаціонныхъ сооруженій должны всегда и во всѣхъ мѣстахъ соответствовать боевому расположенію войскъ. Сопротивляются не фортификаціонныя сооруженія, а войска. Не войска должны примѣняться къ формамъ фортификаціи, а эти послѣднія къ тактическому боевому порядку.

Въ каждомъ частномъ случаѣ расположеніе войскъ будетъ зависѣть отъ обстановки, къ чему и должны будутъ примѣняться формы фортификаціонныхъ сооруженій, при этомъ надо помнить, что не войска для нихъ, а они для войскъ.

Шаблонамъ здѣсь нѣтъ мѣста.

Вопросъ 5-й. Считаетъ ли тактика возможнымъ маневрировать на позиціи тѣми же войсками, кои ее занимаютъ и можетъ ли этотъ маневръ имѣть принципиально рѣшающее значеніе для боя?

Отвѣтъ. Нѣтъ, тактика считаетъ это невозможнымъ, такъ какъ она не рекомендуетъ предлагать на рѣшеніе однимъ и тѣмъ же войскамъ сразу нѣсколько вопросовъ. Это будетъ болѣе понятнымъ при разсмотрѣніи элементовъ, изъ которыхъ состоитъ всякій боевой порядокъ.

Извѣстно, что боевой порядокъ отдѣльно дѣйствующаго отряда, при занятіи имъ позиціи, будетъ состоять изъ боевыхъ участковъ, маневреннаго резерва, резерва старшаго начальника и частей для наблюденія за флангами.

Каждый боевой участокъ будетъ имѣть боевую (стрѣлковую) часть и участковый (частный) резервъ. Первая занимаетъ огневую линію и ведетъ бой на фронтѣ позиціи, истощая тѣмъ силы противника, а второй—усиливаетъ оборону въ угрожаемыхъ пунктахъ и гдѣ только возможно своими активными дѣйствіями парализуетъ усилія атакующаго, но въ предѣлахъ своего участка.

Маневренный резервъ (ударное крыло)—это подвижной боевой участокъ, служащій для нанесенія рѣшительнаго удара противнику, преимущественно на одинъ изъ его фланговъ.

Резервъ старшаго начальника (общій резервъ) служитъ для управленія боемъ и отраженія случайностей на протяженіи всей

позиціи. Его маневрирование придаетъ оборонѣ силу и упругость.

Наконецъ, части для наблюденія за флангами служатъ для предупрежденія о непріятельскихъ дѣйствіяхъ.

Всѣ перечисленныя здѣсь активныя и пассивныя части боевого порядка несутъ въ общемъ боевомъ расположеніи отряда строго опредѣленныя обязанности, и навязываніе какой-либо изъ нихъ несвойственной ей роли влечетъ нарушеніе гармоніи всего боевого порядка и даже можетъ угрожать его цѣлости.

Такъ, маневрирование боевой части вдоль фронта позиціи представляетъ такую опасную операцію, которая можетъ привести весь боевой порядокъ къ разрыву и нежелательнымъ послѣдствіямъ. Такой маневръ имѣетъ рѣшающее значеніе для боя, но лишь въ отрицательномъ смыслѣ.

Вопросъ 6-й. Какая схема, отвѣчая требованіямъ тактики современнаго боя, можетъ быть реально осуществлена на мѣстности и должна быть принята къ руководству?

Отвѣтъ. О какой-либо схемѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ она приведетъ къ шаблону, котораго будутъ держаться «аки мертвой стѣны».

Въ бою войска примѣняются къ обстановкѣ, фортификаціонныя же формы должны всегда отвѣчать боевому расположенію войскъ. Такъ примѣненныя фортификаціонныя сооруженія повысятъ моральный духъ обороны и будутъ служить ей не только для укрытія отъ непріятельскаго огня, но и для лучшаго пораженія противника. Опыты войнъ показали, что хорошо укрытый стрѣлокъ гораздо мѣтче стрѣляетъ, чѣмъ открытый.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ подчеркнуть напрасную иронию г. Сапера по поводу замѣны подлаго слова «оборона» выраженіемъ «выжидательный бой». Эта замѣна имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ «правильно называть — правильно понимать».

Подлая оборона давала представленіе о пассивномъ сопротивленіи, о парированіи лишь ударовъ противника и о полномъ подчиненіи его волѣ, что рано или поздно приводило къ пораженію.

Выжидательный же бой ставилъ конечною цѣлью захватъ у противника почина дѣйствій и нанесенія ему встрѣчнаго рѣшительнаго удара, переходомъ въ благопріятную минуту возможно большимъ числомъ войскъ въ наступленіе.

Какъ видно, разныя понятія ставятъ разныя цѣли: одниъ приводятъ къ пораженію, а другія — къ побѣдѣ.

М. Трузевичъ-Нечай.

ТЕЛЕГРАФЪ ИЛИ ТЕЛЕФОНЪ?

Всего только 25 лѣтъ тому назадъ извѣстный тогда преподаватель физики К. Д. Краевичъ, объясняя идею телефона, тутъ же добавлялъ, что эта интересная игрушка врядъ ли можетъ получить какое-либо практическое значеніе и въ то время никто и не предполагалъ, что телефонъ получить такое широкое примѣненіе даже въ арміи и что возможно будетъ разговаривать на 1.000 и болѣе верстъ.

Въ то время въ арміи *единственнымъ* быстрымъ способомъ передачи на значительное разстояніе тѣхъ или другихъ распоряженій служилъ военно-полевой телеграфъ, дѣйствовавшій въ широкихъ размѣрахъ въ войну 1877—78 гг.

Прежніе «телеграфные парки» были расформированы и обращены затѣмъ въ нынѣ существующія военно-телеграфныя роты, входящія въ составъ саперныхъ баталіоновъ.

Послѣ войны 1904—5 гг., спустя лѣтъ пять, всѣ входящія въ составъ армейскаго корпуса войсковыя части были снабжены необходимымъ телефоннымъ имуществомъ, для обслуживанія котораго въ полкахъ сформированы особыя телефонныя команды съ офицеромъ во главѣ.

Согласно Пр. В. В. 1910 года № 538 въ пѣхотныхъ частяхъ корпуса положено содержать:

8 пѣхотн. полковъ	80	версть	провода,	16	двуколокъ,	16	лошадей.
2 штаба дивизіи	38	"	"	4	"	4	"
1 штабъ корпуса	15	"	"	2	"	2	"
<hr/>							
Всего	133	версты	провода,	22	двуколки,	22	лошади,

что даетъ на 10 версть провода < 0,2 двуколки и < 0,2 лошадей (кромѣ того, въ саперныхъ ротахъ, въ полевомъ инженерномъ паркѣ и въ телеграфной ротѣ всего имѣется 74 версты *телефоннаго* провода съ аппаратами, а также вся артилерія имѣетъ свой телефонъ, но я не буду этого принимать во вниманіе).

Согласно Пр. В. В. 1908 г. № 588 ¹⁾ въ саперномъ баталіонѣ положено содержать телеграфнаго провода, повозокъ и лошадей:

телеграфная рота	85	версть,	74	повозки,	149	лошадей
однѣхъ инженерныхъ			58	повозокъ,	108	лошадей,

что даетъ на 10 версть:

въ первомъ случаѣ	0,85	повозки,	1,75	лошади.
во второмъ случаѣ	0,60	"	1,2	"

Такимъ образомъ, принятый въ арміи *военный* проволочный *телеграфъ* по сравненію съ военнымъ полевымъ *телефономъ* на однѣ и тѣ же 10 версть провода требуютъ:

въ первомъ случаѣ:

$$\text{въ } \frac{0,85}{0,2} = \text{въ 4 раза болѣе повозокъ } ^2) \text{ и}$$

$$\text{въ } \frac{1,75}{0,2} = \text{въ 8 разъ болѣе лошадей;}$$

во второмъ случаѣ (если не принимать интендантскій обозъ):

$$\text{въ } \frac{0,6}{0,2} = \text{въ 3 раза болѣе повозокъ и}$$

$$\text{въ } \frac{1,2}{0,2} = \text{въ 6 разъ болѣе лошадей.}$$

Такой отрицательный результатъ получается потому, что полки везуть съ собой лишь *безусловно необходимое* для установленія телефоннаго сообщенія: аппараты съ батареями, катушки съ проводами, коммутаторъ и кое-какой инструментъ, между тѣмъ какъ

¹⁾ Послѣ реформы въ телеграфныхъ ротахъ штаты измѣнены и количество телеграфнаго имущества и число кабельныхъ отдѣленій увеличено.

²⁾ Эти цифры вѣрны для троечной (старой) запряжки; при двуклоночномъ обозѣ цифры *еще болѣе* будутъ неблагопріятны для телеграфа.

телеграфная рота снабжена совершенно *ненужными на войну* (да еще въ такомъ большомъ колпчествѣ) добавочными техническими средствами: каждое отдѣленіе *самостоятельно* (и шестовое и кабельное) везетъ отдѣльныя мастерскія—слесарную, кузнечную, плотнично-столярную, шорную, для ковки лошадей; запасныя части къ обозу; для чистки лошадей, которыхъ, благодаря такому грузу, набирается очень много и, наконецъ, для каждаго шестового отдѣленія почти по 700 деревянныхъ шестовъ. Итого въ *одной* ротѣ (по новой организаціи) всѣхъ этихъ *мастерскихъ* имѣется *четыре комплекта* и 1.400 деревянныхъ двухъ-саженныхъ шестовъ. Если выбросить шесты, то *вольный* проводникъ придется замѣнить *кабелемъ*, который, конечно, тяжелѣе проводника голага.

Въ *бою* надо забыть что-либо чинить или исправлять: въ ближайшемъ тылу надо имѣть ограниченное количество запасныхъ частей для быстрой *замѣны* испорченнаго, а починки производить въ болѣе дальнемъ тылу, а не таскать всюду съ собою, допустимъ, хотя бы двухъ-пудовыя наковальни, да еще въ учетверенномъ количествѣ.

Даже при такомъ «роскошно-грузномъ» снабженіи указанныя мастерскія лишь при счастливыхъ условіяхъ могутъ оказаться полезными: каждый предметъ, а слѣдовательно и двуколка, скажемъ, хоть со слесарнымъ инструментомъ, можетъ пребывать въ какомъ-нибудь *одномъ* мѣстѣ, на примѣръ, на конечной телеграфной станціи; порча же произошла, допустимъ, на другой станціи, отстоящей отъ первой при полной длинѣ — въ шестовомъ отдѣленіи на 25 верстѣ, а въ кабельномъ даже болѣе 30 верстѣ. Гдѣ же тутъ исправлять что-либо?

Мало и этого. По сравненію съ имуществомъ телефоннымъ телеграфное имущество (даже кабельныхъ отдѣленій, не требующихъ для прокладки изолированнаго провода добавочнаго груза въ видѣ деревянныхъ шестовъ и изоляторовъ), несравнимо тяжелѣе, а потому обозъ гораздо больше и грузнѣе: телеграфныя аппараты, батареи, провода,—все это тяжелѣе соотвѣтственныхъ телефонныхъ, такъ какъ телеграфная передача требуетъ затраты болѣе энергіи и толще проводовъ.

Вѣдь достаточно изъять изъ имущества телеграфной роты *всю* мастерскія (включая, конечно, и шорную и ковочную) какъ обозъ уменьшится значительно, а слѣдовательно сокращается и число лошадей, для ковки которыхъ достаточно имѣть *одну* походную *кузницу* при штабѣ баталіона. Это тѣмъ болѣе возможно, что такія

же мастерскія деревяннаго и металлическаго дѣла возятся и въ каждой изъ 3-хъ саперныхъ ротъ.

Но это была бы полумѣра, хотя и полезная.

Хочется спросить: «Какая нужда имѣть въ арміи такое грузное (даже безъ мастерскихъ) сообщеніе, какъ телеграфное и не полезно ли было *вовсе* изъять его изъ категоріи военныхъ?»

Уже въ прошлую японскую войну тѣ телеграфныя роты, которыя имѣли въ достаточномъ количествѣ телефонные аппараты (1 сибирскій саперный баталіонъ и др.), при всѣхъ случаяхъ недолговременныхъ стоянокъ пользовались почти исключительно *телефоннымъ* сообщеніемъ и только на продолжительныхъ остановкахъ въ ту же линію вращивали «для порядка» телеграфные аппараты, пользуясь все-таки, главнымъ образомъ, телефономъ.

Кромѣ первенствующаго отрицательнаго свойства полевого телеграфа—малопригодности его, какъ *военнаго* телеграфа, по его *грузности* (аппаратовъ, батарей, проводовъ, шестовъ и т. д.)—качество положительныхъ я не вижу. Можно удивляться, почему до сихъ поръ этотъ проволочный телеграфъ въ нашей арміи сохраняется до сего времени. Не разъ и со многими военными телеграфистами приходилось говорить по этому поводу. Не буду приводить ихъ, по моему мнѣнію, второстепенныхъ, несущественныхъ доводовъ въ защиту этого телеграфа, отъ которыхъ они скоро сами отрекались, но замѣчательное дѣло, что почти всѣ они торжественно выставляли *неоцѣнимое достоинство* (?): телеграфъ оставляетъ послѣ себя *документъ!*

Этимъ все сказано: если воевать не для того, чтобы принести своей родинѣ побѣду, а чтобы принести впоследствии для оправданія или объясненія всѣхъ понесенныхъ *пораженій* сохраненные документы (?) въ видѣ телеграфныхъ *лентъ*—тогда, безъ сомнѣнія, это соображеніе очень важное.

Однако, зачѣмъ же обманывать другихъ: есть ли хоть малѣйшее основаніе придавать значеніе документа какой-то телеграфной лентѣ, на которой остались тѣ или другіе знаки азбуки Морзе? Документомъ служить лишь *подлинное* письменное распоряженіе начальника, подписанное имъ самимъ или лицомъ на это уполномоченнымъ.

Вѣдь если воевать, имѣя въ основѣ недовѣріе, что *телефонистъ* можетъ злостно передать депешу не вѣрно, или если передастъ ее съ вредными для боя ошибками, то все это возможно и на *телеграфѣ*. Подлинная депеша говоритъ: «двигайтесь на сѣ-

веръ на д. Смѣла», а злостный *телеграфистъ* передалъ «двигайтесь на югъ на д. Труса»; что толку въ томъ, что на лентѣ остался послѣдній документъ (!), уличающій телеграфиста и что на другой или третій день отыскиали причину проигрыша боя, когда все уже было потеряно: разстрѣломъ измѣнника не вернуть прошлаго.

Выводъ тутъ можетъ быть только одинъ: къ такому важному дѣлу, какъ передача боевыхъ распоряженій, должны быть допускаемы люди чести и сыны своей родины.

Приводятъ также въ защиту телеграфа скорость передачи депешъ. Сравнительная скорость передачи депешъ телеграфомъ и телефономъ въ концѣ концовъ выразится (въ пользу перваго) на всю депешу въ размѣрѣ всего какихъ-нибудь нѣсколькихъ *секундъ*, что никакого *практическаго* значенія *въ практическомъ дѣлѣ*, конечно, не имѣетъ. Военное дѣло несравненно болѣе бы выгадало, если бы мы всѣ научились боевыя распоряженія отдавать кратко и точно, а не длиннѣйшими телеграммами со всякаго рода условностями и неопредѣленностями.

Упускаютъ также при телефонномъ сообщеніи неоцѣнимое его качество, что вы по тембру голоса, ранѣе передачи важнаго распоряженія, можете сами убѣдиться, съ тѣмъ ли лицомъ вы говорите.

Наконецъ и при телеграфномъ и при телефонномъ сообщеніи, вообще при всѣхъ письменныхъ и словесныхъ сношеніяхъ, при необходимости соблюденія секрета или тайны, можетъ быть примѣненъ шифръ, конечно, не въ той мѣрѣ, какъ это обычно у насъ примѣняется шифрованіемъ *сплошь* всей депеши, не разбирая важнаго и неважнаго, а дѣйствительно только тѣхъ немногихъ словъ, въ которыхъ заключается все дѣло. Тогда и расшифрованіе такихъ депешъ, т. е. чтеніе, не составитъ никакого затрудненія.

Нельзя не обратить вниманія и на другую сторону вопроса: сколько ежегодно тратится усилій на изученіе нижними чинами телеграфнаго дѣла. Правда, они занимаются съ похвальнымъ усердіемъ, такъ какъ очень хорошо знаютъ, что знаніе телеграфнаго дѣла дастъ имъ возможность поступить, по выходѣ въ запасъ, на службу въ правительственный телеграфъ. Этимъ самымъ, неволью наши «военно»-телеграфныя роты исполняютъ роль правительственныхъ телеграфныхъ школъ, выпускающихъ ежегодно къ новому году до одной тысячи обученныхъ телеграфистовъ.

Если бы телеграфныя роты были переформированы въ роты «телефонныя», то весь указанный трудъ упростился бы значительно: передавать и принимать телефонограммы можетъ всякій

грамотный нижній чинъ. Нужно было бы изучать одинъ телефонный аппаратъ.

Несомнѣнно, что и современный телефонъ можетъ быть значительно улучшенъ за счетъ утяжелѣнiя всего телефоннаго имущества: толще провода, ббльшее число элементовъ при аппаратѣ и т. п., и тогда это будетъ безотказный инструментъ.

Необходимо по поводу телеграфа замѣтить еще, что, согласно «Полевому управленiю войскъ въ военное время» въ составъ штаба корпуса, кромѣ полевыхъ контроля, почтовой конторы, и пр., входитъ еще корпусный (гражданскiй) телеграфъ, имѣющiй аппараты, провода, элементы и изоляторы. Этотъ телеграфъ устанавливается на продолжительныхъ стоянкахъ гражданскими телеграфными чиновниками при помощи наемныхъ рабочихъ. Связывается онъ съ постоянными правительственными телеграфными линиями въ тылу.

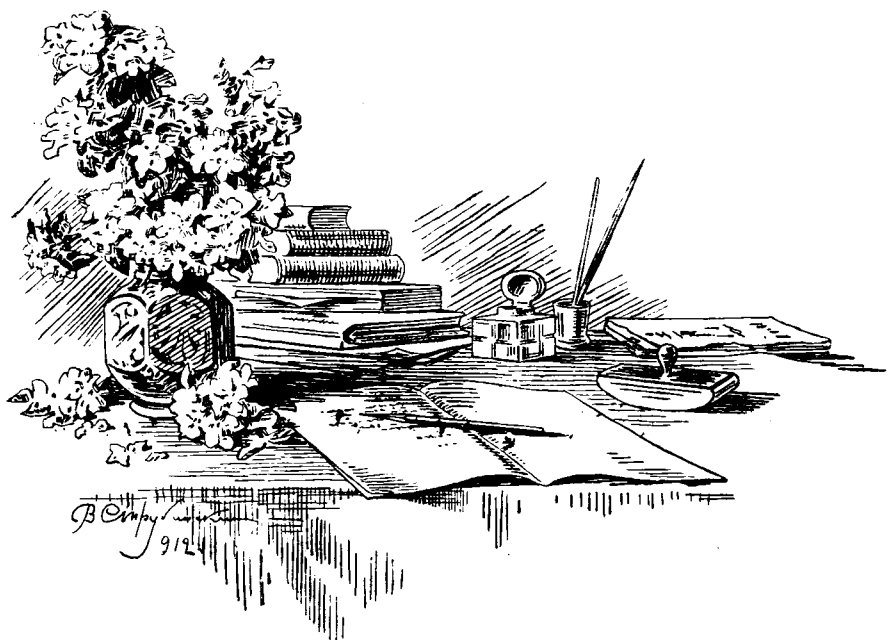
По моему мнѣнiю, это также ненужная на войнѣ роскошь, особенно при обилии въ настоящее время на всякомъ театрѣ готовыхъ правительственныхъ линий, и наличiя въ армiи перевозимыхъ (подвижныхъ) станцiй беспроволочнаго телеграфа, дѣйствующихъ болѣе, чѣмъ на 100 верстъ каждая.

Но если признать правильнымъ, что телеграфныя роты нынѣ при развитiи телефоннаго дѣла и при наличiи въ войскахъ корпуса (пѣхота, артилерiя, саперы и пр.) болѣе 250 верстъ телефоннаго провода являются совершенно лишними со своимъ громаднымъ телеграфнымъ обозомъ, то что же съ ними дѣлать?

Это частный вопросъ, относящiйся къ разрѣшенiю общей коренной реорганизацiи всѣхъ инженерныхъ войскъ; здѣсь же скажу — обратить, на примѣръ, ихъ въ искровыя роты. Инженерный обозъ послѣднихъ ничтожный. Для этого надо расформировать слишкомъ дорого стоящiя отдѣльныя искровыя роты, имѣющiя полковое хозяйство при штатномъ числѣ нижнихъ чиновъ въ 150—180 человекъ!

Ж. Исакѣвъ.

„ЗА“ И „ПРОТИВЪ“ ПСИХОЛОГІИ г-на Ш—А.

Относясь съ величайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ къ г-ну Ш—у за его плодотворные труды въ области психологiи, поучаясь его изслѣдованіями въ этой области, тѣмъ не менѣе считаю своимъ долгомъ выступить противъ его двухъ послѣднихъ статей, въ особенности противъ его «За и противъ военной психологiи» въ № 8 «Военнаго Сборника», чтобы доказать читателямъ, да и самому г-ну Ш—у, что нѣкоторыя мѣста въ этой статьѣ прямо противоположны выводамъ психологiи и могутъ зародить не только нежелательное, но прямо-таки опасное направленіе въ воспитаніи бойца и арміи, тѣмъ болѣе въ виду высокаго авторитета г-на Ш—а.

Авторъ доказываетъ тѣмъ, «которые, заступаясь яко бы за честь война и заботясь также о должномъ воспитаніи будущихъ бойцовъ, увѣряютъ, что бойцы на войнѣ *не могутъ* волноваться, *не могутъ* страшиться, что *они не боятся* и не отчаиваются и т. п.».

Прежде всего здѣсь или опечатка или невольная ошибка автора: такихъ, которые увѣряли бы, что на войнѣ *не могутъ* волноваться, бояться и пр. нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ. Есть же такіе (къ нимъ принадлежу и я), которые говорятъ, что воины, въ особенности вожди *не должны* поддаваться страху, *не должны выказывать* волненіе, какъ принято это обозначать—распускаться,

вообще *должны* силой воли и ума дѣйствовать на свои низшія чувства; для этого и необходимо воспитаніе, т. е. развитіе силы духа, главнымъ образомъ, силы воли, а также развитіе чувствъ высшихъ и обузданіе низшихъ.

То, что тамъ написано о страхѣ, волненіи и пр. такъ противорѣчить и самому г-ну Ш—у и психологіи, что я усумнился—дѣйствительно ли это писалъ г-нъ Ш—ъ.

«Тотъ изъ бойцовъ, который *потерялъ страхъ*, тотъ на войнѣ не боится смерти... У такого воина нѣтъ страха ни передъ смертью, ни передъ людьми, ни передъ родиной, ни передъ Царемъ, ни передъ Богомъ. Развѣ намъ нуженъ такой воинъ?»

Но зачѣмъ же самъ г-нъ Ш—ъ въ концѣ статьи предлагаетъ клеймить, даже какъ будто карать трусость—одинъ изъ видовъ страха? По психологіи, страхъ есть психическое состояніе, которое испытываетъ живое существо, когда оно ожидаетъ опасность жизни; получаетъ представленіе возможнаго наступленія страданія, зла, боли. Это чувство относится къ инстинкту самосохраненія.

Отношенія же къ людямъ, къ родинѣ, къ Царю, къ Богу базируются и регулируются не чувствомъ страха, а высшимъ (возвышеннымъ) чувствомъ человѣка, а именно чувствомъ долга или совѣстью. А потому потеря въ бойцѣ страха, если бы такая потеря была возможна, обозначала бы только отсутствіе чувства, предупреждающаго живое существо о близости опасности для жизни, о близости страданія, зла, боли, несчастія, однимъ словомъ—отсутствіе чувства *самосохраненія*, причемъ, теряя это относящееся къ низшему психизму чувство, этимъ самымъ еще болѣе усиливалось бы высшее чувство человѣка—чувство долга или совѣсти, превращаясь изъ *самосохраненія* въ *самоотверженіе*; именно тогда и будутъ имѣть мѣсто высшій въ мірѣ героизмъ и высота чувства: нѣтъ больше сея любви, да кто душу свою положить за други своя; за ближнихъ, за родину, за Царя, за Бога своего.

И дѣйствительно, по примѣру своего Бога, легіоны христіанскихъ мучениковъ *теряли страхъ* смерти, пытокъ, жесточайшихъ страданій, но при этомъ не только безъ ущерба своихъ высшихъ чувствъ къ Богу, къ ближнимъ, но даже съ возвышеніемъ ихъ.

Это и понятно: страхъ имѣетъ отношеніе только къ самому себѣ и противится пользѣ общей, пользѣ ближнихъ, пользѣ Царя и родины, если только можетъ пострадать свое «я».

Такимъ образомъ, г-нъ Ш—ъ глубоко ошибается, задавая такой вопросъ: «Развѣ намъ нуженъ такой воинъ»? Да, воинъ безъ страха былъ бы идеаломъ! Недаромъ слылъ идеаломъ «рыцарь.

безъ страха и упрека» (значить отсутствіе страха было связано и съ отсутствіемъ упрека—во всѣхъ отношеніяхъ, предусмотрѣнныхъ и не предусмотрѣнныхъ г-мъ Ш—ъ).

И я, лично, совершенно отказываюсь понять выраженія у г-на Ш—а, относимыя къ бойцамъ: «спасительный страхъ», «въ этихъ чувствахъ» (бояться), «если и кроются причины нашихъ неудачъ, то въ нихъ же и залогъ нашихъ побѣдъ». Не могу себѣ никакъ представить, чтобы можно было побѣдить опасеніемъ лично для отдѣльнаго индивидуума бѣды боли, страданій, смерти! Не могу себѣ представить спасительности подобныхъ опасеній!

Значить даже полная потеря страха дала бы памъ идеальнаго бойца, котораго *«можно было бы убить, но не побѣдить»*. Но достиженіе такого идеала, т. е. потери страха въ бойцахъ, вещь невозможная, какъ невозможна полная потеря воли. Я даже не понимаю выраженія г-на Ш—а «заглушить страхъ», такъ какъ лично признаю только возможность при помощи *самообладанія* силы воли *обуздать* страхъ и, что самое важное и необходимое при воспитаніи бойца, это—научиться *не показывать наружу страха*. При высшей степени развитія силы воли, при постоянныхъ упражненіяхъ достигаютъ сравнительной легкости въ обузданіи страха, но не навсегда, а на каждый разъ особо—тоже подобно обузданію боли отвлеченіемъ всего вниманія на посторонній предметъ ¹⁾.

Въ воспитательномъ отношеніи въ высшей степени полезно ознакомленіе каждаго бойца съ фактомъ, что *каждый человекъ подверженъ страху, но герои и доблестные умѣютъ обуздать его, не выказывать*.

Вспоминаются не разъ сдѣланныя мнѣ откровенныя признанія: «видно я не рожденъ быть храбрымъ,—чувствую иногда страхъ, когда приходится идти въ бой».

— Но вы идете?

— Конечно, иду; чувствую опасность, но иду и страхъ какъ-то отходитъ; начинаешь думать обо всемъ и ни о чемъ...

— А вы знаете опредѣленіе храбрости Ксенофонтомъ: храбрый тотъ, кто знаетъ, что впереди есть опасность и все-таки идетъ на нее?

Собесѣдникъ выказывалъ радостное удивленіе и сильно подбодрялся сознаніемъ, что онъ можетъ быть храбрымъ, такъ какъ храбрость оказывается не только удѣломъ немногихъ—по природѣ, а

¹⁾ Вообще объ упражненіяхъ къ обузданію и преодолѣнію чувства страха предполагаю написать особо.

всѣхъ тѣхъ, кто силой воли побѣдить, преодолѣть чувство опасности, т. е. страхъ.

Затѣмъ авторъ спрашиваетъ: какая польза для военнаго дѣла отъ бойца, который не волнуется?

«Бойца, котораго не волнуютъ битвы, не волнуетъ видъ убитыхъ и раненыхъ, не будутъ волновать и интересы дѣла. Этотъ боецъ равнодушенъ къ жизни, равнодушенъ къ дѣлу; его не волнуютъ ни уколы самолюбія, ни честолюбіе, ни радости успѣха, ни горе разочарованія и неудачъ, словомъ, онъ ко всему равнодушенъ...

Бойцы не раздражаются... но что они не будутъ раздражаться, не будутъ сердиться, не будутъ озлобляться. Желательны ли намъ такіе бойцы?»

По-моему, безусловно не только боецъ, но даже мужчина не долженъ *выказывать* своихъ волненій и раздраженій. Я привелъ бы тѣ же доказательства, что и относительно страха и тотъ же самый антитезъ повышенной или распущенной чувствительности, представляющій въ то же самое время не только желательное, но даже обязательное качество для вождя и бойца, это—*самообладаніе*.

Авторъ же доказываетъ.

«Пока живетъ человѣкъ, будетъ ли онъ штатскій или военный, онъ волнуется, беспокоится, раздражается, боится, иногда отчаивается, надѣется, вѣритъ и въ заботахъ стремится къ желаемому. Словомъ, нѣтъ волненій лишь у мертваго».

Все это такъ и противъ этого никто и не думалъ возражать, какъ противъ «свойства человѣческой природы», однако, военная психологія и даже просто психологія воспитанія говорить: «человѣкъ началъ выходить изъ состоянія варварства лишь тогда, когда научился управлять собой, т. е. управлять своими наследственными рефлексами...»; военная психологія называетъ это внутренней дисциплиной.

Значить управлять собой или какъ просто выражаются—«взять себя въ руки»—необходимо бойцу и всякому мужчинѣ. Нѣкоторые выражаются: «силой воли боецъ долженъ убить въ себѣ низшія чувства»; (опять-таки—убить эти чувства, какъ и страхъ невозможно, но *совладать* съ ними, *не выказывать наружу*—можно и должно); въ этомъ и заключается обаяніе людей съ самообладаніемъ, съ «олимпійскимъ» спокойствіемъ.

Самообладаніе и спокойствіе, какъ антитезы «волненію и раздраженію страху», воину крайне необходимы на томъ основаніи, что только при спокойствіи можно быстро и правильно рѣшать безпрестанно возникающія въ боевой обстановкѣ задачи. Воины

волнующіеся, раздражительные—чрезвычайно вредны. Да и не военные таковые—непріятны.

Волненіе и раздражительность—свойства человѣческой природы, но у людей культурныхъ, людей съ высшимъ духовнымъ развитіемъ, людей съ развитой силой воли, въ этого волненія, этой раздражительности не замѣтите и за это... лишь проникнетесь большимъ къ нимъ уваженіемъ и почтеніемъ, какъ къ болѣе сильнымъ духомъ (напримѣръ—къ англичанамъ). Зачѣмъ отстаивать волненіе и раздражительность для бойцовъ? Это—не военная психологія.

Что если бы къ г. Ш—у, какъ психиатру, прпшелъ не воинъ, а просто «мужчина» и пожаловался на то, что по «свойству человѣческой природы» и потому, что много «охваченъ жизнью», у него «много волненій, опасеній и раздраженій»?

Думаю, что самъ г. Ш—ъ посоветовалъ бы ему *успокоиться, перестать волноваться и раздражаться*, или же далъ бы ему успокоительнаго.

Г. Ш—ъ говорить: «Бойцы съ развитыми чувствами, но способные сдерживать эти чувства въ предѣлахъ должнаго—вотъ желательные бойцы будущаго. Наше счастье, что бойцы на войнѣ не теряютъ способности чувствовать, волноваться, раздражаться, вѣрить, надѣяться, бояться, стремиться (это вѣдь не чувство, а напряженіе воли) и т. п. Въ этихъ чувствахъ, если и кроются причины нашихъ неудачъ, [то въ нихъ же и залогъ нашихъ побѣдъ...»

А на основаніи нашего величайшаго психолога—сердцевѣда Суворова, а также и Драгомирова увѣренъ, что это было бы нашимъ величайшимъ несчастьемъ. Суворовъ и Драгомировъ рекомендовали и учили бойцовъ какъ разъ обратному: «надлежитъ быть храбру, твердо, рѣшиму, настойчиву, спокойну, справедливу, благочестиву...» однимъ словомъ только акты *воли и высшія чувства*, какъ совѣсть (чувство долга), любовь къ Царю и отечеству и никакой «чувствительности».

Да и возможна ли «способность сдерживать развитыя чувства волненія и раздражительности? Не противорѣчитъ ли вторая часть цитаты первой?

Не противорѣчитъ ли этой статьѣ статья того же автора въ № 182 «Русскаго Инвалида»—«Вліяніе живыхъ примѣровъ на доблесть войскъ»? Гдѣ «истинный храбрець съ вѣчно улыбающимся лицомъ, вѣчно веселый...», будучи много разъ раненъ, не волновался, не раздражался, а шутилъ и смѣялся и именно этимъ поднималъ духъ и бодрость товарищей. А затѣмъ, полкъ оставался геройскимъ, благодаря оставшимся 30-ти героямъ, оказы-

вается не изъ-за волненій, раздраженій страха, а наоборотъ—храбрости.

Примѣчаніе. Кстати я никакъ не могу понять, почему при разсказахъ о подвигахъ этого героя съ 36-ю ранами—«они убѣждались, что люди служатъ полку (??) и значить (?) военному дѣлу не только за награды, но и по совѣсти...»

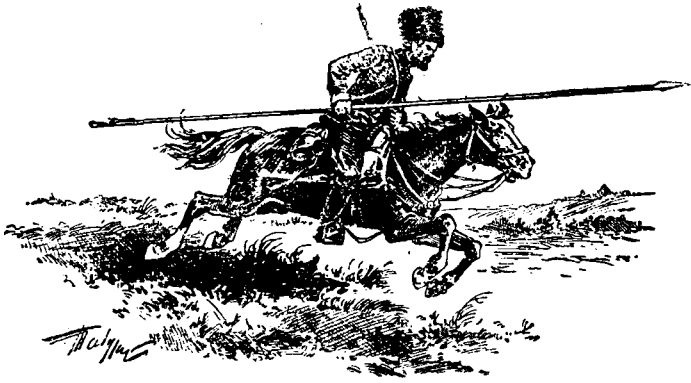
Неужели же перестали учить, что «солдаты слуга Царю и Отечеству...» и «служить Царю *въ* полку», а начали учить, что «служить полку и значить военному дѣлу»?

И вообще, почему дѣлается удареніе на полкъ, какъ будто «вліяніе живыхъ примѣровъ» возможно только по психологіи въ полку, а не во всей арміи?

Изъ дальнѣйшаго выясняется главная мысль этой статьи; мысль чрезвычайно важнаго значенія для военнаго дѣла, это—*необходимость изучить, изслѣдовать всевозможныя положительныя и отрицательныя, но свойственныя природѣ чловѣка проявленія его духа и на основаніи этого изученія, изслѣдованія—ознакомить, подготовить всѣхъ, кому придется быть участникомъ или сотрудиномъ, пособникомъ великаго дѣла—войны.*

И противъ этой главной мысли, какъ глубоко обоснованной и изученіемъ, и собственными наблюденіями г-на Ш—а во время войны и мира,—только не я буду возражать. Но я къ ней считалъ самымъ необходимымъ прибавить: и въ проявленіяхъ духа, какъ и въ тѣлѣ имѣются здоровыя и болѣзненныя; а потому мало одного изслѣдованія и изученія, а затѣмъ оповѣщенія о «чумѣ», «холерѣ» и др.; *необходимо еще такъ подготовить организмъ, чтобы сдѣлать его совсѣмъ невосприимчивымъ или минимально восприимчивымъ къ болѣзнямъ духа бойцовъ: прививкой или укрѣпленіемъ организма.* Это—задача воспитанія, и командиръ, вождь на своемъ мѣстѣ (всѣгда психологъ) не упуститъ случая научить людей—какъ совладать съ собой, главнымъ образомъ съ болѣзненными, хотя и свойственными чловѣческой природѣ, проявленіями духа, какъ страхъ, волненія, безпокойство (ужасное зло въ военномъ дѣлѣ), раздраженіе и т. п.; въ особенности, чтобы никто не смѣлъ *выказывать* страха, что страшно заразительно.

А. Дмитревскій.

НА ДОНУ.

В это лѣто за довольно короткій промежутокъ времени мнѣ удалось побывать въ родныхъ краяхъ два раза. Первое мое посѣщеніе было слишкомъ кратковременно для того, чтобы поближе присмотрѣться къ станицѣ, казаку, его горю и радостямъ, а тутъ еще, какъ на зло, стояла и дурная погода—дождь лилъ, какъ изъ ведра; зато во второй разъ все благоприятствовало моимъ наблюденіямъ—пріѣздъ совпалъ со страдой лѣтнихъ работъ.

— Эхъ! нынче что-то приключилось неладное, жаловались казаки,—дожди всѣ наши лѣтніе распорядки перепутали. Вотъ теперь августъ мѣсяць, а мы только сѣна убираемъ. Спасибо, что кругомъ пошли машины: косимъ машиной, гребемъ машиной, остается перекопнить, да стоги скидать, а тамъ и за хлѣбъ надо браться.

— Ну, а что же теперь-то урожаи выжняютъ? спросилъ я своего содесятника по покосу.

— На низу да на полугорѣ ничего, благодареніе Богу, а на горѣ плохо.

— Плохо на горѣ, плохо! поддержалъ старый казакъ Лосевъ, задѣлывая свою обычную крученку въ палець толщины и намѣреваясь, очевидно, «покалякать»,—на горѣ хоть бы сѣмяна взять и то

слава Богу, а на низу, мотри, десятина ячменя дастъ нидовъ по полтораста.

— Ну, полтораста не у всякаго, а подь сто наберется! поправиль Лосева другой содесятникъ.

— А можетъ подь сто, быстро согласился старикъ,—да оно и лучше: все меньше будетъ работы, а то прямо изъ силъ выбьешься! подшутиль онъ.

— Эхъ! Левонъ Андревичъ, да что у тебя дѣтей-то нѣтъ—некому замѣнить?

— Да что дѣти! вонъ какіе работники стали: сынъ только съ полка пришелъ, ему бы одному въ пору косилку, или копны таскать, а ёнъ норовить либо быковъ водить, либо пойдетъ ихъ привирачивать, да и пропадетъ. Все жалуется на службу: чижало больно. И гдѣ тамъ чажести? За службу только разбалуются! ворчалъ старикъ, высказывавшій иногда неудовольствіе по адресу сына.

— Да! добро въ полку, вставиль молодой Лось, лѣнливо потягиваясь подь копной,—ни грестъ не надо, ни копнить, а бери себѣ готовое у фуражира и дѣлу конецъ.

— Ну, а ты бы, Левонъ Андревичъ, жениль его скорѣй, вотъ бы и были тебѣ лишнія рабочія руки.

— Женить-то легко, а вотъ руки-то рабочія взять трудно. А коли понадетъ баба брездѣльная, такъ чего хуже! закончилъ старикъ. Снова взялся за вилы и работа пошла обычнымъ порядкомъ, а сынъ его ворочался, какъ говорятъ казаки: «какъ пень черезъ колоду».

— Да! мѣняется жисть, заговориль черезъ нѣсколько минутъ старый Лось снова, подбивая копну вилами,—народу все прибавляется, а угодьевъ остается по-старому. Вѣдь бывало-то на етихъ самихъ мѣстахъ была вольница, а нонѣ въ дѣлежъ все пустили.

— Какъ вольница?

— Такъ! Изволите видѣть вонъ енти самыя групи? И старикъ ткнулъ вилами на громадныя вѣковыя деревья, отличающіяся своими темными листьями отъ пышныхъ веребъ, густыми зарослями покрывающихъ нашъ лугъ.

— Ну, вижу.

— А вотъ ентотъ бурьянъ-то на берегу Аксайчика видите? и старикъ снова показалъ вилами на громадную высокую заросль сорныхъ травъ, пышнымъ кустомъ разросшихся среди покоса.

— Вижу.

— А знаете откуда все это?

— Да вѣдь тутъ прежде «хуторовали» наши дѣды, отвѣтилъ я.

— Вотъ то-то и дѣло, что хуторовали. А куда все это подѣвалось? Вѣдь вотъ мы съ ихъ высокоблагородіемъ это еще помнимъ— при нашей памяти было! и старикъ обратился къ моему отцу.

— Да! какъ же не помнить? поддержалъ его отецъ; вотъ на мѣстѣ этой самой заросли стоялъ дѣдовскій флигель; къ Аксайчику лицомъ, къ переду причелкомъ, а правѣй, гдѣ трава погуще, все бизы были, а кругомъ садъ. При мнѣ-то онъ ужъ немного порѣдѣлъ, а прежде, говорятъ, садъ отличный былъ! вспоминалъ старикъ давно прошедшіе годы.

— Да какъ же не отличный, заволновался Лось,—вѣдь еще при мнѣ сколько етой груши, яблоковъ въ городъ-то отправляли, а родитель мой рассказывалъ, что при ихъ памяти съ етихъ самихъ хуторовъ помимо отправки въ городъ и вся станица кормилась. А нонѣ-то, что уцѣлѣетъ отъ проклятаго майскаго жучка, такъ дѣтвора зеленцомъ пообнесетъ. Бывало здѣсь и жили и скоть пасли. А скота-то сколько было!

— А давно отсюда переселились?

— Во время хомутовской воды ¹⁾. Стояли мы всѣ въ церкви, день былъ праздничный. Вдругъ кто-то приходитъ и говоритъ: тамъ по займищу ²⁾ вода идетъ прямо стѣною. Ну, народъ не достоялъ службы, бросились свое добро спасать. Много чего погибло, а хутора залило такъ, что съ нихъ всѣ выселились на бугоръ, гдѣ теперь наша станица и съ той поры и хуторовать перестали. Да! привольно было, просторно на Дону—сколько етой птицы разной по займищу, рыбы по рѣчкамъ да озерамъ. Прямо невпроворотъ. И запретовъ никакихъ не было, и свидѣтельствъ на охоту, а нонѣ все по-новому.

— Ну, а какъ, Леонъ Андреевичъ, новое-то хуже старого стало?

— Да какъ сказать, ваше б—іе, хуже тѣмъ, что народъ сталъ озорной—другъ друга норовятъ живьемъ поглотать, а лучше было тѣмъ, что прпвольнѣй было: вѣдь вотъ сколько по займищу грушъ

---

¹⁾ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ—наказный атаманъ войска Донскаго съ 1848—1862 г., сначала въ чинѣ генераль-лейтенанта, впоследствии генерала-отъ-кавалеріи и въ званіи генераль-адъютанта.

²⁾ Займище—заливной дугъ.

есть, все это вольные хутора были, а теперь вся земля отошла въ общество.

— Ну, а теперь на новые хутора у насъ много уходить изъ станицы?

— Человѣкъ семь. Самые бездомные. Ты ихъ не то, что на хутора, а хоть куда угодно посади—все ни кола, ни двора не будетъ. Вѣдь оно на хуторѣ подручнѣй хорошему хозяину, а не голяку. Ну, а хорошему хозяину здѣсь все бросать тоже дѣло неподходящее: вся у него абселюція ³⁾ здѣсь, опять же у каждаго садъ виноградный. А храмъ-то Божій?! Вѣдь тоже къ нему привыкли.

— А какъ же въ другихъ станицахъ идутъ на хутора? спросилъ я.

— Да оно, ваше б--іе, есть по всякому: кто на хутора, а кто съ хуторовъ, а вообще на хутора идутъ тѣ, у кого земли меньше, чѣмъ у мужиковъ стало, ну, а у насъ хоть и немного—около семи десятинъ на душу, такъ зато же мы не считаемъ садовъ, опять-таки займище. Гдѣ вы такое займище найдете, какъ наше Заплавское? Вѣдь вотъ мы покосъ еще не кончили, а ужъ подъ сотню копенъ сѣна накосили, а гдѣ его взять теперь-то, коли бы у насъ займища не было?

— А когда наши хуторяне выселяются?

— Богъ ихъ знаетъ! по-моему врядъ ли они и выселятся-то?

— А что?

— Да теперь ужъ многіе на попятный дворъ, а надъсы въ правленіи сказывали, что окружной объявилъ, что тѣ, кто записался на хутора, ужъ не моги отказываться, хоша и передумаль...

Черезъ нѣсколько дней я возвращался изъ города (Новочеркаска). Кругомъ на токахъ оживленіе: скрипятъ катки, покрикиваютъ казаки и казачки на кормильцевъ-бычковъ, мѣрнымъ шагомъ совершающихъ свой безконечный путь вокругъ высокихъ столбовъ, врытыхъ въ центрѣ токовъ, погромыхиваютъ вѣялки, пожелтымъ скошеннымъ посѣвамъ въ разныхъ направленіяхъ ползаютъ громадные возилки съ нагруженнымъ на нихъ хлѣбомъ, свозимымъ съ загоновъ на тока для молотбы, неподалеку отъ станицы тонкій столбъ дыма высоко вздымается къ небу—это работаетъ паровая молотилка, появившаяся въ нашемъ юртѣ впервые.

³⁾ Слово «абселюція» казаки производятъ отъ корня селиться, селеніе и подразумѣваютъ подъ этимъ всѣ хозяйственные постройки и дома.

— Ваше б—іе, а ваше б—іе! обзываетъ меня кто-то изъ-за копны хлѣба.

Оглядываюсь и вижу двухъ казаковъ нашей станицы. Одинъ изъ нихъ уже пожилой человѣкъ лѣтъ за 40, а другой мой сверстникъ по приходскому училищу.

— Что такое?

— Сдѣлайте милость подвезите до станицы.

— Ну, садитесь. Вы откуда?

— Ъздили въ городъ оформить, значить, купчую.

— Какую купчую?

— Да вотъ я продалъ свое имѣніе, потому на хутора собираюсь, заявилъ мнѣ старшій изъ казаковъ—ну, какъ водится, вспрыснули покупку и немного развезло, а нашъ подводчикъ п бросилъ насъ посреди дороги. И шли мы, и шли съ Николаемъ, ногп отшибли, легли, проспались, а теперь вотъ домой надо.

Я въ душѣ подосадовалъ на себя, что согласился подвезти гулякъ, но они, очевидно, уже успѣли проспаться, такъ какъ никакихъ признаковъ опьяненія не было замѣтно. Съ другой стороны мнѣ представлялся удобный случай поговорить съ будущими «хуторянами», такъ какъ оба казака были изъ числа записавшихся на хутора. Про старшаго изъ нихъ если и нельзя сказать, что «нѣтъ ни кола, ни двора», но у насъ въ станицѣ его хозяйство слыветъ не за завидное: кромѣ поставленной еще его отцомъ каменной хаты, полуразваливашагося сарая, да 4—5-ти грушъ вдоль плетня—больше ничего, зато слава вѣчнаго гуляки установилась за нимъ очень прочно. Младшій—сынъ зажиточнаго казака-гвардейца, большой шелопаи и скандалистъ изъ числа молодыхъ, стремящихся «на отдѣлъ», т. е., пытающихся стать на свое собственное хозяйство.

Невольно припоминая приведенную выше характеристику нашихъ будущихъ «хуторянъ», я попытался съ ними заговорить на интересующую меня тему, но ничего опредѣленнаго добиться не могъ. Старшій изъ нихъ заявилъ, что онъ просто хочетъ «попробовать» и неоднократно старался пояснить, что рѣшилъ на ликвидацію своего дѣла въ станицѣ съ согласія своего сына, находящагося на службѣ, а младшій пояснилъ, что онъ, быть можетъ, на хутора и не пойдетъ, а причину перемѣны своего рѣшенія тоже почему-то не могъ объяснить. Изъ бесѣды со своими спутниками я вынесъ только такое впечатлѣніе, что и на хуторахъ они принесутъ столько же пользы дѣлу, сколько и въ станицѣ. Какъ разъ въ

это время мы подъѣхали къ улицѣ, гдѣ жили будущіе «хуторяне» и я ихъ высадилъ, а самъ тронулся дальше, разсматривая по пути свою станицу.

Невольно я перенесся мыслями лѣтъ на 20 назадъ и постарался сравнить нашу станицу того времени съ тѣмъ, что раскинулось передъ моими глазами въ описываемый моментъ. Какъ сейчасъ передо мной стоитъ моя родная колыбель въ томъ видѣ, какъ я припоминаю ее въ годы дѣтства: бѣленькія покрившіяся на бокъ землянки съ наросшими на крышахъ вѣниками, съ полуразвалившимися крытыми камышемъ сараями и съ искривившимися на бокъ плетнями, въ дыры которыхъ пользующіяся полной свободой казачьи свиньи совершали свои опустошительные набѣги на сады и огороды. Изъ всей станицы было только 5—6 приличныхъ домовъ подъ желѣзной крышей, да и то большая часть изъ нихъ принадлежали не казакамъ: одинъ — школа, другой — станичное правленіе, а третій домъ моего отца. Все остальное носило отпечатокъ бѣдности, а ужъ скромности во всякомъ случаѣ. Прошло 20 лѣтъ и та же родная колыбель приняла иной видъ: сама станица разрослась почти вдвое, широкія правильныя улицы, чистенькіе, деревянные дома, зачастую обложенные кирпичемъ и чуть ли не на полъ станицы подъ желѣзными крышами. Плетни уже отходятъ въ область преданій, развѣ только встрѣтите ихъ у такихъ хозяевъ, какъ одинъ изъ «будущихъ хуторянъ», только что разставшихся со мной. На смѣну плетнямъ явились правильныя деревянные изгороди. Цвѣтеть станица, цвѣтутъ частныя постройки, цвѣтутъ и общественныя: вотъ подъ бокомъ станицы дымить кирпичный заводъ, вонъ съ другой стороны ея высится громадная паровая мельница, на которой уже зажгли электричество, а вотъ на площади раскинулся громадный магазинъ. Хозяинъ его, жалуясь на плохія дѣла, все-таки не остановился передъ расширеніемъ въ этомъ году своей постройки вдвое и это только послѣ 10 лѣтъ торговли; вотъ громадное зданіе станичной школы, выстроенной подъ кирпичъ, а вотъ и громадный вѣковой храмъ, выросшій чуть ни вдвое на моихъ глазахъ.

Смотришь на все это, вспоминаешь недавнее прошлое, сравниваешь его съ настоящимъ, припоминаешь вѣчный плачъ мѣстной и столичной прессы на тему объѣднѣнія Дона и невольно останавливаешься надъ вопросомъ: ужъ точно ли такъ объѣднѣлъ Донъ, какъ объ этомъ кричать? Что же тогда за причина: кричать, что

Донъ бѣднѣеть, а наша и сосѣднія съ нею станицы цвѣтутъ не по днямъ, а по часамъ. Прежде о машинахъ только разговаривали, а теперь, не говоря уже о травокоскахъ, лобогрѣйкахъ, грабляхъ, вѣялкахъ, коихъ въ станицѣ сколько хочешь, появилась паровая молотилка, а слѣдомъ за ней простой рядовой казакъ заводитъ конную молотилку за 850 рублей. Прежде ѣздили наши казаки на скрипучихъ прадѣдовскихъ возахъ на деревянномъ ходу, а теперь, не говоря уже о желѣзныхъ осяхъ, появились и рессоры. А взгляните на то, какъ народъ одѣвается? Куда подѣвались скромныя женскія «кубилеки», куда пропали замѣнвшія ихъ ситцевыя «кирасы»? Было время — да прошло. Теперь посмотришь на бабъ и дѣвокъ въ праздникъ — и шелкъ не диковинка, а всякій маломальски приличный казакъ блеститъ на солнцѣ своими лакированными сапогами и щеголяетъ дорогими «тройками» или отличными диагоналевыми шароварами и касторовыми мундирами. А взгляните осенью на сезонъ станичныхъ свадебъ. Разливанное море: купить на свадьбу на 50 рублей вина и водки это уже и не такъ страшно для зажиточныхъ сватовъ.

— Что же ты, Иванъ Петровичъ, дочку замужъ не выдаешь? спросилъ я какъ-то своего родственника казака.

— Да сватали прошлымъ годомъ, а немного деньжатъ не хватило, а абы какъ отдавать не хотѣлось.

— А сколько надо на то, чтобы справить дѣвку?

— По хорошему справить, меньше трехсотъ не уберешь, а то и всѣ пятьсотъ. Теперь не тѣ времена стали: вонъ я свою жену взялъ съ сундукомъ ситца да съ парой нодушекъ, а нонѣ шелки пошли, кашемиры, кровати желѣзныя, самовары, перины, зеркала да моды...

И нравъ, тысячу разъ правъ мой собесѣдникъ: тѣ, кто знаетъ станицу не по наслышкѣ, не по рассказамъ и литературѣ, да еще литературѣ только «ноющей» о томъ, что «казачество обѣднѣло», «казачество стонетъ подъ тягостью службы», тѣ никогда не могутъ согласиться съ искренностью этихъ крокодильихъ слезъ. И я за время 20-лѣтнихъ наблюденій казачьей жизни, казачьяго быта въ батареѣ и станицѣ вынесъ иное заключеніе: не скажу про Донъ, что онъ бѣднѣеть, когда на моихъ глазахъ богатѣютъ *дѣльные, хозяйственные* казаки, когда на казачьихъ земляхъ наживаются пришельцы иногородніе. Вѣдь привлекаетъ же что-то ихъ на Донъ, если по даннымъ переписи 1897 г. на 1.000 человекъ

населенія области войска Донского (изъ 2.564.238 душъ) приходится 476,9 крестьянъ и 95,7 мѣщанъ, а «войсковыхъ казаковъ» только 400,4. Вѣдь эти цифры краснорѣчиво говорятъ, что врядь ли жалобы на обѣднѣніе Дона справедливы — «отъ нужды нужды не ищутъ». Въ подтвержденіе моихъ доводовъ могу добавить: нашъ (Черкасскій) округъ въ смыслѣ пресыщенія его иногороднимъ элементомъ одинъ изъ тѣхъ 4-хъ округовъ (Донецкій, Черкасскій, Ростовскій, Таганрогскій), въ которыхъ сосредоточено $\frac{4}{5}$ всѣхъ крестьянъ, населяющихъ область. Слѣдовательно набивающіеся на Донъ иногородніе, вѣроятно, вопреки жалобъ на обѣднѣніе Дона, продолжаютъ богатѣть именно въ тѣхъ краяхъ, о которыхъ пишу и я въ своихъ замѣткахъ, подчеркивая, что на мой взглядъ *не обѣднѣли наши края, а наоборотъ—обогащаются...*

Да у насъ еще казачье богатство не такъ замѣтно, какъ это мнѣ пришлось наблюдать въ Задоньи, о которомъ можно было бы сказать еще больше, чѣмъ о нашихъ причеркасскихъ краяхъ.

Въ эту поѣздку ѣду какъ-то по Задонью. Между сѣдоками одной изъ типичныхъ задонскихъ бричекъ, то и дѣло попадавшихся намъ навстрѣчу, узнаю казака своего взвода, сослуживца по Маньчжуріи. Вижу—обросъ бородой; я, видно, тоже измѣнился за 7 лѣтъ разлуки, но другъ друга узнали. Остановливаюсь и подзываю къ себѣ. Не скрою, пріятно было встрѣтить стараго сослуживца, хотя во взводѣ-то онъ былъ не пзъ лучшихъ—любилъ переброситься въ картишки. Пулей сорвался бородачъ со своего высокаго экипажа, какъ 7 лѣтъ назадъ такой-же пулей срывался со своего рыжого меренка (нынѣ запряженнаго въ парную бричку) по командѣ «съ передковъ» и стремглавъ летѣлъ къ хоботу орудія. Застегнулъ свою тужурку на всѣ пуговицы, поправилъ заломленную на бекрень артилерійскую фуражку, подходитъ. Ну, какъ водится, расцѣловались и заговорили о житьѣ-бытьѣ, о хозяйствѣ. Отвѣчалъ, отвѣчалъ мой бородачъ, смотрю слезы крупными каплями покатались изъ глазъ и слова не выговорить.

— Ты чего же плачешь, Касьяновъ?

— Да какъ же не плакать, ваше б—іе, вѣдь за семь-то лѣтъ сколько разъ вспоминалъ, думалъ, что не придется увидѣться и услышать о родной батарее, а вотъ привелъ же Господь...

Извиняюсь передъ читателемъ, что невольнo уклонился отъ темы, но привелъ эти небольшія подробности лишь для того, чтобы попутно подчеркнуть, что все-таки не всѣ еще казаки забываютъ

родные полки и батареи. Видно служба не для всѣхъ злая мачеха...

Ну, а теперь возвращаюсь къ дѣлу.

— Ты гдѣ же живешь? спрашиваю казака.

— На хуторѣ Платовомъ Бочаевской станицы.

— Помню. А куда ѣдешь?

— Въ станицу.

— Зачѣмъ?

— Да облюбовалъ тамъ мѣстечко—хочу купить и переходить.

— Ты что же это—люди на хутора изъ станицъ ѣдутъ, а ты въ станицу.

— Плохо стало, ваше б—іе.

— А что?

— Да годъ цѣльный прокрутишься, а коли за это время останутся тамъ какіе-нибудь рублей сто, только и нашего.

Долженъ замѣтить, что эти «какіе-нибудь рублей сто» были произнесены такимъ тономъ, что и я, и мой спутникъ товарищъ-офицеръ долго потомъ разговаривали на эту тему—видно было, что для нашего собесѣдника эти сто рублей были не деньги; каждый изъ насъ съ большимъ почтеніемъ относится къ этой суммѣ, которой за годъ изъ жалованья не останется.

— Ну, а что же ты тамъ хочешь дѣлать?

— А буду заниматься тѣмъ же чѣмъ и тамъ, а окромѣ этого можно на свободѣ и другимъ чѣмъ позаняться. Ну, къ примѣру, торговымъ дѣломъ.

— Сколько же съ тебя просятъ за мѣсто?

— Немного дороговато, ваше б—іе, 2¹/₂ тысячи съ постройками.

— А ты сколько же могъ бы дать?

— Да 1.700 далъ бы.

Эта цифра опять была произнесена совершенно спокойно, будто разговоръ шель не о тысячахъ, а о копейкахъ.

Что же это опять результаты обѣднѣнія Дона, когда первый встрѣтившійся казакъ, да и казакъ не изъ зажиточныхъ во взводѣ, ворочаетъ такими деньгами?

— Ну, а какъ за войну твое хозяйство не разстроилось? спросилъ я своего собесѣдника.

— Никакъ нѣтъ, ваше б—іе, даже кой что поддержалъ за это время.

— Какъ же это такъ? удивился я.

— А у насъ общество давало ушедшимъ на войну по 10 десятинъ лишнихъ земли на выработку—вотъ, значить, два года за время войны земля у меня побыла, потомъ я по приходѣ попросилъ еще на годъ оставить—оставили. Ну, и слава Богу, кой-что осталось.

Поговорили еще и распрощались...

А вотъ передо мной три письма другихъ моихъ сослуживцевъ-казаковъ по батарее. Вотъ что они пишутъ о хозяйствѣ ⁴⁾:

1) «Пропишу я Вамъ про свое житье; домашніи обстоятельства мои по какой часъ четыре пары воловъ, пара лошадей. У меня жена да трое дѣтей старшій мой сынъ 12 л. находится въ приходскомъ училищѣ въ третьемъ отдѣленіи, учится пока молодцомъ съ похвальными листами переходилъ съ перваго и втораго отдѣленій. Домашніе и семейное обстоятельства пока неплохое, жить еще можно...» Урядникъ В. А.

2) «Разкажу про свое житье. Все время я занимаюсь хозяйствомъ, т. е. хлѣбопашествомъ. Веду хозяйство уледотворительно. Весна была холодная, сады морозы побили, хлѣба пока еще хорошіе, разливъ воды былъ хорошъ, рыбы мало...» Урядникъ П. В.

3) «Семейство мое состоитъ изъ меня и жены Маріи Оетисевны и дочери Вассы Емельяновны. За нуждой въ люди не ходимъ, своей сколько хочешь. Какъ говорится слава казачья, но житье собачья, а затѣмъ земли у насъ плохія, года неурожайные, жить плохо. Если бы и Вы, Ваше Б—іе В. В., нашли бы съ своей стороны мѣстечко мнѣ хотя бы руб. на 25 въ мѣсяцъ я могъ бы служить. А все-таки мы храбрые Донцы духомъ не падаемъ... А засимъ по написаніи сего письма остаюся живъ и здоровъ известный Вамъ слуга и храбрый воинъ бомбардиръ Е. Ч.»

Я умышленно сдѣлалъ характерныя выдержки изъ всѣхъ трехъ писемъ, полученныхъ мною. О первыхъ двухъ говорить не буду, остановлюсь на послѣднемъ. Въ немъ если и проглядываетъ противорѣчіе высказаннымъ мною взглядамъ, то читатель, я думаю, видитъ по духу взятой изъ письма выдержки, что автора его «храбраго воина» на какую землю не посади, въ какой хуторъ или станицу не загощи, все равно толку не будетъ никакого: вѣчно у него будутъ «неурожаи и плохіе года», а рядомъ болѣе хозяйственные и положительные сосѣди будутъ говорить въ это же самое время:

⁴⁾ Орфографія сохраняется по подлинникамъ.

«домашніе и семейные обстоятельства пока неплохіе, жить еще можно» или еще скромнѣе «веду хозяйство уледотворительно».

А что плохо на Дону стало, такъ это дѣйствительно: сердолюбивыя маменьки ноютъ о тяжести службы, стало появляться по станицамъ много любителей увильнуть отъ нея, на службу казаки справляются не всегда аккуратно, сильно трясутъ для этой надобности станичную кассу, двери которой, къ слову сказать, открыты очень широко. Правда, это дѣлается заимобразно, но странно то, что прежде, когда по моимъ наблюденіямъ Донъ былъ бѣднѣе, шероховатостей въ этомъ отношеніи было меньше. Еще болѣе страннымъ становится все это, когда, прислушиваясь къ разговорамъ старыхъ казаковъ, къ ихъ воспоминаніямъ о былыхъ, да еще боевыхъ дняхъ, изъ этихъ разсказовъ выносишь впечатлѣніе, что не такъ смотреть на службу отслужившій элементъ Дона, какъ рисуетъ ее себѣ современная молодежь.

Въ эту же поѣздку собрались мы какъ-то на рыбную ловлю. Закупили сѣтку для постройки бредня и отправляемся къ старому рыбаковъ Лисицѣ. Увидѣлъ хромой, изуродованный «скверной болѣзнью» служака сѣтку—куда и недомоганіе дѣвалось: быстро и весело «зашкандыбалъ» онъ плохо служащими ему ногами въ садъ къ рѣкѣ, закипѣла работа, а между дѣломъ полились разговоры и, конечно, на военныя темы. Вспоминаетъ полуглухой и полуслѣпой дѣдъ походы, вспоминаетъ свое бывшее начальство и какъ онъ любовно отзывался о тѣхъ, кои заслужили хорошую память на бранномъ полѣ, сколько души, сколько восторга въ этихъ воспоминаніяхъ!

— Командовалъ нами Яковъ Петровичъ Баклаговъ. Славный былъ начальникъ, царство ему небесное. Стрѣлокъ былъ замѣчательный: бывало ѣдемъ по линіи, а черкесы ему у слѣдъ кричать «Бокмо, Бокмо!» ѣдемъ молча, а потомъ опостылѣетъ ему слушать черкесскую брехню, возьметъ у кого-нибудь винтовку и говорить: «А ну ка черкесская рожа! Я покажу тебѣ, какъ дразниться!» и заразъ ссадитъ его на землю. Промаховъ не давалъ. А въ дѣлѣ за- всегда бывало впереди всѣхъ. Въ сорокъ шестомъ году принялъ онъ нашъ полкъ, ну и пошла жисть иная: никому казаковъ не довѣрялъ и изъ строя не выпускалъ. Бывало въ дѣло итить—тишина, порядокъ, потому строй, а какъ на отдыхъ скомандуютъ ему «смирно», замахаешь руками—не надо молъ, пуцай отдыхаютъ. Дуже сердечный и храбрый былъ человекъ—съ такимъ и служи-

лось хорошо, а теперь есть чѣмъ и вспомнить службу-то. А нонѣ наши кужата все службы пужаются, а развѣ она ужъ такая чи-жолая? Сытъ самъ, сытъ конь, жалованье идетъ, а намъ всѣмъ егимъ надо было самимъ промышлять...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора приходитъ ко мнѣ мать одного изъ казаковъ гвардейцевъ, находящагося на службѣ, съ просьбой передать сыну посылку.

— Ты что же ему пошлешь?

— А что вы возьмете?

— Давай, что хочешь, лишь бы не было громоздко да чтобы прилично было все запаковано и зашито.

Отправилась казачка домой, а въ день отъѣзда приносить ящичекъ съ разными станичными лакомствами и мѣшочекъ съ сухарями. Вмѣстѣ съ нею пришла и молодайка, жена служиваго. Начались причитанія бабъ о своемъ болѣзньемкомъ служивомъ и гаданье — «какъ-то ему тамъ живется?»

— А вы думаете, какъ ему живется?

— А кто же его знаетъ!

— Вѣдь онъ кончилъ учебную команду?

— Кончилъ?

— Ну, вотъ то-то. Смотри на сверхсрочную останется?

— Ну, не дай Богъ! Что же ему дома хуже что ли?

— Да, видно, на службѣ тоже не плохо, когда на сверхсрочную охотниковъ сколько хочешь. Вѣдь тутъ пойдѣ весь день съ утра до вечера быкамъ хвосты крути, какъ говорятъ у насъ на Дону, а тамъ-то уряднику и лошадь почистятъ и подадутъ осѣдланную.

— А, може, и такъ? смотреть на меня недовѣрчиво чадолюбивая мать.

— Повѣрь, что такъ.

Бабы успокаиваются.

Черезъ три дня я разговаривалъ со служивымъ, вызваннымъ мною по телефону для полученія поклоновъ и посылокъ. Пошли разпросы о семьѣ, о хозяйствѣ, объ урожаяхъ, а закончились всѣ разговоры высказанными служивымъ предположеніями остаться на сверхсрочную.

— Да вѣдь мать же говорила, что Боже упаси! передаю я.

— А они тамъ Богъ вѣсть, что думаетъ, а по мнѣ служи, сколько хочешь. Исправно служишь и начальство цѣнить. Жало-

ванье нонѣ хорошее. Чего не служить? Вотъ только родители не захотятъ.

— Ну, а какъ же быть?

— Да придется остаться самовольно.

Вспомнилъ я причитанія жены и матери, сопоставилъ съ намѣреніями ихъ сына, вспомнилъ рассказы дѣда Лисицы и стараго Лося, вспомнилъ трудовой день въ станицѣ и понятны мнѣ желанія молодого казака и его родителей.

— Добро въ полку, тамъ ни косить, ни грестъ не надо, а бери себѣ готовое у фуражира и дѣлу конецъ! промелькнули у меня въ памяти слова молодого казака Лосева, высказанныя имъ на покосѣ.

Банунъ воскресенья. Съ поля тянутся возы и дроги къ станицѣ, гдѣ уже раздается звонъ къ вечернѣ. Наша лошаденка тщательно тащитъ дроги по крутому песчаному берегу р. Аксая. Мы ѣдемъ компаніей на рыбную ловлю на ночь. Встрѣчающіеся казаки высказываютъ пожеланія удачи лаконичными возгласами: «часъ добрый!»! Разговоръ у насъ идетъ о томъ, какъ удачно лавливали мы рыбу въ предыдущіе годы, и всѣ желанія сводятся къ тому, чтобы не возвратиться домой съ пустыми руками.

Удушливая дневная жара смѣнилась пріятной прохладой лѣтнаго вечера, пріобрѣтающаго особенную мягкую свѣжесть въ обширномъ красивомъ лугу, мѣстами испещренномъ громадными стогами и частыми копнами сѣна, мѣстами живописно убранномъ пышными порослями камышей, душистыхъ сочныхъ травъ и веселыхъ, привѣтливыхъ зеленыхъ, какъ изумрудъ, вербъ. Быстрыя южныя сумерки окутываютъ даль, а лошаденка старательно плетется туда въ темноту по хорошо извѣстной и ей и намъ луговой дорожкѣ. Слышавшіеся до наступленія сумерекъ ружейные выстрѣлы казаковъ-охотниковъ, разбредшихся послѣ тяжелаго трудового дня по озерамъ, мало-по-малу стихаютъ. Верстахъ въ 17-ти вправо отъ дороги на громадной горѣ видны огоньки Новочеркасска, а еще дальше и немного лѣвѣе видно зарево электрическаго освѣщенія шумнаго и суетливаго Ростова; впереди виденъ яркій огонь маячнаго фонаря на Дону, откуда слышны заунывные свистки пароходовъ, далеко разносящіеся по испещренному безконечными рѣчками и озерами лугу. А вотъ и конечный пунктъ нашей поѣздки илистая, съ крутыми, поросшими осокой и тальникомъ берегами рѣчка Бакланцы. Выпрягши лошадь, облачившись въ свои рыбацкія «забродскіе» костюмы, мы тихо вошли въ воду и,

разбросивъ бредень, медленно побрели вдоль берега. Тишина изрѣдка нарушается вслескомъ рыбы да шуршаніемъ бредня о нависшія надъ водой вѣтки тальника. По временамъ до насъ доносится несогласованный звонъ часовъ изъ трехъ ближайшихъ станицъ; не смотря на взаимную близость, каждая изъ нихъ ведетъ свой учетъ времени съ разницей до получаса. На самомъ крутомъ берегу Бакланцовъ стоитъ шалашъ сторожа, слѣдящаго, чтобы казаки не ловили рыбы недозволенными снастями. Иногда исполнители этихъ служакъ выходятъ изъ предѣловъ законности, такъ какъ они пытаются запрещать ловъ рыбы даже и такой узаконенной снастью, какъ бредень.

На этой почвѣ у меня былъ разговоръ съ однимъ изъ сторожей года 3—4 тому назадъ. Оказалось, что сторожь, съ своей точки зрѣнія, правъ—онъ получилъ такое распоряженіе отъ хозяина. Тогда я заинтересовался, откуда же хозяинъ получилъ такія полномочія. Оказалось, что, сдавая въ аренду рѣку, общество приговоромъ предоставило это право арендатору и тотъ хотѣлъ было имъ воспользоваться въ полной мѣрѣ, но представители того же общества, которое дало приговоръ, не пожелали подчиняться своему же собственному, хотя и незаконному, распоряженію.

Да! хорошее дѣло по основной идеѣ наше казачье общественное управленіе, но часто наталкиваешься на такія постановленія общественныхъ воротилъ, которыя ставятъ тебя втупикъ. Припоминаю такой случай.

День былъ праздничный. По улицамъ станицы, по заведенному обычаю, сновали разряженные дѣвки, а казаки небольшими группами тянулись къ станичному правленію. Мнѣ казалось, что станичниковъ интересуешь, или, по крайней мѣрѣ, долженъ интересоваться тотъ вопросъ, который, на мой взглядъ, представлялся гвоздемъ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію станичнаго схода—это вопросъ о переходѣ на хуторское хозяйство. Но каково же было мое удивленіе, когда я попалъ въ станичное правленіе. Тамъ, несмотря на поздній часъ (5 ч. вечера, а начало схода было объявлено въ 12 ч. дня), почти никого не было: десятка 2—3 казаковъ сидѣли небольшими группами и мирно бесѣдовали на различные темы, но только не на тему о хуторахъ. Въ писарской комнатѣ толпилось нѣсколько мужиковъ, а вокругъ нихъ лебезили хозяева станицы. Писаря что-то усиленно писали. Послѣ нѣкотораго времени наблюденій и изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ мнѣ, наконецъ,

удалось выяснить причины, вызвавшія ухаживанія станичниковъ за невзрачными, но важными на видъ хохлами.

— Може, мою землю возьмете? суетился почтенный, убѣленный сѣдинами урядникъ передъ юнцомъ, по всѣмъ признакамъ иногороднимъ.

— А у тебя гдѣ она? небрежно бросилъ тотъ.

Урядникъ началъ свое длинное поясненіе, изъ котораго я понималъ, что его припаякъ соприкасается съ землей, уже заарендованной мужикомъ. Противно было смотрѣть на этотъ подобострастный видъ станичнаго общественнаго дѣятеля передъ разбогатѣвшимъ на казачьихъ паяхъ пришельцемъ-хохлою, а между прочимъ дѣло объяснилось очень просто.

Черта 3-й станицы лежитъ по обѣ стороны Дона. До прошлаго года станичники надѣляли землей ближе къ станицѣ казаковъ хлѣборобовъ, а тѣмъ, кто самъ не пашетъ, они отводили надѣлы за Дономъ, т. е., подальше отъ станицы, гдѣ всѣ пай уже сдавались въ аренду иногороднему элементу, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе наводняющему плодородные края войска. Казалось, что могло быть лучше этого благоразумнаго разрѣшенія вопроса? Но это пришлось не по нутру станичнымъ воротиламъ. Они рѣшили, что тѣ казаки, пай которыхъ за Дономъ, богатѣютъ за счетъ другихъ. Подкладка «справедливости» налицо. Начали «горланить» и добились передѣла земли на новый ладъ. Всѣ безъ исключенія станичники получили надѣлы въ трѣхъ мѣстахъ: по $1\frac{1}{4}$ десятины, за Дономъ, по $1\frac{1}{8}$ десятины, такъ называемой, толѣчной земли подъ станицей и по 4 десятины тоже близъ станицы, но немного долѣе толѣчной. Я думаю, всякій порядочный хозяинъ станетъ втупикъ передъ этимъ остроумнымъ рѣшеніемъ: люди толкуютъ объ уничтоженіи чрезполосицы, принимаютъ всѣ мѣры къ облегченію и улучшенію вопроса землепользованія хлѣборобовъ, а тутъ сами земледѣльцы дробятъ землю такими клочками. Зачѣмъ? Почему? невольно напрашиваются вопросы, на которые я получилъ отвѣтъ въ бесѣдѣ съ однимъ изъ представителей станичнаго сбора.

— Думали, ваше б—іе, наши «воротилы», что за Дономъ всѣ за надѣлъ деньги заработаютъ, а тѣ, кто побогаче, намѣтили толѣчные припайки за безцѣнокъ поскупить, а потомъ на нихъ деньги нажать. А получилось что? Хохоль понимаетъ, что каждый изъ насъ не поѣдетъ за Донъ обрабатывать $1\frac{1}{4}$ десятины, ну и даетъ теперь за нихъ, что хочетъ, а нашему брату куда же дѣваться?

Вонъ, смотрите, ходять теперь за хохлами да Христомъ Богомъ упрашиваютъ забрать припайки.

И дѣйствительно, казаки ходили за важно выступавшими по правленію хохлами, упрашивали ихъ, тѣ ломались, давали, что хотѣли... а затѣмъ—затѣмъ магарычи по случаю сдачи земли въ аренду; пропивались полученные гроши. Изъ правленія валилъ народъ въ пивную бывшего станичнаго атамана, неоднократно судившагося за нечистыя дѣла по управленію станицей, но получившаго «прощеніе» общества и сохранившаго среди станичниковъ авторитетъ...

Кромѣ разговоровъ о сдачѣ въ аренду земли я слышалъ и другіе, но ни слова не слышалъ о «хуторахъ»—повидимому, нашу станицу этотъ вопросъ не интересовалъ совершенно. Къ слову сказать, сборъ въ этотъ день такъ и не состоялся. Вотъ вамъ и рѣшаемъ вопросы сами. А какъ насъ заставить работать? Хочу—иду на сходъ, хочу—не иду. Денежный штрафъ побудилъ бы выборныхъ не манкировать службой, но дѣло въ томъ, что установить этотъ штрафъ можетъ все тотъ же станичный сходъ, а кому охота составлять приговоръ на свою голову?

Описанный здѣсь фактъ имѣлъ мѣсто не дальше, какъ въ прошломъ году и онъ такъ ярко запечатлѣлся въ моей памяти, что я, кажется, всегда буду вспоминать его въ тѣ минуты, когда мысли мои сосредоточатся на отрицательныхъ сторонахъ общественнаго самоуправленія Дона.

Странно вѣдь то, что каждый, или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ десятидворныхъ выборныхъ станицы—люди благоразумные, а соберутся массой—получится что-то несуразное, вопреки пословицѣ «умъ хорошо, а два лучше». Въ этомъ году мнѣ опять пришлось завести разговоръ объ этомъ дѣлежѣ и удалось выяснить, что большинство казаковъ ничего не имѣютъ противъ раздѣла земли на два надѣла близъ станицы, такъ какъ земля разная и одному можетъ достаться плохая, а другому хорошая; что же касается отрѣзковъ по $1\frac{1}{4}$ десятины за Дономъ, то здравомыслящіе люди смотрятъ на это, какъ на недоразумѣніе; никто не ѣздитъ за Донъ обрабатывать эту землю, а она сдается въ аренду за ненадобностью. Ну, а тогда, конечно, было бы проще ее давать тѣмъ казакамъ, кои сами хлѣбопашествомъ не занимаются.

Поздно ночью мы возвратились съ довольно удачной рыбной ловли. Станица спала. Сверхъ обыкновенія не было слышно ни пѣсенъ, ни визга гармоники. Говорять, что новый станичный атаманъ прижалъ немного публику и, если за хулиганами трудно услѣдить внѣ станицы, то въ чертѣ ея при желаніи, конечно, можно навести порядки и оградить мирныхъ жителей, если не отъ набѣговъ воровъ, то хотя бы отъ рева и безчинства развязной веселящейся молодежи, а то страсти разгорѣлись ужъ черезчуръ. Не такъ давно убили ребята хозяина сада лишь только за то, что тотъ поймалъ ихъ съ краденными фруктами на мѣстѣ преступленія.

Вотъ что говорилъ мнѣ все тотъ же старый Лось, возмущаясь поведеніемъ обнаглѣвшей молодежи:

— Чего имъ не убивать-то, ваше б—іе! Бей теперь сколько хочешь — либо оправдаютъ, нашедши подходящее смягченіе, либо въ тюрьму на отдыхъ засадятъ. То-то ему страшно это! Нѣтъ, но-моему, убилъ человѣка — такъ и убійцу повѣсь, оно другому неповадно будетъ. Законы тѣ же остались, что и раньше были, а только толкователи-то другіе...

Слушая эти слова я невольно вспоминалъ глубокоправдивое и жизненное описаніе тяжелыхъ истинъ, затронутыхъ г. Родіоновымъ въ его произведеніи «Наше преступленіе». Аналогичные убійство и судъ имѣли мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ моихъ родныхъ краяхъ. Сходство до того поразительное, что невольно задаешь себѣ вопросъ: ужъ не изъ жизни ли моей родины взяты нѣкоторыя «бытовья» картинки казакомъ-писателемъ?

Кончился отпускъ. Проѣздомъ черезъ Новочеркасскъ попадаю въ офицерское собраніе на вечеръ. Странное впечатлѣніе произвело оно на меня: это скорѣе дѣтская площадка или ученической пикникъ, а не лѣтнее офицерское собраніе. Народу мало, всѣ ходятъ какъ-то вяло, скучая. Подъ жалкіе звуки тощаго оркестра по площадкѣ носится учащаяся молодежь: пляшутъ кадеты (кадетъ и дирижируетъ танцами), пляшутъ гимназисты, вертятся реалисты и гимназисты, подвизаются студенты; среди дамъ все больше подросточки учащіяся, да нѣсколько барышень, очевидно, послѣдняго выпуска изъ института и гимназій. Офицерства въ танцахъ не видно, да и въ собраніи-то его неособенно много. И такъ вѣдь изъ года въ годъ. Наше собраніе только и оживляется на рождественскихъ святкахъ, да и то опять-таки учащимся міромъ, а мы,

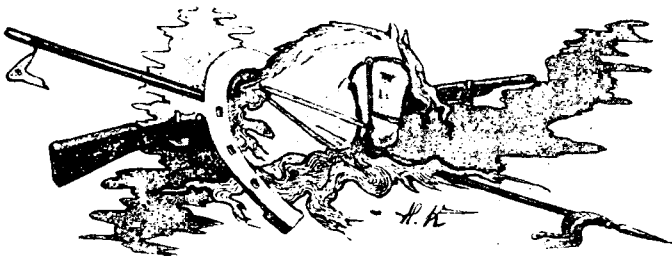
хозяева, бродимъ изъ угла въ уголь, если попадемъ въ собраніе, а попадаемъ-то туда, къ сожалѣнію, неособенно часто. Что за причина, что наши офицеры такъ мало любятъ свое собраніе? Ну, а публика, особенно дамы, въ отвѣтъ на приглашеніе туда, обычно отвѣчаютъ:

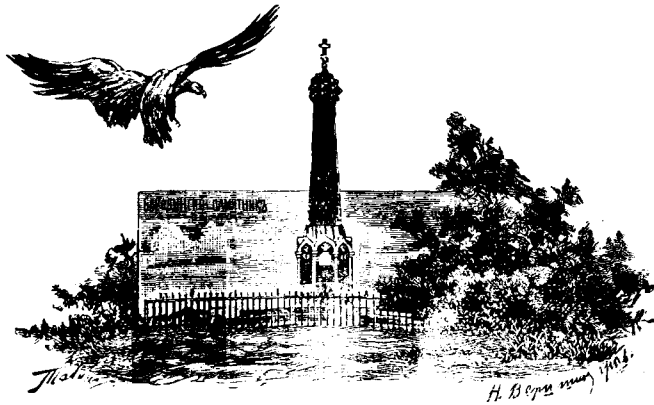
— Ну, тамъ тощица ужасная! Ужъ если идти, такъ въ городской клубъ или въ ротонду.

— А ну-ка что тамъ хорошаго? заинтересовался я и завернулъ и въ эти два учрежденія, но и тамъ почти никого. Да! вяла и скучна столица Дона—спитъ непробуднымъ сномъ съ застывшей и почти неизмѣнившейся за 20 лѣтъ физиономіей.

Особенно ощутительно въ Новочеркасскѣ отсутствіе постоянного большого гарнизона. Городъ вѣдь большой и ласкающая взглядъ выправкой и внѣшнимъ видомъ отдѣльная сотня и мѣстная команда какъ-то расплываются по городу совершенно незамѣтно. А между прочимъ такъ и хотѣлось бы послушать ту лихую казачью пѣсню и увидѣть стройныя сотни, полки и батареи, которыхъ такъ не достаетъ столицѣ Дона и по которымъ такъ тосковалъ нашъ извѣстный писатель-донецъ П. Красновъ во время своего посѣщенія Новочеркасска.

В. Добрынинъ.

СЛУЖЕНІЕ СВЯЩЕННИКА НА ВОЙНѢ ¹⁾.

(Изъ наблюденій участника Русско-японской войны).

«Въ Русско-японскую войну мы повторили тѣ же ошибки, что и въ послѣднюю Русско-турецкую», — это мнѣ неоднократно приходилось и въ печати читать, и изъ устъ живыхъ свидѣтелей слышать. Болѣзненно горько сознавать, что такъ легко могутъ пропадать у насъ даваемые жестокой дѣйствительностью военнаго времени, окупаемые кровью и огромной затратой народнаго труда, силъ и богатствъ, уроки прошлаго. Не подмѣчая ошибокъ, не запоминая и не исправляя ихъ, нельзя научиться работать и тѣмъ болѣе нельзя работать съ желаннымъ успѣхомъ. Жизнь — въ совершенствованіи; кто не идетъ впередъ, тотъ остается позади; а совершенствованіе — прежде всего въ распознаваніи ошибокъ и устраненіи ихъ; не изучившій пути можетъ спотыкаться каждый разъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; начинать каждый разъ съ начала — самая безотрадная исторія, не могущая сулить добра.

Правда, повторенныя въ Русско-японскую войну ошибки прошлаго не перестаютъ и въ печати, и на академической кафедрѣ, и въ арміи подмѣчаться, изучаться и освѣщаться. Нельзя, конечно, быть увѣреннымъ, что будущее, забывъ урокъ, снова не повторить

¹⁾ Помѣщая эту статью, положительныя достоинства которой уже были отмѣчены въ «Рус. Инв.» (Обзоръ печати), редакция имѣетъ въ виду подчеркнуть, что интересъ ея распространяется далеко за предѣлы «Вѣст. воен. и морск. духовенства», гдѣ она была напечатана. Въ нашей арміи, которой близки духовныя интересы ея сыновъ, должны отнестись къ этой статьѣ съ большимъ вниманіемъ. *Ред.*

ихъ, но приходится и тѣмъ утѣшаться, что ими теперь интересуются. Остается пожелать, чтобы такое изученіе коснулось не нѣкоторыхъ только, а всѣхъ сторонъ боевой жизни арміи, не исключая и духовной—религіозной.

Если когда, то въ настоящее время особенно сильно сознается, что религіозная сторона имѣетъ огромное значеніе въ воспитаніи русскаго воинства, въ развитіи ерѣпкаго и могучаго духа русской арміи и что роль священника въ арміи—почтенная и отвѣтственная роль, роль молитвенника, просвѣтителя и вдохновителя русскаго воинства.

Такова роль военнаго священника въ мирное время.

Въ военное время эта роль становится еще важнѣе и отвѣтственнѣе, а вмѣстѣ съ этимъ—и плодотворнѣе.

Обстановка боевого времени дѣлаетъ ее такой.

Огромная напряженность военной работы въ боевое время требуетъ духовной поддержки для воиновъ со стороны пастыря церкви; постоянныя опасности, близость смерти переносятъ мысль воина къ вопросамъ вѣчности; душа воина на войнѣ жаждетъ молитвы, чутко прислушивается къ слову о вѣчномъ, просится къ Богу. А отсутствіе повседневныхъ заботъ, развлеченій, разнообразіе жизни только побуждаютъ воина въ это время тянуться къ церкви и богослуженію. Тутъ и слабовѣрующіе и невѣрующіе притекаютъ къ ней. Пусть даже послѣдніе идутъ сюда гонимые бездѣльемъ, не по чистому влеченію сердца, а лишь для того, чтобы скоротать время, разогнать скуку, но развѣ слово пастыря не можетъ дойти и до ихъ слуха, развѣ благодать Божія не можетъ коснуться и ихъ сердца и оставить на нихъ слѣдъ на всю жизнь? Какъ часто бывало это!

Въ мирное время роль военнаго пастыря каждому военному священнослужителю ясна и понятна, а условія прохожденія ея въ общемъ каждому извѣстны. Но военное время предъявляетъ священнику свои требованія и ставитъ дѣятельность его въ новыя условія, которыя не сразу всякимъ могутъ быть поняты и оцѣнены. Между тѣмъ это непониманіе священнослужителемъ условій военнаго времени, неумѣніе ориентироваться въ окружающей его обстановкѣ можетъ ослаблять, а то и совсѣмъ парализовать его работу.

Къ сожалѣнію, надо сказать, что для этой области уроки давняго прошлаго почти канули въ вѣчность. Даже опытъ минувшей Русско-японской войны почти не использованъ, а въ печати и совершенно не взвѣшенъ.

Кромѣ отдѣльных замѣчаній о дѣятельности того или другого священнослужителя, кромѣ небольшихъ разсказовъ, рисующихъ скорѣе бытовья, чѣмъ идейныя, стороны пастырской работы на войнѣ, почти ничего серьезнаго въ печати не дано: принципиальныхъ вопросовъ не затронуто, недоумѣній не разрѣшено и дѣятельность священника на войнѣ— не очерчена. Если этотъ вопросъ и дальше оставить безъ разрѣшенія, то военнымъ пастырямъ пришлось бы идти на новую войну съ тѣмъ же опытомъ, съ какимъ шли ихъ предшественники на Русско-японскую войну, вѣрнѣе—идти безъ всякаго опыта.

Живо вспоминаю свои сборы, когда я долженъ былъ въ февралѣ 1904 г. отправиться на войну, въ только что сформированный полкъ.

Что брать съ собою, чѣмъ запастись на войну? Мнѣ совѣтовали: одни—взять больше нижняго бѣлья, и рубашки—непремѣнно чечучовыя; другіе—больше консервовъ, такъ какъ на войнѣ ждать голодовка; третьи—уговаривали меня не брать болѣе одного верхняго костюма, такъ какъ война скоро кончится, да и ни къ чему верхніе лишніе костюмы. Я послушался и тѣхъ и другихъ. И что же вышло? Часть нижняго бѣлья я черезъ два года привезъ нетронутымъ, консервы пришлось выбросить, такъ какъ нужды въ нихъ не оказалось; зато черезъ полгода верхній костюмъ мой совсѣмъ истрепался, а высланный на выручку изъ Россіи затерялся на почтѣ... Это, конечно, мелочь, но и она характерна.

Также дѣло обстояло и съ болѣе серьезнымъ. На мой вопросъ: есть ли въ полку походная церковь и нужныя для богослуженія принадлежности,—мнѣ отвѣчали: «навѣрное, есть». Къ счастью, я запасся всѣмъ нужнымъ для совершенія богослуженія и, только благодаря этому, не оказался въ критическомъ положеніи. Я пріѣхалъ въ полкъ 12-го марта, въ концѣ марта была Пасха, а церковь походную съ принадлежностями полкъ получилъ только въ концѣ мая... Хорошо бы я утѣшилъ свою паству въ Страстную недѣлю и Пасху, если бы мнѣ не съ чѣмъ и не въ чемъ было совершить богослуженіе?...

Задачи для дѣятельности священника въ военное время въ общемъ тѣ же, что и въ мирное время: 1) священникъ обязанъ удовлетворять религіозное чувство и религіозныя нужды воинствъ, черезъ совершеніе богослуженій и требы; 2) священникъ пастырскимъ словомъ и примѣромъ долженъ вліять на свою паству. Исключительная обстановка боевого времени и возникающіе у воиновъ

подъ ея вліяніемъ особенные религіозно-нравственныя нужды и запросы требуютъ лишь, чтобы священникъ въ выполненіи основныхъ задачъ своего служенія примѣнился къ такой обстановкѣ, угадалъ запросы и нашелъ способы удовлетворенія ихъ.

Какъ же выполнялись священникомъ маньчжурскихъ армій и какъ должны бы выполняться та и другая задача?

Такъ какъ время сраженій ставило священниковъ въ совершенно новыя условія и предъявляло къ нимъ особыя требованія, то мы будемъ разсматривать особо дѣятельность священниковъ въ промежуточное между сраженіями время и дѣятельность священниковъ во время сраженій.

Промежутки между боями въ Русско-японскую войну были очень продолжительны.

На лѣвомъ флангѣ первый бой былъ 18-го апрѣля у Тюренчена, на правомъ 1-го—2-го іюня у Вафангоо; слѣдующій бой былъ 10-го—11-го іюля у Ташичао, затѣмъ, въ половинѣ августа у Ляояна, а 8-го января у Сандепу и, наконецъ, въ февралѣ у Мукдена. Въ промежутки между этими боями нерѣдко происходили схватки съ непріателемъ, но онѣ касались отдѣльных частей и для послѣднихъ были эпизодическими. Въ общемъ же жизнь въ частяхъ въ это время проходила ровно и достаточно спокойно. Аккуратному отправленію богослуженій въ это время могли мѣшать передвиженія частей съ мѣста на мѣсто, которыя, надо сказать, не были особенно частыми. Всѣ другія занятія: работы по укрѣпленію позицій, рекогносцировки и ночныя нападенія на врага производились обыкновенно ротами, баталіонами, но не всей частью, и не могли мѣшать совершенно богослуженій. Чаше препятствіе представлялось съ другой стороны,—со стороны маньчжурской природы, съ ея ливнями, безпокойными ураганами и холодами, и со стороны походной жизни, лишавшей иногда возможности записаться церковнымъ виномъ и просфорами, но и эти препятствія при добрыхъ усиліяхъ такъ или иначе могли преобѣздаться.

Священникъ на войнѣ долженъ твердо помнить, что совершеніе богослуженій во всѣ воскресные и праздничные дни—его священный долгъ, и всякій разъ употребить всѣ усилія, чтобы побѣдить встрѣчающіяся на пути къ исполненію этого долга препятствія. Слишкомъ великое дѣло—богослуженіе на войнѣ. Побывавшему на войнѣ трудно было не убѣдиться въ этомъ. Мнѣ никогда не забыть бывшаго со мною слѣдующаго случая. Это было 24-го октября 1904 г. Полкъ нашъ, послѣ долгихъ, начавшихся 21-го

сентября, странствованій и тяжелаго Шахэйскаго боя, только что сталъ около дер. Хуаньшань. Въ теченіе этого времени мнѣ не пришлось ни разу совершить ни всенощной, ни литургіи,—зародилась дурная привычка пропускать службу. Не безъ вліянія этой привычки я и 24-го не сталъ служить, воспользовавшись тѣмъ предлогомъ, что полкъ еще не устроился на мѣстѣ и нѣсколько ротъ ушли утромъ на работу. Въмѣсто того, чтобы служить, я отправился въ главную квартиру Командующаго арміей, стоящую въ дер. Хуаньшань, по какому-то дѣлу. Когда я подходилъ къ деревнѣ, до меня съ другой стороны деревни донеслись звуки херувимской пѣсни: на горкѣ, около деревни служили литургію.

Трудно словами передать, что я переживалъ въ это время!

Вспомнилась мнѣ и родина и родная, въ которой я служилъ передъ войной, церковь; на душѣ пріятно — пріятно разлились звуки священной пѣсни, почувствовалась особенная сладость ихъ; мысль оторвалась отъ всего окружающаго и унеслась въ другой, чистый міръ. Я остановился и долго слушалъ, находя въ простыхъ, незатѣйливыхъ мелодіяхъ «Вѣрую», «Милость мира» и т. д. все новые и новые оттѣнки высокаго чувства; новыя и новыя мысли лѣзли въ мою голову; въ словахъ богослужебныхъ пѣсней, которыя я раньше слушалъ и самъ воспѣвалъ тысячи разъ, теперь мнѣ открылись совершенно новыя глубины богословской мысли и религіознаго чувства; теперь они какой-то особой теплотой согрѣли мою душу. Кончилась служба... Смолкли звуки... Я пришелъ въ себя. Точно молотомъ ударило меня по головѣ: «что я дѣлалъ?! Какъ я смѣлъ оставлять службу?! Вѣдь, и на многихъ другихъ богослуженіе можетъ произвести такое же впечатлѣніе, какое произвело теперь на меня. И многіе другіе также могутъ обновиться отъ него и мыслью и душой... А я лишалъ ихъ этого высокаго наслажденія. Нѣтъ, больше не бываетъ этому!» Я, душевно разбитый вернулся на бивакъ; стыдно мнѣ было смотрѣть въ глаза и нижнимъ чинамъ, и офицерамъ, точно я совершилъ передъ ними огромное преступленіе. Зато послѣ этого случая я не упускалъ повода, чтобы совершить въ полку богослуженіе.

Другой театръ военныхъ дѣйствій въ районѣ какого-либо христіанскаго государства представилъ бы гораздо больше удобствъ по отправленію богослуженія, чѣмъ Маньчжурія. Здѣсь же на огромномъ протяженіи отъ Портъ-Артура до Харбина имѣлось всего пять небольшихъ храмовъ: въ Портъ-Артурѣ, Инкоу, Ляоянѣ, Мукденѣ и Харбинѣ, которыми могла воспользоваться только не-

значительная доля арміи. Всѣ же части должны были пользоваться походными церквами, которыми были снабжены пѣхотные и кавалерійскіе полки.

Эти походныя церкви, сооруженныя для полковъ, по заказу интендантства, фабр. Ж.,—одно изъ печальныхъ воспоминаній прошлой войны. Церкви представляли комплектъ нужныхъ при богослуженіи церковныхъ вещей, безъ толку подобранныхъ, несуразно устроенныхъ и въ несуразномъ ящикѣ размѣщенныхъ. Нужнаго тутъ не было, а ненужнаго было очень много: не было, напримеръ, апостола, зато былъ мѣдный чайникъ. Всѣ книги были тяжеловѣсны, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ для походнаго богослуженія совсѣмъ излишни. Иконъ всего было двѣ, на доскахъ—Спасителя и Божіей Матери. Первая икона почему-то была чуть не въ два раза больше второй. вмѣсто лишнихъ книгъ можно было бы съ большимъ удобствомъ и пользой имѣть лишнюю икону на холстѣ, а не на доскѣ. Дарохранильницы закрывались такъ неплотно, что пзъ нихъ сыпались Св. Дары,—это сосудъ для храненія величайшей святыни! Также небрежно и непрочно были устроены и другіе предметы—кадила, сосуды. Ихъ скоро приходилось замѣнять другими. Ящикъ для вещей былъ неуклюжій и громоздкій, какъ бы нарочито для того устроенный, чтобы повозка съ нимъ скорѣе могла застрять въ маньчжурской грязи. Нѣкоторые командиры полковъ рѣшительно отказывались держать этотъ ящикъ въ обозѣ перваго разряда изъ опасенія потерять его, и ящикъ пребывалъ всегда вдали отъ полка ²⁾).

Съ такою походною церковью мало чѣмъ было лучше, чѣмъ совсѣмъ безъ церкви.

Полки собственными усиліями и, въ общемъ, съ успѣхомъ восполняли недочеты казеннаго снаряженія. И офицеры, и нижніе чины съ рѣдкой охотой помогали священникамъ, чтобы обставить богослуженіе большимъ благолѣпіемъ, а главное—создать хотя бы подобіе настоящаго храма. При дружномъ содѣйствіи чиновъ устраи-

²⁾ Наоборотъ, духовное начальство, въ первый періодъ войны, требовало, чтобы повозка съ церковнымъ ящикомъ всегда находилась въ обозѣ 1-го разряда. По нашему мнѣнію, и то и другое рѣшеніе вопроса, гдѣ быть церковному ящику, было ошибочнымъ: находясь при полку и во время боя, церковный ящикъ подвергался опасности быть захваченнымъ неприятелемъ, что и случилось въ 4-мъ Вост.-Сиб. стрѣлковомъ полку въ бою при Шахѣ; когда же онъ и въ не боевое время находился вдали отъ полка, тогда онъ оказывался для полка бесполезнымъ. Его мѣсто: во время боя—вдали отъ полка, въ обозѣ 2-го разряда; въ промежуточное между боями время, особенно когда полкъ стоитъ въ арьергардѣ,—при полку въ обозѣ 1-го разряда.

вались приличные церкви въ китайскихъ фанзахъ, госпитальныхъ шатрахъ, зимой—въ землянкахъ. Изъ скуднаго матеріала: ротныхъ иконъ, нѣсколькихъ кусковъ разноцвѣтной китайской «дрели», гаюлана и обрубковъ дерева сооружали иконостасы, подсвѣчники, изъ проволоки и патронныхъ гильзъ—паникадила, изъ китайскихъ колоколовъ—звонницы. Иногда среди чиновъ находились живописцы, которые, пользуясь минутами досуга, не жалѣли трудовъ, чтобы увеличить благолѣпіе храма. Какъ важенъ былъ для чиновъ этотъ примитивный храмъ, трудно и представить. Онъ переносилъ ихъ въ родную обстановку православныхъ храмовъ, настраивалъ ихъ на молитвенный тонъ, душѣ давалъ отраду и, само собою понятно, съ особою любовью посѣщался ими.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было устроить временный храмъ, богослуженіе совершалось подъ открытымъ небомъ: покрытый пеленой столъ или сдѣланное изъ дерну возвышеніе замѣняло престоль; небольшой, заграждавшій святиню отъ вѣтра и дождя навѣсъ изъ палатокъ,—алтарь, а сводъ небесный—куполь храма. Въ тихую, ясную погоду богослуженіе подъ открытымъ небомъ и особенно совершеніе литургіи представляло трогательную картину: кругомъ необозримыя маньчжурскія поля; передъ палаткой, въ которой совершается таинство,—море головъ, точно созрѣвшая нива; надъ ними солнышко, какъ величественная зажженная лампада, и далеко, далеко по странѣ, еще не узнавшей Христа, изъ груди пришедшихъ умирать за братьевъ несутся могучія хвалебныя пѣсни Источнику истинной жизни и Побѣдителю смерти...

Китайцы толпами стекались смотрѣть на наше богослуженіе, и это еще усиливало величественность картины.

При главныхъ квартирахъ Главнокомандующаго и Командующихъ арміями, гдѣ было больше перевозочныхъ средствъ, были приобрѣтены походные иконостасы и вполне достаточное количество утвари и облаченій, что давало полную возможность обставить богослуженіе еще благолѣпнѣе.

Въ госпиталяхъ дѣло съ устройствомъ походныхъ церквей обстояло почти такъ же, какъ и въ полкахъ. Но здѣсь встрѣчалось меньше препятствій къ совершенію богослуженія, такъ какъ госпитали располагались на значительномъ разстояніи отъ боевой линіи, рѣже, чѣмъ полки, двигались съ мѣста на мѣсто. Госпитальнымъ священникамъ, кромѣ того, легче было добывать просфоры и вино. Здѣсь дѣло страдало отъ другихъ причинъ: нѣкоторые госпитальные священники 1) получили при отправленіи на войну перков-

ныя вещи въ недостаточномъ количествѣ и плохого качества и 2) совсѣмъ не получили, какъ не положенныхъ по табели, антиминсовъ. Прибывъ на войну, нѣкоторые изъ госпитальныхъ священниковъ пытались уже здѣсь приобрести св. антимины, но и тутъ имъ было отказано на томъ же основаніи... А между тѣмъ для госпиталя совершеніе литургіи еще нужнѣе и возможности тамъ больше совершать литургію. И госпитальному священнику, и чинамъ госпиталя особенно тяжело было оставаться безъ литургіи въ Страстную седмицу и въ день св. Пасхи, какъ и въ Рождественскія Святки,—а эти дни пришлось пережить на войнѣ дважды. Въ маѣ 1905 г. Главнокомандующій замѣтилъ эту несообразность и потребовалъ снабженія госпиталей тыла св. антимины. Нужда эта, впрочемъ, еще ранѣе была замѣчена и удовлетворена въ арміяхъ.

Важную сторону богослуженія составляетъ пѣніе. Въ общемъ, церковное пѣніе на войнѣ во всѣхъ почти полкахъ стояло очень высоко, можетъ быть лучше, чѣмъ въ мирное время. На войнѣ больше было усердія къ нему, недостатка же въ пѣвцахъ никогда не бывало.

Значительно мѣшала развитію хора частая смѣна пѣвцовъ, убывавшихъ послѣ каждаго боя ³⁾. Зато хоръ для своихъ упражненій не нуждался въ свободномъ времени, котораго всегда доставало съ избыткомъ. Препятствій къ занятію церковнаго хора пѣніемъ никто не ставилъ. Поэтому хоръ не налаживался только тамъ, гдѣ священникъ не желалъ удѣлить ему никакого вниманія. Устраивавшіяся на бивакахъ спѣвки церковнаго хора всегда привлекали множество слушателей, не знавшихъ часто, какъ занять время, и получавшихъ при этихъ спѣвкахъ и утѣшеніе, и развлеченіе. И въ этомъ отношеніи церковные хоры были чрезвычайно полезны и дороги.

Говоря о совершеніи богослуженія на войнѣ и объ огромномъ влияніи его на войска, нельзя умолчать о тѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя не имѣли своихъ священниковъ. Къ прискорбію, такихъ частей въ нашей арміи—множество. Почти всѣ артилерійскія бригады, войска пограничной стражи, казачьи полки, саперные и желѣзнодорожные баталіоны, всѣ дивизіонные обозы и лазареты, телеграфныя роты, понтонные баталіоны, транспорты, сборные пункты и пр. и пр.,—словомъ, добрая половина дѣйствующей арміи не имѣла своихъ священниковъ. Какъ же эти части устраи-

³⁾ Вѣдь, въ нѣкоторыхъ полкахъ составъ въ теченіе войны перемѣнился нѣсколько разъ.

вались съ церковнымъ дѣломъ, отъ кого они питались духовно? Не ровно. Въ лучшемъ положеніи находились артилерійскія части. Онѣ всегда располагались около пѣхотныхъ полковъ,—бригада чаще всего разбивалась на батареи, которыя размѣщались между полками дивизіи. Находясь около полковъ, части эти обслуживались полковыми священниками и слушали богослуженіе вмѣстѣ съ полками. Чаще всего бывало такъ, что батареи распредѣлялись между священниками дивизіи и послѣ этого каждый священникъ обслуживалъ свою батарею. Въ такомъ же почти положеніи находились телеграфныя роты и саперныя баталіоны. Они, однако, не могли всегда располагаться около полковъ и тѣмъ болѣе—около однихъ и тѣхъ же полковъ. Въ несравненно худшемъ положеніи находились дивизіонныя обозы (всегда) и казачьи полки (часто); первые располагались въ тылу, вторые—впереди арміи, часто на крайнихъ флангахъ, и тѣ и другіе—вдали отъ частей, имѣющихъ своихъ священниковъ. Положеніе казачьихъ частей, когда онѣ находились на крайнихъ флангахъ, было ужасно: чины умирали безъ напутствія, погребались безъ священническаго благословенія: по мѣсяцамъ не видѣли священника и не слышали богослуженія. Въ дивизіонныя обозы заглядывалъ только нарочито командированный священникъ, но о такихъ командировкахъ догадывались рѣдко ⁴⁾). Такой непорядокъ не долженъ повторяться на слѣдующей войнѣ. Если нельзя дать священниковъ всѣмъ частямъ, то тѣмъ болѣе нельзя оставить войска съ наличнымъ числомъ священниковъ. Въ минувшую войну въ дивизіи имѣлось четыре священника. Эти четыре священника не имѣютъ никакой возможности обслужить не только четыре пѣхотныхъ полка, но и всѣ части, входящія въ составъ дивизіи. Что жъ остается сдѣлать? Увеличить число священниковъ въ дивизіи. Думается, что если бы прибавить въ каждую дивизію двухъ священниковъ, имъ хватило бы по горло дѣла! ⁵⁾).

⁴⁾ Бывали случаи, что цѣлыя отряды не имѣли своего священника. Таковъ, напримѣръ, былъ отрядъ полковника Мадритова, находившійся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, вдали отъ арміи. Отрядъ самъ принеся себѣ за какое-то вознагражденіе священника, какого-то безграмотнаго іеромонаха Іосифа. Трудно было отряду съ безграмотнымъ іеромонахомъ, но и о. Іосифу было не легко съ отрядомъ: отрядъ неаккуратно платилъ ему жалованье, а затѣмъ и совсѣмъ отказался платить «за отсутствіемъ источника». Штабамъ досталось не мало работы разбирать денежную тяжбу между о. Іосифомъ и полк. Мадритовымъ.

⁵⁾ Независимо отъ этого при главномъ полевомъ священникѣ должно быть не менѣе 3 священниковъ для командировокъ. Они постоянно требуются для исполненія требъ на сборныхъ пунктахъ, въ отдѣльныхъ отрядахъ и пр. Между тѣмъ въ минувшую войну были совсѣмъ упразднены должности священниковъ для командировокъ при главныхъ священникахъ арміи, хотя по Высочайше утвержденному положенію при каждомъ главномъ священникѣ полагался одинъ такой священникъ.

Въ то время, какъ полковые священники обслуживали бы пѣхотные полки и артилерію, эти два служили бы въ саперныхъ, понтонныхъ, лазаретныхъ, обозныхъ и другихъ частяхъ, а въ случаяхъ болѣзни или убыли полковыхъ священниковъ — замѣняли ихъ. Независимо отъ этого надо дать особыхъ священниковъ казачьимъ полкамъ.

Останавливаться передъ неизбежнымъ для этого расходомъ было бы преступно. На содержаніе арміи тратились въ минувшую войну милліоны въ день. Что значить въ этой массѣ золота расходъ на содержаніе лишнихъ пятидесяти—ста священниковъ? Между тѣмъ духовные интересы арміи заслуживаютъ вниманія: родина какъ будто не въ правѣ отказать въ грошовомъ расходѣ на удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ воиновъ, которые въ жертву ей несутъ жизни свои. Удовлетвореніе же духовныхъ нуждъ арміи дастъ большіе плоды и этими плодами съ лихвою вознаградить сдѣланныя затраты. Распространяться по этому поводу нѣтъ нужды, — все само собою ясно.

Если же родина не захочетъ порадовать о духовныхъ нуждахъ арміи, тогда священники, находящіеся на войнѣ, должны пожалѣть нуждающихся. Они, хотя бы съ затратою послѣднихъ силъ, должны послужить и тѣмъ частямъ, которыя не имѣютъ своихъ священниковъ. Позаботиться же о томъ, чтобы ни одна часть не осталась безъ пастырскаго надзора и помощи и чтобы пастырскій трудъ между наличными священниками арміи былъ распределенъ равномѣрно, — это долгъ полевого главнаго священника и благотворителей.

Резюмируемъ изложенное. Священнослужители — участники будущей войны — должны твердо помнить, что аккуратное, по возможности, неопустительное совершеніе богослуженій на театрѣ военныхъ дѣйствій — ихъ священнѣйшій долгъ, къ выполненію котораго они должны приложить всѣ усилія; чтобы богослуженіе было болѣе благолѣпнымъ, они должны вмѣстѣ съ этимъ неустанно заботиться о развитіи хоровъ; всѣ священники, находящіеся на войнѣ, должны быть снабжены св. антиминсами: священникъ, не имѣющій возможности совершать литургіи, — явленіе ненормальное; богослуженіе безъ литургіи — не полное богослуженіе. Полевые главные священники обязаны позаботиться, чтобы священники могли добывать безъ особаго труда и просфоры и вино ⁶⁾. Поле-

⁶⁾ Печеніе первыхъ могли бы принять на себя хлѣбопекарни; доставка вина могла бы производиться экономическимъ обществомъ или тѣмъ же интендантствомъ.

вые главные священники и благочинные должны позаботиться, чтобы не остались безъ удовлетворенія русскія національныя нужды частей, не имѣющихъ своихъ священниковъ, а священники должны не пожалѣть своихъ силъ на удовлетвореніе этихъ нуждъ.

Учительная дѣятельность священника на войнѣ.

Жизнь на войнѣ рѣзко отличается отъ жизни въ мирное время. Идетъ бой—люди изнемогаютъ отъ труда, напряженія силъ и лишеній. Настаетъ затишье, люди не знаютъ куда дѣвать время. Дѣла, занятій мало, а здоровыхъ развлеченій нѣтъ. Въ мирное время можно скоротать время книжкой, газетой, а тутъ нѣтъ ни того, ни другого. И вотъ въ минуты бездѣлья тоска по родинѣ, по семьѣ, какъ заберется въ сердце, какъ загложетъ его, не трудно тогда человѣку отдаться первому развлеченію, какъ бы пошло не было оно. Бездѣлье и отсутствіе добрыхъ развлеченій—самые страшные враги человѣка, передъ которыми и сильные сдаются. Война страшна этой своей стороной. Сильные и храбрые гибнутъ въ бою, а слабые, безвольные, слабовольные и неосторожные—въ затишьѣ,—гибнутъ отъ того врага, который не переставая бродить по русской землѣ, унося тысячи, сотни тысячъ жертвъ,—отъ хмѣльнаго вина. Другіе ищутъ развлеченія въ картежной игрѣ, нерѣдко принося этому Молоху въ жертву и свое, и своихъ семействъ благополучіе, а иногда и жизнь свою. И винопитіе, и картежная игра не мало унесли жертвъ въ минувшую войну.

Борются съ тѣмъ и другимъ зломъ, охъ, какъ трудно, такъ какъ тутъ приходится бороться не съ пороками только, но и съ обстановкой, съ бездѣльемъ, напряженностью нервовъ,—словомъ съ тѣми условіями, которыя благопріятствуютъ развитію этихъ пороковъ, но все же священники обязаны бороться. Давать совѣты священнику, какъ вести это дѣло борьбы, тутъ трудно. Разумъ и сердце должны подсказать ему, какъ надо спокойно, осторожно, не задѣвая и не раздражая самолюбія, по дружески, по отечески подойти къ офицеру и поддержать, успокоить, предостеречь его. Конечно, на полную побѣду и уничтоженіе враговъ, рискованно тутъ разсчитывать, но въ то же время усилія священника, если только онъ мудро приложитъ ихъ, могутъ сильно ослабить зло.

Нижніе чины еще болѣе нуждаются на войнѣ въ духовномъ руководствѣ. Для простаго человѣка еще нужнѣе въ трудныя

минуты нравственно-религіозная поддержка. И по опыту скажу: никто не можетъ такъ поддержать, ободрить, наставить и направить на войнѣ нашего солдата, какъ можетъ сдѣлать это священникъ, если только онъ по пастырски отнесется къ дѣлу.

Вести свою пастырскую проповѣдническую работу на войнѣ священнику и легче, и проще. Здѣсь священники всегда въ кругу солдатъ и солдаты вокругъ него. Тутъ онъ—какъ отецъ, окруженный своими дѣтьми. И дѣло свое онъ долженъ вести тутъ по отечески. Не надо ему здѣсь назначать опредѣленныхъ часовъ для бесѣды, не надо искать аудиторій, не надо посредствомъ приказовъ по полку собирать слушателей; тѣмъ болѣе не надо ему читать своимъ слушателямъ лекцій. Стоить ему отойти нѣсколько шаговъ отъ своей палатки, заговорить съ однимъ солдатомъ, какъ подойдетъ другой, третій, соберется группа, образуется толпа, и тогда говори батюшка, какъ отецъ съ дѣтьми, говори просто, безъ риторскихъ прикрасъ и заученныхъ выраженій, говори, какъ говорить близкіе люди, говори обо всемъ, о чемъ благовременно поговорить, учи правдѣ Божіей, поддерживай вѣру и бодрость духа, вѣрность долгу, царю и родинѣ, разбирай всѣ вопросы, какіе выдвинула полковая жизнь и боевое время, подготовляй свою часть къ бою, къ побѣдѣ, чтобы бой встрѣтила она безъ страха и къ побѣдѣ пришла. Нижніе чины сами подскажутъ батюшкѣ рядъ вопросовъ, на которые надо отвѣтить. А его дѣло лишь не оставить ихъ безъ отвѣта.

Очень дѣйственны и цѣнны такіа бесѣды священника на войнѣ.

Жизнь безъ грѣховъ не обходится. И на войнѣ случаются грѣхи: струсить, обидить солдатъ мѣстнаго жителя, напиться до пьяна, струсить въ бою и т. п.—священникъ долженъ быть на стражѣ такихъ поступковъ. Это не трудно для него: на войнѣ самое незначительное происшествіе въ части сразу становится всѣмъ извѣстно. Священникъ долженъ отозваться на всякій такой случай; только обличать виновнаго онъ долженъ не при всѣхъ, а, по заповѣди Спасителя, сначала наединѣ и только, если виновный не исправится, при свидѣтеляхъ. Не долженъ священникъ забывать и о нуждѣ, о горѣ солдатскомъ и стараться облегчить ихъ. Каждое слово добраго священника, съ лаской и отзывчивостью сказанное, каждая, самая незначительная матеріальная помощь, священникомъ оказанная, быстро передаются въ полку между нижними чинами. Этимъ обязаны пользоваться священники и какъ можно чаще бесѣдовать съ нижними чинами, какъ группами, такъ и по-

одинокѣ, интересоваться ихъ жизнью и не оставлять ихъ безъ своихъ совѣтовъ.

Большой пособницей пастырскаго слова является хорошая книжка. Къ сожалѣнію, передъ войной о ней забыли. Въ списокѣ вещей, какими должна быть снабжена на войну воинская часть, даже такая крупная, какъ полкъ, о библіотекѣ нѣтъ помину. Библіотеками и не запасались ни части, ни священники, отправлявшіеся на войну. Предполагалось, что библіотека будетъ лишнимъ грузомъ, стѣсняющимъ передвиженіе части, у которой все должно быть взвѣшено и размѣрено. О библіотекѣ вспомнили на войнѣ, когда люди въ промежутки между боями томились отъ скуки и бездѣлья и съ жадностью голоднаго набрасывались на каждую печатную строку. Но... библіотекъ не было, а въ обозѣ частей въ это время нерѣдко возилось много лишняго скарбу; мнѣ извѣстенъ случай, что въ одномъ полку возился нарядный полный столовый сервизъ, занимавшій шесть двуколокъ ⁷⁾. Нѣсколько выручали изъ бѣды добрые люди, присылавшіе изъ Россіи книги, да еще священники выписывали на церковныя средства книги и брошюры, но и то и другое не могло замѣнить настоящей библіотеки, если бы она была тщательно подобрана передъ отправленіемъ части на войну. Особенно чувствовалась необходимость книжки въ госпиталяхъ для выздоравливающихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Въ маѣ 1905 г. для госпиталей одной изъ армій было выписано изъ Петербурга 20 библіотечекъ. Каждая библіотечка состояла изъ 173 названій книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго и патріотическо-историческаго характера. Подборъ книгъ былъ сдѣланъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви прот. Ф. Н. Орнатскимъ чрезвычайно удачно. Недорогія по цѣнѣ (номинальная стоимость каждой около 15 р.; «Общество» взяло за каждую съ пересылкой 10 р.) онѣ дали массу разнообразнаго и интереснаго матеріала для чтенія. Книжки брались нарасхватъ и читались не только нижними чинами, но и офицерами съ захватывающимъ интересомъ. Даже чины другихъ частей, узнавъ о существованіи библіотеки, издалека приходили (за 6 и больше верстъ), чтобы получить книжку. Эти библіотечки принесли огромную пользу.

Въ будущемъ и «библіотечная» ошибка должна быть уstra-

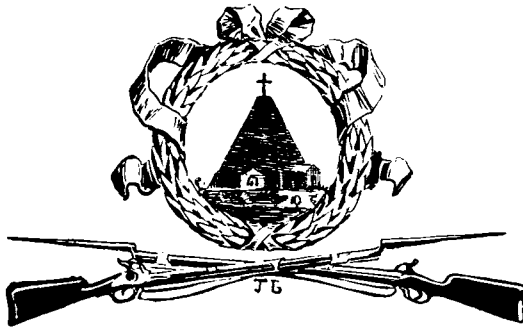
---

⁷⁾ Въ этомъ же полку багажъ полковой лавочки возился на 12 двуколкахъ.

нена. Въ комплектъ вещей, которыми снабжается на войну воинская часть, непременно должна значиться библиотечка съ добрымъ подборомъ книгъ. Лишняго груза она не можетъ составить. Если находится мѣсто въ обозѣ для хлѣба обыкновеннаго, то должно найтись мѣсто и для духовнаго; возьмется сухари,—должна возиться и библиотека. Да и могутъ ли оказаться тяжелымъ бременемъ лишнихъ два—три пуда книгъ для обоза, рассчитаннаго на тысячи пудовъ. Объ этомъ и говорить не стоитъ. Надо лишь понять значеніе для части библиотечки, пожелать имѣть ее, и въ каждой части найдется мѣсто для нѣсколькихъ библиотекъ. А стоитъ понять, стоитъ пожелать...

Г. Шабельскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Шесть задач стрѣльбы для пѣхотныхъ частей и пулеметныхъ командъ,

продѣланныхъ въ окрестностяхъ сел. Höflein 12-го сент. 1911 г.

(Сообщеніе Императорско-Королевской армейской стрѣлковой школы ¹⁾)

Въ 1911 году въ лѣтній періодъ занятій армейскою стрѣлковою школою нѣсколько разъ были использованы стрѣльбища, расположенныя внѣ обычнаго раіона ея дѣйствій.

Цѣли избирались самыя простыя, въ большинствѣ случаевъ — неподвижныя мишени. Только во время нѣкоторыхъ упражненій $\frac{1}{3}$ цѣлей состояла изъ автоматически падающихъ мишеней. Последнее рекомендуется особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда не видно мѣста паденія пули и когда правильное положеніе снопа траекторій можетъ быть оцѣнено лишь по дѣйствию, произведенному попаданіемъ пули (напримѣръ, по движенію самой мишени).

Нежелательно, чтобы, при такого рода стрѣльбѣ, примѣняли болѣе $\frac{1}{3}$ автоматически падающихъ мишеней, такъ какъ случается, что

¹⁾ Въ Австріи.

большая часть мишеней бываетъ разстрѣлана сравнительно быстро и тогда получаютъ промежутки, которые въ дѣйствительномъ бою будутъ заполнены резервами; замѣна же разстрѣлянныхъ мишеней во время стрѣльбы невозможна безъ специальныхъ для этого приспособленій. Кромѣ того, въ бою, при условіи, что непріятельскія цѣли хорошо укрыты, невозможно прослѣдить за попаданіемъ въ отдѣльныхъ стрѣлковъ; тѣмъ не менѣе, при управленіи огнемъ, надо заботиться, чтобы онъ былъ направленъ соотвѣтствующимъ образомъ.

Съ этою цѣлью, въ большинствѣ случаевъ, продолжаютъ обстрѣливаніе участковъ, гдѣ сначала были замѣнены цѣли, тогда какъ во время упражненій, если злоупотреблять чрезмѣрнымъ количествомъ падающихъ мишеней, то этимъ совершенно произвольно будетъ достигнуто сосредоточеніе огня лишь противъ стоячихъ мишеней.

Гдѣ обстоятельства требовали, чтобы мишень была видимой лишь въ извѣстные моменты, тамъ, для достиженія этого, пользовались очертаніями или закрытіями мѣстности.

Такой способъ установки цѣлей, на ряду съ его простотою, наиболѣе близко подходитъ къ боевой обстановкѣ, допускаетъ оборудованіе стрѣльбища въ кратчайшій срокъ, исключаетъ необходимость сооруженія искусственныхъ закрытій, специальныхъ мишеней и т. п. и, благодаря этому, имѣетъ за собою и преимущество большей дешевизны.

Послѣ основательной рекогносцировки стрѣльбища самимъ руководителемъ, послѣ опредѣленія на мѣстности задачъ, подлежащихъ рѣшенію, и назначеніе цѣлей, самое оборудованіе стрѣльбища и постановка всѣхъ мишеней были закончены въ полъ-дня.

Вышеупомянутыя преимущества представляются особенно цѣнными, если принять во вниманіе, что для оборудованія стрѣльбищъ вообще требуется большія команды рабочихъ, которыя весьма часто затрачиваютъ на это до 8-ми и болѣе дней, благодаря чему эти люди отрываются отъ строевой подготовки; между тѣмъ изображеніе цѣлей мишенями все же даетъ картину далекую отъ того, что мы встрѣчаемъ въ дѣйствительномъ бою.

Что касается самаго исполненія задачъ, то практика вполнѣ выяснила необходимость частой перемѣны мѣста стрѣльбищъ, такъ какъ на обычныхъ постоянныхъ стрѣльбищахъ не всегда достаточно ясно обрисовывается трудность управленія огнемъ, а между тѣмъ, опытъ указываетъ на необходимость такой постановки обу-

ченія, которая обезпечивала бы правильное управленіе огнемъ при любой обстановкѣ, несмотря ни на какія затрудненія.

По вышеизложеннымъ причинамъ предлагаемыя задачи имѣютъ общій интересъ и значеніе.

Обстановка.

Состояніе погоды: погода очень хорошая, средняя температура 20°—26° Цельсія, вѣтеръ переменнѣйшей силы и направленія, солнце до полудня сзади, послѣ полудня—слѣва.

Паденіе пуль, благодаря тому обстоятельству, что почти всюду была сухая пахоть, отлично поддавалось наблюденію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ этому препятствовало очертаніе мѣстности.

Составъ стрѣляющей части: 1—2 взвода и пѣхотная пулеметная команда. Составъ каждаго взвода—45 стрѣлковъ, при 4-хъ отдѣленныхъ начальникахъ и одномъ унтеръ-офицерѣ за фронтомъ. Полуротными и взводными командирами были назначены слушатели 4-го курса военной школы.

Пулеметная команда выступила подъ главенствомъ своего начальника въ составѣ, положенномъ для него по мирному времени.

Всѣ части были взяты изъ состава учебныхъ командъ и потому, надо полагать, были отлично обучены въ стрѣлковомъ отношеніи. Обстоятельство это слѣдуетъ принять во вниманіе при оцѣнкѣ дѣйствительности стрѣлбы и условій управленія ихъ огнемъ.

Вооруженіе и снаряженіе. Всѣ стрѣляющія части выступили въ полномъ походномъ снаряженіи, съ шанцевымъ инструментомъ, имѣя при себѣ полное положенное число патроновъ, съ дальномѣрами, а у отдѣленныхъ начальниковъ были, кромѣ того, и бинокли.

Изображеніе цѣлей. Что касается силы противника (величина мишени) и его расположенія, то изображеніе ихъ было строго согласовано съ основами тактики: такимъ образомъ, допускалось расположеніе мишеней посреди кукурузнаго поля, нѣсколько отступя отъ опушки лѣса и т. п.

Степень видимости цѣлей, въ зависимости отъ освѣщенія, была неоднѣзкова, но въ общемъ хороша. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлей не было видно или когда онѣ различались съ трудомъ, руководитель сообщалъ стрѣляющимъ частныя данныя, касающіяся дѣйствительности огня этихъ частей противника.

Что касается деталей изображенія цѣлей, то, насколько нужно,

этотъ вопросъ будетъ разобранъ особо въ каждой изъ поставленныхъ задачъ.

Задача № 1.

Стрѣляющая часть—одна полурота; *вътерз* средней силы, слѣва.

Цѣль упражненія: завязка огнестрѣльнаго боя передовыми патрулями при случайномъ столкновеніи съ непріателемъ.

Заданіе и исходное положеніе. Непріатель наступаетъ черезъ лѣсъ, что къ сѣверо-западу отъ Хёфлейна (Höflein), въ направленіи на послѣдній.

Нашъ полкъ наступаетъ черезъ Хёфлейнъ навстрѣчу противнику.

Изображеніе цѣлей (см. схему № 1-й). Цѣль *A*—20 открыто и 10 укрыто лежащихъ фигуръ—изображаетъ непріательскую стрѣлковую цѣпь, которая только что расположилась въ кукурузномъ полѣ. Протяженіе 40 шаг.

Цѣль *B*—20 перебѣгающихъ фигуръ на неодинаковомъ разстояніи другъ отъ друга—изображаетъ отдѣленіе, удлиняющее впереди расположенную стрѣлковую цѣпь. Протяженіе 40 шаг.

Цѣль *C*—2 конныхъ фигуры и 5 фигуръ, расположенныхъ въ глубину,—изображаетъ ротнаго командира съ состоящими при немъ лицами (его штабомъ) и только что прибывшаго начальника головного отряда.

Цѣль *D*—20 (расположенныхъ въ глубину) фигуръ въ колоннѣ со вздвоенными рядами—изображаетъ идущее походнымъ порядкомъ отдѣленіе. Глубина цѣли 20 шаг.

Разстояніе между группами мишеней *C* и *D* равнялось 280 шаг. Разстояніе отдѣльныхъ мишеней отъ часовни можетъ быть опредѣлено по схемѣ № 1-й. Мишени эти должны были изображать головной отрядъ противника въ моментъ его развертыванія.

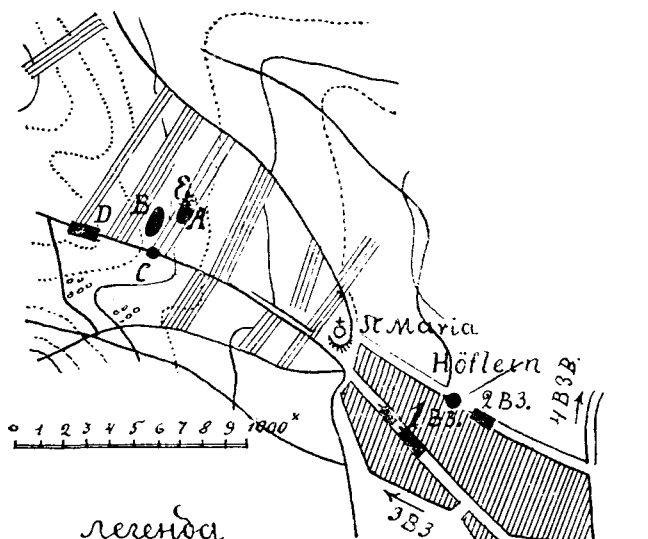
Степень видимости отдѣльныхъ цѣлей. Цѣль *B* можно было видѣть уже при выходѣ изъ селенія, откуда остальные цѣли еще видны не были.

Цѣль *A* съ трудомъ была видна даже съ 1-й стрѣлковой позиціи, но для опытнаго глаза все же представляла нѣкоторую ориентировочную данную; въ бинокль она была видна хорошо.

Цѣли *C* и *D* отъ часовни были ясно видны.

Условія мѣстности. Часовня расположена выше выхода изъ

Схема 1

легенда

3, 4 взводы и гол. отр. — мн. т. п. ротн. команд. въ головн. 1 взв. гол. отр. (2, 3, 4 роты)
 (1) стрѣлковая позиция 1 и 2 взв.

у часовни St. Maria

расстояние до цѣли $A = 850^*$
 " " " $B = 950^*$
 " " " $C = 930^*$
 " " " $D = 1210^*$

селенія; отъ нея вся мѣстность совершенно открыта для наблюденія.

Лѣвѣ (юго-западнѣ) часовни находится небольшое закрытіе удобное, какъ часть первой стрѣлковой позиции. Передъ всѣмъ фронтомъ тянулось нѣсколько полосъ кукурузы, которыя, однако, не закрывали впереди лежащей мѣстности.

Исполненіе задачи. Ротному и обоимъ взводнымъ командирамъ были даны свѣдѣнія о противникѣ и о своихъ войскахъ согласно вышеуказанному: имъ было сообщено, что столкновение съ противникомъ можетъ произойти въ каждый моментъ и что намѣреніе командира полка заключается въ овладѣніи высотой подъ названіемъ «Красная песчаная гора».

Какъ только началось движеніе и голова 1-го взвода приблизилась къ сѣверо-западному выходу изъ селенія Höfflein, ротный командиръ, который тѣмъ временемъ приблизился къ головѣ колонны, а равно и командиръ 1-го взвода увидѣли цѣль *B*.

У выхода изъ селенія командиръ роты отдалъ командиру 1-го взвода приказаніе: «Наступленіе! Сначала 1-мъ взводомъ съ вышешности лѣвѣе часовни открыть огонь по перебѣгающему противнику (цѣль *B*). Для этого скрыто дебутировать ихъ селеніе. 2-й взводъ развернется правѣе». Послѣднее приказаніе было передано командиру 2-го взвода черезъ ординарца.

Послѣ этого 1-й взводъ разсыпался въ цѣпи въ садахъ правѣе улицы, продвинулся къ часовнѣ и расположился по обѣ ея стороны, такъ какъ указаннаго для него мѣста было недостаточно.

Съ этой стрѣлковой позиціи командиръ взвода увидѣлъ также цѣли *C* и *D* и открылъ огонь по цѣли *B* двумя правыми разсыпанными въ цѣпь отдѣленіями, а по цѣли *C* двумя лѣвыми.

Прицѣлъ 1.100 шаг.; частый одиночный огонь.

Цѣль *D* предполагалась немногимъ дальше цѣли *C*; поэтому она не подверглась специальному обстрѣливанію, ибо командиръ взвода предполагалъ, что она и безъ того попадетъ въ полосу пораженія огня, направленного противъ *C*. Цѣль *A* не была замѣчена.

Принимая во вниманіе, что около цѣли *B* наблюдалось надежнѣе лишь небольшого количества пуль, прицѣлъ по цѣли *B* былъ увеличенъ до 1.200 шаг.

По сообщеніи руководителемъ, что взводъ сильно обстрѣливается со стороны кукурузнаго поля, расположеннаго впереди отдѣльно стоящаго дерева (цѣль *A*), командиръ взвода перенесъ туда огонь крайняго праваго отдѣленія съ установкою прицѣла на 700 шаг. Вслѣдъ затѣмъ руководитель сообщилъ, что цѣль *B* слѣдуетъ считать скрывшейся, послѣ чего командиръ взвода приказалъ и 2-му правому отдѣленію перенести огонь на цѣль *A*, увеличивъ высоту прицѣла для обоихъ отдѣленій до 800 шаг.

Послѣ открытія огня 1-мъ взводомъ, 2-й взводъ выдвинулся на линію огня правѣе 1-го, причемъ командиръ этого взвода назначилъ лишь два отдѣленія для удлиненія цѣпи 1-го взвода, а полъвзвода удержалъ въ резервѣ у часовни.

Передъ самымъ вступленіемъ въ бой 2-го взвода руководителемъ даны были указанія, что цѣли *C* и *D* также слѣдуетъ считать скрывшимися, а потому болѣе не подлежащими обстрѣливанію.

Командиръ 2-го взвода, который не сразу понялъ указанія руководителя, приказалъ сначала въ теченіе очень короткаго времени обстрѣливать цѣль *В* съ установкою прицѣла на 1.000 шаг. и лишь послѣ этого перевели огонь всего полу-взвода на цѣль *А* при установкѣ прицѣла на 800 шаг.

Тѣмъ временемъ уже и 1-й взводъ сосредоточилъ свой огонь всѣхъ четырехъ отдѣленій на цѣли *А* и вскорѣ началъ наступленіе, что побудило 2-й взводъ, для усиленія огня, влить въ боевую цѣпь справа свой резервъ. Послѣ того какъ 1-й взводъ продвинулся впередъ приблизительно шаговъ на 80—100, занятіе было закончено. Продолжительность огня въ общей сложности 9 минутъ 30 секундъ.

Разборъ. Способъ дѣйствія находился въ зависимости отъ имѣвшагося времени и характера непріятельскаго противодѣйствія.

Обстановка повелительно требовала быстрого рѣшенія и быстрой отдачи соотвѣтствующихъ приказаній для того, чтобы 1-й взводъ еще до выхода своего изъ деревни былъ ориентированъ относительно ожидавшей его задачи. Ротный командиръ вполнѣ правильно рѣшилъ атаковать противника, который только что начиналъ развертываться; его рѣшеніе вполнѣ соотвѣтствовало намѣреніямъ командира полка и поэтому ему оставалось лишь обдумать порядокъ приведенія своего плана въ исполненіе.

Всякое наступленіе—вообще, всякое тактическое дѣйствіе, которое должно быть разрѣшено огнемъ—сводится къ выполнению слѣдующихъ требованій: 1) свой огонь долженъ быть доведенъ до максимальной силы; 2) дѣйствіе огня противника должно быть ослаблено до минимума.

Для того, чтобы выполнить эти требованія, ротному командиру необходимо прежде всего *личнымъ осмотромъ ознакомиться съ мѣстностью и съ расположеніемъ противника.*

Если бы ротный командиръ вмѣстѣ съ головными частями быстро выдвинулся къ часовнѣ (для этого онъ верхомъ) и, по возможности, скрыто продвинулъ черезъ селеніе 1-й взводъ, то онъ сразу увидѣлъ бы противника и поле своихъ дѣйствій, не теряя при этомъ ни одной секунды и не имѣя надобности останавливать подходъ части. Между тѣмъ онъ этого не сдѣлалъ, вслѣдствіе чего приказаніе было отдано впопыхахъ и потому почти ни одно распоряженіе его не было выполнено.

Завязка наступательнаго боя должна была состоять изъ подготовки движенія огнемъ 1-го взвода. Но для исполненія этого не

доставало одного, именно условія внезапности. Противникъ навѣрное въ такой же степени былъ освѣдомленъ о наступленіи роты, насколько эта послѣдняя ориентирована относительно его самого; на это указываетъ его наступленіе цѣпами. И, если его было видно по выходѣ изъ селенія, то, несомнѣнно, и онъ долженъ былъ замѣтить наступленіе 1-го взвода.

Приказаніе расположиться на 1-й стрѣлковой позиціи лѣвѣе часовни не было исполнено, такъ какъ указанное мѣсто оказалось недостаточнымъ для цѣлаго взвода.

Обстрѣливаніе цѣли *B* было произведено не полностью всѣмъ 1-мъ взводомъ, такъ какъ взводному командиру, по достиженіи первой стрѣлковой позиціи, представились еще три цѣли (*A*, *C* и *D*), изъ которыхъ онъ увидѣлъ *C* и *D* и открылъ огонь также и по *C*. Такой способъ дѣйствій нельзя признать цѣлесообразнымъ.

Управленіе огнемъ въ серьезномъ бою, кромѣ волненія, вызываемаго опасностью, связано еще со многими другими трудностями. Поэтому все стараніе должно быть направлено къ тому, чтобы, по возможности, сократить число послѣднихъ, для чего лучшимъ средствомъ является *точное указаніе цѣли для открытія перваго огня*.

И безъ того довольно часто придется прибѣгать къ проявленію самостоятельности и частной инициативы со стороны низшаго команднаго состава; а потому, если уже съ первой стадіи развитія боя, вслѣдствіе неполноты отданнаго приказанія, большая часть рѣшеній будетъ предоставлена усмотрѣнію низшихъ командующихъ лицъ, то этимъ самымъ управленіе боемъ будетъ вырвано изъ рукъ командира и все будетъ имѣть случайный характеръ. *Поэтому слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на правильность и точность приказанія объ открытіи огня*.

Это первое приказаніе часто будетъ единственнымъ, которое дойдетъ до всѣхъ, и потому оно должно заключать въ себѣ директивы низшимъ командующимъ лицамъ для ихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Конечно, могутъ встрѣтиться случаи, когда придется ограничиться приказаніемъ: «открыть огонь!», но если только представляется возможность спокойно взвѣсить свои распоряженія, то вышеуказанное слѣдуетъ требовать всегда.

Въ данномъ случаѣ такое категорическое и точное приказаніе было вполне возможно.

Что касается самаго управленія огнемъ, то требованіе довести

его до возможной силы и дѣйствительности, въ связи съ цѣлесообразнымъ развертываніемъ предназначенныхъ для стрѣлковаго боя частей, требуетъ отъ управляющаго огнемъ распоряженій, направленныхъ къ тому, чтобы весь снапъ пуль стрѣляющихъ отдѣленій былъ сосредоточенъ на цѣли, наиболѣе важной въ тактическомъ отношеніи.

Цѣль *A* какъ по готовности къ открытію огня, такъ и по разстоянію, являлась важнѣйшею, противъ которой и слѣдовало бы направить огонь нашихъ отдѣленій; но, принимая во вниманіе, что она не сразу была замѣчена, важнѣйшими являлись наступающія цѣли *B* и *D*, изъ которыхъ наиболѣе выгодной по своимъ размѣрамъ была цѣль *D*.

Самое естественное и потому самое простое распредѣленіе огня для 1-го взвода выразилось бы въ томъ, чтобы однимъ полувзводомъ обстрѣлять части противника, наступающія вправо отъ дорогъ, а другимъ—наступающія лѣвѣе по дорогѣ. Особенно слѣдовало обстрѣлять цѣль *D*, наступавшую вдвоенными рядами; для цѣли же *C* достаточно было назначить нѣсколько отдѣльныхъ хорошихъ стрѣлковъ.

Вслѣдъ за выборомъ и распредѣленіемъ цѣлей однимъ изъ важнѣйшихъ требованій является *правильный выборъ высоты прицѣла*.

Полуротный командиръ, имѣя при себѣ дальномѣръ, долженъ былъ поспѣшить впередъ къ часовнѣ и опредѣлить разстояніе. Такъ какъ онъ не замѣтилъ цѣли *A*, то ему слѣдовало обратить свое вниманіе на далеко видимое отдѣльно стоящее дерево вблизи цѣли *B*, которое являлось лучшимъ ориентировочнымъ пунктомъ при обстрѣливаніи мѣняющихся цѣлей.

Понятно, надо было постараться опредѣлить разстояніе на глазъ. Измѣреніе приборомъ могло потребовать слпшкомъ много времени и въ данномъ случаѣ могло быть и не выполнимымъ, благодаря возможному дѣйствительному огню противника.

Результатъ оцѣнки разстоянія долженъ былъ быть сообщенъ обоимъ взводнымъ командирамъ. Первая стрѣлковая позиція для 1-го взвода была выбрана удачно; только взводу этому, вслѣдствіе недостатка мѣста и ожидаемаго удлиненія цѣпи 2-мъ взводомъ, непремѣнно слѣдовало удлинить цѣпь влѣво, что уменьшило бы густоту ея и тѣмъ самымъ ослабило бы потери отъ огня.

Если бы была произведена рекогносцировка, а затѣмъ принято рѣшеніе на основаніи осмотра мѣстности, то, при условіи,

что полуротный командиръ не замѣтилъ цѣли *A*, какъ это и произошло на самомъ дѣлѣ, первое приказаніе могло бы быть приблизительно такое: «Наступленіе!». Первый взводъ въ цѣль на грёбенъ влѣво отъ часовни и далѣе до сарая, открыть огонь полувзводами по противнику, наступающему вправо и влѣво отъ дороги. 2-му взводу наступать правѣе 1-го въ направленіи на дерево (за цѣлью *A*). Разстояніе до отдѣльно стоящаго дерева 900 шаговъ. Для дачи указаній командиру 2-го взвода остается достаточно времени. Ему все равно придется выдвинуться къ часовнѣ, а если бы его тамъ и не оказалось, то за нимъ можно послать ординарца или вызвать условнымъ знакомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, при подобной обдуманной отдачѣ приказаній, можно рассчитывать съ большею увѣренностью на то, что огонь будетъ сосредоточенъ именно туда, гдѣ это является желательнымъ для командира въ интересахъ исполненія намѣченной имъ задачи, въ данномъ случаѣ атаки.

Указанное командиромъ 1-го взвода распредѣленіе огня было исполнѣе правильно, хотя и несогласно съ приказаніями полуротнаго командира. Нецѣлесообразнымъ является лишь то, что, убѣдившись въ недостаткѣ назначеннаго мѣста на 1-й стрѣлковой позиціи, онъ подался вправо, занимая такимъ образомъ участокъ, указанный для 2-го взвода; въ этомъ не было никакой надобности въ виду того, что влѣво мѣста было достаточно.

Первоначальная болѣе правильная установка прицѣла была опрометчиво измѣнена установкою на 1.200 шаг., благодаря чему положеніе траекторій относительно цѣли значительно ухудшилось; подобное распоряженіе основывалось единственно на томъ, что было замѣчено, какъ нѣсколько пуль ясно ударились передъ цѣлью *B*, причемъ было упущено изъ виду, что за цѣлью *B* простиралось кукурузное поле, которое не давало возможности слѣдить за паденіемъ пуль.

Подводя итогъ всему сказанному, мы видимъ, что цѣль *A* не была замѣчена вовсе, что разстояніе до цѣли *C* взято слишкомъ малое, что промежутокъ между цѣлями *C* и *D* ошибочно принятъ меньше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ и, кромѣ того, направленіе снопа траекторій, относительно цѣли *B*, рассчитано неправильно.

Отсюда ясно, что надо обратить особенное вниманіе на: *рекогносцировку мѣстности, обнаруженіе трудно видимыхъ цѣлей, оцѣнку разстояній и умѣнье правильно направить снопъ траекторій* пуль.

Каждый офицеръ, который уяснить себѣ всю важность этихъ вопросовъ, нѣвѣрное постарается совершенствоваться въ нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ; руководители задачъ могутъ лишь, какъ это здѣсь и подчеркнуто, указывать на упущенія и на проистекающія отъ этого вредныя послѣдствія.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что какъ взводный командиръ, такъ и отдѣленные начальники, прямо прокричали свои приказанія перебѣгающимъ частямъ и потому врядъ ли ихъ слова были услышаны всѣми людьми.

По крайней мѣрѣ затѣмъ потребовалось нѣкоторое время, пока отданныя приказанія были вполнѣ поняты всѣми.

Впереди лежащія полосы кукурузы, какъ закрытія, были использованы слишкомъ мало; значительная часть цѣпи размѣстилась впереди ихъ.

Въ деталяхъ управленіе огнемъ зависитъ отъ взводныхъ командировъ и ихъ помощниковъ—отдѣленныхъ начальниковъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не привѣтствовать § 335 Проекта новаго строевого устава, въ которомъ отдѣленному начальнику предоставлена болѣе широкая инициатива по сравненію съ § 318 устава 1903 года.

На управляющихъ огнемъ начальникахъ лежитъ обязанность регулировать его интенсивность, дабы, «довести свой огонь до возможно большей степени дѣйствительности». Частый огонь 1-го взвода по перебѣгающимъ цѣлямъ былъ совершенно умѣстенъ, тѣмъ болѣе, что умѣніе людей стрѣлять и дисциплина огня обеспечивали необходимую въ данномъ случаѣ кучность попаданій.

Послѣ того какъ было объявлено, что перебѣгающія фигуры исчезли, огонь достаточно быстрый, хотя и не столь интенсивный, какъ раньше, по цѣлямъ *C* и *D*, былъ перенесенъ на цѣль *A*; такая мѣра вполнѣ соответствовала тактической обстановкѣ и величинѣ представляющихся цѣлей.

Достойно особенной похвалы, что нѣкоторые стрѣлки, на основаніи наблюденныхъ рикошетовъ, сами исправляли высоту прицѣла и сообщали свои наблюденія товарищамъ.

Цѣль *A* впервые была замѣчена одиночными людьми въ цѣпи, которые сейчасъ же сообщили объ этомъ взводному командиру, что тоже заслуживаетъ похвалы.

2-му взводу было значительно легче; ему, собственно говоря, пришлось имѣть дѣло съ одною лишь цѣлью *A*, такъ какъ всѣ прочія цѣли къ тому времени уже предполагались скрывшимися.

Но и здѣсь, очевидно, не доставало спокойнаго обсуждения за-

дачи и точной отдачи приказаній, такъ какъ все дальнѣйшее указываетъ на противное.

Взводу надлежало наступать, имѣя передъ собою одну лишь цѣль *A*; казалось бы, что самымъ естественнымъ въ данномъ случаѣ рѣшеніемъ было ввести въ бой все наличное число людей, а не удерживать половины въ резервѣ, чтобы, доведя такимъ образомъ свой огонь до наибольшей силы, подготовить наискорѣйшимъ образомъ возможность наступленія. Такое рѣшеніе оправдывалось еще и тѣмъ, что въ сущности взводъ въ боевомъ отношеніи разсматривается какъ несамостоятельная боевая единица въ такой же степени, какъ и полурота, за которою слѣдовалъ головной отрядъ, имѣвшій возможность вступить въ бой черезъ нѣсколько минутъ.

Усиленіе огня 2-мъ взводомъ во время наступленія 1-го обозначилось рельефно, не требуя вмѣшательства взводнаго командира, что указываетъ на вполне сознательныя дѣйствія отдѣльных стрѣлковъ и отдѣленныхъ начальниковъ.

Скорость стрѣлбы: въ 1-мъ взводѣ (продолжительность огня 9 мин. 30 сек.) прибол. 4 патрона на 1 челов. въ 1 мин.; во 2-мъ взводѣ (продолжительность огня 5 мин. 30 сек.) болѣе 5 патроновъ на 1 челов. въ 1 мин.

Здѣсь необходимо оговорить, что, при оцѣнкѣ результатовъ, слѣдуетъ разсматривать отдѣльно успѣхъ, который приходится на долю управленія огнемъ, и успѣхъ, который зависитъ исключительно отъ умѣнія лучшихъ стрѣлковъ.

Цѣль *C* (930 шаг.) была обстрѣляна при установкѣ прицѣла на 1.100 шаг. и, если въ ней оказались одиночныя пробоины, то это объясняется самостоятельнымъ исправленіемъ прицѣла отдѣльными начальниками и лучшими изъ стрѣлковъ. Полное отсутствіе попаданій въ мишени *D*—исключительная вина руководителя огня, который не уяснилъ себѣ важности цѣли *D*, не направилъ на нее огня и неправильно опредѣлилъ разстояніе между мишенями *D* и *C*.

Но и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить похвальную дисциплину огня у людей, такъ какъ очевидно никто изъ одиночныхъ стрѣлковъ не стрѣлялъ по мишени *D*; иначе, при установкѣ прицѣла на 1 100 шаг., въ ней бы навѣрное оказались пробоины.

При управленіи огнемъ не сумѣли сосредоточить на цѣли *B* дѣйствительнаго огня: первоначально была взята черезчуръ большая высота прицѣла (1.100 шаг.), которая потомъ, благодаря неправильнымъ наблюденіямъ, была еще увеличена до 1.200 шаг.

Результатъ стрѣльбы схема 2.

Если въ этой цѣли и оказались пробойны, то это объясняется лишь тѣмъ, что, во-первыхъ, она была по ошибкѣ обстрѣляна 2-мъ

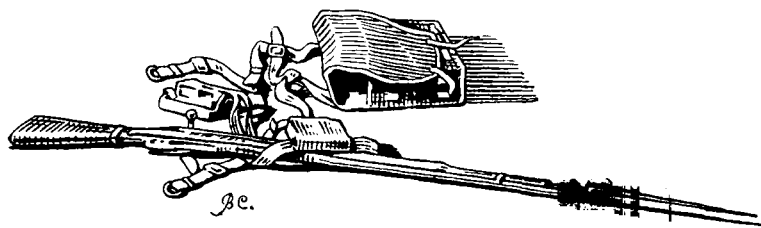
взводомъ, а, во-вторыхъ, лучшіе стрѣлки 1-го взвода частью сами исправили высоту прицѣла.

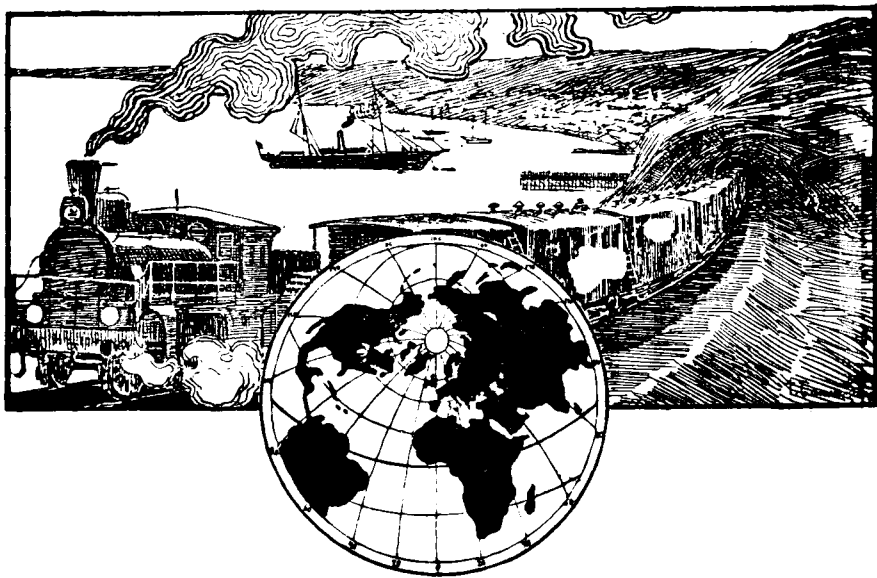
Что касается цѣли А (800 шаг.), то здѣсь въ полной мѣрѣ сказалась одиночная подготовка и дисциплина огня у людей: стрѣлки стрѣляли лишь по тѣмъ цѣлямъ, которыя можно было взять на мушку; фигуры, въ которыхъ пробоинъ не оказалось дѣйствительно были совершенно закрыты кукурузой; фактъ этотъ съ одной стороны указываетъ на особенную тщательность стрѣльбы, подчеркивая съ другой полезность хорошо использованныхъ мѣстныхъ закрытій.

Къ сожалѣнію невозможно установить въ какое время цѣль А попала подъ дѣйствительный огонь, а между тѣмъ это очень важно, такъ какъ, принимая во вниманіе, что она долго не обстрѣливалась, надо полагать, что, въ дѣйствительномъ бою, она должна была дѣйствовать весьма удачно противъ скученнаго 1-го взвода, вліяя на спокойствіе его огня и этимъ самымъ значительно ослабляя его дѣйствительность.

Пер. К. Ф.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЪ АЛАЙСКОЙ ДОЛИНЫ ДО МАРГЕЛАНА.

(Изъ путевыхъ очерковъ по Средней Азии).

Г л а в а I.

Дорауль-Кургань.—Киргизское коневодство.

Намъ съ докторомъ N предстояло проѣхать въ Маргеланъ изъ урочища Дорауль-Кургань, которое считается за начало Алайской долины со стороны Ферганской области.

Нѣсколько кибитокъ около рѣки съ загородками для скота и нѣсколькими тощими деревьями, запорошенными снѣгомъ, не давали возможности сдѣлать какое-либо заключеніе объ этомъ мѣстѣ, а потому оно мелькнуло передъ глазами, не оставивъ почти никакого впечатлѣнія. Втянувшись въ боковое ущелье, мы вмѣстѣ съ тѣмъ выѣхали изъ Алайской долины, слѣдуя долгое время по дну какой-то рѣченки, вода которой журчала изъ-подъ снѣга.

То держась одного изъ береговъ, то переправляясь черезъ воду и преодолевая ея небольшую глубину, мы все же благодаря брызгамъ, летѣвшимъ изъ-подъ копытъ лошадей, порядочно промокли, когда подѣхали къ перевалу.

Скользя по узкой тропѣ, извилинами поднимавшейся вверхъ, на перевалѣ насъ встрѣтилъ жестокой сѣверный вѣтеръ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ превратившій наше мокрое платье въ ледяныя брони, стучавшія при каждомъ движеніи.

Совершенно незамѣтно для глаза мы поднимались все выше и выше и невдалекѣ отъ урочища Какъ-Сай уже достигли вновь серьезной высоты 12-ти тысячъ футовъ. Дорога сдѣлалась труднѣе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невольно вспомнилась крутизна хребта Петра Великаго.

Заросли довольно большого лѣса съ разбросанными по склонамъ горы огромными камнями и ущельями дѣлали горный ландшафтъ очень красивымъ.

Сѣрые мрачные утесы поднимались вверхъ, образуя до крайности дикую картину.

Сдѣлавъ привалъ у урочища Лянгара и обогрѣвшись около разложеннаго костра, мы довольно долго отдыхали, сушились и закусывали трофеями охоты—куропатками, жаренными на вертелѣ. Заманчивый запахъ далеко разносился по окрестностямъ и, сдѣлавъ по тяжелой, трудной дорогѣ почти сорокъ верстъ, мы накинулись на это вкусное блюдо.

Порою намъ на рѣкѣ попадались небольшіе водопады, на которыхъ вода съ шумомъ неслась между камнями, унося съ собою массу снѣга, падавшаго съ боковъ ущелья. Очень крутые спуски и подъемы при стремительно бѣжавшей водѣ рѣки придавали суровый видъ этой горной долинѣ, протянувшейся на нѣсколько десятковъ верстъ.

Шагъ за шагомъ мы снова осторожно двигаемся, на каждой тропѣ ежеминутно рискуя поскользнувшись слетѣть съ довольно большой высоты.

— Однако, не даромъ говорятъ, что Исфайрамское ущелье одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ, сказалъ докторъ.

Жаль только мы его не видѣли въ полномъ цвѣту лѣтомъ или весной, тогда, вѣроятно, оно особенно привлекательно. Принявъ же во вниманіе, что по склонамъ горъ здѣсь встрѣчаются пашни можно съ увѣренностью сказать, что всѣ эти мѣста, какъ нельзя больше подходятъ къ условіямъ жизни великороссовъ, изъ средней Россіи.

Непонятно, почему до сихъ поръ не обращено совершенно никакого вниманія на долины и предгорья Алайскаго и другихъ Памирскихъ хребтовъ, въ которыхъ, не говоря уже объ огромной

Алайской долины, есть большія пространства вполне пригодныя для земледѣлія и вполне удобныя для водворенія русскихъ переселенцевъ, которыхъ въ сущности снѣжными зимами при морозахъ лишь въ 10—12 градусовъ не испугаешь, а потому, разумѣется, они бы легко приспособились къ жизни на этой безлюдной окраинѣ.

Говорить же о томъ, что распашка площадей, нынѣ служащихъ для кочевкоу киргизъ, нарушаетъ ихъ интересы, по меньшей мѣрѣ, странно, такъ какъ кочевая жизнь, являющаяся первобытною формою человѣческаго существованія, силою вещей должна прекратиться, уступивъ мѣсто болѣе культурной формѣ—осѣдности и, такимъ образомъ, съ приходомъ земледѣльца вполне логично кочевнику необходимо уступить ему мѣсто и самому также перейти въ число осѣдлыхъ, а тогда, разумѣется, всѣмъ земли хватить съ избыткомъ.

— Но позвольте, вѣдь это невозможно выполнить въ короткій срокъ, попробовалъ я оппонировать доктору.

— Полноте, у насъ уже въ Семирѣчьи есть рядъ примѣровъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили одни лишь кочевники киргизы, жаловавшіеся на недостатокъ у нихъ земли, оказалось возможнымъ устроить русскіе поселки, выдѣливъ подъ нихъ часть пастбищъ, а послѣ этого, черезъ нѣсколько лѣтъ, уже почти всѣ киргизы превратились въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, почти уничтоживъ свои табуны.

Здѣшнее же коневодство никакой почти пользы государству принести не можетъ, такъ какъ, не имѣя хорошихъ производителей, киргизское табуноное коневодство выработало мелкую непородную лошадь, не могущую быть взятою ни въ армію, ни даже служить рабочею силою для земледѣльца.

Держать же эти табуны для кумыса, для мяса, кожи, да еще выручаютъ небольшой доходъ, продавая по 20—25 рублей лошадь на туземныхъ базарахъ.

Состоя много лѣтъ въ комиссіяхъ по покупкѣ ремонтныхъ лошадей и зная всѣ условія коневодства, я невольно долженъ былъ согласиться съ этими заключеніями.

Киргизская лошадь Восточной Бухары и Алайской долины давно уже сильно измельчала, благодаря отсутствію притока чистопородной крови, при помощи производителей. Общій упадокъ коневодства во всемъ Туркестанѣ особенно сильно отразился на нѣкоторыхъ раіонахъ, вырабатывавшихъ въ прежнее время отличныхъ

лошадей. И вслѣдствіе многихъ крайне неблагоприятныхъ условий лошади Ура-Тюбинскія и Сандзарскія исчезли почти совершенно. Знаменитые же туркменскіе аргамаки настолько рѣдки и дороги, что представляютъ собою какой-то мифъ, о которомъ не можетъ мечтать даже богатый коневодъ, а про средняго и говорить нечего.

Персидскіе, турецкіе и арабскіе жеребцы, которые прежде приводились паломниками, при возвращеніи изъ Мекки, вслѣдствіе совершенія ими нынѣ этого путешествія по желѣзной дорогѣ, не приводятся вовсе. И если къ этому прибавить, что подарки жеребцами, которые жаловались многимъ туземцамъ кокандскими ханами и бухарскими эмирами изъ числа приводившихся изъ Турціи, Персіи и Аравіи, дававшіе возможность улучшать породу, также давно прекратились, а афганскій эмиръ запретилъ выводить жеребцовъ изъ Афганистана, то станетъ вполне понятнымъ, что достать производителей негдѣ.

Убѣдившись въ достоинствахъ англо-аравовъ и англійскихъ кровныхъ лошадей, нѣкоторые богатые бои, хотя и мечтаютъ о нихъ, но достать лошадей этихъ породъ за неприводомъ ихъ въ Фергану также почти невозможно.

Такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ, могущимъ улучшить киргизское коневодство, явится устройство случныхъ конюшенъ въ Ново-Маргеланѣ, Ошѣ и Алайской долинѣ и въ г. Кулябѣ и Гиссарѣ, причемъ въ первыхъ трехъ пунктахъ это должно бы взять на себя государственное коннозаводство, а въ послѣднихъ двухъ городахъ необходимо настоятельное представленіе бухарскому эмиру, съ разработкою всего вопроса улучшения коневодства во всемъ бухарскомъ ханствѣ и учрежденіемъ случныхъ конюшенъ и въ другихъ городахъ ханства, а именно: Чарджуѣ, Бурдалыкѣ, Хатырчахъ, Беркахъ, Каршахъ, Шахрисябѣ, Ширабадѣ, Кермине, Дайну, Нуратѣ, Курганъ-Тюбе и Бальджуанѣ, что можетъ не только поддержать падающее коневодство въ ханствѣ, но и создастъ вновь богатый конскій районъ, откуда могутъ получаться прекрасныя лошади въ ремонты кавалеріи, при условіи учрежденія постоянной ремонтной комиссіи въ Самаркандѣ.

Глава II.

Преданіе о Соломонѣ.

Пробираясь по узкой тропинкѣ, пролежавшей параллельно стремительно несшимся водамъ рѣки, глубоко ушедшей между скали-

стыхъ и обрывистыхъ береговъ, мы буквально ползли этотъ трудный переходъ. Лошади переступали нога за ногу, скользя по глинистой размягченной почвѣ.

Небольшіе водопады своимъ шумомъ нарушали тишину, разнообразя своимъ видомъ дорогу.

Густые кустарники покрывали склоны ущелья, образуя значительныя заросли, среди которыхъ кое-гдѣ поднимались отдѣльныя деревья, а мѣстами и цѣлыя куртины.

Животрепещущіе мостики, переброшенные черезъ рѣку, попадались довольно часто, вынуждая особенно осторожно переѣзжать черезъ нихъ, внимательно осматривая настилку, въ которой чернѣли широкія дыры.

Кеклики, горныя куропатки и горлицы начали подниматься изъ зарослей, когда мы вѣзжали въ нихъ.... Съ шумомъ, клекотаніемъ взлетали они вверхъ, разсѣвая со свистомъ воздухъ при своемъ стремительномъ полетѣ.

— Хорошая птица, одобрилъ старикъ аксакаль, ѣхавшій съ нами вмѣстѣ до Маргелана. Наши люди очень ихъ любятъ и большія деньги за кекликовъ платяты. Потомъ бой имъ устранивають, и деньги въ закладъ при этомъ ставятъ. У кого попадется сердитый, сильный кекликъ много денегъ заработать такой человекъ можетъ.

Самъ Сулейманъ-Росуль любилъ эту птицу, хотя онъ всякую птицу любилъ и не только птичій, но также и языкъ всего живущаго на землѣ, подъ землею и въ водахъ рѣчныхъ и морскихъ, понималъ. Великій былъ Хозреть у самаго престола Милосерднаго сидитъ онъ теперь, записывая всѣ грѣхи всего живущаго на свѣтѣ въ книгу жизни, а на землѣ больше всего онъ любилъ горлицъ.

Слышалъ ли ты, тюра, какъ нѣжно воркуютъ горлицы весною? Живутъ онѣ парами и любятъ другъ друга. Полюбятъ такъ, что одна не можетъ жить безъ другой. И если убить одну, другая умираетъ отъ тоски. И никто изъ живущихъ на свѣтѣ не умѣетъ такъ сильно любить, какъ маленькая птица—сѣрая горлица. Самая любящая изъ всѣхъ маленькихъ созданій.

И лишь самъ Хозреть-Сулейманъ могъ такъ же сильно любить, какъ никто изъ людей.

И слагалъ онъ чудныя пѣсни въ честь тѣхъ, кто владѣлъ его сердцемъ и доставлялъ ему блаженство.

Наши горы видѣли его богатые шатры, поставленные среди зеленыхъ луговъ, на которыхъ паслись табуны коней и стада барановъ, принадлежавшихъ его людямъ.

Не было въ то время падишаха могущественнѣе и мудрѣе его, и всѣ народы признавали его власть, неся дань къ подножью трона, а все живущее преклонялось передъ его мудростью и воздавало ему честь.

Больше всего любилъ онъ, ища въ знойное лѣто прохлады, проводить на той высокой горѣ, которая и понынѣ носить имя Солиманъ-Тахта, находясь къ югу за долиною, въ которой протекаетъ широкой многоводный Пянджъ.

Здѣсь въ тихія лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны, слагалъ онъ свои чудныя пѣсни, а днемъ рѣшалъ дѣла и бесѣдовалъ съ царями, мудрецами, простыми людьми, животными и птицами. И для каждаго изъ живущихъ находилъ онъ ласковое слово.

А судъ его былъ справедливъ и всѣ люди, и птицы, и животныя собирались къ подножью его престола и приносили ему свои жалобы. Даже волшебница Балкисъ-Султанша далекой Савской стороны сидѣла у его ногъ и слушала мудрыя рѣшенія.

Счастливъ, доволенъ былъ всегда Хозретъ, но стала омрачаться его душа грустью, когда началъ приближаться закатъ жизни. Славя Аллаха, онъ молилъ Всемогущаго вновь оживить его старое тѣло и открыть послѣднюю тайну ему неизвѣстную—указать, гдѣ струится вода жизни.

И внялъ Аллахъ мольбѣ Великаго Хозрета. Въ сіяніи молній явился къ нему на мгновение Джебраилъ посланецъ Милосерднаго и, поставивъ передъ нимъ драгоцѣнную чашу, сказалъ: «Творецъ Вселенной, Всемогушій, Всевѣдущій, Милостивый, да будетъ прославлено имя Его во вѣки, посылаетъ тебѣ, Великій Хозретъ, чашу, содержащую въ себѣ живую воду, возвращающую молодость и дающую вѣчную жизнь на землѣ».

Поклонился въ землю Сулейманъ-Росуль небесному вѣстнику, но не протянулась рука его за драгоцѣнною чашею, ибо, получивъ желанное, напало на него тяжелое раздумье.

Собрались въ это время вокругъ царя-царей эмиры, султаны, шахи, простые люди, звѣри и птицы.

Окинулъ взглядомъ всѣхъ Сулейманъ-Росуль и сказалъ: «Вода жизни даетъ вѣчную жизнь брэнному тѣлу, дастъ въ жизни снова много радости и счастья. Но слѣдуетъ ли мнѣ выпить эту чашу и не буду ли я потомъ сожалѣть о сдѣланномъ, но непоправимомъ?»².

И всѣ въ одинъ голосъ и люди, и звѣри, и птицы стали просить Хозрета выпить скорѣе воду жизни, ибо живя безконечно и

пользуясь счастьемъ, онъ сдѣлаетъ также и жизнь его окружающихъ счастливою и радостною.

Еще сильнѣе задумался тогда Сулейманъ-Росуль. И послѣ долгаго молчанія спросилъ: «Всѣ ли здѣсь люди и звѣри, и птицы, надъ которыми я властвую, и всѣ ли согласны съ этими рѣчами?»

И были всѣ вокругъ царя-царей, но не успѣла лишь прилетѣть сѣрая горлица, залетѣвшая куда-то далеко-далеко въ каменные ущелья южныхъ горъ.

Приказалъ тогда Хозретъ волшебной птицѣ Гудъ-Гудъ ¹⁾ найти горлицу, какъ можно скорѣе и привести ее на собраніе.

Взмахнула своими огненно-красными крыльями Гудъ-Гудъ и унеслась быстрѣе вѣтра на поиски.

Еще не успѣлъ Хозретъ разобраться въ своихъ мысляхъ, какъ уже вернулась Гудъ-Гудъ, а съ нею вмѣстѣ прилетѣла и горлица.

Опустилась она на плечо Хозрета, заплѣла слова любви, которыя такъ хорошо знала, ибо шли они у нея прямо изъ сердца.

Обрадовался Хозретъ, увидѣвъ свою любимицу, самую любящую изъ всѣхъ земныхъ созданий.

И, лаская ея сѣрыя перышки, заговорилъ: «О, моя горлица, скажи, хорошо ли будетъ, если царь-царей, твой господинъ выпьетъ чашу съ живою водою и получить для своего брэннаго тѣла безсмертіе на землѣ?»

Примолкла горлица, прислушиваясь, но потомъ заворковала: «О, господинъ, трудна поставленная тобою задача мнѣ, маленькой птицѣ, незнающей ничего, кромѣ любви.

Но если ты требуешь этого послѣ того, какъ уже сказали всѣ кромѣ меня, то отвѣтъ мнѣ раньше:

Для всѣхъ ли тѣхъ, кого ты любишь, предназначена эта вода или же она только для одного тебя, о, царь царей?»

— «Ты видишь, неразумная горлица, самая любящая изъ всѣхъ земныхъ созданий, что чаша мала и воды жизни въ ней немного, а потому ея не можетъ хватить на всѣхъ, кто любить меня и кого люблю я самъ, ибо ихъ на землѣ такъ много».

И заворковала вновь горлица своимъ звенящимъ голосомъ:

«О, царь-царей, господинъ мой, ты одинъ выпьешь сладкую живую воду, а въ это же время всѣ тѣ, кто тебя любятъ и кого ты самъ любишь—будутъ пить горькую воду смерти.

Съ кѣмъ же останешься ты на землѣ, когда все, что любишь ты самъ, исчезнетъ въ вѣчности?»

¹⁾ Жарь-птица.

О, господинъ мой, тогда твоя любовь останется лишь для тебя тяжелымъ воспоминаніемъ, ибо не будетъ около тебя тѣхъ, кто тебя любилъ.

Я знаю, что любовь моего маленькаго сердца песчинка передъ твоею, но я, маленькое созданіе Аллаха, не могу жить безъ того, кого я люблю и умираю отъ тоски послѣ смерти своей подруги.

Выпивъ чашу съ живою водою, твое тѣло будетъ жить вѣчно, но вся твоя жизнь будетъ однимъ мученіемъ, ибо вокругъ тебя будетъ все время витать ангелъ смерти Азраиль, а въ душѣ твоей всегда останется воспоминаніе о тѣхъ, которые ушли въ вѣчность, и ты ихъ больше никогда не увидишь.

Подумай объ этомъ, мой любимый великій господинъ!»

Задумался Хозретъ Сулейманъ, окинулъ онъ внимательнымъ взоромъ красавицъ женъ своихъ, дѣтей, друзей, слугъ, звѣрей и птицъ.

И бесконечно стало ему жаль, что никто изъ нихъ не раздѣлится съ нимъ счастья вѣчной жизни на землѣ и всѣ исчезнутъ въ вѣчности, перейдя въ долину смерти.

Вздохнулъ онъ тяжело о недостижимомъ, но сердцемъ своимъ онъ уже раздѣлялъ все высказанное любящею горлицею и, поклонившись до земли небесному вѣстнику, отдалъ ему чашу съ водою жизни, не приложивъ ее къ своимъ устамъ....

Умеръ великій Хозретъ, когда пришелъ его часъ, перейдя вмѣстѣ со всѣми его любившими въ долину смерти, встрѣчая въ ней cadaго еще оставшагося на землѣ, прославляя Милосерднаго, пославшаго къ нему ангела Азраила, въ то время, когда онъ, насыщенный жизнью, хотѣлъ лишь покоя.

Г л а в а Ш.

Отрывки воспоминаній о завоеваніи края и положеніе мусульманства.

Зимовка Ауспанъ съ нѣсколькими киргизскими юртами показала особенно привлекательной, вслѣдствіе сильнаго утомленія тяжелой дорогой и возможностью отдыха подъ кровомъ. Невольно эти примитивныя человѣческія жилища мы считали вполнѣ комфортабельными помѣщеніями.

Мангалъ, распространявшій тепло и чадившій порою немилосердно, казался лучше всякаго камина, а пара ватныхъ одѣялъ на толстой кошмѣ являлись высшимъ комфортомъ, который доступенъ для путника въ дорогѣ.

Несмотря на незначительное разстояніе, въ пятьдесятъ только верстѣ, до ближняго русскаго города, въ жизни киргизовъ ни въ чемъ не было замѣтно культурнаго вліянія русскихъ, и вся обстановка кибитки была мѣстной работы, выполненной киргизскими женщинами изъ овечьей и верблюжьей шерсти, кошмы, хуржумы, веревки, ковры.

Лишь около мангала виднѣлся чугунный кумганъ для воды и пара грубыхъ фарфоровыхъ чайныхъ чашекъ, да на видномъ мѣстѣ, рядомъ съ кучей одѣяль, отсвѣчивалъ металлическимъ блескомъ кованный сундучекъ русской работы.

Усаживаясь на кошмѣ, докторъ обратилъ мое вниманіе на всѣ эти вещи.

— Не правда ли странно, болѣе сорока лѣтъ живемъ мы бокъ о бокъ съ киргизами, а вѣдь почти ничего не внесли въ ихъ жизнь, которая осталась тою же, что и 300—400 лѣтъ тому назадъ. Отчего это?

— Не находите ли вы, что узаконивъ кочевую жизнь, какъ привычную туземному населенію форму, мы не приняли никакихъ мѣръ къ понужденію кочевниковъ перейти на осѣдлое положеніе? Мнѣ кажется, что главная вина сдѣлана нашими поземельно-податными комиссіями, размежевавшими киргизскимъ обществамъ огромные участки земли, благодаря чему у нихъ не было никакой необходимости отъ стараго уклада жизни переходить къ новому осѣдлому состоянію.

Тотъ принципъ справедливости, который все время проводился въ отношеніи туземцевъ, является въ сущности глубокою несправедливостью къ завоевателямъ, не могущимъ до сихъ поръ, несмотря на огромныя земельныя площади, остающіяся свободными, получить земли для поселенія. Какъ никакъ, а кочевой образъ жизни уже отжилъ свой вѣкъ, а потому его слѣдуетъ окончательно уничтожить, лишь постепенно уменьшая площади владѣній кочевниковъ и понуждая ихъ этимъ къ переходу на осѣдлое положеніе.

Киргизка, мать хозяина, привѣтливо улыбнувшись намъ своимъ беззубымъ ртомъ, вошла въ кибитку, неся нѣсколько только что испеченныхъ лепешекъ. Лпцо старухи, покрытое все морщинами, какъ печеное яблоко, было добродушно, напоминая собою отчасти упитаннаго стараго католическаго монаха, какими ихъ изображаютъ на картинахъ иностранныхъ художниковъ.

Сѣвъ неподалеку, она внимательно стала разсматривать пасъ, дѣлясь вслухъ своими впечатлѣніями съ окружающими и высказы-

вая удивленіе, что урусы не сидятъ на мѣстѣ въ своихъ теплыхъ домахъ, о которыхъ она много слышала, а ѣздятъ по дальнимъ мѣстамъ, какъ бездомные бродяги, терпя всякія лишенія.

— Ханумъ, много жила на свѣтѣ и много видѣла? обратился я къ ней, чтобы начать разговоръ.

— Да, таксырь, много прожила, но только видѣла одни горы, среди которыхъ прошла вся жизнь. Лишь на зарѣ моей жизни пришлось видѣть однажды большой городъ Кокандъ, а потомъ уже ни разу не бывала въ городахъ.

Но, таксырь, зато я удостоилась говорить съ самимъ Урусъ-Акь-Пашей, съ гордостью добавила старуха, вспоминая Бѣлаго генерала М. Д. Скобелева. Давно это было, еще въ то время, когда Худояръ-ханъ въ Кокандѣ ханомъ былъ. Нашъ родъ вмѣстѣ съ другими стоялъ на лѣтовкахъ въ Алайскихъ горахъ, гдѣ жила сама царица Алая. Тогда наши люди держали сторону Пулатъ-хана и вмѣстѣ съ Абдуль-бекомъ воевали противъ войскъ урусовъ. Только не могли кара-киргизы ничего сдѣлать. Какъ коршунъ прилетѣлъ со своими сарбазами Урусъ-Акь-Паша—Скобелевъ и побилъ много людей. Собрала тогда всѣхъ стариковъ Курбанъ-Джанъ-Датха — царица Алая и держала совѣтъ съ ними и, наконецъ, сказала: «Не слѣдуетъ проливать даромъ кровь киргизскую, противъ большой силы ничего не сдѣлаемъ, лучше покориться урусамъ». Долго не соглашались наши, ну, а потомъ сами видятъ, что Датха говорить правду, рѣшили покориться. Поѣхала Курбанъ-Джанъ-Датха, царица Алая, вмѣстѣ съ стариками навстрѣчу Урусъ-Акь-Пашѣ и много людей съ ними, которые подъ рукой Курбанъ-Датхы всегда жили. Мой мужъ еще молодымъ былъ мирахуромъ-баши, служилъ при Датхѣ. Поѣхала и я со всѣми. Не слыхала я, что говорилъ Акь-Паша, а только потомъ Датха сама мнѣ рассказывала, принявъ онъ ее, какъ добрый сынъ мать принимаетъ, надѣлъ самъ ей на плечи золотой халатъ и общалъ Падишаху написать про нее. Тутъ же помню Датха при мнѣ людей своихъ уговаривала, приказавъ не трогать урусовъ и жить тихо въ своихъ кочевкахъ, не сходя въ долины къ городамъ. Такъ и было, и никто ужъ больше изъ нашихъ родовъ не ходилъ на войну. А Акь-Паша былъ такой высокій—выше всѣхъ и съ рыжею бородою. Потомъ Курбанъ-Датха долго жила и только недавно умерла, все время управляя кара-киргизами. А сынъ ея у урусовъ волостнымъ былъ.

— Что же, ханумъ, не боялась русскихъ?

— Нѣтъ, таксырь, боялась, молодая, красивая была, а красивой женщинѣ всегда страшно. Думала все отнимуть у мужа и увезуть съ собою. При ханахъ такъ часто бывало, насильно увозили. А урусы этого не дѣлали. Денегъ много давали, золотыхъ тилля и къ нимъ сами женщины шли. Мужья же не мѣшали своимъ женамъ хозяйство устраивать помучше. Почти недѣлю около урусовъ наши кибитки стояли. Потомъ каждый въ свою сторону пошелъ, а въ эту недѣлю каждый вечеръ той былъ. Наши бай, аксакалы и понсаты дѣлали, а у урусовъ музыка играла, пѣсни нѣлп. Весело было....

Не хорошо только тѣмъ нашимъ ханумъ было, у которыхъ черезъ годъ бѣлоголовые ребятишки бѣгали около кибитокъ, сосѣди дразнили. Но только и это прошло. Выросли и бѣлоголовые хорошими киргизами, а что у иного борода свѣтло-русовая, а не черная, кто теперь знаетъ отчего это сдѣлалось. Видно Аллахъ захотѣлъ такъ.

Топотъ копытъ нѣсколькихъ лошадей и лай собакъ, съ остервенѣніемъ бросившихся на кого-то, прервалъ словоохотливую старуху.

Киргизы вышли изъ кибитки, за стѣнами которой сейчасъ же послышался тихій разговоръ, а затѣмъ нѣсколько времени спустя вновь открылся входъ и изъ-за приподнятой кошмы показалась какая-то толстая фигура, сказавшая селямъ и сейчасъ же начавшая снимать съ себя сильно промокнувшій отъ дождя верхній халатъ, послѣ чего мы увидѣли почтеннаго старика-киргиза, самого хозяина дома, вернувшася изъ поѣздки въ Учъ-Курганъ, куда онъ ѣздилъ на базаръ.

Спросивъ о нашемъ здоровьи и высказавъ въ самой любезной формѣ радость видѣть у себя такихъ почетныхъ гостей, старикъ присѣлъ около мангала.

Освѣщенное красноватымъ свѣтомъ тлѣющихъ углей лицо его рѣзко выдѣлялось, невольно останавливая на себѣ наше вниманіе огромнымъ шрамомъ, пересѣкавшимъ отъ лба черезъ переносье до противоположной щеки. Видимо, это была старая рубленая рана отъ сильнаго удара шашки.

— Отецъ навѣрное былъ въ бояхъ? обратился я къ нему.

— Да, таксырь, когда я былъ молодымъ, а это было очень давно, кровь обращалась быстрѣе въ жилахъ, сердце билось сильнѣе, а голова всегда была горячая; поэтому, когда въ Ферганѣ была война съ урусами, я вмѣстѣ со всѣми ходилъ подъ бунчуками Канаатъ-Ша-Зуль-Фагаръ-бека и Пулатъ-хана. Мнѣ урусы зла не сдѣлали,

но муллы говорили, что они невѣрные и съ ними надо сражаться, и я пошелъ со всѣми людьми.

Муллы говорили, что намъ пошлетъ Аллахъ силу львиную, храбрость сокола и неутомимость верблюда, и войска урусовъ побѣгутъ передъ нами, какъ трусливые зайцы. Но только, таксырь, не такъ было! Наши мултуки не могли сравниться съ ихъ ружьями, а сарбазы Великаго Акъ-Падишаха были храбрые, сильные люди, которые идя, въ нашъ край, давали клятву умирать въ бою. И не только отряды, но каждый сарбазъ стоилъ цѣлаго войска.

Я помню, таксырь, какъ будто вчера, съ Алимъ-ханомъ мы окружили горсть урусовъ подъ Иканомъ. Цѣлыми толпами съ именемъ Аллаха на устахъ, кидались наши въ бой, но усѣвая землю своими тѣлами, принуждены были отходить, не смогши сломить силу урусовъ. Ты скажешь, что ихъ было много, но насъ было еще больше—тысячи на коняхъ съ острыми саблями!

Я видѣлъ, тюра, другой бой. Съ Зюль-Фагаръ-бекомъ въ ночную пору мы двинулись въ числѣ больше тысячи человекъ, чтобы уничтожить тѣ станціи, которыя устроили урусы для смѣны лошадей джигитовъ, возившихъ бумаги въ Ташкентъ. Всѣ мы думали—какъ блохъ задавимъ тѣхъ одного—двухъ урусовъ, которые сидѣли въ этихъ станціяхъ въ Курганчахъ, а джигиты ихъ, навѣрное, сами разбѣгутся.

Ночью подошли мы къ курганчѣ Мурза-Рабать, рѣшивъ напасть на нее внезапно. Но шайтанъ помогъ сидѣвшему въ ней урусу. Ворота были заперты, и онъ встрѣтилъ насъ выстрѣлами изъ своей винтовки, поражавшими больше чѣмъ за версту.

Два дня и ночь лѣзли самые храбрые изъ насъ на стѣну, подсаживая другъ друга, но, поражаемые выстрѣлами, падали храбрыцы и умирали у ихъ подножья. Къ счастью пришла одному изъ стариковъ мысль выкурить уруса изъ курганчи огнемъ. Собрали много сухого клевера, зажгли и стали кидать за стѣны, а потомъ влѣзли на крышу и, сломавъ потолокъ, забросали горящими снопами середину помѣщенія, въ которомъ укрылся смѣлый урусъ.

И чтобы ты думалъ, таксырь, не сдался онъ!

Какъ шайтанъ, весь черный отъ дыма, выскочилъ урусъ изъ огня и, размахивая своею винтовкою, какъ дубиной, кинулся на насъ, убивая каждаго, кто попался подъ его удары. Онъ хотѣлъ видно пробиться къ невдалекѣ стоявшей надъ родникомъ башнѣ, но Кысметъ-судьба сказала свое послѣднее слово. Десятки нашихъ людей бросились на него и изрубили его своими острыми

саблями, а когда потомъ отрубленную голову уруса выставили на копьѣ, то всѣ отъ нея отворачивались—очень ужъ страшно смотрѣли мертвые глаза....»

Старикъ, какъ будто подавленный этимъ воспоминаніемъ, замолчалъ и началъ набивать трубку мелко накрошеннымъ табакомъ.

— Вы не помните, что это за дѣла, о которыхъ онъ рассказываетъ? спросилъ внимательно слушавшій докторъ.

— Какъ же, знаю. Въ этомъ разказѣ все отвѣчаетъ дѣйствительности и совершенно вѣрно. Это исключительное дѣло въ лѣтописяхъ завоеванія Средней Азіи. Страница исторіи, въ которую свое имя записалъ стрѣлокъ 3-го Туркестанскаго баталіона Степанъ Яковлевъ, служившій старостой на Мурза-Рабатской почтовой станціи и защищавшій ее одинъ противъ тысячнаго скопища киргизъ въ теченіе двухъ сутокъ, отсиживаясь за укрѣпленными стѣнами и погибшій въ августѣ 1875 г., оставленный разбѣжавшимися киргизами-ямщиками. Имѣя два ружья и винтовку, онъ, сидя въ башнѣ, поддерживалъ ружейный огонь противъ киргизъ, кидавшихся на приступъ, затѣмъ, когда станцію обложили сухимъ клеверомъ и подожгли—рѣшилъ пробиться сквозь толпу враговъ, но погибъ подъ сабельными ударами, успѣвъ самъ уложить ихъ добрый десятокъ.

Офицеры 3-го баталіона поставили на мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ, памятникъ, въ видѣ гранитной скалы съ мраморнымъ крестомъ и чугунною доскою съ надписью на ней золотыми буквами: «Стрѣлку Степану Яковлеву доблестно-павшему 6 Августа 1875 г. послѣ двухъ-дневной защиты имъ станціи Мурза-Рабатъ противъ шайки кокандцевъ».

Имя Степана Яковлева—почетное имя, какъ не говорите. Сумѣлъ исполнить свой долгъ до конца и умеръ такою прекрасною смертию.

— Да, тюра, это вѣрно—хорошо умеръ, подтвердилъ, прислушивавшійся къ нашему разговору старикъ. Такъ всегда батыри умираютъ и у насъ. А урусы храбрые люди—умѣютъ умирать.

Вставъ со своего мѣста и подбросивъ въ мангалъ свѣжихъ углей, старикъ помѣшалъ огонь и затѣмъ, какъ будто что вспомнилъ и, всматриваясь въ языки голубого пламени, появившіеся среди мангала, снова заговорилъ:

— Я видѣлъ, таксырь, какъ умирали урусъ-сарбазы въ Маргеланѣ, когда мы вели войну съ ними.

Захватили урусовъ въ разныхъ мѣстахъ въ плѣнъ во время битвы и захотѣли наши муллы показать всему народу ихъ униженіе.

Объявили по всѣмъ базарамъ, что урусы, находящіеся въ плѣну, будутъ отрекаться отъ своей вѣры и принимать мусульманство передъ всѣмъ народомъ.

Собрались тысячи людей на регистанъ въ Маргеланѣ, каждый хотѣлъ посмотреть.

Вывели тогда съ десятокъ урусовъ-сарбазовъ. Сидѣли они долго въ зинданѣ²⁾ въ колодкахъ и уже много мукъ вытерпѣли. Исхудали, обросли волосами и были они покрыты клочьями отъ своихъ износившихся одеждъ.

Сталъ главный мулла предлагать имъ перейти въ мусульманство и возгласить славу Аллаху, обѣщая райское блаженство на небѣ, а на землѣ богатую почетную жизнь, халаты, землю, много денегъ, красивыхъ женъ изъ дочерей самыхъ знатныхъ людей. Но не согласился никто изъ урусовъ измѣнить вѣрѣ своихъ предковъ.

Разсердился тогда Пулатъ-ханъ, какъ услышалъ отъ переводчика, что не хотятъ урусы принимать исламъ. Крикнулъ онъ своихъ нукеровъ, что стояли тутъ же, и приказалъ зарѣзать нѣсколько человекъ ихъ для устрашенія остальныхъ. Начали рѣзать имъ по одному горло, поваливши на землю. Зарѣжутъ одного, отрѣжутъ голову и покажутъ остальнымъ.

А муллы снова ихъ начинаютъ уговаривать, только ни одинъ не послушался.

Тогда приказалъ Пулатъ-ханъ одному изъ нихъ, что старшій былъ, пальцы рубить, ремни изъ спины рѣзать, ноги на огнѣ поджаривать: всѣ думали, что, не стерпя такую муку, откажется онъ отъ своей вѣры. Но только не отказался урусъ.

Цѣлыхъ полдня съ нимъ возились, даже устали нукеры, потомъ видятъ, что ничего не выходитъ, бросили отрѣзавши и ему голову, а всѣ тѣла бросили потомъ собакамъ.

— А это что за исторія такая? послѣ долгаго молчанія задалъ снова вопросъ докторъ, подавленный этою страшною картиною лютыхъ нечеловѣческихъ мукъ, которымъ подвергли несчастнаго.

Я долго вспоминалъ. Что-то знакомое слышалось мнѣ въ этомъ разказѣ, напоминавшемъ такую же смерть при почти такой же обстановкѣ бомбардира Агаѳона Никитина, но то было во время

²⁾ Зинданъ — подземная тюрьма.

завоеванія Ахаль-Теке. А въ Ферганѣ? Напрягая всю силу памяти, я не могъ справиться сразу съ этою задачею.

Поужинавъ жирнымъ пловомъ, свареннымъ съ кунжутнымъ масломъ, и уже улегшись на покой, я, наконецъ, вспомнилъ и подѣлился съ докторомъ своими свѣдѣніями.

21-го ноября 1875 г. во время завоеванія Ферганы въ Маргеланѣ, послѣ цѣлаго ряда понесенныхъ пораженій, Пулатъ-хантъ, желая поднять духъ своихъ войскъ и народа, устроилъ торжество обращенія русскихъ плѣнныхъ въ магометанство, выведя ихъ передъ толпы собравшагося народа. Но успѣха уговоры и обѣщанія никакого не имѣли, и всѣ русскіе категорически отказались принять исламъ, предпочитая смерть измѣнѣ религіи.

Зарѣзавъ самымъ звѣрскимъ образомъ большую часть плѣнныхъ, киргизы съ особенною настойчивостью хотѣли сломить упорство унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Ѳомы Данилова, котораго подвергли цѣлому ряду страшныхъ мученій, отрубая пальцы по одному суставу за другимъ, вырѣзывая ремни и поджаривая на угольяхъ. Но мученикъ остался непреклоннымъ и умеръ, не измѣнивъ присягѣ и вѣрѣ.

Государь, по докладу объ этой исключительной преданности своему долгу и стойкости покойнаго, пожаловалъ его вдовѣ пенсію въ 120 р. въ годъ, приказавъ принять дочь на казенное содержаніе, а Самарское земство, изъ уѣзда котораго происходилъ Даниловъ, собрало его вдовѣ по подпискѣ 1.300 р.

Г л а в а IV.

Таджикскія селенія.

Весь переходъ въ 25 верстѣ до кишлака Учъ-Кургана мы ѣхали по населеннымъ мѣстамъ, частью долиною Исфайранъ-Сая.

Киргизскія кибитки виднѣлись группами, а кое-гдѣ среди нихъ поднимались курганчи съ высокими сѣрыми стѣнами, указывавшими, что начались мѣста, въ которыхъ живетъ осѣдлое населеніе.

Обработанныя поля разстиались по склонамъ холмовъ и долинамъ, окружая довольно значительный кишлакъ Данги. Населеніе здѣсь было преимущественно киргизское, уходящее лѣтомъ въ Алайскую долину.

Богатый населенный кишлакъ Учъ-Курганъ, т. е. три крѣпости, широко раскинулся на равнинѣ, занимая своими садами, окружен-

ными дувалами, огромное пространство въ нѣсколько верстъ съ населеніемъ до двухъ тысячъ человекъ.

Большой базаръ съ массою лавокъ указывалъ на торговое значеніе этого пункта, служащаго посредникомъ по скупкѣ въ долині Алая и ближайшихъ мѣстахъ Каратегина зерна, привозимаго потомъ въ Маргеланъ.

Когда-то мѣсто это имѣло большое стратегическое значеніе, защищая выходъ въ Ферганскую долину, а потому и было сильно укрѣплено нѣсколькими крѣпостями (калами), съ глинобитными стѣнами, но время разрушило ихъ, и теперь лишь видны слѣды этихъ укрѣпленій, потерявшихъ, съ завоеваніемъ Кокандскаго ханства русскими, свое бывшее значеніе оплота противъ кочевниковъ Алайской долины и нападений каратегинскаго Мира.

Мы попали къ началу уразы ³⁾, а потому весь кишлакъ и базаръ, проведя ночь въ веселіи, спали непробуднымъ сномъ и казались совершенно вымершими. Праздникъ этотъ, проводимый днемъ въ воздержаніи, а ночью во всякихъ излишествахъ, совершенно измѣняетъ на время всю жизнь населенія, превращая ночь въ день, а день въ ночь.

Закрытыя лавки базара не давали возможности видѣть всѣхъ товаровъ и ихъ сортовъ. Лишь значительное количество сложенныхъ снаружи бидоновъ керосина указывало на его большой спросъ туземнымъ населеніемъ.

— Здѣсь, тюра, въ караванъ-сараѣ мы ничего не достанемъ, сообщилъ успѣвшій произвести развѣдку Ахметъ. Надо ѣхать къ волостному.

— Стоитъ ли, запротестовалъ докторъ, проѣхали всего 25 верстъ. Можно двигаться свободно дальше, лишь надо напоить лошадей, да дать имъ по снопу клевера.

Я изъявилъ согласіе и, послѣ кратковременной остановки, мы выѣхали дальше къ Ново-Маргелану, до котораго оставалось около тридцати верстъ.

Впереди разстилались передъ нами обработанныя поля и виднѣлся рядъ кишлаковъ, окруженный куртинами растительности. Вся эта полоса занята таджиками, выселившимися еще во время завоеванія Ферганы русскими изъ Каратегинскаго бекства. Устроившись на плодородныхъ земляхъ, поселенцы, отдохнувъ отъ произвола бухарскихъ властей, въ короткое время достигли большого благосостоянія и въ настоящее время живутъ зажиточно.

³⁾ Уразы — мусульманскій постъ и праздникъ Курбана.

Кишлаки Кара-Теке, Авваль-Узбекъ, Легонъ, Кады-Сиепъ, Той-Гильды, похожіе одинъ на другой по мѣстоположенію и постройкамъ, не представляли уже ничего по своему внѣшнему виду интереснаго, вслѣдствіе чего мы поторопились доѣхать засвѣтло до Акъ-Тене, гдѣ и переночевали въ послѣдній разъ въ туземной обстановкѣ.

Широкій дворъ амина, у котораго мы остановились, не былъ похожъ на тѣсныя скученныя постройки горныхъ таджиковъ и во всемъ видно было вліяніе земельного простора и заимствованій у жителей равнины.

Чисто выравненныя отштукатуренныя ганчемъ ⁴⁾ стѣны, украшенныя рисунками, довольно сложнаго орнамента, освѣщались небольшою висячею лампою. Въ стрѣльчатыхъ нишахъ лежали какія-то книги, бумаги, а дальше висѣло ружье и повѣшенная на колышкахъ разная одежда. Желѣзная печка была сдѣлана изъ керосиноваго бидона, съ желѣзною трубою, протянувшейся черезъ всю комнату у потолка. Все это показывало на стремленіе къ нѣкоторому комфорту.

Устроившись на толстой киргизской кошмѣ и подложивъ подъ бокъ ватное одѣяло, мы, послѣ шестидесяти-верстнаго перехода, раньше всего по выработанному практикою обыкновенію занялись чаепитіемъ, пригласивъ и хозяина.

— Какъ живетъ, аминъ? началъ я съ нимъ разговоръ.

— Хорошо, тюра, урожай хорошій. Никто не обижаютъ. Живемъ и Аллаха благодаримъ, увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ аминъ, открыто и безхитростно смотря прямо въ глаза.

— Вѣдь вы всѣ не здѣшніе, а переселились сюда?

— Да, тюра, наши отцы вышли изъ Каратегина, не смогли нести тяготы, которая ложилась на плечи отъ податей. Лютый былъ Каратегинскій Миръ—Мурадъ-Ша. Онъ съ людей послѣднюю рубашку снималъ. Тогда собрались наши и ушли къ урусамъ, которые намъ дали здѣсь землю. А тѣ родичи, что остались на Каратегинской землѣ, до сихъ норъ плачутъ, но ничего сдѣлать нельзя. Сразу уйти всѣмъ—бекъ не пуститъ, да и земли не найдешь здѣсь свободной, а ноодинокѣ, если кто уходитъ, такъ на ихъ родныхъ большіе штрафы накладываютъ, поэтому сидятъ на мѣстахъ и терпятъ.

Намъ же здѣсь жить хорошо. Старики говорятъ, что никогда такъ прежде не жили. Урусъ-Акъ-Падишахъ не позволяетъ на

⁴⁾ Ганчъ — алебастръ.

своей землѣ обижать маленькихъ людей. Губернаторъ, Хакимъ, приставъ насъ не трогаютъ. Мы молимъ Аллаха о здоровьи Акъ-Падишаха, не то что кара-киргизы... Когда было въ Андижанѣ возстаніе, ни одинъ нашъ человѣкъ съ ними не ходилъ. Наши муллы и ишаны на это не были согласны, а народъ не любитъ кара-киргизъ и узбековъ, помня какъ они насъ обижали въ ханское время.

— А какъ кара-киргизы живутъ, довольны ли они теперь русскими порядками или нѣтъ?

— Какъ тебѣ сказать, тюра, началъ уклончиво аминъ. Разные среди нихъ есть. Но затѣмъ, видимо, вспомнивъ какія-то обстоятельства, онъ уже безъ вопросовъ сталъ продолжать.

— У нихъ старики вмѣстѣ съ муллами идутъ въ согласіи, а тѣ урусовъ не любятъ. Да и кромѣ того, тюра, были изъ нихъ многіе, если не сами, то отцы ихъ беками, датхами, пансатами, при холахъ служили, могли съ простыхъ людей много доходовъ имѣть, ну, а теперь всѣ они сами простые люди. И богатства прежняго уже нѣтъ.

Молодые въ городахъ—тѣ не такъ. Они дѣла торговые съ уруссами ведутъ, ну а кишлакъ-адашы ⁵⁾, тѣ ни во что не мѣшаются, сами не думаютъ, а за нихъ муллы все думаютъ и дѣлаютъ. Вотъ, кто въ Меккѣ побывалъ, тотъ ужъ святой и урусовъ не любитъ, потому что они невѣрные. А мы, тюра, думаемъ, что это не такъ: у всѣхъ одинъ Аллахъ, только каждый ему молится по-своему.

Невольно въ этихъ безхитростныхъ опредѣленіяхъ вырисовывалось современное отношеніе этой части мусульманскаго населенія къ русскимъ.

Болѣе безправные въ ханское время таджики, принадлежащіе къ различнымъ сектамъ, относятся въ общей массѣ несравненно терпимѣе и благожелательнѣе къ русскимъ, нежели узбеки и киргизы, постоянно враждебно возбуждаемые своими ишанами и дервишами.

Г л а в а V.

Современныя теченія въ мусульманствѣ.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ мусульманствѣ замѣчается стремленіе къ нравственному и политическому возрожденію и къ объединенію всего мусульманскаго міра, и въ настоящее время тѣ постоянные теологическіе споры между послѣдователями шиизма и сунны, которые занимали прежде мусульманскихъ ученыхъ и публи-

⁵⁾ Кишлакъ-адашъ—поселянинъ.

цистовъ, давно уже заброшены, а вмѣсто нихъ на страницахъ персидскихъ, турецкихъ и татарскихъ газетъ усиленно проповѣдывается необходимость полной солидарности всѣхъ мусульманскихъ государствъ въ вопросахъ политическихъ и объединенія народовъ, исповѣдующихъ исламъ.

«Турція, Египеть, Персія и Афганистанъ—мы всѣ погибнемъ, какъ политическія цѣбля, и подвергнемся участи Кавказа, Бухары и Индіи», страстнымъ призывомъ прозвучали слова публициста въ газетѣ «Ал-Ахрамъ», «если не вернемся къ чистымъ завѣтамъ Пророка, заповѣдавашаго, что въ единеніи всѣхъ правовѣрныхъ лежитъ великая непобѣдимая сила. Почему мы слабы и принуждены уступать свои земли и богатства невѣрнымъ? Потому что мы не только забыли о національной гордости и патріотизмѣ, но и объ единой правѣ вѣрѣ, общей для всѣхъ.

Слушайте мусульмане всего міра. Еще не поздно соединиться намъ всѣмъ вмѣстѣ, тогда имя Пророка прогремитъ по всему свѣту, какъ гремѣло оно при первыхъ калифахъ».

Этотъ призывъ, раздавшійся десять лѣтъ тому назадъ, не остался безъ результата. Почти во всѣхъ персидскихъ, турецкихъ и индійскихъ газетахъ появились не менѣе страстныя статьи, призывавшія мусульманскіе народы къ примиренію и объединенію. А тайныя общества и дервишскіе ордена усилили свою дѣятельность, направляемую турецкимъ обществомъ «Единеніе и Прогрессъ», ставшимъ во главѣ его движенія.

Революціи въ Турціи и Персіи были лишь прямымъ слѣдствіемъ работы, которая ведется турецкими эмиссарами не только черезъ паломниковъ, посѣщающихъ Мекку, но и посылая разныхъ лицъ во всѣ мусульманскія государства, не исключая даже и долго державшагося въ сторонѣ ото всѣхъ Афганистана, куда въ 1910 г. были отправлены изъ Турціи военные инструкторы съ опредѣленными задачами.

Наши Средне-азиатскія владѣнія не остались, разумѣется, внѣ этого вліянія, распространяемаго при помощи могущественныхъ дервишскихъ орденовъ, хотя, къ глубокому сожалѣнію, у насъ на это еще не обратили должнаго вниманія и не замѣчаютъ многихъ симптомовъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что наблюденія за дѣятельностью дервишей вообще никакого въ дѣйствительности не существуетъ, благодаря малому знакомству чиновъ администраціи съ туземными языками.

Вспомнивъ невольно сорокалѣтнее наблюденіе за туземцами

знатока туземной жизни нашего известнаго ориенталиста уважаемаго И. П. Остроумова, приходится признать, что въ недалекомъ будущемъ Европѣ придется считаться съ гигантскою силою ислама, а Россія, какъ и раньше, первая испытаетъ на себѣ въ Средней Азійи его первые натиски, притомъ, какъ и всегда, не будучи готова ихъ встрѣтить, благодаря установившемуся у многихъ неправильному взгляду, что исламъ не жизнь и не опасность.

Андижанское возстаніе, бывшее въ свое время громомъ среди совершенно безоблачнаго неба, не заставило принять никакихъ особыхъ мѣръ предосторожности въ Средне-азиатскихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе чего новое возстаніе, какъ и всегда, окажется для насъ снова такимъ же неожиданнымъ, но, разумѣется, болѣе тяжелымъ въ отношеніи умиротворенія края, на населеніе котораго смотрять сквозь розовые очки и совершенно не знаютъ ни его настроеній, ни тѣхъ теченій, которыя въ немъ идутъ особенно сильно послѣдніе годы.

— Да, слишкомъ сильны среди туземнаго населенія память о прошломъ и надежды на будущее возрожденіе мусульманскаго царства, какъ бы отвѣчая на мои мысли, заговорилъ докторъ.

— Какъ не говорите, а мусульманское населеніе никогда не сольется съ христіанскимъ, имѣя совершенно различные идеалы, и рассчитывать на то, что мы прикрѣпимъ Среднюю Азію къ себѣ, по меньшей мѣрѣ—тщетная надежда.

Лишь путемъ широкой колонизаціи русскими поселенцами и постепеннымъ вытѣсненіемъ кочевниковъ, которые должны дать мѣсто болѣе культурному славянскому племени—возможно держать страну въ рукахъ, да и то до первыхъ событій.

Желтая опасность для Европы вопросъ не шуточный, а Россія обречена испытать снова на себѣ натискъ монгольскихъ народовъ и въ Средней Азійи, и въ Сибири.

Не дай Богъ, если среди мусульманъ появится какой-нибудь энергичный, даровитый вождь въ родѣ Тамерлана или Надирь-Шаха. Онъ можетъ легко увлечь за собою всѣ мусульманскіе народы.

Вѣдь если взять число мусульманъ на всемъ свѣтѣ, то можно прийти въ ужасъ отъ этой колоссальной цифры 275 мил. послѣдователей ислама, изъ которыхъ на долю Азійи приходится 170 мил. человекъ⁶⁾, причемъ въ Англо-индійскихъ владѣніяхъ—62 мил., въ Нидерландской Индіи—30 мил., далѣе по мѣрѣ удаленія отъ этого центра количество мусульманъ равняется: въ Афганистанѣ—99⁰/₁₀₀

⁶⁾ Шателъе. «Экономическое положеніе ислама».

всего населенія, въ Бухарѣ и Средней Азій—94⁰/₀, въ Персіи—93⁰/₀, въ Аравіи—98⁰/₀, въ Месопотаміи—86⁰/₀ и въ Малой Азій—78⁰/₀. Въ Африкѣ на 166 мил. населенія—60 мил. мусульманъ. Въ Европѣ, на Балканскомъ полуостровѣ—3 мил., въ Европейской Россіи—3 мил.

Неужели васъ не пугаютъ эти чудовищныя цифры, увеличивающіяся съ каждымъ годомъ. Какъ это не удивительно, но христіанство почти не находитъ послѣдователей среди магометанъ и по отчетамъ синода за послѣдніе 40 лѣтъ приняло изъ нихъ православіе въ Россіи около 150 человекъ, и въ то же время на нашихъ глазахъ инородцы, исповѣдывавшіе ламаизмъ и шеманство, массами переходятъ въ исламъ. Надо думать, что простота въ отпращиваніи богослуженія, ясность догматовъ религіи играютъ въ этомъ главную роль, а кромѣ того исламъ какъ будто принаровленъ во всемъ къ главнѣйшей человѣческой слабости—я разумѣю въ этомъ случаѣ отношенія къ женщинѣ и полигамію... Какъ вы полагаете?

Невольно приходилось согласиться съ этимъ заключеніемъ, вспомнивъ необходимость большой подготовки для пониманія православнаго и католическаго христіанства.

Завернувшись съ головою въ теплое одѣяло, я еще долго слышалъ, какъ докторъ продолжалъ свои предсказанія, основанныя на глубокомъ знаніи исторіи и современныхъ теченій Востока, до сихъ поръ для большинства представляющаго вполнѣ terra incognita.

Послѣдній переходъ до Ново-Маргелана въ десять съ небольшимъ верстъ былъ посвященъ обсужденію вопроса ликвидаціи нашихъ перевозочныхъ средствъ и дорожныхъ вещей.

Широкая равнина въ осеннюю пору была уныла и не радовала глазъ. Безконечныя поля протянулись во всѣ стороны, а сплошной рядъ курганчей и отдѣльныхъ сакль указывалъ на приближеніе къ большому городу. Сады съ виноградниками и фруктовыми деревьями, стоявшіе съ пожелтѣвшею листвою, были обширны. Ряды тополей, шапки шаровидныхъ карагачей и огромные сѣрые стволы чинаръ вырисовывались по мѣрѣ приближенія. Безконечныя дуваны, окружающіе сакли и сады, постепенно начали соединяться, образуя узкую извилистую улицу съ глинобитными постройками туземнаго типа, стоявшими на дворахъ.

Еще немного и открылся городъ съ бѣлѣвшими сквозь растительность домами русской архитектуры.

Остановившись въ номерѣ гостиницы и въ тотъ же день про-

давъ своихъ верховыхъ лошадей за хорошую цѣну, мы направились раньше всего въ парикмахерскую, чтобы привести себя въ порядокъ и, лишь сбривъ отросшія бороды и постригшись, приняли прежній видъ.

Продолжительное пребываніе среди дикой, безъ всякихъ культурныхъ удобствъ, обстановки походной жизни давало себя знать и невольно являлось постоянное желаніе присѣсть на полъ, а стулья, отъ которыхъ достаточно отвыкли, казались до крайности неудобными для сидѣнія.

Сутолока же городского движенія на улицахъ быстро насъ утомила и казалась какою-то странною и безтолковою.

Ярко освѣщенный вокзалъ желѣзной дороги съ массою сидѣвшей въ залѣ публики наглядно подчеркнулъ, что мы находимся уже среди культурныхъ условій.

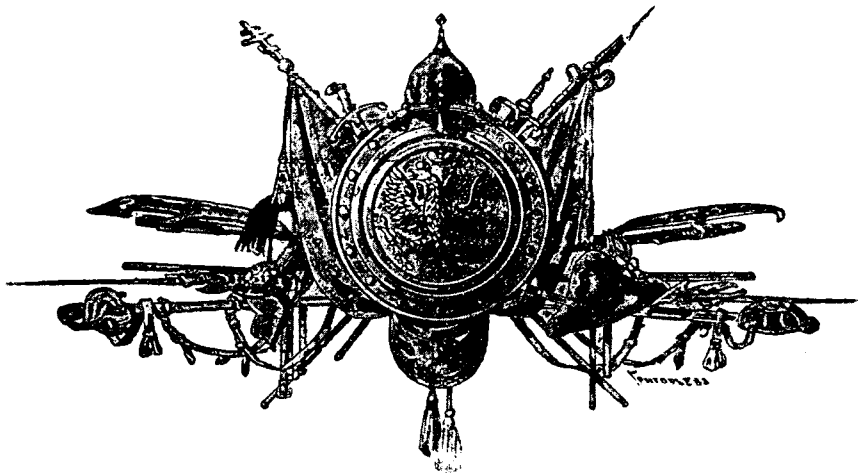
Громкіе свистки локомотивовъ, грохотъ поѣздовъ, такъ сильно разнился отъ дикихъ суровыхъ картинъ горной страны, еще такъ недавно развертывавшихся передъ нашими глазами.

Бездонныя пропасти, ледники, снѣговыя шапки горъ, дикія ущелья, темные недоступные скалистые обрывы, своеобразная растительность, быстрыя рѣки съ шумными водопадами — все это вставало въ памяти, смѣняя другъ друга, а среди всего этого вспоминались тихіе трудолюбивые люди, живущіе совершенно особою иною жизнью, — честные, правдивые, неиспорченные и глубоко вѣрующіе, но подавленные страшнымъ гнетомъ бухарской администраціи.

И какъ-то сразу они сдѣлались такими близкими, что захотѣлось непременно увидѣться съ ними въ будущемъ вновь, въ другихъ условіяхъ жизни, всѣмъ довольными, прославляющими Великую Россію и относящимися съ полными симпатіями къ русскимъ, какъ давшимъ имъ просвѣщеніе и выведшимъ ихъ изъ тяжелаго безправнаго положенія рабовъ эмира Бухары благородной.

Д. Логофетъ.

По Монголіи до границь Тибета.

Глава XIV ¹⁾).

Въ Цайдамъ.

Снова въ бассейнъ Желтой рѣки.—Одиночество каравана экспедиціи и баснословное обиліе медвѣдей.—Наши охоты на нихъ.—Впечатлѣніе при видѣ голубыхъ волнъ озера Русскаго.—Знакомая стоянка.—Встрѣча съ Ивановымъ и полученіе почты.—Радостный приходъ въ Цайдамъ.

Теперь, когда экспедиція оставила послѣднія кочевья тибетскихъ номадовъ, мы могли разсчитывать съ большею вѣроятностью, что слѣдующихъ мѣстныхъ обитателей встрѣтимъ только въ Цайдамѣ, такъ какъ промежуточный высоко горный районъ на протяженіи почти пятисотъ верстъ не обитаемъ, благодаря крайней суровости климата и постоянному рысканью нголоковъ-разбойниковъ. Словомъ, мы очутились въ такомъ же одинокомъ положеніи, въ какомъ находились годъ тому назадъ, при вступленіи экспедиціи на тибетское нагорье.

---

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1912 г., № 10.

Самою большою неприятностью въ настоящее время для насъ было тибетское ненастье, выражающееся въ видѣ дождя, чаще же снѣжной крупы и снѣга. Тибетское ненастье съ сѣрыми низкими тучами скорѣе переноситъ къ представленію объ осенней или зимней погодѣ, нежели о весенней или лѣтней. Зато караванныя животныя не томились отъ жары и докучливыхъ насѣкомыхъ и въ свободное время были заняты ѣдою свѣжихъ травъ, мѣшавшихся съ прошлогодними.

Въ районѣ маршрута нашей экспедиціи хребетъ Водораздѣлъ въ верхнемъ ноясѣ имѣетъ замѣчательно плоскій характеръ. Непосредственно на вершинахъ переваловъ часто залегаютъ характерныя для всего плоскогорья Тибета «ширики» или болота со множествомъ лужъ и малыхъ озерковъ, разбросанныхъ въ беспорядкѣ.

Какъ на самомъ водораздѣлѣ, такъ равно и по сторонамъ отъ него раскидывается плоскогорье, видимое на большее или меньшее пространство въ зависимости отъ положенія наблюдателя: чѣмъ выше онъ находится и чѣмъ менѣе волнисто плоскогорье, тѣмъ болѣе широкій горизонтъ представляется обозрѣванію и наоборотъ. Спокойная прозрачная атмосфера способствуетъ яркому отраженію многочисленныхъ рѣчекъ и озерковъ, вдоль которыхъ нерѣдко красиво сияютъ отдаленныя цѣпи горъ. Тамъ и сямъ перемѣщаются стада дикихъ яковъ, косяки хулановъ и группы антилопъ или характернымъ пятномъ выдѣляется косолапый представитель Тибета — медвѣдь, разрывающій норки безчисленныхъ *Lagomys'овъ*. Откуда бы ни наблюдалъ путешественникъ, картина животной жизни представляется одинаковой, измѣняются только детали. Можно положительно утверждать, что сѣверо-тибетское нагорье еще на много десятковъ, если не сотенъ, лѣтъ обезпечено въ своей дѣвственно-дикой оригинальной прелести.

Движеніе нашего каравана по безлюдному тибетскому нагорью шло въ общемъ удовлетворительно: ежедневно мы проходили отъ пятнадцати до двадцати верстъ, стараясь выполнить самый переходъ до полудня; такимъ образомъ, остальное время караванныя животныя могли отдыхать на хорошихъ пастбищахъ. При однообразномъ характерѣ мѣстности, однообразно тянулось и самое путешествіе, не только въ теченіе дней, но даже и недѣль. Путешественникъ устаетъ смотрѣть безконечныя увалы и промежуточные рѣчки; минуетъ одну долину, съ вершины холма или высоты открывается слѣдующая, за нею еще и еще и такъ безъ конца. Правда,

въ сухую, ясную погоду горизонтъ значительно расширяется и даетъ возможность порою видѣть горы, отстоящія на большое разстояніе, къ тому же лучшая погода вноситъ и большее оживленіе по отношенію къ животной жизни; въ наблюденіяхъ за нею время бѣжитъ несравненно быстрѣе. Старшій проводникъ Болу ѣхалъ со мною впереди и охотно дѣлился свѣдѣніями не только о тибетцахъ Дза-чю-кава, но даже и объ ихъ сосѣдяхъ, такъ какъ за свой вѣкъ онъ перебивалъ во многихъ странахъ. Подобно всѣмъ тибетцамъ, Болу обладалъ отличнымъ зрѣніемъ и почти всегда раньше насъ усматривалъ вдали что-либо интересное—звѣря или тибетскій развѣздъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ просилъ насъ прибѣгать къ помощи бинокля, чтобы разрѣшить его догадку или предположеніе.

Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ—пяти дней, считая съ девятнадцатаго мая, экспедиція продвинулась около восьмидесяти верстъ, минуя грань водораздѣла, и съ вершины поперечныхъ холмовъ увидѣла довольно обширную долину рѣчки Сэрг-чю, которая извивается среди мягкихъ зеленыхъ площадей и окаймляющихъ долину горъ, протянувшихся въ сѣверо-западномъ и юго-восточномъ направленіи. Болу радостно замѣтилъ, что по той же самой долинкѣ Сэрг-чю и проходитъ нашъ дальнѣйшій путь къ озерамъ верхней Хуанъ-хэ; затѣмъ, прочтя на нашихъ лицахъ удовольствіе, онъ добавилъ, что скоро мы должны увидѣть также и тибетцевъ съ караванами соли, направляющихся къ юго-востоку, въ область Сэрта.

Дѣйствительно, съ перваго дня вступленія на лѣвый берегъ Сэрг-чю, экспедиція стала встрѣчать караваны съ солью, шедшіе вверхъ по долинкѣ. Владѣльцы каравановъ сэртасцы выглядѣли такими же грубыми, дикими, подозрительными, какъ и всѣ остальные кочевники-тибетцы, видѣнные нами. Въ дорогѣ они были очень осмотрительны и по отношенію къ караванамъ, и по отношенію къ самимъ себѣ. Небольшіе караваны не превышали сотни яковъ. Отъ численности животныхъ въ караванѣ зависитъ конечно и составъ людей: чѣмъ больше караванъ, тѣмъ многочисленнѣе и отрядъ или партія, его сопровождающая; обыкновенно на десять яковъ приходится одинъ погонщикъ. Днемъ сэртасцы двигались обычнымъ способомъ, громко посвистывая и покрикивая на животныхъ, но ночью ухитрялись проходить съ соблюденіемъ полной тишины, обезпечивъ фланги, авангардъ и аррьергардъ. Сэртасцы ѣхали

въ полной боевой готовности съ ружьями за плечами, саблями у пояса и пиками въ правой рукѣ.

Съ перваго нашего бивака на берегу рѣчки Сэрг-чю, наши проводники-дзачюкавасы получили отъ насъ условленную плату и, сверхъ того, подарки и запасы продовольствія въ дорогу, затѣмъ. пріятельски распрощавшись съ нами, укатили во-свои, стараясь быть не замѣченными сэртасцами, которыхъ они уже успѣли ввести къ заблужденію относительно настоящаго дня своего отъѣзда.

Какъ здѣсь, въ долину Сэрг-чю, такъ и южнѣе и сѣвернѣе ея. на всемъ нашемъ пути по безлюдному нагорью, но въ особенности въ районѣ бассейна рѣчки Сэрг-чю, намъ ежедневно приходилось наблюдать отъ пяти—шести до десяти—двѣнадцати и болѣе медвѣдей, промышлявшихъ то поодиночкѣ, то большею частью по два, по три, а однажды пришлось видѣть четырехъ взрослыхъ пищухоѣдовъ, бродившихъ тѣсною компаніей. Въ открытой долине Сэрг-чю, гдѣ среди шириковъ, залегаютъ въ видѣ островковъ глинистыя возвышенія, населенныя пищухами, мы насчитывали съ одного наблюдательнаго пункта до десятка медвѣдей: тамъ, недалеко, рѣзвится медвѣдица съ двумя дѣтенышами, здѣсь двое взрослыхъ звѣрей отдыхаютъ, грѣясь на солнцѣ, вдоль сосѣдняго ручья пробираются разрозненной компаніей три медвѣдя, къ одному изъ которыхъ, самому крупному, подходятъ двое изъ нашихъ охотниковъ, и т. д. Обилію медвѣдей въ Тибетѣ, конечно, способствуетъ и то обстоятельство, что туземцы ихъ не стрѣляютъ, за исключеніемъ охотниковъ, желающихъ воспользоваться шкурой, какъ ковромъ, во время охотничьихъ экскурсій за травоядными. Что же касается нашей экспедиціи, то мы, наоборотъ, рѣдко упустили случай, чтобы не поохотиться на этого звѣря. Всѣми нами въ общей сложности за двѣ весны было убито до сорока медвѣдей, изъ которыхъ пятнадцать пришлось на мою долю.

Въ большой маммологической коллекціи, поступившей въ даръ Зоологическому музею Императорской Академіи Наукъ, имѣются пищухоѣды всякихъ возрастовъ и всевозможныхъ оттѣнковъ шерсти: въ ней найдете и довольно темныхъ съ бѣлымъ ошейникомъ, и однообразныхъ темнобурыхъ, и чалыхъ или пестрыхъ, и даже очень свѣтлыхъ съ совершенно бѣлымъ передомъ. Такихъ медвѣдей, однако, встрѣчается немного: по заключенію туземцевъ по одному на тысячу. Во всякомъ случаѣ, дѣлая подборъ коллекціи *Ursus la-*

Караванъ изъ яковъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ.

gomuarius, намъ удалось добыть три экземпляра, съ болѣе или менѣе свѣтлой окраской шерсти, подъ стать четвертому наиболѣе свѣтлomu, котораго я добылъ еще въ минувшее путешествіе въ среднемъ Нань-шанѣ.

Охота на медвѣдей здѣсь, въ Тибетѣ, производится въ «открытую», если можно такъ выразиться. Дѣйствительно, замѣтивъ медвѣдя еще издали, охотникъ смѣло идетъ къ нему поближе, сообразуясь, съ какой бы изъ сторонъ всего удобнѣе его скрасть, т. е. приблизиться на выстрѣлъ незамѣченнымъ, считаясь съ отличной способностью медвѣдя далеко чутя по-вѣтру. Зрѣніе же у этого звѣря, сравнительно, довольно слабое. Всего удобнѣе подходить къ медвѣдю въ то время, когда онъ занятъ ловлей пищухъ или предается отдыху, и наименѣе подходящее время, когда звѣрь направляется скорымъ «ходомъ», будучи напуганъ. Если же медвѣдь спокойно разрываетъ грызуновъ, то обыкновенно норовятъ идти къ нему ускоренно, останавливаясь во время поворотовъ звѣря въ сторону охотника. Если на пути къ медвѣдю имѣются хотя маломальскія прикрытія, то не трудно приблизиться къ цѣли на сотню шаговъ, а то и ближе. Подойдя къ звѣрю, охотникъ съ колѣна или лежа стрѣляетъ въ медвѣдя. Въ большинствѣ случаевъ опытный охотникъ и умѣлый стрѣлокъ однимъ—двумя самымъ большимъ тремя выстрѣлами изъ обыкновенной винтовки уложить звѣря.

Для охоты на тибетскихъ медвѣдей мы употребляли именно трехлинейныя винтовки, стрѣлая или обыкновеннымъ патрономъ, или же патрономъ съ отверстіемъ посерединѣ конуса, залитымъ воскомъ. Послѣдніе патроны, какъ болѣе разрушительные или убойные, мы называли разрывными и примѣняли при первыхъ одномъ—двухъ выстрѣлахъ, при прочихъ же, въ особенности при дострѣливаніи звѣря, употребляли обыкновенные. Бывало, однако, и такъ, что мишка падалъ, словно подстрѣленный перепелъ, и отъ одной простой пули, но это случалось рѣдко, когда выстрѣлъ приходился въ сердце, позвоночникъ или голову.

Изъ многочисленныхъ охотъ на медвѣдей, веденныхъ мною и моими спутниками въ послѣднюю весну въ Тибетѣ, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, почему-либо наиболѣе интересныхъ и поучительныхъ. Первый случай имѣлъ мѣсто на рѣчкѣ Шур-чю, южномъ склонѣ хребта Водораздѣлъ, двадцатаго мая. Мы успѣли сдѣлать переходъ и расположиться лагеремъ въ глубокой, узкой долиинѣ, окаймленной луговыми скатами. Нѣкоторые изъ

людей отряда отправились на охоту. я же прилежъ вздремнуть, какъ вдругъ слышу голосъ тибетца Болу, который, надо замѣтить, былъ въ свое время страстнымъ охотникомъ, «пэмбо, джэму эджерри!» — т. е. «господинъ, медвѣдь идетъ!»! Дѣйствительно, стоило мнѣ только приподняться, какъ я уже увидѣлъ медвѣдя, медленно шедшаго по косогору. Звѣрь, повидимому, не обращалъ вниманія на нашъ большой бивакъ. Недолго думая, я взялъ свою винтовку, вложилъ въ нее всѣ пять патроновъ—два разрывныхъ и три обыкновенныхъ—и направился на пересѣченіе пути медвѣдя. Однако высота, около 15.000 футовъ надъ моремъ, даетъ себя чувствовать: горло пересыхаетъ, ноги подкашиваются, сердце учащенно бьется. Сядишься. Невольно смотришь въ сторону медвѣдя и не спускаешь съ него глазъ; мишка попрежнему то движется впередъ, то разрываетъ землю. Наконецъ, зайдя навстрѣчу звѣрю, я прилежъ за бугоркомъ. Жду. Медвѣдя нѣтъ и нѣтъ. Я осторожно приподнялся, тревожное сомнѣніе охотника исчезло: медвѣдь невадалекъ прилежъ. Ползкомъ продвинувшись десятка два шаговъ, я достигъ второго бугорка. Въ бинокль отлично было видно, какъ вѣтерокъ колыхаетъ длинную блестящую шерсть медвѣдя; кругомъ тихо, спокойно; могучіе пернатые хищники зачуяли добычу и кружатъ на фонѣ неба; нашъ бивакъ словно замеръ: вниманіе всѣхъ приковано къ медвѣдю и охотнику. Раздался выстрѣлъ, медвѣдь сердито зарычалъ и тяжело приподнялся на ноги; глухо щелкнула вторая пуля—звѣрь грузно свалился наземь. Не мѣняя положенія, я взглянулъ въ бинокль: медвѣдь лежалъ не шевелясь. Встаю и направляюсь къ обрыву, находившемуся отъ меня шагахъ въ двухстахъ поодаль отъ медвѣдя, чтобы оттуда взглянуть по сторонамъ. Тѣмъ временемъ двое препараторовъ казаковъ уже покинули бивакъ и шли къ медвѣдю. Подойдя къ обрыву, я отъ усталости невольно тяжело вздохнулъ, медвѣдь вскочилъ, словно ужаленный, потрясъ своей мохнатой головой и съ страшной стремительностью направился ко мнѣ, неистово рыча и фыркая. Подпустивъ разъяреннаго медвѣдя шаговъ до десяти, я выстрѣломъ въ грудь свалилъ его; звѣрь кубаремъ черезъ голову покатился внизъ. Послѣдній рѣшающій моментъ, когда озлобленный мишка неся съ окровавленной пастью, надолго запечатлѣлся въ моей памяти; въ немъ, въ этомъ моментѣ, и заключалось то особенное чувство, которое такъ дорого и привлекательно охотнику...

Въ долині Сэрг-чю мой юный спутникъ Мадаевъ, какъ препа-

раторъ, а можетъ быть и будущій коллекторъ, искалъ среди эгихъ звѣрей наиболѣе интереснаго — бѣлясаго; съ такимъ расчетомъ онъ обошелъ большой участокъ, видѣлъ нѣсколько темныхъ звѣрей, а свѣтлый все не попадался. Уставъ бродить, забайкалецъ рѣшилъ идти домой, на бивакъ, такъ какъ солнце уже склонилось къ горизонту. Покуривая неизмѣнную трубочку, Мадаевъ неожиданно для себя замѣтилъ, наконецъ, бѣлясаго медвѣдя и осторожно изъ за бугорка сталъ подползать къ нему. Звѣрь, ничего не подозревая и не замѣчая, въ свою очередь, также подходилъ къ нашему охотнику ближе и ближе. «Забавно, говорилъ Мадаевъ, было смотрѣть на медвѣдя, какъ онъ, словно парнишка, рылъ мышей, а онѣ все отъ него уходили; я долго наблюдалъ и сердился на медвѣдя, который такъ и не поймалъ ни одной мыши». Совершенно забывъ, что это звѣрь и его надо стрѣлять, нашъ Мадаевъ опомнился тогда лишь, когда медвѣдь ушелъ далеко въ сторону. Охотникъ рѣшилъ направиться къ нему всерьезъ, но на сей разъ звѣрь, замѣтивъ человѣка, пустился на уходъ и только случайнымъ выстрѣломъ Мадаевъ убилъ медвѣдя наповаль, иначе ограничился бы одними наблюденіями.

Не могу не рассказать еще про одинъ курьезнѣйшій случай, имѣвшій мѣсто, впрочемъ, съ нашей собакой Гарза, разбудившей медвѣдя и обнюхивавшей его, словно собаку. Сообразивъ, затѣмъ, мишка вдругъ рявкнулъ и Гарза быстро отскочилъ, но немного спустя, собака опять начала радостно прыгать и ласкаться, будто передъ нею находился не медвѣдь, а такое же животное, какъ она сама. Вся эта исторія происходила въ виду каравана, двигавшагося по долинѣ Сэрг-чю. Пока медвѣдь и собака знакомились другъ съ другомъ, нѣсколько человѣкъ казаковъ открыли по звѣрю беспорядочную стрѣльбу, поранивъ, впрочемъ, медвѣдя въ пятку, отчего мишка неуверенно побѣжалъ спасаться отъ непрошенныхъ гостей. Гарза не отставалъ отъ медвѣдя и я удивляюсь, какъ его не задѣла ни одна шальная пуля. Тибетцы-проводники, вошедшіе въ охотничій азартъ, стремительно понеслись на лошадяхъ за мишкой; послѣдній неуклюже прыгалъ вблизи нашего каравана, часто оглядываясь назадъ. Въ концѣ концовъ мы съ А. Н. Казнаковымъ прикончили съ медвѣдемъ. Послѣдній оказался беззубымъ старикомъ и вызвалъ среди насъ немало искренняго смѣха.

Прекрасному впечатлѣнію, вынесенному вообще о сэргчюской долинѣ способствовала также и порядочная погода, стоявшая нѣ-

сколько дней къ ряду. Въ солнечные, прозрачные проблески сѣверныя и южныя горы представлялись очень красивыми, въ особенности передъ закатомъ солнца, долго не погасавшаго своихъ лучей на ихъ главныхъ вершинахъ, окутанныхъ фіолетовой дымкой. Надъ озеромъ Оринъ-норомъ часто висѣли темныя тучи съ свѣтло-сѣрыми дождевыми полосами.

Тридцатаго мая, по обыкновенію на восходѣ солнца, нашъ караванъ оставилъ послѣднюю изъ значительныхъ рѣчекъ долины Сэрг-чю и сталъ постепенно подниматься въ гору. При взглядѣ на югъ, оставляемая нами долина выдѣлялась рѣзче и рѣзче: это своего рода Одонъ-тала или «звѣздная степь» со множествомъ блестящихъ озерковъ, лужъ и затѣйливыхъ очертаній ручьевъ и рѣчекъ, извивающихся по болотамъ.

Вскорѣ, затѣмъ, экспедиція поднялась на вершину невысокаго безымяннаго перевала, откуда, дѣйствительно, могла радостно привѣтствовать голубую, зеркальную поверхность знакомаго бассейна озера Русскаго. Почти годъ минулъ съ тѣхъ поръ, какъ мы его покинули съ запада, теперь же вблизи находился его юго-восточный край, манившій насъ своею мягкою лазурью. Въ сѣверной дали вырисовывался силуэтъ хребта Амнэ-нкоръ, бѣлоснѣжныя вершины котораго сливались съ облаками. Цѣлые полчаса я стоялъ на перевалѣ, любясь видами въ ту или другую сторону. Южный горизонтъ будилъ воспоминанія о красотѣ и богатствѣ природы Кама, сѣверный радовалъ счастливымъ достиженіемъ конца нашей главной тибетской задачи. Пропустивъ весь караванъ мимо себя, мнѣ пріятно было прочесть на лицахъ моихъ спутниковъ удовольствіе и радость. Лично же моей радости въ значительной степени способствовало еще и то очень важное обстоятельство, что моя маршрутно-глазомѣрная съемка, веденная на громадномъ протяженіи по восточному Тибету, сомкнулась безъ какихъ бы то ни было мало-мальски существенныхъ натяжекъ.

Еще часъ—другой и нашъ бивакъ уже красовался на возвышенномъ берегу, о который гулко ударялись высокія, прозрачныя волны озера...

На противоположномъ берегу того же самаго залива, экспедиція Н. М. Пржевальскаго отбила нападеніе нголоковъ-хорчи, нѣсколько разъ смѣло бросавшихся тогда на насъ въ атаку. Все прошлое живо возстановилось въ моей памяти. Не хотѣлось вѣрить, что уже минуло семнадцать лѣтъ со времени посѣщенія этой

части озера Русскаго первымъ изслѣдователемъ природы центральной Азіи.

Два дня экспедиція шла по восточному берегу озера, прежде нежели достигла своей прежней стоянки на его сѣверномъ берегу при истокѣ Хуань-хэ.

Высокій нагорный берегъ озера состоитъ изъ луговыхъ уваловъ, болѣе или менѣе полого спускающихся отъ гребня главной гряды и круто обрывающихся къ озерной поверхности. Очень удобная дорога проходитъ самымъ берегомъ и съ наиболѣе высокихъ береговыхъ мысовъ открываетъ превосходные виды. Темно-голубая поверхность озера въ большинствѣ случаевъ пестрѣла волнами, плавно катившимися на просторѣ и гулко разбивавшимися о скалистые или песчано-галечные берега. Южные и западные береговые мысы вырисовывались слабо, такъ какъ надъ озернымъ бассейномъ висѣла туманная дымка, сокращавшая горизонтъ. Съ береговыхъ утесовъ и скалъ то и дѣло снимались гвѣздившіеся на нихъ индійскіе гуси, турпаны, бакланы, на волнистой поверхности дивно-прозрачныхъ водъ, словно поплавки, качались чайки, крачки, крахали, оголи и другія плавающія птицы. Вблизи берега, въ глубокихъ омутахъ, стояли стаи крупныхъ рыбъ. Пышныя прибрежныя пастбища ютили стройныхъ антилопъ-ада, рогатыхъ оронго, рѣже аргали и хулановъ; медвѣдей не встрѣчалось вовсе.

Придя къ истоку Хуань-хэ, экспедиція расположилась лагерьмъ на прежнемъ мѣстѣ, на правомъ берегу рѣки. Сухой аргаль нашихъ караванныхъ животныхъ послужилъ отличнымъ топливомъ. На площадкѣ бивака, кое-гдѣ изрытой медвѣдями, валялись ненужные предметы, брошенные нами при прежней здѣсь стоянкѣ но зато цинковыхъ ящиковъ, зарытыхъ подъ очагомъ, не оказалось; вѣроятно нголоки произвели хорошій осмотръ въ наше отсутствіе и сочли пустые ящики за какую либо драгоценность. Мы же такъ бережно спрятали куда негодные цинковые ящики отъ патроновъ просто изъ любопытства.

Въ день нашего вступленія на сѣверный берегъ Оринь-нора, перваго іюня, испортившаяся было погода вновь исправилась; утренній дождь снособствовалъ лишь очищенію и большей прозрачности воздуха. Хребетъ Амнэ-нкорь рѣзко выдѣлялся на сѣверѣ горизонта. Ко времени погасанія зари не осталось ни одного облачка. Немного позднѣе мои знакомыя созвѣздія предстали во

всей прелести и дали мнѣ возможность произвести повторительный рядъ астрономическихъ наблюдений, очень важный для проверки хода хронометровъ. На слѣдующій день тѣ же опредѣленія удались и по отношенію къ дневному свѣтилу; затѣмъ, не успѣлъ я еще убрать инструмента, какъ небо покрылось тучами, по долину пронесся порывистый вѣтеръ, озеро потемнѣло, нахмурилось и стало грозно ударять своими пѣнистыми волнами. Позднѣе сталъ накрапывать дождь, не перестававшій въ теченіе всей ночи. Въ такую погоду намъ особенно хотѣлось скорѣе попасть въ Цайдамъ.

Движеніе экспедиціи въ области Амнэ-нокора шло въ общемъ успѣшно. Новаго противъ прежнихъ наблюдений ничего не прибавилось. Самый переваль представлялъ прежнія удобства и неудобства; попрежнему у гребня, на сѣверномъ склонѣ, лежалъ снѣгъ; попрежнему въ верхнемъ поясѣ было сыро, прохладно и попрежнему самой дорогой добычей по части зоологическихъ сборовъ послужили интересные выюрки (*Kozlowia Robowskii*).

Подходя къ нашей старой стоянкѣ у скаль, окаймленныхъ тальникомъ, мы увидѣли большое стадо куку-ямановъ, пасшихся по гребню горъ. Дадай при этомъ замѣтилъ: «здѣсь напрасно искать медвѣдей, ихъ нѣтъ, иначе куку-яманы не паслись бы такъ открыто; эти звѣри обладаютъ великой способностью видѣть и чуютъ медвѣдя на порядочное разстояніе». Нами еще раньше рѣшено было дневать въ этомъ мѣстѣ и послать отсюда на складъ въ Цайдамъ одного изъ цайдамскихъ монголовъ—Гардэ, съ письмомъ къ Иванову, чтобы послѣдній ѣхалъ къ намъ навстрѣчу.

Въ долину Алыкъ-норинъ-холь сильно сказывалось ближайшее сосѣдство сухой, знойной котловины Цайдама; согрѣтый воздухъ былъ наполненъ тонкой пылью; вдоль рѣчки часто проносились высокіе столбы вихрей. Промчавшійся табунъ хулановъ также оставлялъ за собою большое облако пыли. Кромѣ хулановъ, часто смѣло подбѣгавшихъ къ нашему каравану на разстояніе до ста шаговъ, у подножій горъ паслись стада дикихъ яковъ и антилопъ-оронго; тамъ и сямъ показывались волки, лисицы и ярссы, промышлявшіе за пищухами; по зарослямъ обленихи держалось много зайцевъ.

Мои спутники съ большимъ интересомъ охотились на послѣд-

нихъ дикихъ яковъ и антилопъ-оронго; медвѣдей не встрѣчалось, за исключеніемъ одного, застигнутого, пожирающимъ хулана. вѣроятно, подстрѣленнаго монголами или другими охотниками. Интересно, между прочимъ, то обстоятельство, что тибетскій медвѣдь остатки своей добычи зарываетъ или засыпаетъ землей. Наблюдая медвѣдя за этимъ занятіемъ издали, мы долгое время не могли понять, что имѣемъ дѣло съ означеннымъ звѣремъ, который, находясь впереди нашего каравана, то поднимался на подобіе чело-вѣка, то опускался уподобляясь звѣрю, и только приблизившись къ нему на полверсты, мы отлично различили въ бинокль, что это былъ никто иной, какъ медвѣдь, направившійся затѣмъ въ горы. Соблюдая нѣкоторую осторожность, мнѣ удалось встрѣтиться съ медвѣдемъ на очень близкомъ разстояніи и застрѣлить его.

Между тѣмъ нетерпѣніе наше попасть въ Цайдамъ расло съ каждымъ днемъ. Мы всѣ невольно всматривались въ ту часть хребта Бурханъ-Будда, откуда могъ и долженъ былъ показаться нашъ Ивановъ. Послѣдній, дѣйствительно, былъ обнаруженъ въ ожидаемый нами день и приблизительно въ намѣченномъ направленіи. Приѣздъ Иванова оживилъ нашъ бивакъ. Пошли справки и разспросы... Прежде всего цайдамскій отшельникъ порадовалъ меня докладомъ о хорошемъ состояніи склада, а затѣмъ врученіемъ почты—первой со времени нашего двухлѣтняго странствованія, если не считать десятка писемъ, полученныхъ пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ въ Сининѣ. Кто-то изъ моихъ спутниковъ справедливо замѣтилъ, что Ивановъ, приѣхавшій къ намъ на прекрасной откормленной лошади, въ бѣломъ нарядномъ кителѣ съ разодѣтымъ цайдамскимъ монголомъ, составилъ полный контрастъ по отношенію даже къ членамъ экспедиціи, не говоря уже про конвой,—такъ обносились мы всѣ, участники тибетской экскурсіи. Лица наши вполнѣ гармонировали съ нашимъ потрепаннымъ одѣяніемъ.

Спустя нѣкоторое время Ивановъ болѣе спокойно рассказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Цайдамѣ. Самымъ великимъ лишеніемъ, говорилъ онъ, для всѣхъ ихъ составляло неполученіе прямыхъ свѣдѣній объ экспедиціи; тѣ же чуждые рассказы, которые передавались богомольцами или другими странниками-туземцами ихъ не только не удовлетворяли, но еще пуще огорчали; нѣкоторому сомнѣнію въ благополучіи экспедиціи способствовали позднѣйшіе толки, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ Тибета и согласо-

вавшіеся между собою о гибели экспедиціи, но они твердо вѣрили, что этого не могло случиться, хотя и допускали возможность утраты кого-либо изъ персонала экспедиціи.

До поздней ночи отрядъ не ложился спать; да и въ постеляхъ долго еще можно было слышать мягкіе голоса путниковъ, мирно бесѣдовавшихъ о своей родинѣ: повидимому у всѣхъ на душѣ было легко, хорошо. Къ тому же ночь стояла превосходная: тихая, ясная; сводъ неба былъ унизанъ звѣздами и серпомъ молодой луны.

Переваль Бурханъ-Будда былъ первымъ и послѣднимъ переваломъ на пути экспедиціи по нагорью Тибета. Имѣя наиболѣе низкія точки на сѣверѣ (Цайдамъ 9.380 футовъ) и на югѣ (окрестности Чамдо 11.170 футовъ), въ мѣстахъ, гдѣ проведено экспедиціей всего нѣсколько дней, мы все остальное время находились, принимая во вниманіе, конечно, срокъ лишь одной тибетской экскурсіи, значительно выше—отъ 14.000 до 16.000 футовъ надъ моремъ. Даже относительно низкая и теплая долина ущелье Рэ-чю, гдѣ зимовала экспедиціа, и та имѣетъ около 12.000 футовъ. Средняя же высота страны, охваченной маршрутомъ экспедиціи имѣетъ болѣе 13.000 футовъ надъ моремъ или, что то же самое, около четырехъ верстъ выше Петербурга.

Такимъ образомъ, наша тринадцати-мѣсячная тибетская экскурсіа была счастливо доведена до конца.

Въ привѣтливомъ и богатомъ пастбищемъ урочищѣ Шар-тологойнын-амынъ, приподнятомъ почти на 11.000 футовъ надъ моремъ, куда Ивановъ перенесъ свой пастушескій лагерь для встрѣчи экспедиціи, мы всѣ, тибетскіе странники, почувствовали себя легко и хорошо. Нашъ обширный бивакъ удобно расположился на береговой террасѣ, среди густой свѣжей зелени, прорѣзанной журчащими канавками прозрачной воды.

Солнце пригрѣвало по-лѣтнему; по утрамъ и вечерамъ, да и днемъ нерѣдко, насъ донимали комары, отъ которыхъ положительно нигдѣ нельзя было уберечься. Эти кровопійцы проникали съ цайдамскихъ болотъ не только въ предгорья, но даже въ средній и отчасти въ верхній поясъ горъ, не щадя никого и ничего. По счастью, конвой экспедиціи, благодаря заботѣ моей жены, получилъ достаточное количество русскихъ платковъ съ историческими рисунками, сослужившими хорошую службу при защитѣ отъ этого сибирскаго «гноса». Изъ животныхъ, болѣе другихъ страдали отъ

Цайдамські отшельники Івановъ и Афугинъ.

(Въ своемъ лагерѣ въ горахъ Цайдама въ ожиданіи експедиціи).

укусовъ комаровъ, верблюды, которые находились въ это время въ сильномъ линянїи. Экспедиціонныхъ верблюдовъ къ нашему приходу въ Цайдамъ состояло налицо тридцать одинъ; лошадей—четыре. О прїобрѣтенїи первыхъ, о доведенїи ихъ числа до пятидесяти пяти, пришлось серьезно позаботиться. Но мы не падали духомъ, такъ какъ пришедшая одновременно съ нами въ Цайдамъ добавочная почта развязывала намъ руки. Экспедиціонный денежный пакетъ, счастливо миновавшій разбойниковъ, боксеровъ, былъ полученъ Россійскимъ посольствомъ въ Пекинѣ и благодаря предупредительности и любезности нашего посланника, глубокоуважаемаго М. Н. Гирса, переводъ китайскаго серебра въ Сининъ на мое имя уже состоялся. Только теперь, болѣе или менѣе обстоятельно, мы узнали о минувшей европейско-китайской войнѣ. Оказывается, весь періодъ войны экспедиція находилась въ глубинѣ Тибета и счастливо избѣжала, могущихъ произойти съ китайцами нежелательныхъ осложненій. Теперь мы болѣе, нежели въ свое время въ Тибетѣ, радовались, что наша комбинація попасть въ Сун-пан-тинъ не удалась; въ Сун-пан-тинѣ, среди китайцевъ, особенно враждебно настроенныхъ тамъ противъ европейцевъ, могла пострадать экспедиція.

Оба китайца-переводчика, командированные сининскимъ Цинъ-цаемъ съ пакетами въ экспедицію, долго не вѣрили собственнымъ глазамъ, что нашли всѣхъ насъ живыми. Имъ было строжайше приказано, въ случаѣ экспедиціи не окажется въ Цайдамѣ, слѣдовать въ Тибетъ, но говорили они: «Мы бы, конечно, дальше Цайдама никуда не ушли, ибо и сюда попасть намъ стоило не малыхъ трудовъ и лишеній. Какъ теперь будетъ радъ нашъ да-жень, узнавъ о вашемъ благополучїи; вѣдь въ Сининѣ почти увѣрены, что русская экспедиція погибла и что главному начальнику края придется отвѣтить за безпечность. Намъ, продолжалъ говорить старшій переводчикъ, на всякій случай приказано, узнавъ объ экспедиціи, переписать ея оставшихся въ живыхъ участниковъ, равно отмѣтить количество вьюковъ, животныхъ и скорѣе направиться обратно». Подъ радостнымъ впечатлѣніемъ китайцы, однако, прожили у насъ на бивакѣ около недѣли, въ теченіе которой я имѣлъ возможность помимо официальныхъ донесеній и телеграммъ, написать еще и частныя письма къ роднымъ и друзьямъ, болѣвшимъ за насъ душою.

Пока я писалъ отчетъ и письма, у насъ на бивакѣ, несмотря

на отдаленность, перебивало немало цайдамцевъ, во главѣ съ Барунъ-цзасакомъ, давшимъ о моихъ людяхъ, о ихъ сверхъ годичномъ пребываніи въ Цайдамѣ, самый лучшій отзывъ. Въ свою очередь, я достойнымъ образомъ аттестовалъ всѣхъ четырехъ монголовъ, сопутствовавшихъ мнѣ въ Тибетѣ, и наградилъ ихъ свыше ожиданій деньгами и вьючнымъ скотомъ, служившимъ экспедиціи въ странѣ Далай-ламы.

Трогательно распрощавшись со спутниками монголами и приготовивъ почту въ Россію, я отправился на метеорологическую станцію, отстоящую въ тридцати верстахъ къ сѣверу. Мнѣ сопутствовали, помимо сининскихъ китайцевъ, В. Ѳ. Ладыгина, Бадмажанова, еще и двое гренадеръ. Бивакъ остался въ вѣдѣніи А. Н. Казнакова. Разстояніе до хырмы Барунъ-цзасака мы проѣхали въ теченіе пяти утреннихъ часовъ по глинисто-каменистой или песчаной равнинѣ, имѣвшей болѣе или менѣе пологое паденіе въ слѣдуемомъ нами направленіи. На складѣ, украшенномъ гирляндами цвѣтковыхъ растений, я нашелъ образцовый порядокъ. Лицо моего незамѣнимаго наблюдателя Муравьева дышало искренней радостью; вѣреннаѣ ему метеорологическая станція работала непрерывно, всѣ инструменты дѣйствовали исправно и онъ лучшимъ образомъ справился не только съ обычными періодическими наблюденіями, но даже и съ часовыми, производимыми ежедневно съ семи часовъ утра до девяти вечера въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ—іюля, октября, января и апрѣля, т. е. среднихъ изъ каждаго времени года. Мнѣ только теперь пришло на умъ, кто бы замѣнилъ Муравьева, если бы онъ вдругъ заболѣлъ?... По счастью, этого не случилось: экспедиціонный отшельникъ чувствовалъ себя очень порядочно, отдавшись цѣликомъ своему занятію. Производство Муравьева въ старшіе унтеръ-офицеры являлось съ моей стороны лишь выраженіемъ должнаго признанія его значительныхъ заслугъ....

На станціи я произвелъ цѣлый рядъ повѣрочныхъ астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій.

Мѣстное населеніе отчасти ютилось посрединѣ равнины на лучшихъ пастбищахъ; большею же частью жило въ сосѣднихъ горахъ, отстоящихъ къ югу. Тѣ и другіе обитатели, отъ времени до времени, заглядывая въ хырму для осмотра имущества, навѣщали и меня; теперь они были богаты кумысомъ и всѣ несли въ подарокъ этотъ полезный напитокъ. Наши отношенія съ цайдамцами

еще болѣе улучшились, въ особенности, послѣ того, какъ возвратившіеся изъ Тибета ихъ довольные собраты подробно рассказали имъ о нашемъ совмѣстномъ, богатомъ приключеніямъ, странствованіи среди воинственныхъ племенъ Кама.

Такимъ образомъ, совершенно незамѣтно для меня мелькнулъ недѣльный періодъ, проведенный мною вдали отъ главнаго бивака. На послѣднемъ, по сообщенію А. Н. Казнакова, «опять наступило военное время». Какъ-то разъ, когда оба наши препаратора, Телешовъ и Мадаевъ, уѣхавъ въ сообществѣ монгола вверхъ по ущелью Хату за двадцать верстъ отъ бивака, увлекались охотою, въ одного изъ нихъ, а именно Мадаева, разбойники тангуты, устроивъ засаду, предательски стрѣляли. Но счастье... который уже разъ... опять выручило! Одна изъ пуль разбойниковъ прострѣлила фуражку и чуть-чуть обожгла голову. Первый выстрѣлъ, вѣроятно, лучшаго изъ стрѣлковъ, былъ такъ неожиданъ, что Мадаевъ, быстро повернувшись на мѣстѣ, оступился и полетѣлъ съ кручи внизъ; только оправившись и понявъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ отвѣчать огнемъ своей винтовки, цѣлясь на дымъ, появлявшійся отъ слѣдующихъ беспорядочныхъ выстрѣловъ прочихъ тангутовъ. Самихъ же разбойниковъ не было видно, за исключеніемъ одного, выглянувшаго вслѣдъ за произведеннымъ первымъ выстрѣломъ; они сидѣли за скалистымъ гребнемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что мой юный страстный охотникъ экскурсировалъ съ двумя ружьями—дробовикомъ и винтовкой; въ моментъ чуть не рокового выстрѣла онъ разсматривалъ свою добычу—куку-ямана и уллара, убитыхъ въ розсыпяхъ. Отъ звѣря Мадаевъ собирался взять небольшую часть мяса, а птицу бережно завернуть и спрятать въ ягдташъ, но то и другое, конечно, осталось на мѣстѣ, такъ какъ Мадаевъ, отстрѣливаясь отъ разбойниковъ, направился къ охотничьему лагерю, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидалъ Телешовъ. Обсудивъ свое положеніе, препараторы осѣдлали лошадей и благополучно возвратились на главный бивакъ.

Монголы, узнавъ объ этомъ происшествіи, въ одинъ голосъ твердили, что тангуты-разбойники, по всему вѣроятію, не подозревали о возвращеніи русскихъ изъ Тибета, иначе они ни за что не рѣшились бы этого сдѣлать, будучи достаточно проучены годъ тому назадъ двумя русскими людьми во время ихъ ночного подступа къ русскимъ верблюдямъ. «Теперь, продолжали говорить тѣ же монголы, можно быть увѣреннымъ, что разбойники не при-

близятся къ русскимъ даже на порядочное разстояніе въ теченіе всего пребыванія ихъ экспедиціи въ Цайдамъ, но горе будетъ намъ послѣ ухода русскихъ: тангуты непременно отомстятъ за неудачу хоть тѣмъ, что нападутъ на насъ».

Предсказаніе монголовъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ намъ, сбылось. Послѣдующія экскурсіи въ районъ тѣхъ же горъ были вполне благополучны и обогатили нашъ зоологическій сборъ медвѣжьимъ скелетомъ, припарированнымъ на мѣстѣ.

Въ области разсматриваемыхъ горъ медвѣдь смѣло заходитъ по ночамъ на монгольскія стойбища и крадетъ барановъ. Незадолго же до нашего возвращенія изъ Тибета, мишка неожиданно появился днемъ и, приблизившись къ открытой двери одной изъ юртъ, остановился, разинулъ пасть и началъ громко реветъ. По счастью, въ юртѣ оказалось двое охотниковъ, которые тутъ же на мѣстѣ и уложили непрошеннаго гостя. Минувшей же осенью, въ двадцатыхъ числахъ ноября, въ ущельи Бургусутай тибетскій медвѣдь произвелъ настоящій погромъ. По словамъ монголовъ, произошло слѣдующее: одна изъ цайдамскихъ семей, состоявшая изъ старухи матери и молодого сына съ женою, со всѣмъ своимъ скарбомъ и скотомъ перекочевывала изъ средняго пояса горъ въ нижній. Прибывъ въ намѣченное для лѣтовки урочище, кочевники приготовились устраивать свое походное жилище, какъ неожиданно, изъ ближайшихъ кустовъ, къ нимъ вышелъ медвѣдь. Хозяинъ дома встрѣтилъ звѣря ударомъ сабли, не причинившимъ, однако, медвѣдю серьезнаго вреда. Озлобленный мишка быстро покончилъ съ монголомъ, круто изогнувъ его желѣзный клинокъ, и напалъ на несчастныхъ женщинъ, которыя подверглись той же участи. По умерщвленіи монгольской семьи, звѣрь разорвалъ цѣпную собаку и нѣсколькихъ барановъ. Отвѣдавъ затѣмъ мяса людей и барановъ, свирѣпый мишка стащилъ всѣхъ своихъ жертвъ въ одно углубленное мѣстечко и покрылъ войлоками, деревьями и другими принадлежностями юрты; образовавъ, такимъ образомъ, груды изъ хлама, онъ расположился на немъ отдыхать. Эту картину засталъ одинъ монголъ, не рискнувшій, однако, выстрѣлить на бросившагося на него медвѣдя; потомъ, трое лучшихъ мѣстныхъ охотниковъ убили злобнаго звѣря.

Въ послѣднихъ числахъ іюля прибылъ, наконецъ, изъ командировки въ цайдамскіе хошуны Бадмажановъ, отлично выполнившій всѣ возложенныя на него порученія. Вслѣдъ за симъ, экспеди-

ція начала усиленно готовиться къ выступленію въ дальнѣйшій путь, къ дому. Верблюдовъ у насъ было теперь около шестнадцати, лошадей также полный комплектъ. Тибетскіе кони все еще не привыкли къ верблюдамъ, хотя уже не такъ ретиво фыркали и перестали взвиваться на дыбы при встрѣчѣ съ этимъ животнымъ.

Тридцатаго іюля нашъ большой караванъ оставилъ насиженное мѣсто и въ два перехода перенесъ свой бивакъ въ сосѣдство метеорологической станціи, гдѣ при ключевомъ урочищѣ Багатурюкъ, расположился на дневку. Сюда были доставлены остальные вьюки, хранившіеся на складѣ въ хырмѣ Барунъ-цзасака; сюда же прибылъ и нашъ отшельникъ, завѣдывавшій метеорологической станціей, и отвѣтственный наблюдатель Муравьевъ, привезшій намъ достаточное количество печенаго хлѣба, изготовленнаго имъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней. Разставаясь съ хырмой, я опечаталъ метеорологическую будку, на которую прибилъ металлическую дощечку съ надписью на русскомъ и англійскомъ языкахъ: «Метеорологическая станція Тибетской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества».

Монголы, приходившіе прощаться, положительно осаждали нашъ лагерь; какъ и прежде, они угощали насъ неизмѣннымъ кумысомъ. Прибыли также Барунъ-цзасакъ и Хамбо-лама, тибетецъ, оба подарившіе мнѣ на память по лошади. Наши подарки приходили къ концу. Кромѣ монголовъ барунскаго хошуна, ко мнѣ пріѣхали съ прощальнымъ привѣтомъ и представители хошуна Цзунъ-цзасака и представители Курлыкъ-бэйсэ. Для меня не могло быть большаго удовольствія, какъ то, которое я теперь переживалъ, убѣждаясь въ искренности лучшихъ къ намъ отношеній монгольскаго народа.

Глава XV.

По восточному Нань-шаню.

Поперекъ Нань-шаня.—Дуланъ-хитъ.—Новый путь черезъ долину озера Далай-дабасу.—Вдоль южнаго берега Куку-нора.—Китайскіе города Донгаръ и Сининъ; дружелюбная встрѣча съ администраціей послѣдняго.

Если съ приходомъ экспедиціи въ Цайдамъ съ сѣвера считался оконченнымъ первый актъ ея дѣятельности, то съ возвращеніемъ

въ эту страну съ юга окончился и второй—самый важный, составлявшій основную задачу путешествія. Теперь всталъ на очередь третій и послѣдній актъ—слѣдованіе экспедиціи къ роднымъ предѣламъ.

Второго августа 1901 г., чуть забрезжила на востокъ заря, нашъ караванъ отправился на пересѣченіе обширной долины Цайдама, держа сѣверо-восточное направленіе. Утренняя тишина воздуха нарушалась отдѣльными голосами птицъ, вспархивавшихъ и перелетавшихъ съ ближайшихъ къ дорогѣ кустовъ. Хребетъ Бурханъ-Будда провожалъ насъ сурово: надъ нимъ висѣли мрачныя грозовыя тучи, тогда какъ надъ долиной и впереди лежавшими горами, небо было почти безоблачнымъ. Съ каждымъ послѣдующимъ часомъ воздухъ нагрѣвался ощутительнѣе; мучительная мошка исчезла, но на смѣну ей появились еще болѣе мучительныя для животныхъ—овода. Покорные верблюды шли съ обычнымъ смиреніемъ, но лошади сильно отбивались, то и дѣло останавливаясь на ходу. Монгольскій скотъ стоялъ, понуривъ головы, подлѣ жилищъ кочевниковъ или забивался куда-либо въ чащу кустарниковъ.

Баянъ-голь въ это время имѣлъ широкій, свыше ста саженой, плёсъ, по краямъ котораго быстро неслись грязныя волны рѣки, въ видѣ двухъ рукавовъ, разобщенныхъ песчано-глинистою мелью. Наибольшая глубина брода не превышала двухъ футовъ и мы, благодаря опытности проводника Баля, благополучно переправились. Правый или сѣверный берегъ Баянъ-гола отличался еще болѣе тучными пастбищами, нежели лѣвый; съ сѣвера долину пріятно разнообразяютъ обширныя болота Иргицюль и Даланъ-тургынъ, съ многочисленными озерами, обставленными высокимъ камышемъ. По утрамъ и вечерамъ здѣсь замѣчалось оживленіе среди плавающихъ и голенастыхъ пернатыхъ.

Въ густыхъ прибрежныхъ заросляхъ хармыка, судя по оставленнымъ слѣдамъ, бродили медвѣди.

По дорогѣ, намъ попались навстрѣчу цайдамскіе монголы, возвращавшіеся изъ Донгэра со всевозможными покупками, необходимыми въ обиходъ кочевника. Обрадованные неожиданнымъ свиданіемъ съ экспедиціей, цайдамцы откровенно говорили намъ, что своему благополучію въ дорогѣ они обязаны исключительно русскимъ, т. е. намъ, кого такъ сильно боятся кукунорскіе тангуты. Считаюсь съ этимъ обстоятельствомъ, монголамъ достаточно

было заявить, что они везутъ русскую почту, чтобы вполнѣ гарантировать свою безопасность со стороны неоднократныхъ подступовъ грабителей оронгынъ. На прощаніи, находчивые монголы просили насъ, при случаѣ, не выдавать тангутамъ ихъ «военную хитрость».

За долиной Баянъ-гола мѣстность на нашемъ пути постепенно повышается; глинисто-солончаковая почва смѣняется песчаной или хрящеватой; взамѣнъ же богатыхъ равнинныхъ пастбищъ, поднимаются пустынные холмы или увалы, придающіе пейзажу крайне печальную картину. Послѣдняя еще болѣе омрачилась дождемъ, не перестававшимъ падать почти весь день. По случаю той же ненастной погоды мы не могли видѣть съ командующихъ высотъ, какъ весною прошлаго года, колоссальнаго хребта Бурханъ-Будда, чтобы бросить этой сѣверной грани Тибета нашъ прощальный взглядъ.

Къ сумеркамъ погода улучшилась, облака порѣдѣли, а затѣмъ и совершенно исчезли, открывъ темно-голубой сводъ неба, на которомъ, кромѣ яркихъ звѣздъ и планетъ, красиво выдѣлялся серпъ молодой луны. Со времени оставленія тибетскаго нагорья, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, я ни разу не наблюдалъ такого дивно прозрачнаго неба. Между тѣмъ въ воздухѣ ощущалась крайняя сырость. Утромъ сосѣднія горы вновь «закурились» кучевыми облачками, картинно отдѣлявшимися въ высь и заполнявшими собою, словно льдины въ рѣкѣ, свободныя лазоревыя пространства. Ко времени выступленія каравана, надъ долиною уже висѣли сплошныя сѣрыя осеннія тучи и полился мелкій дождь, къ счастью не надолго—черезъ часъ выглянуло солнце: облака исчезли столь же скоро, сколь скоро появились. Въ быстро согрѣтомъ воздухѣ слышалось сплошное жужжаніе комаровъ и мошки, роями витавшихъ у несчастныхъ верблюдовъ. Тамъ и сямъ журчали ручьи, несшіе воду въ общую котловину соленыхъ бассейновъ Дуланъ и Сэрхэ-норовъ. Связывающая эти озера протока Боринъ-холь была переполнена соленой, грязной жидкостью и поэтому осложнила переправу въ бродъ еще болѣе, нежели весною минувшаго года, при переднемъ нашемъ движеніи въ Тибетъ. Скользящая, липкая грязь довершала путевыя невзгоды и трудности. Наконецъ, благополучно выбравшись изъ соленой грязи и вступивъ въ обсохшую уже полосу равнины, мы вновь принуждены были остановиться на часъ—другой. На этотъ разъ насъ задержалъ горный

потокъ, пришедшій валомъ съ сѣвера. По спаденіи этихъ горныхъ водъ, мы кое-какъ добрались до передового каменистаго выступа или холма Эрдэни-обо и здѣсь при «Драгоценномъ источникѣ» могли удобно расположиться и высушить походныя принадлежности.

Сосѣдняя кумирня Дуланъ-хитъ успѣла подремонтироваться и выглядѣла несравненно лучше нежели то было при нашемъ первомъ ея посѣщеніи. Какъ ламы, такъ и простые обитатели-монголы относились къ экспедиціи весьма любезно и предупредительно. Тангуты же, случайно проѣзжавшіе по долинѣ, къ намъ почти не заглядывали; съ этими своенравными кочевниками, въ большинствѣ случаевъ, намъ не удавалось заводить дружескихъ отношеній. На мой вопросъ къ монголамъ: «почему тангуты сторонятся насъ?» —я всегда слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «оронгыны любятъ появляться въ видѣ непрощенныхъ гостей, а такихъ вы сами не жалуете».

На утро, распрощавшись съ цайдамскими проводниками, мы не безъ труда подняли нашъ караванъ и двинулись къ озеру Цаганъ-нору. Наиболѣе отраднымъ уголкомъ послѣдняго, можно считать сѣверный берегъ, гдѣ у подножья красно-гранитныхъ скалъ выбѣгаетъ студеный, прозрачный ключъ, орошающій прізерный лугъ. На этомъ ключѣ мы дважды располагались бивакомъ—въ передній и обратный путь. Въ обоихъ случаяхъ кочевниковъ мы здѣсь не видѣли, хотя, судя по слѣдамъ, они проживали на озерѣ незадолго до нашего послѣдняго прихода. На тихой поверхности Цаганъ-нора держалось значительное количество горныхъ гусей и утокъ; затѣмъ, часто раздавались голоса турпановъ, ютившихся обособленными семьями; вдоль береговъ проносились зуйки, кулики-улиты и песочники; по выступамъ скалъ сидѣли орланы, вблизи которыхъ монотонно ворковали каменные голуби; среди бивака, на камняхъ, доврчиво усаживались чекканы, краснохвостки, удоды; высоко, у карнизовъ, витали горныя ласточки, съ громкимъ щебетаніемъ нападавшіе на рыжихъ соколовъ.

Обогнувъ, ближайшіе къ восточному берегу озера горные мысы, экспедиція, вскорѣ затѣмъ, прибыла въ долину озера Далай-дабасу. Въ этой долинѣ мы устроили дневку, въ цѣляхъ пріобрѣтенія нѣсколькихъ штукъ верблюдовъ. Недоврчивые монголы, съ сердитымъ начальникомъ во главѣ, вначалѣ были очень не сговорчивы, но затѣмъ смирились и, продавъ намъ трехъ вер-

блюдовъ, стали нерѣдко заглядывать въ нашъ лагерь. Отъ монголовъ мы узнали любопытную исторію, что будто бы ихъ сосѣди тангуты, желая поскорѣе избавиться отъ монголовъ, начинаютъ надоѣдать послѣднимъ ежедневными массовыми посѣщеніями ихъ жилищъ подъ видомъ «гостей». По словамъ монголовъ, тангутскіе визиты крайне непріятны и они волей-не волей очень часто дѣйствительно перебираются на новыя мѣста.

Въ послѣднее время пребыванія экспедиціи въ долинѣ соленого озера погода значительно улучшилась: настали ясные, теплые дни, хотя по ночамъ температура спускалась до трехъ градусовъ ниже нуля; воздухъ былъ замѣчательно прозраченъ и давалъ возможность любоваться небомъ днемъ и ночью. Въ горахъ, на значительной высотѣ надъ моремъ, чистота и интенсивность небесной лазури бывають таковы, что можно въ теченіе цѣлыхъ часовъ безмолвно смотрѣть и восхищаться обаятельною прелестью неба. Не менѣе прекрасны въ этой долинѣ бывали и вечера, озаряемые мягкимъ луннымъ свѣтомъ, разливавшимся по озерной глади и вершинамъ сосѣднихъ горъ. Нашъ бѣлый шатеръ пронизывался не только блескомъ луны, но даже блескомъ другихъ планетъ и крупныхъ звѣздъ. Съ вечера, погружившись въ думы, невольно смотришь на яркія точки свѣтилъ, медленно плывущихъ въ пространствѣ отъ одного конца горизонта къ другому. По ходу планетъ и звѣздъ мы отсчитывали ночное время, не прибѣгая къ часамъ. Въ ясныя ночи наши часовые, подобно мѣстнымъ кочевникамъ, часто также руководствовались положеніемъ на небѣ созвѣздія Большой Медвѣдницы, чтобы въ свое время поднять на ноги би-вакъ.

На утренней зарѣ караванъ обыкновенно выступалъ въ путь; косые лучи солнца вначалѣ освѣщали лишь вершины горъ, и только значительно позднѣе—открытыя части долинъ. Зеркальная поверхность озера одинаково красиво отражала какъ отдаленные могучіе вѣнцы горъ, такъ и небольшіе предметы, въ родѣ верблюдовъ и лошадей, пасшихся или проходившихъ въ караванѣ вблизи озера.

Въ такую прекрасную погоду, семнадцатаго августа, намъ удалось подняться на хребетъ Южно-кукунорскій и съ его сѣдловины—Цзагостѣнь-котуль—увидѣть Куку-норъ или голубое озеро. Правда, на этотъ разъ сѣровая окраска воды далеко не оправдывала монгольскаго названія, тѣмъ не менѣе общій видъ озера былъ

величественно прекрасенъ. За крутымъ сѣвернымъ склономъ Южно-кукунорскаго хребта широкою гладью разстилалась его блестящая поверхность, на которой рѣзко выдѣлялись полуострова и острова, въ особенности большой или главный островъ—Куйсу, гдѣ имѣется небольшая кумирня и проживаютъ ламы. Противоположный же берегъ озера, казалось, сливался съ облаками, утопавшими въ волнахъ Куку-нора.

Кочевыхъ тангутовъ мы встрѣтили на южномъ склонѣ хребта, куда они перебрались съ сѣвернаго незадолго до нашего прихода. Своими черными палатками тангуты тѣснились вдоль караванной дороги и одинъ за другимъ гордо подѣзжали къ нашему каравану, назойливо приставая съ разспросами. Огромныхъ псовъ, озлобленно бросавшихся на нашъ караванъ, въ особенности на собаку, тангуты не только не удерживали, но даже еще болѣе натравляли, на наши же замѣчанія этого не дѣлать, они зло смѣялись. Волей-неволей пришлось застрѣлить нѣсколькихъ тангутскихъ собакъ и тѣмъ обезпечить спокойное дальнѣйшее движеніе какъ среди этихъ тангутовъ, такъ еще болѣе среди тѣхъ изъ нихъ, которые кочевали на лучшихъ кукунорскихъ пастбищахъ.

Въ слѣдующіе четыре дня и перехода, съ 18-го по 21-е августа, экспедиція, оставивъ ущелье пройденныхъ горъ и взявъ направленіе къ востоку, прошла вдоль всего южнаго берега Куку-нора. Слева разстилалась голубая поверхность озера, нерѣдко пестрѣвшая высокими серебристыми волнами, глухо разбивавшимися о песчано-глинистые берега. Попутный вѣтеръ приносилъ запахъ озерной воды, надъ которой точками мелькали чайки, крачки, сѣрая цапля или длинной вереницей проносились утки, гуси, бакланы и другія плавающія пернатые. Справа тянулись горы, имѣвшія довольно однообразный характеръ. На всемъ пути имѣлись богатѣйшія пастбища, и остановки каравана можно было производить чуть не при первомъ желаніи. Нашъ проводникъ монголъ, съ грустью вспоминая былое, показалъ намъ между прочимъ полуостровъ или мысъ «Волчій загонъ», гдѣ когда-то его собратья на рѣзвыхъ коняхъ истребляли волковъ и вообще свободно носились отъ одного монгольскаго стойбища къ другому.

Въ теченіе первыхъ трехъ дней пути по берегу Куку-нора мы часто видѣли островъ Куйсу, а въ первые два дня кромѣ того и небольшой скалистый островокъ, расположенный къ юго-западу отъ главнаго и отстоящій въ десяти приблизительно верстахъ

разстоянія отъ южнаго берега. Главный островъ всего рельефнѣе намъ представлялся въ бинокль, конечно, при наибольшемъ къ нему приближеніи, и при болѣе удачномъ боковомъ освѣщеніи солнцемъ; этотъ островъ походилъ на военный корабль, если смотрѣть на него въ профиль; своею южною стороною Куйсу круто обрывался къ водѣ, въ которой совершенно терялись оба крыла острова. На плоской вершинѣ послѣдняго замѣтно было искусственное сооруженіе въ родѣ домика или кумирни. Испытавъ пригодность небольшой брезентно-пробковой лодки при плаваніи по альпійскимъ озерамъ, я въ слѣдующій разъ не отказался бы включить въ снаряженіе экспедиціи подобную же лодку, но только нѣсколько иного типа, и на которой можно было бы поплавать по обширному бассейну Куку-нора.

Двадцать второго августа, экспедиція поднялась на переваль Нара-сарэнъ-котуль, имѣющій 11.600 футовъ надъ моремъ. Покидая замкнутый внутренній бассейнъ, мы вступили во внѣшній. Съ вершины перевала въ западномъ направленіи можно было бросить прощальный взглядъ на Куку-норъ, красиво разстилавшійся своею темно-голубою поверхностью, на которой островъ Куйсу представлялся небольшимъ желтовато-сѣрымъ пятномъ, дрожавшимъ въ вибраціи воздуха.... На востокъ громоздился сонмъ горъ восточнаго Нань-шаня, скрывавшаго въ своихъ многочисленныхъ складкахъ впереди лежащія культурныя долины.

Тангуты ютились у самаго перевала, выше и ниже дороги, змѣею извивающейя по мягкому луговому скату, испещренному свѣтлыми ручейками. По мѣрѣ того, какъ мы спускались, горизонтъ сокращался, въ воздухѣ чувствовалось значительно теплѣе, населеніе увеличивалось, кочевники смѣнялись земледѣльцами. Дорога все болѣе оживлялась китайцами, тангутами и помѣсью тѣхъ и другихъ, такъ называемыхъ донгэр-ва, свободно владѣющихъ обоими языками. По сторонамъ дороги радовали глазъ полосы созрѣвшаго хлѣба—ячменя, пшеницы, овса—который уже начали убирать. Работа спорилась у трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, пріѣзжавшихъ обыкновенно на поля семьями и сопровождавшихъ свое любимое занятіе звонкой, монотонной пѣсенкой. Какой рѣзкій контрастъ въ природѣ и людяхъ на разстояніи всего лишь пятидесяти—шестидесяти верстъ! Послѣ пребыванія въ пастушеской странѣ было пріятно видѣть добродушныхъ селяковъ, смѣло и съ улыбкой спрашивавшихъ насъ: «куда идете?»—взамѣнъ, на-

примѣръ, кукунорскихъ номадовъ, которые косо, исподлобья смотря на тѣхъ же самыхъ людей, удирали безъ оглядки. Не вѣрилось, что мы уже близки къ жизни, напоминавшей собою и нашу, все еще далеко отстоявшую родину.

Двадцать четвертаго августа, въ десять часовъ утра, мы вступили въ долину Донгэрской рѣчки и удобно расположились лагерь въблизи южной стѣны города Донгэра. Населеніе словно по сигналу высыпало на берегъ рѣки, на крыши, чтобы позвѣвать на пришлыхъ людей. Къ чести донгэрцевъ, они вели себя замѣчательно учтиво и послушно и въ теченіе двухъ сутокъ, проведенныхъ здѣсь экспедиціей, у насъ съ туземнымъ населеніемъ не произошло никакихъ непріятностей, наоборотъ, были самыя дружжелюбныя отношенія и не только въ Донгэрѣ, но и въ остальныхъ населенныхъ пунктахъ; расположенныхъ вдоль нашего пути по восточному Нань-шаню.

Донгэрскія власти оказались такими же предупредительными и вѣжливыми, какъ и все мѣстное населеніе: выслали чиновниковъ для встрѣчи экспедиціи и заранѣе позаботились отводомъ ей казенныхъ пастбищъ. Съ утра до вечера на нашемъ бивакѣ толпились продавцы хлѣба, яицъ, зелени; изрѣдка показывались и женщины, и дѣвушки съ воткнутыми цвѣтами. Обыкновенныя китайскія пшеничныя булки показались всѣмъ намъ вкуснѣе самыхъ изысканныхъ куличей или мелкихъ печеній, и мы съ волчьимъ аппетитомъ уничтожали ихъ въ огромнѣйшемъ количествѣ. Торговцы то и дѣло появлялись съ свѣжимъ хлѣбомъ, спѣша его сбыть не только за деньги, но и путемъ обмѣна на всѣ нужныя и ненужныя мелочи. Наши люди, положительно какъ школьники, съ радостнымъ смѣхомъ, бѣжали на встрѣчу булочникамъ и дѣлали запасы въ дорогу. Въ обыкновенное время, въ отрядѣ, ежедневно расходовался на продовольствіе цѣлый баранъ, теперь же благодаря обилію вкуснаго хлѣба, мы могли съѣдать только половину; къ тому же яйца и зелень наполняли и сильно разнообразили наше повседневное единственное общее для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, блюдо, заключавшееся въ бараньемъ мясѣ и сунѣ.

Тѣмъ временемъ изъ Синина возвратился В. О. Ладыгинъ, командированный еще изъ кукунорской долины. По свѣдѣніямъ, полученнымъ моимъ сотрудникомъ въ ямынѣ, въ Китаѣ продолжались сильныя беспорядки, войска раздѣлились на партіи, сильный билъ слабого; достаточно было неудовольствія между начальни-

ками, чтобы у подчиненныхъ завязался настоящій бой. Народъ ропталъ на массовыя казни столичныхъ сановниковъ и открыто радовался, что дядя богдыхана, опальный принцъ Тунъ, избѣжалъ смерти, скрывшись въ алатанской пустыни. Миссіонеры изъ страны изгнаны. Въ городахъ замѣтно большое раздраженіе вообще по адресу евронейцевъ, не пощадившихъ даже дворцовъ и храмовъ и смѣло накладывавшихъ руку на все цѣнное. Къ общему погрому примкнули и китайскіе солдаты, которые, сбросивъ форму, превратились въ торговцевъ, развозя награбленное по окраинамъ. Противъ нашей экспедиціи мѣстные китайцы ничего не имѣли, по крайней мѣрѣ, такъ сказали адъютанты Цинъ-цайя г. Ладыгину, замѣтивъ, однако, что экспедиціи слѣдуетъ быть крайне осторожной.

Утромъ, 26-го августа, экспедиція, раздѣлившись на двѣ партіи, оставила Донгэръ. Караванъ, во главѣ съ А. Н. Казнаковымъ, двинулся прямымъ путемъ въ монастырь Чойбзэнъ, я же налегкѣ въ сопровожденіи лишь В. О. Ладыгина, Бадмажанова и Бѣляева, направился въ Синицъ. Моя поѣздка мотивировалась желаніемъ повидаться съ Цинъ-цайемъ и лично принести ему благодарность за услуги, оказанныя имъ экспедиціи.

Для большаго удобства въ пути, я съ своими спутниками отправился верхомъ на наѣмныхъ лошадяхъ. Облачное небо и періодически перепадавшій дождикъ способствовали улучшенію нашего движенія по большой дорогѣ, пролегавшей вдоль береговъ Сининской рѣки. Послѣдняя бѣшено неслась по галечному крутому ложу, въ особенности въ мѣстахъ наибольшаго сближенія сопровождающихъ ее горныхъ уваловъ. По скату праваго берега красиво поднимался березовый лѣсъ, лѣвый же берегъ былъ почти сплошь укрытъ кустарниками и травами. Въ расширеніяхъ долины волновались пожелтѣвшія поля хлѣба. По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія, горы отошли въ сторону, долина раздвинулась на нѣсколько верстъ. Наблюдателю открылось сплошное земледѣльческое населеніе; поля, мѣстами наполовину сжатая, красиво поднимались на плоскія сопки; самый путь кромѣ того разнообразился китайцами, донгэр-ва, дунганями, ѣхавшими или направлявшимися пѣшкомъ въ ту или другую сторону. Тамъ и сямъ по дорогѣ стояли селенія, постоянные дворы или небольшія лавчонки, въ которыхъ дремали лѣнливые и апатичные курильщики опиума; разносчики и продавцы пельменей громко стучали въ свои торговые ба-

рабаны; по улицамъ селеній важно расхаживали куры, свиньи и маленькія курносенькія китайскія собачки, часто украшенныя гремящими ошейниками. Общее пріятное впечатлѣніе нѣсколько омрачалось многими развалинами селеній, не успѣвшихъ еще возродиться послѣ грознаго мятежа магометанъ.

Приблизительно на половинномъ разстояніи пути, мы перебрались по мосту на правый берегъ рѣки, по которому пришлось слѣдовать до самаго Синина. Неподалеку отъ этого города, начавшаго обрисовываться своими шаблонными крѣпостными стѣнами, мы проѣзжали вдоль холмовъ, расположенныхъ на открытой равнинѣ. Согласно преданію, холмы эти нѣкогда спасли Сининъ отъ непріятели, осаждавшаго городъ съ запада. Находчивый комендантъ прикрылъ искусственные холмы печенымъ хлѣбомъ и тѣмъ будто бы отвлекъ вниманіе врага, замѣтившаго: «Сининъ изморомъ не возьмешь, его гарнизонъ располагаетъ цѣлыми горами хлѣба».

У западной крѣпостной башни, превосходно выложенной изъ сѣраго камня, мы переправились черезъ быструю, довольно многоводную рѣчку, впадающую недалеко отсюда въ Сининъ-хэ, и вошли арочнымъ входомъ въ городъ. Нѣсколько солдатъ, стоявшихъ на башнѣ, тупо бессмысленно глядѣли изъ-за бойницъ въ нашу сторону. Но зато большое любопытство было сосредоточено на насъ при вступленіи въ узкія, многолюдныя торговыя улицы, гдѣ тотчасъ образовалась толпа досужихъ зѣвакъ, послѣдовавшихъ за нами. У купцовъ, сидѣвшихъ за прилавками магазиновъ, вытягивались фізіономіи и они на время забывали свое дѣло; многіе почему-то громогласно считали насъ по головамъ, не стѣсняясь указывать пальцемъ. Мальчишки забѣгали впередъ, толпились, сбивали другъ друга съ ногъ и задерживали встрѣчныхъ, упрямые ослики становились поперекъ дороги, громко орали, заставляя спрыгивать сѣдоковъ,—словомъ, обычная городская картина, наблюдая которую мы незамѣтнымъ образомъ прибыли къ торговому дому Цянь-тай-мао. Послѣ нѣкотораго смущенія и нерѣшительности, приказчики открыли ворота и впустили во дворъ моихъ людей и лошадей, я же съ Ладыгинымъ прошелъ черезъ магазинъ въ помѣщеніе купцовъ, которые заранѣе отвели для насъ двѣ комнаты. Сопровождавшій насъ купецъ шепнулъ на ухо моему сотруднику, что онъ опасается за нашу безопасность: «толпа возбуждена, страсти ея могутъ возгорѣться при малѣйшей нетактичности съ нашей стороны, вѣдь народъ не можетъ забыть, что вы,

европейцы, принудили богдыхана оставить столицу и бѣжать чуть не пѣшкомъ внутрь страны». Позднее вечернее время заставило однако зѣвакъ скоро разойтись, а нашихъ купцовъ успокоиться и приготовить для насъ ужинъ, а затѣмъ, оставить насъ въ покоѣ.

На утро, приведя себя въ порядокъ, мы отправились съ визитами, о чемъ В. О. Ладыгинъ уже успѣлъ предупредить Цинъ-цайя и другихъ главныхъ должностныхъ лицъ Синина. Средствомъ передвиженія я избралъ китайскую закрытую телѣжку, внутри которой мнѣ можно было спрятаться отъ любопытныхъ глазъ; снаружи же усаживался В. О. Ладыгинъ, свободно переносившій всякую уличную толпу въ Китаѣ. Первый, къ которому мы поѣхали съ визитомъ, былъ Цинъ-цай-Банъ-ши-да-чень, бывшій сыланъ инородческаго приказа, родомъ маньчжуръ—Ко-пу-гун-и. Невысокаго роста, коренастый, округлый съ небольшими темными глазами и здоровымъ лицомъ, онъ производилъ хорошее впечатлѣніе. Послѣ обычныхъ привѣтствій Цинъ-цай утонченно поблагодарилъ за подарокъ, а затѣмъ съ улыбкою началъ выражать свой восторгъ по поводу моего благополучнаго возвращенія изъ Тибета.— «Вы такой жизнерадостный, энергичный, счастливый, что глядя на васъ самъ молодѣешь душою; я только отчасти могу представить себѣ тѣ невзгоды, трудности и лишенія, какія вы переносили непрерывно въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ; вы вышли изъ всего побѣдителемъ и привезли съ собою научныя драгоценности, и какъ теперь я искренно радъ, что вы вернулись здоровыми и невредимыми. Въ ваше отсутствіе я получилъ нѣсколько депешъ, одна тревожнѣе другой; и въ Россіи, и въ Китаѣ считали вашу экспедицію погибшей. По возвращеніи же моихъ посланныхъ изъ Цай-дама, доставившихъ мнѣ отрадныя извѣстія, я тотчасъ телеграфировалъ о томъ въ Пекинъ. Въ настоящее время, вѣроятно, и ваша родина радуется за ваше благополучное странствованіе и смѣло надѣется на таковое же возвращеніе». Далѣе разговоръ перешелъ къ самому путешествію; Цинъ-цай очень интересовался восточнымъ Тибетомъ и племенами его населяющими. Съ своей стороны я коснулся было современной политики Китая по отношенію къ европейскимъ государствамъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, Банъ-ши-да-чень искусно перешелъ на другую тему:— «васъ, вѣроятно, ожидаютъ въ Россіи почетныя награды!» Поблагодаривъ Цинъ-цайя еще разъ за его предупредительность и любезность, много

разъ проявленныя какъ къ экспедиціи, такъ и ко мнѣ лично, я отправился къ дао-тайю или губернатору. Во дворѣ и за дворомъ меня сопровождала многочисленная толпа, державшая себя крайне прилично.

Дао-тай тоже маньчжуръ, переведенъ въ Сининъ изъ Кульджи, гдѣ занималъ подобную же должность. Въ Кульджѣ онъ былъ хорошо знакомъ съ покойнымъ В. М. Успенскимъ и прочими членами російскаго консульства. Представительный, молодцоватый дао-тай тѣмъ не менѣе выглядѣлъ крайне опечаленнымъ; причиною этой печали, по признанію самого хозяина, было то, что у него въ Пекинѣ, во время разгрома, безъ вѣсти пропала шестнадцатилѣтняя красавица дочь... Справившись съ собой дао-тай сталъ забрасывать меня вопросами о путешествіи, о дикихъ племенахъ Тибета, о нашихъ съ ними стычкахъ; между прочимъ его занимали и такого рода вопросы: много ли осталось въ Тибетѣ мѣстъ еще не изслѣдованныхъ, доволенъ ли я самъ географическими новостями и всякаго рода научными коллекціями, собранными экспедиціей, скоро ли я отправлюсь въ новое путешествіе и многіе другіе въ этомъ родѣ. Въ заключеніе губернаторъ замѣтилъ: «слава Богу, что вы возвратились съ честью и со славой; и ваше, и наше государства гордятся подобными людьми, а все-таки, на будущее время, избѣгайте такихъ дикихъ мѣстъ». Во время продолжительнаго разговора за неизмѣннымъ чаемъ, любезный дао-тай извинялся, что не можетъ насъ угостить шампанскимъ, которое онъ любить и къ которому его пріучили русскіе знакомые. Затѣмъ, онъ предложилъ моему сотруднику коробочку папирозъ; видя, что тотъ съ жадностью набросился на нихъ и сталъ уничтожать одну папиросу за другою, онъ принесъ еще нѣсколько коробочекъ и принудилъ Ладыгина взять и эти. Самъ хозяинъ отъ времени до времени покуривалъ изъ китайскаго кальяна, художественно отдѣланнаго разноцвѣтной эмалью въ соединеніи съ бирюзой и бронзой. Въ пріемной губернатора, какъ и въ пріемной Цинъ-цайя, стоялъ его многочисленный дворъ—адъютанты, чиновники, различные низшіе служащіе и обыкновенная публика; впрочемъ, послѣдняя и большинство низшихъ служащихъ помѣщались главнымъ образомъ во дворѣ. Со двора же, въ бумажныя отверстія оконъ, смотрѣло также не мало глазъ женщинъ изъ семьи дао-тайя и доносился ихъ мягкій, пріятный голосъ.

Разставшись съ дао-тайемъ, мы черезъ четверть часа были у

чжень-тайя, командующаго войсками сининскаго гарнизона. По слухамъ, чжень-тай состоялъ виднымъ членомъ анти-европейскаго общества «гэ-лаогуй» или «Общество братьевъ», что не мѣшало ему быть по отношенію къ намъ не только корректнымъ, но даже изысканно-вѣжливымъ и гостепріимнымъ. Несмотря на свои немолодые годы, чжень-тай выглядѣлъ очень хорошо: держался ровно, ходилъ скоро. Громкій голосъ и величавая осанка изобличали въ немъ настоящаго командира. Послѣ того какъ мы попривѣтствовали другъ друга, командующій войсками поинтересовался знать, къ какой я принадлежу національности; послѣдующій же разговоръ былъ приблизительно тотъ же, что и прежде. Къ удовольствію обоихъ насъ, у меня съ чжень-тайемъ оказался общій знакомый—бельгіецъ Paul Spingardt, состоявшій на китайской службѣ въ Су-чжоу, о которомъ чжень-тай вспоминалъ, какъ о своемъ искреннемъ другѣ, скорбя, что его жена съ частью многочисленныхъ дѣтей находится теперь въ крайне тяжеломъ состояніи; самъ же Сплингардъ въ это время пребывалъ гдѣ-то въ восточномъ Китаѣ. Передъ отъѣздомъ чжень-тай пригласилъ насъ къ себѣ на послѣзавтра на обѣдъ.

Впереди предстояло намъ еще два визита къ младшимъ лицамъ мѣстной администраціи, заѣхавъ къ которымъ, мы поспѣшили домой; признаться я сильно усталъ въ необычной обстановкѣ и по пріѣздѣ къ себѣ на квартиру тотчасъ сбросилъ парадное одѣяніе, облекся въ лѣтнюю тужурку и вышелъ во дворъ подышать воздухомъ. Дворъ нашихъ хозяевъ отличался опрятностью, значительная его часть имѣла досчатую настилку; у одной изъ сторонъ двора красовались клумбы свѣжей зелени и яркихъ цвѣтовъ. Огромный песь лѣниво лаялъ съ верхней галлеріи, откуда онъ спускался по ночамъ внизъ, для несенія сторожевой службы. На крышѣ дома рѣзвилось множество голубей, одни взвивались и улетали, другіе, съжившись въ комочекъ, сидѣли неподвижно, третьи громко ворковали, два же самыхъ красивыхъ сизо-розовыхъ голубя такъ озлобленно дрались, что не замѣтили, какъ ихъ общій врагъ—кошка, стремительно бросившись, схватила одного изъ нихъ и чуть-чуть не задушила, если бы во-время не подоспѣлъ мѣткій ударъ, заставившій кошку моментально бросить голубя и бѣжать безъ оглядки. Освобожденный голубь вспорхнулъ и полетѣлъ, оставивъ за собой не мало перьевъ, медленно падавшихъ на землю.

На слѣдующій день, 28-го августа, я принималъ у себя синин-

скихъ представителей; старшіе изъ нихъ жаловали ко мнѣ въ паланкинахъ, младшіе пріѣзжали въ телѣжкахъ или просто верхомъ на отличныхъ иноходцахъ, убранныхъ богатыми сѣдлами. Каждого изъ китайскихъ чиновниковъ сопровождала болѣе или менѣе многочисленная свита, имѣвшая въ хвостѣ не мало праздныхъ добровольцевъ. Въ общемъ разговоръ былъ тотъ же, что и вчера съ незначительнымъ лишь дополненіемъ, касающимся жизни самихъ чиновниковъ на этой окраинѣ.

Наканунѣ оставленія Синина, въ два часа дня, мы отправились на званый обѣдъ къ чжень-тайю. Толпа, ориентировавшаяся по извозчику, заблаговременно собралась сопровождать нашъ экипажъ, по какъ и прежде, она была крайне сдержана: за все время мы ни разу не слышали по нашему адресу ея обычнаго въ такихъ случаяхъ эпитета—«ян-гуйцзэ», т. е. «заморскій дьяволъ». Подѣхавъ къ дому чжень-тайя и миповавъ его нервыя двое воротъ, мы вышли изъ тряской телѣжки и послѣдовали пѣшкомъ въ третьи ворота, за которыми уже увидѣли предупредительнаго чжень-тайя, окруженнаго блестящей свитой. Послѣ привѣтственныхъ рукопожатій, мы направились въ тѣсной компаніи подъ звуки китайскаго оркестра въ большую, открытую съ боковъ, столовую, расположенную напротивъ домашняго театра. Въ столовой мы были представлены четверемъ сослуживцамъ командующаго войсками, принимавшимъ участіе въ званомъ обѣдѣ. Большой круглый столъ былъ уже уставленъ всевозможными, исключительно, китайскими яствами, помѣщавшимися въ многочисленныхъ—большихъ и малыхъ, высокихъ и низкихъ—чашечкахъ. Хозяинъ учтиво сдѣлалъ знакъ гостямъ приблизиться къ отдѣльному столу съ закуской. Приглашенная компанія чинно повиновалась и каждый изъ гостей, взявъ по маленькому блюдечку сладкаго, принялся кушать; затѣмъ сѣли за обѣденный столъ. Мнѣ было отведено почетное мѣсто, во главѣ стола; прочіе гости размѣстились согласно ихъ служебному рангу, и, наконецъ, самъ хозяинъ занялъ стулъ, стоявшій нѣсколько поодаль отъ прочихъ, не имѣя у себя *vis-à-vis*.

Первая часть обѣда длилась около двухъ часовъ; сколько подавалось блюдъ трудно сказать, но думаю около тридцати или сорока. Послѣ cadaго блюда хозяинъ дома поднималъ маленькую фарфоровую чарочку, наполненную подогрѣтымъ виномъ, и обводя глазами гостей, призывалъ ихъ то же самое сдѣлать, чтобы одновременно всѣмъ осушить чарочки. Большинство блюдъ были очень

вкусныя, какъ и вообще обѣдъ, и съ китайской точки зрѣнія, по заключенію В. Θ. Ладыгина, не оставлялъ желать ничего лучшаго, хотя, конечно, чжень-тай извинялся за «скромное» содержаніе блюда, ссылаясь на отдаленность приморскихъ городовъ, въ которыхъ только и можно достать тонкія гастрономическія принадлежности китайской кухни. Не только гости китайцы, но и я съ своимъ сотрудникомъ были усердно заняты ѣдою, во время которой вообще у китайцевъ не принято много разговаривать; по выходѣ же изъ-за стола, въ теченіе четверти часа, у гостей шель оживленный разговоръ. Сосѣдъ по столу В. Θ. Ладыгина, испитой, худой, желчный китаецъ убѣдительно просилъ моего сотрудника добыть ему лѣкарства или указать иной способъ избавиться отъ куренія опиума, въ конецъ разрушившаго его организмъ. Вторая или заключительная часть обѣда прошла сравнительно скоро; сонныя, раскраснѣвшіяся лица гостей свидѣтельствовали объ ихъ желаніи отправиться по домамъ и отойти на часъ—другой въ область Морфея. Необходимо добавить, что въ продолженіе обѣда на театральнѣй сценѣ или различныя представленія и игралъ смѣшанный оркестръ; костюмы и гримъ были очень интересные. Всѣ актеры—мужчины; женскія роли избираютъ молодые китайцы, имѣющіе женственныя лица и умѣющіе подражать женщинамъ какъ манерами, такъ и голосомъ. Больше всѣхъ привлекалъ вниманіе гостей красивый, изящный мальчикъ и, какъ актеръ, казался несравненнымъ, въ особенности въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ дѣйствія: его красота и плавность движеній были просто очаровательны, какъ очаровательна и самая игра, привыкшаго къ похваламъ красавца-мальчика. Въ антрактахъ, гости посылали актерамъ денежные подарки, за что послѣдніе прибѣгали просить указаній на послѣдующія темы.

Званный обѣдъ видимо вполне удался; по крайней мѣрѣ на лицѣ хозяина сіяла неподдѣльная улыбка.

Пріютившіе насъ китайцы-купцы были очень рады нашимъ превосходнымъ отношеніямъ съ сининской администраціей. Отъ начала до конца они оказывали всѣмъ намъ полное вниманіе и постоянную готовность служить интересамъ экспедиціи. Правда, китайцы пользовались случаемъ нажать съ насъ отъ продажи для экспедиціи различныхъ предметовъ, кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду получить, и дѣйствительно получилъ, на память о пребываніи русскихъ какую-нибудь вещицу. Само собою разу-

мѣется, что представители власти въ Сининѣ были своевременно надѣлены соответствующими ихъ положенію подарками.

На этомъ и окончилось наше пребываніе въ Сининѣ. Мнѣ стало недоставать моей экспедиціонной семьи, которая теперь уже бивакировала подлѣ монастыря Чойбзэнъ, отстоявшаго въ 50—60 верстахъ къ сѣверу, и мы стали энергично собираться въ дорогу. Багажа у насъ теперь набралось порядочно и мы наняли четыре парныхъ телѣжки, запрягаемыя лошадьми или мулами. Въ качествѣ проводниковъ предупредительный чжень-тай прислалъ мнѣ почетный эскортъ въ нѣсколько человѣкъ солдатъ съ офицеромъ во главѣ.

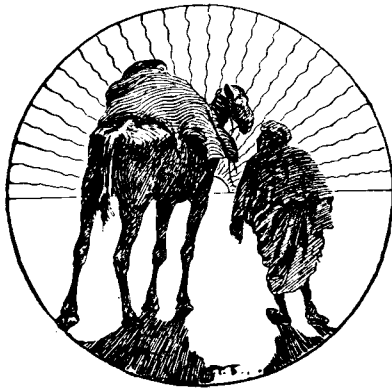
Раннимъ утромъ, 30-го августа, мы оставили большой шумный городъ, расположенный въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ праваго берега рѣки Сининъ-хэ, черезъ которую намъ пришлось переправиться въ бродъ въ виду самаго Синина. Означенная рѣка стремительно катила свои сѣрыя волны въ восточно-юго-восточномъ направленіи, дробясь на три главныхъ и еще на большее число второстепенныхъ рукавовъ. Падавшіе въ горахъ дожди значительно повысили уровень рѣки, и наши телѣжки погружались до самыхъ сидѣній, т. е. на глубину трехъ футовъ. Сильныя животныя, привычныя къ подобнаго рода переправамъ, прошли черезъ рѣку вполне благополучно. Дальнѣйшее наше движеніе шло вверхъ по правому берегу Синченской рѣчки, впадающей въ Сининъ-хэ слѣва, противъ самаго города Синина.

Около полудня съ сѣверо-запада пришла мрачная грозовая туча, въ воздухѣ пахнуло свѣжестью; позднѣе стали доноситься тяжелые раскаты грома и чаще засверкала змѣеобразная молнія; по крышѣ телѣжки забарабанили крупныя капли дождя. Китайскіе селяки, оставивъ поля, спѣшили по домамъ. Въ послѣдующіе полчаса туча развернулась по всему видимому небосклону и полилъ мелкій дождь, словно сквозь сито. Къ счастью, мы уже достигли пригорода Синъ-чена и въ первомъ заѣзжемъ домѣ пріютились на ночевку.

Дождь продолжалъ падать не только въ продолженіе ночи, но и въ продолженіе слѣдующаго утра, когда мы, оставивъ Синъ-ченъ и его живописныя горы, по вершинамъ которыхъ красовались маленькія пагоды, направились въ сторону отъ рѣчки, въ боковое второстепенное ущельице, постепенно выведшее насъ на вершину понеречныхъ горъ, за которыми располагался Чойбзэнъ. Съ плоской луговой вершины, дѣйствительно, открылся видъ на чойбзэн-

скую долину и на тѣ холмы, надъ которыми блестяла золотая крыша чойбзэнскаго храма и подлѣ которыхъ располагался экспедиціонный бивакъ, рѣзко выдѣлявшійся своими бѣлыми шатрами. Еще часъ—другой нетерпѣливаго медленнаго движенія по крутому склону, поросшему густымъ кустарникомъ, и мы были среди своего роднаго кружка.

П. Козловъ.

Въ поѣздѣ.

Когда вдали твой образъ исчезаль,
Меня такъ бѣшено мой поѣздъ мчалъ,
Какъ будто бы желаніемъ однимъ
Онъ властно былъ охваченъ и гонимъ—
Отъ сумерекъ, сгущавшихся надъ нимъ
Уйти туда, гдѣ изъ-за дальнихъ скалъ
Послѣдней лаской солнца лучъ свергалъ!...

И думалъ я, измученный, больной:
Напрасно ты спѣшишь, гигантъ стальной—
Порывъ души всегда тебя быстрѣй,
А вѣдь и онъ не могъ мечты моей
Умчать туда, гдѣ лучше и свѣтлѣй,
Опередивъ глубокій мракъ ночной,
Насъ окружавшій плотною стѣной!...

П. Ч.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Въ послѣднихъ четырехъ выпускахъ «*Journal des Sciences Militaires*» (15-го августа—1-е октября) съ большимъ интересомъ читается статья подполковника *Le Marchand*—объ «эволюціи войны». Несомнѣнно, что война, ея природа и формы, не изъяты изъ общаго мірового закона, какимъ является законъ объ эволюціонированіи всего живущаго въ мірѣ, всѣхъ видовъ и явленій жизни—законъ о постепенномъ, строго послѣдовательномъ ихъ измѣненіи. *Le Marchand* съ точки зрѣнія этого закона рассматриваетъ историческій смыслъ войны, ея правоспособность на существованіе въ жизни человѣческихъ обществъ и мѣстами съ чисто французскимъ остроуміемъ, не лишеннымъ парадоксовъ, но увлекательно, развиваетъ свою основную мысль о томъ, какъ должна переродиться война съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи человѣчества.

Авторъ принялся за изслѣдованіе эволюціи войны подъ вліяніемъ смерти *Molinari* и *Frédéric Passy*—двухъ французскихъ дѣятелей, страстно занимавшихся вопросами, связанными съ значеніемъ для народовъ войны и мира и съ средствами сдѣлать войну возможно рѣдкой въ жизни народовъ, если нельзя ее упразднить совсѣмъ.

Задачи, поставленныя себѣ обоими писателями, заставили автора остановиться на весьма интересномъ трудѣ *Molinari*, въ которомъ послѣдній доказываетъ, что послѣ извѣстнаго періода возвеличенія значенія войны, явленіе это, затѣмъ, перешло въ періодъ «*descente*» а,—упадка съ того момента, какъ оно обезпечило цивилизованные народы отъ нашествія варваровъ.

Если это вѣрно, то въ сущности войны, въ ея смыслѣ, нѣтъ божественнаго, вѣчнаго начала, столь же законнаго, какъ и сама жизнь на землѣ; можетъ, слѣдовательно, настать такая эпоха, когда войны не будетъ совсѣмъ.

Авторъ заявляетъ себя сторонникомъ этого послѣдняго взгляда и вмѣстѣ съ Molinari настойчиво протестуетъ противъ всякихъ мистическихъ теорій о природѣ войны. Однако не согласенъ съ нимъ насчетъ «упадка» войны въ переживаемую нами эпоху, такъ какъ цѣли войнъ далеко еще не завершились съ прекращеніемъ возможности для варваровъ вторгаться въ предѣлы цивилизованныхъ государствъ. Дальнѣйшая роль войнъ заключается въ борьбѣ цивилизованныхъ народовъ съ варварами.

Для выполненія этой задачи война должна измѣнить свою форму, характеръ, глубоко переродиться, т. е. война должна *видоизмѣниться*, съ ней произойдетъ дальнѣйшая эволюція. Авторъ ставитъ цѣлью своего труда изслѣдовать эту эволюцію, какъ съ точки зрѣнія технической, такъ и съ точки зрѣнія философской.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію того, какое мѣсто въ будущемъ займетъ война въ международныхъ отношеніяхъ, авторъ стремится развѣнчать ходячее, по его словамъ, въ мірѣ мнѣніе о неизбѣжности войны во всѣ времена, о божественности, слѣдовательно, ея существованія, «*que la guerre est d'institution divine*». Для доказательствъ, имъ приводятся мнѣнія Фенелона, Боскетта, Прудона и особенно много—изъ сочиненій Мольтке. Общій смыслъ тотъ, что, какъ въ медицинѣ пользуются веществами, представляющими по своей природѣ крайне опасные яды и служащими, однако, иногда исцѣляющими лѣкарствами, такъ и война въ жизни народовъ допустима лишь въ извѣстныхъ формахъ и въ строго опредѣленныхъ дозахъ. Поэтому, для примиренія требованій войны съ принципами, на которыхъ зиждется общественная, соціальная жизнь современныхъ государствъ, необходимо надлежащее національное воспитаніе. Общеизвѣстная поговорка, что подъ Садовой одержалъ побѣду прусскій школьный учитель, должна быть исправлена словами того же Мольтке, сказанными имъ позже въ рейхстагѣ: «это, собственно говоря, не школьный учитель, а, въ дѣйствительности, *воспитатель*, или, еще точнѣе, *le Stand*, т. е. умственное и нравственное состояніе, въ которомъ находилась нація, подъ воздѣйствіемъ обязательнаго національнаго воспитанія и общей воинской повинности, доставило Пруссіи побѣду».

Въ числѣ причинъ, обеспечивающихъ успѣхъ одной арміи надъ другой, въ первый рядъ должны быть выдвинуты: 1) матеріальное превосходство, достигаемое лучшимъ вооруженіемъ, и 2) моральное превосходство войскъ, которое пріобрѣтается убѣжденіемъ, что они сильнѣе своихъ враговъ.

Подъ Садовой прусская армія въ матеріальномъ отношеніи имѣла неопровержимое превосходство, обязанное игольчатому ружью, принятому Пруссіей еще въ 1841 г. Почему ни одна армія не послѣдовала ея примѣру вооружаться болѣе совершеннымъ оружіемъ? Вѣроятно по тѣмъ же причинамъ, по которымъ ружье, заряжаемое съ казенной части, отвергалось во французской арміи вплоть до 1866 г.

Считалось, что солдатъ израсходуешь очень быстро запасъ патроновъ и станетъ безоружнымъ. Авторъ говоритъ, что вплоть до 1865 г. «въ нашихъ военныхъ школахъ профессора не колеблясь намъ твердили, что войска, вооруженныя подобными ружьями, несомнѣнно могутъ считаться разбитыми заранѣе. Нужно поздравить себя, говорили они, съ тѣмъ, что нашъ артилерійскій комитетъ энергично сопротивляется въ теченіе ряда лѣтъ желанію вооружить нашихъ солдатъ подобнымъ ружьемъ, какъ хотѣлъ этого Наполеонъ III, лично весьма приверженный къ болѣе совершенному оружію».

«И знаете, что отвѣчали въ этихъ школахъ на замѣчанія молодыхъ слушателей о неубѣдительности упомянутого довода:—Но, господа, вы никогда не продѣлывали войны! Вы не знаете, что такое солдатъ? Когда онъ на полѣ сраженія, онъ стрѣляетъ, стрѣляетъ машинально и сколько можетъ, не справляясь съ тѣмъ, зачѣмъ и по комъ онъ стрѣляетъ. Когда же въ отвѣтъ на это была высказана необходимость вразумить солдатъ насчетъ свойствъ оружія и важности производства созидательной стрѣлбы, слѣдовало возраженіе, что солдата нельзя заставить что-либо понимать—on ne peut rien faire comprendre à un soldat!»

Только въ Пруссіи вѣрили въ ту пору, что солдатъ способенъ понять что-либо и это потому, что единственно въ этой странѣ существовало обязательное обученіе; ему, т. е. школьному учителю, прусская армія обязана тѣмъ матеріальнымъ превосходствомъ, которое вытекало изъ принятія игольчатого ружья.

То же самое и относительно нравственнаго превосходства. Полковникъ швейцарской службы Lescomte, авторъ труда объ австро-прусской войнѣ, рассказывалъ Le Marchand'у, что прежде чѣмъ написать свою книгу, онъ рѣшилъ объѣхать бывший театръ военныхъ дѣйствій, конечно, не теряя случаевъ побесѣдовать съ участниками кампаніи и, между прочимъ, услышалъ отъ одного прусскаго офицера такую рѣчь: «Видите ли, когда разразилась война съ Австріей, профессиональные прусскіе военные были увѣрены заранѣе въ успѣхѣ, зная напередъ, что стоитъ австрійская армія. Но не такъ были настроены наши солдаты, въ общемъ представлявшіе массу гражданскаго населенія. Въ ихъ глазахъ Австрія обладала еще крупнымъ престижемъ: она вѣдь была прямой наслѣдницей старой германской имперіи,

солдаты ея назывались «имперцами». Мы были въ правѣ опасаться, какъ бы эта идея не произвела, въ нѣкоторомъ родѣ подавляющаго дѣйствія на нравственное состояніе нашихъ солдатъ. Намъ нужно было выбить эту мысль изъ ихъ головъ».

«Вечеромъ, послѣ перваго столкновенія нашихъ войскъ съ австрійцами, удачнаго для насъ, я прошелся по биваку, чтобы использовать то счастливое настроеніе, въ какомъ были наши солдаты послѣ перваго успѣха. Подойдя къ первой же группѣ, я сказалъ солдатамъ: вотъ видите, ребята, австрійцы не многого стоятъ; надѣюсь, уже болѣе вы не будете ихъ бояться.... Наши солдаты уже успѣли поговорить съ плѣнными австрійцами, и потому я услышалъ такой отвѣтъ: «Помилюте, г. капитанъ, что же это за солдаты, эти австрійцы! большая часть ихъ даже не умѣетъ читать, не знаетъ исторіи своей страны, не понимаетъ причинъ, которыя вызвали войну! Если всѣ имперцы таковы, какъ эти, намъ не будетъ стоять большого труда съ ними скоро раздѣлаться....» Вотъ въ чемъ надо понимать значеніе прусскаго школьнаго учителя въ одержаніи пруссаками побѣды подъ Садовой. Побѣда нѣмцевъ таилась въ томъ *Stand*, въ томъ состояніи развитія нѣмцевъ, о которомъ говорилъ Мольтке: побѣда всегда будетъ принадлежать тому, кто болѣе развитъ умственно, той націи, которая болѣе образована, болѣе цивилизована, какъ говоритъ авторъ—«*par le pays le plus civilisé*». Отсюда выводъ, что война есть орудіе цивилизаціи противъ варварства, или что война имѣетъ цѣлью гарантировать безопасность цивилизованныхъ народовъ отъ покушеній варваровъ, понимая подъ послѣдними *государства съ низшими формами развитія и культуры*.

Можно было бы цѣлымъ рядомъ доказательствъ изъ исторіи всѣхъ временъ оспаривать правдивость этого положенія, но пока последуемъ далѣе за авторомъ: интересно прослѣдить логику доказательствъ его основной мысли о томъ, что война есть необходимое средство для защиты цивилизаціи отъ варваровъ и для насажденія ея среди нихъ.

Первыя войны противъ нашествія варваровъ носили преимущественно характеръ оборонительный. Стоитъ вспомнить китайцевъ, ихъ античную цивилизацію, которая стремилась отгородиться даже сплошными стѣнами для лучшаго обезпеченія себя отъ нашествія варваровъ. А затѣмъ, говоритъ авторъ, всякая наступательная война считалась всегда сопряженной съ большими расходами, между тѣмъ какъ прибыли отъ нея часто бывали сомнительными.

Не слѣдуетъ забывать, что и цивилизація, и варварство, имѣютъ разныя степени. Война, предпринятая противъ совершенно дикаго народа, не можетъ покрыть затраченныхъ расходовъ, а веденная противъ менѣе дикаго можетъ дать и выгоды. Различіе въ уровнѣ

цивилизациі двухъ народовъ можетъ стать причиной ихъ столкновенія подобно тому, какъ неравенство въ образованіи, воспитаніи приводитъ къ враждѣ и между отдѣльными людьми. Такимъ образомъ, средство защиты отъ враговъ—война—становилась постепенно орудіемъ для распространенія господства надъ другими народами и для завоеванія соблазнительныхъ областей.

Войны противъ варваровъ мало-по-малу замѣнились войнами между болѣе или менѣе одинаково цивилизованными націями, какъ наступательныя, такъ и оборонительныя.

Авторъ попутно съ эволюціей войны затрагиваетъ и многіе вопросы, связанные съ значеніемъ войны въ современной жизни народовъ. Такъ, онъ пытается выяснить, что собственно можетъ уменьшить шансы войны.

По словамъ извѣстнаго пассивиста Frédéric Passy, граждане каждаго государства исповѣдуютъ два долга: «на нихъ лежитъ долгъ защищать свою страну въ случаѣ войны, если она, къ несчастью, разразится; но они должны также защищать свою родину и противъ войны, если можно съ честью избѣжать ее». Почти всѣ войны происходили вслѣдствіе различія интересовъ и чувствъ между народами. Слѣдовательно, нужно стремиться устранить это различіе.

Одно изъ средствъ для этого, по мнѣнію того же Passy, заключается въ установленіи *принципа свободнаго обмѣна въ междуна-родной торговлѣ*. Этотъ принципъ можетъ, дѣйствительно, когда-нибудь объединить народы, нынѣ раздѣленные таможенными рубежами, подобно тому, какъ онъ уже имѣлъ случай примѣняться къ образованію многихъ нынѣ существующихъ государствъ. Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ во Франціи, предпринятое при Кольберѣ и законченное революціей, объединило окончательно французскія провинціи, оставшіяся до того времени часто враждебными между собою. Позже мы видимъ таможенный союзъ—*Zollverein*—различныхъ нѣмецкихъ государствъ, предшествовавшей ихъ политическому объединенію. То же могло бы быть продолжено и дальше въ смыслѣ устраненія таможенныхъ перегородокъ между государствами европейскаго континента.

Съ другой стороны, въ смыслѣ духовномъ, нужно отдать отчетъ, въ чѣмъ заключается смыслъ истиннаго патріотизма различныхъ народовъ, такъ какъ несомнѣнно чувство патріотизма питаетъ въ свою очередь враждебныя чувства между различными государствами. Въ какой мѣрѣ нуженъ патріотизмъ? спрашиваетъ авторъ. По мнѣнію Вольтера, любовь къ родинѣ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, ненависть ко всему чужеземному, но эта ненависть стара, какъ міръ. Она вытекаетъ изъ того, что каждая страна можетъ выиграть не иначе, какъ на счетъ потерь, испытанныхъ другими. Это то же, что и между

отдѣльными людьми: личное счастье часто зиждется на несчастіи своего ближняго.

Frédéric Passy утверждаетъ однако обратное и высказывается въ томъ смыслѣ, что вредить другимъ, это значитъ, вредить самому себѣ, а помогать чужому благополучію, значитъ помогать своему собственному. Отсюда два различныхъ взгляда и на патріотизмъ, долженъ ли онъ быть результатомъ національнаго эгоизма или альтруизма. Авторъ склоняется къ послѣднему.

Патріотизмъ есть чувство солидарности, которое должно объединять гражданъ одного государства и источникомъ котораго должно быть, какъ показываетъ самое названіе, чувство любви, существующее между родителями и дѣтьми, между родственниками, между членами одной семьи или семей, породнившихся бракомъ.]

Между гражданами различныхъ странъ естественно быть безразличнымъ отношеніямъ, но чтобы возникла ненависть и для оправданія ненависти нужны особыя причины. Поэтому авторъ полагаетъ, что настоящій патріотизмъ долженъ вполне уживаться съ интернационализмомъ. Нынѣ отдѣльныя страны значительно менѣе отдѣлены другъ отъ друга, чѣмъ прежде. И матеріально, и духовно онѣ сближаются все больше и какъ бы взаимно проникаются другъ другомъ.

Есть государства новѣйшей формации, которыя продолжаютъ пополнять свое населеніе изъ чужеземцевъ. Таковы, наиримѣръ, Американскіе Соединенные Штаты. Свою государственную прочность они подвергли серьезному испытанію во время борьбы между сѣверомъ и югомъ и доказали наличность сплоченности у себя. Между тѣмъ, ростъ Штатовъ не остановился; ихъ территорія мало-по-малу увеличивается, растетъ и населеніе путемъ иммиграціи иностранцевъ изъ всѣхъ странъ. И однако нельзя американцевъ упрекнуть въ отсутствіи у нихъ патріотизма, объединяющаго всѣхъ американскихъ гражданъ, откуда бы они ни прибыли. А самъ Рузвельтъ высказалъ даже такую мысль, что «человѣкъ, который любитъ другія страны такъ же какъ свою собственную, является столь же вреднымъ членомъ общества, какъ и тотъ, который любитъ чужихъ женъ столько же, какъ и свою собственную». По словамъ того же Рузвельта, и войны между цивилизованными государствами дѣйствительно ужасны и, такъ какъ народы все болѣе и болѣе становятся цивилизованными, мы имѣемъ всѣ причины не только надѣяться, но и вѣрить, что войны между ними станутъ все рѣже». Такимъ образомъ, не взирая на нѣкоторое противорѣчіе, въ которое авторъ впалъ съ самимъ собой, доказывая, что истинный патріотизмъ, какимъ, по его мнѣнію, дышатъ американцы, воспитывается на началѣ альтруизма, онъ словами Рузвельта подтверждаетъ свою основную мысль, что истинная цивилизація убьетъ идею войны. Въ послѣдующемъ изложеніи мыслей

подполковника Le Marchand будетъ видно, какую судьбу онъ готовить дальнѣйшей эволюціи войны и ея служителямъ.

Въ послѣдней книжкѣ «*Vierteljahrshefte für Truppenführung*»... генераль *V. Freytag-Loringhoven* пишетъ на тему о томъ, что на войнѣ нужно «*впередъ обдумывать, но не впередъ отдавать распоряженія*» — «*vorausdenken, nicht vorausdisponieren*». Еще Клаузевицъ писалъ, что на войнѣ все очень просто, но и самое простое дается крайне трудно. Трудности громоздятся одна на другую и причиняютъ такое треніе, о которомъ не можетъ имѣть понятія тотъ, кто войны не видѣлъ... На войнѣ безчисленное множество мелкихъ помѣхъ задерживаетъ насъ далеко отъ цѣли. И это тѣмъ болѣе, что полководецъ вынужденъ передать свою работу на большое пространство, котораго онъ глазомъ не обнимаетъ, а изучить его, при постоянной перемѣнѣ, не всегда успѣетъ, даже при полномъ стараніи.

Въ дѣйствительности каждому полководцу приходится дѣйствовать болѣе или менѣе въ неизвѣстности, будетъ ли это въ области оперативной на всемъ театрѣ войны или въ тактической—на полѣ сраженія. Безчисленные примѣры военной исторіи, выигранныя или проигранныя сраженія подтверждаютъ это. Рѣшимость Фридриха во многихъ случаяхъ давала ему возможность преодолѣвать эту трудность невѣдѣнія обстановки, однако ему не удалось избѣжать поражений подъ Колиномъ и Кунерсдорфомъ. Наполеонъ былъ бы разбитъ при Маренго, если бы прибытіе дивизіи Дезе ни обратило неудачу въ побѣду. Двойное сраженіе подъ Іеной и Ауэрштедомъ оказалось успѣшнымъ по совершенно случайнымъ причинамъ. Эйлау было нерѣшительнымъ сраженіемъ и во всякомъ случаѣ для Наполеона это была Пиррова побѣда. Подъ Фридрихсдорфомъ успѣхъ ему обезпечилъ случай, а во время хода извѣстной регенбургской операціи онъ былъ въ полной неизвѣстности относительно врага. Немного иначе было и въ войны 1866 и 1870—71 гг. Передъ Кениггрецомъ прусская главная квартира томила сомнѣніемъ насчетъ того, наступала ли по правому берегу Эльбы вся сѣверная австрійская армія или только ея часть. Подъ Шпихерномъ 14-я дивизія натолкнулась неожиданно не на отступающаго непріятели, а на занявшаго оборонительную, повсюду сильную позицію; такъ же и при Вюнвилѣ—III корпусъ встрѣтилъ не тыловыя части французовъ, какъ предполагалъ, а всю рейнскую армію. Операція подъ Ле-Мансомъ была расчитана принцемъ Фридрихомъ Карломъ, какъ центрическое движеніе обоими флангами, между тѣмъ позже эти фланги должны были отказаться отъ такого наступленія влѣдствіе

ускореннаго выдвигенія центра. Подъ Лаояномъ на долю японцевъ выпала побѣда потому, что ихъ правофланговая армія самостоятельно двинулась для выполненія обходнаго движенія, которое было предпринято съ цѣлью параллельнаго преслѣдованія въ виду ложнаго предположенія о начавшемся отступленіи русскихъ.

Изъ обзора приведенныхъ примѣровъ возникаетъ вопросъ о томъ, что, если трудно впередъ предвидѣть на войнѣ, вслѣдствіе неизвѣстной, постоянно мѣняющейся обстановки, отдачу заблаговременныхъ распоряженій, то не такъ же ли трудно вообще и обдумать напередъ все нужное для развитія операціи или боя. На это приходится отвѣтить отрицательно, какъ тому учатъ всѣ великіе военные практики и мыслители, указывающіе на неизвѣстность, въ какую форму въ дѣйствительности вылетѣтъ планъ войны, и подтверждающіе важность *все обдумать впередъ*. Этотъ расчетъ, выполненный въ мысляхъ полководца, устранить надобность преждевременныхъ распоряженій и облегчить возможность соответственныхъ дѣйствій въ желаемый моментъ. Наполеонъ по этому поводу говорилъ (Correspondance, XIII. 10810) такъ: «у меня въ привычкѣ за три—четыре мѣсяца впередъ обдумать всѣ намѣчаемыя мѣры, причемъ я рассчитываю всегда на худшее». Мольтке въ противоположность мнѣнію Наполеона говорить, что между распоряженіями для первыхъ движеній арміи и выполненіемъ операціи лежитъ «то, что намъ противопоставить независимая отъ насъ воля непріятеля». Дальше фельдмаршалъ говорить, что пути, посредствомъ которыхъ полководецъ рассчитываетъ достигнуть основныхъ своихъ цѣлей, никогда не могутъ быть отмѣчены съ точностью заблаговременно, но что самыя цѣли остаются непоколебимыми, не взирая на измѣняющійся ходъ событій. Кто же стремится заблаговременно впередъ связать эти самыя пути съ поставленными цѣлями, тотъ хочеть заранѣе, значить, распоряжаться. Непоколебимой же сохранить основную цѣль удастся тому, кто послѣдовательно все впередъ обдумалъ.

Старая стратегическая школа, которая изнемогла подъ ударами военнаго искусства Наполеона, любила заблаговременно все рассчитывать и на все отдавать распоряженія. Операціонные планы различныхъ коалицій противъ первой французской республики и имперіи запечатлѣны недоувѣремъ къ независимой воли противника, которая должна была проявляться въ самостоятельныхъ рѣшеніяхъ. Способъ и планъ, согласно которыхъ союзники намѣревались вторгнуться во Францію, были разработаны раньше, чѣмъ французскія арміи вытѣснены были изъ Германіи и Италіи. Эрцгерцогъ Карлъ стремится, при открытіи кампаніи 1809 г., къ соединенію въ Альтмюль двинутыхъ имъ въ Баварію изъ Богеміи и отъ Инна корпусовъ и упускаетъ ближайшую цѣль напасть на непріятеля, пока онъ раздѣ-

лень, и теряетъ случай разбить его. Герцогъ Брауншвейгскій предполагать въ 1805 г. заранѣе выполнить маневръ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ принудить Наполеона отступить за Рейнъ, хотя побѣдоносная великая армія находилась въ это время въ самомъ сердцѣ австрійской монархіи.

Однако и послѣ появленія Наполеона не всегда оцѣнивалась та опасность, которая таится въ правилѣ заблаговременно расписать подробно весь планъ будущихъ дѣйствій. Операціонный планъ, который принять былъ въ 1868 г. эрцгерцогомъ Альбрехтомъ на случай совокупныхъ дѣйствій французскихъ и австрійскихъ вооруженныхъ силъ противъ сѣверо-германскаго союза подъ главенствомъ Пруссіи, предрѣшалъ соединеніе обѣихъ армій около Нюрнберга и расчитанъ былъ на наступленіе одною сплоченною массою внизъ по р. Заалѣ подобно тому, какъ выполнилъ это Наполеонъ въ 1806 г. Очевидно возможность какой-либо задержки французскаго движенія въ южную Германію со стороны Рейна и нижняго Майна при этомъ исключалась. Русскіе тоже не были свободны отъ подобныхъ ошибокъ къ Маньчжуріи, какъ видно изъ того, что Куропаткину было предоставлено право игнорировать всѣ случаи для перехода въ наступленіе до тѣхъ поръ, пока у него въ рукахъ не будетъ безусловнаго превосходства силъ, и въ то же время въ его памятной запискѣ отъ 15-го января 1904 г. указывалось даже на вѣроятность высадки на японскіе острова, когда съ полученнымъ перевѣсомъ силъ онъ пріобрѣтетъ возможность начать наступленіе!

И Наполеону, и Мольтке приходилось неоднократно убѣждаться, что на войнѣ бываютъ случаи, которыхъ нельзя было предвидѣть отчасти вслѣдствіе различныхъ неожиданныхъ треній среди собственныхъ войскъ, отчасти вслѣдствіе неоправдавшагося расчета на разумныя рѣшенія непріятеля, тогда какъ въ дѣйствительности они оказались совершенно безразсудными. Блестящій результатъ, который обыкновенно получался, являлся послѣдствіемъ опредѣленныхъ, ясныхъ намѣреній и цѣлесообразнаго исполненія, а никакъ не отъ предвзятыхъ распоряженій. Не взирая на всѣ случайности, *глубоко продуманное исполненіе* отражалось во всѣхъ отдѣльныхъ боевыхъ проявленіяхъ. Даву не медлилъ подъ Регенсбургомъ, въ духѣ общаго положенія, съ атакой значительно превосходящихъ силъ эрцгерцога Карла, хотя императоръ считалъ ихъ ошибочно въ полномъ отступленіи.

При возникновеніи осенней кампаніи 1813 года у союзниковъ повсюду господствовала увѣренность, что, вслѣдствіе присоединенія къ коалиціи Австріи и окрыленія базиса французовъ на Эльбѣ со стороны Богеміи, Наполеонъ не можетъ удержаться на правомъ берегу этой рѣки. Вслѣдствіе этого соображенія, въ Силезской арміи

также оказалось предрасположеніе къ предвзятымъ распоряженіямъ. Въ ночь на 18-е августа французы очистили линію своихъ передовыхъ ночлеговъ на Кацбахѣ, чтобы подтянуться изъ своихъ отдаленныхъ раіоновъ и сосредоточиться за Бобромъ. При извѣстии объ отходѣ непріятеля отъ Лигница и Гольдберга, прежде чѣмъ твердо установить, ушелъ ли онъ далѣе на югъ въ горы, въ главной квартирѣ Яуеръ 18-го въ полдень отдалъ приказъ, устанавливавшій весь порядокъ дѣйствій за Бобромъ вплоть до Квейса. Въмѣсто того, чтобы противъ непоколебимаго врага дѣйствовать сообразно раскрывающейся обстановкѣ при посредствѣ ежедневно отдаваемыхъ распоряженій, сразу изъ рукъ было выпущено твердое, крѣпко натянутое управленіе. Силезская армія толкнувшись на Бобръ, устремила на превосходныя силы и вынуждена была вслѣдъ затѣмъ къ отступленію за Кацбахъ. Диспозиція для преслѣдованія французовъ въ тотъ же день, когда она была отдана, уже оказалась отмѣненной самими событіями.

Гнейзенау, не менѣе чѣмъ другимъ генераламъ союзниковъ, не доставало въ то время практики въ управленіи крупной арміей, нуждавшейся въ расчлененіи своихъ силъ на маршъ и на ночлеги. Его приказанія 18-го августа ясно указываютъ невыгоды предвзятыхъ распоряженій. Сомнѣнія и беспорядокъ должны были явиться послѣдствіемъ этого, такъ какъ въ корпусахъ положеніе представилось совсѣмъ иначе, чѣмъ оно казалось штабу арміи. Недовольство и недоброжелательная критика подчиненныхъ неизбежны при подобныхъ обстоятельствахъ. Изъ этого ясно вытекаетъ, какъ должны быть тщательно продуманы мѣры по организаціи марша и ночлега и не иначе, какъ въ тѣсной связи съ возможностью боя, въ противномъ случаѣ распоряженія окажутся предвзятыми.

Наши упражненія мирнаго времени, не исключая и большихъ маневровъ, отличаются слабой стороной не отмѣчать подобныя вредныя явленія, какъ только что указанная предвзятость. Заранѣе составленное распредѣленіе походныхъ колоннъ не влечетъ за собой на маневрахъ всѣхъ дурныхъ послѣдствій подобнаго же порядка на войнѣ уже потому, что силы и мѣропріятія непріятеля скрыты не въ той степени, какъ въ дѣйствительной войнѣ.

Не только маневренная школа мирнаго времени способствуетъ возникновенію ложныхъ представленій объ управленіи на войнѣ, но тому же содѣйствуютъ и извѣстныя ученія мнѣнія, которыя въ періодъ долгаго мира легко закрѣпляются, часто базируясь на ложныхъ выводахъ изъ военно-историческихъ изслѣдованій. Къ этому разряду относится непогрѣшимость, такъ называемаго, разъ навсегда опредѣленнаго оперативнаго приѣма — «Operations manier», который хотѣли приписать Мольтке. Авторы этого предположенія, помимо

своего желанія, только могли умалить этимъ Мольтке, такъ какъ его гений отнюдь не дѣйствовалъ по какому-либо шаблону, а выбиралъ тотъ способъ, который наиболѣе сообразовался съ даннымъ боевымъ положеніемъ. Если онъ считалъ соединеніе расчлененныхъ колоннъ на полѣ сраженія высшимъ проявленіемъ искусства стратегіи, то онъ при этомъ предусмотрительно предостерегалъ отъ опасности обобщать примѣръ Кениггреца. Особенно же никогда ему и въ голову не приходило принципъ раздѣленія окончательнаго для армій одного театра войны распространять и на войсковыя единицы въ родѣ корпуса, дивизіи, или еще меньшія. Кто хотѣлъ бы закрѣпить этотъ принципъ расчлененія въ такомъ видѣ, тотъ обязательно долженъ былъ бы впасть въ предвзятость распоряженій. Вся суть войны заключается въ твердомъ усвоеніи стремленія уничтожить врага. Это въ полномъ объемѣ наилучше достигается путемъ окруженія, но какъ послѣднее выполнить, приемы для этого могутъ быть различны. Нужно помнить при этомъ, что управленіе армейскими массами отличается отъ руководства корпусами и дивизіями. Опасность смѣшенія способовъ управленія ими кроется въ малыхъ маневрахъ мирнаго времени съ разыгрываніемъ, такъ называемыхъ, встрѣчныхъ боевъ. Способъ дѣйствій при подобныхъ боевыхъ столкновеніяхъ столь же мало имѣетъ оправданія для возведенія въ общее правило, какъ и всякій другой разъ навсегда закрѣпленный боевой приемъ на войнѣ.

Противъ такихъ готовыхъ рецептовъ предостерегалъ еще Клаузевицъ: изъ книгъ нельзя почерпнуть большаго, какъ развитіе своего духа (*Seines Geistes*); для войны отсюда можно приобрѣсти лишь готовые идеи, которыя не въ состояніи сообщить человѣку нужнаго толчка въ надлежащую минуту; онъ родился не изъ его собственнаго мяса и крови, и съ ними однѣми не удержаться противъ вихря случайностей, который снесетъ его постройку ранѣе, нежели она будетъ готова. «Готовыя мысли—*fertige Ideen*»—подразумѣваютъ уже предвзятость распоряженій, но если мы усилимъ «развитіе нашего духа» путемъ практическаго изученія, мы придемъ къ тому обдумыванію обстановки впередъ, которое позволитъ намъ смѣло противостать неожиданностямъ даже въ наиболѣе тяжелой формѣ.

Тотъ, кто пользуется военной исторіей, т. е. опытомъ прошлаго, не для того только, чтобы заимствовать изъ нея нужное возбужденіе и поученіе, а для слѣплаго подражанія и обоснованія своихъ дѣйствій, легко убѣдится въ томъ, что «вихрь случайностей дѣйствительно разрушитъ его постройку ранѣе, чѣмъ она готова будетъ» и долженъ будетъ признать, что онъ предвзято распоряжался, только исходя изъ опыта исторіи.

Въ подобномъ ошибочномъ примѣненіи своихъ знаній повиненъ былъ, между прочимъ, принцъ Фридрихъ Карлъ. Когда принцъ для

своего собственнаго пользованія дѣлать многочисленныя выписки изъ военно-научныхъ сочиненій, это служило свидѣтельствомъ его неусыпнаго стремленія къ военному самосовершенствованію.

Но курьезно было то, что надъ нѣкоторыми изъ этихъ выписокъ былъ поставленъ заголовокъ: «Замѣтки, которыя должны быть взяты въ поле». Это означало, что въ исторіи онъ искалъ не только возбужденія, но и буквальнаго руководства для своихъ дѣйствій. Его образъ дѣйствій, какъ полководца, носить въ себѣ замѣтные слѣды подобныхъ справокъ въ исторіи, особенно при началѣ кампаніи 1866 г. Наполеоновскіе образцы—насколько позволяло тогдашнее состояніе военно-историческихъ изслѣдованій, далеко не всегда въ правильномъ освѣщеніи—приводили его къ чрезмѣрному задерживанію арміи. Прилагая къ дѣйствіямъ противника масштабъ, созданный имъ самимъ на теоретической основѣ, онъ неоднократно приходилъ къ фальшивымъ выводамъ.

Если, съ одной стороны, военная исторія несомнѣнно способствуетъ тренировкѣ мысли, то, съ другой стороны, она ничего не предлагаетъ тому, который хочетъ оттуда почерпнуть собраніе готовыхъ примѣровъ на всѣ случаи для собственной практики. Она не воспитываетъ къ тому, чтобы восчувствовать себя вождемъ прошлаго и этимъ способомъ добиться большей внутренней смѣлости, такъ какъ для вождя нужно смѣлое искусное *творчество собственнаго духа*, а не механическое подражаніе мертвымъ образцамъ.

Какъ въ область оперативнаго руководства войсками, такъ и въ управленіи въ тактическомъ смыслѣ. гибельны разъ навсегда неизмѣнныя, общеупотребительныя правила. Заблаговременныя распоряженія чуть ли ни на всю операцію были въ большомъ употребленіи, какъ уже сказано, въ коалиціонныхъ арміяхъ, дѣйствовавшихъ противъ первой французской республики и Наполеона и перешли также въ область тактики. На маневрахъ мирнаго времени въ эпоху послѣ Фридриха расписывались обыкновенно заранѣе всѣ моменты упражненій вплоть до послѣдняго. Подобныя упражненія не могли дать никакой дѣйствительной школы для войны. Генералы, воспитанные въ духѣ такой смотровой тактики, пассивали передъ неожиданностями, которыя постоянно несетъ съ собою война, такъ какъ всякая мертвая схема въ тактикѣ равносильна предвзятости распоряженій, которая рассчитана на пассивнаго, безвольнаго противника. Схематизмъ парализуетъ духовныя силы и усиливаетъ существующую въ чловѣкѣ и безъ того инертность.

Какъ трудно, въ противоположность этому, на войнѣ обойтись безъ вдумчиваго отношенія къ будущему, особенно ясно станеть, если заглянуть въ тылъ, за фронтъ арміи. Распоряженія для всего, что слѣдуетъ за войсками, находятся въ самой тѣсной связи съ бое-

выми операціями. Нужны самыя заботливыя соображенія не только для упорядоченія передвиженій всѣхъ тыловыхъ учреждений, слѣдующихъ за войсками, но и для того, чтобы не стѣснять часто быстро мѣняющійся ходъ самихъ операцій. Еще Фридрихъ Великій высказался въ томъ смыслѣ, что не онъ командуетъ арміей, а мука и фуражъ. Для нашего времени къ этимъ факторамъ нужно еще прибавить «и артилерійскіе парки». Дальновидность здѣсь необходима. Взоры полководца и его органовъ одинаково должны охватывать всѣ условія впереди и позади фронта, онъ не можетъ ради *сегодня* упустить изъ виду *завтра, послѣзавтра* и дальнѣйшее время.

Война требуетъ отъ насъ точнаго и остраго анализа cadaго боевого положенія. Здѣсь не можетъ быть перерыва. Мысль, что «это уже налажено», не можетъ быть намъ присуща. Случайно можно при такомъ взглядѣ получить успѣхъ, но это не будетъ «успѣхомъ способнаго», о которомъ Мольтке выразился, что онъ одинъ только можетъ быть продолжительнымъ. Итакъ, отнюдь никакой предвзятости на войнѣ, что является обычно слѣдствіемъ расписанныхъ заранѣе, до мелочей, всѣхъ директивъ и приказовъ, и обязательность полнаго упорядоченія въ мысляхъ, въ головѣ, какъ нужно дѣйствовать при той или иной обстановкѣ.

Въ томъ же журналѣ заслуживаетъ быть отмѣченной статья маіора *V. Klewitz*: «*Полковыя и бригадныя упражненія полевой артиллеріи*». Авторъ пишетъ о постановкѣ тактическихъ ученій въ полѣ для крупныхъ артилерійскихъ частей, причемъ приводитъ рядъ примѣровъ такихъ ученій съ приложеніемъ соотвѣтствующихъ схемъ.

Сверхъ того въ томъ же журналѣ напечатаны:

- 1) *Обзоръ итало-турецкой войны* (продолженіе).
- 2) *Русское переселенческое движеніе въ Сибирь и Центральную Азію*.
- 3) *Веденіе войны и управленіе войсками во время первой коалиціонной войны въ Германіи (въ 1792 — 1795 г.),* статья капитана *Müller*.
- 4) *Полевая инженерная служба во всѣхъ родахъ войскъ у насъ и въ другихъ арміяхъ* (окончаніе). Статья маіора *Toepfer*.
- 5) *Британская остъ-индская армія*. Статья капитана *Neuschler*.
- 6) *Развѣдывательная дѣятельность нѣмецкой конницы передъ и послѣ 14-го, 16-го и 18-го августа 1870 г.* Статья капитана *Kaupisch*.

Въ нѣмецкомъ журналѣ «*Artilleristische Monatshefte*», редактируемомъ генералъ-лейтенантомъ *Rohne* и, кстати сказать, весьма интересномъ по содержанію своихъ статей, заслуживаетъ вниманія, въ сентябрьскомъ выпускѣ небольшой очеркъ генерала *Rohne*—«*Объ успѣхахъ французской артиллеріи*», въ которомъ авторъ подробно останавливается на трудахъ генерала *Percepin* для французской арміи и, въ частности, для ея артиллеріи. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Полевая артиллерія въ связи съ другими родами войскъ» генералъ-Лангтуа высказалъ пожеланіе видѣть во главѣ своей артиллеріи такого руководителя, который сумѣлъ бы привить ей единство взглядовъ, относительно ея боевого употребленія. Черезъ 15 лѣтъ послѣ высказаннаго пожеланія такимъ лицомъ явился генералъ *Percepin*. Въ 1907 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ стрѣльбы полевой артиллеріи и облеченъ былъ обязанностью заботиться о томъ, чтобы всѣ артиллерійскіе офицеры усвоили себѣ вѣрные взгляды на правила стрѣльбы и ихъ примѣненіе. Съ этою цѣлью въ разныхъ пунктахъ, какъ извѣстно, были созданы стрѣлковыя школы, подчиненныя инспектору; затѣмъ, онъ ежегодно инспектировалъ стрѣльбу артиллерійскихъ частей согласно особаго расписанія. Одновременно съ тѣмъ онъ несъ и свои прямыя служебныя обязанности, сначала какъ начальникъ пѣхотной дивизіи, а затѣмъ, какъ командиръ 13-го армейскаго корпуса. О дѣятельности своей генералъ *Percepin* подробно говоритъ въ изданномъ имъ въ этомъ году трудѣ—«*Пять лѣтъ инспекціи*», изъ котораго *Rohne* и черпаетъ матеріалъ для характеристики новѣйшихъ успѣховъ французской артиллеріи. Въ сжатой формѣ генералъ *Rohne* излагаетъ всѣ требованія генерала *Percepin*, нашедшія себѣ полное примѣненіе въ боевой подготовкѣ французской артиллеріи за послѣдніе годы. О нихъ уже неоднократно упоминалось здѣсь, при обзорѣ статей, посвященныхъ тактикѣ артиллеріи.

Въ августовскомъ выпускѣ того же журнала имѣется статья, посвященная германской полевой артиллеріи: «Собранныя отовсюду мысли о нашей полевой артиллеріи», новидимому тоже принадлежащія генералу *Rohne*. Авторъ перечисляетъ слабыя стороны современнаго ея состоянія. Прежде всего жалуется на недостаточно численный кадровый составъ полевой батареи, особенно сравнительно съ французской. Затѣмъ особенно подчеркивается недостатокъ офицеровъ въ полевой артиллеріи и недостатокъ офицерскаго запаса полевой артиллеріи. Говорится о медленности служебнаго движенія офицеровъ артиллеріи. Лейтенантъ долженъ пробыть 18 лѣтъ въ чинѣ прежде чѣмъ получить чинъ капитана и должность командира батареи—на 38-мъ году жизни; затѣмъ 12 лѣтъ пребываетъ въ этомъ

служебномъ положеніи п въ 50 лѣтъ отъ роду достигаетъ чина маіора, часто однако это еще не обезпечиваетъ полученія должности командира дивизіона.

Оставляетъ желать лучшаго и подготовка молодого офицера въ качествѣ опытнаго помощника командира батареи. Авторъ высказываетъ пожеланія объ основаніи артилерійскихъ курсовъ стрѣльбы и ѣзды, на которыхъ молодые офицеры практиковались бы на ряду съ артилерійской специальностью, какъ стрѣльба и маневрированіе, также въ обученіи ѣздѣ верхомъ, ѣздѣ съ орудіемъ, развѣдкѣ мѣстности, въ теоріи стрѣльбы, въ изученіи иностранныхъ артилерій и проч.

Также и насчетъ улучшения обученія германской артилеріи стрѣльбѣ и примѣненію къ мѣстности высказываются авторомъ пожеланія. Нынѣшній курсъ стрѣльбы очень кратокъ. Нужно было бы между днями стрѣльбы ввести еще дни специально тактическихъ ученій въ полѣ частями до дивизіона (отдѣленія) включительно. Къ этимъ упражненіямъ надлежитъ присоединить и ученія съ батарейными резервами и частями легкихъ муниціонныхъ колоннъ. Ученія этого рода приходится втискивать въ курсъ стрѣльбы, такъ какъ въ мѣстахъ постояннаго расквартированія артилеріи рѣдко встрѣтятся для нихъ свободная мѣстность. Ученія въ полѣ осенью должны предоставлять возможность старшимъ артилерійскимъ начальникамъ, т. е. прежде всего командирамъ полковъ, обучать свои части; для дивизіоновъ же не будетъ времени.

Далѣе, авторъ отмѣчаетъ «повелѣвающую» необходимость болѣе частой смѣны полей, на которыхъ происходитъ обученіе войскъ. Обыкновенно въ Германіи полки пользуются попеременно двумя полями, рѣдко—тремя. Послѣдствіемъ этого является быстрое усвоеніе мѣстныхъ условій и привычка къ однимъ и тѣмъ же позиціямъ. Жалуются онъ и на повторяемость изъ года въ годъ установки мишеней на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ на полигонахъ.

Надлежитъ также въ большей степени использовать зимніе мѣсяцы для боевой подготовки батарей и главнымъ образомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Необходимо наладить также и обученіе артилерійской развѣдкѣ.

Авторъ упоминаетъ также относительно введенія болѣе совершенныхъ дальномѣровъ, причемъ передъ издержками на нихъ останавливаться нельзя. Между прочимъ, только при посредствѣ такихъ дальномѣровъ можно будетъ быстро и вѣрно опредѣлять разстоянія до воздушныхъ судовъ.

Заканчиваетъ авторъ свою статью пожеланіемъ поднять подготовку кандидатовъ на офицеровъ артилерійскаго запаса.

Въ томъ же журналѣ слѣдуетъ отмѣтить статью *Marsyas*—«*О развитіи крѣпостного дѣла въ Германіи съ введенія паръзныхъ пушекъ и до послѣдняго времени*». Авторъ даетъ оцѣнку труда подъ этимъ заглавіемъ подполковника *Frobenius*'а и излагаетъ содержаніе книги.

Полковникъ *V. Kurnatowski* въ октябрьскомъ выпускѣ «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*» даетъ подробный очеркъ германскихъ императорскихъ маневровъ осенью этого года. Они происходили въ предѣлахъ Саксонскаго королевства въ районѣ между Лейпцигомъ и Дрезденомъ—въ мѣстности очень поучительной и по военно-историческимъ воспоминаніямъ, и по условіямъ для войско-вой практики въ духѣ современныхъ требованій. Принимали участіе оба саксонскіе корпуса, III и IV прусскіе корпуса, 9-я пѣхотная дивизія и рядъ прикомандированныхъ частей артилеріи и техническихъ войскъ. Въ маневрахъ участвовали 50 автомобилей членовъ императорскаго автомобильнаго клуба и 34 автомобиля общегерманскаго клуба автомобилистовъ.

Послѣ изложенія хода маневровъ авторъ самымъ подробнымъ образомъ оцѣниваетъ результаты ихъ, отнюдь не переходя предѣловъ допустимой скромности въ конечныхъ выводахъ.

Въ томъ же журналѣ помѣщена статья подполковника *Frobenius*'а: «*Саперная техника въ нѣмецкой арміи*».

Bulletin de la Presse et de la Bibliographie militaires даетъ отчетъ объ интересномъ, новѣйшемъ трудѣ по стратегіи—майора *Mordacq*—профессора *École supérieure de guerre*—«*Стратегія, ея исторія, эволюція*». Три главныхъ фактора обезпечиваютъ побѣду—управленіе, числительность и нравственная сила. Многочисленныя военнаучныя сочиненія послѣдняго времени породили три теоріи относительно главнаго фактора успѣха на войнѣ:

«материалисты» видятъ источникъ побѣды въ числѣ сражающихся и въ предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе матеріальныхъ средствахъ;

«интеллектуалисты» считаютъ, что главное дѣло въ подлежащемъ управленіи массама;

«спиритуалисты»—возлагаютъ всѣ надежды на превосходство нравственной силы.

Всѣ три категоріи ошибаются, исповѣдуя исключительное главенство, каждая только своего фактора.

Числительность и качества высшаго командованія были приблизительно одинаковы, по мнѣнію автора, у обоихъ противниковъ Маньчжурской войны, успѣхъ же былъ рѣшенъ нравственною силою. Стратегія должна очень считаться и въ замыслѣ, и въ осуществленіи своихъ комбинацій, съ настроеніемъ, съ духомъ своихъ войскъ и соотвѣтственно этому быть или дерзко смѣлою или крайне осторожною. Нужно помнить, что современныя арміи отнюдь не массы профессиональныхъ воиновъ, настроеніе которыхъ—заранѣе въ сердцахъ и рукахъ главнокомандующаго. Духъ современной арміи есть выраженіе настроенія цѣлой націи, и энтузіазмъ арміи зиждется на убѣжденіи общественнаго мнѣнія народа, что одна только война можетъ спасти отъ опасности интересы и честь родины.

Народы нынѣ не подчиняются слѣпо своимъ правительствамъ, а всѣмъ ходомъ государственной жизни втянуты въ сознательное участіе въ политикѣ, и внѣшней, и внутренней, а черезъ политику общественное мнѣніе страны естественно вліяетъ и на самую стратегію. Война можетъ быть предпринята въ крайности и въ теченіе времени возможно короткаго. Отсюда, слѣдовательно, стратегическія операціи должны очень считаться съ временемъ, которое нужно для ихъ исполненія; смѣлость замысла, энергія и быстрота въ его осуществленіи.

На этихъ самыхъ принципахъ построено развитіе происходящей нынѣ съ головокружительной быстротой войны южныхъ славянъ съ турками. Болгарская стратегія проникнута всѣми указанными только что особенностями. Но чтобы руководиться подобными принципами въ минуты грознаго расчета нужна напряженная подготовка мирнаго времени. Все то, что по старымъ учебникамъ именовалось подготовительными операціями, должно быть отнесено къ дѣятельности въ эпоху мира. Война нынѣ должна быть *скоротечна*, такъ какъ она совсѣмъ останавливаетъ маховикъ сложной народной жизни. Война, рассчитанная на долгій срокъ, уже обречена на неудачу. Двѣнадцатый годъ примѣромъ быть не можетъ, такъ какъ за сотню лѣтъ человеческая жизнь на землѣ приняла совсѣмъ другія формы, а провалъ маньчжурской кампаніи былъ уже обезпеченъ сакраментальными словами о терпѣніи съ тройнымъ коэффициентомъ... Болгары начали бить врага уже въ первую педѣлю по окончаніи своего сосредоточенія и не слѣдуетъ забывать, что война была официально объявлена *по окончаніи* такового. Слѣдовательно, даже стратегическое развертываніе происходитъ подъ шумъ состязаній дипломатовъ, служащихъ обычной прелюдией ихъ ретиреды. Скажутъ, разстоянія помогли, но для Европы подобныя разстоянія нормальны. Отъ Гермаплы, центра раіона сосредоточенія болгарской арміи, и до Константинополя, всего 300 верстъ, но тѣ же 300—400 верстъ отдѣляютъ средне-европей-

скія столицы отъ границъ ихъ государствъ... Книга маіора Mordacq'a интересна по своимъ предостереженіямъ, научно обоснованнымъ, но переживаемыя всѣми нами событія балканской войны еще внушительнѣе; это новѣйшій образецъ современнаго метода войны, подсказанный, помимо теоріи ея, самою необходимостью. Это единственно допустимый нынѣ способъ войны: стремительно, рѣшительно, всѣми силами, подъ энтузіазмъ всего народа и на основаніи самой напряженной боевой подготовки въ годы мира, вытекающей изъ вполне опредѣленныхъ политическихъ, а слѣдовательно, и оперативныхъ цѣлей.

С. Добrorольскій.

«Rivista militare italiana» 1912 г. Іюль.

Продолжая начатую въ предыдущемъ выпускѣ статью «Воздухоплаваніе и военное искусство», капитанъ Паппалардо излагаетъ:

Полетъ современнаго воздушнаго шара можетъ продолжаться безостановочно въ теченіе до 22 часовъ со скоростью до 50 километровъ; онъ можетъ брать до 20 пассажировъ и подыматься выше 2.500 метровъ. Невыгоды воздушныхъ шаровъ состоятъ въ нижеслѣдующемъ: они представляютъ большую и легко уязвимую цѣль; чувствительны къ колебаніямъ температуры; органы ихъ движенія и управленія ими многочисленны и требуютъ крайне внимательнаго обращенія; шары нуждаются въ обширныхъ и дорогихъ сараяхъ съ многочисленнымъ составомъ служащихъ; ошвартованіе въ открытомъ полѣ трудно и опасно; стоимость ихъ доходитъ до милліона лиръ; должны брать при полетѣ значительное количество балласта; снабженіе ихъ газомъ сопряжено съ большими трудностями и можетъ быть исполнено лишь въ тылу дѣйствующей арміи; требуютъ большого обоза.

Пользуясь воздушными шарами и самолетами является возможность исполнять рекогносцировки большихъ раіоновъ мѣстности; передавать быстро и на большія разстоянія свѣдѣнія и приказанія; переносить взрывчатыя вещества на сотни километровъ и поражать цѣли, недоступныя артилеріи. Въ военное время операціи воздушныхъ судовъ въ непріятельской странѣ будутъ стѣснены какъ недостаткомъ средствъ снабженія и спуска на землю, такъ и опасностью пораженія со стороны воздушныхъ судовъ и артилеріи непріятеля.

Какъ опыты мирнаго времени, такъ и практика итало-түрецкой войны согласно показали, что ружейный огонь не можетъ оказать препятствія дѣятельности ни самолетовъ, ни воздушныхъ шаровъ; но отъ огня современныхъ пушекъ, специально изготовлен-

ныхъ для пораженія воздушныхъ судовъ, шары не могутъ считать себя безопасными даже на высотѣ между 2 и 3 тысячами метровъ. Самолеты представляютъ столь малыя цѣли, быстрота ихъ такъ велика, а эволюціи такъ легки и свободны, что уже на высотѣ въ 700 метровъ они могутъ быть признаваемы вѣдъ пораженія огнемъ непріятельской артилеріи.

Обращаясь къ употребленію воздушныхъ судовъ для военныхъ цѣлей, авторъ высказываетъ:

Въ морской войнѣ примѣненіе этихъ судовъ ограничится нѣкоторыми случаями береговыхъ операцій; въ крѣпостной войнѣ воздушныя суда получаютъ самое широкое примѣненіе, какъ средства сношенія крѣпостей между собою и со страной; они же будутъ служить для связи между арміями, крупными войсковыми частями и центральнымъ управленіемъ. Такая служба воздушныхъ судовъ дастъ главнокомандующему возможность знать во всякое время дислокацію войскъ и состояніе крѣпостей, и будетъ имѣть послѣдствіемъ болѣе совершенное согласованіе операцій большой войны.

Кромѣ службы связи воздушныя суда могутъ получить важное примѣненіе какъ средства для стратегическаго и тактическаго развѣдыванія а также для пораженія непріятели.

Воздушный шаръ, сопровождаемый, если нужно, отрядомъ самолетовъ, можетъ быстро ознакомиться, какъ съ расположеніемъ прикрывающихъ войскъ непріятели, такъ и съ мѣстами сосредоточенія его армій. Эти свѣдѣнія могутъ быть собраны въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и переданы главнокомандующему или черезъ посредство самолета или радіотелеграфомъ съ шара. Наканунѣ сраженія шаръ или самолетъ можетъ быстро совершить подробный осмотръ расположенія непріятельской арміи хотя бы въ 5 корпусовъ.

До сего времени командующій армією могъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о непріятельскихъ войскахъ только первой линіи. Теперь воздушныя суда дадутъ ему также свѣдѣнія, относящіяся къ резервамъ, и онъ будетъ имѣть возможность направить свой ударъ на ту часть фронта непріятели, которую послѣдній не въ силахъ своевременно поддержать. Для такихъ же развѣдокъ употребить свои воздухоплавательныя средства и противная сторона, и тотъ изъ двухъ противниковъ, который обладаетъ лучшими воздушными судами и лучше обученнымъ и втянутымъ въ службу личнымъ составомъ, раньше соберетъ необходимыя свѣдѣнія и пріобрѣтетъ надъ противникомъ преимущества, могущія оказать рѣшительное вліяніе на исходъ боя.

Въ крѣпостной войнѣ воздушныя суда доставятъ атакующему еще раньше обложенія крѣпости многія свѣдѣнія, собрать которыя въ мирное время нѣтъ возможности, а обороняющій воспользуется

ими для заблаговременнаго выясненія силъ и средствъ наступающаго расположенія осадныхъ парковъ, направленія атаки и проч. съ тѣмъ, чтобы усилить своевременно оборону крѣпости тамъ, гдѣ ей грозитъ опасность.

Въ морской войнѣ, какъ стратегическія, такъ и тактическія развѣдки могутъ исполняться современными воздушными судами только въ моряхъ соответственнаго размѣра.

Въ цѣляхъ нападенія самолетъ можетъ переносить до 70 килограммовъ взрывчатаго вещества при дальности полета въ 200 километровъ, и до 400 килограммовъ при дальности въ 40 километровъ. Воздушный шаръ средней величины легко беретъ 600 килограммовъ при дальности полета въ 60 километровъ и высотѣ его въ 1.000 метровъ; шаръ типа Цеппелинъ можетъ перенести вдвое большій грузъ на разстояніе до 400 или 500 километровъ; а въ скоромъ времени должны появиться шары, переносящіе 1.000 килограммовъ взрывчатаго вещества на разстояніе въ 300 километровъ при высотахъ полета, превышающихъ 2.500 метровъ. Въ виду же того, что воздушный шаръ можетъ оставаться неподвижнымъ надъ любымъ избраннымъ пунктомъ мѣстности, онъ долженъ быть признанъ вполне пригоднымъ средствомъ для пораженія цѣлей сверху. Прежде, однако, нежели возложить на воздушное судно какую-либо активную операцію, слѣдуетъ строго разсчитать, вознаградитъ ли успѣхъ послѣдней потерю судна, поставленнаго предпріятіемъ подъ удары непріятельской артиллеріи и его воздушныхъ флотилій.

Артилерійскимъ батареямъ воздушныя суда принесутъ большую пользу, давая имъ точныя указанія мѣстъ расположенія цѣлей и свѣдѣнія о результатахъ стрѣльбы. Береговымъ позиціямъ эти суда дадутъ также и со всею потребною скоростью всѣ нужныя свѣдѣнія и указанія.

Въ заключеніе статьи авторъ высказываетъ, что въ современномъ уже своемъ состояніи воздухоплаваніе можетъ дать начальнику свѣдѣнія, въ значительной мѣрѣ обезпечивающія его отъ неправильныхъ рѣшеній; ставящія его въ возможность давать подчиненнымъ вмѣсто директивъ точныя приказанія; облегчающія достиженіе согласованности дѣйствій всѣхъ частей арміи.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Офицерскія лошади» авторъ, подписавшійся инициалами F. V., высказывается въ пользу замѣны въ войскахъ собственныхъ офицерскихъ лошадей лошадьми, предоставленными въ пользованіе офицеровъ казною, какъ то установлено во Франціи.

Никто не будетъ, конечно, утверждать, чтобы французскіе кавалерійскіе офицеры уступали кому бы то ни было въ совершенствѣ ѣзды, технической подготовкѣ, любви къ мундиру или спорту; между

тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что принятая во Франціи постановка дѣла избавляетъ офицеровъ отъ очень важныхъ экономическихъ заботъ и затрудненій. Едва ли можно признать заслуживающимъ большого вниманія оскорбительное для офицеровъ предположеніе, будто бы казенныя лошади будутъ приходить въ негодность скорѣе, нежели составляющія собственность офицеровъ, по причинѣ чрезмѣрной и неправильной ѣзды и меньшей о нихъ заботливости со стороны послѣднихъ; тутъ возможенъ притомъ же и надлежащій надзоръ. Съ большимъ основаніемъ можно указать на случаи чрезмѣрно бережливаго отношенія офицеровъ къ собственнымъ лошадямъ даже въ ущербъ иногда службѣ.

Отмѣна собственныхъ офицерскихъ лошадей имѣла бы нижеслѣдующія послѣдствія.

1. Были бы безотлагательно замѣнены другими офицерскія лошади, не во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющія требованіямъ, тогда какъ въ настоящее время очень многія изъ собственныхъ офицерскихъ лошадей къ службѣ негодны и не взирая на всю строгость надзора начальства остаются не замѣненными.

2. Была бы устранена продажа отличныхъ лошадей изъ полковъ въ частныя руки; теперь же нельзя запретить офицеру продать кому бы то ни было собственную его лошадь, если онъ находитъ это нужнымъ или выгоднымъ.

3. Въ числѣ офицерскихъ лошадей не оставалось бы годныхъ исключительно для спорта или, еще того хуже, для какихъ-либо другихъ частныхъ надобностей.

Предлагаемый авторомъ порядокъ вызываетъ необходимость разрѣшенія обмѣна лошадей между корпусами и различными родами оружія, производимаго, конечно, подъ надлежащимъ контролемъ. Этимъ путемъ явится возможность передавать лошадей, не пригодныхъ для службы въ одной части, въ другую, гдѣ онѣ будутъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ.

Кромѣ изложеннаго, замѣна собственныхъ офицерскихъ лошадей казенными освободила бы офицеровъ отъ необходимости имѣть дѣло съ барышниками и комиссіонерами, проникающими въ казармы и находящими прочную опору въ часто встрѣчаемой офицерами неотложной необходимости безотлагательно приобрести лошадь или еще болѣе безотлагательно сбыть негодную.

Предположеніе, будто бы такая замѣна можетъ имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе въ офицерахъ увлеченія кавалерійскимъ дѣломъ, нельзя признать основательнымъ, такъ какъ предлагаемый порядокъ вовсе не исключаетъ наличности въ частяхъ вполне хорошихъ лошадей для служебной и ввѣ служебной ѣзды. Если, затѣмъ, кто-либо изъ офицеровъ пожелаетъ имѣть еще особыя лошадей для

цѣлей спорта, то это должно быть поощряемо всѣми мѣрами, не идущими въ ущербъ службѣ.

Прошли тѣ времена, когда офицеры, въ массѣ ихъ, могли имѣть на собственныя средства хорошихъ лошадей. Покупка таковыхъ всегда сопряжена съ большимъ рискомъ, отъ котораго офицеры должны быть избавлены.

Въ статьѣ данъ денежный расчетъ, доказывающій, что при существующихъ въ итальянской арміи условіяхъ замѣна собственныхъ офицерскихъ лошадей казенными, нисколько бы не увеличило расходовъ казны.

Кромѣ того, помѣщена въ обзорѣваемомъ выпускѣ статья поручика Enrico della Valle «Соображенія о необходимости Триполитаніи и Киренаики».

Начаты статьи:

Подполковника V. Traniella «Классическій прецедентъ». Въ статьѣ напоминаются историческія событія, сопровождавшія первыя европейскія завоеванія въ сѣверной Африкѣ.

Капитана E. Barbarich описаніе мѣстности по берегу Тирренскаго моря близъ устья Арно.

Помѣщены продолженія статей капитановъ Rodolfo Corselli и Giuseppe Silva.

Окончены статьи полковника Alberto Cavaciocchi и капитана P. Consiglio.

В. Н.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Балканскій полуостровъ.—Война.—Вооруженныя силы сторонъ.—Мобилизація и сосредоточеніе.—Очеркъ военныхъ дѣйствій до 26-го октября.

Балканскій полуостровъ ¹⁾.

Война. Со времени составленія послѣдняго иностраннаго обозрѣнія произошло два крупныхъ событія, центромъ которыхъ является Оттоманская имперія: 1) прекращеніе войны между Италією и Турцією съ заключеніемъ предварительныхъ условій мира въ Уши въ Швейцаріи, на основаніи которыхъ Турція отказалась отъ Триполи и Киренаики, даровавъ этимъ провинціямъ автономію, при сохраненіи духовнаго верховенства султана, и отозвала свои войска, а Италія обязалась уплатить значительное возмѣщеніе за удѣльныя имущества и приходящуюся на эти провинціи часть государственнаго долга Турціи, и 2) война между Турцією и 4 союзными христіанскими государствами Болгарією, Сербією, Черногорією и Грецією, заставившая всю Европу обратить тревожное вниманіе на Балканскій полуостровъ.

Великія державы постоянно и неуклонно заботились о сохраненіи мира на Балканскомъ полуостровѣ и предупрежденіи катастрофы, послѣдствіемъ которой неминуемо должно служить возрожденіе самыхъ сложныхъ политическихъ вопросовъ, каковы вопросы о проливахъ, объ островахъ Архипелага, о притязаніяхъ Австро-Венгріи и, last but not least, объ интересахъ Россіи, цѣлымъ рядомъ войнъ способствовавшей освобожденію балканскихъ христіанъ и созданію на полуостровѣ нѣсколько независимыхъ государствъ.

Уже въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, предшествовавшихъ войнѣ, положеніе на Балканскомъ полуостровѣ стало постепенно обостряться; одновременно съ новымъ возстаніемъ въ Албаніи и политическимъ

¹⁾ См. карту, прил. къ № 230 «Русск. Инв.».

движеніемъ среди турецкихъ офицеровъ, въ нѣсколькихъ городахъ Старой Сербіи и Македоніи были брошены бомбы, жертвами которыхъ сдѣлалось не мало людей; этими явленіями было крайне раздражено мусульманское населеніе и раздраженіе направлено противъ христіанъ; мѣстами началось избиеніе болгаръ и сербовъ; турецкое правительство не принимало надлежащихъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ, будучи само крайне ослаблено внутренними неурядицами—перемѣною министерства, противодѣйствіемъ лишенной власти партіи комитета «Единеніе и Прогрессъ», возстаніемъ и неблагонадежностью войскъ въ Албаніи. Бездѣйствіе его вызывало представленія болгарскаго и сербскаго правительствъ по поводу гоненія на христіанъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ участились составлявшіе довольно обычное явленіе пограничныя инциденты въ видѣ стычекъ и перестрѣлокъ. Появились слухи о задержкѣ увольненія послѣ маневровъ резервистовъ въ Болгаріи и Сербіи, о сборѣ къ границѣ черногорскихъ войскъ и, наконецъ, о мобилизаціи турецкихъ войскъ и сосредоточеніи ихъ у Адрианополя.

Отвѣтомъ на это было объявленіе 16/29-го сентября мобилизаціи болгарской и сербской армій, а затѣмъ и греческой и сосредоточеніе черногорскихъ войскъ.

Тутъ обрисовалось впервые существованіе союза четырехъ христіанскихъ государствъ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и Греціи съ цѣлью достиженія эмансипаціи обитающихъ въ европейской Турціи христіанъ.

Положеніе на Балканскомъ полуостровѣ приняло угрожающій характеръ и предвѣщало наступленіе того кризиса, котораго столь опасалась европейская дипломатія. Послѣдняя приняла мѣры къ улаженію конфликта, стараясь, съ одной стороны, дѣйствовать успокоительно на государства балканскаго союза, съ другой—побудить Турцію къ существеннымъ реформамъ въ пользу христіанскаго населенія, давно впрочемъ обусловленнымъ предшествующими договорами съ Оттоманскою имперіею.

Но было уже поздно: Турція хотя и соглашалась давать новыя обѣщанія, но союзныя государства въ таковыя уже отказывались вѣрить и требовали серьезныхъ гарантій.

Положеніе усложнилось еще репрессіями, предпринятыми Турціею въ виду мобилизаціи союзниковъ: назначавшіеся для сербской арміи транспорты оружія и боевыхъ припасовъ были задержаны въ Турціи, а въ турецкихъ портахъ секвестровано большое число греческихъ коммерческихъ судовъ; по этимъ инцидентамъ со стороны заинтересованныхъ державъ послѣдовали горячіе протесты.

Въ виду начавшагося сосредоточенія турецкихъ войскъ на черно-

горской границѣ, король Николай 25-го сентября (8-го октября) объявилъ Турціи войну и отозвалъ своего посланника въ Константинополь; уже 9-го числа начались военныя дѣйствія на черногорской границѣ.

Наконецъ, остальные три союзныя балканскія государства подали Портѣ черезъ своихъ представителей коллективную ноту съ требованиями относительно автономіи провинцій, населенныхъ христіанами, между прочимъ, о назначеніи въ нихъ губернаторами иностранцевъ.

Турецкій совѣтъ министровъ, рассмотрѣвъ эту ноту въ засѣданіи 2/15-го октября, усмотрѣлъ въ ней вмѣшательство во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи и, почитая Турцію оскорбленной рѣшительнымъ тономъ этой ноты, рѣшилъ оставить ее безъ отвѣта и отозвать своихъ представителей изъ Софіи, Бѣлграда и Аѳинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заявить посланникамъ союзныхъ государствъ въ Константинополь, чтобы они потребовали свои паспорта. Это при данныхъ обстоятельствахъ было равносильнымъ объявленію войны.

Посланники съ своей стороны, 4/17-го октября, передали Портѣ объявленіе войны и выѣхали изъ Константинополя. Уже 5/18-го октября сербскія и болгарскія войска перешли границу.

Вооруженныя силы сторонъ. Въ турецкой арміи въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ осуществлялись крупныя организаціонныя преобразованія, обусловленные переходомъ отъ 7 орду съ обширными районами комплектованія къ 14 корпусамъ и 5 отдѣльнымъ дивизіямъ. Хотя это преобразование не вездѣ исполнено закончено, но въ войскахъ европейской Турціи оно было осуществлено, за исключеніемъ неполнаго снабженія всѣхъ дивизій артилеріею и пулеметами.

Турецкая армія состоитъ изъ 14 корпусовъ и 5 дивизій низама; изъ нихъ въ Европѣ расположены 7 корпусовъ со штабами въ столицѣ, въ Родосто, Киркилисѣ, Адрианополь, Салоникахъ, Монастырѣ и Ускюбѣ и 3 отдѣльных дивизіи въ Янинѣ, Кожанѣ и Скутари (Албанія). Составъ корпуса—3 дивизіи (въ 4-хъ корпусахъ въ Азіи—по двѣ), 1 ѳегерскій полкъ (въ 5 изъ азіатскихъ корпусовъ еще не сформированы), бригада кавалеріи изъ трехъ полковъ (во II нѣтъ кавалеріи, въ I и IV по двѣ бригады), піонерный и обозный баталіоны и телеграфная рота; корпусную артилерію составляютъ горныя или гаубичныя дивизионы въ неодинаковомъ числѣ (въ Европѣ при I, III, V и VII—по два, при IV и VI—по одному горныхъ дивизиона въ 3 батареи; при I, III и VI—по одному гаубичному дивизиону); дивизионы конныхъ батарей имѣются въ Европѣ при кавалеріи I, IV и V корпусовъ; при кавалерійской бригадѣ—пулеметное отдѣленіе изъ 4 пулеметовъ.

Всѣхъ дивизій низама 43; каждая изъ нихъ составляетъ само-

стоятельную боевую единицу изъ трехъ полковъ пѣхоты по три баталіона, одного баталіона егерей, одного полка артилеріи, въ два или три дивизіона, одной конной роты и одной санитарной роты. Въ каждомъ пѣхотномъ полку пулеметная рота съ 4 пулеметами.

Резервныя войска состоятъ изъ 40 дивизій редиѳа I призыва и 19 дивизій редиѳа II призыва (люди не проходятъ срока дѣйствительной службы, а только призываются на учебные сборы)—всѣ по 3 полка, но полки съ неодинаковымъ числомъ баталіоновъ, отъ четырехъ до двухъ, всего 359 баталіоновъ I призыва и 175 баталіоновъ II призыва редиѳа.

Регулярная кавалерія состоитъ всего изъ 203 эскадроновъ; но въ Малой Азіи имѣется еще ирегулярная кавалерія курдовъ (аширетъ) въ числѣ 70 полковъ, собираемыхъ только въ военное время.

Общій составъ артилеріи къ началу войны былъ 174 скорострѣльныхъ и 83 старыхъ легкихъ батарей, 12 скорострѣльныхъ конныхъ, 36 скорострѣльныхъ и 29 старыхъ горныхъ батарей и, наконецъ, 18 гаубичныхъ батарей стараго образца, всего 361 батарея. Скорострѣльные батареи имѣютъ по 4 орудія, прочія—по 6.

Слѣдуетъ отмѣтить, что годъ тому назадъ состоялось преобразование относительно комплектованія арміи, установившее поступленіе на службу не магометанъ.

Ежегодный контингентъ новобранцевъ около 70.000, мирный составъ низама около 200.000. Въ военное время постоянная армія съ ея запасомъ могла быть доведена до 600.000 человекъ, редиѳъ I призыва—400.000, II—120.000. Наконецъ, въ ополченіи числится около 80.000 и въ общемъ Турція могла бы выставить 1.200.000, не считая кавалеріи курдовъ, жандармовъ и пограничной стражи.

Что касается подготовки и боевой готовности вообще турецкой арміи, то до начала войны сужденія о ней были довольно разнорѣчивы, но въ общемъ скорѣе благоприятны. Мы ограничимся только перечисленіемъ факторовъ, которые по отношенію къ боевой готовности можно отмѣтить знаками +, — и ? Къ первымъ относятся физическія и моральныя свойства турецкаго солдата, введеніе современныхъ способовъ подготовки (военныя и войсковыя школы, маневры и пр.) при помощи германскихъ инструкторовъ и частая походная и боевая практика, а для редиѳа I призыва и практика въ мобилизаціи, при усмиреніи многочисленныхъ возстаній. Къ невыгоднымъ факторамъ прежде всего слѣдуетъ отнести полптически перерывъ, совершившійся при содѣйствіи арміи и внесшій въ составъ высшихъ военныхъ начальниковъ и среди корпуса офицеровъ партійный элементъ, столь вредный для всякой арміи; затѣмъ—пріемъ въ армію не магометанъ (для данной войны) и вообще «европеиза-

ціи турецкой арміи: она въ значительной степени лишилась своего традиціоннаго стимула—религіознаго и расоваго фанатизма, а за краткостью времени не успѣла приобрести воинской отдѣлки европейскіхъ армій.

Къ факторамъ третьей категоріи можно отнести высшее руководство и администрацію арміи въ военное время; первое никогда въ Турціи не было блестящимъ и представлялось сомнительнымъ, справятся ли ученики Гольца-паши со сложною задачею войны на 4 фронта.

Столь же сомнительнымъ былъ и второй факторъ—совершенство мобилизаціи и сосредоточенія, устройство тыла, снабженіе арміи, санитарная часть и пр.

Переходя къ характеристикѣ вооруженныхъ силъ 4 союзныхъ государствъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить довольно неожиданное для Европы согласіе и единство въ стремленіи къ возвышенной идеѣ освобожденія христіанъ, проявленное этими государствами и ихъ арміями, вызвавшія въ послѣднихъ высокій моральный подъемъ.

Болгарія въ мирное время содержала 9 дивизій пѣхоты по 2 бригады изъ 2 полковъ въ 2 баталіона, 3 бригады кавалеріи (37 эскадроновъ), 93 батареи, 3 піонерныхъ баталіона, 1 понтонный, 1 телеграфный и 1 желѣзнодорожный баталіонъ, по 1 ротѣ воздухоплателей, автомобильной и велосипедной; кромѣ того, 16 пограничныхъ и 9 интендантскихъ ротъ.

Контингентъ новобранцевъ—24.000 (+ 8.000 на 6 мѣсяцевъ), мирный составъ около 60.000 человѣкъ. Запасъ обученныхъ людей—свыше 300.000. Въ военное время пѣхотные полки переходили въ 4-баталіонный составъ и постоянная армія могла достигнуть 180.000 человѣкъ (144 баталіона, 37 эскадроновъ, 107 батарей и 34 инженерныя роты). Артилерія вся скорострѣльная и пѣхота и кавалерія имѣли пулеметныя команды.

Что касается резервныхъ войскъ, то спеціальныхъ кадровъ для нихъ въ мирное время не содержалось и объ организаціи ихъ въ военное время опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣлось.

Сербія въ мирное время имѣла 5 дивизій, каждая по 4 полка въ 3 баталіона съ 36 орудіями, 2 кавалерійскія бригады (16 эскадроновъ), 10 инженерныхъ и 8 крѣпостныхъ артилерійскихъ ротъ, 5 обозныхъ эскадроновъ и 5 санитарныхъ ротъ. Мирный составъ арміи около 35.000. Пулеметовъ было 150, артилерія—скорострѣльная. Запасъ I призыва могъ пополнить постоянную армію до 100.000 человѣкъ (по 4 баталіона въ полку); запасъ II призыва могъ служить для формировація резервныхъ частей—около 80.000 (по 3 баталіона къ полку), наконецъ, имѣлся еще запасъ III призыва.

Черногорія въ мирное время содержала только кадры и учебныя

части; въ военное время она могла выставить около 40.000 (+10.000 для вспомогательной службы), всего 57 баталіоновъ (изъ четырехъ дивизионныхъ округовъ), сведенныхъ въ 11 бригадъ; 23 батареи, однако, не скорострѣльныя, кавалеріи не было.

Наконецъ, греческая армія въ послѣдніе 2 года была преобразована при помощи французскихъ инструкторовъ. Она состояла изъ 4 дивизій по 3 полка въ 3 баталіона пѣхоты, 2 стрѣлковыхъ баталіоновъ съ 6 батареями, изъ 5 полковъ кавалеріи (15 эскадроновъ) и 14 инженерныхъ ротъ. Контингентъ—12.000, мирный составъ—25.000. Запасъ людей составлялъ около 125.000 человекъ, но большинство ихъ получило очень слабую подготовку, такъ какъ новый законъ о воинской повинности не получилъ еще полного развитія. Предполагалось, что обученныхъ людей Греція можетъ выставить не болѣе 60.000.

Изъ сравненія вооруженныхъ силъ Турціи и 4 союзныхъ государствъ прежде всего можно отмѣтить, что Турція обладаетъ вдвое большимъ числомъ людей, чѣмъ союзники, но зато главный источникъ комплектованія ея арміи находится въ Малой Азіи на очень обширной территоріи, тогда какъ каждое изъ союзныхъ государствъ составляетъ небольшую компактную массу, арміи ихъ хорошо организованы, обучены по новѣйшимъ принципамъ и двѣ главныя арміи снабжены вполне современными матеріальною частью и тыловыми учрежденіями, а главное, въ этихъ государствахъ господствуетъ прочный политическій порядокъ, имѣется авторитетная власть, а среди народа царитъ патріотическое воодушевленіе.

Мобилизація. Это болное мѣсто турецкой арміи. Силою обстоятельствъ Турціи приходится содержать большое число войскъ въ европейскихъ вилайетахъ, а округа комплектованія этихъ частей низама по большей части находятся въ Анатолиі. Къ тому же главный источникъ пополненія въ Европѣ—Албанія и Македонія въ данномъ случаѣ былъ очень ненадежнымъ—христіанское населеніе естественно питало симпатіи къ противникамъ Турціи, а арнауцы, если и были умиротворены почти наканунѣ войны, то все же неохотно шли въ ряды арміи, а предпочитали образовать самостоятельныя банды.

Турція могла мобилизовать для войны только 7 корпусовъ и 3 отд. дивизіи низама, расположенныхъ въ Европѣ; въ Азіи она должна была оставить всѣ постоянныя войска для охраненія восточной границы и внутренняго порядка въ Сиріи, Мессопотаміи и Іеменѣ.

Изъ редифа I призыва она могла располагать дивизіями, расположенными въ Европѣ и ближайшими изъ Малой Азіи; наконецъ, могъ быть мобилизованъ весь редифъ II призыва, такъ какъ всѣ 19 дивизій его расположены въ европейской Турціи (кромѣ 2).

Слѣдуетъ отмѣтить, что мобилизація редифа «на мѣстѣ» вообще

происходитъ гораздо скорѣе, чѣмъ постоянной арміи, такъ какъ система комплектованія его вполне территориальная.

Что касается вопроса о составѣ мобилизованныхъ частей, то здѣсь можно привести однѣ только догадки; нерасположеніе христіанъ и албанцевъ къ поступленію въ армію должны были сильно повліять на составъ европейскихъ частей; къ тому неизвѣстнымъ факторомъ является состояніе въ Турціи запасовъ оружія, обмундированія и снаряженія. При усмиреніи албанскихъ возстаній баталіоны не имѣли болѣе 600 человекъ и надо полагать, что и въ настоящую войну эта цифра будетъ близка къ истинѣ.

Семь корпусовъ и 3 дивизіи низама составятъ 261 баталіонъ, редиѣ I призыва въ Европѣ 54 баталіона (6 дивизій), изъ Азіи 193 баталіона (22 дивизіи) и редиѣ II призыва 175 баталіоновъ, всего надо полагать около 240.000 низама и 270.000 редиѣ (въ томъ числѣ 100.000 слабо подготовленнаго редиѣ II призыва).

Общая мобилизація началась 17/30-го сентября.

Редиѣ вѣроятно въ семь дней могъ собраться при штабахъ полковъ, а мобилизація низама несомнѣнно затянулась и едва ли была закончена и къ 5/18-му октября, когда началось наступленіе болгаръ и сербовъ.

Въ союзныхъ государствахъ мобилизація началась 16/29-го сентября и совершена быстро и въ полномъ порядкѣ. Можно предположить, что еще до начала войны, подготавливая для нея политическую почву заключеніемъ балканскаго союза, государства эти не пренебрегли и предварительною военною подготовкою и главнымъ образомъ мобилизаціи.

Въ Болгаріи, повидимому, кромѣ доведенія до военнаго состава девяти дивизій постоянной арміи (144 баталіона по 800 человекъ), при каждой дивизіи была сформирована резервная бригада. Черезъ 10 дней по объявленіи мобилизаціи Болгарія выставила армію около 230.000 человекъ.

Въ Сербіи были мобилизованы 6 дивизій постоянной арміи при помощи запаса I призыва и сформировано столько же резервныхъ дивизій запасомъ II призыва, всего около 150.000 человекъ войскъ первой линіи.

Относительно мобилизаціи греческой арміи имѣется мало свѣдѣній. Повидимому, были мобилизованы всѣ четыре постоянныя дивизіи, причѣмъ въ армію поступило значительное число добровольцевъ изъ самой Греціи, изъ Македоніи и съ острововъ Архипелага (3.000 съ Крита). Это дало возможность выставить около 80.000 человекъ.

Что касается Черногоріи, то какъ упомянуто, она раньше другихъ объявила Турціи войну и начала военныя дѣйствія. Это объясняется тѣмъ, что мобилизація черногорской арміи не требовала много вре-

мени. Комплектованіе ея строго территориальное, до ротъ включительно, и армія эта не обременена обозами и тыловыми учрежденіями. Поэтому она въ числѣ около 40.000 человекъ могла изготавиться очень быстро, но зато и районъ дѣйствія черногорскихъ войскъ по необходимости долженъ быть ограниченнѣй.

Театръ войны. Сосредоточеніе силъ передъ началомъ войны вообще зависитъ отъ составленнаго плана кампаніи, который для каждаго изъ участниковъ настоящей войны пока составляетъ для насъ неизвѣстную величину, и въ значительной степени обусловливается театромъ войны.

Театръ войны (см. карту, приложенную къ № 230, а также въ №№ 220, 221, 222 и 225 «Русскаго Инвалида») очень обширный, протяженіе его съ востока на западъ отъ Чернаго моря до Адриатическаго моря и границъ Черногоріи составляетъ около 600 верстъ, а съ юга на сѣверъ 100—150 верстъ на востокъ и 300 верстъ на западъ, причемъ здѣсь кромѣ того узкимъ клиномъ на сѣверо-западъ вдается Новобазарскій санджакъ между Сербіей, Черногоріей и Босніей. Границы европейской Турціи съ окружающими ее государствами рѣзко обозначаются горами, для значительныхъ силъ проходимыми преимущественно па перевалахъ и въ долинахъ рѣкъ.

Главныя рѣки имѣютъ общее направленіе съ сѣвера на югъ и принадлежатъ къ бассейну Эгейскаго моря. На востокъ рѣка Марица входитъ въ предѣлы Турціи къ сѣверу отъ Мустафа-паша, течетъ на юго-востокъ и, принявъ съ сѣвера рѣку Тунджу у Адрианополя, вскорѣ поворачиваетъ на юго-западъ и впадаетъ въ море близъ Деде-Агача. Съ востока въ нее впадаютъ нѣсколько небольшихъ рѣкъ, въ томъ числѣ и р. Эргене.

Въ средней части театра войны наиболѣе значительныя рѣки Места (Карасу), впадающая въ море противъ острова Тасоса и Струма—у г. Сереса, она съ запада принимаетъ р. Струмицу.

Западный районъ съ сѣвера на югъ прорѣзывается р. Вардаръ, впадающей въ море у Салоникъ; въ нее съ востока впадаютъ р. Пчина южнѣ Ускюба и р. Брегалница, южнѣ Велеса.

Кромѣ рѣкъ бассейна Эгейскаго моря, слѣдуетъ отмѣтить на западѣ рѣку Дринъ, впадающую, вмѣстѣ съ сѣвернымъ своимъ рукавомъ рѣкою Бойна, въ Адриатическое море недалеко отъ Скутари. Наконецъ, надо упомянуть о рѣкахъ Дунайскаго бассейна—Моравѣ, вытекающей близъ сербской границы и текущей на сѣверъ мимо Враньи, Лѣсковаца и Ниша въ Дунай и берущія начало въ Черногоріи и протекающія вдоль границы и по «санджаку» рѣки Тару и Лимъ, впадающія на сѣверѣ въ Дрину (течетъ въ Саву, притокъ Дуная).

Очень важное значеніе на этомъ театрѣ имѣютъ пограничныя

горы и выходы изъ нихъ. Границу съ Волгаріей составляютъ Родопскія горы; съ востока къ нимъ подходитъ трудно проходимый хребетъ Истранджа, а западное продолженіе ихъ составляетъ суровый Рыло-дагъ и далѣе на сербской границѣ Чаръ-дагъ и Кара-дагъ.

Самый удобный путь наступленія съ сѣвера въ турецкіе предѣлы представляетъ собою широкій проходъ (ворота) около 40 километровъ между хребтомъ Истранджа, у подошвы котораго лежитъ укрѣпленный пунктъ Киркилиса, и Родопскими горами, въ долину рѣкъ Марицы и Тунджи: тутъ могутъ наступать значительныя арміи къ линіи Адрианополь (укрѣпленный лагерь, обнесенный 25 фортами и батареями)—Киркилиса.

Далѣе на западъ черезъ пограничныя горы изъ Болгаріи ведутъ только три пути: 1) изъ Филипполя на Хаскѣй-Кирджали-Гюмюльджина черезъ крутые горныя перевалы; 2) въ долину р. Струмы изъ Дубницы на Джуму (Джумая); отсюда дороги развѣтвляются по тремъ направленіямъ на югъ внизъ по теченію р. Струмы на Сересъ, на юго-востокъ въ Мехомію и Неврокопъ и далѣе по долину р. Месты (Карасу) и на юго-западъ на Кочану и Иштибъ по долину р. Брегалници, 3) изъ Софіи на Кюстендилъ (желѣзная дорога) и Эгри-Паланку, откуда развѣтвленія на Куманово-Ускюбъ и Каратово-Велесъ. Кромѣ этихъ главныхъ путей черезъ границу Болгаріи ведутъ только трудно проходимыя горныя дороги.

Изъ Сербіи главный путь наступленія ведетъ по долину р. Моравы изъ Ниша черезъ Лѣсковацъ, Вранью, Ристовацъ (граница) Куманово на Ускюбъ (желѣзная дорога на всемъ протяженіи). Далѣе на сѣверо-востокъ изъ Сербіи ведутъ нѣсколько дорогъ по долинамъ небольшихъ рѣкъ или черезъ невысокіе перевалы; главнѣйшія изъ нихъ дороги отъ Преполаци и Врабче (граница)—на Приштину и нѣсколько дорогъ, ведущихъ въ Новобазарскій санджакъ къ Новобазару, Сѣнницѣ и Нововарошу.

Изъ Черногоріи ведутъ горныя дороги къ границѣ на сѣверѣ отъ Колашина (центръ IV дивизионнаго округа), въ средней части изъ Подгорицы (центръ II округа) и на югѣ изъ Цетиньи (центръ I округа) Антивари.

Наконецъ, изъ Греціи опять-таки черезъ горныя перевалы пролегаютъ дороги изъ Лариссы на сѣверъ въ Фессалию и изъ Трикала-Арта—въ Эпиръ.

Сосредоточеніе силъ. Растянутасть театра войны по ширинѣ и необходимость для Турціи оборонять столицу и не допустить противника овладѣть Македоніей и старой Сербіей, которыя составляли политическую цѣль войны, заставляла турокъ раздѣлить свои силы и лишало ихъ выгоды дѣйствія по внутреннимъ линіямъ.

Соотвѣтственно съ этими условіями Турція сосредоточила свои войска въ двухъ главныхъ группахъ.

Восточная армія Абдула-паши, Адрианопольская, начала сосредоточеніе на линіи Адрианополь—Киркилиса; въ составъ ея входили I—IV корпуса низама (за исключеніемъ 1-й дивизіи I корпуса, еще до войны отправленной въ Албанію) и расположенный въ районѣ первой инспекціи дивизіи редифа ($\frac{2}{I}$ и $\frac{4}{II}$), за исключеніемъ тѣхъ частей, которыя остались близъ пунктовъ своего квартированія для мѣстной обороны. Сила восточной арміи предполагалась около 200.000 человекъ.

Западная армія, Вардарская, прежняго военнаго министра Махмудъ-Шевкетъ-паши сосредоточилась въ Албаніи съ центральнымъ пунктомъ въ Ускюбѣ и базируясь на Салоники; сила ея оцѣнивалась въ 150.000 человекъ и въ составъ ея вошли V—VII корпуса (+ 1 дивизіи I корпуса) низама и часть дивизій редифа, расположенныхъ въ районѣ второй инспекціи ($\frac{4}{I}$ и $\frac{13}{II}$). По имѣвшимся свѣдѣніямъ, западная армія была раздѣлена на 4 группы—главныя силы Ускюбѣ—Куманова (60.000) и отряды въ долину р. Струмы, въ Иштибѣ—Велесѣ и на Коссовомъ полѣ (Приштина—Митровица).

Противъ черногорской и греческой арміи турки выставили незначительныя силы—ядро ихъ составляли отдѣльныя дивизіи низама: одна въ Скутари на черногорской границѣ (имѣлось въ виду усилить ее двумя дивизіями редифа) и двѣ въ Кожанѣ и Янинѣ на греческой границѣ, вѣроятно также усиленные мѣстнымъ редифомъ. На черногорской границѣ въ Скутари командовалъ турецкими войсками Эсадъ-паша, на греческой—Али-Риза-паша. Въ «саджакѣ» оставались только части мѣстнаго редифа.

По мѣрѣ возможности и необходимости предполагалось усилить восточную и западную армію подвозомъ дивизій редифа изъ Анатоли и Сиріи для первой—въ районѣ Константинополь, для второй—Салоники.

Главкомандующимъ турецкою арміею назначенъ военный министръ Назимъ-паша.

Исполненіе мобилизаціи и сосредоточеніе турецкой арміи, повидимому, встрѣтили значительныя затрудненія и сильно замедлились; обнаружился недостатокъ въ лошадахъ и перевозочныхъ средствахъ, пополненіе арміи затруднялось уклоненіемъ отъ службы не магометанъ и нерасположеніемъ албанцевъ вступить въ ряды арміи (они предпочитали собираться въ отдѣльныя отряды отъ 2.000—15.000 человекъ подъ руководствомъ своихъ вождей, а малисоры и меридиты близъ границы Черногоріи оказались неблагонадежными); въ снабженіи арміи съ самаго начала обнаружались крупныя недочеты, даже въ отношеніи продовольствія.

Въ результатѣ ко времени перехода границъ арміями союзниковъ,

турецкая армія была неготова и сосредоточеніе на главномъ восточномъ театрѣ далеко не закончено.

Каковъ былъ планъ кампаніи союзниковъ, пока въ точности неизвѣстно, но несомнѣнно одно: онъ основывался на быстромъ и энергичномъ наступательномъ образѣ дѣйствій съ захватомъ возможно большого района турецкой территоріи (избѣгая разбрасыванія силъ). Такое рѣшеніе вызывалось желаніемъ воспользоваться медленностью мобилизациі арміи противника, сравнительно съ мобилизаціею союзниковъ (къ тому же несомнѣнно заравѣ подготовленною); быстрый захватъ территоріи объясняется желаніемъ охранить христіанское населеніе отъ притѣсненій и проявленія фанатизма и воспользоваться его симпатіями.

Насколько извѣстно, Болгарія на театрѣ войны выдвинула три арміи: I генерала Кутинчева изъ 3-хъ дивизій и 3-хъ резервныхъ бригадъ (70.000) была сосредоточена въ районѣ Софія—Филиппополь и назначалась для наступленія по дорогамъ на Кюстендиль (съ 2-мя сербскими дивизіями)—Дубница и Филиппополь—Кирджали и для поддержанія, въ случаѣ необходимости, праваго фланга главныхъ силъ. Послѣднія въ составѣ II арміи генерала Иванова на правомъ флангѣ и III генерала Дмитріева—на лѣвомъ флангѣ, въ общемъ составѣ 6 дивизій и 6 резервныхъ бригадъ (160.000) сосредоточились въ районѣ Германлы—Стара Загора—Ямболъ и назначались для наступленія въ долинахъ рр. Марицы и Тунджи и нанесенія главнаго удара противъ линіи Адрианополь—Киркилиса. Командованіе болгарскою арміею принялъ на себя король Фердинандъ и назначилъ себѣ помощникомъ состоявшаго въ запасѣ генерала Савова; начальникомъ штаба арміи назначенъ генераль Фичевъ.

Главныя силы сербской арміи сначала сосредоточились у Ниша; затѣмъ были образованы три арміи: I—наслѣднаго королевича Александра—сосредоточена у Враньи и назначалась для нанесенія главнаго удара на западномъ театрѣ, на Куманова—Ускюбъ; въ составъ ея входили 2 дивизіи и 3 резервныя дивизіи (60.000); II армія генерала Стефановича въ составѣ 2-хъ дивизій (I призыва 30.000) была по желѣзной дорогѣ перевезена изъ Ниша въ Софію и Кюстендиль, гдѣ присоединилась къ частямъ болгарской арміи; она назначалась для наступленія на Эгри-Паланку—Каратова, и отсюда, въ зависимости отъ обстоятельствъ, для поддержанія I арміи у Куманова или движенія на югъ на Кочану и Иштибъ; III армія генерала Янковича (1 дивизія и 2 резервныя дивизіи—35.000) повидимому сосредоточилась у Куршумлье и двумя колоннами черезъ Преполаци и Врабчу направилась противъ Приштины—Митровицы. Наконецъ, на сѣверѣ въ районѣ Вальево—Ушица былъ сосредоточенъ отрядъ генерала Живковича 25.000, предназначавшійся для вступле-

нѣсколькими колоннами въ «Санджакъ» и подачи руки черногорцамъ. Начальникомъ штаба сербской арміи назначенъ генераль Путьникъ.

Черногорія сформировала 3 отряда: сѣверный генерала Вукотича изъ войскъ IV округа, назначенный для вторженія по направленію на Берану, къ югу отъ нея и къ сѣверу въ «Санджакъ»; ередній—наслѣднаго королевича Данила—отъ Подгорицы на Тузи—Скутари и южный генерала Мартиновича—отъ Антивари черезъ р. Войну къ Скутари.

Греція сформировала 2 арміи, восточную Фессалійскую наслѣднаго королевича Константина (55.000) для наступленія отъ Лариссы черезъ горные проходы къ Эласонѣ и западную генерала Сапуцаки (25.000), Эпирскую, для движенія на Трикалы къ Янинѣ.

Очеркъ военныхъ дѣйствій. Въ настоящее время нѣтъ возможности сколько-нибудь подробно описать военныя дѣйствія; съ одной стороны турецкіе, даже официальные, источники умышленно искажаютъ извѣстія, съ другой—союзники и особенно болгары, съ замѣчательною послѣдовательностью соблюдаютъ принципъ сохраненія тайны, вплоть до цензуры офицерскихъ и солдатскихъ писемъ съ театра военныхъ дѣйствій. Иностранныя газеты хотя и наполнены почти исключительно событіями на Балканскомъ полуостровѣ, но даютъ преимущественно сообщенія плохо освѣдомленныхъ корреспондентовъ; къ этому въ послѣдніе дни октября прибавился цѣлый потопъ политическихъ гаданій въ виду близости развязки и возможнаго вмѣшательства «Европы». Приводимъ лишь въ краткихъ чертахъ общій очеркъ военныхъ дѣйствій до 26-го октября.

На Фракійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, который можно назвать главнымъ, такъ какъ здѣсь ударъ былъ направленъ противъ главныхъ силъ турецкой арміи и противъ столицы Турціи, болгарскія арміи перешли границу 5/18-го октября. Первое столкновеніе произошло на дорогѣ Германлы—Мустафа-Паша и болгары, оттѣпивъ турокъ съ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ позицій, причемъ дѣло доходило до рукопашнаго боя, 6-го числа въ 5 часовъ вечера заняли Мустафа-Паша; турки не успѣли разрушить мостъ черезъ Марицу и отступили къ Адрианополю.

II болгарская армія генерала Иванова наступала къ крѣпости тремя колоннами—двумя между рр. Марицей и Тунджей, третьею по восточному берегу Тунджи; правая и средняя колонны 8-го октября дошли до передовыхъ укрѣпленій Адрианополя, а лѣвая продолжала наступленіе на югъ, обходя укрѣпленный лагерь съ востока.

III болгарская армія генерала Дмитріева наступала къ востоку отъ II арміи, между Бюекъ-Дервентъ и Малко—Тырново, направляясь на Киркилису и 8-го октября вошла въ соприкосновеніе съ передовыми

частями турецкаго III корпуса Махмудъ-Мухтара-паши, а вечеромъ 9-го числа появилась передъ крѣпостью Киркилиса на линіи Петра-Каракочъ. Болгары тотчасъ атаковали передовыя укрѣпленія и къ утру 10-го октября отбросили турокъ въ городъ, въ теченіе дня турки пытались произвести контръ-атаку, но были отбиты; ночью болгары обстрѣливали городъ, а 11-го октября атаковали его; турки въ беспорядкѣ отступили на Бунаръ-Гиссаръ, а оттуда частью къ Баба-Эски, частью къ Визѣ; болгары захватили 1.200 чѣловѣкъ плѣнныхъ, много крѣпостныхъ и нѣсколько полевыхъ орудій.

Что касается Адрианополя, то послѣ столкновенія съ турками у Кадыкой на сѣверо-западѣ и у Марашъ на западномъ фронтѣ, турки отступили за линію фортовъ и крѣпость постепенно была со всѣхъ сторонъ обложена болгарскими войсками. Въ теченіе осады турки пытались нѣсколько разъ дѣлать вылазки въ разныхъ направленіяхъ, но были отбиты. Болгары бомбардировали крѣпость осадною артилеріею.

Тѣмъ временемъ лѣвофланговая болгарская армія послѣ занятія Киркилисы продолжала движеніе на югъ къ Бунаръ-Гиссару и Визѣ, а свободныя части правофланговой арміи также наступали на югъ по обимъ берегамъ Марицы къ Люле-Бургасу.

Турки на позиціи Люле-Бургасъ—Виза на р. Эргене оказали серьезное сопротивленіе и здѣсь 16/29-го октября начался бой, продолжавшійся 5—6 дней; въ теченіе двухъ дней турки у Визы видимо удерживались и даже пытались перейти въ наступленіе, но у Люле-Бургасъ потерѣли сильное пораженіе, повлекшее за собою отступленіе турецкой арміи сначала къ Чорлу, гдѣ арьергардъ пытался удерживать натискъ болгаръ, а потомъ на укрѣпленную позицію Чатаджи, тянущуюся на протяженіи 40 километровъ отъ Беюкъ-Чекмедже на Мраморномъ морѣ до форта Карабунаръ на Черномъ морѣ.

Сраженіе у Люле-Бургаса было очень упорное и потребовало много жертвъ; турки получали подкрѣпленія изъ Малой Азіи, которыя высаживались въ портѣ Мидія на Черномъ морѣ, а болгарская главная квартира притянула къ фронту сколько можно было войскъ изъ армій, осаждавшей Адрианополь, затѣмъ части 1-й арміи генерала Кутинчева и, по слухамъ, даже 2 сербскія дивизіи (отъ Константинополя).

Операціи на восточномъ театрѣ такимъ образомъ къ 26-му октября, три недѣли послѣ перехода границы, выразились крупнымъ успѣхомъ болгаръ, отгѣснившимъ главныя силы турокъ до линіи Чатаджи, въ 30—50 километрахъ отъ столицы.

Отступленіе турецкой арміи частью обратилось въ беспорядочное бѣгство; лишенные руководства солдаты, деморализованные пораже-

ніемъ и къ тому же голодные, грабили и производили насилія надъ христіанскимъ населеніемъ и въ Константинополѣ опасались наплыва голодныхъ и одичалыхъ солдатъ, и Порта разрѣшила военнымъ судамъ великихъ державъ проходъ черезъ проливы для прибытія въ Константинополь съ цѣлью охраненія своихъ подданныхъ.

Въ среднемъ районѣ театра военныхъ дѣйствій болгарскія колонны, наступавшія изъ Филипополя къ Кирджали и отъ Дубницы по долині Струмы также одержали быстрые успѣхи. Первая 12-го октября заняла Кирджали. Вторая, занявъ Джумаю (Джума), выслала отрядъ въ Махомію и Неврокопъ, передовыя части котораго доходили до желѣзной дороги Деде-Агачъ—Салоники и разрушили мостъ на р. Карасу (Места) у Букова. Другой отрядъ направился внизъ по теченію р. Струмы. Болгарская колонна отъ Кюстендила, отдѣлившись отъ сербской 2-й арміи у Каратова, пошла на югъ, послѣ упорнаго боя овладѣла Кочаною и, направляясь внизъ по теченію р. Брегалницы, 15-го октября заняла Иштибъ и вошла въ связь съ сербами, овладѣвшими Велесомъ. Изъ Иштиба болгарская колонна продолжала наступленіе на Салоники, куда изъ Велеса двинулись сербы, а съ запада наступала греческая армія.

Въ западномъ районѣ сербскія арміи быстро подвигались впередъ и одержали блестящіе успѣхи; перейдя границу у Ристоваца 5/18-го октября, I армія королевича Александра послѣ нѣсколькихъ столкновеній съ турецкими передовыми отрядами одержала 10-го и 11-го октября (въ дни боя у Киркилисы) рѣшительную побѣду у Куманова надъ главными силами арміи Махмудъ-Шевкетъ-паши (турками командовалъ Цеки-паша) и этимъ сломила сопротивленіе турокъ въ этомъ районѣ. По слухамъ, I арміи подъ Кумановымъ оказали содѣйствіе части II сербской арміи.

13-го октября сербы заняли Ускюбъ. Тѣмъ временемъ двѣ колонны III сербской арміи генерала Живковича быстро подвигаясь впередъ, 10-го числа заняли Приштину, а затѣмъ Вучитернъ, Митровицу, Феризовичи, Качаникъ и, наконецъ, 18-го октября генералъ Живковичъ въ Ипекѣ соединился съ черногорцами (г. Вукотичъ) и вмѣстѣ съ ними направился къ Діакову.

Сербскія отряды на границѣ Новобазарскаго санджака тѣмъ временемъ заняли Новобазаръ и Сѣнницу и 12-го октября у Бредарева вошли въ связь съ черногорцами.

Сербскія войска съ поразительною быстротою подвигались впередъ и по разнымъ направленіямъ захватывали все большій районъ турецкой территоріи, не давая противнику опомниться, отражали его слабыя попытки къ сопротивленію, захватывали артилерію и плѣнныхъ, всюду радостно встрѣчаемые христіанскимъ населеніемъ. Одна колонна направилась на Кальканделенъ и 17-го октября заняла При-

зрѣнь; другая наступала на югъ, 16-го числа заняла Велесь, а 21-го, послѣ упорнаго боя, Прилѣпъ, угрожая Монастырю, куда съ юга наступали греки, дошедшіе 21-го октября до Баницы, третья колонна отъ Велеса направилась къ Салоники, куда, какъ сказано, наступали болгары съ сѣвера и греки съ запада (22-го октября послѣ боя у Иенидже находились въ 40 километрахъ отъ Салоникъ); 26-го числа сербы прошли Демиръ-Капу. Турки повидимому при отступленіи раздѣлились на 2 группы—одна изъ нихъ отступила къ Монастырю, другая—на Салоники.

Такимъ образомъ, къ 26-му октября, три недѣли послѣ перехода границы, сербскія арміи заняли непріятельскую территорію протяженіемъ около 250 верстъ съ сѣвера на югъ и около 100 верстъ съ востока на западъ и притомъ нанесли рѣшительное пораженіе главнымъ силамъ западной турецкой арміи, не считая большого числа менѣе значительныхъ столкновеній. Это поразительный результатъ, свидѣтельствующій о неутомимости и воодушевленіи сербскихъ войскъ.

Греческая восточная армія наслѣднаго королевича 6-го октября перешла границу тремя колоннами и овладѣла г. Эласона, нанеся пораженіе турецкимъ войскамъ; послѣднія отступили на сѣверо-западъ, а греки послѣ вторичнаго боя у Сарандапоровъ овладѣли 12-го октября г. Сервіа. Турки въ беспорядкѣ отступили частью вверхъ по р. Выстрицъ, частью на с.-з. къ Кожанъ; этимъ пунктомъ армія королевича овладѣла 14-го числа, и главныя силы ея отсюда двинулись на с.-в. къ Караферіи (Веріа), а отрядъ—на с.-з. по направленію на озеро Острово и Монастырь. вмѣстѣ съ тѣмъ греки отдѣляли небольшіе отряды на западъ и на востокъ для занятія возможно большіей территоріи съ цѣлью охраненія христіанскаго населенія.

Армія королевича заняла Верію 17-го октября, а 21-го числа, разбивъ сильный турецкій отрядъ у Иенидже (Яница), продолжала наступленіе на Салоники и 22-го октября подошла къ р. Вардаръ, переправа черезъ которую была повреждена турками. Греки, такимъ образомъ, ближе другихъ союзниковъ находились отъ Салоникъ, всего въ 40 километрахъ отъ города. Къ тому же времени сербы дошли до Демиръ-Капу, на р. Вардаръ въ 100 километрахъ отъ Салоникъ, а болгары до Демиръ-Гисара, на р. Струмъ въ 70 километрахъ отъ Салоникъ, Армія королевича 26-го октября заняла Салоники.

Греческій отрядъ, высланный изъ Кожаны на с.-з. съ бою овладѣлъ турецкою позиціею у Налбандкюй и дошелъ 21-го октября до Баницы, въ 40 километрахъ отъ Монастыря, но здѣсь встрѣтилъ серьезное сопротивленіе и занялъ позицію. Къ этому времени сербы, наступая съ сѣвера, находились въ Прилѣпѣ, въ 40 километрахъ отъ Монастыря.

Греческая западная армія генерала Сапунцаки, будучи малочис-

ленно, медленно подвигалась къ Янинѣ и къ 26-му октября, послѣ нѣсколькихъ столкновений съ турками заняла высоты, близъ этого укрѣпленнаго пункта. Пограничная небольшая турецкая крѣпость Превеза 21-го октября сдалась грекамъ съ гарнизономъ около 800 человекъ.

Греческій флотъ, состоящій изъ броненоснаго крейсера «Георгій Аверовъ», трехъ малыхъ крейсеровъ и миноносцевъ также принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ. Онъ высадилъ греческій отрядъ на побережьи близъ Катерины, въ 60 километрахъ отъ Салоникъ и своими десантами занялъ острова Имбросъ и Тенедосъ близъ Дарданель, Самоеракію и Тасосъ въ сѣверной части Эгейскаго моря. Наконецъ, греческій миноносецъ ночью вошелъ въ портъ Салоники мимо фортовъ и загражденій и потопилъ старый турецкій броненосецъ.

Турецкій флотъ, состоящій изъ двухъ броненосцевъ, купленныхъ въ Германіи, 3 броневыхъ крейсеровъ и нѣсколькихъ миноносцевъ (не считая старыхъ броневыхъ судовъ, не могущихъ выйти въ море), не рѣшился помѣриться съ греческимъ флотомъ, а ограничился бомбардированіемъ болгарской крѣпости Варны и незащищеннаго порта Каверны на Черномъ морѣ, но, потерпѣвъ самъ отъ огня крѣпости, скорѣй вернулся въ Босфоръ.

Черногорская ариія, первую бросившая перчатку Оттоманской имперіи и перешедшая границу 26-го сентября, съ самаго начала, несмотря на свою малочисленность, имѣла большой успѣхъ. Сѣверный отрядъ генерала Вукотича сначала осадилъ Берану, которая была взята 3-го октября. Тѣмъ временемъ части ея были отправлены одна на сѣверъ, другая на юго-востокъ. Первая заняла Вѣлополье въ санджакѣ Новый Базаръ 30-го сентября, а 12-го октября въ Бредаревѣ соединилась съ сербскими войсками. Вторая наступала къ Плаву и Гусиньѣ, которое было взято 8-го октября; она продолжала движеніе къ Ипеку, заняла его 17-го числа и, соединившись здѣсь съ сербами, направилась на Дьяково, занятое 23-го октября. На крайнемъ сѣверѣ «Санджака» черногорскій отрядъ съ боя занялъ Плевльѣ, откуда турки бѣжали въ Боснію и были обезоружены австрійцами.

Средній черногорскій отрядъ королевича Данилы началъ военныя дѣйствія съ обстрѣливанія укрѣпленія на горѣ Планиницѣ, которымъ овладѣлъ; затѣмъ онъ штурмовалъ укрѣпленную высоту Дедичъ и Чишшаникъ и 2-го октября овладѣлъ укрѣпленнымъ городомъ Тузи, захвативъ 13 орудій и 2.500 плѣнныхъ; наконецъ, послѣ обстрѣливанія было занято укрѣпленіе Враньи, и отрядъ двинулся на юго-западъ для обложенія укрѣпленнаго города Скутари, центра вилайета, обороняемаго 24 дивизією низама.

Южный отрядъ генерала Мартиновича, овладѣвъ нѣсколькими

турецкими блокгаузами, подошелъ съ юго-запада къ г. Скутари и, послѣ подвоза тяжелой артилеріи, началъ обстрѣливать фортъ на возвышенности Тарабошъ, лежащей на берегу озера къ западу отъ города, а также самый городъ.

Такимъ образомъ, къ 26-му октября, каковымъ числомъ ограничивается настоящій очеркъ военныхъ дѣйствій, союзниками въ теченіе 3 недѣль послѣ перехода границы (черногорцы перешли таковую 10 днями раньше) достигнуты самыя рѣшительные результаты: западная база турокъ Салоники занята греками и западная турецкая армія почти уничтожена, а на востокъ болгары нанесли рѣшительное пораженіе турецкимъ главнымъ силамъ подъ руководствомъ главнокомандующаго Назима-паши и отбросили ихъ въ безпорядкѣ къ послѣдней укрѣпленной позиціи Чаталджъ, въ 40—50 километрахъ отъ Константинополя.

М. Б.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ
„КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 48.

ЦѢНА 15 КОП.

КРЕСТНЫЙ

НА

1913 г.

ДВѢ ПРЕМІИ.

Первый по времени изданія (1866 г.) настольный календарь выйдетъ изъ печати 15-го іюля. Съ пересылкой заказа бандеролью по полученіи марками 28 к., съ наложеннымъ платежомъ—40 к. На 1 р. высылается 5 экз., на 2 р.—11 экз., на 3 р.—18 экз. Торговцамъ обычная скидка. Принимаются публикаціи. Подробные проспекты высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО**.

Адресъ: **МОСКВА**, Долгоруковская улица, д. № 33, конторѣ „Крестнаго Календаря“.

Разсрочка дѣлается лишь при подпискѣ черезъ канцелярію своей части съ уплатою взносовъ черезъ нее. Непоступленіе взноса къ указанному сроку влечетъ за собою прекращеніе доставки изданія.

Войсковыя части и учрежденія, а также отдѣльныя лица, сдающія въ редакцію подписку для себя на „Русскій Инвалидъ“, въ случаѣ присылки не полной годовой платы, будутъ зачисляться въ категорію подписчиковъ на сроки меньше года, соответственно присылаемой каждый разъ суммѣ. „Военный Сборникъ“ будетъ высылаться лишь по полученіи полной годовой платы.

Плата за перемѣну адреса на «Русскій Инвалидъ» съ городского въ С.-Петербургѣ на иногородный (внутри Имперіи) или обратно съ иногороднаго на С.-Петербургскій:

на 1 мѣсяцъ	30 коп.
„ 2 мѣсяца	50 „
„ 3 „ п свыше	70 „

При временной перемѣнѣ С.-Петербургскаго адреса на иногородный (напр., на время лагеря или на дачное время и проч.) первая перемѣна оплачивается по только что указанному тарифу, а обратная дѣлается бесплатно.

За всякую перемѣну иногороднаго адреса на иногородный уплачивается 20 коп.

За перемѣну городского С.-Петербургскаго адреса на таковой же городской платы не взимается.

При перемѣнѣ адреса внутренняго (внутри Имперіи) на заграничный уплачивается разница между вышеуказанною подписною платою на соответственные сроки для внутреннихъ и заграничныхъ подписчиковъ. Перемѣна адреса заграничнаго на внутренній дѣлается бесплатно.

Плата за каждую перемѣну адреса на «Военный Сборникъ»: С.-Петербургскаго городского на иногородный или обратно — 60 коп., иногороднаго на иногородный — 20 коп.; за перемѣну городского С.-Петербургскаго на другой городской С.-Петербургскій — платы не взимается.

За перемѣну адреса внутренняго на заграничный уплачивается по 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ текущаго года.

Розничная продажа. Отдѣльные номера «Русскаго Инвалида» продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и пересылаются по почтѣ за 7 коп.

Отдѣльныя книжки «Военнаго Сборника» продаются въ конторѣ редакціи по 60 коп. за книжку (съ пересылкою по 75 коп.), съ приложеніемъ «Военно-Историческаго Сборника» по 1 р. (съ пересылкою 1 р. 25 к.).

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 25 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{4}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282, только объявленія о вызовѣ наследниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 к. за первый лотъ вѣса объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Объявленія въ «Военномъ Сборникѣ» принимаются по тарифу 20 рублей за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при книжкахъ «Военнаго Сборника» взимается по 15 рублей съ 1000 экземпляровъ, вѣсомъ до 1 лота каждый.

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»

Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Бѣллевъ.*

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Пруссакъ.*

О ПОДПИСКѢ НА

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“, „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“
и „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

въ 1913 году.

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1912 года № 194).

Въ 1913 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по-прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемесячно. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказъ по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба *принимаются къ руководству со времени получения въ частяхъ и учрежденіяхъ названной газеты.*

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главные официальные извѣстія и слѣдитъ за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, и также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» будетъ имѣть задачей давать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймоновской, № 21. Телефонъ 672.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На «Русскій Инвалидъ»:

Въ Россіи:

На годъ	9 р. — к.	Съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою въ иностранныя мѣста.
„ 11 мѣсяцевъ	8 „ 50 „	„
„ 10 „	8 „ — „	„
„ 9 „	7 „ 50 „	„
„ 8 „	7 „ — „	„
„ 7 „	6 „ 50 „	„
„ 6 „	5 „ 75 „	„
„ 5 „	5 „ — „	„
„ 4 „	4 „ 25 „	„
„ 3 „	3 „ 25 „	„
„ 2 „	2 „ 25 „	„
„ 1 „	1 „ 25 „	„

За границей:

На годъ	15 р. — к.	Съ пересылкою.
„ 11 мѣсяцевъ	14 „ — „	„
„ 10 „	13 „ — „	„
„ 9 „	12 „ — „	„
„ 8 „	11 „ — „	„
„ 7 „	10 „ — „	„
„ 6 „	9 „ — „	„
„ 5 „	8 „ — „	„
„ 4 „	6 „ 50 „	„
„ 3 „	5 „ — „	„
„ 2 „	3 „ 50 „	„
„ 1 „	2 „ — „	„

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го янв. по 1-е янв. слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не далѣе конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ» принимается попрежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкою на домъ), за границу 8 руб. съ пересылкою; *на срокъ менѣе года и отдѣльно на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.*

СРОКИ ВЗНОСА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ:

Подписная плата вносится *полностью* при подпискѣ.

Но при подпискѣ на годъ *отдѣльныхъ военно-служащихъ допускается разсрочка платежа* по слѣдующему расчету:

На «Русскій Инвалидъ».

не позже 1 января	4 р.
„ „ 1 марта	1 „
„ „ 1 мая	1 „
„ „ 1 іюля	1 „
„ „ 1 сентября	1 „
„ „ 1 ноября	1 „
Итого	9 р.

На «Военный Сборникъ».

не позже 1 января	2 р
„ „ 1 марта	1 „
„ „ 1 мая	1 „
„ „ 1 іюля	1 „
„ „ 1 сентября	1 „
Итого	6 р

См. далѣе на 3-й страницѣ обложки

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ

№ 12

ДЕКАБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховал. 40.

1912.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

І.

	СТРАН.
I. Мысли о нашемъ мышленіи. (<i>Окончаніе</i>). Э. Х. КАЛНИНЬ.	1
II. Служба генеральнаго штаба. Ө. ЧЕРНОЗУБОВЪ.	19
III. О полевыхъ поѣздкахъ. Н. Д. ЗАРИНЬ.	27
IV. Какія реформы нужны казакамъ. П. КРАСНОВЪ.	33
V. Къ вопросу о техническомъ артилерійскомъ образова- ніи. А. НИЛУСЪ.	41
VI. Наши полигоны. В. ВОРОНЕЦКІЙ.	55
VII. Еще о редутъ. К. ИСАКОВЪ.	61
VIII. Гдѣ располагать опорные пункты полевой укрѣпленной позиціи? В. ТЕРЬ-АКОПОВЪ.	69
IX. Новое положеніе о хозяйствѣ въ полку. З. КОНОНЕНКО.	77
X. Автомобилизмъ и военно-санитарная служба. Д-ръ К. ЗА- МУРАВКИНЪ.	87
XI. Служеніе священника на войнѣ. (Изъ наблюденій участника Русско-японской войны). (<i>Окончаніе</i>). Г. ШАВЕЛЬСКІЙ.	93
XII. Инициатива. А. ДМИТРЕВСКІЙ.	109
XIII. Шесть задачъ стрѣлбы для пѣхотныхъ частей и пуле- метныхъ командъ, продѣланныхъ въ окрестностяхъ сел. Höflein 12-го сентября 1911 г. (Сообщеніе Императорско-Коро- левской стрѣлковой школы). (<i>Со схемами</i>). (<i>Окончаніе</i>). Перев. К. Ф.	117
XIV. Къ возрожденію сербскаго королевства. И. Е. ИВАНОВЪ.	127
XV. По Монголіи до границъ Тибета. (<i>Съ рисунками</i>). П. КОЗЛОВЪ.	155
XVI. Воздухоплаваніе за границей. (<i>Съ рисунками</i>). ВРОНСКІЙ.	183

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журна- ловъ. С. ДОБРОРОЛЬСКІЙ; В. Н.	189
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (<i>Со схемами</i>). М. Б.	217
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	239
ПРИЛОЖЕНІЕ: Систематическій указатель «Военнаго Сбор- ника» за 1912 г.	1—12

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,
Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ *Бьялевъ*.

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генералъ-Маіоръ *Пруссагъ*.

МЫСЛИ О НАШЕМЪ МЫШЛЕНІИ ¹⁾.

(Окончаніе).

II.

Ври такихъ дефектахъ нашего мышленія, легко уклняющагося въ сторону отъ прямого, логическаго пути въ угоду всякаго рода привходящимъ соображеніямъ, всякіе сколько-нибудь важныя и, слѣдовательно, болѣе сложныя вопросы государственной обороны обязательно будутъ рѣшаться несоотвѣтственнымъ образомъ. Изъ числа такихъ вопросовъ едва ли не хуже всего разрѣшенъ у насъ вопросъ о генеральномъ штабѣ, правильная организація котораго является въ наше время важнѣйшимъ условіемъ надлежащей постановки всего военнаго дѣла въ странѣ. Какъ я доказываю въ своей книгѣ «Генеральный штабъ и его спеціальность», значеніе его, вытекающее изъ самой сущности современнаго военнаго дѣла, заключается въ изученіи противника, понимая подъ послѣднимъ не только непріятельскую армію, а всю совокупность факторовъ, препятствующихъ достиженію цѣли войны, цѣли каждой отдѣльной операціи, цѣли каждаго боя. Это изученіе, надлежащимъ образомъ веденное, даетъ выводы относительно ближайшей цѣли дѣйствій, силы и сосредоточенія собственной арміи, соотвѣтственной подготовки и оборудованія театра войны и, нако-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1912 г. № 11.

нецъ, относительно организаціи, вооруженія, снабженія, словомъ, всесторонней подготовки къ войнѣ всѣхъ вооруженныхъ силъ страны. Такая чисто научнаго характера задача можетъ успѣшно разрѣшаться только при томъ условіи, если генеральный штабъ будетъ комплектоваться офицерами, отличающимися сильнымъ умомъ и научнымъ складомъ мышленія и получившими вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтственную научную подготовку; безъ этихъ условій генеральный штабъ ѣкогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть — «мозгомъ арміи». Къ сожалѣнію, у насъ это представленіе о назначеніи и задачахъ генеральнаго штаба до сихъ поръ не получило права гражданства и не легло въ основу его организаціи и службы; да и вообще у насъ нѣтъ никакого сколько-нибудь яснаго представленія о спеціальности генеральнаго штаба, вслѣдствіе чего во всѣхъ вопросахъ, гдѣ требуется правильное, научно обоснованное рѣшеніе въ сферѣ его компетенціи, мы оказываемся на рѣдкость несостоятельными.

Присмотритесь, напримѣръ, хотя бы къ тѣмъ упражненіямъ, на которыхъ офицеры генеральнаго штаба практикуются въ своей спеціальности, къ ихъ военнымъ играмъ и полевымъ поѣздкамъ: на нихъ постоянно приходится встрѣчаться съ рѣшеніями, болѣе чѣмъ неудовлетворительными. Мнѣ помнится, напримѣръ, случай на военной игрѣ, въ которой начальниками сторонъ были корпусные командиры, когда съ главнаго театра войны, гдѣ силы противниковъ были приблизительно равны, одна изъ сторонъ не задумалась увести всѣ свои войска за нѣсколько сотъ верстъ, на второстепенный театръ, чтобы раздавить тамъ второстепеннаго противника и этимъ сносомъ помѣшать ему явиться на главный театръ. И такое явно абсурдное рѣшеніе не нашло себѣ ни слова осужденія со стороны руководства! Въ замѣчаніяхъ начальниковъ генеральнаго штаба по поводу поѣздокъ или игръ, производившихся въ ихъ присутствіи или подъ ихъ руководствомъ, изъ года въ годъ отмѣчаются сплошь и рядомъ самыя грубыя, самыя элементарныя ошибки, допустимыя еще у юныхъ офицеровъ, мало искусившихся въ тактической премудрости, но совершенно неприличныя въ работахъ старыхъ полковниковъ и генераловъ генеральнаго штаба, которымъ самимъ приходится руководить подобными занятіями со строевыми офицерами. Даже такое элементарное дѣло, какъ редакція всякаго рода расноряженій, на этихъ играхъ и поѣздкахъ сплошь и рядомъ оставляетъ желать очень многого: обыкновенно изложеніе ихъ отличается неточностью или неясностью, допускающимъ разное толкованіе, многословіемъ, часто небрежностью и

даже прямо неряшливостью—внѣшними выраженіями все тѣхъ же дефектовъ мышленія, неумѣнья разбираться въ предложенныхъ на рѣшеніе вопросахъ, устанавливать факты и дѣлать изъ нихъ правильныя заключенія.

Неразвитостью научнаго мышленія объясняется и тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что среди офицеровъ генеральнаго штаба, даже въ высшихъ чинахъ, встрѣчаются еще лица, которые полагаютъ возможнымъ при помощи военныхъ игръ и полевыхъ поѣздокъ разрѣшать тѣ или иные вопросы нашей военной подготовки—выяснять значеніе театровъ войны, рубежей, позицій и т. п. Въ сущности же въ этихъ случаяхъ сказывается только сознаніе своего безсилія справиться самостоятельно съ задачами этого рода и неисправимое наше пристрастіе къ коллегіальнымъ рѣшеніямъ, не справляясь ни со свойствами вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, ни съ компетентностью лицъ, вошедшихъ въ составъ коллегіи.

Да и самый характеръ полевыхъ поѣздокъ офицеровъ генеральнаго штаба претерпѣлъ за послѣдніе годы знаменательную эволюцію: стали находить болѣе полезнымъ дѣлать ихъ двухсторонними, задаваясь цѣлью при помощи привлеченія къ нимъ всякаго рода средствъ связи приблизить ихъ къ двухстороннимъ маневрамъ войскъ. Такое стремленіе тоже объясняется неяснымъ пониманіемъ истиннаго назначенія генеральнаго штаба и, какъ слѣдствіе этого, неяснымъ пониманіемъ характера тѣхъ упражненій, которыя нужны, съ одной стороны—офицерамъ генеральнаго штаба, съ другой—начальникамъ крупныхъ частей войскъ. Какъ извѣстно, отъ начальника всякой войсковой части ждутъ правильной оцѣнки обстановки, правильныхъ, соотвѣтственныхъ обстановкѣ, рѣшеній и правильныхъ, соотвѣтствующихъ этому рѣшенію, распоряженій; о немъ судятъ по результату—побѣдѣ или пораженію, явившемуся слѣдствіемъ его распоряженій. Офицеръ же генеральнаго штаба не командуетъ никакою частью войскъ и, слѣдовательно, не его дѣло принимать рѣшенія, отдавать распоряженія и приводить ихъ въ исполненіе: его обязанность заключается въ томъ, чтобы помочь начальнику разобраться въ обстановкѣ, собственно въ той части ея, которая называется противникомъ и является величиной неизвѣстной, тщательно скрываеваемой. Какъ видно изъ этого, разниця въ функціяхъ начальниковъ частей и офицеровъ генеральнаго штаба весьма существенная, а потому и упражненія мирнаго времени для тѣхъ и для другихъ должны быть различны: для начальниковъ они должны давать практику въ принятіи рѣшеній и

отдачѣ распоряженій, для офицеровъ генеральнаго штаба—въ изученіи и выясненіи обстановки, вѣрнѣе, противника. Обѣ эти цѣли болѣе или менѣе полно достигаются на маневрахъ. Но въ то время, какъ для начальника, рекогносцировки и вообще изученіе противника играютъ служебную роль, доставляя лишь матеріалъ для принятія рѣшеній и отдачи приказаній, для офицера генеральнаго штаба, наоборотъ, упражненія въ изученіи противника выступаютъ на первый планъ, а маневру отводится служебная роль—вызывать необходимость рекогносцировокъ и придавать имъ смыслъ и значеніе. Отсюда ясно, что если двухстороннія полевые поѣздки, какъ упражненія высшихъ войсковыхъ начальниковъ въ полевой ихъ работѣ, и могутъ почти вполне замѣнить маневры, то въ смыслѣ практики офицеровъ генеральнаго штаба въ ихъ спеціальному дѣлѣ они всегда будутъ имѣть тотъ существенный недостатокъ, что въ нихъ отпадаютъ наиболѣе важныя и существенныя рекогносцировки—рекогносцировки непріятельскихъ войскъ.

Избирая для упражненія офицеровъ генеральнаго штаба двухстороннія полевые поѣздки, мы соблазнились, повидимому, возможностью при помощи болѣе дешеваго, чѣмъ маневры, средства упражнять ихъ въ работѣ высшихъ начальниковъ и начальниковъ штабовъ; это намъ кажется достаточнымъ, чтобы выработать изъ нихъ дѣльныхъ начальниковъ, не упражняя ихъ въ ихъ спеціальной работѣ. Тщетная надежда! Въ современной арміи, не имѣющей хорешаго генеральнаго штаба, не будетъ и хорошаго высшаго команднаго состава. Но объ этомъ послѣ.

Есть еще одна особенность двухстороннихъ полевыхъ поѣздокъ, которая заставляетъ насъ отдавать имъ предпочтеніе передъ односторонними. Въ односторонней полевой поѣздкѣ отъ руководителя требуется сильное напряженіе ума, чтобы составлять для участниковъ поѣздки задачи, наиболѣе поучительныя съ точки зрѣнія спеціальной работы генеральнаго штаба, и чтобы рѣшать эти же самыя задачи за противника. Въ двухстороннихъ поѣздкахъ весь этотъ трудъ отпадаетъ, и работа руководства сводится къ чисто механической отмѣткѣ событій и къ сообщенію сторонамъ данныхъ о противникѣ, которыя имъ могли быть въ дѣйствительности извѣстны. Руководить такого рода поѣздкою гораздо легче, такъ какъ въ сущности тутъ и руководства никакого нѣтъ. Но зато, какъ сказано, и поучительность ихъ, съ точки зрѣнія упражненія офицеровъ генеральнаго штаба въ ихъ спеціальности, крайне ограничена. Мы старательно отрешиваемся отъ умственной работы—плохой признакъ для генеральнаго штаба!

Разъ у насъ нѣтъ настоящаго генеральнаго штаба, у насъ не можетъ быть и хорошаго, стоящаго на высотѣ современныхъ требованій кадра высшихъ строевыхъ начальниковъ, такъ какъ по самой сущности современнаго военнаго дѣла необходимымъ условіемъ созданія послѣдняго является надлежащимъ образомъ подобранный, правильно организованный и соотвѣтственно подготовленный генеральный штабъ. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ и въ то же время мало освѣщенъ у насъ, и потому на немъ стоитъ остановиться.

Наполеонъ очень мѣтко резюмировалъ въ двухъ словахъ требованія, которымъ долженъ удовлетворять полководецъ: онъ долженъ обладать большимъ умомъ и сильной волей, причемъ эти качества должны быть у него въ равновѣсіи. И въ современной Франціи тоже хотѣли бы имѣть «контингентъ энергичныхъ, здоровыхъ, тактически развитыхъ высшихъ начальниковъ» и признаютъ это вполне достижимымъ, если на подготовительные къ высшимъ должностямъ штабъ-офицерскіе курсы будутъ избираться люди, у которыхъ имѣются «сильный характеръ прежде всего, большое здоровье затѣмъ и глубокое знаніе войскъ, соединенное съ вѣрнымъ тактическимъ глазомъ»²⁾. Очевидно, и здѣсь считаютъ возможнымъ отобрать для высшихъ должностей людей, отличающихся сильнымъ характеромъ и сильнымъ умомъ, при наличіи котораго только и возможны «тактически развитые» высшіе начальники «съ вѣрнымъ тактическимъ глазомъ».

У насъ же съ легкой руки Драгомирова на этотъ вопросъ смотрятъ нѣсколько иначе. У Драгомирова въ концѣ пятидесятихъ годовъ выработалось «убѣжденіе, которое онъ впоследствии выразилъ словами: въ военномъ дѣлѣ, скорѣе волевымъ, чѣмъ умовымъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ человѣкъ съ его нравственной энергіей» (Извѣстія Имп. Ник. воен. ак., январь 1912 г.: «Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ». М. Д. Бончъ-Бруевичъ). Это свое убѣжденіе въ преобладающемъ значеніи для военнаго дѣла нравственной энергіи, волевой стороны человѣка, Драгомировъ со свойственной ему силой и убѣдительностью проводилъ въ жизнь и съ академической кафедрой, и въ своихъ сочиненіяхъ, и въ практической дѣятельности строевого начальника. И проповѣдь его не осталась безплодной: этотъ взглядъ сталъ у насъ въ настоящее время господствующимъ. Вотъ, напримѣръ, г. А. Дмитревскій полагаетъ, что «главная задача воинскаго воспитанія есть не физическое и умственное раз-

²⁾ В. Б. «Дорогу строевымъ», «Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 240.

витіе воина, а развитіе нравственнаго элемента, духа»³⁾). Еще опредѣленнѣе и уже прямо по отношенію къ высшимъ строевымъ начальникамъ высказывается г. Д. Баланинъ въ статьѣ «Подготовка и выборъ начальниковъ» въ № 1 «Военнаго Сборника» за 1911 годъ. На поставленный себѣ вопросъ, что лучше въ начальникѣ—перевѣсъ ума или воли, онъ, не задумываясь, отвѣчаетъ, «что для истинно военнаго человѣка нѣкоторый перевѣсъ воли важнѣе, чѣмъ ума», и мотивируетъ это тѣмъ, что «большой умъ способствуетъ развитію разсудительности, осторожности, медлительности, что ведетъ иногда къ колебаніямъ и нерѣшительности». Помпѣнію г. Д. Баланина, «слѣдуетъ выбирать предпочтительно то, что болѣе подходит къ нашему дѣлу, а потому... главное вниманіе надо обратить на выработку твердыхъ, самостоятельныхъ характеровъ, способныхъ проявлять разумную инициативу и безавѣтную рѣшительность...» Взглядъ совершенно опредѣленный, хотя невольная обмолвка о «разумной» инициативѣ являетъ собою существенную уступку въ пользу Наполеоновскаго требованія равновѣсія ума и характера и говорить о смутномъ сознаніи, что на одномъ характерѣ далеко не уѣдешь. Примѣрами людей съ характеромъ, но по той или другой причинѣ мыслящихъ вкривъ и вкось, наша русская жизнь достаточно богата; ихъ въ просторѣчии зовутъ самодурами, и они нерѣдки и въ военной средѣ, проявляя свое самодурство тѣмъ беззащитнѣе, чѣмъ выше занимаемое ими служебное положеніе. Вредные плоды ихъ дѣятельности для всѣхъ очевидны, но мы прѣдлагаемъ исповѣдывать провозглашенную Драгомировымъ вѣру въ единственно спасительное для высшихъ войсковыхъ начальниковъ значеніе воли и характера, отставляя требованіе ума на второй планъ.

Статья г. Д. Баланина, развивающая эту мысль, нашла себѣ кое-гдѣ въ печати одобрительные отзывы; но и тѣ идеи, которыя нынѣ стараются положить въ основу комплектованія высшаго команднаго состава нашей арміи, въ сущности исходятъ изъ того же взгляда. Основнымъ условіемъ назначенія на высшія должности вообще и командныя въ особенности у насъ въ послѣднее время стали признавать болѣе или менѣе продолжительное командованіе строевыми частями, особенно полкомъ. Какъ извѣстно, служба въ строю сильно вліяетъ вообще на образованіе именно характера человѣка. Правильно поставленная жизнь и служба въ полковой средѣ объединяють офицеровъ въ общемъ дѣлѣ, которое ведется

³⁾ А. Дмитревскій. «Личный магнетизмъ, гипнозъ и внушеніе въ войсковой жизнедѣятельности». «Русскій Пивальдъ» 1912 г. № 84.

на обязательныхъ для всѣхъ твердо установленныхъ началахъ и въ опредѣленномъ направленіи; онѣ создаютъ ту атмосферу отношеній между членами полковой семьи, которая могущественнымъ образомъ способствуетъ выработкѣ въ офицерахъ желательныхъ для интересовъ службы сторонъ ихъ характера. Благодаря именно воздѣйствію товарищеской среды, напримѣръ, «въ громадномъ большинствѣ германскихъ и австрійскихъ офицеровъ вырабатывается твердый, рѣшительный характеръ, укрѣпляется преданность долгу службы, чести и порядку, духъ соревнованія и самоотверженія, безусловная исполнительность, готовность всегда быть полезнымъ общему дѣлу, стремительная энергія и товарищество, какъ основы всей службы». («Офицерская Жизнь» 1912 годъ, № 19—20: «Военная карьера у насъ и за границей»). Командиръ полка, будучи крупнымъ факторомъ воздѣйствія на офицеровъ, съ другой стороны, и самъ не можетъ избѣгнуть вліянія на него полковой среды въ томъ же направленіи. вмѣстѣ съ тѣмъ командованіе полкомъ близко знакомитъ начальника съ офицерами и нижними чинами, съ ихъ нуждами въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, со способами и средствами удовлетворенія ихъ и надѣляетъ всякаго рода практическими знаніями и сноровками въ хозяйственныхъ дѣлахъ части. Оно вырабатываетъ умѣнье приказывать и распоряжаться людьми, умѣнье вліять на нихъ и заставлять дѣлать все, чего требуютъ интересы службы, вплоть до пожертвованія жизнью. Привычка повелѣвать, выработанная постояннымъ примѣненіемъ предоставленной закономъ власти, укрѣпляетъ вѣру въ себя, рѣшительность, готовность отвѣчать за свои распоряженія и тѣмъ способствуетъ развитію въ начальникѣ воли, если онъ одаренъ ею отъ природы, и отчасти замѣняетъ ее, если онъ слабохарактеренъ и неспособенъ лично вліять на другихъ.

Всѣ эти знанія и качества несомнѣнно полезны и для начальника крупной войсковой части, почему и справедливо требовать отъ кандидата на высшую строевую должность наличія ихъ, доказаннаго благополучнымъ командованіемъ полкомъ. Но признавать, какъ то дѣлается нынѣ, успешное командованіе полкомъ достаточнымъ свидѣтельствомъ пригодности офицера для занятія въ арміи высшей должности вообще и командной въ особенности составляетъ несомнѣнно существенную ошибку, въ корнѣ которой лежитъ, основанное на Драгомировской мысли, невѣрное пониманіе требованій, которымъ долженъ удовлетворять въ наше время начальникъ крупной войсковой части. Правда, помимо строевого ценза, отъ кандидата требуется еще, чтобы ему была дана его на-

чалствомъ блестящая аттестація, испещренная выразительными характеристиками: нравственности безупречной, умственныхъ способностей прекрасныхъ, къ законности приверженъ, казенный интересъ соблюдаетъ, спиртныхъ напитковъ не употребляетъ, образцовый семьянинъ и т. п. и обязательно заканчивающаяся словечками «выдающийся» и «внѣ очереди». Но такъ какъ какихъ-либо объективныхъ условій для пріобрѣтенія такой аттестаціи не существуетъ, такъ какъ неизвѣстно, какія впечатлѣнія долженъ воспринять начальникъ отъ подчиненнаго, чтобы дать ему благопріятную аттестацію, такъ какъ вслѣдствіе этого характеръ ея зависитъ въ сущности не столько отъ аттестуемаго, сколько отъ аттестующаго, то очевидно, что аттестація, обрисовывая подчиненнаго сквозь призму начальственного пониманія дѣла, мало даетъ данныхъ для сужденія о дѣйствительной пригодности его для командованія высшею строевою единицею. И такимъ образомъ единственнымъ требованіемъ для зачисленія въ кандидаты на высшую командную должность въ арміи остается отбытіе извѣстнаго строевого ценза, доказывающее наличіе въ кандидатѣ волевыхъ данныхъ и нѣкоторой суммы практическихъ знаній и сноровокъ.

Съ точки зрѣнія темы настоящей статьи интереснымъ является тотъ фактъ, что подборъ высшихъ строевыхъ начальниковъ на этомъ основаніи встрѣчаетъ безусловное одобреніе со всѣхъ сторонъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось встрѣчать въ печати сомнѣній въ его цѣлесообразности. Изъ этого слѣдуетъ, что уклоненіе отъ Наполеоновскаго требованія равновѣсія ума и характера у полководца въ сторону признанія преобладающаго значенія послѣдняго у насъ какъ бы санкціонировано общественнымъ мнѣніемъ. А между тѣмъ это основаніе подбора высшаго команднаго состава совершенно недостаточно и даже, пожалуй, въ корнѣ своемъ ошибочно.

Въ самомъ дѣлѣ, «большая часть войсковыхъ начальниковъ въ современномъ бою можетъ быть уподоблена шахматному игроку, который, сидя въ помѣщеніи, связанномъ телеграфомъ и телефономъ съ боевыми участками, управляетъ боемъ, слѣдя по картѣ и намѣчая по ней измѣненія, происходящія въ боевомъ порядкѣ» ⁴⁾). Для этой работы ему не нужна его воля ни для преодоленія въ себѣ чувства самосохраненія, ни для непосредственнаго воздѣйствія на подчиненныхъ; воля его играетъ роль лишь въ принятіи извѣстнаго рѣшенія и неуклонномъ приведеніи его въ исполненіе. Практиче-

⁴⁾ М. К. Поповъ. «Служба связи въ войскахъ на войнѣ и на маневрахъ», стр. 1.

скія же знанія, умѣнье распоряжаться людьми и лично вліять на нихъ, все то, что даетъ практика командованія малыми частями, до полка включительно, почти бесполезны для командующаго арміей, командира корпуса, начальника дивизіи. При командованіи малыми частями начальнику приходилось имѣть дѣло, можно сказать, прямо со всѣмъ личнымъ составомъ части и воздѣйствовать на него непосредственно авторитетомъ своей власти, своимъ словомъ, своимъ примѣромъ. Для начальниковъ же болѣе крупныхъ войсковыхъ частей отдѣльные люди, такъ сказать, не существуютъ. они исчезаютъ изъ ихъ глазъ за ввѣренными имъ частями, которыя слишкомъ крупны, слишкомъ разбросаны, чтобы можно было вліять на нихъ тѣми приемами, что примѣнялись въ полку. Тамъ они могли распоряжаться и приказаніями, и уставными командами, т. е. такимъ выраженіемъ своей воли, которое непосредственно воспринимается каждымъ чиномъ части и вызываетъ механическое исполненіе, безъ всякихъ разсужденій и соображеній. Здѣсь распоряженія могутъ быть отдаваемы лишь въ видѣ приказаній, требующихъ отъ исполнителя работы ума. Для начальника крупнаго войскового соединенія труднѣе оріентироваться въ обстановкѣ на театрѣ войны и на полѣ сраженія, такъ какъ и то, и другое, по своей величинѣ недоступно его глазу; труднѣе дать надлежащія задачи отдѣльнымъ войсковымъ единицамъ, входящимъ въ составъ его части, труднѣе прослѣдить за исполненіемъ его приказаній. Какъ бы ни была развита его воля практикой командованія полкомъ и меньшими строевыми частями, какія практическія знанія и сноровки онъ ни вынесъ бы изъ нея, они ему не помогутъ въ разрѣшеніи задачъ, выпадающихъ на войнѣ на долю арміи, корпуса, дивизіи. Онъ долженъ обладать какими-то другими качествами, чѣмъ командиръ полка; способности его должны быть упражняемы въ направленіи, для котораго практика командованія полкомъ не представляетъ пужныхъ условій; словомъ, командованіе высшими войсковыми соединеніями отличается отъ командованія полкомъ не только величиною части, но и по самой сущности своей. Вотъ почему и «... военная исторія показываетъ, что очень немногіе начальники, бывшіе отличными полковыми командирами, были потомъ такими же начальниками дивизій, командирами корпусовъ, командующими арміями»⁵⁾. Отсюда слѣдуетъ, что въ смыслѣ подготовки къ командованію высшими войсковыми соединеніями командованіе полкомъ и меньшими частями имѣетъ сравнительно малое значеніе, нужно нѣчто совсѣмъ иное. Что же такое нужно?

⁵⁾ В. Б. «Характеръ, здорье, знаніе», «Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 250.

«Наполеонъ полагалъ, что военныя, общественныя и административныя дѣла требуютъ сильнаго напряженія ума, глубокаго анализа и способности, не утомляясь, продолжительное время сосредоточивать вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ»... «Въ 1809 г. Наполеонъ говоритъ Редереру: «Я работаю безпрестанно и много размышляю. Если я способенъ на все дать отвѣтъ, быть ко всему готовымъ, то это благодаря лишь тому, что прежде, чѣмъ предпринять что-либо, я долго обдумываю и заранѣе предусматриваю всевозможныя случайности. Что я долженъ сказать и какъ поступить въ каждомъ данномъ случаѣ, являющемся для другихъ неожиданнымъ, вовсе не подсказывается мнѣ внезапно и тайно геніемъ, а исключительно моею вдумчивостью и размышленіемъ» ⁶⁾).

Другой крупный военный дѣятель, стоящій ближе къ намъ и работавшій въ современныхъ условіяхъ веденія войны, Мольтке, отличался такими же качествами. Какъ извѣстно, онъ былъ скупъ на слова, молчаливъ, но постоянно размышлялъ надъ вопросами подготовки къ войнѣ. Его девизомъ было: «erst wägen, dann wagen», — «сперва взвѣсь, потомъ лѣзь». Свои записки съ планами войны онъ перерабатывалъ много разъ, стараясь напередъ учесть всякую случайность. Къ такой работѣ побуждалъ его выдающійся умъ, который произвелъ сильное впечатлѣніе на М. И. Драгомирова, имѣвшаго случай присмотрѣться къ Мольтке въ кампанію 1866 г. «Мало случалось вообще встрѣчать такихъ даровитыхъ людей», говорилъ Михаилъ Ивановичъ. «Бросалось въ глаза, что Бисмаркъ во всемъ беретъ волей, энергіей, Мольтке же рѣшительно на все налагаетъ печать своего ума — яснаго, обширнаго, разносторонняго; этимъ изъ ряду выходящимъ умомъ онъ все порабощаетъ» ⁷⁾).

Старательные ученики нѣмцевъ, японцы вполне усвоили себѣ методы работы своихъ учителей и также сдѣлали своимъ девизомъ афоризмъ Мольтке: «сперва взвѣсь, потомъ лѣзь»; они до такой степени тщательно обдумывали всякое предстоявшее имъ дѣло, что если бы не проявленная ими въ безчисленныхъ случаяхъ безумная отвага, то можно бы было ихъ упрекнуть въ излишней осторожности. Въ дѣйствительности же именно ихъ стремленіе все предусмотрѣть, все впередъ рассчитать и обезпечило имъ успѣхъ въ

⁶⁾ Ген. Боньяль. «Военная психологія Наполеона», «Братская Помощь» 1909 г. № 2, стр. 46 и 54.

⁷⁾ Л. Е. К. «М. И. Драгомировъ во время Австро-прусской войны», «Русская Старина» 1910 г., октябрь, стр. 170.

войнѣ съ нами; ему они обязаны были какъ превосходнымъ знаніемъ противника, такъ и образцовой организаціей тыловыхъ учрежденій, позволявшей имъ удовлетворять всѣ даже самыя мелочныя потребности арміи. Каждая операція долго обдумывалась и рассчитывалась ими до мельчайшихъ деталей и лишь тогда, когда, по возможности, все было предусмотрено и подготовлено, начиналось энергичное выполненіе, пропикнутое безповоротной рѣшимостью довести дѣло до конца. Передъ Мукденомъ японскій главнокомандующій, маршалъ Ойяма, рассчиталъ все до продолжительности предстоявшаго боя включительно: это была работа главнокомандующаго, работа ума; но какъ только началась работа воли, энергіи, какъ только войска вступили въ бой, онъ счелъ свою задачу какъ бы законченной; по крайней мѣрѣ, во время самаго боя онъ оставался далеко позади арміи, раздѣляя свое время между перестановкой шашекъ на картѣ и прогулками ⁸⁾).

Еще интереснѣе примѣръ нашего родного героя, Скобелева. Въ началѣ своей боевой карьеры, въ Средней Азіи, когда онъ командовалъ небольшими частями, онъ дѣйствовалъ на подчиненныя ему войска преимущественно волевыми сторонами своей богато одаренной натуры. «...Беззавѣтно храбрый, всегда во главѣ тѣхъ небольшихъ конныхъ отрядовъ, которыми командовалъ, онъ тогда стремился къ схваткѣ съ противникомъ въ рукопашную. Не то было, когда онъ сталъ отвѣтственнымъ начальникомъ. Въ это время выдвинулись на первый планъ глубоко рассчитанныя соображенія и осторожность въ дѣйствіяхъ, соединенныя съ непреклонною рѣшимостью; личная же отвага казалась лишь способомъ къ поднятію почему-либо поколебленнаго нравственнаго духа войскъ... Изучая средне-азіатскіе походы Скобелева, а особенно его послѣднюю кампанію, ясно видимъ, что въ ней случайностямъ и риску отведено весьма мало мѣста; все основывалось на строгихъ расчетахъ, вызванныхъ глубокими соображеніями о характерѣ мѣстности и противника» ⁹⁾. Въ этомъ даровитомъ человѣкѣ, по мѣрѣ поступленія подъ его начальство все болѣе и болѣе крупныхъ частей, совершалась и своего рода духовная эволюція: выступали на первый планъ тѣ именно качества, которыхъ требуетъ командованіе крупными частями—сильный умъ, способность къ логическому, послѣдовательному мышленію, позволявшіе ему основывать всѣ свои

⁸⁾ «Жизнь японской главной квартиры во время Мукденскаго сраженія». «Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 66.

⁹⁾ М. Полянскій. «Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ», Третья книжка Общества ревнителей военныхъ знаній за 1908 г.

дѣйствія на «строгихъ расчетахъ, вызванныхъ глубокими соображеніями о характерѣ мѣстности и противника». Волевыя же свойства души его, которыми онъ такъ сильно умѣлъ вліять на психику подчиненныхъ ему войскъ, отходили постепенно на второй планъ и пускались имъ въ ходъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Итакъ, для такой работы, какъ работа современныхъ полководцевъ, Мольтке, Ойямы, Скобелева, дѣйствительно, нуженъ прежде всего сильный умъ, способный къ глубокому анализу и сосредоточенному вниманію на одномъ предметѣ; сила же воли въ ней играетъ до такой степени второстепенную роль, что проявленія ея зачастую ни въ чемъ даже нельзя замѣтить. Во всякомъ случаѣ командованіе мелкими частями до полка включительно врядъ ли играло сколько-нибудь значительную роль въ образованіи ихъ полководческихъ талантовъ: по крайней мѣрѣ, Мольтке выработался въ полководца, не прокомандовавъ въ своей жизни никакой частью.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ только что указаннымъ основнымъ требованіемъ отъ полководца — наличіемъ сильнаго ума, способнаго къ интенсивной работѣ и глубокому анализу, — должна вестись и подготовка полководца къ предстоящей ему дѣятельности на войнѣ. Въ чемъ она должна заключаться, всѣмъ хорошо извѣстно; тайну ея открыли намъ либо сами великіе полководцы, либо изслѣдователи ихъ дѣяній: это почти исключительно умственная работа, работа мысли. Наполеонъ рекомендуетъ для подготовки себя къ работѣ на войнѣ изучить 84 похода великихъ полководцевъ: Александра Македонскаго, Аннибала, Цезаря, Густава-Адольфа, Тюрення, Евгенія Савойскаго, Фридриха Великаго. Этому рецепту слѣдовалъ и онъ самъ: такъ, нанримѣръ, въ 1786 г., получивъ шестимѣсячный отпускъ на островъ Корсику, «весь годъ, проведенный имъ на родинѣ, вслѣдствіе продленнаго ему на шесть мѣсяцевъ отпуска, онъ использовалъ на чтеніе классиковъ и новѣйшихъ писателей, читая ихъ притомъ очень внимательно съ перомъ въ рукѣ» ¹⁰⁾. Книги, изъ которыхъ онъ въ это время почерпалъ ученія для себя, были Плутархъ, Платонъ, Цицеронъ, Корнелій Непотъ, Титъ Ливій, Тацитъ, Монтескье, Монтень, Рейналь.

Суворовъ, какъ извѣстно, былъ необычайно любознателенъ въ особенности во всемъ, что касалось военнаго дѣла: книги военнаго содержанія были его страстью. Онъ мало пользовался постороннею помощію при изученіи военнаго дѣла, а былъ самоучкою и все свое

¹⁰⁾ Ген. Бонналь. «Военная психологія Наполеона», «Братская Помощь» 1909 г. № 2.

обширное образованіе получилъ самъ, обладая ненасытной жаждой къ чтенію; на службѣ чуть не до послѣдняго дня жизни онъ постоянно пополнялъ свое многостороннее образованіе. То же самое онъ рекомендовалъ и своимъ подчиненнымъ: «начальникамъ всѣхъ степеней необходимо непрерывное образованіе себя наукою съ помощію чтеніевъ».

Другой нашъ военный геній, Скобелевъ, и во время своихъ походовъ находилъ время для чтенія, и въ его багажѣ всегда находилось мѣсто для запаса книгъ. Въ его приказахъ можно найти слова: «Всѣхъ офицеровъ прошу побольше читать, что до нашего дѣла относится».

Когда въ 1806 г. Иена доказала, что въ арміи не было ни главнокомандующаго, ни генераловъ, Пруссія, чтобы помочь этому дѣлу въ будущемъ, прибѣгла къ наукѣ: была основана военная академія съ цѣлью подготовить соответствующихъ своему назначенію высшихъ начальниковъ и офицеровъ, способныхъ быть ихъ помощниками. А о Мольтке бывшій начальникъ германскаго генеральнаго штаба, графъ Шлиффенъ, въ рѣчи, произнесенной по поводу столѣтняго юбилея берлинской военной академіи, говоритъ, между прочимъ: «. . . Мы можемъ почерпнуть изъ изученія исторіи оныть, котораго не даетъ намъ наше время... Мольтке такъ и поступалъ. Его мысль заключалась въ томъ, чтобы постоянно извлекать изъ прошлаго поученія, которыя могли бы быть примѣнены къ настоящему и будущему; этой идеѣ онъ обязанъ своими успѣхами и славой. И если всѣ офицеры, допущенные слушателями въ военную академію, послѣдуютъ его примѣру, у насъ не будетъ недостатка ни въ высшихъ начальникахъ въ арміи, ни въ помощникахъ имъ» ¹¹⁾. И подобно Наполеону, утверждавшему, что не геній подсказываетъ ему принимаемыя имъ рѣшенія, а глубокія размышленія, которымъ онъ постоянно предается, Мольтке также отрицаетъ геній: «Для главнокомандующаго нуженъ въ настоящее время геній?... Нѣтъ, отвѣчаетъ Мольтке, геній—это трудъ!» ¹²⁾.

Для осуществленія этихъ идей о непрерывной подготовкѣ кандидатовъ на высшія командныя должности въ военно-научномъ отношеніи въ Германіи, гдѣ такими кандидатами являются почти исключительно офицеры генеральнаго штаба, практикуется систематическое прикомандированіе ихъ на разныхъ ступеняхъ ихъ

¹¹⁾ «Le centenaire de l'Academie de guerre de Berlin. Un discours du général comte Schlieffen», «Internazionale Revue über die gesamten Armeen und Flotten». Supplement 142. Janvier 1911, стр. 26.

¹²⁾ Тамъ же. Стр. 25.

служебной карьеры къ большому генеральному штабу на болѣе или менѣе продолжительное время для научныхъ занятій. Достаточно подробное описаніе этой системы дано въ моей статьѣ: «Генеральный штабъ въ теоріи и въ жизни» въ № 6 «Военнаго Сборника» за 1911 г., почему я и не буду здѣсь долѣе останавливаться на ней. Скажу только, что германскій офицеръ генеральнаго штаба, признаваемый годнымъ занять вполнѣ вѣдствіи высшую командную должность въ арміи, благодаря этой системѣ, все время подвергается воздѣйствію большого генеральнаго штаба въ смыслѣ выработки въ немъ строго научнаго мышленія въ вопросахъ военнаго дѣла.

Въ послѣдніе годы во Франціи думаютъ поднять уровень военно-научнаго образованія въ лицахъ высшаго команднаго состава арміи организаціей особыхъ высшихъ курсовъ, руководимыхъ начальникомъ генеральнаго штаба, для штабъ-офицеровъ съ цѣлью подготовить лучшихъ изъ ихъ числа къ широкой дѣятельности, ожидающей ихъ на высшихъ ступеняхъ командованія, путемъ преимущественно полевыхъ упражненій, во время которыхъ обсуждаются крупныя стратегическіе и тактическіе вопросы¹³⁾. Во всякомъ случаѣ и во Франціи необходимость серьезной и непрерывной военно-научной подготовки для высшаго команднаго состава арміи признается безусловно необходимой.

Итакъ, рецептъ для настоящаго подбора и подготовки высшаго команднаго состава арміи совершенно ясенъ: отбирайте среди офицеровъ людей сильнаго ума и научнаго склада мышленія, заставляйте ихъ постоянно учиться у великихъ полководцевъ какъ надо вести войну, и развивайте ихъ волю и практическія знанія командованіемъ строевыми частями: вы можете быть увѣрены, что изъ нихъ выйдутъ надежныя начальники, которые будутъ на высотѣ своей задачи какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время. Теперь понятно, почему именно генеральный штабъ долженъ быть и, дѣйствительно, является повсюду главнѣйшимъ поставщикомъ высшихъ начальствующихъ лицъ для арміи: въ него отбираются наиболѣе способные къ умственному труду офицеры, которые получаютъ въ академіи нужную военно-научную подготовку; а требуемые отъ нихъ командныя цензы имѣютъ назначеніемъ удовлетворить и третьему изъ вышеуказанныхъ условій. А разъ это такъ, разъ высшій командный составъ дается арміи ея генеральнымъ штабомъ, ясно, что между ними должна быть тѣсная зависимость:

¹³⁾ «Internationale Revue über die gesamten Armeen und Flotten». Februar 1911, стр. 49—50. В. Б. «Дорогу строевымъ!», «Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 240.

тамъ, гдѣ генеральный штабъ стоитъ на высотѣ своего назначенія, тамъ и высшіе начальники въ арміи будутъ соотвѣтствовать требованіямъ, которыя ставитъ имъ ихъ дѣятельность въ военное и мирное время; и наоборотъ, гдѣ плохъ генеральный штабъ, тамъ нельзя рассчитывать имѣть дѣльныхъ начальниковъ на высшихъ должностяхъ въ арміи.

Такимъ образомъ, казалось бы, что, когда рѣчь идетъ о требованіяхъ, предъявляемыхъ къ кандидатамъ на высшія должности въ арміи, формулу Наполеона о равновѣсіи ума и характера не только нельзя видоизмѣнять въ пользу преимущественнаго значенія характера передъ умомъ, какъ то принято у насъ, а скорѣе, наоборотъ, слѣдуетъ отдать преимущество начальникамъ, обладающимъ сильнымъ умомъ хотя бы при болѣе слабомъ характерѣ. Вообще, относительно этой формулы, нужно замѣтить, что она точнѣе всего была приложима къ условіямъ Наполеоновскаго времени, когда арміи, хотя и были уже достаточно многочисленны, но еще не достигли современной чудовищной численности, а сравнительно слабое развитіе техники все же позволяло имъ сражаться на сравнительно небольшихъ поляхъ сраженій, гдѣ управленіе ими могло вестись непосредственно самимъ полководцемъ, хотя и требовало уже отъ него недожинныхъ дарованій. Она должна быть видоизмѣнена въ пользу волевыхъ качествъ — рѣшительности, мужества, храбрости, неустрашимости, увѣренности въ себѣ, презрѣнія къ смерти, — когда рѣчь идетъ о болѣе отдаленныхъ отъ насъ временахъ и о борьбѣ болѣе мелкихъ войсковыхъ единицъ. И, наоборотъ, въ наше время въ примѣненіи къ лицамъ, поставленнымъ во главѣ крупныхъ войсковыхъ частей, дивизій, корпусовъ, армій, располагающихъ могучими средствами современной техники и сражающихся на фронтѣ въ нѣсколько десятковъ верстъ, формулу надо измѣнить въ смыслѣ преобладающаго для нихъ значенія сильного ума, способнаго къ правильному, логическому мышленію. Этимъ, можетъ быть, и объясняется тотъ многократно отмѣченный фактъ, что у насъ, вридающихъ въ начальникѣ преимущественное значеніе его волевымъ качествамъ, въ Манчжурскую кампанію низшій командный составъ арміи наравнѣ съ нижними чинами былъ выше всякой похвалы, тогда какъ высшія начальствующія лица почти безъ исключенія далеко не соотвѣтствовали той роли, которая выпала на ихъ долю, и почти сплошь оказывались несостоятельными.

Принятая у насъ въ послѣднее время практика назначенія на высшія должности по одному лишь наличію строевого, команднаго

ценза, ищущая въ кандидатѣ преимущественно волевыхъ качествъ, свидѣтельствуешь, что мы въ нашемъ пониманіи требованій отъ высшаго начальника отстали даже отъ Наполеоновскихъ временъ.

Нами далеко не усвоена истина, что «тѣмъ большими силами командуетъ начальникъ, тѣмъ менѣе можетъ онъ дѣйствовать по шаблону, по уставу; доктрина, которая внизу выражается въ опредѣленномъ *способѣ дѣйствій*, наверху является лишь опредѣленнымъ *образомъ мысленія*» ¹⁴⁾. Непониманіе этого—величайшее зло, которое несомнѣнно принесетъ намъ горькія разочарованія въ нашемъ высшемъ командномъ составѣ, какъ въ его работѣ мирнаго времени, такъ въ особенности въ его дѣятельности на войнѣ.

Генеральный штабъ и высшій командный составъ—устои, на которыхъ зиждется все военное дѣло въ странѣ, вся подготовка арміи въ мирное время, вся ея дѣятельность на войнѣ; въ нихъ залогъ будущихъ побѣдъ или поражений. Поэтому цѣлесообразная организація генеральнаго штаба и надлежащій подборъ высшаго команднаго состава должны быть предметомъ особаго вниманія и заботливости въ дѣлѣ государственной обороны. Основныя требованія для комплектованія того и другого одни и тѣ же: въ нихъ надо отбирать людей съ сильнымъ умомъ и научнымъ складомъ мысленія и давать имъ широкую и основательную военно-научную подготовку на почвѣ изученія кампаній великихъ полководцевъ. Вслѣдствіе одинаковыхъ условій комплектованія, генеральный штабъ повсюду служить важнѣйшимъ источникомъ пополненія высшаго команднаго состава арміи, причѣмъ полезныя и для командованія крупными частями практическія познанія пріобрѣтаются офицерами генеральнаго штаба во время цензовыхъ командованій ротой, баталіономъ, полкомъ. Только при соблюденіи этихъ условій комплектованія, генеральный штабъ и высшій командный составъ могутъ быть на высотѣ своего назначенія.

У насъ въ настоящее время комплектованіе и того, и другого покоится на чисто внѣшнихъ условіяхъ, мало отвѣчающихъ этимъ требованіямъ: въ генеральный штабъ попадаютъ всѣ успѣшно кончившіе курсъ Императорской Николаевской военной академіи, т. е. имѣющіе извѣстный военно-образовательный цензъ, на высшія командныя должности—успѣшно отбывшіе извѣстные строевыя цензы. Никакихъ гарантій паличія сильнаго ума, способности научно, правильно мыслить и обширныхъ, глубокихъ познаній въ военной наукѣ у насъ не требуется, какъ будто каждый, прошед-

¹⁴⁾ «Жгучіе вопросы», «Русскій Инвалидъ» 1911 г. № 255.

шій курсъ академіи или откомандовавшей ротой и полкомъ, тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ, что онъ достаточно уменъ и знающъ, чтобы командовать крупными войсковыми соединеніями въ мирное и военное время и успѣшно справляться, если потребуется, съ труднѣйшими задачами государственной обороны.

Такимъ образомъ, корнемъ зла во всемъ нашемъ военномъ дѣлѣ является наше неумѣнье мыслить правильно, научно, строго логически, принявшее тревожные размѣры за послѣднія десятилѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ у насъ вошло въ моду относиться съ пренебреженіемъ къ теоріи, къ чистой наукѣ. У насъ усиленно проповѣдуютъ, что «въ военномъ ремеслѣ дѣло выше слова, практика выше теоріи», что «для военачальника истинное знаніе составляетъ только увеличенное умѣнье» ¹⁵⁾ и т. п. Въ академіи и въ военныхъ училищахъ изъ программъ тщательно удаляются науки, неприложимыя непосредственно къ дѣлу (въ академіи, напримѣръ, астрономія), а выдвигаются на первый планъ практическія занятія въ ущербъ теоріи, которую, кажется, терпятъ только, какъ неизбежное зло. Въ генеральномъ штабѣ научный уровень съ каждымъ годомъ понижается все болѣе и болѣе. Уже въ эпоху японской войны «... въ самой сложной, въ самой, такъ сказать, деликатной отрасли военного дѣла, въ службѣ генеральнаго штаба мы оказались наиболѣе отставшими отъ современныхъ требованій» ¹⁶⁾. «Въ то время, когда японцы придерживались общихъ принциповъ, выработанныхъ во время войнъ первой революціи и Наполеона, русскіе относились къ нимъ съ пренебреженіемъ» ¹⁷⁾. То же продолжается и теперь. «За границей очень внимательно слѣдятъ за нашей арміей и признаютъ, что мы послѣ японской войны работали, многое сдѣлали, но преимущественно въ организаціонной и хозяйственной частяхъ, а въ самообразованіи (Intellect)—ничего. Такъ-таки и говорятъ: «nichts» ¹⁸⁾.

И дѣйствительно, какіе бы вопросы нашей подготовки по части генеральнаго штаба ни обсуждались, вы никогда не услышите ссылокъ на науку, на добытые ею принципы—все дѣлается «по соображенію», «по здравому смыслу». Въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1912 г. № 72 г. А. Дмитревскій ужасается страстному походу про-

¹⁵⁾ К. Дуронъ. «Воспитаніе и обученіе въ военныхъ училищахъ». «Русскій Инвалидъ» 1911 г. № 88.

¹⁶⁾ Н. Новиковъ. «Культура и военное дѣло». «Вѣстникъ Европы» 1910 г. Сентябрь.

¹⁷⁾ Обзоръ печати. «Русскій Инвалидъ» 1911 г. № 72.

¹⁸⁾ «Опасное недомысліе». «Новое Время» 1912 г. № 12939.

тивъ единой военной доктрины. «Добро бы, говорить онъ, противъ данной доктрины, ошибочность которой можно доказать или цѣлесообразность которой можно оспаривать; по идти противъ какого бы то ни было ученія, науки, направленія—будь оно самымъ гениальнымъ, безспорно истиннымъ?! Развѣ не ужасна эта анархія мысли?»... Я знавалъ одного начальника штаба округа, который, не стѣсняясь, проповѣдывалъ, что никакой военной науки нѣтъ, а есть только военное искусство; такое profession de foi всегда мнѣ казалось особенно пикантнымъ въ устахъ именно начальника штаба округа, на которомъ лежитъ руководство службой, подготовкой и работами офицеровъ генеральнаго штаба, носителей и представителей научнаго элемента въ арміи. Отъ генеральнаго штаба все настойчивѣе требуютъ, чтобы онъ сталъ ближе къ войскамъ, чтобы офицеры генеральнаго штаба дольше служили въ строю, упуская изъ вида, что это поведетъ къ утратѣ ими и безъ того небогатаго научнаго ихъ багажа. Мы забыли, что война, по словамъ Фридриха Великаго, для талантливыхъ людей—наука, для посредственностей—искусство, для невѣждъ—ремесло, и не усвоили себѣ истины, что «знамя побѣды будетъ вѣчно развѣваться только въ той арміи, гдѣ офицеры постепенно и неуклонно воспитываются въ стремленіи сплотиться въ одну энергичную массу, развитую въ смыслѣ научномъ и стратегически-тактическомъ» (фельдмаршалъ Гессе). Нашъ девизъ: «прочь теорію и науку! ближе къ жизни и практикѣ!» его мы усиленно пропагандируемъ и проводимъ въ жизнь. Быть можетъ, тенденція, выражаемая имъ, и благодѣтельна для всей арміи въ массѣ; но для ея верхнихъ слоевъ, для генеральнаго штаба и высшаго команднаго состава, она безусловно ошибочна.

Неразвитость научнаго мышленія въ массѣ офицерства, въ высшемъ командномъ составѣ, въ генеральномъ штабѣ—это грозная болѣзнь «мозга арміи». Неужели же она окажется гибельной для насъ? Неужели же нѣтъ спасенія?

Э. К. Калнинъ.

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Тайные агенты ¹⁾.

Для того, чтобы организовать развѣдывательную службу въ чужой странѣ и завязать политическія интриги, нужны вѣрные люди, преданные дѣлу и государству, которому служатъ. Въ старину для этого посылались знатные дворяне, офицеры и чиновники и назывались эмиссарами, а также конфидентами.

Эмиссаровъ мы уже встрѣчаемъ въ XVII столѣтіи, но упорядочилъ пользованіе ими, конечно, Наполеонъ. Съ его легкой руки французы расширили службу эмиссаровъ, придавъ имъ помощниковъ или, вѣрнѣе, исполнителей въ лицѣ особыхъ тайныхъ агентовъ. Въ настоящее же время громадная, притомъ непрерывно

¹⁾ Статья эта, являющаяся продолженіемъ ряда заимтокъ, составлена главнымъ образомъ на основаніи слѣдующихъ источниковъ: Leval. «Tactique des renseignements». Fromont. «L'espionnage militaire et les fonds secrets de la guerre». «L'espionnage». «Numa de Chilly». Loyal. «L'espionnage allemand en France». Victor Tissot. «La police secrete prussienne, la société et les moeurs allemandes». Подп. Родленъ. «Военно-развѣдывательная служба». Лаговъ-Лянуаръ. «Нѣмецкое шпіонство во Франціи». Стефанъ Горскій. «Передовые посты нѣмцевъ въ Парствѣ Польскомъ».

дѣйствующая развѣдывательная организація узаконила этихъ тайныхъ агентовъ, давъ имъ вполне определенное положеніе среди агентовъ развѣдывательной службы. Тайными агентами называется ²⁾ категорія лицъ, которыя, будучи подданными той страны, которой служатъ, въ большинствѣ случаевъ пользуются за свою дѣятельность вознагражденіемъ, т. е. получаютъ жалованье, какъ и всѣ другіе государственные чиновники. Зарабатываемыя тайными агентами деньги являются лишь средствомъ, а не цѣлью, а многіе работаютъ даже безъ всякаго вознагражденія изъ единственнаго побужденія принести пользу родинѣ.

Такимъ образомъ смѣшивать тайныхъ агентовъ со шпионами никакъ нельзя.

Эмиссары руководили уже очень широко службою тайныхъ агентовъ въ Россіи передъ Крымскою кампаніею и въ 1858 г. въ Италіи. Въ 1867 г. французское правительство, желая попытаться присоединить Люксембургъ, по совѣту главнаго секретаря министра внутреннихъ дѣлъ Сенъ-Поля, послало цѣлый отрядъ эмиссаровъ и агитаторовъ. Въ 1868 г. въ великое герцогство Баденское были направлены французы разныхъ состояній: административные чиновники, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, банкиры, офицеры и туристы. Имъ было поручено убѣдить населеніе въ выгодѣ уніи южной Германіи съ Франціею. Затѣмъ, предвидя возможность войны съ Пруссіею, генераль Дюкро принялъ рядъ мѣръ, а въ томъ числѣ и посылку тайныхъ агентовъ въ Германію для того, чтобы знать, что дѣлается на томъ берегу Рейна.

Но настоящимъ образомъ организовали развѣдывательную службу при помощи тайныхъ агентовъ германцы ³⁾. Намѣтивъ войну съ Австріею, Бисмаркъ поручилъ начальнику прусской тайной полиціи Штиберу организовать развѣдывательную службу въ Богеміи. Этотъ выдающійся полицейскій положилъ въ основаніе своей организаціи покрытіе Богеміи цѣпью нѣмецкихъ тайныхъ агентовъ, по преимуществу прусскихъ подданныхъ, отставныхъ военныхъ, коммерсантовъ и т. п. люда. Штиберъ съ апрѣля 1864 г. по май 1866 г. обошелъ всѣ важнѣйшіе пункты Богеміи подъ видомъ то фотографа, то продавца алебастровыхъ статуэтокъ, предметовъ благочестія и порнографіи. Онъ изучилъ настроеніе умовъ населенія будущаго театра военныхъ дѣйствій и пристроилъ

²⁾ Въ узкомъ смыслѣ.

³⁾ Поль-Лянуаръ въ переводѣ Н. М. Лагова. «Нѣмецкое шпионство во Франціи». стр. 23, 24, 25.

въ нужныхъ мѣстахъ необходимое число своихъ тайныхъ агентовъ. Глубоко продуманная организація принесла пруссакамъ громадную пользу въ дѣлѣ освѣдомленности нѣмцевъ и ей обязана Австрія въ большой мѣрѣ своимъ пораженіемъ.

Рѣшивъ раздѣлаться и съ другимъ сосѣдомъ, немедленно по окончаніи войны 1866 г., желѣзный канцлеръ поручилъ тому же Штиберу организовать такую же службу, но уже въ болѣе широкомъ масштабѣ во Франціи ⁴⁾. Уже опытный Штиберъ наладилъ дѣло въ теченіе четырехъ путешествій во Францію. Онъ размѣстилъ отъ 12½ до 13½ тысячъ своихъ тайныхъ агентовъ въ департаментахъ Верхняго и Нижняго Рейна, Мозеля, Мерты, Вогезовъ, Юры, Арденовъ, Марны, Верхней Луры, Дуба, Сѣверномъ, Сены и Уазы и Эльзасѣ и Лотарингіи. Въ числѣ этихъ агентовъ состояло: отъ 4 до 5 тысячъ прусскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, къ которымъ французы относились очень благожелательно, какъ къ послушнымъ и трезвымъ людямъ; отъ 7 до 9 тысячъ нѣмецкой женской прислуги, преимущественно для кофеенъ и ресторановъ, пивныхъ и гостиницъ; отъ 7 до 9 сотъ оставшихъ унтеръ-офицеровъ съ маленькимъ начальнымъ образованіемъ, пристроенныхъ въ различныя французскія торговыя и промышленныя фирмы или путешествующихъ подъ видомъ коммивояжеровъ и просто туристовъ, открыто именовавшихъ себя пруссаками, люксембургцами, саксонцами и баденцами; 46 молоденькихъ и хорошенькихъ пруссачекъ, размѣщенныхъ по военнымъ буфетамъ гарнизоновъ Восточной Франціи. И наконецъ, 200 чело-вѣкъ женской прислуги для размѣщенія у буржуазныхъ кліентовъ: адвокатовъ, врачей, чиновниковъ, офицеровъ и проч., у которыхъ нѣмецкая прислуга была въ большомъ спросѣ, такъ какъ независимо отъ своихъ хлопотъ по хозяйству и по уходу за дѣтьми, она все время служила для послѣднихъ первымъ учителемъ нѣмецкаго языка.

Эти тайные агенты исполнили на чужой землѣ на пользу своей родины, среди всякаго рода препятствій, окруженные опасностью, громадную работу. Благодаря имъ, Мольтке былъ почти всегда ориентированъ о положеніи противника и настроеніи населенія.

О томъ, какъ организуютъ развѣдывательную службу германцы при помощи тайныхъ агентовъ и какими мѣропріятіями они этого достигаютъ, можно видѣть по слѣдующему.

---

⁴⁾ Польша-Январь въ переводѣ Н. М. Лагова. «Нѣмецкое шпионство во Франціи», стр. 31, 32, 33, 34, 51.

«Съ паденіемъ конгресскаго Царства Польскаго въ 1831 г.⁵⁾ русское правительство покровительствовало попрежнему иностранцамъ, причемъ льготы для нихъ становились все обширнѣе; стоитъ только сказать, что фабриканты и ремесленники нѣмцы, изъявившіе желаніе поселиться въ Польшѣ, они получали по первому требованію деньги на путевые расходы и на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ угодно было поселиться, получали даромъ участки подъ постройки, лѣсной матеріаль и кирпичъ по самой выгодной цѣнѣ. Въ дѣлѣ переселенія нѣмцевъ принималъ живѣйшее участіе и польскій банкъ, считавшій прибытіе нѣмцевъ весьма желательнымъ въ смыслѣ положенія началъ польской промышленности. Далѣе послѣ 1863 г. намѣстникъ Бергъ, а за нимъ и Коцебу оказываютъ нѣмцамъ небывалое покровительство». Такимъ образомъ, давнишняя идея колонизовать польскую землю нѣмцами возродилась въ видахъ не политическихъ, а экономическихъ.

Такъ какъ нѣмцамъ начало становиться тѣсно въ предѣлахъ Германіи, то, конечно, правительство ихъ воспользовалось благоприятнымъ вѣяніемъ въ Россіи и начало выселять въ наши предѣлы избытокъ своего населенія. Съ одной стороны, такимъ образомъ, нѣмцы открыли свои рынки, но главнымъ образомъ готовяли для будущаго захвата лакомую часть русской территоріи.

Въ 1904 г. нѣмцевъ было въ Привислянскомъ краѣ 500.000 человекъ, т. е. 5% общей населенности края, въ Гродненской, Ковенской и Виленской губерніяхъ — 40.000, т. е. 1%, въ Волынской — 60.000, т. е. 2% и въ Подольской — 15.000, т. е. 0,5% населенія. А всего нѣмцевъ проживало въ Россіи около 2 милліоновъ.

Селились нѣмцы не какъ-нибудь, а, новидимому, по строго выработанной системѣ. Успѣшно замаскированная политика нѣмцевъ расположила своихъ колонистовъ въ Царствѣ Польскомъ вдоль желѣзныхъ дорогъ, по побережью Вислы, по пути черезъ Плоцкъ и Новогеоргиевскъ въ Варшаву, опоясала своими стражами со всѣхъ сторонъ Ивангородъ. Затѣмъ нѣмецкіе колонисты захватили въ свои руки всѣ важнѣйшіе пункты и военно-стратегическіе пути въ Литвѣ, Волыни и Подоліи. Вдоль шоссе, на участкѣ Кіевъ — Брестъ-Литовскъ, вдоль Полѣскихъ и Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, нѣмецкія колоніи образуютъ сплошную массу. Вокругъ Дубно расположилось нѣчто въ родѣ цѣлой нѣмецкой области, заселенной нѣмцами въ числѣ 307.000 человекъ. Вокругъ ковенскихъ фортовъ, въ ковенскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ

⁵⁾ Стефанъ Горскій. Переводъ съ польскаго Б. Г. Князева. «Передовые нѣмцы въ Царствѣ Польскомъ». стр. 9, 10; почти дословная выписка.

живетъ 15.000 колонистовъ; на участкѣ между отдѣльными фортами, лагеремъ и желѣзнодорожнымъ мостомъ на р. Нѣманъ находится десятокъ фабрикъ, принадлежащихъ нѣмецкимъ подданнымъ. Земельные участки вокругъ Ковно и его фортовъ приобрѣтены германцами ⁶⁾. Само собою понятно, что это далеко не случайное явленіе, а, конечно, слѣдствіе заранѣе обдуманнаго плана.

Нѣмцы поселенцы не ополячились и не обрусѣли даже въ четвертомъ поколѣніи. Они сохранили свой языкъ и обычаи. Готовность нѣмцевъ служить германской имперіи и соблюдаемая ими дисциплина могли бы казаться изумительными, если бы мы не знали о необыкновенной дѣятельности нѣкоторыхъ берлинскихъ учреждений. Для поощренія патріотическаго чувства Берлинъ денегъ никогда не жалѣетъ. Изъ года въ годъ колонистамъ выдается по нѣскольку десятковъ агитаціонныхъ брошюръ и оказываются всякія льготы для поѣздки въ Германію. Имъ же высылаются прусскія газеты, выдаются пособія изъ средствъ нѣмецкаго школьнаго союза; нѣмецкіе учителя на случай неурожая, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ, получаютъ пособія изъ Берлина деньгами и зерномъ. Кромѣ того среди нѣмцевъ колонистовъ замѣчается несчетное количество союзовъ и обществъ, далеко не легальныхъ, не только экономическаго, но и политическаго характера. Такъ въ Лодзи существовалъ цѣлый рядъ гекатическихъ (антипольскихъ) союзовъ, союзъ помощи нѣмцамъ, германскимъ подданнымъ, пѣвчія (Gesang-Verein), гимнастическія (Turn-Verein) и стрѣлковыя общества ⁷⁾. Но, говоря—общество стрѣлковъ, мы говоримъ слишкомъ мало: это цѣлый союзъ обществъ, состоящихъ изъ отрядовъ обмундированныхъ, обученныхъ и прекрасно вооруженныхъ стрѣлковъ.

Германскія государственныя власти имѣютъ своихъ исполнителей въ лицѣ своихъ консуловъ, ведущихъ дѣло въ Россійской Имперіи весьма оживленно и настойчиво. Вспомогательно же національная дѣятельность нѣмцевъ сосредоточивается около двухъ крупныхъ обществъ: «Gustav-Adolf Verein u. Allgemeiner Deutscher Schulverein zur Erhaltung des Deutschtums in Auslande».

Все эти колонисты являются агентами-развѣдчиками ⁸⁾ германскаго правительства, цѣлой правильно организованной арміей «тайныхъ агентовъ», занимающихъ у насъ тепленькія мѣстечки управляющихъ, лѣсничихъ, надсмотрщиковъ, учителей, приказчи-

⁶⁾ Стефанъ Горскій, стр. 11—14, почти дословная выписка.

⁷⁾ Стефанъ Горскій, стр. 26—31.

⁸⁾ «Новое Время» 5-го марта 1902 г., «Русь» 27-го февраля 1908 г. и др.

ковъ и самостоятельныхъ промышленниковъ или торговцевъ, мастеровыхъ и прочихъ рабочихъ.

Каждый германскій подданный офицерскаго или унтеръ-офицерскаго званія именуется себя «Königlicher Informator». По нѣмецкимъ понятіямъ, это очень почетная должность. Информаторъ считается совершенно частнымъ человѣкомъ, совершенно не обязанъ проникать въ тайны государства, на территории котораго живетъ, не долженъ кого-либо подкупать или что-либо вывѣдывать. Онъ просто обязанъ, какъ вѣрноподданный и военный, смотрѣть во всѣ глаза и подмѣчать, что кругомъ него находится и происходитъ. У каждаго информатора свой «Revier» (участокъ). Онъ долженъ присмотрѣться къ мѣстнымъ условіямъ и дать свѣдѣнія, которыя нельзя почерпнуть изъ самыхъ подробныхъ картъ. Информатора отъ времени до времени призываютъ домой для повторительныхъ военныхъ упражненій и въ это время онъ сдаетъ экзамень по своему участку. Отъ него требуютъ детальныхъ свѣдѣній о состояніи участка во всѣ времена года, о населеніи, о томъ, гдѣ найти надежныхъ людей, которые укажутъ запасы, будутъ служить лазутчиками, проводниками и т. д. Все это должно быть извѣстно до тонкости информатору.

При каждой русской части состоитъ также информаторъ, какой-нибудь булочникъ или колбасникъ. Всѣ его дѣйствія также вполне законны. Но стоитъ пріѣхать какому-либо инспектирующему начальнику, производится ли военное упражненіе, повѣрочная мобилизація или что-либо другое, интересное. по мнѣнію Карла Ивановича—резервиста, какъ все его вниманіе поглощено явленіями военной жизни. Стоя у своего магазина, онъ методично слѣдитъ за всѣмъ. Другой «Карль Ивановичъ» въ это время помѣстился на фабрику у полотна желѣзной дороги, усердно считаетъ проходящіе поѣзда, пьетъ пиво со стрѣлочниками и низшими агентами и въ дружественной бесѣдѣ интересуется разными техническими подробностями.

Кромѣ этихъ информаторовъ, наиболѣе развитые и надежные нѣмцы—тайные агенты—получаютъ и болѣе отвѣтственные порученія, въ число которыхъ входитъ и вербовка шпионовъ среди предателей своего отечества. Но объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ царствованіе Императора Александра III и во время командованія войсками Варшавскаго военнаго округа генераль-адъютантомъ Гурко издавались законы, въ силу которыхъ нѣмцамъ, прусскимъ подданнымъ, запрещалось покупать земли и занимать

должности фабричныхъ директоровъ. Кто не владѣлъ польскимъ или русскимъ языкомъ, тому нельзя было получить должности фабричнаго мастера. Но нѣмцы прекрасно сумѣли обойти и эти законы и административныя распоряженія. Въ отвѣтъ на неприятные указы 1887, 1888 и 1892 г. въ Берлинѣ было издано правило, въ силу котораго нѣмцамъ, принимающимъ русское подданство, было сохранено и нѣмецкое подданство и всѣ истекающія отсюда обязанности, т. е. вездѣ и всюду защищать интересы Германіи. Такимъ образомъ, русское подданство нѣмцевъ на самомъ дѣлѣ осталось фиктивнымъ. Само собою разумѣется, что нѣмцы тотчасъ же воспользовались этимъ правомъ, и русское государство приобрѣло сразу сотню тысячъ подданныхъ *de nomine*, не переставшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и сынами Пруссіи.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, какою громадною силою является развѣдываніе при помощи «тайныхъ агентовъ». Сюда надо добавить, что нѣмецкіе тайные агенты вербуются во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ большихъ баръ, которые посѣщаютъ салоны, ухаживаютъ, при случаѣ сводничаютъ, ссужаютъ деньгами юныхъ расточителей и т. д., до жалкаго отребья, слоняющагося по кабачкамъ вокругъ казармъ и арсеналовъ и подслушивающаго у прилавковъ. Осѣдлые тайные агенты составляютъ основу всей системы. Но они представляютъ и нѣкоторыя невыгоды. Какъ бы долго они ни жили въ странѣ, какъ бы ни акклиматизировались, все же они могутъ возбуждать подозрѣніе, которое проявится въ самую нужную минуту. Поэтому нѣмецкое правительство имѣетъ и подвижныхъ тайныхъ агентовъ. Ту же інформаціонную службу несутъ и легіоны нѣмецкихъ коммерсантовъ, разсѣянныхъ по всему міру, а также періодически залетающая во всѣ уголки свѣта стая нѣмецкихъ комми-вояжеровъ, рекламирующихъ превосходство всего *Made in Germany*. Эти два типа информаторовъ, т. е. осѣдлые и подвижные, преслѣдуя свои частныя цѣли, снабжаютъ одновременно правительство родины массою весьма цѣнныхъ свѣдѣній.

Для тонкой работы требуются, конечно, и болѣе утонченные исполнители. Большую услугу въ этомъ отношеніи оказываютъ Германіи крупные нѣмецкіе финансисты, число которыхъ въ большихъ центрахъ уже теперь весьма значительно и къ тому же постоянно увеличивается. Великолѣпно освѣдомленные насчетъ финансоваго и политическаго состоянія той страны, въ которой находятся, они не упускаютъ воспользоваться для политическихъ цѣлей Германіи всякимъ случаемъ.

Вербуя тайныхъ агентовъ среди своихъ подданныхъ, германскій генеральный штабъ требуетъ, чтобы каждый прикрывался обязательно какимъ-либо официальнымъ положеніемъ, какимъ-нибудь занятіемъ, которое позволяло бы всякому сказать, что онъ живетъ собственнымъ трудомъ. Главная заслуга германскаго генеральнаго штаба—это умѣніе создать такое положеніе своимъ агентамъ, которое прикрываетъ вполнѣ ихъ развѣдывательную дѣятельность.

Начиная однако съ 1890 г., опасаясь раскрытія своихъ картъ и крушенія развѣдывательной системы при помощи тайныхъ агентовъ, германцы для большей обезпеченности организациі во время войны, начинаютъ замѣнять нѣмцевъ агентовъ—швейцарцами и бельгійцами, присутствіе которыхъ на французской территоріи покажется гораздо меньше подозрительнымъ.

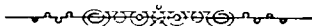
Во всѣ наши войны съ Турціей и мы пользовались, какъ тайными агентами, идейно расположенными къ намъ славянами и армянами, за которыхъ мы къ тому же сражались. Но наша развѣдывательная дѣятельность не была организована заблаговременно и вслѣдствіе этого мы не могли извлечь всей пользы изъ нашихъ добровольныхъ тайныхъ агентовъ.

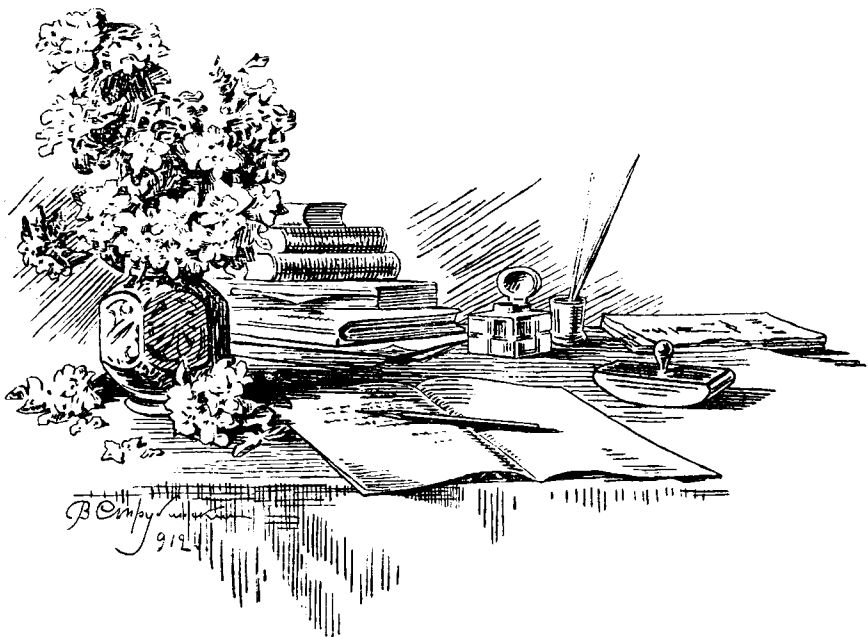
Не трудно было и японцамъ имѣть своихъ эмиссаровъ и тайныхъ агентовъ въ Корей, Манчжуріи и Китаѣ въ то время, когда весь желтый міръ былъ возмущенъ вмѣшательствомъ Европы въ дѣла Дальняго Востока послѣ Кіа-Чжао и ждалъ свѣта со стороны имперіи Восходящаго Солнца. Кромѣ того, не только китайцы и корейцы могли успѣшно вести развѣдывательную дѣятельность, но и сами японцы, разбросанные по нашимъ окраинамъ, по своему внѣшнему облику не возбуждали нашего подозрѣнія.

Въ иномъ положеніи находились мы передъ венгерскою кампанією, во время польскихъ мятежей, въ Средней Азійи и въ особенности въ кампанію 1904 года. Дѣйствовать приходилось среди фанатически настроеннаго населенія, крайне намъ несочувствующаго, а въ Азійи настолько съ типичною внѣшностью, что о развѣдкѣ при помощи тайныхъ агентовъ, своихъ же русскихъ, нечего было и думать.

Во всякомъ случаѣ «тайные агенты»—грозная развѣдывательная сила и бороться съ ними въ нашъ гуманный вѣкъ трудно. Поэтому, быть можетъ, и правы были наши предки, выселявшіе иностранцевъ съ объявленіемъ войны какой-нибудь державѣ.

С. Чернозубовъ.

О ПОЛЕВЫХЪ ПОѢЗДКАХЪ.

Вотъ уже три года, какъ полевая поѣздка производится въ нашей арміи согласно Наставленія объ офицерскихъ занятіяхъ изданія 1909 г.; вотъ уже три года, какъ новая мысль, вложенная, хотя и вскользь, въ это Наставленіе, систематически проводится въ жизнь, и полевая занятія офицеровъ, теряя прежній теоретическій характеръ, понемногу приближаются къ жизненной обстановкѣ.

Для каждаго, конечно, свѣжи еще въ памяти полевая поѣздка, производившіяся до изданія названнаго Наставленія.

Обыкновенно офицеры дѣлились на партіи; руководителемъ партіи назначался офицеръ генеральнаго штаба. Занятія состояли въ томъ, что руководитель задавалъ различныя тактическія задачи участникамъ поѣздки, потомъ день—два они рѣшали ихъ въ полѣ, послѣ чего руководитель выѣзжалъ и повѣрялъ рѣшеніе задачъ на мѣстности; затѣмъ имъ давались другія задачи и т. д.

Участниками поѣздки назначались обыкновенно капитаны (ротмистры), иногда назначались офицеры и въ меньшихъ чинахъ, но въ чинѣ выше капитанскаго никогда не назначались.

И вотъ рѣшали себѣ эти капитаны свои задачи на атаку, оборону, бивакъ, охраненіе и производили обыкновенно маршрутную съемку; всѣ эти задачи естественно отличались однообразіемъ и

отвлеченностью, а потому и малымъ интересомъ, ибо всякая задача, какъ бы умѣло она ни была составлена, но въ масштабѣ капитанскихъ дѣйствій всегда выйдетъ отвлеченною, при свалившейся съ небесъ обстановкѣ, такъ какъ военныя дѣйствія—это сама жизнь и миллионъ случайностей, ее сопровождающихъ; это рядъ дѣйствій, тѣсно связанныхъ между собою и въ непрерывной цѣпи событій составляющихъ одно нераздѣльное цѣлое, изъ котораго никакъ нельзя выкроить какой-нибудь единичный мелкій эпизодъ и преподнести его офицеру въ видѣ отдѣльной задачи—эпизодъ немедленно потеряетъ свою жизненную реальность и приобрететъ видъ именно задачи, съ ея мертвой, чисто арифметической выкладкой, а подчасъ и съ деревянными колышками вмѣсто войскъ.

И вотъ такія-то задачи рѣшали участники полевыхъ поѣздокъ вплоть до 1910 г., когда впервые было примѣнено новое Наставленіе объ офицерскихъ занятіяхъ, на основаніи котораго порядокъ производства этихъ поѣздокъ подвергся коренной ломкѣ.

Хотя, правда, въ текстѣ этого Наставленія и нѣтъ категорическаго указанія о томъ или иномъ способѣ веденія ихъ, и для любителей старины нашлись бы даже основанія продолжать веденіе этихъ занятій старымъ излюбленнымъ способомъ, но, повидимому, малая отъ этого поучительность была настолько очевидна, что оказалось достаточнымъ даже намека въ новомъ Наставленіи о возможности вести полевые поѣздки на подобіе маневровъ, и всѣ, какъ бы сговорившись, приняли этотъ намекъ за правило, и полевые поѣздки, въ видѣ маневровъ съ обозначенными войсками, приобрѣли права гражданства.

Это является огромнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ нашего военного обученія, и эта реформа дружно привѣтствуется въ арміи. Остается теперь пожелать, чтобы благое начинаніе не остановилось на первой стадіи своего развитія, а двинулось бы дальше по уже намѣченному пути.

И дѣйствительно, вышеуказаннымъ Наставленіемъ хотя и предусмотрено производство полевыхъ поѣздокъ—дивизионныхъ, крѣпостныхъ, корпусныхъ и окружныхъ, но подробно разработанъ вопросъ лишь объ организациі первыхъ трехъ; объ окружныхъ же поѣздкахъ сказано очень неопредѣленно, а о производствѣ поѣздокъ въ болѣе крупномъ масштабѣ и вовсе ничего не говорится.

Между тѣмъ казалось бы, если признать эти занятія полезными въ составѣ дивизіи и корпуса, то тѣмъ болѣе они должны быть полезны и поучительны въ болѣе широкихъ размѣрахъ, такъ какъ командиры корпусовъ и начальники дивизій и соотвѣтствен-

ные строевые штабы все же имѣютъ и въ мирное время хотя нѣ-которую практику въ дѣлѣ управленія своими частями, тогда какъ болѣе высшіе строевые начальники и ихъ штабы этой практики не имѣютъ вовсе, ибо маневровъ въ составѣ цѣлыхъ армій у насъ не бываетъ, да по финансовымъ соображеніямъ и быть не можетъ.

Между тѣмъ дѣло управленія войсковыми массами, какъ и всякое другое дѣло, а пожалуй, даже и больше, требуетъ извѣстной практики, особенно же при современныхъ условіяхъ, когда войска разбрасываются на огромныя пространства, и дѣло управленія ими усложнилось до крайности.

Оставивъ даже въ сторонѣ искусство, стратегію и прочіе вопросы высшаго порядка, мы сталкиваемся здѣсь съ колоссальной машиной чисто механическаго свойства, — машиной управленія арміей, машиной, отъ правильнаго дѣйствія которой, однако, зависеть судьбы армій, народовъ и даже государствъ!

Поэтому казалось бы, что возможно большее изученіе этой сложной машины не только теоретически, но и практически является и полезнымъ, и безусловно необходимымъ.

Вѣдь и нѣмцы въ 1870 г., и японцы въ Манчжуріи одержали свои побѣды вовсе не генія ради. Но зато они превосходно умѣли управлять своими арміями и, систематически и въ строгомъ порядкѣ передвигая ихъ на мѣстности, выигрывали бои и кампаніи.

Въ прежнія времена задача управленія облегчалась въ значительной степени болѣе ограниченными пространствами боя, когда начальникъ могъ фактически проявлять свое личное вліяніе на войска, появляясь передъ ними въ томъ или иномъ мѣстѣ, но теперь это является физически не выполнимымъ.

Какъ эшелонировать корпуса на маршѣ, какъ съ наивыгоднѣйшей стороны сосредоточить ихъ къ полю сраженія, какъ перебросить корпусъ съ менѣе угрожаемаго на болѣе угрожаемый пунктъ, или къ мѣсту производства главнаго удара; какъ завести армію плечомъ, или перемѣнить операціонную линію и проч. и проч. — вопросы, которыхъ даже нельзя и предусмотрѣть и которые такъ легко разрѣшаются на планѣ и во время военной игры никакихъ затрудненій не представляютъ; но является совершенно неизвѣстнымъ, въ какой же формѣ могутъ они вылиться при дѣйствительномъ ихъ выполненіи.

Все это до извѣстной степени можетъ дать лишь практика, причемъ практика на мѣстности, при обстановкѣ, болѣе или менѣе приближающейся къ дѣйствительной.

Маневръ мирнаго времени этого дать никогда не можетъ, во-

первыхъ, потому, что арміями, какъ сказано выше, не маневрируютъ, и, во-вторыхъ, потому, что части мирнаго времени по своему составу столь незначительны по сравненію съ мобилизованными частями, что дѣйствія ихъ на маневрахъ лишь извращаютъ картину боевой обстановки и даютъ ложное представленіе о тѣхъ размѣрахъ, съ которыми придется считаться на войнѣ.

Такимъ образомъ, даже самый кругозоръ, невольно развиваемый маневренными условіями, очень мало соотвѣтствуетъ дѣйствительной обстановкѣ, о которой, воюя на маневрахъ, не пріобрѣтаютъ ни малѣйшаго представленія.

Вотъ поэтому и казалось бы, что полевая поѣздки, организованныя на болѣе широкихъ началахъ, могли бы хотя до нѣкоторой степени воспроизвести обстановку, по своимъ размѣрамъ приближающуюся къ дѣйствительной, и предоставить практику для строевыхъ начальниковъ и высшихъ штабовъ въ дѣлѣ фактическаго управленія арміями при помощи всѣхъ современныхъ техническихъ средствъ.

Вотъ въ этомъ-то направленіи и является крайне желательнымъ развить Наставленіе для офицерскихъ занятій изданія 1909 г., включивъ сюда еще и армейскія полевая поѣздки, производимыя въ составѣ цѣлыхъ армій.

Эти поѣздки дали бы возможность получить реальное представленіе о томъ масштабѣ пространствъ, на которыхъ развертываются, двигаются и оперируютъ современные арміи; онѣ давали бы возможность еще въ мирное время ознакомиться съ тѣми чисто техническими трудностями, съ которыми сопряжено дѣло управленія столь сложною машиною, какъ армія; однимъ словомъ, такія поѣздки дали бы возможность наглядно увидѣть, что такое современная армія на мѣстности (а не на планѣ) и какъ съ нею двигаться и воевать.

Такимъ образомъ, эти занятія, сохраняя всѣ преимущества военной игры, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтутъ и значеніе практическаго опыта въ столь трудномъ дѣлѣ, какъ дѣло управленія современными арміями.

Что касается финансовой стороны, то вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ безъ всякихъ излишнихъ со стороны казны затратъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

Полевая поѣздки въ составѣ двухъ армій (двухсторонняя) при самомъ широкомъ подсчетѣ будетъ стоить немного болѣе 1.300 т. р.

Между тѣмъ одинъ только двухсторонній маневръ двухъ корпу-

совъ въ 1911 г. стоилъ казнѣ 475 т. р., да потопокъ было совершено свыше чѣмъ на 25 т. р.; такимъ образомъ, стоитъ не произвести двухъ—трехъ такихъ маневровъ въ одномъ или нѣсколькихъ округахъ, что особаго ущерба не составитъ, и явится возможность выполнить армейскую поѣздку съ огромнѣйшей пользой для дѣла и безъ всякихъ излишнихъ затратъ, а если принять во вниманіе, что при этомъ не нужно будетъ дѣлать соотвѣтственныхъ корпусныхъ, дивизионныхъ и окружныхъ полевыхъ поѣздокъ, то явится возможность даже кое-что и сэкономить.

Положивъ настоящія пожеланія, я позволю себѣ привести и тѣ общія основанія, которыя полагалъ бы возможнымъ вложить въ организацію армейскихъ полевыхъ поѣздокъ.

1) Каждую сторону составлять изъ числа корпусовъ соотвѣтственно дѣйствительному составу арміи, т. е. изъ пяти корпусовъ.

2) Штабы и управленія формировать изъ числа чиновъ, необходимыхъ лишь для соотвѣтственной полевой дѣятельности.

3) Корпуса и дивизіи привлекать въ составъ ихъ мирнаго времени.

4) Отдѣльныя части войскъ имѣть въ такомъ составѣ, чтобы, обозначая ихъ на мѣстности отдѣльными людьми и лошадьми, можно было производить всѣ движенія и дѣйствія, устанавливая должную связь какъ по фронту, такъ и въ глубину.

5) Привлекать хотя бы самое незначительное число орудій какъ для обозначенія артилерійскихъ частей, такъ и, главнымъ образомъ, для установленія той звуковой связи, безъ которой обстановка въ огромной степени теряетъ свою реальность. Съ тою же цѣлью команды, обозначающія пѣшія части, снабжать холостыми патронами для обозначенія огня, безъ чего ориентировка при боевой обстановкѣ невозможна.

6) Инженерныя части имѣть въ составѣ, необходимомъ для установленія должной связи и специальной службы (телеграфныя и понтонныя части).

7) Привлекать всѣ современныя техническія средства для связи и управленія войсками.

8) Для обозначенія и дѣйствія тыловыхъ учреждений имѣть по одному соотвѣтственному чину на каждое изъ учреждений (дивизионный обозъ, парковую бригаду, корпусный или армейскій транспортъ, госпиталь и т. д.).

9) Привлекать на время поѣздки почтово-телеграфныя конторы по одной на корпусъ и армію, хотя бы въ самомъ сокращенномъ составѣ чиновъ.

10) Посредниковъ назначать: по одному на каждую отдѣльную часть; кромѣ того, двухъ бригадныхъ посредниковъ и одного посредника на дивизию и при немъ—одного офицера для порученій; одного корпуснаго посредника и при немъ—одного офицера для порученій и въ качествѣ помощниковъ—по одному чину отъ артилеріи, конницы, инженерныхъ частей, интендантства и врачей; главнаго посредника при штабѣ арміи и помощниковъ его—посредниковъ при всѣхъ полевыхъ управленіяхъ арміи, при генераль-квартирмейстерской части и начальникѣ военныхъ сообщеній; при каждомъ изъ нихъ—по одному соотвѣтственному чину для порученій. При наличіи этихъ посредниковъ, каждая часть получить возможность дѣйствовать какъ на маневрахъ, причемъ всѣ положенія могутъ разрѣшаться на мѣстѣ, и операціи будутъ протекать естественнымъ путемъ, безъ какихъ-либо особыхъ условностей.

Посредники должны при этомъ пользоваться значительной долей самостоятельности и окончательно рѣшать вопросы при столкновеніи въ ту или другую сторону; тогда эти рѣшенія будутъ опредѣлять положенія частей и ту обстановку, изъ которой и будутъ развиваться дальнѣйшія операціи.

11) Ввести должный учетъ потерямъ, опредѣляемымъ посредниками, и, сообразно этимъ потерямъ, каждый разъ уменьшать составъ частей (напримѣръ: сегодня полкъ дѣйствовалъ въ полномъ составѣ, а если послѣ сраженія, по опредѣленію посредниковъ, онъ потерялъ 25% своего состава, то всѣ дальнѣйшія свои операціи онъ можетъ вести лишь въ составѣ 12 ротъ и т. п.). Это необходимо для устраненія того безмертвія частей на маневрахъ, когда благодаря этому совершенно извращается всякое правдоподобіе боя и равновѣсія силъ.

12) Ввести рядъ условныхъ знаковъ для обозначенія частей (баталіоновъ, эскадроновъ, батарей, инженерныхъ и специальныхъ командъ), чтобы установить возможность опредѣленія состава отрядовъ при развѣдкѣ.

13) Поѣздку производить въ теченіе трехъ недѣль, считая 15 дней операцій, 4 дневки и 2 дня для подготовки матеріала къ общему разбору и самый разборъ.

Вотъ тѣ главнѣйшія общія основанія, которыя казалось бы возможнымъ примѣнить къ армейскимъ полевымъ поѣздкамъ.

Н. Д. Заринъ.

КАКІЯ РЕФОРМЫ НУЖНЫ КАЗАКАМЪ.

Впечатлѣніе произвела на меня статья Г. К. «Въ чаяніи реформъ», помѣщенная въ № 130 «Русскаго Инвалида».

«Кзаки, пишетъ г. Г. К., давно ждутъ реформъ и, не видя осуществленія своихъ желаній, прозвали себя пашынами русской арміи»—мысль совершенно вѣрная, но, дальше объясняя какія реформы нужны казакамъ, г. Г. К. едва ли показываетъ знаніе той самой строевой службы казачьей, о которой писать онъ собирается.

Пребываніе казачьихъ полковъ въ регулярныхъ дивизіяхъ г. Г. К. считаетъ вреднымъ для казаковъ, потому что «казачьимъ частямъ, подпавшимъ подъ власть не своего, а драгунскаго высшаго начальства, стали предъявляться несоотвѣтственныя имъ требованія въ дѣлѣ чисто казачьяго воспитанія и обученія»....

Остановимся на минуту на этой мысли г. Г. К. Не поклепъ ли это на высшихъ кавалерійскихъ начальниковъ? Сколько я знаю, высшіе кавалерійскіе начальники въ полной мѣрѣ проникнуты стремленіемъ обучить свои полки, какъ казачьи, такъ и регулярные, современному бою конницы. Возрожденіемъ элементовъ Платовской казачьей лавы (звена, вентеря и пр.) наше казачество обязано именно такимъ регулярнымъ начальникамъ, которые не только никогда не стѣсняли казаковъ въ работѣ по ихъ обычаю, но очень часто заимствовали казачьи приемы для своихъ регулярныхъ полковъ. Да и неужели все регулярное такъ плохо, такъ никуда не годится, что идти по указкѣ регулярныхъ кавалеристовъ это значитъ вести казачьи части къ гибели?

Неужели кавалерія всего міра такъ-таки ничего не стоитъ, а могутъ имѣть значеніе только одни казаки? Какія такія несоотвѣтственныя требованія предъявляютъ кавалерійскіе начальники своимъ казачьимъ полкамъ? Они потребовали вмѣсто прибавленной рыси—намета: требованіе разумное, сохраняющее лошадь отъ преждевременнаго разбиванія на плечи; они потребовали широкаго намета, соотвѣтствующаго полевому галопу 2 мин. 30 сек. верста—но этимъ они толкнули казаковъ лишь къ новымъ побѣдамъ, не смотря на дальній и мѣткій огонь винтовокъ и пулеметовъ, на дальнобойныя пушки! Не отрицая, а настоятельно требуя лавы, они въ то же время требовали, когда нужно, и сомкнутыхъ атакъ. Но бессмертная лава Платова изнуряла, изматывала, разстраивала нервы врагу разсыпными строями, жидкими и подвижными лавами, была же и уничтожала строго сомкнутыми ударами въ дротики резервовъ. Регулярные начальники требовали рубку, доведенную до совершенства, требовали искусную работу пиккою, стрѣльбу, пѣшій строй, дисциплину, поощряли даже джигитовку, которую Скобелевъ, большой знатокъ военнаго дѣла, въ бытность начальникомъ Ферганы, воспретилъ совсѣмъ, назвавъ бессмысленнымъ кувырканьемъ. Мы сохранили джигитовку на потѣху толпы, говоря, что джигитовка развиваетъ лихость, и упуская изъ виду, что очень часто лихой джигитъ очень плохо ѣздитъ въ полѣ, а при прыжкѣ черезъ маленькое препятствіе хватается за луку «спасительницу». Итакъ, въ чемъ же виновны передъ казаками регулярные начальники?

А вотъ въ чемъ. Они ввели «даже въ уставъ» манежную ѣзду, «сковавшую казаковъ по ногамъ и рукамъ въ дѣлѣ чисто полевого воспитанія коня и всадника». Это первое обвиненіе регулярному начальству. Итакъ, «манежная ѣзда» или, иначе говоря, «одиночное обученіе всадника и лошади» и есть тотъ жупель, который такъ пугаетъ г. Г. К.

Допустимъ, что манежной ѣзды нѣтъ, нѣтъ и одиночнаго обученія всадника, а прямо поле. Святое поле, о которомъ кричать такъ модно; поле, которое всегда имѣетъ успѣхъ у толпы, поле, о которомъ авторъ видимо имѣетъ неопредѣленное понятіе.

Подъ именемъ полевой ѣзды мы разумѣемъ быструю ѣзду безъ дорогъ по мѣстности черезъ всѣ тѣ преграды, канавы, заборы, валы, плетни, которые эта мѣстность представитъ. Назовите такую ѣзду какъ угодно. Назовите французскимъ именемъ «парфорсная охота», назовите русскимъ—«пробѣгъ по мѣстности», назовите киргизскимъ—«байга»; это ваше дѣло, но это и есть та

ѣзда, которая потребуетъ отъ казака и отъ регулярнаго кавалериста на войнѣ въ равной мѣрѣ. Для такой смѣлой ѣзды нужна смѣлая, хорошо напрыганная лошадь, нуженъ всадникъ, умѣющій крѣпко сидѣть на лошади, управлять лошадью на широкомъ ходу, умѣющій пройти по всякому мѣсту. Естественно, что лучшею школою для этого служить ѣзда въ полѣ. Но...

Въ казачьи полки приходитъ очень много молодыхъ, малоѣзженныхъ и совсѣмъ не выѣзженныхъ лошадей, молодые казаки чувствуютъ себя въ сѣдлѣ хорошо только на шагу, ибо прочная посадка и смѣлая ѣзда, къ сожалѣнію, не передаются по наслѣдству отъ отца къ сыну. Большинство лошадей плохо кормлено и не можетъ быть взято въ большую и долгую работу сразу.

Казармы казачьихъ полковъ расположены не всегда въ полѣ, да еще поучительномъ въ смыслѣ пренятствій, подъемовъ, спусковъ и т. д. Поля засѣяны, вмѣсто поля является дорога. Возьмемъ хотя бы Новочеркасское училище. Чтобы выѣхать въ поле нужно пройти шагомъ по мостовой не менѣе получаса, да обратно столько же, и тогда вы имѣете степь съ небольшими балками, которыя для порядочнаго ѣздока и лошади не представляютъ затрудненія.

По требованіямъ службы въ осенній періодъ занятій, имѣя въ виду тотъ большой курсъ, который нужно усвоить казаку, принимая во вниманіе сбереженіе лошади при той маленькой дачѣ фуража, которую она получаетъ, на ѣзду мы можемъ положить не больше 1 часа ежедневно. Если это будетъ полевая ѣзда—значитъ полъ-часа шагомъ по улицамъ Новочеркаска до степи и полъ-часа обратно. Какая же польза отъ этого всаднику и лошади? Но допустимъ, что казармы окружены полемъ и полемъ, принадлежащимъ казачьему полку; можно ѣздить куда угодно. Въ такихъ условіяхъ, на примѣръ, стоитъ полкъ, которымъ я имѣю честь командовать. Полевая ѣзда на часъ—арыки, рубленый лѣсъ, подъемы и спуски; черезъ недѣлю всѣ эти арыки, пни рубленаго лѣса, подъемы и спуски изучены всадниками до мелочей—то же однообразіе, что и въ «horribile dictum»—манежѣ. Но у меня условія исключительныя. Осимыхъ нѣтъ, осенью ѣзди, гдѣ хочешь, запрета нѣтъ. Найдите такія мѣста въ Европейской Россіи. Остается ѣзда по дорогамъ, да по какому-либо все одному и тому же ближайшему лугу или песчаному мѣсту. Пользы мало. Великіе поклонники поля итальянцы отлично поняли это и построили подлѣ своей кавалерійской школы особое campo ostacoli—поле препятствій съ зигзагомъ вьющимися дорожками, съ препятствіями разнаго типа и размѣра, иными словами, тотъ же... *манежъ*.

Отрицать одиночное обученіе, выѣздку, системы выѣздки можетъ лишь тотъ, кто очень далеко стоитъ отъ строевого коннаго дѣла. Но подкрѣпимъ это примѣрами. За 25 лѣтъ строевой службы съ казаками я видѣлъ *только двухъ* наѣздниковъ, ѣздившихъ и выѣзжавшихъ лошадей особенно: оба кавказца, оба горца — это полковникъ Гайтовъ (пынѣ генераль-маіоръ, бывшій начальникъ казачьяго отдѣла офицерской кавалерійской школы) и помѣщикъ г. Мергуле. У нихъ лошадь ходила особенно. На всемъ скаку моментально останавливалась, дѣлала пируэтъ подъ взмахомъ (не ударомъ) нагайки; снова летѣла въ карьеръ, отъ поднятой руки становилась, поджавши задъ, словомъ *дрессирована* была изумительно. Подобные же фокусы, чисто цирковые, показывалъ и природный наѣздникъ и джигитъ г. Мергуле. Но *передать другимъ* своего искусства ни тотъ, ни другой не могли; это былъ ихъ *талантъ*, ихъ особенность.

Нельзя сказать, чтобы, кромѣ этихъ двухъ лицъ, я не видалъ прекрасныхъ наѣздниковъ-казаковъ на протяженіи четверти вѣка. Я ихъ видалъ множество. Я имѣлъ честь быть ученикомъ такого лихова наѣздника и джигита, какъ генераль-отъ-кавалеріи М. И. Грековъ, пятидесяти лѣтъ, свободно, легко и красиво поднимавшаго на карьерѣ предметы съ земли; я видѣлъ ѣзду полковника Денисова, С. Г. Грекова, покойнаго Леонова и многихъ другихъ знаменитыхъ полевыхъ ѣздоковъ казаковъ. Принципы ихъ ѣзды были тѣ же, что и въ регулярной кавалеріи: равновѣсіе лошади на задѣ, движеніе отъ шенкеля на поводъ, мягкая рука при мягкомъ поводѣ, легкіе плавные аллюры, первоначальная выработка лошади на кордѣ, работа въ манежѣ (на площадкѣ) на вольтахъ, перемѣнахъ направленія, выработка гибкости лошади....

Правда, мнѣ пришлось на своемъ вѣку повидать и работу лошади безъ манежа. Я видѣлъ обученіе молодыхъ казаковъ сразу въ шеренгахъ, за неимѣніемъ поля, на большомъ плацу. Я видѣлъ, какъ на рубку ставили колья съ прутьями, снимали съ лошадей уздечки и неслись рубить по протоптанной дорожкѣ. Рубили хорошо. Но, когда колья поставили на другомъ мѣстѣ, то ни одна лошадь, какъ не имѣющая повода, не пошла совсѣмъ, и рубка дала плачевные результаты. Не назову части, но знаю такую, которая, благодаря отсутствію одиночной ѣзды и выѣздки, на смотрѣ весьма крупнаго начальника, т. е. тогда, когда казаки старались во всю, дала 4% срубленныхъ лозъ! Вотъ, что мнѣ говорить жизнь, проведенная съ казаками въ строю. Лошади, работанныя такимъ образомъ безъ «манежа», на полковыхъ ученьяхъ ходили

какъ имъ угодно, и казаки съ ними не справлялись. Начинали движеніе плавною, темпистою рысью. Но стукъ копытъ, чувство массы скоро волновало лошадей, табунныя привычки сказывались, сотни направленія все прибавляли и прибавляли ходу, фланги начинали скакать, интервалы терялись, задняя шеренга сливалась съ передней п единственнымъ спасеніемъ было «повзводно налѣво кругомъ». Сколько-нибудь сложнаго маневра съ этою частью сдѣлать было нельзя. Казаки справлялись съ лошадьми только силою; множество лошадей выносило изъ фронта, и всадники носились по полю, буквально прикручивая поводомъ морду лошади къ стремени. Паденій было очень много. И я видѣлъ казачьи части, работавшія лошадѣй по принципамъ Офицерской кавалерійской школы, исподволь, постепенно подготовлявшихъ лошадей и всадниковъ и къ полю, и къ лавѣ. Эти части легко разсыпали свои лавы, гибко маневрировали ими, не боялись пикакихъ препятствій, потому что лошади не несли на нихъ, а шли тѣмъ аллюромъ, какимъ хотѣлъ всадникъ. Предварительно выработанныя одиночной ѣздой, ѣздой въ манежѣ, онѣ охотно повиновались всаднику. Это была работа офицеровъ «переученныхъ», по словамъ г. Г. К., «ѣздить на драгунскій манеръ»....

Если въ томъ «учебномъ полку», о которомъ пишетъ г. Г. К., будутъ царствовать выше мною описанные принципы, полное отрицаніе выѣздки лошади, ѣзда безъ повода и только одно поле, котораго именно и не будетъ,—не дай Богъ казакамъ получить такой учебный полкъ. Чему будетъ учить урядникъ, знающій одну систему: «сѣлъ да поѣхалъ»? Ну, а куда онъ поѣхалъ въ Петербургѣ, или Одессѣ? Куда поѣхалъ въ грязь, или по колоти, или гололедкѣ? Шагомъ, или совсѣмъ стоять? Учатъ наукѣ, а наука, какъ говорить логика, есть система понятій о какомъ-либо предметѣ. Нужно знать уряднику и науку ѣзды, и науку выѣздки.

Послѣднее время въ военной литературѣ часто встрѣчаются статьи, полныя верхоглядства—«нужно поле», «не нужно сокольской гимнастики», а нужно ходить, много ходить; не нужно приготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій, а надо стрѣлять, много стрѣлять.... Я бы добавилъ къ этому одну аксіому—не нужно учиться военному дѣлу, а нужно воевать. Ну, а когда войны нѣтъ, когда патроновъ мало, когда *поля* нѣтъ, что же дѣлать? Ничего?

Весь міръ идетъ впередъ, мѣняются орудія, взгляды на борьбу, мѣняются уставы, одни казаки почему-то должны оставаться все тѣми же карикатурными казачками, съ громадною плетью, знающими одну джигитовку, словно соскочившими съ карикатуры Carandach'a.

Выдѣленіе казачьихъ полковъ изъ кавалерійскихъ дивизій дѣйствительно давно назрѣвшій вопросъ, но формированіе новыхъ казачьихъ дивизій нужно не столько для того, чтобы дать нѣсколько лишнихъ генеральскихъ мѣстъ казакамъ, какъ о томъ пишетъ г. Г. К., а для того, чтобы въ грядущей войнѣ воскресить настоящую Платовскую лаву казачью, способную измотать любую конницу міра.

Г-нъ Г. К., считая, что лава есть «разомкнутый строй съ выработкой одиночнаго бойца», показываетъ незнаніе того, что такое лава.

Лава есть тактика, «образъ служенія», издавна усвоенный казаками и ихъ прославившій, притомъ тактика глубокихъ боевыхъ порядковъ, расположенныхъ въ двѣ и три линіи съ постоянно смѣняемою первою линіею и сильнымъ резервомъ. Для того, чтобы лавы казачьи приобрѣли былую силу, необходимо много казачьихъ полковъ, дѣйствующихъ самостоятельно, необходимъ корпусъ изъ 8—16 казачьихъ полковъ, подчиненный одному начальнику, походному атаману. Лава дѣйствуетъ непрерывно, недѣлями, мѣсяцами, не давая нокая сторожевому охраненію, не давая возможности совершать походныя движенія въ глубокихъ походныхъ колоннахъ. Лава вездѣ, гдѣ можно уязвить противника, и лавы нѣтъ, какъ только противникъ сталъ неуязвимъ, развернулъ свой боевой порядокъ. Лава—это комары, нападающіе на льва и изводящіе его до безумія, а для этого и дѣйствія лавы должны быть непрерывны. Надо массу полковъ, постоянно смѣняемую. Все равно будутъ появляться эти лавы въ разсыпномъ въ одну шеренгу строю, въ группахъ, на коняхъ, или иѣшкомъ, стрѣлять изъ-за мѣстныхъ предметовъ («они лишь къ лѣсу, ожилъ лѣсъ, деревья сыплютъ стрѣлы»); дѣло не въ строѣ, а въ непрерывности безпокоиства, въ сниманіи заставъ крупными силами и исчезновеніи, «какъ дымъ», передъ сторожевымъ резервомъ или самими главными силами. Для этого не нужно учить «основному ихъ разомкнутому строю», но нужно учить тактикѣ, топографіи, нужно учить понимать боевые порядки противника и самостоятельно разрушать ихъ не только каждому полку и сотнѣ, но и каждому звену. Вотъ что такое лава, а не дикая скачка въ одну шеренгу съ свистомъ и бабьимъ визгомъ, изображающимъ у современныхъ казаковъ гикъ, какъ то рисуется г. Г. К.

Научить этому—одна минута; научить разумной работѣ лавою, управлять ею, смѣняя уставшія части новыми изъ резерва, для этого нужно много знанія и умѣнья.

Что такое «историческій свободный и простой костюмъ казакъ»?—Мундиръ-теплушка г. Хрещатицкаго, въ которомъ казакъ

быль спеленуть съ головы до ногъ? Теплушка на ватѣ, вѣтромъ подбитая. Въ войну 1812 г. казаки были одѣты весьма щегольски и по формѣ, ибо Платовъ былъ очень щепетилень къ внѣшности своихъ полковъ. Большинство имѣло кивера, куртки и длинные гакчиры съ лампасомъ, а побѣждать это не мѣшало.

Казаки нуждаются во многихъ реформахъ. И первая—измѣненіе льготы, постоянная офицерская служба въ полкахъ—то, о чемъ я пишу съ 1893 г.

Помощь въ покупкѣ лошади и одна *казенная* (полковая, войсковая) лошадь каждому офицеру.

Сухой фуражъ на 12 мѣсяцевъ, съ дачею овса не менѣе 12 фунтовъ круглый годъ.

Точныя и опредѣленные требованія старшихъ начальниковъ (доктрина), согласованныя съ уставомъ.

Обученіе по станицамъ малолѣтковъ.

Участіе казачьихъ полковъ въ полномъ составѣ на маневрахъ, т. е. спускъ на льготу послѣ маневровъ.

Росляя, кровныя лошади...

А затѣмъ шпоры или отсутствіе ихъ, широкіе или узкіе штаны, кивера или папахи—это все равно: важно имѣть хорошо обученные, сѣзженные полки и воинственное населеніе.

Идею поставить два полка въ Новочеркасскѣ, устроить тамъ учебный полкъ нельзя не привѣтствовать. Только нашлись бы въ командиры твердые люди, недоступные новочеркасскимъ соблазнамъ. А то живо казаки обратятся въ «казачковъ», надѣнутъ резиновые калоши и стануть гулять по Московской и лущить сѣмечки. Граница съ ея войною, обиліе войскъ, большіе маневры, соревнованіе массъ кавалеріи далеки отъ Новочеркасска. Не засосало бы эти полки мирною жизнью съ «винтомъ» и «теткою» въ военномъ собраніи, съ сладкою ѣдою и вкуснымъ питьемъ у радушныхъ и гостепримныхъ новочеркасскихъ хозяекъ.

Исторія обученія «настоящихъ казаковъ» «войска Платова-героя» слагалась изъ (начиная съ Петра Велпкаго) участія—1695-97—въ Азовскихъ походахъ Петра, 1705—усмирениі Астраханскаго бунта, 1709-1721—войпѣ со шведами, 1722-1731—съ персами, 1733-1735—съ поляками, 1736-1739—съ турками, 1741-1743—со шведами, 1756-1763—съ нѣмцами, 1764-1774—съ турками и поляками, 1775—противъ Пугачева, 1784-1785—въ Грузіи, 1787-1791—съ турками, 1788-1790—со шведами, 1792-1796—съ поляками, 1796—въ Персидской экспедиціи, 1799—въ Италіи и Швейцаріи, 1799—въ Голландіи, 1804-1864—на Кав-

казъ, 1804-1805—въ войнѣ съ французами, 1806-1807—съ ними же, 1806-1812—съ турками, 1808-1809—со шведами, 1812-1814—съ французами...

Было гдѣ изучить «науку побѣждать».

Не то уже послѣ Отечественной войны. Послѣ турецкой войны 1877-1878 донцы—и то только полки 2-й очереди—приняли участие лишь въ войнѣ 1904-1905 съ японцами.

Естественно, старая чисто боевая и въ этомъ смыслѣ и полевая школа была совершенно утрачена. Приходится учиться, изучать ту науку коннаго дѣла, которую по крупинкѣ собрали изъ разныхъ временъ и которая вылилась въ одномъ одинаковомъ для русской конницы и ея казаковъ уставѣ. Заслуги и побѣды русской конницы не меньше казачьихъ, слѣдовать и подражать ей казакамъ не зазорно. Вотъ если бы учебный полкъ, только предполагаемый, уже былъ и если бы онъ участвовалъ послѣ турецкой войны 1877—78 въ походахъ 1881 Ахаль-Текинскаго отряда, 1885 въ дѣлахъ съ афганцами, 1900 съ китайцами, 1904—1905 съ японцами, а теперь находился бы гдѣ-либо между Тавризомъ и Тегераномъ, я бы повѣрилъ, что въ этомъ полку можетъ быть что-либо свое, особенное, чисто боевое и для военнаго дѣла полезное.

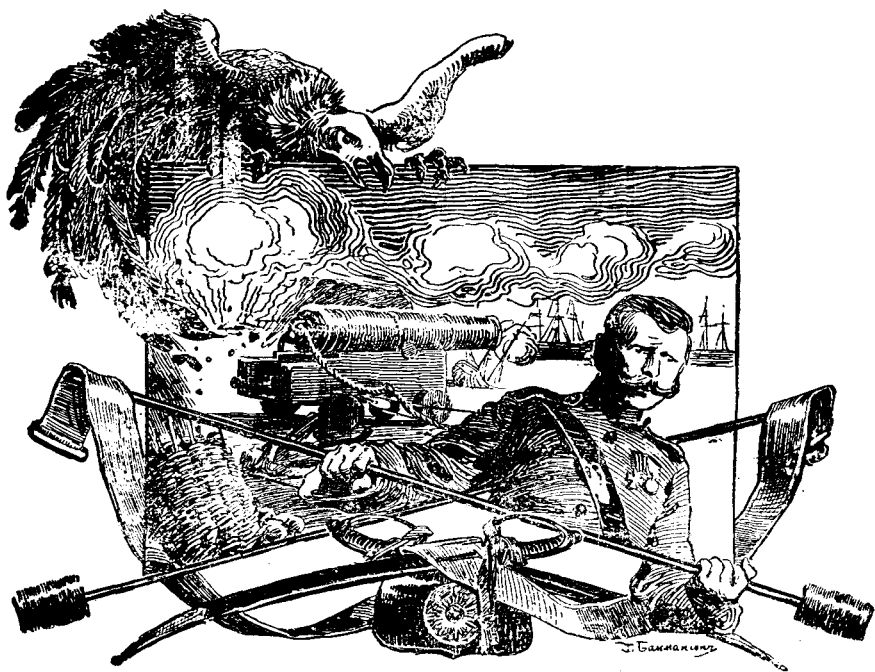
Нужно стремиться имѣть единую русскую конницу, съ однимъ могучимъ духомъ, однимъ уставомъ, одною системою обученія. Уставъ пошелъ въ этомъ отношеніи навстрѣчу казакамъ, вооруживъ регулярную кавалерію пиками, введя и въ нихъ маневрированіе лавою. Казакамъ должно стараться во всѣхъ оборотахъ кавалерійской службы лихостью, смѣлостью и предпримчивостью превзойти регулярную конницу и доказать, что она дѣйствительно казаки—природные конные воины, а не стремиться обособиться, крѣпко держаться старины. Вѣдь этакъ можно дойти до того, что въ тотъ день, когда кавалеріи дадутъ автоматическое ружье, просить казакамъ вернуть ихъ старый добрый лукъ и опять начать ходить на штурмы крѣпостей съ однѣми пиками.

Нужно чаять реформъ, но такихъ, которыя бы двигали казаковъ впередъ, а не осаживали ихъ назадъ на мѣсто неуклюжихъ и смѣшныхъ «казачковъ», умѣющихъ только поражать публику своею неустрашимою джигитовкою. Еще Баклановъ говорилъ: «Не довольно казаку быть только храбрымъ. Храбрость присуща казаку, это его природное качество. Но нужно и побольше этого».

П. Красновъ.

Къ вопросу о техническомъ артилерійскомъ образованіи.

I. „Потѣшные техники“.

Во поводу моей статьи объ артилерійской технику я получилъ рядъ писемъ, въ большинствѣ сочувственныхъ, но съ частными поправками и замѣчаніями, изъ которыхъ я вижу, что предложенія мои требуютъ дальнѣйшихъ разъясненій. Жалѣю, что авторы не желаютъ печатать своихъ возраженій, какъ это сдѣлалъ въ № 101 «Русскаго Инвалида» г. С. Черепановъ. Съ удовольствіемъ ему отвѣчаю (пріятно, когда возражаютъ послѣ того, какъ внимательно прочтуть; не всегда это такъ бываетъ, къ сожалѣнію) и попутно приму во вниманіе и замѣчанія авторовъ писемъ.

Расходимся мы съ г. С. Черепановымъ только потому, что говоримъ о разныхъ нѣскольکو предметахъ. Я пытался поставить діагнозъ болѣзни нашей артилерійской техники и изыскать средства для ея излѣченія. Онъ же, признавая правильность діагноза и не отрицая дѣйствительности средствъ, задается вопросомъ, какъ ихъ принимать въ той неблагопріятной обстановкѣ, въ которой находится теперь не только артилерійская техника, но и артилерійская служба вообще. Несомнѣнно, между этими — «что» и «какъ» — есть тѣсная связь, какъ несомнѣнно и то, что, для излѣченія отдѣльнаго органа, необходимо оздоровить весь организмъ. Но такое расширение вопроса безпредѣльно: чтобы оздоровить организмъ, надо изслѣдовать его въ связи съ другими, ему подобными, и отъ частныхъ условій перейти къ общественнымъ, а потомъ — и къ государственнымъ. Я не задавался такими цѣлями, а потому и теперь всѣ наболѣвшіе артилерійскіе вопросы, вѣрно и справедливо изложенные г. С. Ч., но не имѣющіе прямого отношенія къ технике, оставляю въ сторонѣ. Скажу ему лишь въ утѣшеніе, что теперь — *такое время*; какую область ни возьми, всегда найдутся въ ней дефекты. Блага міра распредѣлены неравномѣрно. И это повсюду, во всѣхъ вѣдомствахъ, и именно въ вѣдомствахъ, заботящихся каждое о себѣ, безъ взаимной связи съ другими.

«Прежде артилеристы, какъ правильно говорить г. С. Ч., были на чинъ старше пѣхоты, теперь обратно». Въ однихъ частяхъ производство молніеносное, въ другихъ движутся черепашимъ шагомъ. Военные юристы, подчиненные министерству юстиціи, живутъ чуть не впроголодь; такіе же юристы въ пограничной стражѣ, подвѣдомственной министерству финансовъ, имѣютъ чуть ли не двойные оклады. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ, отпускаютъ средства на прислугу: оберъ-офицеру — на одного человѣка, штабъ-офицеру — на двухъ; не желаешь имѣть второго — получай лишніе 10 руб. въ мѣсяць. Въ другихъ — этого нѣтъ. То же и на воспитаніе дѣтей (100 руб. на сына въ годъ). Профессорскіе оклады Императорской военной академіи много выше, чѣмъ въ другихъ. Прежде техники-артилеристы получали чуть не вдвое больше строевыхъ; теперь въ техническія заведенія калачомъ не заманишь: въ этомъ году, напримѣръ, въ Михайловскую артилерійскую академію доставлены 16 техническихъ вакансій, и нѣтъ ни одного желающаго ихъ занять, потому что вакансіи въ провинціи, а это затрудняетъ побѣгъ!... Такихъ примѣ-

ровъ можно было бы привести безъ конца. И причина ихъ понятна: когда какое-нибудь учрежденіе или вѣдомство (обыкновенно — управление) начинаетъ хлопотать объ улучшеніи своего быта, то прежде всего старается держать это въ строгомъ секретѣ — «узнають другіе, другіе потребуютъ, и никому не дадутъ» — вотъ лозунгъ! Такъ же разсуждаетъ и вѣдомство, въ которое входятъ съ ходатайствомъ: оно не постарается произвести *относительную* оцѣнку ходатайства, опросить другія хотя бы аналогичныя инстанціи и по собственной инициативѣ пріобщить другихъ, находящихся въ такихъ же, если не худшихъ, условіяхъ. Это не выгодно: наберется слишкомъ большая сумма, ея испугаются и — «никому не дадутъ». Поэтому, по возможности безъ шума, частная претензія, конечно, справедливая, удовлетворяется. Тогда являются обиженные: «мы въ тѣхъ же условіяхъ, позвольте и намъ». «А гдѣ же вы были, спрашиваютъ, когда хлопотали другіе? Теперь ужъ поздно; кредиты забраны; въ смѣту не внесено; остатковъ нѣтъ — устраивайтесь «безъ расходовъ отъ казны» и ждите у моря погоды!» Вотъ вѣчныя волны нашего житейскаго моря. Кто всплылъ на гребень — молчитъ; кто внизу — вопить. Г. С. Ч. несомнѣнно хлопочетъ о тѣхъ, кто внизу. Искренно ему сочувствую, тѣмъ болѣе, что и моею основною идеею было утвержденіе, что причины неудовлетворительности состоянія нашей техники лежатъ вовсе не въ однихъ лишь техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ условіяхъ и обстановкѣ предшествующей ихъ дѣятельности, ее сопровождающихъ и слѣдующихъ за нею. Но нельзя «объять необъятное»; прошу позволенія поэтому покончить съ затронутымъ мною частнымъ вопросомъ.

Прежде всего извиняюсь за свою неумѣстную, быть можетъ, иронію о «папенькахъ и маменькахъ», подъ которыми я разумѣлъ излишне нѣжныхъ родителей, слишкомъ балующихъ своихъ «сыновъ». Буду говорить объ отцахъ и матеряхъ.

Нельзя не сочувствовать идеѣ г. С. Ч. использовать хотя бы небольшую часть ассигнуемыхъ на всеобщее образованіе огромныхъ суммъ для офицерскихъ дѣтей и дѣтей сверхсрочно-служащихъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ, какъ я упомянулъ выше, на воспитаніе дѣтей отпускаются извѣстныя суммы. Конечно, въ этомъ отношеніи могли бы придти на помощь части. Можетъ быть, можно было бы устроить «бригаднаыя дѣтскія школы», подобныя существующимъ уже и теперь въ нѣкоторыхъ пѣ-

хотныхъ полкахъ дѣтскимъ полковымъ школамъ. Къ этому можно было бы приобщить вообще дѣтей всѣхъ служащихъ, безъ раздѣленія ихъ на сословія, чего нѣтъ теперь уже ни въ гимназіяхъ, гдѣ воспитываются дѣти потомственныхъ дворянъ вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми, ни въ большинствѣ военныхъ училищъ. Теперь сословія нивелируются.

Не могу допустить, какъ это дѣлаетъ г. С. Ч., чтобы «семья только и рассчитывала, какъ бы сбыть старшаго сына въ корпусъ, чтобы развязать руки... и чтобы она не имѣла ни средствъ, ни умѣнія заниматься съ дѣтьми». Жениться вѣдь не заставляють; напротивъ, до поры до времени удерживаютъ, требуютъ реверса. А любишь кататься, люби и саночки возить! Вѣдь дѣло становится похоже на теорію Фурье, который требуетъ, чтобы дѣти отнимались отъ родителей сейчасъ же послѣ рожденія и воспитывались бы на общественный счетъ, спеціальными лицами, какъ сыны государства и народа, которыхъ нѣжные родители могутъ только баловать и портить! Но въ этомъ, какъ и въ предложеніи г. С. Ч., есть доля правды. Рациональное воспитаніе и обученіе дѣтей требуютъ особыхъ опыта и умѣнія, которые далеко не всѣмъ даются. Я уже говорилъ объ этомъ въ своей статьѣ, но не поспилъ тамъ, что именно я разумѣю подъ дѣтскимъ ручнымъ трудомъ; а между тѣмъ это громкое, по отношенію къ малолѣтнимъ, слово даетъ поводъ однимъ называть мое предложеніе «безчеловѣчнымъ» (меня радуетъ, что г. С. Ч., употребляя этотъ эпитетъ, самъ же предлагаетъ средства для выполненія моего предложенія и средства, надо отдать ему полную справедливость, дѣльные и практичныя), а другимъ — иронически приписывать мнѣ организацію «потѣшныхъ техниковъ». Не отказываюсь отъ этого названія; оно хорошо выражаетъ мою идею. Какъ потѣшныя войска представляютъ собою зародышъ будущихъ воиновъ, такъ потѣшные техники — зародышъ будущихъ техниковъ. Все дѣло въ томъ, что о тѣхъ и другихъ надо раньше подумать. Чѣмъ раньше мы разовьемъ и подмѣтимъ дѣтскія способности, тѣмъ раньше опредѣлимъ ихъ истинное призваніе и тѣмъ лучше ихъ къ тому вооружимъ. Организація потѣшныхъ, о которой я упоминалъ и въ моей основной статьѣ, сродни предлагаемымъ бригаднымъ дѣтскимъ школамъ; въ программы гимнастики и физическаго развитія могъ бы быть легко включенъ и соответствующій дѣтскому возрасту ручной трудъ. Чтобы это слово никого не пугало, не вдаваясь въ подробности, приведу здѣсь нѣ-

сколько примѣровъ того, какъ трактуются эти вопросы въ упоминавшихся мною французскихъ школахъ для малолѣтнихъ (*Ecoles primaires élémentaires*), имѣющихъ приготовительный классъ (*section enfantine*) для дѣтей возраста 5—6 лѣтъ; затѣмъ—элементарный курсъ для 7—9-лѣтнихъ; средній—для 9—11 и высшій—для 11—13-лѣтнихъ—возрастъ, какъ разъ соответствующій поступающимъ въ наши кадетскіе корпуса (10—12 лѣтъ).

Прежде всего, физическія упражненія, детально разработанныя, поставлены здѣсь такъ, что ребенокъ не только не тяготится ими, но охотно имъ отдается, видя въ нихъ дѣйствительный и пріятный отдыхъ отъ учебныхъ занятій; причемъ видную роль въ этихъ упражненіяхъ играетъ ручной трудъ, соответствующій, конечно, силамъ каждаго возраста. Въ возрастѣ 5—8 лѣтъ гимнастическія упражненія заключаются, главнымъ образомъ, въ играхъ (хороводы, серсо, воланы, веревочки, мячи...), въ ритмическихъ движеніяхъ, прыжкахъ, бѣгѣ и въ нѣкоторыхъ первоначальныхъ военныхъ упражненіяхъ, въ родѣ: построенія рядовъ, маршировки, перестроеній... Ручныя работы: плетеніе, тканье, складываніе геометрическихъ фигуръ изъ бумаги, вырѣзаніе ихъ изъ картона; употребленіе рычаговъ; пращи, дротики, лукъ и стрѣлы; моделировка изъ глины и гипса (Фребелевскія игры). Въ возрастѣ 9—11 лѣтъ гимнастическія упражненія безъ аппаратовъ усиливаются; военныя—усложняются (вздваиваніе и ностроеніе рядовъ, собираніе во взводы, равненіе; французскій боксъ; правильная борьба; прыжки, плаваніе...). Ручной трудъ—обклеиваніе цвѣтною бумагою вырѣзанныхъ и склеенныхъ фигуръ; работы изъ разныхъ проволокъ (клѣтки, мышеловки—знакомство съ металлами); моделировка простѣйшихъ архитектурныхъ украшеній; знакомство съ наиболѣе простыми и легкими инструментами, выпиливаніе, приготовленіе и спусканіе змѣевъ; рычаги, ворота, простѣйшія воздушныя и водяныя мельницы, зубчатыя зацѣпленія (элементарная физика и механика). Въ возрастѣ 11—13 лѣтъ: гимнастика уже на аппаратахъ; солдатская школа—безъ оружія; массовыя движенія. Ручныя работы: вычерчиваніе предметовъ и ихъ изготовленіе по чертежамъ изъ картона или глины; легкія деревянныя работы, столярныя и токарныя; знакомство съ первоначальными кузнечными работами; знакомство съ приборами, станками и обзоръ легкихъ и интересныхъ фабричныхъ производствъ.

Сюда же относятся элементы физическихъ и естественныхъ

наукъ (познаніе вещей): человѣкъ, животныя, растенія, камни, металлы; понятіе о воздухѣ и водѣ (парь, облака, дождь, снѣгъ, ледь). Разговоры о пространствѣ и времени, ихъ признакахъ и измѣреніи—все это съ цѣлью не только ознакомленія, но и чтобы вызвать ребенка на размышленія, наблюденія, сравненія, любознательность и запоминаніе. Развѣ въ такихъ «потѣшныхъ техникахъ», если хотите, не образовалась бы благопріятная почва, для дальнѣйшаго ихъ развитія въ томъ же направленіи въ корпусахъ, училищахъ, академіи? Если это есть во Франціи, то почему не завести и у насъ? Подражать хорошему не стыдно.

Когда я писалъ о «повышеніи требованій отъ поступающихъ въ кадетскіе корпуса», я имѣлъ въ виду именно вышеуказанное развитіе дѣтей умственное, физическое и нравственное, охотное, добровольное, не изъ-подъ палки. Вовсе не стою за расширение учебныхъ программъ, особенно по отношенію къ тому, что будетъ проходиться въ корпусѣ; я бы даже нѣсколько сократилъ существующія, особенно въ отношеніи этимологическихъ и синтаксическихъ опредѣленій въ русскомъ языкѣ, хотя... хотя мы такъ мало грамотны почему-то! Не столько важно, чтобы дѣти много знали, сколько, чтобы они любили трудъ, не боялись его, не заставляли себя работать насильно. Это наша большая слабость, именно съ дѣтства развивающаяся. Мы рано узнаемъ, что «труды горьки, только плоды ихъ сладки»; а такъ какъ никакихъ сладкихъ плодовъ непосредственно не видимъ, особенно въ дѣтскіе годы, то сладости и не испытываемъ, а чувствуемъ только горечь лишенія свободы и развлеченій. Особенно мы не любимъ правильный, регулярный трудъ. По странной случайности только на русскомъ языкѣ имѣется хорошее слово «трудолюбіе»; на иностранныхъ (*assiduité, application, diligence; Arbeitsamkeit, Emsigkeit; laboriousness, assiduity...*)—слово «любовь» не принимаетъ здѣсь никакого участія; а между тѣмъ... очевидно дѣло не въ словахъ!

Согласенъ, повторяю, съ г. С. Ч., что не всѣ родители способны на такое рациональное воспитаніе. Но среди офицерства бригады всегда найдутся лица подходящія, а, можетъ быть, въ будущемъ и подготовленныя (*docendo discimus!*), которыя смогутъ удѣлить ему нѣсколько свободныхъ часовъ въ недѣлю за небольшое вознагражденіе. А если нѣтъ, то не трудно завести въ своей бригадной школѣ и своего спеціальнаго школьнаго учителя или еще лучше—учительницу. Съ гимнастикой и фронтомъ справится любой сверхсрочный.

Въ корпуса, однакоже, поступаютъ не только дѣти военно-служащихъ, живыхъ и слишкомъ занятыхъ. Надо чтобы и родители гражданскихъ вѣдомствъ были ознакомлены съ вышеуказанными требованіями. Вотъ почему я и позволилъ себѣ написать то, что г. С. Ч. называетъ «механическимъ путемъ, бьющимъ (родителей) еще повышеннымъ спросомъ», а именно: что въ программы для поступленія въ корпуса необходимо включить и соответствующія требованія по ручному труду, такъ какъ предложеніе зависитъ отъ спроса.

II. „Избіеніе младенцевъ“.

Я принимаю драконовскія мѣры: повышение вступительныхъ программъ съ включеніемъ въ нихъ дѣтскаго ручного труда; забаленіе малолѣтнихъ и обреченіе ихъ на преждевременную спеціализацію; систематическое истязаніе въ спеціальныхъ корпусахъ; выпускъ кадетъ въ строй передъ поступленіемъ въ училища; лишеніе отдыха и свиданія съ родителями; конкурсный экзаменъ для приѣма въ спеціальныя училища сейчасъ же послѣ выпускныхъ экзаменовъ изъ корпусовъ... Иродово избіеніе младенцевъ!

Позвольте, господа оппоненты, прежде всего—не все разомъ. Для лѣченія я предлагаю или горчичникъ, или хининъ послѣ касторки, а вы смѣшиваете въ одной банктѣ горчицу, хининъ и касторку и съ укоризною качаете головой, смотрите, моль, чѣмъ вы угощаете!

Если будутъ спеціальныя корпуса, то уже не будетъ такой надобности въ выпускѣ изъ нихъ въ строй (хотя это и тогда было бы не бесполезно); конкурсные же экзамены отпадаютъ совершенно. Никакихъ спеціальныхъ экзаменовъ въ спеціальныя корпуса я не проектировалъ; усиленные ручнымъ трудомъ программы я рекомендовалъ всѣмъ корпусамъ, а, если хотите, и всѣмъ учебнымъ заведеніямъ вообще, какъ мѣру безусловно полезную для всего народа, всего человѣчества, и за границею давно уже практикуемую. О спеціальныхъ корпусахъ я уже достаточно говорилъ въ отвѣтъ г. В. С. Кривенко (см. вивисекція), ссылаясь на морское училище. Но этого оказалось мало даже для г. С. Черепанова, несмотря на то, что самъ же онъ въ концѣ статьи выражаетъ изумленіе, почему у насъ существуютъ двѣ артилеріи—морская и сухопутная? Почему же, спрошу и я, для морского училища онъ до-

пускаетъ то, что считаетъ недопустимымъ для артилерійскихъ? Очевидно не совсѣмъ понята цѣль учрежденія спеціальныхъ корпусовъ. Это дѣлается не исключительно для того, чтобы принимать туда отборныхъ, способныхъ къ математикѣ малолѣтнихъ; пріемная программа остается общею, слѣдовательно, искусственный отборъ невозможенъ. Я уже говорилъ, что побочною цѣлью предложенія служить предоставленіе всѣмъ училищамъ, и спеціальнымъ, и военнымъ, возможности пользоваться одинаковымъ матеріаломъ, съ лучшими и съ худшими, безъ сниманія сливокъ, на которое такъ жалуются, и справедливо, военные училища. Такимъ образомъ, всѣ возраженія г. С. Ч. отпадаютъ; остается лишь сомнѣніе въ томъ, что могутъ дать спеціальныя корпуса. Главная цѣль ихъ—*постановка образованія на физико-математической основѣ*; прошу не смѣшивать съ математическимъ истязаніемъ!

Это вовсе не значитъ, что въ спеціальныхъ корпусахъ будетъ напичкано столько физики, химіи, математики и механики, что всѣ остальные предметы будутъ заброшены и что курсъ будетъ доступенъ только избраннымъ. Это значитъ, что характеръ программъ и всего учебнаго плана долженъ быть разработанъ такъ, чтобы пріобрѣтенныя познанія по своему содержанію и качествамъ соответствовали бы дальнѣйшей спеціальной дѣятельности; чтобы были приняты во вниманіе дѣйствительныя потребности спеціальныхъ училищъ; чтобы складъ ума, способность къ логическому мышленію, навыки учащихъ—гармонировали съ требованіями спеціальной службы и техники. Идея, сходство и различіе тѣ же, что и *между реальными и классическими гимназіями*. Съ древнихъ временъ существуютъ только эти двѣ системы образованія; другихъ не придумано: нѣчто среднее, основанное на предметахъ памяти, на географіи—дастъ плачевные результаты.

Воспитываютъ, образуютъ, дисциплинируютъ, развиваютъ умъ только науки, посвященныя исканію истины.

Преобладаніе словесныхъ наукъ—литературы, языковѣднія, знакомства съ древне-классическимъ міромъ, логики, исторіи—несомнѣнно развиваетъ человѣка въ направленіи абстрактнаго творчества. Преобладаніе физико-математическихъ наукъ—въ направленіи конкретномъ, наиболѣе выгодномъ для практическихъ цѣлей, каковы цѣли спеціально-военныя, да я сказалъ бы—и военныя вообще. Техника вырабатывается путемъ практики, путемъ приложений; здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, требуется не только зна-

ніе, но и умѣніе; слѣдовательно, для спеціально техническихъ цѣлей необходима физико-математическая основа. Я пошелъ бы далѣе и приблизилъ бы всѣ вообще корпуса къ типу реальныхъ училищъ, а не къ типу классическихъ или еще хуже къ какому-то среднему типу. Тогда въ спеціальныхъ корпусахъ не было бы никакой надобности. Но съ этимъ не всѣ согласны, а въ чужой монастырь со своимъ уставомъ соваться не слѣдуетъ. Вотъ почему я и предлагаю выдѣлить нѣсколько корпусовъ, придать имъ болѣе реальное направленіе и ближе приспособить къ потребностямъ спеціальныхъ училищъ. Мои оппоненты говорятъ, что какъ разъ въ спеціальныхъ корпусахъ окажутся лица, менѣе способныя къ математикѣ. Во-первыхъ, этого ожидать нельзя; самое большое—можно ожидать, что въ нихъ будетъ одинаковый съ другими корпусами матеріалъ. Вѣдь нельзя же утверждать, что въ реальныхъ училищахъ собирается элементъ менѣе способный къ математикѣ, чѣмъ въ классическихъ. Надо думать, что поступающіе туда не всѣ руководятся исключительно географическими условіями—близостью къ родителямъ. Нѣкоторый толчекъ къ подбору способныхъ къ математикѣ будетъ данъ. Помогутъ и артилерійскія традиціи отцовъ, а главное—артилерійскія училища уже не будутъ имѣть повода быть недовольными своимъ матеріаломъ, если будутъ работать сами на себя. Отпадутъ и тѣ неудобства, на которыя указываетъ и г. С. Ч., приводя примѣръ того, что въ одномъ корпусѣ преподаватель ставитъ почти всѣмъ 12 балловъ, а въ другомъ: 12—Богу, 11—себѣ и не больше 10—кадетамъ! Или того общественнаго примѣра, когда преподаватели плохо отвѣчающаго по математикѣ кадета спрашиваютъ куда онъ намѣренъ выйти, и ставятъ 10, вмѣсто 6, если онъ заявитъ, что идетъ въ спеціальное училище! А потомъ г. В. С. Кривенко пишетъ: «случается, что «примѣрные», попавши въ спеціальныя школы, тамъ увядаютъ и только дотягиваютъ лямку!» Конечно, это примѣры частныя, которыя нельзя придавать общаго значенія; гораздо важнѣе то, что кадетскіе корпуса, находящіеся въ вѣдѣніи другого вѣдомства, не считаютъ ни полезнымъ, ни нужнымъ принимать во вниманіе потребности спеціальныхъ училищъ, находящихся въ другомъ вѣдомствѣ; что главное назначеніе корпусовъ давать общее образованіе, удовлетворяющее только цѣлямъ военныхъ училищъ, и что цѣли эти не требуютъ развитія физико-математическихъ основъ.

Допустимъ, на примѣръ, что взгляды руководителей нашихъ

корпусовъ измѣнились и, какъ въ прежнія времена, было бы признано, что для военнаго дѣла необходимо физико-математическое образованіе, наиболѣе приспособленное къ развитію: точности дѣйствій, способности къ комбинированію данныхъ, ориентировкѣ, умѣнія справиться съ заданіемъ находить искомыя, устанавливать связь между ними и свойствами данныхъ, способности самостоятельнаго рѣшенія и пр., и пр. (здѣсь можно было бы перечислить всѣ необходимыя способности военнаго человѣка)... Допустимъ, что не только петербургскіе, но и всѣ провинціальныя корпуса обзавелись отличнымъ и опытнымъ преподавательскимъ и воспитательскимъ персоналомъ, получившимъ высшее образованіе, чѣмъ тотъ же корпусный. Что кадеты, поступивъ въ корпусъ, послѣ экзамена, получивъ хорошую подготовку и воспитаніе, переходя изъ класса въ классъ по успѣхамъ, а не—*несмотря на неустыхи*, хорошо оканчиваютъ корпусъ и твердо знаютъ, чему ихъ учили; основательно знаютъ и владѣютъ геометріею, тригонометріею, алгеброю (умѣютъ логарифмировать, извлекать $\sqrt{-1}$ или раздѣлить 1 на $\frac{1}{2}$, въ чемъ теперь очень многіе затрудняются), физикою, немножко аналитическою геометріею, механикою; знакомы съ началами дифференціального исчисленія (не говорю о химіи—она теперь отлично поставлена); знаютъ и владѣютъ самостоятельно, безъ шпаргалокъ, отъ которыхъ приходится отучать въ училищахъ жестокими мѣрами. Умѣютъ хотя бы читать на иностранныхъ языкахъ (прежде не знали двухъ, теперь не будутъ знать и одного!). Умѣютъ грамотно писать сочиненія безъ помощи товарищей и книги. Знаютъ географію, исторію, о которой пока имѣютъ невозможно слабое представленіе и т. д... Неужели тогда пришло бы кому-нибудь въ голову желаніе какихъ-либо преобразованій, какой-нибудь спеціализаціи? Нынѣшняя подготовка не удовлетворяетъ спеціальныхъ училищъ. Позволю себѣ привести здѣсь слѣдующее мнѣніе особой комиссіи, разбиравшей этотъ вопросъ въ одномъ изъ такихъ училищъ.

«Недостаточность предварительной (въ корпусахъ) подготовки выражается: 1) *въ отсутствіи сознательнаго отношенія* къ изученію математики; 2) *въ отсутствіи инициативы мысли*; 3) въ стремленіи *къ механическому усвоенію* фактическаго матеріала; 4) въ отсутствіи *связи между изученными отдѣлами математики* и 5) въ отсутствіи *навыка пользоваться методами анализа и навыка въ численіи*.

Иллюстрацію къ сказанному служитъ то, что въ рѣдкомъ отдѣленіи не приходится слышать вопроса: для чего нужно въ кругъ общеобразовательныхъ наукъ артилериста вводить математику (молодежь — чутка!)? Вопросъ этотъ вызываетъ обыкновенно общее сочувствіе къ спрашивающему. Очевидно не объяснено и не усвоено значеніе наукъ и—чистыхъ по преимуществу! Неоднократно приходится наблюдать при отвѣтственныхъ практическихъ работахъ подавленность психики юнкеровъ, проистекающую исключительно отъ того, что каждому задана *особая* задача. Рѣдкій юнкеръ не нуждается въ подсказѣ преподавателя (или чаще—товарища), когда методъ рѣшенія юнкеру извѣстенъ и задача не требуетъ большого умственного усилія. Юнкеръ не старается сдѣлать ряда попытокъ къ разысканію способовъ рѣшенія. Очевидно—полное отсутствіе инициативы мысли. Въ тѣсной связи съ этимъ находится стремленіе къ механическому усвоенію матеріала: часто юнкеръ испишетъ доску правильными выводами и въ то же время—не въ состояніи указать на основную мысль, вложенную въ написанное. Такія тяжелыя явленія, какъ *перутомленіе*, обязаны именно непосильному труду запоминанія того, что при правильномъ веденіи дѣла требуетъ только усилія понять и усвоить. Отсутствіе связи между изученными отдѣлами математики особенно замѣтно на неумѣннн вводитъ въ обиходъ свѣдѣнія изъ тригонометріи (очевидно знанія расположены по отдѣльнымъ коробочкамъ; неизвѣстно, къ какой коробочкѣ обратиться для отвѣта на вопросъ и что изъ какой коробочки надо вынуть?). Это указываетъ на недостаточное усвоеніе изученнаго матеріала, отсутствіе пракческаго имъ пользованія, непониманіе связи между предметами, инерцію мысли. Юнкера не умѣютъ подойти къ задачѣ; не умѣютъ разобраться въ томъ, что задано и что надо найти, пользуясь свойствами данныхъ и искомыхъ величинъ, составить столько уравненій, сколько неизвѣстныхъ (развѣ это не задачи военнаго человѣка вообще?). Замѣтно отсутствіе навыка въ числовомъ счисленіи и логарифмированіи (предпочитаютъ перемножать 6-значныя числа). Имѣютъ смутное представленіе о несоизмѣримости, о приближенномъ вычисленіи, о степени точности. Не могутъ рѣшать въ памяти самыхъ простыхъ задачъ, сейчасъ же берутся за мѣлъ. Не умѣютъ располагать вычисленій такъ, чтобы ихъ можно было провѣрить, не умѣютъ дѣлать сокращеній и т. д. Всѣ эти недочеты *тормозятъ преподаваніе*, заставляя при

чтеніи подолгу останавливаться на вещахъ, прямо къ лекціи не относящихся, переучивать и пр.. Почти то же относится и къ физикѣ.

Съ увѣренностью можно сказать, что всѣ указанные недостатки отъ математики переносятся и въ жизнь, и если это не важно для военныхъ училищъ, въ чемъ можно усомниться, то представляетъ дѣло первостепенной важности для специальныхъ училищъ, для техники. А такъ какъ я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ послѣднюю, то и не могу не считать радикальнымъ средствомъ спеціальныя корпуса. Теперь я уже раскрылъ всѣ свои карты! Вотъ что я разумѣлъ, когда писалъ въ первой статьѣ, что спеціальныя училища «подпираются снизу и стѣсняются корпусами».

Чтобы покончить со спеціальными корпусами, скажу еще, что безъ созданія новыхъ корпусовъ не обойтись, особенно съ увеличеніемъ числа специальныхъ училищъ, а при образованіи новыхъ корпусовъ легче принять во вниманіе потребности и специальныхъ школъ и техники. Слишкомъ слабые, неспособные и нежелающіе оставаться въ артилеріи могутъ и изъ специальныхъ корпусовъ выходить въ военныя училища или на сторону. Такихъ будетъ немного. Среднія способности найдутъ себѣ примѣненіе въ строевыхъ, а способные—въ математическихъ отдѣленіяхъ училищъ. Лучшимъ въ остальныхъ корпусахъ входъ въ спеціальныя училища попрежнему не будетъ закрытъ.

Менѣе радикальною, но все же полезною мѣрою, одобряемою и г. С. Черепановымъ, считаю «выдѣленіе желающихъ поступить въ спеціальное училище при переходѣ въ VII классъ» или—«отдѣленіе этихъ лицъ отъ корпусовъ и приобщеніе ихъ къ училищамъ» на годъ, чему сочувствуетъ и г. В. С. Кривенко, впрочемъ, только для военныхъ училищъ.

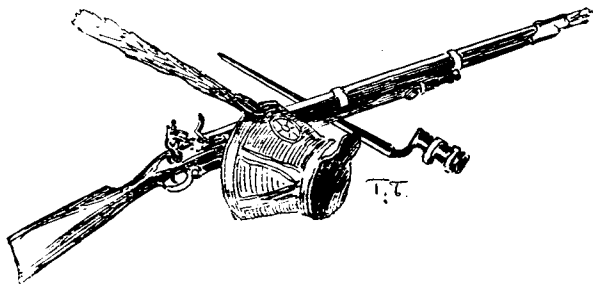
Командированіе окончившихъ кадетъ въ соотвѣтственныя части продолжаю считать мѣрою желательною, несмотря на пропію г. С. Ч.: «надо помнить, что передъ нами живые молодые люди, которые только что вырвались изъ закрытаго учебнаго заведенія и могутъ временами забывать, что Россіи нужны ученые техники». Это безспорно остроумно, но полезности самой мѣры не опровергаетъ. Продолжаю думать, что самымъ серьезнымъ препятствіемъ для проведенія ея въ исполненіе—желаніе отцовъ и матерей пожелѣять своихъ сыновей у себя дома. Въ большинствѣ случаевъ этому можно удовлетворить, командируя юношей по ихъ

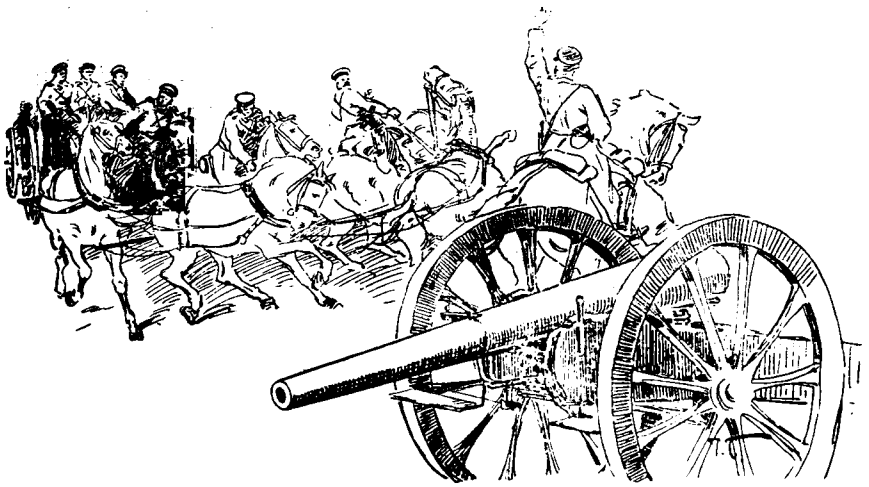
желанію въ части, близкія къ мѣсту жительства родныхъ, и освобождая дней на десять сейчасъ же послѣ экзаменовъ и передъ поступленіемъ въ училище. На лагерный сборъ остается все же мѣсяца два (съ начала іюня до начала августа). Пребываніе въ части кадету будетъ не только полезно (онъ знакомится въ корпусѣ съ ружьемъ, но почему-то совершенно игнорируется пушка!), но и пріятно, смѣю это утверждать. Молодому кадету пріятно будетъ впервые выступить въ болѣе самостоятельной и отвѣтственной роли; пріятно промѣнять чисто умственный трудъ послѣднихъ дней (экзамены) на трудъ физическій; пріятно скорѣе надѣть новую форму (можно дать и шпоры!); пріятно и полезно провести лѣто въ здоровой лагерной обстановкѣ. Посмотрите, какъ поправляются, здоровѣютъ, загораютъ юнкера училища во время лагернаго сбора, даже въ Петербургѣ, климатъ котораго мало этому способствуетъ. Молодежь не любитъ и тяготится занятіями, которыя кажутся ей въ данный моментъ безцѣльными, и, напротивъ, съ удовольствіемъ и энергично принимается за дѣло, какъ только ей предоставляется самостоятельность, а дѣло практично, полезно и ведетъ къ непосредственнымъ результатамъ. Конечно, службу этихъ молодыхъ людей можно облегчить, принимая во вниманіе ихъ будущую дѣятельность. Понятно, что эта мѣра съ конкурсными экзаменами несовмѣстима; при современныхъ условіяхъ пришлось бы выбрать, что лучше, а при спеціальныхъ корпусахъ можно обойтись и безъ того, и безъ другого, такъ какъ съ элементарными артилерійскими понятіями и элементами строевой службы можно было бы познакомиться и въ корпусѣ, что можно было бы и нужно сдѣлать и теперь. Отъ конкурсныхъ экзаменовъ врядъ ли можно было бы ожидать переутомленія. У насъ ежегодно на глазахъ тысячи молодежи держатъ *конкурсные экзамены въ гражданскія техническія заведенія*. Или кадеты изъ другого гѣста?

Практическія соображенія родителей о служебныхъ преимуществахъ пропускаю. Что родители предпочтутъ дать сыновьямъ возможность «держать только одинъ конкурсный экзаменъ и черезъ 4—5 лѣтъ получить готоваго инженера» — сильно сомнѣваюсь: не попавшіе въ конкурсъ должны возвратиться домой, а не въ военныя училища, и 4—5 лѣтъ — платить надо. Наплывъ желающихъ поступить на военную службу теперь огромный. Въ петербургскихъ корпусахъ по 40 вакансій на 200 претендентовъ, а въ провинціальныхъ военныхъ училищахъ число конкурентовъ дохо-

дпть до 1.000 (Тифлисское военное училище). Что условія службы въ артилеріи необходимо улучшить — согласенъ: при настоящихъ условіяхъ число убѣгающихъ изъ нея не можетъ быть прочно пополнено прибавкою новыхъ училищъ; но это уже — иная область.

А. Жилусъ.

НАШИ ПОЛИГОНЫ.

Нрисушайте къ разговорамъ во время артилерійскихъ стрѣльбъ на полигонахъ. Сколько сѣтованій расточается по адресу полигоновъ, причемъ на почвѣ такихъ сѣтованій находятъ, зачастую, оправданія себѣ гг. руководители и обучаемые въ своихъ же собственныхъ прегрѣшеніяхъ по стрѣлковому дѣлу артилеріи.

Вспомните, хотя бы, о *мѣстности* полигоновъ. Излюбленная тема для весьма и весьма многихъ, стремящихся нынѣ доказать, что для надлежащей стрѣлковой подготовки артилеріи сильно вредить шаблонная, хорошо знакомая мѣстность полигона.

Но такъ ли это? Почему же весьма и весьма многіе изъ насъ вполне миролюбиво взираютъ на еще болѣе шаблонныя и на еще лучше изученныя *пѣхотныя стрѣльбища*? Почему мы такъ миролюбиво взираемъ на стрѣльбища, когда тутъ обучается главнѣйшая масса главнѣйшихъ боевыхъ дѣятелей для подготовки кото-

рыхъ искусство въ пользованіи при стрѣльбѣ складками мѣстности имѣеть нынѣ гораздо большее значеніе, нежели въ артилеріи? Почему многіе твердятъ о необходимости обученія на незнакомой мѣстности *только* артилеріи, которая, между тѣмъ, стала болѣе, чѣмъ когда-либо, *независима* отъ мѣстности?

Да, независима! И такъ же независима, какъ независима отъ той или иной полигонной мѣстности стрѣлковая подготовка артилеріи. Я видѣлъ многихъ командировъ батарей, отлично знакомыхъ съ шаблонною мѣстностью полигона, а, между тѣмъ, при производимыхъ ими стрѣльбахъ, не могущихъ быстро захватывать цѣлей въ вилку или же—еще того хуже—дѣлающихъ грубыя ошибки въ пристрѣлкѣ.

При чемъ же тутъ мѣстность? При чемъ же та или иная мѣстность полигона, когда, по мнѣнію самихъ же артиллеристовъ, успѣхъ ихъ стрѣльбы зиждется, главнѣйшимъ образомъ, на твердомъ знаніи правилъ стрѣльбы, на умѣніи лично и при посредствѣ наблюдателей вѣрно схватывать положеніе точекъ разрывовъ снарядовъ, на быстрой находчивости по оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ комбинацій въ положеніи разрывовъ и, наконецъ, отъ смѣтки по быстрой отдачѣ надлежащихъ командъ.

Вспомните это и вы сами придете къ заключенію, что въ вопросѣ о надлежащей стрѣлковой подготовкѣ артилеріи мѣстность полигона играетъ слишкомъ небольшую роль. *Первенствующее же значеніе имѣютъ, какъ не отрицаютъ и и. артиллеристы, подготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія, цѣлесообразное оборудованіе полигона и, самое главное, — должное руководство стрѣльбой.*

На этихъ трехъ важнѣйшихъ отдѣлахъ я и позволю себѣ на нѣсколько минутъ остановить вниманіе читателей.

Поглощенные въ зимнее время хозяйственными, канцелярскими и другими, но отнюдь не стрѣлковыми соображеніями, гг. артиллеристы всѣ заботы, какъ по подготовкѣ лично себя къ стрѣльбѣ, такъ и по слаживанію орудійнаго расчета, откладываютъ обычно на весну, когда, завѣдомо, ежегодно теряется масса времени—въ виду Страстной и Пасхальной недѣль, различныхъ смотровъ, приготовленій и сборовъ къ выступленію въ лагери и, наконецъ, на самое перемѣщеніе съ зимнихъ квартиръ на полигоны.

Въ результатѣ получается тотъ фактъ, что батареи прибываютъ на полигоны *не слаженными*, т. е. къ стрѣльбѣ слабо под-

готовленными. Любопытнѣе всего, что слабо подготовленными къ стрѣльбѣ являются не только нижніе чины, *но и командиры, и офицеры батарей*. Обратите вниманіе на ту весьма интересную картину, которая разыгрывается изъ года въ годъ во всѣхъ артилерійскихъ частяхъ послѣ прибытія ихъ на полигоны. Точно за что-то совершенно новое хватаются командиры и офицеры батарей за угломѣръ Турова-Михайловскаго, а затѣмъ начинаютъ упражняться въ паркѣ въ веденіи воображаемой пристрѣлки, въ повтореніи правилъ стрѣльбы и пр. Вытаскивается и приводится въ порядокъ батарейный телефонъ, а нижніе чины телефонисты и сигнальщики флагами начинаютъ по цѣлымъ днямъ заниматься службой связи съ такою лихорадочною поспѣшностью, словно всю зиму этимъ дѣломъ вовсе не занимались.

Знакомыя картинки и, вспоминая ихъ, позволительно мечтать не о той или иной мѣстности полигона, а о болѣе внимательномъ использованіи гг. артилеристами зимняго времени для подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій.

Однако, весьма слабая постановка зимнихъ подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій въ артилеріи сознается весьма немногими. Большинство же всѣ тѣ крупныя пробѣлы, которые обнаруживаются во время практическихъ стрѣльбъ, объясняютъ не собственными ошибками, а полигонными условіями или же... подчиненіемъ артилеріи начальникамъ дивизій. Подобныя сѣтованія, конечно, не основательны. Достаточно вспомнить, что полигонъ служить лишь для прохожденія практическихъ стрѣльбъ, но отнюдь не для подготовительныхъ къ нимъ упражненій и, въ особенности, не для такихъ, въ которыхъ благопріятные результаты достигаются лишь постоянными упражненіями въ теченіе круглаго года, а не въ періодъ только весьма кратковременнаго пребыванія на полигонѣ. Столь же мало основательны сѣтованія и на начальниковъ дивизій, которые, глубоко убѣжденъ, въ зимній періодъ взирали бы (и помогали бы) съ гораздо большимъ удовольствіемъ на командировъ дивизионовъ и батарей, увлекающихся стрѣлковой и тактической своей подготовкой, а не канцелярщиной, отдыхомъ или винтомъ. Зналъ многихъ командировъ дивизионовъ, которые за весь зимній періодъ ни разу не производили занятій въ полѣ и даже на планахъ съ команднымъ составомъ и со спеціальными командами ихъ дивизионовъ. Знаю многихъ командировъ батарей и ихъ офицеровъ, которые за всю зиму ни разу не упражнялись ни въ полѣ,

ни въ собраніи въ веденіи воображаемой пристрѣлки и въ пользованіи угломѣромъ. Я не говорю уже про, такъ называемыя, спеціальныя команды, про нижнихъ чиновъ. Въ весьма слабой ихъ зимней подготовкѣ, по крайней мѣрѣ, хоть сознаются и сами артиллеристы, ссылаясь на наряды и малые штаты.

До выхода Инструкціи 1907 г. было принято, послѣ прибытія частей на полигонъ, производить передъ началомъ стрѣльбы нѣчто въ родѣ повѣрки результатовъ зимней подготовки. Нынѣ же такихъ повѣрокъ не существуетъ. Все содѣянное или не содѣянное за долгій періодъ зимняго времени остается *внѣ контроля*, и части приступаютъ къ стрѣльбѣ. Начинается стрѣльба съ одними и тѣми же пробѣлами изъ года въ годъ, а для самоутѣшенія или самооправданія начинаютъ раздаваться одни и тѣ же сѣтованія на полигоны.

Изъ такихъ сѣтованій, послѣ мѣстности, второе мѣсто удѣляется по адресу *мишенной обстановки*. Какъ иногда игрокъ, сдѣлавъ промахъ на билліардѣ, обвиняетъ въ этомъ не себя, а билліардъ, такъ и гг. артиллеристы при неудачной ихъ стрѣльбѣ привыкли обвинять полигонъ съ его мишеною обстановкою. Тутъ, кстати, почва вполне благопріятная, начиная уже съ того, что среди даже руководителей стрѣльбы царитъ расколъ въ отношеніи мишеней. Одни говорятъ, что для надлежащей стрѣлковой подготовки артилеріи необходимо выставлять чуть ли не цѣлые заборы и, во всякомъ случаѣ, обучать пристрѣлкѣ по вполне отчетливо видимымъ мишенямъ. Другіе же, наоборотъ, говорятъ о необходимости обучать пристрѣлкѣ только по цѣлямъ, примѣненнымъ соответственно къ мѣстности.

Какъ видите, даже въ этомъ дѣлѣ царитъ разногласіе, тѣмъ болѣе курьезное, что въ числѣ ярыхъ сторонниковъ перваго мнѣнія я видѣлъ генераловъ, украшенныхъ золотымъ оружіемъ, любящихъ ссылаться на свой опытъ въ минувшую войну и также горячо проповѣдующихъ, якобы для надлежащей стрѣлковой подготовки артилеріи, необходимость самой разнообразной, незнакомой мѣстности.

Увы! «обучать войска надлежитъ въ мирное время всему тому, что требуется идеаломъ веденія боя». «Тяжело—въ ученіи, легко—въ походѣ», а потому, очевидно, *правы тѣ, которые обучаютъ артилерію стрѣлять по цѣлямъ, примѣнившимся къ складкамъ мѣстности*.

Однако, прислушайтесь къ артилерійскимъ разборамъ. Выпустивъ массу патроновъ, наконецъ, не только руководитель, но и самъ стрѣляющій убѣждаются въ полной ошибочности пристрѣлки. Но что же мы слышимъ? Взамѣвъ упрековъ, замѣвъ стремленія еще и еще разъ убѣдиться *въ степени пригодности обучаемаго для стрѣльбоваго дѣла*, руководитель самъ же прехладнокровно оправдываетъ обучаемаго слабой видимостью мишеней. Развѣ не курьезъ?

Такихъ курьезовъ не мало! Изъ типичныхъ могу привести еще одинъ. Не подлежитъ сомнѣнiю, что какова бы ни была полигонная мишень, но для приближенiя обстановки упражненiя къ боевой дѣйствительности, *каждая изъ подлежащихъ обстрѣливанiю мишеней должна чѣмъ-нибудь (вспышкой, звукомъ, движенiемъ) себя обнаружить*. Это весьма важно для обученiя, такъ какъ приучаетъ къ вниманiю не только стрѣляющаго, но и его помощниковъ, наблюдающихъ за полемъ. Кромѣ того, охватывая глазомъ не самую цѣль, а лишь ея «примѣты», стрѣляющiй ставится въ условiя, ближе отвѣчающiя современной боевой обстановкѣ.

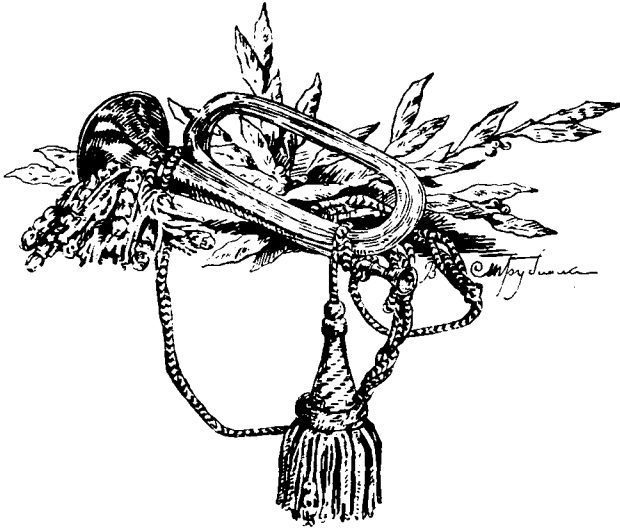
Цѣль, казалось бы, понятная, во имя достиженiя которой затрачивается, подчасъ, не мало полигонныхъ средствъ и силъ. Между тѣмъ, эта самая цѣль сплошь и рядомъ упускается изъ виду руководителями. Изъ числа послѣднихъ встрѣчается много такихъ, которые словоохотливо сами, по собственному почину, ориентируютъ ими же обучаемыхъ офицеровъ въ расположенiи мишеней, ориентирныхъ пунктовъ, а затѣмъ передъ каждымъ появленiемъ новой цѣли оповѣщаютъ обучающаго ставшимъ уже вполнѣ обычнымъ и привычнымъ словомъ— «*вниманiе*».

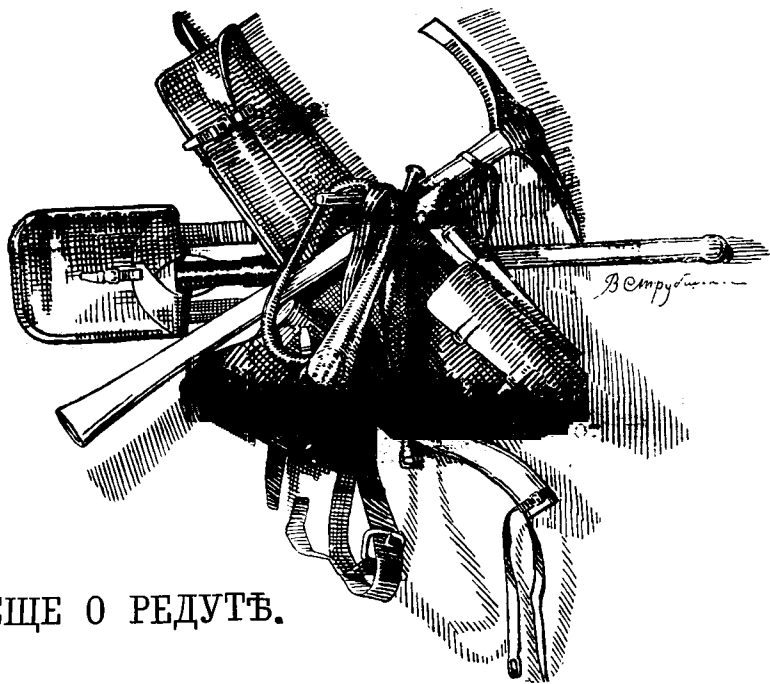
Такъ, подчасъ, самая плодотворная работа полигонныхъ чиновъ обращается въ не меньшiй, какъ и самая мѣстность, шаблонъ. Кто же виновать?

Передо мной весьма интересная книга: Уставъ 1910 г. французской полевой артилерiи въ переводѣ на русскiй языкъ и съ весьма дѣльными примѣчанiями капитана В. Смысловскаго. На страницѣ 43 этого труда и въ § 4 раздѣла V французскаго устава сказано, что при упражненiяхъ мирнаго времени никогда не слѣдуетъ упускать случая вызвать ощущенiя, подходящiя къ условiямъ дѣйствительнаго боя. Такiя же ощущенiя, по мнѣнiю того же устава, создаются, главнымъ образомъ, *внезапностью и суровостью требованiй*.

Вотъ этой-то самой *внезапности* и этой-то самой *суровости требованій*, конечно, цѣлесообразныхъ, я, къ сожалѣнію, весьма мало видѣлъ въ лицѣ тѣхъ руководителей, которые сами же давали поводъ обучаемымъ оправдывать ихъ неудачныя стрѣльбы тѣми или иными полигонными условіями.

В. Воронецкій.

ЕЩЕ О РЕДУТѢ.

М. Грузевичъ-Нечай въ своей статьѣ «Нѣчто о редутахъ» («Русскій Инвалидъ» № 199) высказалъ не «нѣчто», а вовсе *упразднилъ* редуты.

Послѣднее наше «Наставленіе по войсковому инженерному дѣлу для офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ», изд. 1910 г. (до 1-го января 1913 г.—лишь проектъ), такъ опредѣляетъ понятіе редутъ.

«Редутомъ называется: 1) *сожнутая оборонительная* постройка, 2) *обезпеченная отъ атаки* открытою силою и 3) *самостоятельная* въ смыслѣ обороны».

Въ послѣдующихъ параграфахъ указывается, что возводятся редуты на важныхъ пунктахъ позиціи, владѣніе которыми позволяетъ держать въ своихъ рукахъ, примѣрно, полуверстовой районъ позиціи вокругъ нихъ (всего по фронту верста), что гарнизонъ долженъ защищать такой редутъ до послѣдней крайности—до смерти, что комендантъ за самовольное оставленіе редута «отвѣчаетъ головой» и т. д.

Вотъ какое серьезное боевое порученіе возлагается на гарнизонъ редута и какое важное придается ему значеніе: хранить въ своихъ надежныхъ рукахъ *до момента победы* данную точку мѣстности, даже и тогда или, вѣрнѣе, *особенно* тогда, когда сосѣдніе окопы будутъ нами по какимъ бы то ни было несчастнымъ обстоятельствамъ очищены, такъ какъ въ это именно время совер-

шается кризисъ боя: пока редутъ въ нашихъ рукахъ, подошедшимъ резервамъ значительно облегчена задача повернуть побѣду въ нашу сторону.

Слово «оборонительная» въ опредѣленіи понятія редута доказываетъ, что возводить его приходится на позиціи для рѣшеннаго начальникомъ оборонительнаго боя, что въ свою очередь характеризуетъ нашу *слабость* для болѣе рѣшительныхъ операцій, такъ какъ сильный духомъ и числомъ, конечно, въ редутахъ не нуждается.

Если редутъ построенъ дѣйствительно на важномъ, «боевомъ» мѣстѣ позиціи, то положеніе защитниковъ его, уже до штурма, можетъ быть очень тяжелое, такъ какъ непріятельская артилерія, по обнаруженіи такого важнаго мѣста, не преминетъ держать его подъ усиленнымъ, быть можетъ даже, сосредоченнымъ орудійнымъ огнемъ, не только шрапнельнымъ, но гранатнымъ и бомбовымъ, съ цѣлью облегчить послѣдующій штурмъ своей пѣхотѣ.

Отсюда слѣдуютъ свои выводы.

1) Безъ человѣческихъ жертвъ побѣды рѣдки и къ потерямъ среди защитниковъ редута надо быть заранѣе готовымъ. Важность задачи и тягость при ея исполненіи обязываютъ назначать въ гарнизонъ редута лучшую роту изъ полка съ доблестнымъ командиромъ.

2) До наступленія момента штурма, редутъ въ извѣстной степени уже исполняетъ свое назначеніе и оправдываетъ свое существованіе привлеченіемъ на себя (*на одну только роту!*) значительнаго количества орудійныхъ непріятельскихъ снарядовъ, облегчая тѣмъ самымъ положеніе своихъ боевыхъ товарищей, «не закрѣпленныхъ къ землѣ» и дѣйствующихъ въ бою подвижно. При отсутствіи редута упомянутые снаряды обратились бы на послѣднихъ.

3) Заранѣе извѣстное тяжелое во время боя положеніе защитниковъ редута обязываетъ ихъ самихъ и рабочихъ такъ построить редутъ, чтобы въ немъ были надежныя укрытія отъ орудійныхъ снарядовъ и чтобы гарнизонъ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ не менѣе, какъ на цѣлыя сутки.

Въ настоящее время, когда въ полевой войнѣ сдѣлалось нормальнымъ участіе полевыхъ гаубицъ и «тяжелыхъ» орудій, бросающихъ снаряды съ «крутой» траекторіей, надо все вниманіе обратить на то, чтобы дать возможность гарнизону редута сохранить спокойствіе и бодрость ко времени штурмовъ, когда гарнизонъ долженъ быть въ силахъ исполнить свою, хотя и трудную,

но важную задачу—отбросить противника, быть может, не разъ и не два («Военный Сборникъ» 1911 г., № 7 «Инженерныя наставленія»).

Поставленная задача вполне удовлетворительно разрѣшается тѣмъ, что *внутренній* ровъ редута и всѣ ходы сообщенія внутри его надо строить возможно ббльшей глубины (3—4 аршина), конечно, совершенно отказавшись отъ непроизводительной работы по созданію вреднаго для насъ и полезнаго для непріятеля наружнаго рва.

При такой глубинѣ прочно устроенные, въ самомъ низу, нишиблиндажи дадутъ достаточно безопасныя помѣщенія отъ пораженій даже цѣльныхъ снарядовъ.

Пока пѣхота противника находится отъ редута далѣе 800—1.000 шаговъ, защитники его могутъ бездѣйствовать и отдыхать, дабы не нести напрасныхъ потерь и сохранять свои силы: огневую борьбу въ это время будетъ вести вся боевая линія.

По приближеніи пѣхоты противника до 800 шаговъ и ближе гарнизонъ, совмѣстно съ прочими пѣхотными частями, приметъ участіе въ стрѣлковомъ бою.

Въ виду силы ружейнаго и пулеметнаго огня на среднихъ и малыхъ дистанціяхъ, врядъ ли нынѣ будутъ возможны дневные штурмы и если таковой когда-нибудь и удастся, то это будетъ особымъ исключеніемъ, при которомъ имѣлись вѣскія неблагопріятныя для гарнизона редута условія.

Естественнѣе поэтому ожидать ночныхъ штурмовъ, совершаемыхъ съ наступленіемъ сумерекъ или передъ разсвѣтомъ.

Противъ такого штурма надлежитъ принять соотвѣтственныя мѣры, такъ какъ иначе гарнизонъ, утомленный веденіемъ днемъ стрѣлковаго боя на близкія дистанціи, потрясенный нравственно и ослабленный численно отъ орудійныхъ снарядовъ противника, можетъ къ предстоящей ночи оказаться не въ той степени бодрости физической и моральной, которая нужна въ такое критическое для редута, а слѣдовательно и для боевого участка позиціи, время. Поэтому въ резервѣ полка, дивизіи или корпуса должна храниться свѣжая, запасная рота, которая и подается на соотвѣтствующій редутъ съ наступленіемъ сумерекъ. Гарнизонъ редута съ приходомъ ея будетъ отдыхать.

Въ случаѣ ночнаго штурма противникъ встрѣтитъ здѣсь почти двойное количество защитниковъ. Съ разсвѣтомъ, по прекращеніи попытокъ непріятеля вновь штурмовать, введенная рота отойдетъ для отдыха опять въ резервъ.

При такой помощи вряд ли имѣются основанія сомнѣваться въ выполненіи гарнизономъ редута его важнаго назначенія.

Для того, чтобы пѣхотному полку *прочно* владѣть фронтомъ, примѣрно, въ 1½—2 версты при минимальномъ расходованіи чиновъ на пассивную оборону позиціи, придется затратить дневной трудъ на оборудованіе двухъ редутовъ (безъ наружнаго рва), удаленныхъ другъ отъ друга не болѣе, какъ на 1.500 шаговъ, и выдѣлить для защиты этихъ редутовъ всего 2 роты изъ всѣхъ свободныхъ для боя 15 ротъ полка (одна—въ расходѣ).

Эти двѣ роты, хотя и дѣлаются на время боя «крѣпкими земли» въ своемъ редутѣ, но онѣ для цѣлей борьбы не потеряны, такъ какъ совмѣстно съ прочими ротами полка на боевомъ участкѣ, взаимно другъ друга поддерживая ружейнымъ огнемъ, придаютъ всей позиціи устойчивость: пока редуты въ нашихъ рукахъ—и вся позиція также.

Въ случаѣ вынужденнаго оставленія нами стрѣлковыхъ окоповъ на промежуткахъ между редутами, всѣ усилія противника, конечно, будутъ направлены съ особою настойчивостью па то, чтобы сломить сопротивленіе гарнизона этихъ редутовъ и завладѣть послѣдними, такъ какъ безъ нихъ побѣда далеко еще не наступила.

При доблестномъ гарнизонѣ, понимающемъ, что въ отстаиваніи возможно долѣе вѣреннаго ему редута кроется наша побѣда, взятіе его противникомъ послѣдуетъ не скоро, что и дастъ возможность подвести резервы, хотя бы и небольшіе, чтобы обрушиться на истомленнаго всѣмъ предыдущимъ боемъ непріятеля. Вотъ въ чемъ значеніе редута и его гарнизона.

М. Грузевичъ-Нечай въ существованіи редутовъ видитъ «пережитокъ старины», изъ-за наличія ихъ «мы какъ будто не въ силахъ слѣдовать за прогрессомъ военнаго дѣла», и чуть-ли не пзъ-за нихъ же «впереди насъ ожидаютъ лишь неудачи и пораженія». Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!

Въ чемъ же, однако, дѣло? Редутъ даетъ: 1) плохой обстрѣлъ, 2) плохое укрытіе, 3) большую площадь пораженія, 4) готовый опорный пунктъ *непріятелю*, 5) *для насъ же*, по малости своего гарнизона, онъ *не* опорный пунктъ.

1) *Условія обстрѣла* зависятъ отъ мѣстности, и удовлетворить имъ одинъ редутъ, какъ и одинъ окопъ, безъ помощи своихъ сосѣдей не въ силахъ. Вотъ почему такъ настойчиво надо требовать при рѣшеніи задачъ, при укрѣпленіи позицій, объ установленіи самой сильной *перекрестной* обороны.

Хорошо, если съ редута возможна огневая поддержка во всё стороны, начиная хоть съ 500—600 шаговъ и далѣе до 800—1.000 шаговъ; обязательенъ хорошій ближній огонь для самообороны. Обстрѣлять все недоступное огню съ редута составляетъ обязанность удачно расположенныхъ стрѣлковыхъ и пулеметныхъ окоповъ и, конечно, чѣмъ гористѣе мѣстность, тѣмъ мельче (по числу стрѣлковъ) придется строить окопы—до звена включительно. Поддерживая другъ друга перекрестнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, они будутъ держать подъ своимъ огнемъ подступы къ редутамъ, безъ сомнѣнія, успливая его тѣмъ самымъ, а послѣдніе дадутъ помощь первымъ.

Только взаимодѣйствіе редута и окоповъ создаетъ силу позиціи и никакой боевой цѣнности одиночный окопъ или редутъ не представляютъ. Но *одиночный редутъ въ концѣ боя*, когда затрачены громадныя усилія, понесены такія же жертвы, можетъ сыграть, какъ это сказано ранѣе, *рѣшающее значеніе*.

Ставится редуту въ минусъ самая «форма построенія», при которой «поражать противника ружейнымъ огнемъ въ извѣстномъ направленіи будетъ лишь часть стрѣлковъ, а не всё». Но въдѣ это явленіе будетъ вездѣ, и въ окопѣ тоже, когда явится надобность *одновременно* дать огонь впередъ и въ стороны. Нельзя же такъ много требовать отъ такой малой величины, какъ рота въ редутъ!

Но и тамъ комендантъ редута можетъ отчасти парализовать указанный недочетъ усиленіемъ стрѣлковъ до полного насыщенія на требуемомъ фасѣ и доведеніемъ скорости стрѣлбы до предѣла.

2 и 3) «*Въ смыслъ укрытія...* въ окопѣ пораженіе будетъ *по линіи*, а въ редутъ—*по площади*, на которой каждая *пуля* найдетъ себѣ виноватаго. Противникъ *сравнительно легко* забросаетъ эту площадь металломъ и приведетъ редутъ къ молчанію».

Многое здѣсь требуетъ разъясненія, такъ какъ такое огульное опороченіе редута, пожалуй, и несправедливо. Какъ окопъ, такъ и редутъ имѣютъ *одну линію* огня и *одинъ* внутренней *ровъ*, гдѣ сосредоточены стрѣлки.

Разница только та, что въ редутъ эта линія *сожмнутая*, а потому снарядъ, перелетѣвшій линію огня напольнаго фаса, можетъ попасть въ горжу, и что боковые фасаы подвергаются продольному обстрѣлу. Противъ этого возводятся горжевой тыльный траверсъ и поперечные.

Но линіи какъ въ окопѣ, такъ и въ редутѣ, остаются линіями; вредъ и пораженія будутъ только тогда, когда снарядъ «влѣпится» именно въ линію огня: полетъ его аршиномъ выше или ниже для защитниковъ безвреденъ.

Насчетъ внутренней площади редута можно только радоваться, что *сюда* падаютъ снаряды; чѣмъ ихъ здѣсь будетъ больше, тѣмъ лучше. Вѣдь это стрѣльба «впустую», здѣсь никого нѣтъ, всѣ защитники во внутреннемъ рвѣ пли на линіи огня.

Пуля (!) же на этой площади редута *ни одного* виноватаго не найдетъ, какъ по отсутствію ихъ, такъ и по невозможности—вслѣдствіе своей настильности—влетѣть въ площадь, прикрытую со всѣхъ сторонъ повышенной противъ нея насыпью.

Вообще эта пресловутая площадь вводитъ многихъ насъ въ заблужденіе. В. Полянскій въ своей статьѣ («Инженерный Журналъ» 1912 г. № 1, стр. 239) процентъ попаданія снарядовъ *въ редутъ* показываетъ 40, считая *всю внутреннюю его площадь*; между тѣмъ какъ на его примѣрѣ *полигонной* стрѣльбы попавшихъ въ *линію огня редута* всего только 13 снарядовъ изъ выпущенныхъ 150, т. е. въ 5 разъ меньше противъ 40⁰/₀—всего 8⁰/₀. Это терпимо, такъ какъ въ бою этотъ процентъ упадетъ раза въ четыре—пять! Очень широко и щедро забрасывать металломъ площадь редута, гдѣ находится всего одна только рота, врядъ ли позволить наличіе этого тяжелаго металла въ отрядѣ, иначе послѣдній скоро останется безъ снарядовъ. Если же всетаки это будетъ, то редутъ, какъ я говорилъ въ началѣ этой замѣтки, половину своего назначенія выполнилъ; другая половина—за защитниками при отбитіи штурмовъ.

Надежность же самаго *укрытія* заключается въ предварительномъ трудѣ—не полѣниться отрыть какъ можно поглубже рвы.

4 и 5) *Готовый опорный пунктъ непріятелю, а для насъ—нѣтъ*. «Посмотримъ теперь, что произойдетъ, если непріятелю удастся захватить участокъ нашей позиціи»?

Редуты строятся не для того, чтобы ихъ легко сдавать противнику и затѣмъ жертвовать массу людей на то, чтобы отобрать обратно только что намъ принадлежавшее.

Нечего и задаваться вопросомъ, какія выгоды пріобрѣтаетъ противникъ, занявшій готовую горжу съ препятствіями—нѣтъ сомнѣнія, что *выгоды громадныя*, но дѣло тутъ *не въ горжѣ* и *не въ редутѣ*, а въ томъ, что мы проиграли, значить, *весь бой* и гдѣ уже тамъ брать свой редутъ обратно, когда не хватило настойчивости и силы сохранить его въ своихъ рукахъ.

Если примѣнить полностью обоснованія М. Грузевича-Нечая, то въ сущности выкурить или привести къ молчанію торжествующаго во взятой горжѣ редута противника ничего не стоитъ — достаточно забросать его металломъ, отъ котораго давно не осталось и горжи, которую надо противнику занимать! Но это не такъ просто.

Нельзя также не обратить вниманія на то, что редутъ въ нашихъ рукахъ приносить *намъ вредъ*, но, какъ только переходить *въ руки противника*, такъ тотчасъ пріобрѣтаетъ всѣ качества *твердыни*.

«Если на участкѣ былъ редутъ, то атакующій сразу займетъ готовую его горжу, усиленную уже искусственными препятствіями», т. е. занятіемъ пріобрѣтаетъ боевыя выгоды; значитъ, редуты важны, но... противнику.

«При контръ-атакѣ обороняющемуся придется выбивать не-пріятеля изъ редута, причемъ, даже при удачѣ, *понести примѣрно такія же потери*, какія *противникъ понесъ при атакѣ*» — т. е. редутъ исполнилъ отчасти свое назначеніе (къ сожалѣнію, не до конца), потому что борьба съ ничтожнымъ гарнизономъ всего въ *одну роту* стоила порядочныхъ потерь противнику; противъ этой роты, конечно, у не-пріятеля дѣйствовало въ 4—6 разъ больше народу, если редутъ въ концѣ концовъ былъ всетаки взятъ.

Совсѣмъ другое бы произошло и побѣда была бы наша, если бы силы, прибывшія для контръ-атаки взятыхъ у насъ редутовъ, начальникъ отряда сумѣлъ бы подвести сюда за десять, за пять, даже *за одну минуту до взятія* не-пріятелемъ нашего редута, и тогда все это ринулось бы на истомленнаго противника.

Снявши голову, но волосамъ не плачуть!

«Чтобы противопоставить наступающему возможно большее число ружей, надо редутъ опорнаго пункта *расширить*, надо его *расчленить, надо создать вмѣсто него цѣлую позицію*». «Въ узлѣ обороны долженъ быть не отдѣльный редутъ, а *цѣлая позиція*...» Да вѣдь это же все и есть: вѣдь полкъ занимаетъ цѣлую позицію, но только съ редутами. Если же понимать подчеркнутое буквально, то вмѣсто *одной роты*, успѣшно исполняющей свою задачу, придется на созданіе пресловутаго узла обороны затратить цѣлый баталіонъ, а то и больше.

Откровенно сознаюсь, что не могу понять и не могу признать серьезное значеніе *группы окоповъ какъ опорнаго пункта*; одинъ ночной штурмъ такого опорнаго пункта будетъ не очень труденъ:

достаточно смять одинъ изъ окоповъ, чтобы внести смятеніе въ прочіе окопы фланговымъ ударомъ. Работъ по устройству искусственныхъ препятствій масса, на защиту этого опорнаго пункта надо затратить минимумъ баталіонъ и пр.

Нѣтъ, эти «группы» не внушаютъ мнѣ вѣры въ ихъ боевую устойчивость и прочность, какіе бы доблестные защитники тамъ ни были.

Напрасно М. Грузевичъ-Нечай нападаетъ на преподавателей, такъ какъ у него есть единомышленники: «укрѣпленія въ позиціяхъ большихъ частей служить опорными пунктами не могутъ». «Преимущество опорнаго пункта въ видѣ группы стрѣлковыхъ окоповъ — несомнѣнно» («Инженерный Журналъ» 1912 г. № 3, стр. 528 и 526).

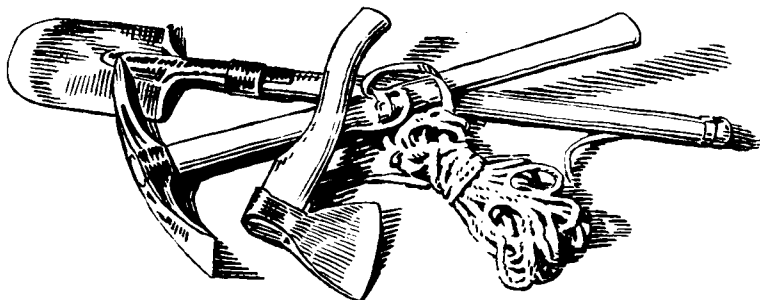
Въ «Наставленіи» проведена мысль, что редуты строятся для того, чтобы ихъ ни въ какомъ случаѣ не отдавать, а потому должно:

- 1) возможно лучше оборудовать ихъ технически;
- 2) назначить наилучшій гарнизонъ;
- 3) такого же коменданта;

4) во время боя начальникъ долженъ хранить непрерывно связь съ комендантомъ и, чѣмъ только возможно, помогать и облегчать трудную задачу этого гарнизона пополненіемъ убыли, высылкой людей для исправленія поврежденій въ насыпяхъ, въ телефонѣ, въ отношеніи раненыхъ, убитыхъ, въ пополненіи патроновъ, воды, пищи и т. д.

5) Немедленно по нарушеніи сообщеній съ редутомъ посылать ему на помощь резервъ: лучше испытать этому резерву нѣсколько фальшивыхъ тревогъ, чѣмъ не прибыть тогда, когда рѣшается участь редута.

Ж. Исаконъ.

Вс.

Гдѣ располагать опорные пункты полевой укрѣпленной позиціи?

Нодъ словомъ опорный пунктъ обыкновенно разумѣютъ такіе пункты позиціи, въ которыхъ сосредоточивается центр тяжести обороны даннаго участка и которые способны не только сами самостоятельно и упорно обороняться, но и своею огневою помощью могутъ дѣлать оборону всего участка болѣе устойчивой и упорной, а, въ случаѣ взятія сосѣднихъ участковъ, могутъ въ значительной степени способствовать ихъ обратному взятію.

Этотъ взглядъ на значеніе опорныхъ пунктовъ въ умахъ военныхъ людей господствовалъ съ давнихъ поръ и держится довольно устойчиво и понынѣ.

Характеризующая особенность опорныхъ пунктовъ заключается въ сочетаніи силы огня съ пассивнымъ сопротивленіемъ естественныхъ или искусственныхъ преградъ (препятствій). Подобнымъ сочетаніемъ силы огня съ пассивнымъ сопротивленіемъ преградъ обороняющійся достигаетъ того, что передъ своимъ фрон-

томъ дольше задерживаетъ или значительно замедляетъ движеніе противника и, подвергнувъ тѣмъ его суммированному дѣйствию своего огня, дѣлаетъ успѣхъ штурма сомнительнымъ.

Однако, сочетаніе силы огня съ пассивнымъ сопротивленіемъ преградъ, въ особенности искусственныхъ, требуетъ большой затраты физическихъ и матеріальныхъ силъ, а также много времени. Отсюда понятно, что оборона, располагая лишь ограниченнымъ запасомъ этихъ силъ и времени, не можетъ примѣнять принципъ сочетанія огня съ пассивной силой преградъ во всѣхъ пунктахъ своей позиціи. Поэтому она должна израсходовать запасъ своихъ силъ лишь въ тѣхъ немногихъ пунктахъ, которые представляютъ нѣкоторыя тактическія и стратегическія выгоды (тактическіе и стратегическіе ключи позицій) и сравнительно менѣе подвержены непосредственному штурму противника.

Понятно, что удачный выборъ мѣстъ для опорныхъ пунктовъ всегда имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ обороны позиціи. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи многіе наши теоретики играютъ невыгодную роль въ дѣлѣ насажденія въ арміи правильныхъ понятій по укрѣпленію позиціи, указывая мѣста для опорныхъ пунктовъ во второй линіи, въ тылу стрѣлковыхъ оконовъ. Если при прежнемъ огнѣ подобное расположеніе опорныхъ пунктовъ имѣло *raison d'être*, то при современномъ огнѣ остаться при прежнихъ взглядахъ на значеніе опорныхъ пунктовъ—это значитъ предназначить имъ неподобающую для нихъ роль. И дѣйствительно, прежде опорные пункты, расположенные во 2-й линіи, имѣли главнымъ образомъ свою цѣлью остановить движеніе противника вглубь нашей позиціи послѣ прорыва имъ нашей передовой линіи, а, въ случаѣ неудачи этого, огнемъ содѣйствовать своимъ войскамъ вновь отвоевать у противника занятые имъ участки нашей первоначальной позиціи.

Такимъ образомъ, назначеніе опорныхъ пунктовъ во второй линіи состояло, главнымъ образомъ, въ пассивной роли и ихъ участіе въ первой стадіи боя, почти всегда рѣшающей вопросъ о побѣдѣ или пораженіи обороны, равнялось нулю.

Зато во второй стадіи боя опорные пункты играли очень важную роль: держась до послѣдней возможности, они не давали атакующему сразу утвердиться на занятыхъ имъ участкахъ позицій обороны и сразу распространяться по нимъ, что имѣло очень важное для обороняющагося значеніе, такъ какъ послѣдній при быстрой организаціи своихъ силъ и умѣломъ пользованіи содѣй-

ствіемъ еще находящихся въ его власти опорныхъ пунктовъ, могъ исполнѣ надѣяться на успѣхъ контръ-штурма и на обратное взятіе потерянныхъ пунктовъ своей первоначальной позиціи. Такимъ образомъ, какъ видимъ, опорные пункты во 2-й линіи существовали, какъ слѣдствіе сравнительной слабости прежняго огня.

Но съ усовершенствованіемъ ручнаго оружія и появленіемъ на сцену скорострѣльныхъ пушекъ и пулеметовъ, а также осадныхъ орудій, интенсивность огня, при правильномъ его развитіи, стала силой почти неодолимой; поэтому она кореннымъ образомъ измѣнила соотношеніе элементовъ, играющихъ первенствующую роль въ дѣлѣ упорной обороны позиціи.

Опорные пункты во второй линіи—это мертвый капиталъ, отданный въ банкъ на случай старости. Пока позиція живетъ, они или вовсе не приносятъ или приносятъ очень мало пользы; лишь послѣ того, когда позиція дѣлается дряхлой и немощной, они приносятъ нѣкоторую долю гадательной пользы. Однако, въ природѣ ни одинъ живой организмъ, обладающій энергіей и здоровымъ духомъ и тѣломъ, не станетъ думать о старости въ ущербъ настоящей жизни. Вотъ почему я думаю, что при современномъ огнѣ ни одинъ даровитый руководитель обороны не станетъ, въ ущербъ усиленію обороны первой линіи, подверженной непосредственному удару противника, а также въ ущербъ полному развитію огня на этой линіи и полной свободѣ всѣхъ своихъ активныхъ силъ, строить въ своемъ тылу опорные пункты и, назначивъ въ нихъ гарнизоны, тѣмъ обречь значительную часть своихъ активныхъ силъ на полное бездѣйствіе во время самой обороны позиціи, когда на фронтѣ рѣшается вопросъ о побѣдѣ или пораженіи.

Поэтому при современномъ огнѣ весь центръ тяжести обороны долженъ быть перенесенъ на передовую линію стрѣлковыхъ окоповъ и оборона должна опираться исключительно на опорные пункты, созданные именно въ этой линіи, на силу огня изъ нея и на правильное тактическое распредѣленіе войскъ по всей позиціи. Строить же въ тыловыхъ частяхъ своей позиціи искусственныя опоры, потративъ на нихъ весь запасъ своихъ матеріальныхъ средствъ и времени, не слѣдуетъ, ибо это ведетъ къ ослабленію обороны своего фронта насчетъ усиленія тыла, къ закрѣпощенію части своихъ активныхъ силъ къ этимъ бездѣйствующимъ въ важный періодъ боя опорнымъ пунктамъ, къ пассивности обороны и неувѣренности удержаться на передней линіи.

Однако, этотъ выводъ нисколько не исключаетъ необходимости

устройства позади стрѣлковыхъ окоповъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ небольшихъ укрѣпленій или приспособленія нѣкоторыхъ мѣстныхъ предметовъ къ оборонѣ для дѣйствія изъ нихъ огнемъ противъ случайностей, могущихъ произойти во время обороны. Въ отличіе отъ прежнихъ опорныхъ пунктовъ, таковые пункты слѣдуетъ называть «пунктами участковыхъ фортификаціонныхъ резервовъ» даннаго боевого участка и, согласно цѣли устройства таковыхъ пунктовъ (противъ случайностей), ихъ активная и пассивная сила можетъ быть самая ничтожная. Сила эта должна быть лишь такова, чтобы, при частичномъ прорывѣ нашей стрѣлковой линіи непріателемъ, временно задержать его или замедлить распространеніе его по всему участку на нѣкоторое время, необходимое для подвода или сосредоточенія резервовъ, достаточныхъ для удара по непріателю, ворвавшемуся въ нашъ участокъ; или же при выбитіи нашихъ войскъ изъ стрѣлковыхъ окоповъ содѣйствовать ихъ безопасному отступленію, задерживая или замедляя натискъ противника, идущаго по пятамъ нашихъ отступающихъ войскъ. Лишь при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, пункты фортификаціонныхъ резервовъ могутъ служить цѣлямъ обратнаго взятія потерянныхъ участковъ позиціи войсками, находящимися за линіей этихъ пунктовъ.

Итакъ, по моему крайнему разумѣнію, всѣ опорные пункты должны быть перенесены на линію стрѣлковыхъ окоповъ и позади этихъ послѣднихъ, въ тылу, никакихъ укрѣпленій, за исключеніемъ «фортификаціонныхъ резервовъ», не должно быть. И это не безъ основанія: придерживаясь этихъ правилъ, мы сразу увеличиваемъ вдвое, втрое и болѣе общую оборонительную способность стрѣлковой линіи, гдѣ, въ сущности говоря, начинается и кончается сраженіе; дѣлаемъ оборону болѣе активной, такъ какъ, держа крѣпко въ своихъ рукахъ опоры стрѣлковой линіи, мы легко, безопасно и съ большею увѣренностью можемъ перейти въ наступленіе или контръ-атаку людьми, собранными изъ окоповъ, или свѣжими силами, выдвинутыми изъ-за тыловыхъ частей позиціи. Имѣя опорные пункты въ стрѣлковой линіи, мы получаемъ полную возможность, при наступленіи удобнаго момента, значительную часть людей убрать изъ окоповъ для рѣшенія активныхъ задачъ. Въ то же время мы, освободившись отъ иллюзіи при помощи тыловыхъ опорныхъ пунктовъ отвоевать обратно потерянные участки нашей позиціи, не станемъ обречать значительную часть своихъ актив-

ныхъ силъ во время боя на полное бездѣйствіе и обращать ихъ въ нѣмыхъ свидѣтелей нашего пораженія на передовой линіи.

Теперь разсмотримъ въ самыхъ краткихъ чертахъ, каковы должны быть расположеніе и устройство опорныхъ пунктовъ 1-й линіи и участковыхъ фортификаціонныхъ резервовъ 2-й линіи и въ чемъ заключается существенное различіе участковыхъ фортификаціонныхъ резервовъ отъ бывшихъ опорныхъ пунктовъ 2-й линіи.

На линіи стрѣлковыхъ окоповъ опорные пункты располагаютъ преимущественно на мѣстахъ тактическихъ или стратегическихъ ключей и на участкахъ болѣе удобныхъ и недоступныхъ, съ интервалами, по возможности, не менѣ одной версты и не болѣе $1\frac{1}{2}$ версты другъ отъ друга. Желательно ихъ выдвинуть на нѣсколько шаговъ впередъ за линію окоповъ для того, чтобы они одновременно могли играть и роль капонировъ. Для напольныхъ и боковыхъ фасовъ редутовъ желателенъ наибольшій обстрѣлъ и обзоръ, но для тыловыхъ фасовъ обстрѣлъ болѣе 250—300 шаговъ не желателенъ, такъ какъ, при частичномъ прорывѣ нашей стрѣлковой линіи, едва ли противнику представится случай штурмовать горжевой фасъ укрѣпленія съ дистанціи болѣе 300 шаговъ; между тѣмъ соблюденіе этого условія сильно облегчитъ намъ обратное взятіе опорнаго пункта, въ случаѣ его паденія. Если этого условія выполнить нельзя, то желательно со стороны тыла позиціи, по направленію къ важнѣйшимъ опорнымъ пунктамъ, строить ходы сообщеній и по бокамъ этихъ послѣднихъ на нѣкоторомъ разстояніи (примѣрно 300 шаговъ) отъ опорныхъ пунктовъ — траншеи съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ нужды, двинуться по ходамъ, сосредоточиться въ траншеяхъ и оттуда прямо перейти къ открытому штурму опорнаго пункта, перешедшаго во власть противника.

Всѣ укрѣпленія опорныхъ пунктовъ должны быть сомкнуты и обнесены со стороны напольныхъ и боковыхъ фасовъ трудно-преодолимыми искусственными препятствіями.

Гарнизонъ опорныхъ пунктовъ — одна рота; лишь въ особо важныхъ и исключительныхъ случаяхъ $1\frac{1}{2}$ и до 2 ротъ. Желательно, часть гарнизона опорнаго пункта держать внѣ укрѣпленія въ особыхъ окопахъ, въ видѣ внѣшняго резерва.

Размѣры опорныхъ пунктовъ какъ въ профили, такъ и въ планѣ, должны быть минимальные, въ видахъ уменьшенія площади пораженія и лучшей маскировки.

Таковы въ общихъ чертахъ принципы устройства и расположенія опорныхъ пунктовъ на стрѣлковой линіи.

Участковые фортификаціонные резервы, въ отличіе отъ опорныхъ пунктовъ 2-й линіи, вовсе не имѣютъ въ виду упорно отстоять тѣ пункты позиціи, гдѣ они расположены, чтобы и послѣ отступленія нашихъ войскъ отъ стрѣлковой линіи своимъ огнемъ дать возможность своимъ войскамъ вновь перейти въ наступленіе и взять обратно потерянные участки своей первоначальной позиціи.

Настоящая ихъ роль, какъ я раньше уже отмѣтилъ, скромнѣе, а именно: при прорывѣ наней стрѣлковой линіи непріателемъ, задержать его или замедлить его распространеніе по всему участку на время, необходимое для подвода и сосредоточенія резервовъ, достаточныхъ для сильнаго удара по непріятелю, ворвавшемуся въ нашъ участокъ, или же, при окончательномъ выбитии нашихъ войскъ изъ боевой линіи, содѣйствовать ихъ безопасному отступленію, задерживая или замедляя натискъ врага, идущаго по пятамъ нашихъ войскъ.

Понятно, что для вышеуказанной цѣли вовсе не требуется на мѣстахъ участковыхъ фортификаціонныхъ резервовъ строить солидныя сомкнутыя укрѣпленія, окружать ихъ солидными искусственными препятствіями и назначать для нихъ солидные гарнизоны. Достаточно здѣсь небольшія открытыя укрѣпленія, преимущественно люнеты, окопной профили съ гарнизономъ въ $1/2$ роты, а въ иныхъ случаяхъ еще меньше ¹⁾.

Для участковыхъ фортификаціонныхъ резервовъ вовсе не требуется большой фронтальный обстрѣлъ, а это обстоятельство значительно облегчаетъ выборъ для нихъ мѣста. Кромѣ того они, будучи небольшихъ размѣровъ и хорошо замаскированы, едва ли удостоятся особаго вниманія непріятельской артиллеріи, что достаточно гарантируетъ безопасность ихъ гарнизоновъ и увѣренность въ выполненіи ими возложенныхъ на нихъ задачъ.

При такихъ преимуществахъ участковые фортификаціонные резервы, по важности своего значенія въ общемъ дѣлѣ обороны всей позиціи, нисколько не уступаютъ опорнымъ пунктамъ 2-й линіи, если таковые были бы, такъ какъ, если непріятель заставилъ насъ отступить за линію опорныхъ пунктовъ и засѣлъ на нашей передовой линіи, то такой противникъ, владѣя въ данную минуту превосходствомъ физическихъ и моральныхъ силъ и имѣя въ ру-

---

¹⁾ Сила современнаго огня полуроты равняется силѣ огня двухъ и болѣе ротъ тѣхъ временъ, когда войска были вооружены наръзными ружьями старой системы (берданки); но и тогда признавали одну роту достаточной для опорныхъ пунктовъ.

какъ такое оружіе, какъ современный огонь, едва ли не пошелъ бы по пятамъ нашихъ войскъ, или далъ бы намъ возможность въ такой близости отъ себя соорганизоваться, чтобы вновь перейти въ наступленіе и отнять у него занятые имъ участки нашей позиціи. Такимъ образомъ, логика сама говоритъ, что назначеніе опорныхъ пунктовъ второй линіи ограничилось бы тою же ролью, которую могутъ съ такимъ же успѣхомъ выполнить и фортификаціонные резервы.

Между тѣмъ солидныя укрѣпленія съ солидными гарнизонами 2-й линіи, внушая руководителю обороны иллюзію незыблемыхъ опоръ въ тылу, заставляли бы ускользнуть изъ его вниманія тѣ основы, которыя послужили бы къ значительному усиленію боевой способности стрѣлковой линіи, гдѣ, какъ я раньше сказалъ, фактически начинается и кончается сраженіе.

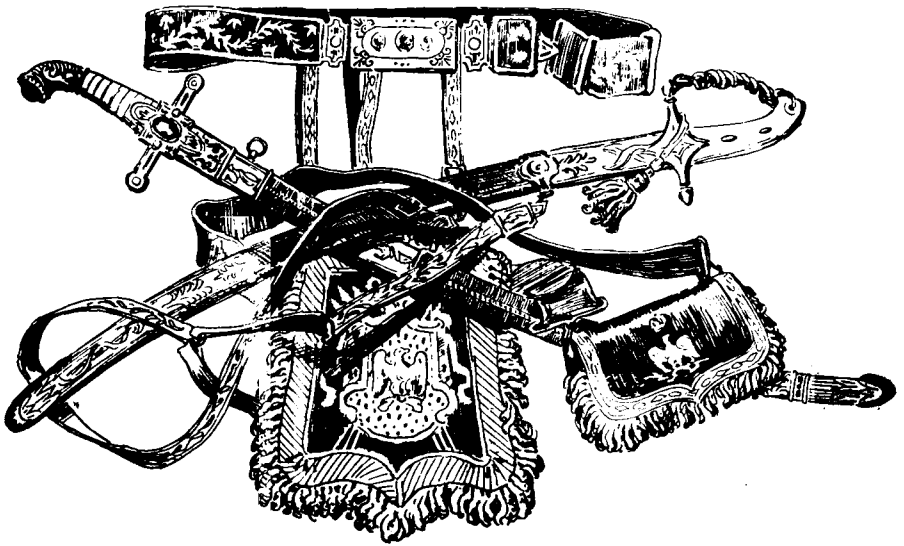
Поэтому я полагаю, что намъ слѣдуетъ подумать объ этомъ и отказаться отъ старыхъ шаблоновъ; нора же намъ всё наши расчеты строить на активныхъ дѣйствіяхъ! Участковые фортификаціонные резервы располагаются не ближе $\frac{1}{4}$ версты и не далѣе $\frac{1}{2}$ версты отъ стрѣлковой линіи. Интервалы между ними отъ полуверсты до одной версты, что обуславливается обстрѣломъ и обзоромъ до того пункта позиціи, который одновременно поражается и сосѣднимъ участковымъ фортификаціоннымъ резервомъ. Соблюденіе этого условія необходимо для того, чтобы куда бы ни шель противникъ, вездѣ онъ былъ бы поражаемъ хотя бы однимъ изъ участковыхъ фортификаціонныхъ резервовъ. Конечно, болѣе желательно, чтобы онъ былъ поражаемъ изъ двухъ и болѣе фортификаціонныхъ резервовъ, что зависитъ отъ удачнаго и умѣлаго выбора мѣста для нихъ.

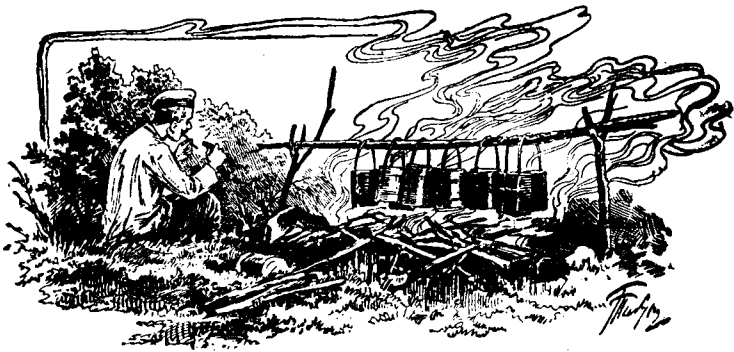
Участковые фортификаціонные резервы могутъ состоять не только изъ одного люнета (окопной профили), но и изъ группы нѣсколькихъ окоповъ для того, чтобы люди одновременно могли стрѣлять по тому направленію, по которому двигается противникъ.

Для того, чтобы участковые фортификаціонные резервы могли выполнить возложенную на нихъ задачу, въ случаѣ прорыва нашей передовой линіи ночью, необходимо озаботиться освѣщеніемъ района мѣстности между передовой линіей и фортификаціонными резервами во время ночныхъ боевъ въ минуту необходимости. Для этого въ разныхъ пунктахъ мѣстности слѣдуетъ поставить сильно осмоленные столбы и обернуть ихъ пропитанной керосиномъ соломой, или же просто сложить костры. Ночью къ нимъ назначаются

особые сторожа, которые по данному приказанію при сигналу быстро ихъ зажигаютъ и скрываются въ тутъ же вырытыхъ глубокихъ ямахъ. Кромѣ того, надо завести потайные фонари и установить особые сигналы для обозначенія мѣста нахождения своихъ. Если это не будетъ сдѣлано, то помощь со стороны участковыхъ фортификаціонныхъ резервовъ въ ночное время можетъ оказаться не только равной нолю, но и вредной, такъ какъ, не видя ничего, они могутъ открыть стрѣльбу по своимъ, при же, опасаясь бить своихъ, будутъ бездѣйствовать вовсе.

В. Теръ-Акопъ.

НОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ О ХОЗЯЙСТВѢ ВЪ ПОЛКУ.

На основаніи двухлѣтнихъ опытовъ войскового хозяйства въ нѣкоторыхъ частяхъ Кіевскаго, Московскаго и Петербургскаго округовъ подъ руководствомъ генерала Водара, а также на основаніи мѣстной спеціальныхъ комиссій въ каждомъ изъ военныхъ округовъ Россіи, особой комиссіей при военномъ министерствѣ были выработаны нормы натуральныхъ и денежныхъ отпусковъ войсковымъ частямъ для удовлетворенія всѣхъ разнообразныхъ ихъ хозяйственныхъ нуждъ. Нормы эти рассмотрѣны и въ общемъ одобрены военнымъ совѣтомъ, причемъ военный совѣтъ поставилъ условіемъ, что съ введеніемъ этихъ отпусковъ всѣ расходы должны быть подотчетны государственному контролю, а могущіе образоваться остатки должны составлять достояніе казны, а не части.

Введеніе новыхъ отпусковъ и новаго хозяйства въ войсковыхъ частяхъ вызываетъ дополнительный ежегодный расходъ казны, почему осуществленіе этой вполне назрѣвшей мѣры затягивалось. Но давно сознаваемая военнымъ министерствомъ необходимость и настоянія Государственной Думы пересилили финансовыя затрудненія, почему въ ближайшемъ будущемъ прямыя отпуски на всѣ хозяйственныя нужды войсковыхъ частей будутъ введены.

Это, на ряду съ другими мѣропріятіями, вызываетъ необходимость пересмотра существующаго положенія о хозяйствѣ отдѣльныхъ частей и ротъ (кн. XX С. В. П. 1869 г.).

Собранная, по приказанію военнаго министра, при главномъ интендантскомъ управленіи комиссія съ участіемъ представителей разнообразныхъ войсковыхъ частей выработала новое положеніе о хозяйствѣ, почему представляется возможнымъ ознакомиться съ особенностями этого новаго положенія и мотивами, по которымъ приняты тѣ или иныя измѣненія.

Въ «положеніе» введены слѣдующія измѣненія.

1) *Освобожденіе командира полка отъ хозяйственныхъ заботъ, отчетности и переписки*, съ оставленіемъ за нимъ лишь контрольных функций.

Что командира полка необходимо избавить отъ ежедневнаго подписыванія сотенъ хозяйственныхъ бумагъ и тѣмъ предоставить возможность всецѣло отдаться боевой подготовкѣ полка, сознано давно, и своевременность указанной мѣры не можетъ вызвать какихъ-либо возраженій.

2) *Расширеніе правъ начальника хозяйственной части полка* съ возложеніемъ на него всей хозяйственной переписки, отчетности и отвѣтственности. Эта мѣра вытекаетъ изъ предыдущей. По новому положенію проектировано, что всѣ требованія, многочисленныя свѣдѣнія, вся отчетность передъ контролемъ и переписка со всѣми учрежденіями должны исходить за подписью начальника хозяйственной части. Исключеніе сдѣлано только для ходатайствъ (не свѣдѣній и донесеній), представляемыхъ по командѣ. Ходатайства должны исходить за подписью полноправнаго хозяина части—командира полка, какъ подкрѣпленіе и доказательство солидарности съ начальникомъ хозяйственной части по содержанию ходатайства.

3) *Введеніе чековыхъ требованій*. Какъ извѣстно, для военнаго времени установлены чековыя требованія на всѣ продовольственные припасы. Требованіе состоитъ изъ трехъ частей: одна съ подписью пріемщика остается въ складѣ вмѣсто квитанціи; другая съ подписью слатчика возвращается въ часть для приложенія къ отчетному листу и замѣняетъ собой предъявленіе самаго листа для заприходованія отпущеннаго; третья — корешокъ — остается въ части для справокъ. Чековыя требованія испытаны въ послѣднюю войну и никакихъ нареканій не вызвали. Существующимъ въ мирное время порядкомъ требуется: посылать въ складъ требованіе; туда же посылать отчетный листъ и затѣмъ туда же высылать квитанцію. Преимущества чековой системы ясны и неоспоримы. Къ этому надо добавить, что въ главномъ интендантскомъ управленіи разрабатываются правила, по которымъ большинство видовъ де-

нежнаго и натуральнаго довольствія будутъ отпускаться войскамъ безъ всякихъ требованій съ ихъ стороны. Попутно вырабатываются правила, по которымъ части могутъ требовать однѣ вещи вмѣсто другихъ, пропорціонально ихъ стоимости, т. е. принятая въ нѣкоторыхъ западныхъ арміяхъ паевая система.

4) *Уничтоженіе артельныхъ и ротныхъ суммъ.* Фактически и теперь нѣтъ собственно ротнаго хозяйства и ротныхъ суммъ, такъ какъ всѣми суммами распоряжается хозяйственная часть полка, не спрашивая ротнаго командира, который по своему усмотрѣнію не можетъ израсходовать десятка рублей и только регистрируетъ по ротной книгѣ тѣ вычеты и расходы, что вычиталь въ приказѣ. Ротныя лошади остались таковыми тоже только по названію. Въ приростѣ и таяніи, такъ называемыхъ, ротныхъ суммъ, командиръ роты почти всегда неповиненъ. Существующія ротныя суммы удовлетворяютъ два вида потребностей—по хозяйству и по продовольствію. На хозяйственныя потребности вводятся казенные отпуска. Главнѣйшіе продовольственные расходы, какъ-то: заготовка мяса, сала, овощей—производятся полкомъ, а не ротами. Естественно, что наличіе особыхъ ротныхъ суммъ не оправдывается ничѣмъ. Не можетъ быть и артельныхъ суммъ, такъ какъ самое понятіе *артели*, связанное съ понятіемъ о самоуправленіи (выборный артельщикъ), привито въ арміи искусственно, вѣрнѣе не привилось совсѣмъ. Съ другой стороны, нельзя отрицать необходимости нѣкотораго запаса продовольственныхъ суммъ по слѣдующимъ соображеніямъ. При всемъ желаніи не представляется возможности теперешнюю неизмѣняющуюся часть приварочнаго оклада обратить въ измѣняющуюся. Единственно представляется возможность выдѣлить оттуда болѣе дорогой и стойкій въ цѣнѣ, къ тому же имѣющій большое значеніе въ питаніи, продуктъ—сало. Зелень и приправы и впредь должны относиться на постоянную часть; слѣдовательно, въ различные періоды года, въ зависимости отъ рыночныхъ цѣнъ, отъ постоянной части будутъ то остатки, то перерасходы. Далѣе, хотя приварочные оклады и предположено основывать на дѣйствительныхъ контрактныхъ цѣнахъ мяса въ каждой части, а не на мертвыхъ среднихъ цѣнахъ, какъ нынѣ, но мясной контрактъ, не взирая на залогъ ¹⁾, можетъ быть нарушенъ, причемъ покупка мяса по вольной цѣнѣ вызоветъ перерасходъ приварочныхъ денегъ. Поэтому во всѣхъ случаяхъ является необ-

¹⁾ Залоги по поставкѣ мяса весьма недостаточны и почти ни въ одной части не достигаютъ 10% годовой поставки. Требованіе обязательнаго 10% залога привело бы къ громадному водянатию цѣнъ.

ходимость имѣть въ резервѣ суммы, обеспечивающія довольствіе при временномъ повышеніи цѣнъ на приварочные припасы.

Такія суммы, вмѣсто нынѣшнихъ артельныхъ, предположено имѣть общія для всего полка и называть *продовольственными*. Образуются онѣ изъ нынѣшнихъ ротныхъ, впредь туда будутъ поступать остатки отъ продовольствія, штрафы и залогі несостоятельныхъ поставщиковъ мяса и продуктовъ, экономія отъ хлѣбопеченія. Расходовать эти суммы могутъ исключительно на продовольствіе. Предѣльной нормой продовольственныхъ суммъ предположено считать 3 руб. на каждаго штатнаго нижняго чина. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено, что, при повышеніи цѣнъ на мясо, перерасходы прежде всего должны относиться на продовольственные суммы, а, по истощеніи таковыхъ до половины нормы, можно ходатайствовать объ увеличеніи приварочнаго оклада. Полтора рубля назначаются для обеспеченія продовольствія со дня представленія ходатайства объ увеличеніи оклада до удовлетворенія этого ходатайства военнымъ совѣтомъ. Такой резервъ надо считать достаточнымъ, такъ какъ при ежедневномъ перерасходѣ, даже въ полторы копѣйки на человѣка, онъ обеспечиваетъ продовольствіе на 100 дней.

Такимъ образомъ, бывшія ротныя, нынѣ продовольственныя, суммы ставятся въ такое положеніе по отношенію къ казнѣ, какое занимали до сего хозяйственныя суммы съ экономическимъ капиталомъ.

Бывшія ротныя лошади переходятъ на казенный фуражъ.

5) *Упраздненіе хозяйственныхъ суммъ и экономическихъ капиталовъ*. Остатки отъ казенныхъ отпусковъ на хозяйственныя нужды впредь должны обращаться въ доходъ казны, а по всѣмъ хозяйственнымъ расходамъ полкъ долженъ отсчитываться, съ представленіемъ подлинныхъ документовъ, передъ государственнымъ контролемъ. Такимъ образомъ источникъ накопленія экономическихъ капиталовъ изсякнетъ и самое существованіе капиталовъ не вызывается необходимостью. Вѣроятно же всего, что экономическіе капиталы ноступятъ въ особый фондъ военного министерства, имѣющій цѣлью единовременную помощь тѣмъ войсковымъ частямъ, хозяйство которыхъ пришло въ разстройство, вслѣдствіе какихъ-либо стихійныхъ (пожаръ, наводненіе) или иныхъ непреодолимыхъ причинъ, а въ первое время—на ликвидацію хозяйства полковъ при переходѣ къ новому положенію.

Своевременно, сказать къ слову, нужно было бы позаботиться о постепенномъ образованіи *военнаго фонда*, обеспечивающаго

хотя бы первый періодъ войны, когда, «во-первыхъ, нужны деньги, во-вторыхъ, нужны деньги и, въ-третьихъ, нужны тоже деньги».

б) *Измѣненіе полковой отчетности.* Необходимость отсчитываться передъ контролемъ и измѣненіе полковыхъ суммъ вызываетъ измѣненіе и отчетности. Въмѣсто денежнаго журнала предположено ввести *кассовую книгу*, куда должны будутъ заноситься **всѣ** безъ исключенія суммы, имѣющіяся въ полку, не исключая суммъ офицерскаго заемнаго капитала. Кассовая книга будетъ имѣть графы: а) *смытныхъ* суммъ, по которымъ отчетъ передъ контролемъ производится по *журналу исполненія сметы* (бывшій журналъ оборотовъ); б) *авансовыхъ* суммъ, по которымъ отсчитываются по авансовымъ счетамъ и отчетнымъ листамъ; в) *продовольственныхъ* суммъ, о которыхъ сказано выше; г) *разныхъ* капиталовъ, какъ и нынѣ, и д) *раздаточныхъ* суммъ, вмѣсто нынѣшнихъ переходящихъ, такъ какъ изъ послѣднихъ авансы выдѣлены. Въмѣсто приходо-расходной книги вводится *казначейская* книга, отличающаяся отъ нынѣшней тѣмъ, что будетъ замѣнять собой и кладовую записку, въ зависимости отъ чего будетъ имѣть графы: а) наличныхъ у казначея, б) на храненіи въ банкѣ, в) процентными бумагами и г) документами. Прочія книги остаются тѣ-же, что и нынѣ. Предположено отмѣнить прошнуровку книгъ, такъ какъ шнуръ мѣшаетъ въ работѣ, а пользы отъ него нѣтъ: до сихъ поръ шнуръ не гарантировалъ отъ преступленій, да и попытокъ нарушить его, что не представляетъ затрудненій, кажется, не было. Главныя книги будутъ выдаваться не за подписью начальника дивизіи, а за подписью командира полка. Всѣ отчетные листы, кромѣ лазаретнаго, предположено соединить въ одинъ и отмѣнить выдачу его за подписью корпуснаго интенданта, такъ какъ подпись эта ничего не гарантируетъ, а существующій порядокъ тягостенъ. Въ настоящее время, въ случаѣ утери отчетнаго листа, требуется донести о пропажѣ по командѣ и объявить объ этомъ въ приказѣ по округу, затѣмъ потребовать новый листъ; внести въ казначейство— все при препроводительныхъ бумагахъ— двѣ копѣйки, получить на нихъ форменную квитанцію; эту квитанцію отправить корпусному интенданту заказнымъ порядкомъ (документъ), т. е. съ оплатой пересылки 7-копѣчной маркой, а корпусный интендантъ долженъ новый листъ тоже отправить заказнымъ порядкомъ (еще 7 копѣекъ). Между тѣмъ нашедшій отчетный листъ использовать его во-зло не можетъ, такъ какъ по предъявленіи листа нельзя получить ни денегъ, ни продуктовъ, а необходимо особое требованіе или ассигновка.

7) *Составленіе смѣты.* Такъ какъ нормы казенныхъ отпусковъ на многообразныя нужды частей основаны на среднихъ, взятыхъ изъ опыта, цифрахъ, то, естественно, что въ жизненномъ примѣненіи въ каждой особой части, въ зависимости отъ пунктовъ квартированія и многихъ другихъ причинъ, отпуска по однимъ отдѣльнымъ статьямъ будутъ велики, по другимъ—малы. Чтобы придать новой системѣ жизненную гибкость, является необходимость предоставить полку право производить по нѣкоторымъ статьямъ расходы больше назначенныхъ казной за счетъ сокращенія расходовъ по другимъ статьямъ. Это вызываетъ необходимость составленія смѣты на предстоящій годъ. Смѣта попрежнему будетъ утверждаться начальникомъ дивизіи и будетъ состоять изъ отдѣловъ: а) *учебнаго*, куда войдутъ всѣ потребности по образованію и боевой подготовкѣ частей, б) *хозяйственнаго*, куда войдутъ потребности по хозяйству и по содержанію имущества, и в) *спеціального*, куда войдутъ существующіе въ артилеріи и инженерныхъ частяхъ спеціальныя отпуска. Независимо отъ полковой смѣты, должна составляться особая *санитарная* смѣта, куда отойдетъ область вѣдѣнія старшаго врача, т. е. полковой лазаретъ, околодокъ, фельдшерская школа, дезинфекція и остальные санитарныя нужды полка. Фуражъ въ смѣту не вносится, а будетъ проводиться только по отчетнымъ листамъ и по дѣйствительнымъ покупнымъ цѣнамъ, если не будетъ отпущенъ натурой. Отопленіе и освѣщеніе не входятъ въ смѣту. Основныя правила смѣты: а) учебный отдѣлъ можетъ увеличиваться за счетъ сокращенія хозяйственнаго, но не наоборотъ, б) нельзя вводить такія статьи расхода, на которыя нѣтъ отпуска отъ казны. Пресловутый 9-й отдѣлъ уходитъ въ невозвратное прошлое. На всѣ непредвидѣнныя надобности отпускается въ распоряженіе командира полка 600 рублей, для другихъ частей меньше. Правда, всѣ нормальныя нужды части предусмотрѣны и на все установлены соотвѣтствующіе отпуска. Распоряженія «безъ расходовъ отъ казны» не будутъ имѣть мѣста, какъ не будетъ средствъ и для увлеченій.

8) *Текущій счетъ полка.* Въ настоящее время, какъ извѣстно, цѣнности полка хранятся въ сберегательныхъ кассахъ, отдѣленіяхъ государственнаго банка и въ денежныхъ ящикахъ частей. Впредь, при наличіи въ мѣстѣ квартированія части отдѣленія государственнаго банка или казначейства, всѣ суммы, за исключеніемъ аванса казначея на мелочныя расходы, должны храниться не въ денежномъ ящикѣ, а въ банкѣ (казначействѣ) на текущемъ счету. Ассигнуемыя казной деньги прямо перечисляются на текущій счетъ.

Всѣ расчеты съ поставщиками и подрядчиками полкъ долженъ производить чеками на банкъ. Мелочные расходы изъ казначейскаго аванса восполняются мелочными же поступлениями, а, при недостаткѣ аванса, казначей получаетъ деньги по чеку же изъ банка. Чеки хранятся и подписываются начальникомъ хозяйственной части. Разрѣшеніе, но не на каждый разъ, а до назначеннаго размѣра, на полученіе денегъ изъ банка даетъ не начальникъ дивизіи, а командиръ полка. Въ военное время, на походѣ и вообще при затруднительности храненія денегъ на текущемъ счету, порядокъ храненія денегъ въ повозкѣ для казны остается прежній.

9) *Сокращеніе переписки.* На ряду съ другими мѣрами по упрощенію и сокращенію хозяйственной переписки, подавляющее большинство членовъ комиссіи высказалось за почти полную отмѣну теперешнихъ хозяйственныхъ приказовъ. Необходимо отмѣтить, что такихъ обширныхъ хозяйственныхъ приказовъ, какіе существуютъ въ нашей арміи, нѣтъ въ арміяхъ другихъ государствъ. Наши приказы можно и должно сократить, основываясь на томъ, что въ приказахъ должна отражаться воля командира полка по серьезнымъ вопросамъ, имѣющимъ длительное или историческое значеніе. Для ипыхъ распоряженій существуютъ приказанія и предписанія. Въ германской арміи наиболѣе развиты словесныя приказанія, а у насъ они почти не практикуются, почему за отсутствіемъ навыка какъ отдавать, такъ и принимать приказанія, въ военное время, когда нѣтъ возможности обо всемъ писать, придется платить кровью, а иногда и исходомъ боя. Обратимся къ нашимъ приказамъ по полку. Изъ дня въ день однообразное начало: «завтра разводъ караула въ 12 час. дня». Надо ли это повторять? Надо ли эту ежедневную строку хранить вѣчно, какъ положено хранить приказъ? Нужно ли именно въ приказѣ объявлять весь нарядъ? Нужно ли въ приказѣ объявлять о томъ, чтобы роты завтра выступили на ученіе въ гимнастическихъ рубашкахъ, когда это имѣетъ значеніе на одинъ день и терлетъ всякій интересъ послѣ этого дня? Нужно ли отдавать въ приказѣ, какъ нынѣ практикуется, чтобы «завтра занятія производились по расписанію»? Разобравшись критически, многое и многое даже въ строевыхъ приказахъ можно и должно сократить, перенеся часть въ приказанія (разница та, что приказанія вѣчно не хранятся), а еще больше въ словесныя приказанія, которыя рационально отдавать черезъ фельдфебелей, собираемыхъ къ вечерней зарѣ и черезъ дежурныхъ по ротамъ при разводѣ полкового караула. Хозяйственные приказы еще болѣе тяжеловѣсны. Какъ извѣстно, хозяйственные приказы пишетъ дѣлопроизводитель и въ

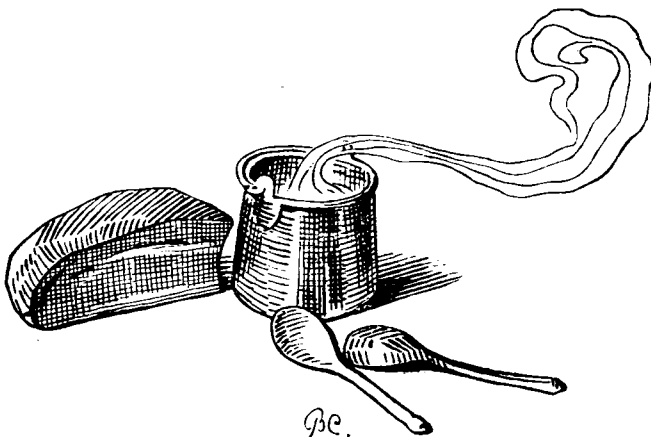
большинствѣ случаевъ самъ же ихъ исполняетъ, такъ какъ весь приказъ часто состоитъ изъ распоряженій «такую-то сумму записать туда-то, а такую-то перечислить» и т. п. Фактически не книги ведутся по приказамъ, а приказы составляются по книгамъ, особенно въ матеріальныхъ оборотахъ. Ни въ одномъ частномъ коммерческомъ предпріятіи и даже въ казенномъ дѣлѣ, имѣющемъ оборотъ куда больше полкового, никакихъ приказовъ не отдается, а нужно что записать — записываютъ, нужно выписать — выписываютъ. Въ военномъ вѣдомствѣ правильность и законность записей ежедневно свидѣтельствуется подписью начальника хозяйственной части. Чего же больше? Можетъ быть приказъ гарантируетъ отъ ошибокъ въ записяхъ? Нисколько. Сличеніе итоговъ кассовой книги (денежнаго журнала) съ казначейской книгой сразу и вѣрнѣе укажетъ ошибку. Гарантируетъ ли приказъ отъ злоупотребленій въ записяхъ? Тоже нисколько. Для злоупотребленій понадобится солидарность начальника хозяйственной части, казначея и дѣлопроизводителя. Такихъ случаевъ, кажется, не бывало, а при солидарности отъ этихъ же лицъ зависитъ, отдать приказъ или не отдавать. Можетъ явиться вопросъ, какъ производить повѣрку денежныхъ книгъ безъ приказовъ? На это можно отвѣтить, что повѣрка по приказамъ, какъ дѣлается нынѣ, большая ошибка, хотя она и легче для повѣряющаго. Приведенныхъ доводовъ достаточно для убѣжденія, что и приказы надо повѣрять, т. е. начинать повѣрку надо съ первоисточниковъ, что предусмотрѣно и дѣйствующимъ положеніемъ, но часто не соблюдается. Приходныя статьи книгъ надо повѣрять по входящему журналу, гдѣ строевая часть въ особомъ отдѣлѣ или приложеніи записываетъ всѣ денежные и матеріальные документы по приходу и рапорты казначея о деньгахъ, поступившихъ безъ препроводительныхъ бумагъ. Расходъ надо повѣрять по документамъ, оправдывающимъ расходъ. Приходъ матеріальныхъ капиталовъ повѣрять: по корешкамъ чековыхъ требованій, по накладнымъ интендантскихъ складовъ (записаны въ журналѣ) и по отмѣткамъ на авансовыхъ счетахъ, если матеріалы или вещи покупаются полкомъ. Матеріальные расходы повѣрять по документамъ. Остается еще надобность въ оповѣщеніи чиновъ полка о деньгахъ и матеріалахъ, подлежащихъ выдачѣ. Такому оповѣщенію мѣсто не въ приказѣ, а въ объявленіи и, по большей мѣрѣ, въ приказаніи. Вопросъ о приказахъ пріобрѣтаетъ особое значеніе еще и потому, что всѣ хозяйственныя распоряженія будутъ дѣлать начальникъ хозяйственной части, а приказы подписываются командиромъ полка. Естественно, что послѣдняго надо избавить отъ подписи того, въ

чемъ онъ не принимаетъ активнаго участія и за содержаніе чего онъ отвѣчать не можетъ. Отмѣна большинства приказовъ значительно разгрузить и дѣлопроизводителя, который теперь не по силамъ заваленъ работой. Наконецъ, послѣдняя цѣль приказовъ — это доведеніе такимъ путемъ до свѣдѣнія начальника дивизіи всѣхъ хозяйственныхъ распоряженій. При существующемъ порядкѣ, когда смѣта часто составляется лишь для отбытія номера, а жизнь идетъ, не считаясь со смѣтой; когда существуетъ скользкій 9-й отдѣлъ; когда приходится овесъ обращать въ полушубки, изъ дровъ заводить экипажи, изъ капусты платить за молебны; когда существуютъ туманныя переходящія и химерическія ротныя суммы, а главное, когда рискованныя хозяйственныя комбинаціи вызываются не злоумышленіемъ, а недостаточностью средствъ, — постоянный и бдительный контроль начальника дивизіи, пожалуй по приказамъ, нуженъ, хотя, правду сказать, дѣлопроизводители выпускаютъ указы въ такой туманной редакціи, въ которой и опытный человекъ не всегда разберетъ, что худо, что хорошо. Но въ будущемъ, когда на все будутъ прямыя отпуска, когда всѣ расходы неизбѣжно будутъ попадать на документальную ревизію въ государственный контроль, когда исчезнетъ, наконецъ, изъ обихода фраза «безъ расходовъ отъ казны», когда, слѣдовательно, отпадетъ всякая необходимость рискованныхъ комбинацій, тогда не понадобится и теперешняя напряженная бдительность начальника дивизіи. Повѣрка хозяйства при инспектированіи и объѣздахъ полковъ самимъ начальникомъ дивизіи, ближайшая повѣрка командиромъ полка, порученіе повѣрки дивизионному интенданту (уже не старшаго, командира полка, а младшаго — начальника хозяйственной части), все это и безъ приказовъ будетъ достаточно гарантировать правильность веденія хозяйства, тѣмъ болѣе, что его повѣряютъ 12 мѣсячныхъ и годовая повѣрочная комиссія.

10) *Сокращеніе ротной отчетности и переписки.* Не ново, что теперь центр тяжести по подготовкѣ бойца лежитъ на ротномъ командирѣ. На немъ лежитъ и вся, часто нудная, ротная переписка и отчетность. Теперешняя ротная книга, даже при существованіи ротныхъ суммъ, совершенно неудачна. Въ будущемъ ротная книга отмѣняется и оставляется одинъ раздаточный отдѣлъ, который можетъ вести каптенармусъ. Упраздняются записныя книжки, а для повѣрки всѣхъ выдачъ производится только опросъ ротнымъ и баталіоннымъ командиромъ. Собственныя деньги нижніе чины сами должны сдавать въ сберегательныя кассы (теперешняя опека не оправдывается необходимостью), сами хранить книжку

и получать вклады. Только въ исключительныхъ случаяхъ, при отсутствіи въ мѣстѣ квартированія полка сберегательной кассы, солдатскія деньги сдаются на храненіе въ денежный ящикъ и въ такомъ случаѣ расчеты и учетъ такихъ денегъ производятся по квитанціямъ, выдаваемымъ собственнику, а копии квитанцій остаются при дѣлѣ; на квитанціяхъ, за подписью ротнаго командира, отмѣчаются приходъ и расходъ. Въ настоящее время всякія злоупотребленія въ этой области уже отошли въ вѣчность; записныя книжки при инспекторскихъ смотрахъ больше служатъ для экзамена ротному командиру, и упреки слышатся не за то, что выдача не произведена, а за то, что произведена и не отмѣчена, т. е. идея книжки извратилась въ діаметрально противоположную сторону. Чтобы еще больше разгрузить ротнаго командира, предполагено, что мелкія суммы для раздачи нижнимъ чинамъ можетъ получать отъ казначея и непосредственно раздавать по принадлежности ротный каптенармусъ. Каптенармусъ же подписываетъ большинство отчетности и чековыхъ требованій (вмѣсто ассигновокъ). При полученіи продуктовъ ежедневно отъ полка на дневную варку, отмѣняется веденіе продуктоваго листа, а въ требованіи на продукты представляется только число довольствующихся; исчисленіе же потребности продуктовъ производится квартирмейстеромъ по раскладкѣ. Несомнѣнно, что этимъ способомъ достигнется большая возможность ротному командиру отдаваться не канцеляріи, а строевой подготовкѣ людей; найдется больше времени и для того, чтобы прочесть нужную книжку.

В. Кононенко.

Вс.

Автомобилизмъ и военно-санитарная служба.

Среди технических усовершенствований XX столѣтїа, получившихъ наибольшее практическое примѣненіе въ общественной жизни крупныхъ городовъ, несомнѣнно автомобилямъ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ столицахъ и крупныхъ городахъ Западной Европы замѣна живой силы машиной особенно бросается въ глаза. Въ нашихъ столичныхъ и большихъ городахъ автомобильное движеніе также растетъ изъ года въ годъ, и рожокъ автомобиля уже довольно громко возвѣщаетъ о грядущей замѣнѣ лошадиной силы быстроходной машиной.

Причины такой замѣны черезчуръ ясны, чтобы о нихъ нужно было говорить. Но, помимо пассажирскаго движенія, автомобиль начинаетъ постепенно вытѣснять лошадиную силу и въ грузовомъ движеніи. По крайней мѣрѣ, этотъ видъ транспорта въ настоящее время уже довольно широко примѣняется различными учрежденіями (напримѣръ, почтовымъ вѣдомствомъ) и крупными торговыми фирмами, имѣющими постоянную надобность въ перевозкѣ грузовъ.

Послѣдніе пробныя пробѣги грузовыхъ автомобилей на большихъ дистанціяхъ и порою при довольно тяжелыхъ условіяхъ нашихъ путей сообщенія, предпринятыя военнымъ вѣдомствомъ, повидимому, показали полную пригодность и даже нѣкоторыя преимущества этого способа перевозки грузовъ въ военныхъ цѣляхъ.

Для насъ, военныхъ врачей, болѣющихъ душою за свое военно-санитарное дѣло, столь близкое и для всей арміи, чрезвычайно важнымъ становится вопросъ, насколько автомобиль былъ бы пригоднымъ для военно-санитарныхъ цѣлей, особенно при условіяхъ военного времени. Этотъ вопросъ я и постараюсь нѣсколько освѣтить въ своей настоящей замѣткѣ.

Предварительно считаю нужнымъ напомнить, что услугами автомобиля въ санитарныхъ цѣляхъ уже пользуются многія городскія общества скорой помощи, особенно за границей. Въ этомъ отношеніи выработаны даже особые типы автомобильныхъ санитарныхъ каретъ, хорошо приспособленныхъ для перевозки тяжело больныхъ и раненыхъ. Кто имѣлъ возможность быть на прошлогодней международной гигиенической выставкѣ въ Дрезденѣ, тотъ могъ убѣдиться воочию, до какого совершенства можетъ дойти въ этомъ отношеніи техника. Различныя фирмы, какъ, напримеръ, Norddeutsche Automobil und Motoren-Aktien-Gesellschaft (Bremen), Neue Automobil-Gesellschaft M. B. H. въ Oberschöneweide около Берлина, Horch'a и C-ie Zwickau (въ Саксоніи) и др. соперничали въ удобствахъ, прочности и изяществѣ выставленныхъ ими санитарныхъ каретъ.

Наблюденія, сдѣланныя во время послѣднихъ войнъ, показываютъ, что, при огромномъ числѣ раненыхъ, главная работа санитарныхъ передовыхъ учреждений сводится къ возможно быстрой эвакуаціи всѣхъ раненыхъ за линію огня въ расположенныя тамъ лѣчебныя заведенія. На долю передовыхъ и главныхъ перевязочныхъ пунктовъ въ дни сраженій выпадаетъ слишкомъ интенсивная работа, требующая большого напряженія силъ и еще болѣе умѣлой *организации*. Осмотръ, перевязка, сортировка раненыхъ, въ чемъ состоитъ въ сущности вся работа перевязочныхъ пунктовъ, налаживаются хорошо и идутъ безъ задержки, если обеспечена правильная и быстрая эвакуація этихъ пунктовъ.

Далѣе, изучая условія современнаго боя, нельзя не прийти къ заключенію, что тѣ типы санитарныхъ учреждений, которыя входятъ въ составъ передовой линіи, даже при всей ихъ организованности, не обладаютъ однимъ условіемъ, столь важнымъ въ совре-

менномъ бою, а именно необходимой подвижностью; они слишкомъ громоздки, а потому черезчуръ привязаны къ мѣсту и благодаря этому иной разъ бываютъ обречены на бездѣйствіе.

Помимо всего этого необходимо принять во вниманіе и еще одно обстоятельство въ дѣятельности военно-санитарной службы на передовыхъ линіяхъ.

Извѣстная часть тяжело раненыхъ нуждается въ неотложной хирургической помощи при условіяхъ, которыя выработаны современной хирургіей, или, по крайней мѣрѣ, близко приближающихся къ нимъ. Между тѣмъ, эта помощь въ санитарныхъ учрежденіяхъ передовой линіи довольно ограничена уже по одному тому, что сплошь и рядомъ не хватаетъ необходимой обстановки. Эти соображенія неминуемо заставляютъ изыскивать средства, могущія поставить помощь раненымъ на полѣ сраженія въ наилучшія условія.

Однимъ изъ этихъ средствъ, по нашему мнѣнію, и является введеніе санитарныхъ автомобилей въ районъ, непосредственно примыкающій къ передовой линіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда война ведется между культурными государствами, т. е. когда существуютъ болѣе или менѣе пригодные пути сообщенія, а также когда мѣстность не чрезмѣрно гориста, автомобиль безспорно можетъ сослужить въ этомъ направленіи хорошую службу.

Для перевозки раненыхъ на полѣ сраженія выработаны особые типы военно-санитарныхъ автомобилей, образцы которыхъ мнѣ удалось видѣть на Дрезденской гигиенической выставкѣ. Большая часть такихъ автомобилей приспособлена для быстрой и удобной перевозки двѣнадцати тяжело раненыхъ.

Но помимо специальныхъ автомобилей для той же самой цѣли можно пользоваться и *обывательскими* автомобилями, приобретаемыми въ военное время путемъ реквизиціи. Такіе автомобили безъ особеннаго труда могутъ быть приспособлены для санитарныхъ цѣлей. Такимъ же образомъ военные грузовые автомобили могутъ на обратныхъ рейсахъ съ поля сраженія служить для перевозки раненыхъ. Однимъ словомъ, при устройствѣ подобнаго транспорта раненыхъ съ поля сраженія, на ряду съ прочими средствами, эвакуація передовыхъ санитарныхъ учреждений могла бы производиться несравненно быстрѣе.

Доказательствомъ могутъ служить послѣдніе санитарные маневры во Франціи, гдѣ были, между прочимъ, произведены въ широкомъ масштабѣ опыты съ использованіемъ автомобилей для

транспорта раненыхъ съ поля сраженія. Между прочимъ къ услугамъ военно-санитарнаго корпуса были предоставлены автомобили различныхъ типовъ, примѣняемые для общественнаго пользованія. Опытъ показалъ, что приспособить ихъ для санитарныхъ цѣлей было не трудно. Оказалось, что небольшіе моторы могли легко перевозить раненаго въ лежачемъ положеніи, обыкновенные извозчичьи таксо-моторы могли быть приспособлены для перевозки 3—4 лежачихъ раненыхъ, а грузовые автомобили легко вмѣщали отъ 6 до 8 тяжело раненыхъ. При этомъ оказалось, что, благодаря большой скорости движенія автомобилей, безъ труда увеличивающей районъ ихъ дѣйствія, удалось избѣгнуть переполненія ранеными главныхъ перевязочныхъ пунктовъ и другихъ санитарныхъ учрежденій передовой линіи, обязанныхъ слѣдовать за своими частями. А въ этомъ несомнѣнно заключается *главный успѣхъ* передовой санитарной службы.

Кромѣ того на этихъ же маневрахъ былъ сдѣланъ опытъ примененія хирургическаго автомобиля-каretty, построенной по плану инженера Bouliant'a и предназначенной для оказанія неотложной хирургической помощи на полѣ сраженія по всѣмъ правиламъ современной хирургіи. Устройство и обслуживаніе этого хирургическаго автомобиля настолько интересны вообще, что считаю удобнымъ привести ихъ здѣсь въ краткихъ чертахъ.

Новый операціонный автомобиль представляетъ собою прочную, но довольно легкую операціонную камеру, установленную на автомобильную повозку, приводимую въ движеніе 40-сильной динамо-машиной. Внутри камера состоитъ изъ трехъ различной величины отдѣленій.

Двустворчатая входная дверь устроена сзади и при помощи широкой подножки ведетъ въ первое отдѣленіе небольшихъ размѣровъ, гдѣ помѣщается умывальникъ съ стерилизованной водой и шкафъ для операціоннаго бѣлья. Отсюда двустворчатая дверь ведетъ въ среднее отдѣленіе, имѣющее размѣры 2 метра 20 сантим. × 3 метра 20 сантим. и играющее роль собственно операціонной залы. Для дневнаго освѣщенія служатъ устроенныя въ крышѣ повозки стеклянныя рамы; вечеромъ и ночью вся камера обильно освѣщается электрическими лампочками. Стѣны, полъ и потолокъ сдѣланы изъ такого матеріала, который позволяетъ соблюдать полную чистоту и асептику. Хирургическіе инструменты помѣщаются въ особыхъ шкафахъ, устроенныхъ въ стѣнахъ камеры, и уложены сообразно съ родомъ операцій въ особыхъ ме-

таллическихъ ящикахъ, позволяющихъ быстро подвергнуть ихъ стерилизаціи вмѣстѣ съ содержимымъ. Для приведенія въ движеніе нѣкоторыхъ инструментовъ, напр. трепановъ (сверль), пиль, устроенъ моторъ. Металлическій операціонный столъ снабженъ деревянной крышкой, которой можно придать любое положеніе; кромѣ того подъ крышкой стола на особомъ подвижномъ штативѣ можетъ быть установлена рентгеновская трубка, позволяющая во время операціи точно ориентироваться относительно мѣстонахожденія пули и другихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ. Рентгеновскій аппаратъ установленъ въ небольшой камерѣ позади операціонной. Индукторъ аппарата можетъ въ случаѣ надобности развивать большое количество озона для обеззараживанія воздуха операціоннаго помѣщенія. Въ послѣдней передней камерѣ помѣщаются аппараты для стерилизаціи воды, инструментовъ и перевязочнаго матеріала.

Помимо оказанія хирургической помощи, на полѣ сраженія этотъ автомобиль можетъ оказать пользу сражающейся арміи и въ обще-гигіеническомъ отношеніи: въ переднемъ отдѣленіи его на ряду съ упомянутыми находится еще аппаратъ для обезвреженія питьевой воды при помощи ультра-фіолетовыхъ лучей. Для накачиванія этой воды служитъ насосъ, приводимый въ дѣйствіе тѣмъ моторомъ, который назначенъ для вращенія нѣкоторыхъ хирургическихъ инструментовъ. Количество такой, вполне обезвреженной для питья, воды достигаетъ 15.000 литровъ въ день.

Во время стоянокъ по бокамъ автомобиля-операціонной могутъ быть развернуты въ нѣсколько минутъ двѣ палатки, могущія служить для помѣщенія раненыхъ до и послѣ операціи. При передвиженіи автомобиля, эти палатки быстро складываются и прикрѣпляются къ боковымъ стѣнкамъ камеры.

Весъ вѣсъ автомобиля-операціонной не превышаетъ $5\frac{1}{2}$ тыс. кило, скорость движенія его достигаетъ 30 километровъ въ часъ, а стоимость со вѣмъ оборудованіемъ исчисляется въ 50.000 фр.

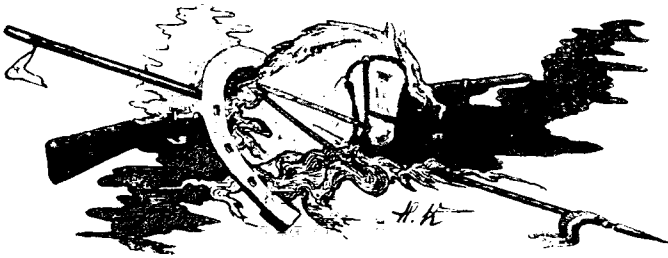
Такихъ автомобилей-операціонныхъ предполагается имѣть отъ 2 до 3 на армейскій корпусъ, предоставивъ ихъ въ распоряженіе дивизионныхъ врачей.

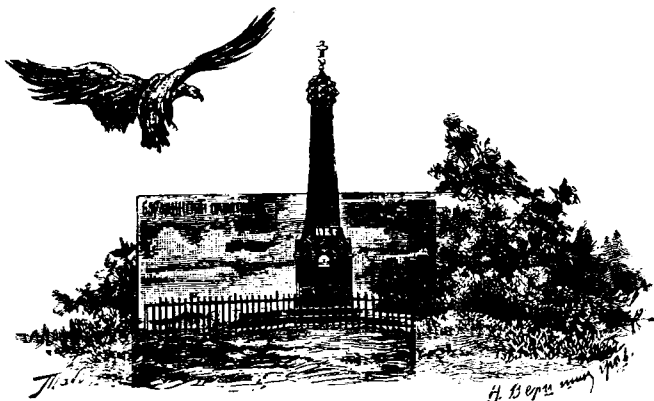
Изъ сказаннаго видно, что автомобиль обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться не только полезной, но пожалуй и необходимой частью военно-санитарнаго обоза. Повторяю, санитарныя учрежденія передовыхъ линій въ современныхъ бояхъ должны обладать большой подвижностью, а съ этимъ требованіемъ такъ гармонизуетъ та скорость, благодаря которой автомобиль вытѣсняетъ

теперь примѣненіе лошадиной силы. Конечно, автомобиль не можетъ вытѣснить вполнѣ примѣненіе послѣдней на полѣ сраженія, такъ какъ во многихъ случаяхъ она незаменима; это понятно само собою.

Снабженіе арміи санитарными автомобилями потребуетъ огромныхъ расходовъ, но война вся состоитъ изъ жертвъ: на ряду съ кровавыми жертвами она всегда сопряжена и съ огромными матеріальными расходами. На обязанности общества лежитъ долгъ высокой гуманности—прійти всѣми достигнутыми средствами на помощь своимъ дорогимъ бойцамъ.

Н. Замуравкинъ.

СЛУЖЕНІЕ СВЯЩЕННИКА НА ВОЙНѢ *).

(Изъ наблюденій участника Русско-японской войны).

(Окончаніе).

Служеніе священника во время боя.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что огромное большинство прибывшихъ на Русско-японскую войну священниковъ не имѣло должнаго предствленія о томъ, гдѣ имъ придется быть и что дѣлать во время боя.

Этому нельзя удивляться, такъ какъ у насъ вообще немногіе тогда понимали, что такое война при современномъ развитіи техники—дальнобойности орудій, продолжительности сраженій и пр. У насъ большинство судило о войнѣ точно по «Иліадѣ» Гомера, рисуя въ своемъ воображеніи красивыя картины стройныхъ движеній полковъ, стремительныхъ атакъ съ развернутыми знаменами, подъ громъ орудій и хоровъ музыки, и совсѣмъ закрывая глаза на оборотную сторону войны.

Священнику въ этой воображенной войнѣ отводилось мѣсто впереди части, которую онъ съ крестомъ въ рукахъ «примѣромъ мужества и словами убѣжденія» увлекалъ въ отчаянную атаку на врага. И многіе священники, идучи на войну, рисовали въ своемъ воображеніи заманчивую картину, какъ они поведутъ свои части подъ огнемъ, пулями и снарядами въ бой. Дѣйствительность раз-

*) См. «Военный Сборникъ» 1912 г., № 11.

била мечты такихъ пастырей. Водить войска въ бой священникамъ не пришлось. Убийственная сила современнаго огня сдѣлала то, что дневныя атаки стали почти немислимы. Противники теперь атакуютъ другъ друга въ глухія ночи, подъ покровомъ ночной тьмы, безъ развернутыхъ знаменъ и безъ грома музыки; атакуютъ украдкой, чтобы не быть замѣченными и огнемъ орудій и пулеметовъ сметенными съ лица земли. При такихъ атакахъ священнику нѣтъ мѣста ни впереди, ни назади атакующей части. Ночью его никто не увидитъ, да и голоса его, разъ начнется атака, никто не услышитъ.

Къ этому надо добавить, что атаки, составлявшія поэзію прежней войны, вообще въ минувшую войну бывали не часты. Больше бывало прозы, когда враги, засѣвъ въ окопахъ, разили другъ друга ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ, часто не вида, а лишь нащупывая другъ друга.

Съ перемѣной характера войны измѣнился и характеръ работы священника на войнѣ. Теперь мѣсто священника во время боя не въ боевой линіи, сплошь и рядомъ растянутой на огромное разстояніе, а около нея, и дѣло его не столько ободреніе находящихся въ строю, сколько служеніе выбывшимъ изъ строя—раненымъ и убитымъ. Чтобы быть понятнѣе, объясню, какъ велось это дѣло въ полку, гдѣ Господь мнѣ судилъ послужить въ Русско-японскую войну, и какъ, по моему разумѣнію, дѣло должно вести въ каждой части, гдѣ есть священники.

Коснусь двухъ положеній полка: когда онъ участвуетъ въ бою и когда онъ находится въ резервѣ.

Боевая линія, занимаемая нашимъ полкомъ, бывали случаи, достигала трехъ верствъ и даже болѣе въ длину. Обычное положеніе чиновъ во время боя—стрѣльба изъ окоповъ. Движеніе кого бы то ни было во время боя вдоль всей боевой линіи затруднительно, очень рискованно, а для военнаго дѣла не безвредно, такъ какъ движущая фигура можетъ открывать противнику мѣсто расположенія части и вызвать усиленную стрѣльбу. Поэтому мнѣ думается, что обходъ священникомъ каждый разъ во время боя всей линіи боевого расположенія части, хоть и очень полезный для ободренія сражающихся, невозможенъ. Священникъ, кромѣ того, долженъ помнить, что онъ безъ нужды не долженъ подвергать себя опасности, такъ какъ выбитіе его изъ строя, при невозможности замѣнить его другимъ, огромный уронъ для части, и что онъ обязанъ употребить всѣ усилія, чтобы убитые и раненые въ полку не остались безъ его пастырскаго участія. Всему этому, однако, меня на-

училъ опытъ, пріобрѣтенный въ десяти бояхъ; въ первомъ же бою я поступилъ именно такъ, какъ не слѣдовало поступить. Я и безумно храбрый докторъ О., съ которымъ мнѣ пришлось не разлучаться во всѣхъ слѣдующихъ бояхъ, засѣли въ боевой цѣпи 9-й роты. Почему мы тамъ засѣли, затрудняюсь теперь объяснить. Кажется, потому, что положеніе этой роты было самымъ опаснымъ, а командиръ ея казался намъ очень симпатичнымъ. Толку отъ нашего сидѣнья не получилось никакого, хотя риску было очень много: много снарядовъ и пуль пролетало надъ нашими головами, а мы изнывали не отъ страха опасности, а отъ сознанія полной бесполезности, такъ какъ мы должны были все время лежать и не смѣли подняться, чтобы не выдать противнику мѣста расположенія части. Еще, слава Богу, что въ этой перестрѣлкѣ не было у насъ серьезно раненыхъ и ни одного убитого, а то остались бы они и безъ моей и безъ докторской помощи. Зато мы оцѣнили несуразность такого участія въ бою и впредь стали устраиваться иначе.

Въ слѣдующихъ бояхъ мы устраивали особый перевязочный пунктъ, который находился вблизи боевой линіи противъ центра боевого расположенія части и служилъ передаточнымъ пунктомъ между полкомъ и главнымъ полковымъ перевязочнымъ пунктомъ, находившимся уже на значительномъ разстояніи отъ части. Раненыхъ, такимъ образомъ, на мѣстѣ перевязывали наскоро ротные фельдшера и сами солдаты; затѣмъ раненые быстро доставлялись на нашъ перевязочный пунктъ, гдѣ исправляли повязки, вновь перевязывалъ докторъ О. (ему помогали фельдшера, а иногда и кто-либо изъ полковыхъ врачей), а я живыхъ утѣшалъ, ободрялъ, напутствовалъ, умершихъ погребалъ; когда же не было опасно больныхъ и умершихъ, помогалъ перевязывать, поилъ чаемъ раненыхъ и пр. Дальше раненые переправлялись на главный перевязочный пунктъ, а оттуда въ дивизіонный лазаретъ. Иногда, особенно во время ночныхъ боевъ, наши оба пункта сходились вмѣстѣ и работали сообща.

Когда бой шелъ по всей линіи полка, я неотлучно находился на пунктѣ, куда стекались всѣ страдальцы и гдѣ я былъ нуженъ имъ. Когда же бой велся частью полка, и когда я могъ быть увѣренъ, что раненыхъ не пронесутъ мимо меня, я старался во что бы то ни стало побывать у сражающихся. Цѣнили это наши солдаты; большую радость и ободреніе всякій разъ доставляло имъ мое появленіе во время боя подъ огнемъ. Сказанное въ это время священникомъ слово особенно близко принимается къ сердцу и, кажется, никогда не забывается. Полезно обойти священнику и передъ

боемъ, пока не началась стрѣльба, роты своего полка, благословить ихъ, Божьей помощи пмъ пожелать.

Кажется, что въ минувшую войну далеко не всегда соблюдался старый боевой обычай, когда передъ каждымъ боемъ служился молебень, а многіе чины исповѣдывались и причащались ⁸⁾).

Надо всѣми силами поддержать этотъ обычай, гдѣ онъ сохранился, а гдѣ исчезъ—возобновить его и хранить. Легче воину идти на кровавый бой съ молитвою, съ памятью о Богѣ и съ Божьимъ благословеніемъ. Всякій добрый призывъ начальника скорѣе найдеть откликъ у того, кто идетъ въ бой съ вѣрой и памятью крестной.

Сказаннымъ, думается мнѣ, совершенно опредѣляется, какъ характеръ работы священника во время боя, такъ и его мѣсто—въ бою. Священникъ обязанъ утѣшать, ободрять, напутствовать раненыхъ, хоронить умершихъ; его мѣсто—на перевязочномъ пунктѣ; кѣгда присутствіе его на перевязочномъ пунктѣ не обязательно, онъ долженъ побывать и въ боевой линіи, чтобы своимъ появленіемъ ободрить и утѣшить и тамъ находящихся. Исключенія изъ этого положенія, конечно, могутъ быть и бывали. Представьте, что часть дрогнула и начала беспорядочно отступать; появленіе священника въ такую минуту можетъ сдѣлать большое дѣло. Или такой фактъ: на одномъ изъ полковыхъ перевязочныхъ пунктовъ въ Ляоянскомъ бою вмѣстѣ съ ранеными скопилось множество здоровыхъ солдатъ. Это были принесшіе раненыхъ съ поля сраженія. Стоило только присмотрѣться, какъ приносили раненыхъ, когда одного раненаго иногда несли шесть человекъ, чтобы убѣдиться, что одни изъ нихъ спасали раненаго, а другіе свою собственную шкуру. Трусы и бездѣльники, искавшіе повода, чтобы удрать съ поля сраженія, пользовались случаемъ, чтобы пристроиться къ выносившимъ раненыхъ въ помощь имъ. Попавъ на перевязочный пунктъ, они старались задержаться на немъ подъ разнымъ предлогомъ. Отъ находившагося на пунктѣ полкового священника не ускользнуло настроеніе этихъ «спасателей» и онъ рѣшилъ водворить бездѣльниковъ на мѣсто. «Вы чего тутъ мотааетесь безъ дѣла»? обратился онъ къ собравшемуся, сидѣвшему безъ дѣла, десятку нижнихъ чиновъ. «Мы раненыхъ принесли»—послѣдовалъ отвѣтъ. «Вы раненыхъ принесли! Сапоги да шинели нѣкоторые изъ васъ несли, а не раненыхъ. Въ окопы надо вамъ идти. Тамъ ваши това-

⁸⁾ Военные священники должны запастись, отправляясь на войну, возможно большимъ количествомъ запасныхъ Св. Даровъ. На войнѣ приготовить заранѣе Св. Дары не всегда возможно, а расходъ на нихъ огромный.

рпщи съ врагами дерутся, а вы тутъ зѣвать да покуривать будете. Зачѣмъ вы сюда изъ Россіи пришли? Стыдно! Живо стройся!» Солдаты покорно поднялись и выстроились. «Шагомъ маршъ!» командоваль батюшка. «Я быстро вернусь, крикнулъ онъ на ходу доктору, только эту погань на мѣсто отведу»... Бѣглецы были приведены въ окопы. «Вотъ гдѣ ваше мѣсто, бездѣльники, а не на перевязочномъ пунктѣ. Молодцами будьте!» сказалъ батюшка и бросилъ свою команду.

А вотъ и еще примѣры. Священникъ 8-го пѣх. сибирскаго Томскаго полка П. Курдюмовъ въ тяжелую минуту для полка, когда послѣдній отступалъ подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, отходилъ въ самыхъ послѣднихъ рядахъ своей части, постоянно останавливаясь, чтобы перевязывать раненыхъ и напутствовать умирающихъ. Такъ онъ и остался на полѣ сраженія, раненый, какъ передавали, въ то время, когда напутствовалъ умирающаго. По свидѣтельству бывшаго начальника 6 сибир. стрѣлк. дивизіи г.-л. Данилова ⁹⁾ и офицеровъ, священникъ 24 Вост.-Сиб. стрѣлк. полка В. Дубницкій въ бою у одного перевала отступалъ послѣднимъ, вынося съ санитаромъ изъ непріятельскаго огня тяжело раненаго солдата. Когда о. Василій догналъ полкъ, считавшій уже его погибшимъ, его ряса и шляпа оказались прострѣленными въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Если бы окруженному непріятелемъ полку пришлось пробиваться сквозь непріятельскіе ряды, кому же идти впереди, какъ не священнику съ крестомъ? Подвигъ священника Щербаковскаго всѣмъ пзвѣстенъ.

Приведенные примѣры говорятъ одно—что священникъ, базирясь на перевязочномъ пунктѣ, во всякое время долженъ быть готовъ пойти туда, гдѣ требуется его помощь и участіе.

Нахожденіе части въ резервѣ, по-моему, одно изъ самыхъ непріятныхъ положеній. Сидѣть безъ дѣла гдѣ-нибудь за горой или въ лоцинѣ подъ открытымъ небомъ и ждать, когда тебя позовутъ къ работѣ—и скучно и досадно. Кромѣ разговоровъ, тутъ другого занятія не бываетъ. Прямого дѣла въ это томительное время бездѣлья у священника какъ будто нѣтъ, но при желаніи онъ легко можетъ и долженъ его найти. Теперь-то ему и заняться подготовкой чиновъ къ бою: подойти къ однимъ, къ другимъ, обойти всѣхъ, напомнить о родинѣ, выславшей ихъ на защиту, о долгѣ, привести примѣры славныхъ подвиговъ, благословить ихъ и пр.

⁹⁾ Нынѣ ген.-адъют. ген.-отъ-инфант. членъ Александр. комит. о раненыхъ.

и пр. Темъ для бесѣды въ это время найдется множество; надо лишь, чтобы нашлась у священника охота побесѣдовать. А то можетъ найтись и другого рода работа. Бываетъ, что та или другая сосѣдняя часть, по какой-либо причинѣ, осталась безъ священника. И теперь безъ священника сражается съ врагомъ. Тогда находящійся въ резервѣ священникъ долженъ послужить этой части, пока его полкъ будетъ оставаться въ резервѣ.

Въ минувшую войну чрезвычайно нуждались въ помощи священниковъ дивизионные лазареты. Дѣятельность этихъ учрежденій въ промежуточное между боями время совсѣмъ замирала; но во время боя она была чрезвычайно кипучей. Во время боя сюда свозились раненые отъ всѣхъ полковъ дивизій; здѣсь больные скоплялись сотнями, здѣсь страдали, мучились, здѣсь же многіе умирали и тутъ же погребались. Присутствіе священника въ дивизионномъ лазаретѣ во время боя до крайности необходимо, и, однако, его при лазаретѣ по штату не положено и не было. Въ одной изъ армій главнымъ священникомъ, въ виду такого положенія дѣла, было предписано дивизионнымъ благочиннымъ принять всѣ мѣры, чтобы дивизионные лазареты не оставались безъ священниковъ во время боя. Для этого рекомендовалось отправлять въ эти лазареты полковыхъ священниковъ, находившихся со своими частями въ резервѣ, или священниковъ неразвернутыхъ госпиталей. Благочинными было приложено много усилій, чтобы выполнить это требованіе, но ихъ усилія встрѣтили много препятствій и со стороны начальниковъ частей, не желавшихъ отпускать отъ себя своихъ священниковъ, которые должны были возвращаться къ своимъ частямъ, какъ только послѣднія вступали въ дѣло, и въ затруднительности самой смѣны. Поэтому и въ послѣдующее время дивизионные лазареты по большей части оставались безъ священниковъ, умиравшіе въ этихъ лазаретахъ чины—безъ напутствія, а умершіе—безъ христіанскаго погребенія. Въ будущей войнѣ это дѣло непременно должно быть упорядочено. Опытъ удостовѣрилъ, что дивизионному лазарету во время боя болѣе, чѣмъ любой другой части, необходимъ священникъ и что обслуживаніе лазарета полковыми священниками невозможно; для него нуженъ особый священникъ. Мы уже говорили, что и въ небоеое время для дивизіи мало имѣть четырехъ полковыхъ священниковъ и что на время войны слѣдовало дать каждой дивизіи для обслуживанія мелкихъ частей, входящихъ въ составъ ея, еще двухъ священниковъ. Одинъ изъ нихъ и находился бы во время боя при дивизионномъ лазаретѣ.

Церковное письмоводство на войнѣ.

Въ мирное время военными священниками ведутся метрическія книги и исповѣдныя вѣдомости, приходо-расходныя книги ведутся ктиторами; на войнѣ—все письмоводство ложится на священниковъ. Какъ же оно велось въ минувшую войну?

Метрическія книги по мобилизаціи были выданы всѣмъ священникамъ полковымъ и госпитальнымъ и нѣкоторымъ изъ служащихъ при учрежденіяхъ Краснаго Креста. Каждый священникъ записывалъ въ свою книгу всѣхъ, кого онъ погребалъ; записывалъ, такимъ образомъ, въ одну книгу чиновъ разныхъ частей, разныхъ корпусовъ, иногда даже разныхъ армій. Въ книгѣ извѣстнаго уже намъ іеромонаха Іосифа, священника отряда полковника Мадритова, помѣщенныя записи касаются чиновъ изъ ста семи полковъ и баталіоновъ, 15 артилерійскихъ бригадъ, 11 интендантскихъ и 9 госпитальныхъ учреждений. Такой порядокъ записыванія неудобенъ въ томъ отношеніи, что при немъ очень затруднительно, а то и совсѣмъ невозможно, отыскать метрическую запись извѣстнаго чина (когда ея не окажется въ метрической книгѣ его части), если родственники или часть не будутъ знать, какимъ именно священникомъ онъ погребенъ. Съ цѣлью хоть отчасти наладить это дѣло, въ одной изъ армій было предписано всѣмъ священникамъ, чтобы они о каждомъ погребенномъ ими чинѣ обязательно извѣщали командира части, къ которой принадлежалъ погребенный. Какъ исполняли священники указанное предписаніе—это имъ извѣстно; но если и каждый изъ нихъ отнесся къ этому дѣлу со всей внимательностью, то, независимо отъ нихъ, многія ихъ сообщенія могли, по условіямъ военнаго времени, затеряться, и командиры остаться въ неизвѣстности о судьбѣ погребенныхъ; а затѣмъ... командиры могли и не извѣстить родственниковъ. Затрудненія въ разыскиваніи записей исчезли бы, если бы по окончаніи кампаніи была сдѣлана классификація записей по частямъ такъ, чтобы чины одной части были занесены въ одну книгу и классифицированныя записи хранились бы въ духовномъ правленіи. Но это дѣло потребовало бы большого труда и расходовъ даже въ томъ случаѣ, если бы каждый священникъ представилъ вмѣстѣ со своей метрической книгой краткій реестръ погребенныхъ по частямъ.

Затѣмъ, и съ точки зрѣнія количественной и даже отчасти качественной, веденіе метрическихъ записей въ арміяхъ не было удачнымъ. Неззмѣнно кончавшіяся отступленіями сраженія минувшей

кампаніи были причиною того, что громадное большинство труповъ убитыхъ нашихъ воиновъ досталось непріятелю. Священниками же погребены сравнительно немногіе, вынесенные изъ огня или же умершіе отъ ранъ на перевязочныхъ пунктахъ.

Въ отношеніи метрическихъ записей полковые священники поступали двоякимъ образомъ: одни священники записывали только лично ими погребенныхъ, другіе—всѣхъ объявленыхъ убитыми въ приказахъ по полку, составлявшихся на основаніи показаній ротныхъ командировъ и нижнихъ чиновъ. Но послѣдній порядокъ оказался неудобнымъ, такъ какъ въ приказахъ сплосъ и рядомъ убитыми ошибочно показывались живые, чаще всего—тяжело раненные и затѣмъ взятые въ плѣнъ или подобранные какимъ-либо санитарнымъ отрядомъ, а иногда и здоровые, попавшіе въ плѣнъ; одни изъ нихъ затѣмъ возвращались въ полки, другіе—на родину. Не трудно представить, сколько бѣдъ могло натворить занесеніе живыхъ въ метрическія книги объ умершихъ! Жены этихъ quasi-мертвецовъ, вытребовавъ метрическія выписи, могли повыходить замужъ, наслѣдники раздѣлить имущество и пр. И это, какъ мнѣ извѣстно, бывало на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, такой порядокъ записыванія противорѣчилъ самому характеру и назначенію метрическихъ книгъ: обычно въ нихъ записываются не всѣ выбывшіе изъ извѣстной части прихода, полка, и т. п., а лишь погребенные священникомъ, ведущимъ книгу (кто совершалъ погребеніе и гдѣ погребены).

Поэтому священникамъ въ одной изъ армій было предписано заносить въ метрическія книги только тѣхъ, которые ими лично погребены или относительно которыхъ съ несомнѣнностью удостовѣрено не только то, что они убиты, но и погребены на позиціи (зарыты въ землю).

Но и лично священникомъ погребенные часто не могли быть записаны въ метрическую книгу за невозможностью опредѣлить, кто они. Священникъ въ послѣднемъ отношеніи оказывался особенно безпомощнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось хоронить принадлежавшихъ къ другимъ частямъ чиновъ, убитыхъ въ бою, или умершихъ отъ ранъ и не успѣвшихъ передъ смертью сообщить о своемъ имени и проч. Правда, Командующимъ маньчжурскою арміею въ самомъ началѣ кампаніи было приказано завести во всѣхъ частяхъ для нижнихъ чиновъ металлическія дощечки, на которыхъ обозначались бы часть и № нижняго чина. Однако, эти дощечки почти нигдѣ не были заведены; по крайней мѣрѣ, видѣть ихъ на убитыхъ и раненыхъ чинахъ не приходилось; да и поддер-

живать ихъ въ частяхъ войскъ, при чрезвычайно частой смѣнѣ чиновъ, едва ли было возможно. Поэтому узнавать умершаго, разъ никто изъ окружающихъ не могъ признать его личность, оставалось по случайнымъ надписямъ на мундирѣ (который, надо замѣтить, равно какъ и надпись на немъ, могли принадлежать другому), на шапкѣ, по случайно найденному въ карманѣ письму и т. п. Насколько подобный способъ узнаванія былъ успѣшенъ, можно судить по слѣдующему случаю: 4-го марта 1905 г. на ст. Чантафу изъ санитарнаго поѣзда было вынесено двадцать умершихъ нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ. Поѣздъ далъ свѣдѣнія только о трехъ нижнихъ чинахъ, успѣвшихъ передъ смертью сказать кое-что о себѣ, да сообщилъ фамилію офицера. Кромѣ того изъ надписи на нагрудномъ образкѣ можно было узнать, что мать офицера живетъ въ гор. Смоленскѣ и фамилія ея Н. О семнадцати нижнихъ чинахъ нельзя было добыть никакихъ свѣдѣній¹⁰⁾. Послѣ этого случая однимъ изъ полевыхъ главныхъ священниковъ была подана черезъ дежурнаго генерала Командующему арміей докладная записка, въ которой доказывалась необходимость снабженія всѣхъ чиновъ значками, напимѣръ, зашитыми въ холстъ и носимыми на груди бумажками, на которыхъ были бы обозначены всѣ свѣдѣнія, необходимыя для опредѣленія личности неизвѣстнаго чина: принадлежность чина къ извѣстной части, его имя, фамилія, даже адресъ родственниковъ. И Командующій арміей и Главнокомандующій согласились съ содержаніемъ докладной записки и въ своихъ приказахъ по арміи (приказанія № 66 отъ 7-го апрѣля 1905 г.) потребовали отъ всѣхъ частей примѣненія мѣры, указанной въ запискѣ.

Всѣ ли части исполняли приказаніе своихъ вождей, и насколько опытъ узнаванія погребаемыхъ чиновъ посредствомъ заведенныхъ записокъ оказался удачнымъ,—это показало бы время боя, но боя послѣ указанныхъ приказовъ не было. Однако, госпитальные священники сообщали, что въ госпиталяхъ часто встрѣчались нижніе чины съ записочками на груди, и эти записочки въ случаѣ смерти очень помогали точному опредѣленію личности умершихъ.

¹⁰⁾ Или другой примѣръ. Въ метрической книгѣ по мобилизаціи, выданной въ походную церковь при отрядѣ подковника Мадритова (№ 989), на листахъ 84 и 85 подъ 26-е февраля 1905 г. имѣется оригинальная запись: выставлены №№ съ 453—500, а въ графѣ «званіе, имя» помѣчено: «во время мукденскаго боя погребеніе совершалъ іеромонахъ Іосифъ, ст. Хушатай доставленный комендантомъ санитарнаго поѣзда для преданія земли». Это все—неопознанные.

Такая же запись подъ №№ съ 80—100. Всего въ книгѣ іеромонаха Іосифа записано болѣе 150 «неизвѣстныхъ чиновъ».

Для полноты и точности метрическихъ записей и еще болѣе для блага родственниковъ воиновъ, погибающихъ на полѣ брани, необходимо въ будущемъ на время войны снабдить каждого чина такимъ знакомъ, который бы давалъ достаточно свѣдѣній для точнаго опредѣленія личности каждаго умершаго.

Съ качественной стороны метрическія записи военного времени также оставляли желать лучшаго.

Прежде всего, многія изъ нихъ не отличались нужною полнотою. Виновны, однако, въ этомъ болѣе самыя воинскія части, къ которымъ принадлежали запасные, чѣмъ учинявшіе записи священники, такъ какъ части очень небрежно и неохотно относились къ требованіямъ священниковъ о высылкѣ необходимыхъ для записи свѣдѣній.

Больше недочетовъ представляли госпитальныя метрическія книги, въ особенности книги, которыя велись іеромонахами. Невѣжество, безграмотность значительной части послѣднихъ служили камнями преткновения, о которые разбивались всякія требованія, предписанія, разъясненія и объясненія полевого главнаго священника и благочинныхъ ¹¹⁾. Нѣкоторымъ изъ іеромонаховъ, не подчиненныхъ благочиннымъ, было приказано не заносить записей въ бѣловую метрическую книгу ранѣе, чѣмъ онѣ будутъ пересмотрѣны и одобрены полевымъ главнымъ священникомъ. Эта мѣра сильно помогала дѣлу. Къ сожалѣнію, ее нельзя было примѣнить въ отношеніи тѣхъ іеромонаховъ, которые съ своими частями находились слишкомъ далеко отъ главной квартиры.

Такимъ образомъ, громадное большинство изъ погибшихъ на полѣ сраженія въ минувшую кампанію осталось незаписаннымъ въ метрическія книги; разысканіе нѣкоторыхъ записей будетъ соединено съ громаднымъ трудомъ, если не съ невозможностью, такъ какъ не будетъ извѣстно, въ какой изъ множества метрическихъ книгъ по мобилизаціи учинена нужная запись. Слѣдовательно, метрическія книги послужатъ только меньшинству, хотя онѣ предназначены для всѣхъ. По нашему мнѣнію, это ясно доказываетъ несостоятельность метрическихъ книгъ по мобилизаціи. Регистрація убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней чиновъ во время войны должна быть поручена самимъ частямъ; части же должны выдавать, кому слѣдуетъ, удостовѣренія о смерти чиновъ и этимъ удостовѣреніямъ должно быть присвоено закономъ во всѣхъ отношеніяхъ значеніе метрическихъ записей.

---

¹¹⁾ Примѣръ—книга № 989 церкви при летучемъ отрядѣ полковника Мадригова.

На всѣхъ же священниковъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, могъ бы быть возложенъ долгъ человѣколюбія,—это обязанность о чинахъ своей части, погибающихъ на полѣ брани или умирающихъ отъ болѣзней, и о погребенныхъ ими чинахъ другихъ частей, извѣщать родственниковъ погибшаго, сообщая, если возможно, послѣднимъ не только о самомъ фактѣ смерти, но и о послѣднихъ минутахъ умершаго, о мѣстѣ его погребенія и т. п.

Что касается исповѣдныхъ вѣдомостей, то здѣсь прежде всего надо сказать, что этотъ документъ лишень всякаго значенія и фактически невыполнимъ въ военное время. Что можетъ представлять извѣстная исповѣдная вѣдомость полковой церкви за 1904 г., что она можетъ засвидѣтельствовать о полкѣ, составъ котораго мѣнялся безпрестанно и въ теченіе этого года могъ измѣниться четыре раза, какъ это было съ нѣкоторыми Вост.-Сиб. стрѣлк. полками? Кому и на что она нужна? Даже для статистики исповѣдная вѣдомость военного времени не могла ничего дать, такъ какъ ни одинъ священникъ не имѣлъ возможности заносить въ нее говѣвшихъ у него чиновъ, принадлежащихъ къ другимъ частямъ, и тѣмъ болѣе не могъ отмѣтить, кто изъ чиновъ частей, не имѣвшихъ своихъ священниковъ, не исполнилъ долга исповѣди. На войнѣ приходы не были и не могли быть разграничены. И, однако, духовное начальство требовало отъ находящагося на войнѣ духовенства представленія исповѣдныхъ вѣдомостей. Конечно, оно въ данномъ случаѣ должно было поступиться буквой закона. На войнѣ у священника много живого и настоящаго дѣла; нельзя обременять его въ такую пору бесплодной и крайне сложной работой. Сложность и тяжесть этой работы и вообразить трудно. Нѣкоторымъ священникамъ приходилось переисповѣдать въ теченіе года до десяти тысячъ. Теперь представьте, чего стоило бы составить исповѣдную вѣдомость на десять тысячъ человѣкъ, при походной обстановкѣ, когда священники должны были непрерывно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, а во время стоянокъ жить въ палаткахъ и землянкахъ, гдѣ походная кровать служила и ложемъ, и столомъ, и стуломъ. Да еще выполнять сизифову работу, сознавая, что она и безцѣльна, и бесплодна. Неудивительно, что требованіе начальства представить исповѣдныя вѣдомости вызвало и недоумѣніе, и негодованіе. Общій голосъ бывшаго на войнѣ духовенства свидѣтельствовалъ, что этому документу не къ чему рождаться на войнѣ.

Иное дѣло—приходо-расходныя книги. Копѣйка казенная любить гласность и нуждается въ учетѣ. На театрѣ же военныхъ дѣйствій церковныя поступления (кошелекъ и свѣчи) бывали очень зна-

чительны. Во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, нареканій и просто для порядка, этимъ поступленіямъ должна вестись строгая отчетность. Нѣтъ нужды заводить приходо-расходныя книги мирнаго времени (онѣ довольно громоздки); можно обойтись простыми тетрадами, непременно прошнурованными и скрѣпленными полевымъ главнымъ священникомъ, но тетради эти должны подлежать тому же контролю, какъ и приходо-расходныя книги.

Въ минувшую кампанію за всѣми церковными службами въ 1-й Манчжурской арміи производился сборъ въ пользу семействъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ воиновъ, дававшій значительныя суммы. Идея этого сбора быстро распространилась по арміи и вездѣ была принята необыкновенно сочувственно. По полкамъ были образованы комиссіи, принявшія на себя трудъ сбора и распредѣленія между обездоленными пожертвованій. Пожертвованія потекли отовсюду: жертвовали нижніе чины и офицеры въ храмѣ; жертвовали офицеры по случаю полученія ими орденовъ и чиновъ; командиры полковъ и начальники дивизій отчисляли на это святое дѣло большія цифры изъ хозяйственныхъ полковыхъ суммъ. Общая цифра полученнаго такимъ порядкомъ сбора въ 1-й Манчжурской арміи значительно превышала 100 т. р. Инициатива этого сбора принадлежала духовенству; духовенствомъ главнымъ образомъ вынесенъ и трудъ сбора. Дай Богъ, чтобы этотъ симпатичный и благодѣтельный починъ не остался безъ подражателей и въ будущемъ.

Личный составъ духовенства арміи.

Продуктивность пастырской работы на войнѣ прежде всего зависитъ отъ личнаго состава духовенства. Если служеніе священника вообще высоко и трудно, то на войнѣ оно еще выше и труднѣе. На войнѣ священникъ всегда среди чиновъ своей части, всегда на виду, въ кругу людей разныхъ взглядовъ и убѣжденій, какъ вѣрующихъ, такъ и не вѣрующихъ, какъ уважающихъ его служеніе, такъ и недоброжелательно настроенныхъ. Чтобы заслужить уваженіе не только первыхъ, но и вторыхъ, священникъ долженъ обладать высокими, какъ нравственными, такъ и умственными качествами. Обстановка боевого времени сурова, жизнь на войнѣ сопряжена съ большими физическими лишеніями и нравственными страданіями, для перенесенія которыхъ у священника должно быть много силъ и бодрости. Престарѣлымъ и болѣзненнымъ—не мѣсто тутъ. Паства на войнѣ болѣе, чѣмъ въ другое время, ждетъ отъ своего пастыря разумной службы, нуждается въ живомъ и вдохно-

венно мощномъ и дѣйственнымъ словѣ, въ примѣрѣ высокому и увлекающему; священникъ, разъ онъ прибылъ на войну, долженъ внести свою цѣнную лепту въ великое дѣло воспитанія добраго духа арміи, подготовленія ея къ побѣдѣ. Сильные словомъ и дѣломъ пастыри нужны на войнѣ. Война, говорятъ, государственнѣйшій экзаменъ для націи. Негоже въ качествѣ представителей церкви посылать на этотъ экзаменъ, на которомъ потребуется тяжелая, отвѣтственная, просвѣщенная работа, слабыхъ и хилыхъ, хромыхъ и слѣпыхъ, младенцевъ по уму, совсѣмъ не подготовленныхъ и неспособныхъ вынести работу, какая отъ нихъ потребуется. Ясно, что подборъ священниковъ для дѣйствующей арміи долженъ быть сдѣланъ очень осторожно, внимательно и разумно. Было ли это сдѣлано для минувшей войны? Чтобы быть болѣе точнымъ, я буду говорить о духовенствѣ 1-й арміи. Духовенство 1-й арміи, и по образовательному цензу и по своей дѣятельности и по отношенію къ нему чиновъ арміи, рѣзко дѣлилось на двѣ категоріи: къ первой — принадлежало главнымъ образомъ военное духовенство, ко второй — присланное на войну изъ разныхъ епархій. Военное духовенство служило въ полкахъ, епархіальное преимущественно въ госпиталяхъ. Военное духовенство состояло изъ окончившихъ курсъ семинарій, преимущественно — студентовъ ¹²⁾, за немногими исключеніями было молодо и сильно, знало духъ арміи и способы пастырскаго вліянія на нее, было дѣятельно и самоотверженно, работа его была по большей части серьезна и просвѣщенна; нѣкоторые же изъ военныхъ пастырей пользовались въ своихъ частяхъ огромною любовью и уваженіемъ.

Госпитальнаго духовенства было 36 человекъ; изъ нихъ 17 бѣлыхъ священниковъ и 19 іеромонаховъ. Въ числѣ 17 бѣлыхъ священниковъ было пять студентовъ семинаріи, 5 окончившихъ курсъ семинаріи по второму разряду, 4 выбывшихъ изъ первыхъ классовъ семинаріи, 1 окончившій учительскую семинарію, 1 уволенный изъ духовнаго училища, 1 съ домашнимъ образованіемъ, полученнымъ въ крестьянской семьѣ. Образовательный цензъ госпитальныхъ 19 іеромонаховъ былъ таковъ: 1 изъ учительской семинаріи, 2 уволенныхъ изъ низшихъ классовъ духовныхъ училищъ и 16 съ домашнимъ образованіемъ, которое у нѣкоторыхъ было таково, что они едва подписывали свое святое имя, съ препятствіями разбирали славянскую печать. Само собою понятно, что недостатокъ образованія давалъ себя чувствовать въ ихъ дѣятельности. Въ

¹²⁾ Съ высшимъ, академическимъ образованіемъ въ рядахъ этого духовенства было два священника.

то время, какъ образованные полковые священники были не только требоисправителями, но и учителями ¹³⁾, часто сильно вліявшими на жизнь своей паствы,—малограмотные госпитальные были лишь «ногребателями», «панихидствователями», «молебствователями». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дѣятельность ихъ выходила изъ рамокъ требоисправленія, она чаще всего приобрѣтала нежелательный и для нихъ и для дѣла характеръ. Ихъ проповѣди, на примѣръ, вызывали со стороны врачей, среди которыхъ бывало не мало евреевъ, поляковъ и православныхъ-невѣрующихъ, злую критику; а діалектическія попытки нѣкоторыхъ изъ особенно ревностныхъ къ вѣрѣ обратить сомнѣвающихся и невѣрующихъ врачей на истинный путь кончались посрамленьемъ самихъ обратителей. Только очень немногіе изъ недоучекъ священниковъ и малограмотныхъ іеромонаховъ своимъ смиреніемъ, любовью и христіанскимъ отношеніемъ къ больнымъ сумѣли заслужить нѣкоторое уваженіе и доброе отношеніе къ себѣ чиновъ госпиталя.

При посѣщеніяхъ госпиталей чувствовалась громадная разница въ отношеніяхъ врачебнаго персонала къ священнику, смотря по тому, былъ ли это образованный священникъ или выученный по псалтири іеромонахъ: въ первомъ случаѣ приходилось видѣть, что священнику сослуживцами оказывается и любовь и почтеніе, во второмъ—неизмѣнно наблюдать: при лучшей обстановкѣ—покровительственно снисходительное отношеніе госпитальныхъ чиновъ къ священнику, при худшей—небрежное, а то и насмѣшливо враждебное.

Только что изложенное, кажется, съ ясностью доказываетъ, что епархіальные начальства безъ достаточнаго вниманія отнеслись къ выбору священниковъ на войну. Между тѣмъ добрый выборъ долженъ былъ быть сдѣланъ и могъ быть сдѣланъ. Развѣ Русь до того оскудѣла добрыми пастырями, что она въ трудную годину для сражающагося воинства не можетъ дать сотню—другую добрыхъ одушевленныхъ пастырей? Развѣ мало было желающихъ раздѣлить невзгоды и труды дѣйствующей арміи? Конечно, было много; только выбирали не тѣхъ, кто былъ достоинъ, кто горѣлъ желаніемъ послужить арміи, а случайныхъ ¹⁴⁾.

¹³⁾ Изъ епархіальныхъ начальствъ, приславшихъ въ 1-ю армію священнослужителей, рѣзко выдѣлилось Екатеринбургское: оно дало четырехъ священниковъ, которые съ большою пользою и честью потрудились на войнѣ.

¹⁴⁾ Нѣкоторые же изъ начальствъ, повидимому, воспользовались случаемъ мобилизаціи, чтобы сплавить негодныхъ.

Между тѣмъ государство какъ бы все предприняло для того, чтобы выборъ епархіальныхъ священниковъ для войны былъ добрымъ. Содержаніе госпитальнымъ и вообще прибывшимъ по мобилизациі священникамъ было назначено болѣе чѣмъ приличное: 90 р. жалованья, 90 р. порціонныхъ, фуражныхъ на двѣ лошади—отъ 50 до 70 р., дровяныя, на варку пищи и пр.; всего отъ 250 до 300 р. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, по указу Святѣйшаго Синода отъ 16-го августа 1904 г., за бѣлыми священниками были оставлены приходы съ содержаніемъ по нимъ и квартирами. Мобилизационные священники, такимъ образомъ, были много лучше обеспечены, чѣмъ военные. При такомъ обеспеченіи можно было набрать отмѣнно добрыхъ.

И полковые, и госпитальные священники возвратились на родину щедро украшенными знаками отличія. Больше получили, конечно, потрудившіеся съ начала и до конца кампаніи; но и прибывшіе во единонадесятый часъ не остались безъ награды. Отличены сравнительно одинаково всѣ: почти всѣ, на примѣръ, трудившіеся съ начала кампаніи, получили ордена Анны 3-й ст. и 2-й ст., Владиміра 4-й ст. и наперсные кресты.

По странному совпаденію, лучшіе изъ священниковъ и благочинные до послѣдняго времени оставались въ отношеніи наградъ опереженными другими. И здѣсь «сыны вѣка сего оказались мудрѣ сыновъ царствія»...

Въ значительной степени подобная случайность зависѣла отъ того, что награжденіе священниковъ производилось помимо заключенія полевого главнаго священника ¹⁵⁾. Такимъ образомъ, въ награжденіи священниковъ не было сравнительной оцѣнки, и получалъ больше наградъ тотъ священникъ, ближайшее начальство котораго, полковой командиръ, былъ щедрѣе на награды. Слѣдствіемъ устраненія полевого главнаго священника отъ участія въ награжденіи подчиненнаго ему духовенства еще было и то, что иногда награждались такіе священники, которые по закону не имѣли права на награжденіе. Какъ на выдающійся случай въ этомъ родѣ можно указать на награжденіе одного изъ госпитальныхъ священниковъ, не бывшаго въ бою, крестомъ на Георгіевской лентѣ и орденомъ св. Анны 3-й ст. послѣ того, какъ епархіальный преосвященный отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ на возбужденную черезъ полевого главнаго священника просьбу главнаго врача госпиталя объ

¹⁵⁾ Во всѣхъ другихъ управленіяхъ и вѣдомствахъ наградные списки подчиненныхъ проходили черезъ руки ихъ начальства; вѣдомство военнаго духовенства составляло исключеніе.

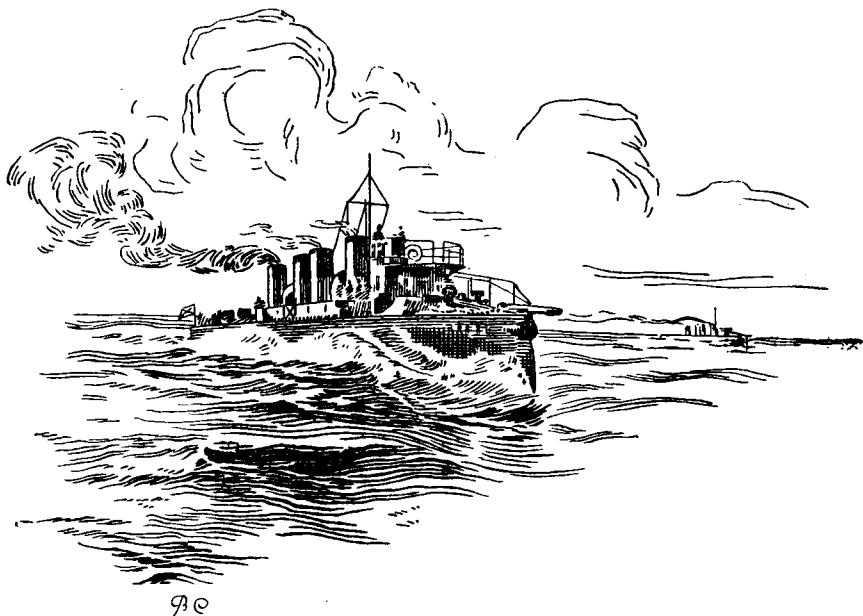
исключеніи изъ послужнаго списка означеннаго священника значившейся тамъ подсудности и не считаніи этой подсудности препятствіемъ къ награждѣ.

Въ общемъ свидѣтельствую о вниманіи къ духовенству военнаго начальства, награды, въ частности, въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ, такимъ образомъ, могли лишь говорить о продолжительности или кратковременности работы извѣстнаго лица на бранномъ полѣ и далеко не всегда служили мѣриломъ качества и плодотворности этой работы.

Я въ общихъ чертахъ охарактеризовалъ дѣятельность нашего духовенства въ минувшую войну, отмѣтивъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя ея стороны. Надѣюсь, что другіе участники войны продолжать мою работу, восполнять мой «піонерскій» трудъ. Я же счастливъ буду, если начатое мною освѣщеніе огромной важности вопроса поможетъ пастырямъ—участникамъ будущей войны—выйти на поле брани съ большимъ опытомъ, съ лучшими силами, и для славы родины, и воинства поработать съ большимъ успѣхомъ.

Г. Шабельскій.

90

ИНИЦИАТИВА.

Изъ всѣхъ вопросовъ нашей военной жизни вопросъ объ инициативѣ оказывается самымъ насущнымъ, но въ то же время—увы, и самымъ злополучнымъ, ненормальнымъ, больнымъ.

Извѣстнымъ приказомъ объ инициативѣ у насъ въ сущности злоупотребляютъ и, вмѣсто воспитанія войскъ въ духѣ инициативы, послѣднюю бессознательно преслѣдуютъ, нападая на всякое самостоятельное рѣшеніе (хотя бы и въ предѣлахъ своей власти). Еще больше—въ мелочахъ повседневной жизни.

Вообще подъ *инициативой* понимается у насъ *поправка ошибокъ своего начальства*, а иногда—превышеніе своей власти.

Такое пониманіе доказываетъ большинство статей объ инициативѣ, въ которыхъ высказывалось мнѣніе, что инициатива неизбѣжно связана съ превышеніемъ власти; съ дѣланіемъ того, что надлежитъ быть сдѣлано старшимъ начальствомъ.

До сихъ поръ намъ чуждо простѣйшее и правильное пониманіе инициативы (частнаго почина), *какъ свободы начинаній, почина въ предѣлахъ (въ рамкахъ) предоставленной закономъ власти и дѣятельности*. А между тѣмъ за границей только такъ и понимается инициатива.

И выясненіе идеи приказа объ инициативѣ вносить въ нашу военную жизнь такія уродливыя явленія, которымъ съ трудомъ вѣрять даже очевидецъ.

Инициатива пока сильно не подѣлала всему нашему укладу жизни, такъ какъ заставляетъ старшихъ считаться съ обоснованными мнѣніями, рѣшеніями и поступками младшихъ, а этого мы не переносимъ, признавая единственно правильными только свои рѣшенія, свой опытъ, свои способы и приемы командованія. Мы обязательно требуемъ, чтобы наши подчиненные неуклонно примѣняли только наши собственныя сноровки, способы, приемы, шли къ достиженію требованій службы только тѣмъ путемъ, которымъ мы сами лично дошли, не признавая и не понимая иныхъ путей, иныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе новыхъ тропь. Мы забываемъ выводъ психологіи, *что лучше всего понимается то, что дѣлается самимъ; выучивается и усваивается лучше всего и тверже всего то, до чего дошелъ самъ тѣмъ или другимъ путемъ*. Мы же требуемъ, чтобы всѣ служебныя требованія, до мельчайшихъ деталей, исполнялись приемами, способами, путями только тѣми, которыми пользовались и прошли сами.

Иными словами мы, какъ начальники, требуемъ единства не только въ *результатъ* или въ *ответъ на задачи* службы, а и въ способѣ ихъ рѣшенія и именно въ томъ способѣ, которымъ мы въ свое время рѣшали эту задачу.

Пусть каждый изъ полковыхъ и высшихъ командировъ проверитъ этотъ выводъ на себѣ, понаблюдаетъ за собой: онъ сейчасъ же поймаетъ себя на томъ, что, независимо отъ результатовъ обученія ротными командирами своихъ ротъ, онъ не захочетъ признать самыхъ лучшихъ результатовъ, если только не соблюдены способы и сноровки опыта «моего», какъ полкового командира.

Въ этомъ именно и заключается зло и нагубныя послѣдствія пресловутыхъ *«моихъ требованій»*, что эти «мои» требованія касаются только способовъ, приемовъ, сноровокъ къ рѣшенію слу-

жебныхъ задачъ, а не самаго результата рѣшенія данной задачи, который не требуетъ особыхъ «моихъ требованій», такъ какъ всегда предусмотрѣнъ законами божескими и человѣческими, т. е. совѣстью, чувствомъ долга и законами общими—заповѣдями Бога и заповѣдями Царя.

Ясно, что «мои требованія», если они являются требованіями закона извѣстныхъ *результатовъ* рѣшенія служебныхъ задачъ, — не могутъ быть названы «моими»; если же они касаются способовъ выполненія задачъ службы,—убиваютъ всякую инициативу, запрещающа индивидуальный способъ и манеру рѣшенія служебныхъ задачъ.

Поэтому намъ необходимо быть очень осторожными съ предъявленіемъ «моихъ» требованій, одно наличіе которыхъ является смертельнымъ врагомъ инициативы, такъ какъ считаетъ послѣднюю за оскорбленіе «моимъ» требованіемъ.

Нерѣдки приказы, въ которыхъ одновременно требуется отвлеченно проявленіе инициативы всѣми чинами и въ то же время на лицо громовые раскаты по поводу, напр., того, что у меня ротный командиръ на основаніи своего личнаго опыта, на основаніи того вывода военной психологіи, что *опытъ всегда долженъ предшествовать теоріи* ¹⁾, позволилъ себѣ для этого выдать новобранцамъ винтовки и дать пострѣлять хотя холостыми патронами, раньше нѣсколько мѣсячной теоретической подготовки къ этому.

Вѣдь намъ всѣмъ показалось бы невѣроятно дико, если бы ротный командиръ началъ обученіе новобранцевъ съ ротныхъ учений, взводныхъ, шереножныхъ, а не съ одиночной выправки; поставилъ бы прямо дневальными новобранцевъ, да и въ караулъ домашній, не окончивъ долговременнаго теоретическаго выучиванія на память обязанностей, а только передъ самой смѣной показавъ—что нужно, для чего нужно и каковы послѣдствія, если не дѣлать этого и не исполнять.

А между тѣмъ именно ротный командиръ отвѣтственъ передъ закономъ, т. е. заповѣдью Царя, за результаты обученія и даже воспитанія своихъ новобранцевъ, а потому казалось бы ему надо предоставить свободу (иначе—самостоятельность, необходимо связанную съ инициативой) въ выборѣ метода обученія и воспитанія, т. е. въ выборѣ способа рѣшенія этой своей задачи; предоставить

¹⁾ Экспериментальный методъ воспитанія и обученія.

иниціативу въ постепенности обученія своихъ новобранцевъ; ему вѣдь виднѣе — съ чего лучше начать.

Закономъ обученіе новобранцевъ возложено на командировъ ротъ, эскадроновъ, батарей, на высшихъ же начальниковъ возложена повѣрка *результатовъ* обученія, а мы повѣряемъ *способы*, постепенность, время по часамъ обученія и «требуемъ», чтобы наши ротные командиры занимались по строго опредѣленной не ими, а нами программѣ, въ строго опредѣленные недѣли, дни и часы, въ строго опредѣленной послѣдовательности и даже строго опредѣленными приѣмами, приборами.

И не бѣда, если рѣшеніе этой задачи не выйдетъ, окажется неправильнымъ. Мы заступимся, такъ какъ все шло по «нашей» программѣ, «нашему» методу, употреблено требуемое число часовъ.

Ротный командиръ первый отвѣчаетъ за обученіе и воспитаніе новобранцевъ, а программы, методы, способы обученія составляютъ для него всѣми высшими начальниками (иногда до командующаго войсками включительно). Не до инициативы тутъ, когда этого ротнаго командира связываютъ даже минутами обученія и воспитанія, а также постепенностью, такъ что не дай Богъ ему увлечься самому и увлечь своихъ питомцевъ въ данномъ дѣлѣ обученія и проявить свою инициативу въ распредѣленіи времени обученія. «Неисполненіе моихъ требованій! Неисполненіе приказаній! Недисциплинированность! Нарушеніе порядка!» и аттестация — «неудовлетворительный» — заставятъ возненавидѣть всякую инициативу.

Приказъ объ инициативѣ, хотя уже дѣйствуетъ нѣсколько лѣтъ и хотя всѣ сознаютъ чрезвычайную важность и даже необходимость проведенія его въ жизнь, до сихъ поръ является абсолютно отвлеченнымъ разсужденіемъ, такъ какъ не можетъ пробить толщу прямо ему противоположныхъ обычаевъ и порядковъ нашей жизни. Въ своихъ приказахъ по полкамъ мы повторяемъ о необходимости проявленія всѣми чинами инициативы, но понимаемъ подъ этимъ не качество характера подчиненныхъ въ смыслѣ способности самостоятельно рѣшать возникающіе вопросы въ предѣлахъ предоставленной закономъ власти, а въ смыслѣ (какъ я уже упомянулъ) умѣнія дополнить забытыя распоряженія старшаго начальника: «объ этомъ», говорятъ на маневрахъ, «вы забыли упомянуть,

распорядиться, напомнить такому-то и онъ самъ, по собственной инициативѣ сдѣлалъ это (напримѣръ—взялъ походную кухню, хотя взять походную кухню не есть инициатива, починъ, а обязательное распоряженіе)».

Чтобы воспитать инициативу, намъ прежде всего надо отказаться отъ полного обезличиванія младшихъ начальниковъ, отъ довѣрія къ ихъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ, а, главнымъ образомъ, отказать *отъ системы перенесенія установленной закономъ ответственности по командованію съ младшихъ начальниковъ на старшихъ*, такъ какъ очевидно, что старшій начальникъ, если будетъ привлекаться къ ответственности за дѣятельность и компетенцію младшаго,—никогда не рискнетъ предоставить послѣдному инициативы, а предпочтетъ отвѣчать за себя, т. е. будетъ самъ командовать и во всѣхъ деталяхъ ротами, эскадронами, батареями.

Нѣкоторые выражаютъ мнѣніе, что инициатива должна имѣть мѣсто только въ военное время при рѣшеніи боевыхъ задачъ. Но они упускаютъ изъ виду выводъ военной психологіи, что качества характера, какъ инициатива и др. укореняются въ человѣкѣ только тогда, когда они обращаются въ привычку, въ рефлексъ, въ заученное дѣйствіе. Поэтому если не привыкать, не заучивать этого качества характера въ мирное время, то въ военное время даже наследственное качество характера, какъ инициатива (не только пріобрѣтенное воспитаніемъ), можетъ не проявиться изъ-за потери привычки.

Психологія учитъ, что отвлеченныя разсужденія, книги, разсуждающая мораль—абсолютно не надежны въ созданіи качествъ характера, а потому психологія и ставитъ идеаломъ воспитанія пріобрѣтеніе привычки дѣйствовать въ духѣ инициативы, выдержанности, самообладанія, быстрой рѣшимости, лихости, отваги и т. д.; притомъ чтобы эта привычка стала бессознательной (рефлексъ), въ родѣ того, какъ у шахматныхъ маэстро привычка отвѣчать на извѣстные ходы, разыгрывать опредѣленные дебюты, становится бессознательной.

Значитъ въ мирное время необходимо непрерывно пріучать есь командный составъ къ проявленію инициативы до степени бессознательной привычки.

А мы... тяжело, больно констатировать этотъ фактъ, но въ отношеніи инициативы не пошли дальше отвлеченныхъ разсужденій,

отвлеченныхъ проповѣдей о необходимости проявленія инициативы всѣми чинами въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Напротивъ, на практикѣ мы все больше и больше укореняемся въ привычкѣ, сдѣлавшейся бессознательной (рефлексомъ), считать преступнымъ все то, что не подошло въ данный моментъ подъ «мое» настроеніе, вкусъ, и въ привычкѣ обезличивать всѣхъ начальниковъ писшихъ степеней.

Вѣроятно, не одному мнѣ пришлось видѣть, какъ, готовясь къ прїѣзду командующаго войсками, повѣрялъ пригонку одежды и рапорты ординарцерь корпусный командиръ.

Эта ненормальность... впрочемъ, въ виду нашей привычки считать это за ненормальность, я долженъ предварительно объяснить, почему считаю это ненормальностью. Потому просто, что командиръ корпуса отвѣчаетъ только за цѣлый корпусъ, т. е. за свои дивизіи съ ихъ начальниками, а не за отдѣльныхъ людей, за которыхъ (въ особенности за порядокъ ношенія одежды) долженъ отвѣчать самое большее — ротный командиръ (а по уставу, т. е. закону, — унтеръ-офицеръ).

Эта ненормальность имѣетъ свое полное оправданіе въ укоренившейся у насъ системѣ: если ординарецъ окажется съ неправильно пригнанной одеждой, или неправильно отпрапортуетъ, или лошадь его нехорошо чищена, то командиръ корпуса получить замѣчаніе, начальникъ дивизіи, бригады, полка — выговоры и строгіе выговоры, командиры баталіона и роты — арестуются. Только самъ виновный и унтеръ-офицеръ, по уставу обязанный его осмотрѣть, окажутся невинными, какъ будто не правоспособные и не дѣеспособные. Понятно, что въ предвидѣніа этихъ смотровъ командиръ корпуса, вмѣсто командованія и подготовки дивизій и ихъ начальниковъ, долженъ командовать ротами и подготовить лично людей, повѣрить порядокъ въ помѣщеніяхъ, варку пищи. А въ приказахъ отвлеченныя разсужденія, что начальники выше командира полка не должны стремиться командовать ротами!

Гдѣ тутъ воспитывать инициативу!

Разборъ маневровъ: всѣ посредники и руководители говорятъ, какъ объ ошибкахъ, о всѣхъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ, которыя не подходятъ къ ихъ взглядамъ и мнѣніямъ, хотя бы эти дѣйствія и рѣшенія имѣли свои глубокія основанія.

Мнѣ пришлось быть на разборѣ одного ночного маневра. Разборъ этотъ поразилъ меня своей отличительной характерной у насъ

нетерпимостью къ чужимъ, хотя и обоснованнымъ, рѣшеніямъ, но несогласнымъ съ «моимъ» предвзятымъ рѣшеніемъ.

Воспитаніе въ духѣ инициативы, т. е. предоставленіе возможности частнымъ начальникамъ дѣйствовать самостоятельно въ предѣлахъ предоставленной имъ закономъ власти, требуетъ къ себѣ очень внимательнаго отношенія со стороны всѣхъ насъ, въ особенности старшаго поколѣнія команднаго состава, привыкшаго къ прежнему укладу нашей военной жизни, гдѣ всякая инициатива считалась или недисциплинированностью, или непрошеннымъ вмѣшательствомъ въ дѣла старшихъ.

Думаю, что и безъ моей оговорки читатель увидитъ, что я пишу не ради безсмысленнаго обличенія, а только, чтобы найти правильный путь по воспитанію инициативы, путь, съ котораго мы сошли послѣ Суворова, послѣ Отечественной войны. Я на себѣ самомъ и окружающихъ вижу, какъ трудно пробиться черезъ лѣсъ и колючія препятствія на правильный путь воспитанія въ инициативѣ. Когда я вышелъ въ офицеры и пылалъ страстью приняться за дѣло, сталъ усиленно посѣщать казармы, проявлять свои способы, методы обученія... меня привлекли къ отвѣтственности за неиспрошеніе разрѣшенія каждый разъ, а относительно пищи людямъ, корма лошадямъ попросту попросили не вмѣшиваться не въ свое дѣло, такъ какъ за это отвѣтственны старшіе.

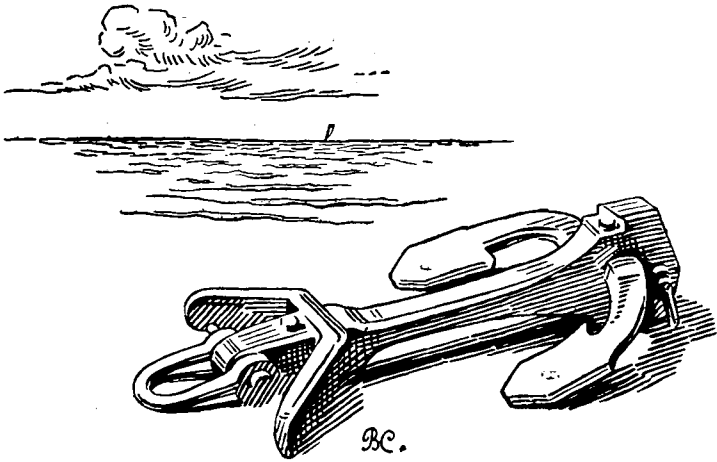
И теперь я въ себѣ самомъ, да и въ окружающихъ замѣчаю боязнь предоставить младшимъ начальникамъ сферу ихъ дѣятельности, привыкши, какъ къ нормальному явленію, что даже корпусный командиръ долженъ дрожать за отдѣльнаго возможнаго преступника среди нижнихъ чиновъ его корпуса, долженъ беспокоиться, что вдругъ окажется невычищенной амуниція у лошадей въ частяхъ его корпуса.

И вотъ мы всѣ сознаемъ, что наносимъ страшный вредъ воспитанію арміи, но когда разносятъ за неряшливо одѣтаго, вообще спрашиваютъ не съ того лица, которое отвѣтственно по закону за это, а съ высшаго, да еще безъ разслѣдованія, безъ оправданій, сразу закатываютъ въ приказы и аттестацію, то невольно самъ начинаешь осмѣтръ людей и лошадей (т. е. исполняешь функціи унтеръ-офицера). Невольно оправдываешь и тѣхъ начальниковъ, которые, скрѣпя сердце, предписываютъ «самимъ генераламъ» осматривать каждаго отдѣльно командимуемаго нижняго чина и лошадей. Невольно соглашаешься, что хотя не только инициатива, но

права и обязанности отнимаются у младшихъ, но въ виду системы отвѣтственности не по закону, а съ высшихъ,—послѣдніе вынуждаются командовать лично, вмѣсто дивизій, взводами и т. д.

Посмотрите, господа, кругомъ и вдумайтесь въ положеніе; оно очень серьезно. Бросимъ старыя привычки или не видать намъ инициативы.

А. Дмитребскій.

Шесть задач стрѣльбы для пѣхотныхъ частей и пулеметныхъ командъ, продѣланныхъ въ окрестностяхъ сел. Нёйеин 12-го сент. 1911 г. ¹⁾.

(Сообщение Австрийской императорско-королевской армейской стрѣлковой школы).

(Окончаніе).

Задача № 2.

Стрѣляющія части: 1 взводъ, 1 пѣшее пулеметное отдѣленіе.
Сильный вѣтеръ слѣва.

Цѣль упражненія: дальній огонь по батарее.

Заданіе и исходное положеніе (см. схему № 1-й).

Непріятель отступаетъ въ направленіи на западъ. Непріятельская батарея, расположенная на высотѣ Rother Sandberg, стрѣляетъ по нашимъ войскамъ, преслѣдующимъ противника въ направленіи черезъ Wartberg. Наша рота съ пулеметнымъ отдѣленіемъ наступаетъ къ сѣверу отъ селенія Нёйеин.

Изображеніе цѣлей (см. схему № 2-й).

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 11, 1912 г.

Схема № 1

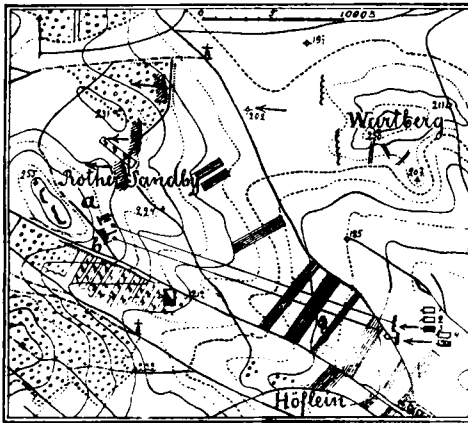
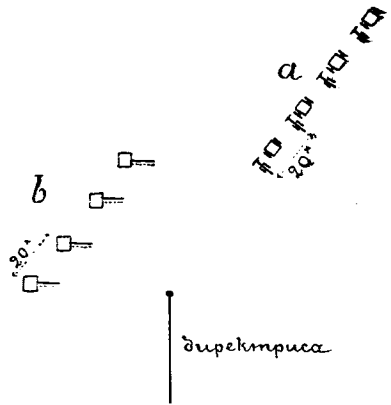

Схема № 2

Группа а): 4 орудія въ боевомъ порядкѣ на интервалахъ въ 20 шаг. При каждомъ орудіи 5 фигуръ, поставленныхъ на колѣни, непосредственно возлѣ орудій; влѣво—по одному задку зарядныхъ ящичковъ и при каждомъ двѣ колѣнопреклоненныхъ фигуры.

За каждымъ взводомъ по одной фигурѣ на колѣняхъ, изображающей взводныхъ командировъ.

Итого: 4 орудія, 4 задка зарядныхъ ящичковъ, 30 фигуръ, стоящихъ на колѣняхъ.

Группа б): 4 передка на интервалахъ въ 20 шаг.

При каждомъ передкѣ запряжка изъ трехъ лошадей вмѣстѣ съ ѣздовыми:

Итого: 4 передка и 12 лошадей съ ѣздовыми.

Эта группа мишеней стояла уступомъ приблизительно въ 50 шагахъ справа за батареей.

Группа с): 20 всадниковъ, изображающихъ конное прикрытие артилеріи.

Эта группа мишеней была поставлена эшелonomъ приблизительно въ 800 шаг. впереди и справа отъ батареи.

Разстоянія отъ стрѣляющей части до мишеней: цѣль а—2.300 шаг., цѣль б—2.250 шаг., цѣль с—приблизительно 1.400 шаг.

Условія мѣстности (см. схему № 3-й).

На схемѣ № 3-й изображено въ профили положеніе стрѣляющей части по отношенію къ артилерійской позиціи противника.

Какъ видно изъ схемъ №№ 1-й и 3-й, батарея, если смотрѣть на нее отъ стрѣляющей части, расположена за выемкой, образованной

Схема № 3.

Rother Sandbg.

двумя хребтами, тянущимися въ направленіи къ селенію Höflein.

Кромѣ того, изъ профили видно, что очень скоро послѣ того, какъ стрѣляющая часть начнетъ наступленіе, непріятельская батарея будетъ скрыта отъ нея мѣстностью и откроется для нея снова лишь по достиженіи гребня хребта, т. е. приблизительно шаговъ черезъ 1.000—1.200.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что подобное очертаніе мѣстности, вслѣдствіе оонообразной окраски почвы, могло быть сразу оцѣнено только опытнымъ глазомъ.

Исполненіе задачи. Такъ какъ въ наличности имѣлся лишь одинъ взводъ и пулеметное отдѣленіе, то прочіе 3 взвода было положено подразумѣвать съ тѣмъ, чтобы ротнымъ командиромъ были отданы приказанія для цѣлой роты и пулеметнаго отдѣленія. На самомъ же дѣлѣ отданныя приказанія были исполнены только однимъ взводомъ при пулеметномъ отдѣленіи.

Ротный командиръ рѣшилъ съ мѣста обстрѣлять непріятельскую батарею и для этого прежде всего скомандовалъ: «ложись!»; затѣмъ подозвалъ къ себѣ взводныхъ командировъ и начальника пулеметной команды и приказалъ имъ слѣдующее: «огневая атака непріятельской батареи: 1-й, 2-й, 3-й взводы по орудіямъ, 2.200; пулеметное отдѣленіе по передкамъ влѣво, частый огонь. 4-й взводъ въ резервъ».

Командиръ 3-го взвода приказалъ: «Взводъ въ цѣпь, вдоль дороги, по артилеріи, 2.000, цѣлить въ лѣвое орудіе, частый огонь, начинай!».

Послѣ 2¹/₂-минутной стрѣлбы огонь былъ прекращенъ. Паденія пуль замѣчено не было.

Начальникъ пулеметной команды, приказавъ व्यюкамъ сняться на высотѣ 3-го взвода, влѣво отъ него, отдалъ слѣдующее приказаніе: «По передкамъ, влѣво отъ артилеріи, 21, рѣдкій огонь!».

Открытіе огня пулеметами послѣдовало черезъ 30 секундъ послѣ открытія огня пѣхотою.

Разборъ. Рѣшеніе ротнаго командира съ мѣста обстрѣлять батарею непріятели вполнѣ отвѣчало условіямъ обстановки и мѣстности.

Легко было допустить, что рота еще не была замѣчена на батарее, и поэтому дѣйствія ея могли получить характеръ внезапности. Подобнаго взгляда держался и командиръ роты; это видно изъ отданныхъ имъ приказаній, такъ какъ во время приготовленія онъ прежде всего старался скрыть своихъ людей, для чего и скомандовалъ: «ложись!».

Но выраженіе «огневая атака» надо признать невѣрнымъ; правильнѣе было бы: «огневое нападеніе».

Это неправильное обозначеніе дѣйствій, подлежащихъ исполненію, отчасти послужило причиною тому, что огонь не былъ открытъ одновременно.

Что касается выбора цѣлей и болѣе подробнаго распредѣленія ихъ между пѣхотою и пулеметами, то здѣсь приходится отмѣтить слѣдующее.

Вполнѣ цѣлесообразно было не обстрѣливать кавалерію, которая, не будучи спѣшенной и, очевидно, служа лишь для прикрытія своей артилеріи, не могла пока наносить вреда; обстрѣливаніе ея повело бы лишь къ разброскѣ огня, а слѣдовательно и къ ослабленію его дѣйствія; въ данномъ же случаѣ прежде всего необходимо было нанести возможно сильное пораженіе батарее всѣми бывшими подъ руками средствами.

Изъ прочихъ двухъ цѣлей—орудій и передковъ—стрѣляющая батарея во всякомъ случаѣ является тактически наиболѣе важною, а потому самое правильное въ интересахъ достиженія возможно большей дѣйствительности пораженія было бы сосредоточить весь огонь на непріяельскихъ орудіяхъ, т. е. направить на нихъ одновременно огонь пѣхоты и пулеметовъ.

Конечно, отдѣльное обстрѣливаніе передковъ тоже имѣетъ свои выгоды; если удастся, на примѣръ, перебить лошадей, то взятіе въ передки для батареи отступающаго противника становится дѣломъ сомнительнымъ; но, съ другой стороны, снятіе батареи съ позиціи будетъ и тогда невозможно, когда орудія окажутся подъ дѣйствительнымъ огнемъ, т. е. подвѣдь къ орудіямъ запряжекъ и взятіе въ передки подъ огнемъ врядъ ли увѣнчается успѣхомъ.

Однако и то рѣшеніе, которое избралъ командиръ роты, т. е. одновременное обстрѣливаніе орудій и передковъ, можетъ считаться достаточно обоснованнымъ; въ пользу этого рѣшенія прежде

всего говорить тѣ средства для пораженія, которыя имѣлись у наступающаго; ротный командиръ имѣлъ полное основаніе разсчитывать на то, что около 200 винтовокъ роты являются достаточными для успѣшной борьбы съ непріятельскими орудіями тѣмъ болѣе, что глубокая и широкая площадь разсѣиванія ружейнаго огня въ данномъ случаѣ позволяла разсчитывать на лучшее пораженіе. На долю же двухъ пулеметовъ наиболѣе важными цѣлями оставались передки; по отношенію къ этимъ передкамъ, благодаря ихъ ширинѣ и сосредоточенному расположенію, короткая, но въ то же время кучная площадь разсѣиванія пулеметнаго огня оказывалась какъ нельзя болѣе подходящей.

При подобномъ раздѣленіи огня для каждаго рода оружія въ отдѣльности (пѣхота и пулеметы), веденіе его съ технической стороны становилось легче. Но если ужъ ротный командиръ остановился на этомъ, быть можетъ, и не идеальномъ, но вполне допустимомъ рѣшеніи, состоявшемъ въ одновременномъ обстрѣливаніи обѣихъ цѣлей, то, во всякомъ случаѣ, ему не слѣдовало оставлять въ резервѣ одинъ взводъ, что составляло $\frac{1}{4}$ часть всей его огневой силы.

Насколько можно судить по обстановкѣ и мѣстности возможность внезапнаго нападенія на роту была почти исключена. Надо полагать, что селеніе Нёйенъ было бы осмотрѣно. Поэтому цѣлесообразнѣе было бы назначить всю роту для обстрѣливанія орудій, чтобы, такимъ путемъ, достигнуть возможно большаго эффекта.

Упражненіе носило по преимуществу техническій характеръ и районъ былъ выбранъ нарочно такой, чтобы, во-первыхъ, указать офицерамъ на тѣ трудности, съ которыми сопряжена оцѣнка подобной мѣстности на большихъ дистанціяхъ, а во-вторыхъ, для того, чтобы показать, какъ надо дѣйствовать въ такихъ случаяхъ для того, чтобы добиться успѣха.

Руководствуясь цѣлью «довести свой огонь до наибольшей дѣйствительности», прежде всего напрашивается вопросъ, надлежало ли сразу начать со стрѣлбы на пораженіе и не полезнѣе ли было бы предварительно заняться пристрѣлкою?

Элементъ внезапности исключаетъ правильную пристрѣлку. Расстояніе было опредѣлено ротнымъ командиромъ только на глазъ.

Непосредственное открытіе стрѣлбы на пораженіе при неизвѣстности истиннаго прицѣла оправдывалось бы только такимъ искусственнымъ углубленіемъ поражаемаго пространства, чтобы имѣлись наибольшіе шансы на включеніе въ него цѣли.

Такъ какъ разстояніе было оцѣнено въ 22, то, допуская лишь 12% ошибокъ (т. е. ± 264 шаг.), по меньшей мѣрѣ потребовались бы три установки прицѣла (20, 22 и 2.400) для того, чтобы съ нѣкоторою достовѣрностью держать подъ огнемъ желаемое пространство.

Нельзя, однако, не замѣтить, что при подобной стрѣльбѣ дѣйствительность огня была бы значительно понижена. Рѣшеніе ротнаго командира уклоняться отъ методической пристрѣлки и отъ стрѣльбы на пораженіе при разныхъ высотахъ прицѣла оправдывается его желаніемъ достигнуть наибольшей дѣйствительности и, кромѣ того, тѣмъ обстоятельствомъ, что обстрѣливаемая цѣль могла считаться неподвижной и что сухая пахоть должна была давать возможность хорошо прослѣдить за паденіемъ пуль.

Разсужденія его при этомъ могли быть слѣдующія.

Одинаковый прицѣлъ обѣщаетъ не только наивысшее дѣйствіе, но, принимая во вниманіе возможность хорошо видѣть паденіе пуль, даетъ гораздо больше правильныхъ данныхъ для опредѣленія положенія пука траекторій, нежели нѣсколько одновременно поставленныхъ различныхъ прицѣловъ. Если на основаніи сдѣланныхъ наблюденій и потребуется поправка прицѣла, то ее можно будетъ сдѣлать очень быстро, и возможно, что ея одной уже будетъ достаточно, чтобы направить сосредоточенный огонь (благодаря одному у всѣхъ прицѣлу) въ самую цѣль.

Подобное разсужденіе должно быть признано правильнымъ и вытекавшее отсюда рѣшеніе для исполненія задуманнаго можетъ считаться вполне отвѣчающимъ обстановкѣ.

Къ сожалѣнію, ротный командиръ, послѣ открытія огня, уже не вмѣшивался болѣе въ дѣло, а командиръ взвода или вообразилъ, что достаточно буквально выполнить полученное приказаніе, или же просто не зналъ, какъ ему дѣйствовать. Какъ уже было сказано и какъ видно изъ профили, снопъ траекторій былъ направленъ въ ложбину передъ батареями, почему и не было видно мѣста паденія пуль.

Всѣ ожидали увидѣть паденіе пуль и никто не оцѣнилъ правильно очертанія мѣстности.

Однако, тотъ фактъ, что не было видно паденія пуль, долженъ былъ непремѣнно заставить обратить вниманіе на очертаніе мѣстности; если бы даже ротный командиръ, въ пылу дѣйствій, не уяснилъ себѣ истинной причины невидимости паденія пуль, происшедшей отъ очертанія мѣстности, то все же онъ долженъ былъ

посчитаться съ этимъ обстоятельствомъ и назначить такую поправку высоты прицѣла, которая повела бы за собою возможность ихъ наблюденія.

Самое простое для этого было бы, пожалуй, рѣзко увеличить высоту прицѣла, приблизительно шаговъ на 400 для того, чтобы получить рикошеты на склонѣ высоты Rother-Sandberg. Если же ротный командиръ не сдѣлалъ этого, то, въ данномъ случаѣ, отъ взводнаго командира требовалось проявленіе инициативы: продолженіе стрѣльбы при одной и той же установкѣ прицѣла, не имѣя никакихъ данныхъ для сужденія о правильности направленія снопа траекторій, могло вести лишь къ напрасной тратѣ патроновъ.

Отъ взводнаго командира въ дѣлѣ управленія огнемъ должно требоваться проявленіе возможно большей самостоятельности; хотя отъ командира роты въ общемъ и требуется, чтобы онъ по возможности дольше сохранялъ въ своихъ рукахъ управленіе огнемъ (п. 433 строевого устава), но нельзя забывать, что онъ можетъ вначалѣ ошибиться, а послѣ открытія огня онъ не всегда сможетъ дѣйствительно руководить имъ; это послѣднее обстоятельство не должно поэтому приводить къ тому, чтобы огонь такъ и оставался долѣе недѣйствительнымъ.

Командиръ взвода поэтому долженъ былъ бы поступить приблизительно такимъ же образомъ, какъ было указано выше для ротнаго командира. Правильнѣе было бы немедленно донести ротному командиру о недѣйствительности огня или же самому перемѣнить прицѣлъ.

Переходя къ подробностямъ, замѣтимъ слѣдующее: не было обращено вниманія на сильный вѣтеръ слѣва, при желаніи включить всю батарею въ снопъ траекторій, надлежало 3-му взводу (лѣвому) вынести точку прицѣливанія примѣрно на ширину цѣли, въ данномъ случаѣ шаговъ на 40—50 лѣвѣе фланговаго орудія.

Необходимо подчеркнуть, что батарея, вслѣдствіе ея косогаго положенія по отношенію къ стрѣляющей части, проектировалась какъ мишень шириною только въ 40—50 шаговъ, такъ что, при исполненіи этой задачи, съ выборомъ точки прицѣливанія по лѣвому фланговому орудію, площадь пораженія оказывалась внѣ батареи. На такомъ большомъ разстояніи сильный боковой вѣтеръ являлся уже весьма ощутительнымъ.

Такъ какъ трудно установить, насколько приходится перемѣщать точку прицѣливанія при боковомъ вѣтрѣ, то раздѣленіе огня по полосѣ, расположенной внѣ цѣли, послужило бы вѣрнымъ сред-

ствомъ для достиженія положительныхъ результатовъ въ поражениі мишени (напр.: «распредѣлить огонь по полосѣ отъ лѣваго орудія до передковъ»).

Задумано было огневое нападеніе, почему открытіе огня пѣхотою и пулеметами должно было произойти одновременно, но приказанія объ этомъ однако отдано не было.

Выраженіе «огневая атака» безъ сомнѣнія сбило всѣхъ, такъ какъ оно означаетъ сильнѣйшее развитіе уже начатаго ранѣе огня.

Если бы было приказано «огневое нападеніе», то ниспие начальники навѣрно поняли бы, что огонь долженъ быть открытъ одновременно. Понятно, одновременное открытіе огня скорѣе всего было бы достигнуто при условіи удержанія за собою начала его самимъ ротнымъ командиромъ (напр. «открыть огонь по моему свистку или знаку и т. п.»).

Результатъ стрѣльбы по орудіямъ былъ 0.

Несмотря на 2½-минутный огонь и на то, что было выпущено 488 пуль, взводъ не далъ ни одного попаданія.

Причина подобной неудачи заключается въ неправильной оцѣнкѣ очертанія мѣстности, которая, начиная приблизительно съ 1.200 шаг., не допускала наблюденія за паденіемъ пуль; кромѣ того, отсутствовало управленіе огнемъ послѣ его открытія.

Прежде чѣмъ перейти къ обсужденію дѣйствій пулеметовъ, для полноты картины, слѣдуетъ упомянуть, что передъ зрителями была продѣлана методическая пристрѣлка съ цѣлью наглядно разъяснить имъ сказанное.

Для этого нарочно было начато съ прицѣла 800, чтобы показать, съ какого разстоянія рикошеты переставали быть видимыми для глаза.

1. Залпъ 800 шаг. Рикошеты очень хорошо видны, но пули на много не долетали до цѣли.

2. Залпъ 1.400 шаг. Рикошеты не видны.

3. » 2.000 » » » »

4. » 2.200 » » » »

5. » 2.400 » » видны хорошо, но нѣсколько дальше и вправо отъ батарей.

Путемъ этого показа опредѣлилось совершенно точно, что батарея находилась между снопами траекторій, получаемыхъ отъ установки прицѣловъ на 2.200 и 2.400 шаг., и что разстояніе до

цѣли было опредѣлено хорошо назначеніемъ прицѣла въ 2.200 шаг., (т. е. съ ошибкой лишь въ 4⁰/₀).

При правильномъ управленіи огнемъ потребовалось бы только увеличеніе первоначальной установки прицѣла съ 2.200 на 2.400, чтобы получить возможность прослѣдить за рикошетами; затѣмъ, перенеся точку прицѣливанія влѣво, можно было бы получить дѣйствительный огонь при высотѣ прицѣла 2.300.

Дѣйствія пулеметной команды. Для пулеметной команды передки, вслѣдствіе косога ихъ расположенія, тоже представлялись цѣлью шириною лишь въ 40—50 шаг.

Въ виду того, что вопросъ сводился къ огневому нападенію, что рикошеты, по всей вѣроятности, хорошо были видимы, и что на цѣль надо было смотрѣть, какъ на подвижную, — всего раціональнѣе было назначить «одиночный огонь».

Такимъ образомъ, искусство наводчиковъ могло бы быть использовано въ полной мѣрѣ и можно было бы ожидать, что, при одиночномъ огнѣ, они смогутъ направить въ цѣль снопы своихъ траекторій скорѣе, чѣмъ при стрѣльбѣ отдѣленіемъ. Кромѣ того, необходимо было считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что передки скорѣе всего постараются уйти отъ непріятельскаго огня и что въ такомъ случаѣ наводчикамъ легче, скорѣе и вѣрнѣе будетъ преслѣдовать ихъ, пользуясь для этого одиночнымъ огнемъ, чѣмъ это было бы возможно при стрѣльбѣ всѣмъ отдѣленіемъ.

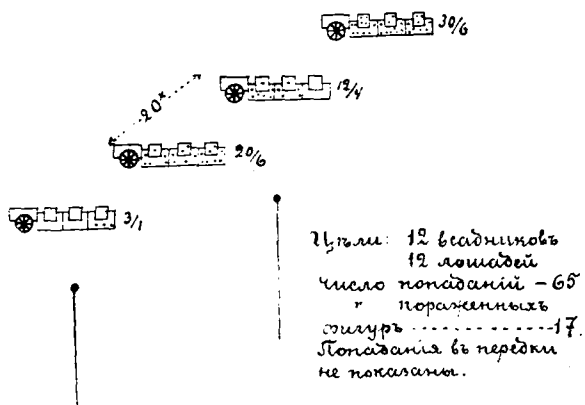
Для лѣваго пулемета былъ избранъ цѣлью 1-й передокъ слѣва, для праваго 3-й слѣва, благодаря чему на каждый пулеметъ среднимъ числомъ приходилось протяженіе цѣли шириною въ 20—25 шаг.

Принимая во вниманіе небольшую ширину значительно удаленной цѣли умѣстно было примѣнить прицѣльный огонь безъ разсѣиванія. Разсѣиваніе привело бы къ тому, что снопъ траекторій во время разсѣиванія очень часто уклонялся бы въ сторону отъ цѣли, что, по всей вѣроятности, значительно уменьшило бы ⁰/₀ попаданія.

Назначенный прицѣль 21 былъ правиленъ; лѣвый пулеметъ далъ сначала небольшіе перелеты, однако наводчикъ быстро исправилъ ошибку.

Результатъ стрѣльбы показанъ на схемѣ № 4-й. Обои пулеметами въ теченіе 2 минутъ выпущено было вмѣстѣ 1.490 пуль, что составляетъ скорость стрѣльбы для каждаго пулемета приблизительно 372 выстрѣла въ 1 минуту.

Схема № 4

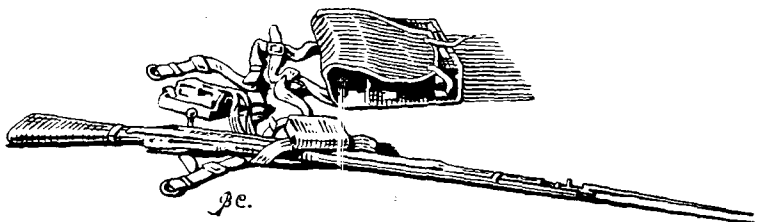
Получили пробоины: 8 всадниковъ изъ 12
 9 лошадей изъ 12

Итого . . . . . 17 фигуръ изъ 24
 при числѣ попаданий 65.

Въ общемъ 4,3% попадания и поражено 70% мишеней; такой результатъ можетъ считаться отличнымъ, тѣмъ болѣе что въ дѣйствительности было бы вдвое больше людей и лошадей, а значить и больше поражений.

Вліяніе вѣтра сказалось и здѣсь: первый и третій передки слѣва, служившіе точками прицѣливанія, имѣли меньше попаданий, чѣмъ стоявшіе правѣ ихъ.

Пер. К. Д.

КЪ ВОЗРОЖДЕНІЮ СЕРБСКАГО КОРОЛЕВСТВА ¹⁾.

Косовская битва (15-го іюня 1389 г.) положила предѣль независимому существованію Сербіи; одни только ускоки (переселенцы) Черной Горы успѣли отстоять свою независимость противъ турецкаго владычества. Покореннымъ сербамъ была оставлена ихъ земля, ихъ общинный судъ, ихъ церковь и ихъ языкъ. Тѣмъ не менѣе, владычество турокъ было тяжелымъ матеріальнымъ и нравственнымъ гнетомъ для сербскаго народа, но что было ужаснѣе всего для поработеннаго народа, это — дань дѣтьми. Каждая пять лѣтъ производился наборъ самыхъ здоровыхъ и красивыхъ мальчиковъ 10 — 12-лѣтняго возраста (до 2.000 ежегодно). Ихъ уводили въ Царьградъ, гдѣ воспитывали для янычарской и другихъ родовъ султанской службы; изъ нихъ потомъ вырабатывались злѣйшіе губители христіанъ. Имѣть оружіе «райѣ» ²⁾ не дозволялось; при началѣ возстанія противъ турокъ все оружіе сербовъ состояло въ длинныхъ дубинахъ. Самые смѣ-

¹⁾ Статья составлена по Н. Попову (Россія и Сербія), по Н. Овсяному (Сербія и Сербы) и по Погодину.

²⁾ «Райя» — по-турецки значить: скоть, стадо.

лые люди уходили въ горы и лѣса своей родины и оттуда дѣлали нападенія на притѣснителей; то были гайдуки; тѣ же, которые переселялись въ сосѣднія страны—Венгрію, Австрію, Венецію и обрекали себя на борьбу съ турками, назывались ускоками. Имъ-то больше всего была обязана Сербія своимъ возрожденіемъ.

Паденіе турецкаго владычества въ Европѣ начинается съ конца XVII вѣка—съ момента пораженія, нанесеннаго туркамъ подъ Вѣною въ 1683 г. польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ. Побѣды Евгенія Савойскаго и другихъ австрійскихъ полководцевъ высоко подняли значеніе Габсбурговъ у христіанскихъ народовъ всего Балканскаго полуострова. Войдя въ непосредственныя сношенія съ сербами, австрійское правительство въ 1689 г. начало хлопотать о томъ, чтобы переманить къ себѣ представителя сербскаго народа печскаго ³⁾ патриарха Арсенія III Черноевича. Патриарху предложено было перенести свой престолъ въ Венгрію, причемъ ему и всѣмъ его соотечественникамъ, которые пожелали бы переселиться изъ Турціи, были обѣщаны большія льготы. Патриархъ склонился на обѣщанія и въ 1694 г. со значительною частью сербскаго населенія Старой Сербіи (до 37.000 семействъ, заключающихъ въ себѣ 100.000, а по другимъ свѣдѣніямъ до 500—600 тысячъ душъ) переселился въ Венгрію. Это переселеніе доставило Австріи неисчислимыя выгоды: вся южная граница государства отъ Семиградья до Велибита, безпрестанно терпѣвшая отъ турецкихъ набѣговъ, была заселена отважнымъ воинственнымъ племенемъ. Съ тѣхъ поръ сербскія войска составляли лучшую часть имперскихъ войскъ, участвуя во всѣхъ войнахъ XVIII и XIX столѣтій, которыя только приходилось вести Австріи. Но австрійское правительство плохо отблагодарило сербовъ за эти услуги; оно подчинило ихъ мадьярамъ, отказало имъ въ правѣ избирать себѣ воеводу и принуждало къ принятію уніи. Самъ патриархъ Арсеній III былъ отравленъ въ Вѣнѣ кардиналомъ Колоничемъ. Послѣдній сербскій патриархъ Арсеній IV, переселившійся изъ Печа въ Венгрію съ небольшимъ числомъ колонистовъ въ 1738 г. (по увѣщанію Вѣнскаго двора), по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ былъ тоже отравленъ. Доходило то того, что сербскіе переселенцы возставали съ оружіемъ въ рукахъ для защиты своихъ правъ (въ 1720 и 1733 гг.), но возстанія были подавлены, а пре-

3) Печъ—нынѣшній Ипекъ въ Старой Сербіи.

старѣлый предводитель ихъ, Перо Сегединацъ, колесованъ въ Пештѣ. Въ 1751 г. часть австрійскихъ сербовъ (до 40.000, а по другимъ до 100.000) подъ предводительствомъ Текели, Хорвата, Шевича и Прерадовича переселилась въ Россію, образовавъ тамъ военную колонію, долго носившую названіе «Новой Сербіи». Сношенія русскаго народа съ южными славянами начались съ незапамятныхъ временъ и съ развитіемъ и укрѣпленіемъ Московскаго царства получаютъ все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Еще посланникъ Бориса Годунова говорилъ въ 1599 г. императору Рудольфу, что царь хочетъ самъ своей персоной идти на турецкаго султана, овладѣвшаго многими христіанскими народами, въ томъ числѣ: болгарами, сербами, босняками и т. д. Петръ Великій вошелъ въ прямыя сношенія со славянами и покровительствовалъ австрійскимъ сербамъ. Его вліяніе сказывалось также и въ Черногоріи и Далмаціи. Особенно въ Дубровникѣ (Рагузѣ), да и у всѣхъ южныхъ славянъ, имя его было чрезвычайно популярно, что вызывало безпокойство въ Вѣнскомъ дворѣ. Удачныя войны, которыя вела съ турками Екатерина II, особенно способствовали возвеличенію русскаго имени на Балканскомъ полуостровѣ.

Ареной сербскаго возрожденія сдѣлалась придунайская окраина, составлявшая такъ называемый Бѣлградскій пашалыкъ. На югъ отъ Дуная, на всемъ пространствѣ между Дриною и Тимокомъ, тянется холмообразная страна, постепенно переходящая въ значительную горную возвышенность, которая была покрыта въ концѣ XVIII столѣтія густыми, почти дѣвственными лѣсами. Отсюда и происходитъ ея названіе «Шумадія» (шума—по-сербски лѣсъ). Единственная большая рѣка—Морава, впадающая въ Дунай не вдалекѣ отъ Пажареваца, пересѣкала эту дикую страну, покрытую густыми зарослями. Селенія здѣсь встрѣчались рѣдко, города еще рѣже. Главное занятіе жителей составляло скотоводство, въ особенности же разведеніе свиней, которое доставляло и доставляетъ понынѣ значительный доходъ сербамъ. Такъ какъ турки жили преимущественно по городамъ, принявшимъ вслѣдствіе этого совершенно турецкій характеръ, то народность сербская сохранялась, главнымъ образомъ, въ селеніяхъ. Народъ предпочиталъ жить въ горахъ и лѣсахъ. Всякое семейство строило себѣ хижину гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, въ сторонѣ отъ дорогъ, чтобы не привлекать къ себѣ вниманія путешественниковъ. Селенія состояли не болѣе какъ изъ 20—50 дворовъ, удаленныхъ другъ отъ

друга на два, на три ружейныхъ выстрѣла. Главы семействъ собирались въ дни большихъ праздниковъ или, когда предстояло рѣшить какой-нибудь важный вопросъ, образовывали «соборъ» или «скупшину» подъ предсѣдательствомъ своего старѣйшины или кнеза, позднѣе кмета. Этому послѣдняго, какъ и священника, поселяне избирали сами. Турки, преслѣдуя исключительно фискальныя цѣли, мало входили въ управленіе общинъ. Весь пашалыкъ дѣлился на нахіи, которыя въ свою очередь подраздѣлялись на кнежины, а эти — на срезы. Во главѣ нахій стояли нахійскіе кнезы или великіе войводы; надъ кнежинами — оберкнезы или войводы, а надъ срезами, составлявшимися изъ большаго или меньшаго количества селеній, — капетаны или великіе булюбашы. Черезъ этихъ представителей турецкая власть передавала народу свои требованія, а отъ нихъ получала заявленія о народныхъ нуждахъ.

Въ турецко-австрійской войнѣ 1791 г. задунайскіе сербы принимали дѣятельное участіе, помогая австрійскимъ войскамъ, но Австрія плохо отплатила своимъ пособникамъ: по Свищевскому договору она выговорила у Турціи только амністію для подданныхъ обѣихъ державъ, замѣшанныхъ въ народной войнѣ, но не обмолвилась ни словечкомъ въ пользу расширенія правъ обитателей Бѣлградской области, которые, такимъ образомъ, снова были преданы турецкому произволу. Австрія включила въ Свищевскій договоръ лишь условіе о недопущеніи янычаръ въ Бѣлградскій пашалыкъ: она опасалась, что волненія, вызываемыя ихъ безчинствами, могутъ отразиться и въ ея пограничныхъ владѣніяхъ. Дѣло въ томъ, что турецкое правительство само терпѣло отъ своевольства янычаръ и, чтобы отдѣлаться отъ самыхъ буйныхъ и непокорныхъ изъ нихъ, приняло за обычай отправлять таковыхъ въ болѣе отдаленныя пашалыки: Багдадскій и Бѣлградскій. Здѣсь эти отчаянные головорѣзы, почти вовсе не признавая власти султана, совершали безнаказанно тысячи преступленій, не разбирая ни своихъ, ни чужихъ.

Послѣ заключенія Свищевского мира, султанъ счелъ нужнымъ настоять на исполненіи статьи договора объ очищеніи Бѣлградскаго пашалыка отъ янычаръ; они удалились, но не надолго. Когда виддинскій паша возсталъ противъ султана, буйная дружина янычаръ снова наводила Сербію, наводя ужасъ на населеніе: янычары били и мучили мужчинъ, отнимали коней, насиловали женщинъ...

Чаша терпѣнія сербовъ переполнилась: они возстали подъ начальствомъ одного изъ бывшихъ своихъ булюбашей, Кара-Георгія (иначе Георгія Чернаго), и начали съ янычарами кровавую борьбу, окончившуюся истребленіемъ янычаръ. Уничтоживъ янычаръ, сербскіе отряды не расходились; они продолжали воевать съ турками. Сербское войско состояло тогда болѣе чѣмъ изъ 30 тысячъ человѣкъ подъ общимъ командованіемъ Кара-Георгія, возбуждая опасенія въ турецкомъ правительствѣ. Губернаторъ Бѣлградскаго пашалыка Бекиръ-паша, желая отдѣлаться отъ опаснаго вождя сербовъ, подослалъ къ нему наемнаго убійцу, но убійца самъ палъ отъ руки Кара-Георгія. Тогда пашѣ, имѣвшему въ своемъ распоряженіи слабый отрядъ, ничего другого не оставалось дѣлать, какъ искать примиренія съ Кара-Георгіемъ. Они заключили договоръ, въ которомъ впервые признавались за сербскимъ народомъ нѣкоторыя вольности. Такъ, на примѣръ, по этому договору Кара-Георгій признавался верховнымъ правителемъ сербовъ, съ обязательствомъ платить Портѣ ежегодно 500 тысячъ піастровъ дани; турецкіе сборщики уничтожались, туркамъ запрещалось жить по деревнямъ и др. Договоръ этотъ, впрочемъ, не былъ утвержденъ султаномъ, и война съ турками продолжалась. Между тѣмъ, Австрія зорко слѣдила за ходомъ дѣлъ въ сосѣдней области и всѣми силами старалась привлечь къ себѣ симпатіи сербовъ, чтобы при благоприятныхъ обстоятельствахъ подчинить ихъ своему владычеству; Вѣнскій дворъ старался склонить на свою сторону митрополита Стратиміровича и черезъ его посредство уговорить задунайскихъ сербовъ къ признанію надъ собою покровительства Австріи; но Стратиміровичъ такъ же, какъ и многіе другіе знатные сербы, находившіеся на венгерской службѣ, мало ожидали пользы для своего народа отъ присоединенія къ Австріи задунайскихъ земель. Поэтому онъ составилъ проектъ о возстановленіи новаго славяно-сербскаго государства. Во главѣ освобожденной Сербіи митрополитъ предлагалъ поставить одного изъ русскихъ великихъ князей. Въ проектѣ Стратиміровичъ указывалъ, между прочимъ, и на выгоды, которыя могли произтечь отъ того для самой Россіи; по его словамъ: «нѣтъ народа въ поднебесной, который имѣлъ бы толикую любовь къ Руссамъ и російскимъ государямъ, какъ Сербы». Мысль о снисканіи покровительства сербскому народу въ единовѣрной и могущественной Россіи нашла себѣ живое сочувствіе и въ народныхъ вождяхъ задунайскихъ. Они составили длинное прошеніе на имя

Императора Александра I осенью 1804 г. и отправили его въ Петербургъ съ депутаціей изъ трехъ человѣкъ.

Въ Петербургѣ депутаты были приняты разными высокими особами и получили совѣтъ еще разъ предложить желанія своего народа на благоусмотрѣніе Порты; Россія же, со своей стороны, будетъ поддерживать требованія сербовъ черезъ своего посланника. Сербы такъ и поступили: они обратились съ прошеніемъ къ султану. Сначала турецкое правительство выказало наклонность къ примиренію съ сербами, но потомъ подъ вліяніемъ французской дипломатіи задумало подавить сербское возстаніе силой; возобновились военныя дѣйствія; Кара-Георгій началъ бомбардировку Бѣлграда. Въ лагерѣ осаждающихъ появились русскіе офицеры и стали управлять осадю крѣпости. Бѣлградъ былъ взятъ. На востокъ доблестный воевода Миленко соединился невдалекѣ отъ Виддина съ русскимъ отрядомъ генерала Исаева ⁴⁾ и вмѣстѣ съ нимъ разбилъ пятитысячный отрядъ кирджалиевъ ⁵⁾. По заключеніи Тильзитскаго мира въ сербскій лагерь при Неготинѣ прибылъ флигель-адъютантъ русскаго Императора, маркизь Паулуччи, и заключилъ съ сербскими вождями особый письменный договоръ, подписанный Кара-Георгіемъ отъ имени всего сербскаго народа. Въ этомъ актѣ сербы признавали надъ собою покровительство русскаго Государя, которому предоставлялось право назначать въ Сербію военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; въ крѣпостяхъ должны были быть русскіе гарнизоны и русскіе коменданты, а на Тимокѣ и Дринѣ, а также на боснійской границѣ—выставлены русскіе вспомогательные отряды; затѣмъ заранѣе соглашались на такіе пункты, которыхъ «знать не могли» ⁶⁾. Пока тянулись переговоры между Россіей и Турціей, среди сербскихъ вождей возникли распри, сильно тормозившія установленіе порядка въ странѣ. Нѣкоторые воеводы не хотѣли признавать надъ собою власти Кара-Георгія, интриговали противъ него и противъ другъ друга. Этимъ разладомъ старалась воспользоваться Австрія; австрійскіе пограничные

⁴⁾ Эта война Россіи съ Турціей продолжалась съ небольшими перерывами съ 1806 по 1811 г.

⁵⁾ Янычаръ и другихъ головорѣзовъ.

⁶⁾ Въ своемъ донесеніи объ этой поѣздкѣ въ Сербію маркизь Паулуччи выражается о Кара-Георгіи слѣдующимъ образомъ: «простота его нравовъ и безкорыстіе замѣтны въ его манерахъ и рѣчахъ, проявляя его искреннюю привязанность къ родинѣ. Все это составляетъ нѣчто цѣлое, что дѣлаетъ его существомъ рѣдкимъ и достойнымъ уваженія, несмотря на то, что ему не достаетъ образованія».

начальники внушали Кара-Георгію недовѣріе къ Россіи и предлагали ему принять подданство Австріи, обѣщая сербскому народу могущественное покровительство и защиту своего монарха; самому Кара-Георгію былъ обѣщанъ титулъ князя и чинъ фельдмаршала, но австрійцамъ не удалось склонить на свою сторону Кара-Георгія и другихъ сербскихъ вождей. Между тѣмъ, въ Эрфуртѣ состоялось свиданіе Императора Александра I съ Наполеономъ, который заранѣе соглашался на распространеніе русскихъ границъ до Дуная. Тотчасъ послѣ этого со стороны Россіи были предложены Портѣ условія мира, въ числѣ которыхъ выставлена была также независимость сербскаго народа подъ покровительствомъ Россіи и Турціи; Кара-Георгія предполагалось сдѣлать наслѣдственнымъ княземъ. Однакожъ миру не суждено было состояться. Въ началѣ 1809 г. Порта, сблизившись съ Англіей, задумала снова завладѣть отторгнутыми отъ нея провинціями. Освѣдомившись въ апрѣлѣ, что русскія войска по спадѣ водъ тотчасъ перейдутъ Дунай, Кара-Георгіи рѣшился начать наступательныя дѣйствія противъ турокъ и соединиться съ черногорцами, а также съ христіанами Босніи и Герцеговины. Напрасно русскій главнокомандующій, князь Прозоровскій, уговаривалъ его не начинать военныхъ дѣйствій до перехода Дуная русскими войсками, Кара-Георгіи не послушался его совѣта: три сербскія арміи двинулись на врага... Къ несчастью нишская армія была поручена неспособному воеводѣ Милоѣ; 20.000 турокъ подошли къ Нишу и 19-го мая ударили на осаждавшихъ его сербовъ, а гарнизонъ Ниша сдѣлалъ вылазку къ сторонѣ Каменицы, гдѣ стоялъ съ 3.000 человекъ Стефанъ Синдѣличъ. Милое, изъ вражды къ нему, отказалъ ему въ помощи. Тогда Синдѣличъ взорвалъ свой шанецъ на воздухъ и погибъ въ немъ вмѣстѣ съ ворвавшимися въ него турками. Самъ Милое въ безпорядкѣ отступилъ къ Делиграду.

13-го августа 6-тысячный отрядъ турокъ, перейдя на лѣвый берегъ Моравы, занялъ Ягодину. Дорога къ Бѣлграду была открыта. Паника распространилась по Сербіи. Многія сербскія семейства бросились искать спасенія въ Австріи. При этихъ-то печальныхъ для Сербіи обстоятельствахъ, ея вождь выказалъ особую силу духа: переходя изъ округа въ округъ, онъ уговаривалъ народъ не оставлять своего отечества и поддерживать защиту его противъ непріятеля. Въ то же время Кара-Георгіи отправилъ въ русскую главную квартиру одно за другимъ два письма, въ которыхъ въ сильныхъ

выраженіяхъ излагалъ все происшедшее, и приглашалъ русскихъ, какъ братьевъ и христіанъ.

Русская армія вступила въ Болгарію, и Порта поспѣшила стянуть туда свои войска. Измученная Сербія могла вздохнуть свободно. Но тутъ снова начались распри между вождями; явились партіи, желавшія подчиниться то Турціи, то Австріи, то Россіи; однако Кара-Георгій примкнулъ къ партіи, старавшейся поддержать союзъ со своей старой покровительницей, и выслалъ на соединеніе съ русскимъ отрядомъ графа Цукато 4.500 человекъ пѣхоты и 1.500 человекъ конницы. Въ засѣданіи совѣта, происходившемъ въ присутствіи верховнаго вождя, было рѣшено принять участіе въ войнѣ по желанію Россіи и впредь искать ея покровительства. Вновь устроенная сербская армія состояла изъ 58.000 человекъ при 75 пушкахъ. Въ іюлѣ русскій генераль Цукато перешелъ въ Сербію. Вслѣдъ затѣмъ союзники заняли Неготинъ и Паланку. Вскорѣ турки были разбиты на всѣхъ пунктахъ. Осенью русскія войска удалились изъ Сербіи на зимнія квартиры въ Валахію.

Между тѣмъ раздоръ партій не прекращался въ Сербіи и сильно препятствовалъ установленію порядка въ странѣ. Чтобы усилить свою власть, Кара-Георгію пришлось пожертвовать нѣсколькими непокорными воеводами: они были изгнаны изъ Сербіи. Въ это время границы княжества значительно расширились. Потеря въ жителяхъ, выселившихся въ послѣдніе годы въ Австрію, была пополнена съ одной стороны бѣглецами босняками (христіанами), а съ другой — болгарами, переселившимися въ Сербію изъ земель, гдѣ происходила война между турками и русскими. Народное благосостояніе, несмотря на продолжительную войну, можно было назвать удовлетворительнымъ. Обиліе хлѣба было такъ значительно, что въ 1812 г. на каждую нахію (нахія — округъ, ихъ было 21) возложили обязанность доставить русскимъ войскамъ до 1.000.000 окъ (око = три фунта) провіанта; но военныя силы сербовъ, получившія нѣкоторую организацію и даже особый мундиръ, были значительно ослаблены многочисленными битвами этой кампаніи. Въ началѣ іюля 1812 г. въ Бухарестѣ былъ заключенъ между Россіей и Турціей мирный договоръ, въ 8-ю статью котораго было включено условіе — довольно впрочемъ неопредѣленное — объ устройствѣ независимаго управленія въ Сербіи, но крѣпости въ этой странѣ должны были оставаться въ рукахъ турокъ. Такъ какъ

въ этомъ договорѣ количество дани и взаимныя отношенія сербовъ и турокъ опредѣлены не были, то сербская скупщина отправила въ Константинополь депутатовъ для окончательнаго заключенія мира. Народные посланцы однако вернулись домой ни съ чѣмъ: имѣя въ виду начавшуюся войну Россіи съ Франціей, Порты требовала, чтобы сербы положили оружіе и, признавъ себя подданными султана, позволили ввести въ своей странѣ прежнее турецкое управленіе. Въ то же время къ границамъ Сербіи стягивались турецкія войска. Сербы также приготовились къ войнѣ. Подъ ружье были призваны всѣ способные носить оружіе. Первый ударъ турокъ пришлось выдержать гайдуку Велько, который съ 7.000 отрядомъ былъ осажденъ въ Неготинѣ. Сербы дрались отчаянно, но съ истощеніемъ всѣхъ запасовъ и со смертью Велька, который былъ разорванъ пополамъ ядромъ, городъ принужденъ былъ сдаться и вскорѣ всѣ восточные округа были заняты турками; на западной границѣ города и укрѣпленные пункты, охраняемые небольшими отрядами, одинъ за другимъ переходили во власть непріятели. Кара-Георгій, лежавшій въ горячкѣ въ Тополѣ, получалъ отовсюду самыя неутѣшительныя извѣстія; едва оправившись отъ болѣзни, онъ бросился было къ Шабацу, куда подступала западная турецкая армія, но было уже поздно: тутъ онъ узналъ, что населеніе бѣжить въ Австрію, которая сулитъ всякія льготы. Кара-Георгій кидался изъ стороны въ сторону, чтобы удержать народъ отъ переселенія, но все было напрасно: ни воеводы, ни народъ не слушались его, всякій думалъ только о своемъ спасеніи. Тогда Кара-Георгій послѣдовалъ примѣру бѣжавшихъ и самъ укрылся въ Австрію, туда же удалились члены правительствующаго совѣта и всѣ главнѣйшіе воеводы, за исключеніемъ одного Милоша Обреновича, который на всѣ увѣщанія своихъ друзей, совѣтовавшихъ ему бѣжать съ ними, твердилъ одно: «Нельзя бѣжать отъ общаго горя». Такимъ образомъ, онъ остался на сербскомъ берегу единственнымъ представителемъ народа. Такъ посмотрѣли на него и турки, которые, занявъ большую часть страны, вступили въ переговоры съ Милошемъ Обреновичемъ. Милошъ покорился и былъ назначенъ главнымъ кнезомъ трехъ округовъ. Для сербовъ снова настали черные дни. Во всѣхъ укрѣпленныхъ пунктахъ стояли турецкія войска. Повсюду появились турецкіе чиновники (муселимы); на сербовъ была наложена большая подать, которую собирали сами же турки. Народъ без-

престанно выгоняли на общественныя и крѣпостныя работы. Назначены были особые сердари, чтобы отобрать у сербовъ оружіе. Никто не осмѣливался носить на себѣ дорогихъ украшеній, потому что ихъ тотчасъ же отнимали турки; даже жена Милоша ходила въ простомъ сельскомъ одѣяніи. Но и положеніе сербовъ, бѣжавшихъ въ Австрію, было немногимъ лучше: Кара-Георгій, его семейство и всѣ сербскіе главари были взяты подъ стражу, а имущество ихъ отобрано. Австрійскія власти неоднократно спрашивали ихъ, гдѣ они желаютъ поселиться, и получали одинъ отвѣтъ: «въ Россіи». Ихъ переводили изъ города въ городъ, изъ крѣпости въ крѣпость и все держали подъ стражею. Въ Грацѣ, куда въ послѣднее время былъ переведенъ Кара-Георгій, губернаторъ Штирія, князь Гогенцоллернъ, уговаривалъ его подписать обѣщаніе на вѣрность Австрійскому дому и остаться жить въ его владѣніяхъ; въ награду за это сербскому вождю былъ обѣщанъ титулъ князя и, въ случаѣ занятія австрійцами Сербіи, Босніи и Герцеговины, званіе владѣтеля этихъ земель, подъ покровительствомъ Австріи. Кара-Георгій отвѣтилъ отказомъ. Наконецъ, по настоянію русскаго правительства, Вѣискій дворъ согласился на переселеніе въ Россію сербскихъ вождей. Въ сентябрѣ 1814 г. Кара-Георгій и нѣкоторые его товарищи, оставивъ все свое имущество въ рукахъ австрійцевъ, съ русскими паспортами прибыли въ Хотинъ, гдѣ имъ было назначено отъ русскаго Государя приличное содержаніе. Съ простыми сербами, перебѣжавшими въ Австрію, австрійскія власти обращались еще хуже; такое обращеніе заставило часть сербовъ возвратиться назадъ подъ турецкое владычество, хотя и въ этомъ австрійцы препятствовали имъ.

Между тѣмъ положеніе сербовъ въ Турціи дѣлалось день ото дня хуже. Турки, добившись владычества надъ ними послѣ упорнаго и долгаго сопротивленія, относились теперь къ сербской «райѣ» не только съ презрѣніемъ, но и съ ненавистью. Множество христіанъ было заковано и брошено въ темницы, десятки живыми посажены на коль, сотни обезглавлены... Народъ не могъ долѣе терпѣть и взялся за оружіе. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ вспышекъ, подавленныхъ силою, возникло широкое народное движеніе съ Милошемъ Обреновичемъ во главѣ. Возстаніе вспыхнуло въ началѣ 1815 г. въ с. Таковѣ ⁷⁾, въ Рудницкомъ округѣ и тотчасъ

⁷⁾ Въ память того, что возстаніе началось въ с. Таково, установленъ орденъ крестъ «Такова» нѣсколькихъ степеней, жалуемый за боевыя отличія. Кресты эти мѣдныя; они дѣлаются (по крайней мѣрѣ дѣлались раньше) изъ мѣдныхъ, отбитыхъ во время этого возстанія у турокъ, орудіи.

же распространилось и на сосѣдніе округа. Сербы дрались съ отчаяннымъ мужествомъ. Скоро большая часть страны была очищена отъ турокъ. Благодаря этой удачѣ сербовъ, а также поддержкѣ русскаго посланника въ Константинополь и заступничеству великаго визиря, называвшаго сербовъ народомъ мирнымъ и обвинявшаго во всемъ пашу, который управлялъ ими, оттоманское правительство поспѣшило покончить съ сербскимъ вопросомъ: оно предписало великому визирю Марашли-Али-пашѣ идти въ Бѣлградъ и управлять «райей», какъ отецъ—дѣтьми. Прибывъ въ Бѣлградъ, Марашли-Али-паша заключилъ съ Милошемъ договоръ, по которому въ Бѣлградской крѣпости долженъ былъ оставаться только обычный турецкій гарнизонъ; тяжбы между турками и сербами или между христіанами должны разбираться въ окружающихъ городахъ муселимомъ и сербскимъ кнезомъ совмѣстно; подати должны опредѣляться пашей и кнезами, но собираться—только сербскими властями; въ Бѣлградѣ должно было быть учреждено высшее административное и судебное управленіе, состоящее изъ 12 сербовъ, по одному изъ каждаго округа. Права Милоша въ этомъ договорѣ опредѣлены не были, но на дѣлѣ онъ оставался главнымъ кнезомъ страны и имѣлъ въ своихъ рукахъ высшую верховную власть надъ своими соплеменниками. Миръ былъ повидимому водворенъ въ Сербіи. Однако же турки долго еще не могли свыкнуться съ новымъ порядкомъ вещей и отказаться отъ своевольныхъ дѣйствій; муселимы и спахи (правители городовъ и округовъ) часто позволяли себѣ разныя безчинства и тѣмъ нѣсколько разъ вызывали между сербами мятежи, которые были подавляемы суровыми мѣрами. Бѣлградскій паша Марашли-Али, не рѣшаясь дѣйствовать открыто противъ Милоша, возбуждалъ противъ него другихъ сербскихъ старѣйшинъ; но Милошъ, считая себя законнымъ главою сербскаго народа, не допускалъ противодѣйствій, сурово расправляясь съ противниками своей власти; въ средствахъ для борьбы онъ не былъ разборчивъ: вліятельные старѣйшины, Моллеръ и епископъ Мелентій, были задушены; Кара-Георгій, вздумавшій возвратиться въ отечество, въ 1817 г. былъ убитъ въ Смедеревѣ. Голову прежняго вождя сербовъ паша отослалъ въ Константинополь, гдѣ ее выставили на воротахъ сераля; тѣло же убитаго было торжественно похоронено Милошемъ въ церкви села Тополы, въ которомъ родился Кара-Георгій. По словамъ современниковъ, въ Сербіи не было человѣка выше ростомъ убитаго

вождя; руки и ноги его отличались необыкновенными размѣрами, лицо—темнымъ цвѣтомъ, что и было причиной прозвища «Черный» (по-турецки—Кара). Онъ былъ трудолюбивъ, чрезвычайно подвиженъ, суровъ и простъ въ домашнемъ обиходѣ; носилъ всегда народную одежду, говорилъ мало, рѣзко и отрывисто. Въ политическихъ дѣлахъ Кара-Георгій легко поддавался влиянію другихъ старшинъ, менѣе отважныхъ, чѣмъ онъ, но болѣе лукавыхъ и болѣе заботившихся о своихъ личныхъ выгодахъ. Гнѣвъ и винные пары часто доводили его до поступковъ жестокихъ, безчеловѣчныхъ; онъ не задумался даже убить своего отца, когда тотъ сталъ дѣйствовать противъ него. Это былъ типъ суроваго, воинственнаго гайдука, болѣе пригоднаго для войны съ врагомъ, чѣмъ для устройства страны и введенія въ ней гражданственности. (Освободившись отъ соперниковъ, Милошъ сталъ стремиться къ укрѣпленію своей власти (народная скупщина признала его наследственнымъ княземъ Сербіи) и къ расширенію правъ сербскаго народа по отношенію къ туркамъ. Для этого онъ удержалъ въ странѣ военное управленіе и настоялъ на томъ, чтобы окружные кнезы ⁸⁾ получали жалованье изъ общей земской казны, чѣмъ поставилъ ихъ въ зависимость отъ себя. Утвержденія своихъ правъ отъ султанскаго правительства Милошъ добивался тремя путями: а) личными переговорами съ бѣлградскимъ пашей, б) посылкою отъ времени до времени особыхъ депутатовъ въ Константинополь и в) черезъ русскаго посланника, барона Г. А. Строганова, который принималъ живое участіе въ дѣлахъ возрождающагося славянскаго княжества и своими совѣтами и предстательствомъ предъ султанскимъ правительствомъ оказалъ большія услуги неопытному въ дипломатическихъ дѣлахъ сербскому вождю. Тѣмъ не менѣе Милошу долго не удавалось достигнуть исполненія своихъ завѣтныхъ желаній. Понимая, что свое положеніе онъ можетъ упрочить только при значительныхъ матеріальныхъ средствахъ, Милошъ сталъ стремиться къ приобрѣтенію ихъ. При помощи подкупленныхъ имъ турецкихъ чиновниковъ онъ взялъ въ свои руки собраніе податей, идущихъ въ пользу турецкаго правительства, аренду султанскихъ имуществъ въ Сербіи и таможенъ. Кромѣ того занялся торговлею скотомъ и солью. Эти занятія доставили ему богатства, о которыхъ раньше не слыхивали въ Сербіи.

⁸⁾ Эти кнезы были изъ сербовъ: они управляли округами совмѣстно съ турками.

Со вступленіемъ на російскій престолъ Императора Николая I покровительство Россіи сербскому народу приняло вполне опредѣленный характеръ. Въ 1826 г. по Аккерманской конвенціи, заключенной между русскими и турецкими уполномоченными, Порта обязалась привести въ немедленное исполненіе всѣ постановленія, означенныя въ 8-й статьѣ Бухарестскаго договора относительно народа сербскаго; но щедрая на обѣщанія, она по обыкновенію всячески тормозила и откладывала ихъ исполненіе и только въ 1829 г., когда былъ заключенъ Адрианопольскій миръ ⁹⁾, Порта обязалась «безъ малѣйшаго отлагательства, съ добросовѣстною точностью» исполнить свои обѣщанія относительно Сербіи. На этотъ разъ сама Россія вытребовала отъ султана фирманъ, въ которомъ Сербіи возвращалось шесть округовъ, принадлежавшихъ ей при Кара-Георгіѣ; всѣ подати соединялись въ одну общую, опредѣленную сумму и воспрещалось туркамъ жить въ Сербіи, за исключеніемъ тѣхъ, которые составляли гарнизонъ въ крѣпостяхъ; кромѣ того сербамъ предоставлялись разныя права и льготы во внутреннемъ управленіи.

Съ признаніемъ правъ сербскаго народа, необходимо было опредѣлить границы новаго полунезависимаго княжества и права его верховной власти. Въ 1830 г. прибыла въ Сербію турецко-русская комиссія, имѣвшая цѣлью произвести разграниченіе между сербскими и турецкими округами. Русскими комиссарами были капитаны генеральнаго штаба: Коцебу (президентъ комиссіи) и Розаліонъ-Сошальскій, въ распоряженіи которыхъ состояли топографы Эссенъ и Каменскій. Кюниберъ ¹⁰⁾ отзывается о русскихъ комиссарахъ слѣдующимъ образомъ: «Это были талантливые молодые люди съ манерами привѣтливыми и исполненными достоинства. Въ скоромъ времени они научились мѣстному языку и очень бѣгло объяснялись на немъ». Благодаря ихъ неутомимой дѣятельности и лѣни турецкихъ комиссаровъ, въ пользу Сербіи было занято возможно большее количество земли, хотя въ нѣкоторыхъ округахъ турки сопротивлялись съ оружіемъ въ рукахъ приходу комиссіи, а мѣстные христіане не осмѣливались открыто объявлять себя на сторонѣ Сербіи.

⁹⁾ Въ предшествовавшей войнѣ Сербіи по совѣту Россіи сохраняла нейтралитетъ, но сербскій отрядъ волонтеровъ принималъ участіе въ битвѣ съ турками вмѣстѣ съ русскими войсками.

¹⁰⁾ Домашній врачъ Милоша.

Между тѣмъ Милошъ настойчиво и неотступно добивался исполненія своей завѣтной мечты: признанія его со стороны оттоманскаго правительства наслѣдственнымъ княземъ Сербіи. Громадныя суммы были истрачены имъ на подкупы высшихъ сановниковъ Порты; подарокъ одному султану составлялъ 500.000 піастровъ золотомъ. Наконецъ, хаттишерифъ былъ подписанъ и торжественно провозглашенъ въ Бѣлградѣ 30-го ноября 1830 г., въ день покровителя Сербіи св. Андрея Первозваннаго. Этимъ актомъ Милошъ былъ подтвержденъ въ достоинствѣ наслѣдственнаго башъ-кнеза (главнаго кнеза) и запрещалось турецкимъ чиновникамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла этой страны. Въ остальныхъ пунктахъ хаттишерифа (всѣхъ—24) опредѣлялись разныя права и вольности, даруемыя султаномъ сербскому народу. Говорилось, между прочимъ, и о томъ, что Милошъ раздѣляетъ власть съ сенатомъ и собраніемъ изъ народныхъ начальниковъ. Этотъ пунктъ былъ включенъ въ хаттишерифъ по настоянію сербскихъ депутатовъ, но безъ вѣдома Милоша, и имѣлъ цѣлью ограниченіе его власти. Впослѣдствіи онъ послужилъ поводомъ къ большимъ волненіямъ въ странѣ.

Новое княжество было признано вскорѣ правительствами Россіи и Австріи. Оставалось рѣшить вопросъ объ устройствѣ государственнаго управленія въ Сербіи. По примѣру Молдавіи и Валахіи, которымъ графъ Киселевъ далъ органической статутъ, нѣкоторые изъ старѣйшинъ, между прочимъ и самые приближенные къ Милошу люди, каковы были Ома Вучичъ, братья Симичи и Авраамъ Петроніевичъ и др., страстно желали введенія государственнаго «Устава» въ Сербіи, но встрѣтили упорное сопротивленіе въ Милошѣ, который не хотѣлъ дѣлиться своей властью съ кѣмъ бы то ни было. Съ годами его крутое управленіе вызывало все большее и большее недовольство въ странѣ, но онъ не замѣчалъ этого въ упоеніи своею властью. Яснѣ всего изложилъ ему недостатки его управленія знаменитый сербскій писатель Вукъ Караджичъ въ длинномъ письмѣ, посланномъ Милошу изъ Австріи 18-го апрѣля 1832 г. Какъ видно изъ этого письма, управленіе Сербіи мало чѣмъ разнилось отъ управленія въ какомъ-либо турецкомъ пашалыкѣ. Чиновники были рабами Милоша, которыхъ онъ возвышалъ и понижалъ по своему произволу, а иногда награждалъ и палочными ударами; личныя достоинства не только не уважались, но даже преслѣдовались. Прибыльная торговля рогатымъ скотомъ и свиньями была захвачена въ свои руки княземъ и его

компаньонами. Народъ былъ отягощенъ работами въ пользу чиновниковъ и князя; жители отдаленныхъ округовъ ходили косить сѣно на княжескихъ лугахъ въ окрестностяхъ Крагуеваца и Бѣлграда. Купцы и ремесленники должны были закрывать свои заведенія и идти работать «на господаря». Вызывала также осужденіе въ народѣ и частная жизнь Милоша (слабость его къ женскому полу), дававшая обильную пищу для разныхъ пересудъ. Число недовольныхъ управленіемъ Милоша все болѣе и болѣе увеличивалось и, наконецъ, дѣло дошло до открытаго возстанія въ Крагуевацѣ въ январѣ 1835 г. Хотя оно кончилось примиреніемъ князя съ бунтовщиками, но Милошъ вынужденъ былъ обѣщать дать «Уставъ». 2-го февраля въ Крагуевацѣ передъ народной скупщиной былъ прочитанъ проектъ «Устава» новаго государственнаго устройства. «Уставъ» передавалъ всю правительственную дѣятельность — законодательную, исполнительную и судебную — державному совѣту; въ рукахъ же князя оставался только высшій надзоръ и подтвержденіе. Составленный наскоро «Уставъ» вызвалъ на первыхъ же порахъ много затрудненій при примѣненіи его на практикѣ, вслѣдствіе заключающихся въ немъ противорѣчій. Кромѣ того онъ привлекъ къ Сербіи вниманіе другихъ державъ. Австрія прежде всего сочла своимъ долгомъ вмѣшаться въ сербскія дѣла: она представила официальное требованіе Милошу и послала формальныя просьбы русскому правительству и Портѣ объ уничтоженіи сербскаго «Устава», могущаго, по ея словамъ, взволновать соеднѣнія съ Сербіей австрійскія области. Россія и Турція также были недовольны, потому что «Уставъ» появился безъ ихъ вѣдома. Русское правительство сочло нужнымъ послать въ Сербію особаго чиновника, чтобы развѣдать на мѣстѣ о положеніи политическихъ партій въ странѣ. Приѣздъ русскаго уполномоченнаго, барона Рикмана, не принесъ никакого существеннаго улучшенія сербскимъ дѣламъ, но рѣзкое и надменное обращеніе барона произвело, по словамъ придворнаго врача Милоша, Кюнибера, и сербскихъ мемуаровъ, весьма тягостное впечатлѣніе на народныхъ старѣйшинъ. Державный совѣтъ остался попрежнему съ характеромъ исполнительнаго органа въ рукахъ Милоша. Тѣмъ не менѣе положеніе сербскаго князя было очень затруднительно, потому что исполнители его воли были первыми его врагами. Немалыми виновниками внутреннихъ смуть были и дипломатическіе агенты европейскихъ державъ, которые стали селиться въ Бѣлградѣ съ 1836 г. Къ интри-

гамъ австрійскаго агента присоединился англійскій—полковникъ Ходжесъ. Дѣйствуя черезъ Кюнибера, онъ склонялъ князя отдаться подъ покровительство Великобританіи, но Милошъ, однако, колебался, ссылаясь на народъ, который былъ привязанъ къ Россіи и чуждался другихъ державъ. Въ половинѣ октября 1837 г. пріѣхалъ въ Сербію съ чрезвычайнымъ порученіемъ флигель-адъютантъ Императора Николая, полковникъ князь Вас. Андр. Долгорукій. Молодой князь, по словамъ Кюнибера, представлялъ полную противоположность прежнему русскому уполномоченному: «Чуждаясь надменнаго тона и оскорбительнаго обращенія, которыми отличался баронъ Рикманъ, онъ выказывалъ князю то вниманіе и предупредительность, какихъ заслуживаетъ глава cadaго государства, хотя бы такого маленькаго, какъ Сербія. Особенно въ обществѣ онъ никогда не negliжировалъ тѣми правилами, которыя приличіе предписываетъ соблюдать относительно лицъ высшихъ и никогда не обнаруживалъ ни цѣли своего пріѣзда, ни причинъ, вызвавшихъ его». Кюниберъ приводитъ и содержаніе бесѣды, происшедшей между Милошемъ и княземъ Долгорукимъ. Русскій уполномоченный упрекалъ Милоша, хотя въ самой мягкой формѣ, за его дружбу съ австрійскимъ и англійскимъ консулами и за предпочтеніе добрыхъ отношеній къ Великобританіи такимъ же отношеніямъ къ Россіи. Изъ всѣхъ ошибокъ Милоша эта послѣдняя, по словамъ Долгорукаго, была самой чувствительной для русскаго Императора. Что же касается внутренняго состоянія Сербіи, то русскій уполномоченный заявилъ, что онъ изъ собственнаго наблюденія убѣдился, какъ невѣрны были увѣренія недоброжелателей Милоша, старавшихся представить русскому Императору Сербію въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Князь Долгорукій, обѣщаясь довести объ этомъ до свѣдѣнія своего повелителя, говорилъ, что Императоръ требуетъ, чтобы было исполнено постановленіе хаттишерифа 1830 г. объ учрежденіи сената, члены котораго были бы несмѣняемы. Этими членами должны быть старѣйшины, оказавшіе наиболѣе услугъ отечеству; при этомъ Долгорукій представилъ и списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ Императоръ желалъ бы видѣть въ числѣ сенаторовъ. Съ устройствомъ сената князю должна была принадлежать власть исполнительная, право назначенія чиновниковъ, начальствованіе надъ войскомъ и право помилованія. Въ заключеніе князь Долгорукій добавилъ, что одна лишь Россія, содѣйствовавшая оружіемъ и дипломатіей постепенному освобожденію сербовъ

отъ турецкаго владычества, имѣетъ право покровительствовать Сербіи, и что она, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла сербовъ, не потерпитъ вмѣшательства и со стороны какой-либо другой державы. Между тѣмъ въ Константинополѣ Австрія и Англія возстановили Портѣ противъ Россіи во вредъ ея отношеніямъ къ Сербіи. Однако, русскому послу Бутеневу удалось преодолѣть всѣ затрудненія: Порта пошла во всемъ рука объ руку съ Россіей. Согласно желанію Россіи, новый уставъ государственнаго устройства Сербіи провозглашалъ равенство всѣхъ сербовъ предъ закономъ, неприкосновенность личности и собственности, свободу торговли и уничтоженіе натуральной повинности (кулукъ); административная и судебная іерархія была опредѣлена съ полной обстоятельностью; законодательная дѣятельность предоставлялась совѣту, члены котораго, будучи разъ назначены главою государства, дѣлались несмѣняемыми и могли не допускать въ свою среду людей, не нравившихся имъ; за княземъ же оставалась лишь исполнительная власть. Этотъ уставъ былъ обнародованъ въ Бѣлградѣ 18-го февраля 1833 г. Милошу волей-неволей пришлось на первыхъ порахъ подчиниться, но раздраженный враждебнымъ къ нему отношеніемъ членовъ совѣта и «попечителей» (министровъ), а также, быть можетъ, не будучи въ состояніи примириться съ новымъ ограниченнымъ для него положеніемъ, онъ покинулъ Бѣлградъ и, перебравшись въ сосѣдній австрійскій городъ Землинъ, сталъ тамъ ожидать благопріятнаго для него оборота дѣлъ въ Сербіи. Скоро, впрочемъ, онъ, слѣдуя внушеніямъ англійскаго консула, возвратился въ Бѣлградъ, но не надолго. Въ Крагуевацѣ вспыхнуло военное возстаніе противъ членовъ совѣта (слѣдовательно враговъ Милоша); хотя Милошъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ подстрекательствѣ къ бунту, принужденъ былъ дать Вучичу — одному изъ виднѣйшихъ членовъ совѣта — полномочіе на усмиреніе возстанія, но когда возстаніе было подавлено, безъ пролитія, впрочемъ, крови, и надъ зачинщиками мятежа былъ назначенъ судъ, то на созванной въ Бѣлградѣ скупщинѣ онъ былъ обвиненъ, какъ зачинщикъ военнаго мятежа. Отъ имени скупщины ему было послано требованіе: или явиться передъ нею на судъ или отказаться отъ княжескаго званія. Милошъ избралъ послѣднее: 1-го іюня 1839 г. онъ подписалъ отреченіе, а 3-го іюня переѣхалъ въ Валахію вмѣстѣ со своимъ сыномъ Михаиломъ, который послѣ краткаго княженія Милана, старшаго сына Милоша, былъ избранъ въ князя и прибылъ въ Сербію 12-го

марта 1840 г. Между тѣмъ раздоры партій продолжались: одни желали возвращенія стараго князя, другіе стояли за новый порядокъ вещей, третьи, наконецъ, хлопотали о призваніи династіи Карагеоргіевичей.

Сербскому князю сильно хотѣлось возстановить постоянныя и дружескія отношенія съ Россіей, но это ему не вполне удавалось: мѣшали члены «совѣта» во главѣ съ Вучичемъ и Петроніевичемъ, недовольные тѣмъ, что Россія черезъ флигель-адъютанта Императора, князя Ливена, стараясь сохранить равновѣсіе между совѣтомъ и княземъ, поддерживала послѣдняго противъ притязаній членовъ совѣта, забравшихъ всю власть въ свои руки. Въ народѣ росло недовольство: пользуясь неопытностью и слабостью молодого князя, высшіе чиновники позволяли себѣ дѣйствовать самовластно. Кромѣ того, многія должности были замѣщены австрійскими сербами, какъ людьми болѣе образованными; но народу они не нравились за свой нѣмецкій образъ жизни и ихъ называли «швабами». Обвиняли также правительство за разныя льготы, которыя оно давало австрійскимъ купцамъ. Между тѣмъ Вучичъ и Петроніевичъ—совѣтники князя—чтобы поддержать свое значеніе, опирались то на Турцію, то на Австрію, стремившуюся подорвать вліяніе Россіи въ Придунайскихъ княжествахъ. Въ Землинѣ, подъ предлогомъ расчистки русла Сабы и Дуная, проживалъ австрійскій генераль Гауеръ, который вмѣшивался во всѣ интриги, сходявшіяся въ Бѣлградѣ. Такъ какъ русское правительство поддерживало князя, то Гауеръ являлся ревностнымъ сторонникомъ членовъ совѣта. Въ августѣ 1842 г. Вучичу удалось поднять возстаніе противъ князя Михаила, войска котораго вскорѣ были разсѣяны и самъ онъ бѣжалъ въ Землинъ. Въ Бѣлградѣ образовалось временное правительство и была созвана народная скупщина. На Врачарѣ, подъ Бѣлградомъ, собрались огромныя толпы народа и провозгласили сербскимъ княземъ Александра Карагеоргіевича: султанъ не замедлилъ прислать берать, утверждавшій его въ этомъ званіи, но Императоръ Николай, узнавъ о случившемся, написалъ собственноручное письмо на имя султана съ выраженіемъ сожалѣнія, что султанъ безъ вѣдома Россіи утвердилъ незаконное избраніе толпою мятежниковъ новаго князя и тѣмъ отступилъ отъ пути, опредѣленнаго взаимными договорами Россіи и Турціи. По настоянію Россіи были назначены новые выборы въ скупщину, которые происходили подъ наблюденіемъ русскаго и турецкаго комиссаровъ. Открытіе скуп-

щины произошло въ Топчидерѣ 15-го іюня 1843 г., въ присутствіи барона Ливена и Гафиза-паши, и только тогда, когда на ней снова послѣдовало единогласное избраніе въ князя Александра Карагеоргіевича, Россія признала его.

Правленіе Александра Карагеоргіевича продолжалось 16 лѣтъ и отличалось полнымъ внутреннимъ спокойствіемъ. Власть находилась въ рукахъ одной партіи, ревниво охранявшей свое привилегированное положеніе и суровыми мѣрами подавлявшей всякое противодѣйствіе; во главѣ этой партіи стояли члены совѣта. 1848 г. былъ для сербовъ ударомъ грома: онъ пробудилъ въ различныхъ частяхъ этого народа сознаніе своего племенного единства. Борьба австрійскихъ сербовъ съ мадьярами вызвала въ княжествѣ цѣлое движеніе: цѣлыя толпы народа бросились на помощь своимъ соплеменникамъ, не подозрѣвая, что они ратовали въ сущности не за своихъ собратій, а за интересы Габсбурговъ. Послѣ этой войны въ политикѣ сербскаго правительства сталъ сказываться крутой поворотъ. Сторонники Карагеоргіевича никогда не могли простить Россіи того противодѣйствія, которое она выказывала при избраніи его въ сербскіе князья. Съ особенною ясностью высказалось неуваженіе къ Россіи въ концѣ 1850 г., когда благодаря вліянію Австріи старшинство между иностранными консулами было предоставлено представителю Англіи, какъ старѣйшему по времени назначенія; до тѣхъ же поръ русскій консулъ, являясь представителемъ покровительствующаго двора, пользовался первенствомъ между другими дипломатическими агентами въ Бѣлградѣ. Становясь во враждебныя отношенія къ Россіи, сербское правительство все болѣе и болѣе сближалось съ Турціей и Австріей. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда разразилась великая восточная война. Начальникомъ дипломатической канцеляріи въ Сербіи въ это время былъ Іованъ Мариновичъ, получившій воспитаніе въ Парижѣ. Партія, къ которой онъ примыкалъ, опиралась на Австрію и на французскаго генеральнаго консула Сегюра; эта партія всячески старалась увлечь князя на путь противодѣйствія русской дипломатіи. Князь поддался этимъ внушеніямъ и обратился къ бѣлградскому пашѣ и иностраннымъ консуламъ съ жалобой на «тиранство» Россіи. Такимъ направленіемъ сербской политики воспользовались приверженцы Обреновичей. Слѣдуя ихъ внушеніямъ, народъ, не желавшій разрыва съ Россіей, заволновался; Карагеоргіевичу грозило паденіе. Но

его спасла сама же Россія: чрезвычайный комиссаръ отъ русскаго правительства, Фонтонъ, объѣхалъ нѣсколько округовъ Сербіи, встрѣчая всюду восторженный пріемъ, и уговаривалъ народъ спокойно выжидать исхода войны Россіи съ Турціей; при этомъ онъ прибавлялъ, что русское правительство вовсе не желаетъ сверженія Карагеоргіевича. Союзныя державы знали хорошо по донесеніямъ своихъ агентовъ, что сербовъ нельзя заставить поднять оружіе противъ Россіи; поэтому они склонили Порту признать за Сербіей право нейтральности. Этимъ была предупреждена возможность возстанія всѣхъ окружавшихъ Сербію славянскихъ народностей, и Россія лишилась своего естественнаго и вѣрнаго союзника въ борьбѣ съ Турціей и затѣмъ во время Крымской кампаніи. Установленію такого положенія помогала и Австрія; вѣрная своимъ завѣтамъ—вредить славянамъ—она, когда русскія войска заняли Валахію, выставила на Дунаѣ наблюдательный корпусъ съ цѣлью не допустить Сербію къ принятію участія въ войнѣ и противоdѣйствовать занятію этого княжества Россіей. Тутъ, между прочимъ, имѣлъ мѣсто слѣдующій историческій курьезъ. Комендантъ бѣлградской крѣпости, Иццетъ-паша, извѣстилъ сербскаго князя, что, въ случаѣ перехода австрійцевъ черезъ Дунай, турецкій гарнизонъ будетъ дѣйствовать противъ нихъ совмѣстно съ княжескимъ правительствомъ. Такимъ образомъ, австрійскимъ войскамъ при вступленіи въ Сербію представилась бы очень странная задача: дѣйствовать противъ турокъ и сербовъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ турками противъ русскихъ.

По смерти Императора Николая I открылась конференція въ Вѣнѣ, въ которой приняли участіе представители Австріи, Франціи, Великобританіи, Россіи и Турціи. На этой конференціи было постановлено (3-го марта 1855 г.), что покровительство Россіи надъ Валахіей, Молдавіей (теперешняя Румынія) и Сербіей прекращается, а полученныя этими княжествами привилегіи отъ Порты должны обезпечиваться общимъ ручательствомъ договаривающихся державъ. Съ этихъ поръ Австрія получаетъ преобладающее вліяніе въ Бѣлградѣ; ея консулъ, Тея Радославлевичъ, сдѣлался однимъ изъ главныхъ двигателей сербской политики. Но такой поворотъ въ сторону Австріи не обошелся даромъ князю Александру Карагеоргіевичу. Сербскій народъ инстинктивно чувствовалъ, что швабы (австрійцы) для него опаснѣе турокъ. Турки мучили его тѣло, а въ швабахъ, съ ихъ пропитанной іезуитизмомъ

культурой, онъ видѣлъ губителей своей души, враговъ славянскихъ идеаловъ. Недовольство княземъ за его австрофильскую политику росло все больше и больше; наконецъ, раздались со всѣхъ сторонъ требованія созвать народную скупщину, которая, кстати сказать, давно уже не созывалась, вопреки «уставу» государственнаго устройства. Карагеоргиевичъ вынужденъ былъ уступить. Была созвана, такъ называемая, знаменитая отнынѣ Свято-Андреевская скупщина (названа такъ потому, что открыла свои засѣданія въ Бѣлградѣ 30-го ноября 1858 г., въ день св. Андрея Первозваннаго). Эта скупщина единогласно объявила Карагеоргиевича низложеннымъ и избрала въ князья стараго своего вождя Милоша Обреновича, находившагося въ то время въ Бухарестѣ. Порта, а за нею и остальные дворы утвердили Милоша въ званіи сербскаго князя. Слѣдующая скупщина, въ Крагуевацѣ, въ сентябрѣ 1859 г., выработала законъ, который предоставилъ княжескую власть въ Сербіи мужскому поколѣнію Обреновичей. Престарѣлый Милошъ Обреновичъ скончался черезъ годъ послѣ этого, 26-го сентября 1860 г. Это былъ человѣкъ средняго роста, плотнаго тѣлосложенія. Сдѣлавшись изъ безграмотнаго поселянина полновластнымъ владыкою народа, Милошъ обнаружилъ замѣчательныя природныя дарованія; онъ окружилъ себя австрійскими сербами, которыхъ заставлялъ сообщать себѣ въ извлеченіи болѣе замѣчательныя произведенія тогдашнихъ публицистовъ, а также небольшія сочиненія по части исторіи, географіи и политической экономіи. Благодаря своей обширной памяти, онъ успѣлъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о политическомъ значеніи различныхъ государствъ, объ ихъ исторіи, объ ихъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ. Многіе изъ европейскихъ путешественниковъ, посѣщавшіе Милоша, до того были удивлены обширностью его познаній и политической проницательностью, что не хотѣли вѣрить его безграмотности. Сынъ его Михаилъ, во время своего долгаго отсутствія изъ отечества, посѣтилъ всѣ главнѣйшія европейскія государства, много работалъ надъ своимъ образованіемъ и явился вторично на сербскомъ престолѣ уже человѣкомъ опытнымъ и просвѣщеннымъ. Онъ отличался яснымъ умомъ и твердымъ характеромъ.

Хотя независимость внутренняго управленія въ Сербіи была гарантирована великими европейскими державами, но сербскія крѣпости (Бѣлградъ, Владово, Смедерево, Шабацъ и др.) были заняты турками, нерѣдко позволявшими себѣ всякія насилія по отношенію къ

имуществу и личности своихъ сосѣдей-христіанъ. Князь Михаилъ задумалъ во что бы то ни стало освободить Сербію отъ пришельцевъ. Онъ принялся за организацію арміи. До князя Михаила всѣ вооруженныя силы страны заключались въ двухъ тысячахъ «гарнизоннаго воинства». Онъ же завелъ «народное войско» въ сто тысячъ человѣкъ и прилагалъ всѣ усилія, чтобы вооружить и обучить его. Готовясь къ вооруженной борьбѣ съ турками, князь Михаилъ велъ вмѣстѣ съ тѣмъ дипломатическую борьбу за очищеніе сербскихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ, что ему и удалось. Вопросъ о турецкихъ гарнизонахъ былъ окончательно рѣшенъ въ мартѣ 1867 г.: благодаря содѣйствію державъ поручительницъ (кромѣ, впрочемъ, Австріи, которая по обыкновенію вредила сербамъ), Порты согласилась вывести свои войска изъ Сербіи, съ тѣмъ, однако, чтобы надъ Бѣлградомъ продолжало развѣваться турецкое знамя.

Продолжая вооружать и устраивать созданную имъ армію, князь Михаилъ выжидалъ удобнаго момента для начала враждебныхъ дѣйствій; сознавая же невозможность бороться одному противъ Турціи, онъ заключилъ военныя конвенціи съ Греціей, Черногоріей и Румыніей, и завелъ сношенія съ бѣлградскими эмигрантами, проживавшими въ Бухарестѣ. Любопытно, что князь Николай соглашался даже подъ извѣстными условіями отказаться отъ черногорскаго престола въ пользу князя Михаила—такъ великъ былъ престижъ этого сербскаго «господаря». Князь Михаилъ предполагалъ начать новый крестовый походъ противъ османовъ не иначе, какъ опираясь на Россію. Для этого имъ былъ посланъ въ С.-Петербургъ съ особой миссіей І. Ристичъ, который представился Императору Александру II въ маѣ 1868 г. Нашъ Государь снова высказалъ увѣреніе въ благоволеніи къ Сербіи, но совѣтовалъ князю быть терпѣливымъ и умѣреннымъ.

Чтобы имѣть обстоятельное представленіе о степени удовлетворительности вооруженныхъ силъ своей страны и о томъ, что для нихъ необходимо, князь Михаилъ еще ранѣе (въ 1867 г.) просилъ русское правительство прислать ему нѣсколько специалистовъ-офицеровъ. Русская военная комиссія прибыла въ Сербію въ маѣ 1867 г. Она состояла изъ полковника генеральнаго штаба Леера, инженеръ-подполковника Постельникова и капитана Снессарева. Опредѣливъ организацію военнаго министерства, дѣйствующей арміи и ея резерва, комиссія составила также и планъ войны съ Турціей. По окончаніи члены комиссія возвратились въ Россію.

Занятый подготовленіями къ осуществленію «великой сербской идеи», князь Михаилъ мало обращалъ вниманія на внутреннія дѣла. Между тѣмъ въ странѣ шли раздоры: враждовали партіи либеральная и консервативная. Послѣдняя составила изъ членовъ совѣта, бывшихъ когда-то врагами абсолютизма Милоша, ихъ сторонниковъ и послѣдователей. Когда князь назначилъ министерство изъ консерваторовъ, то началось преслѣдованіе либеральной партіи; смуты въ странѣ усилились. Этимъ воспользовались приверженцы Карагеоргиевичей. Одинъ изъ нихъ, адвокатъ Пайя Радвановичъ, составилъ заговоръ съ цѣлью убить Михаила Обреновича и возвести на престолъ низвергнутаго Карагеоргиевича. Въ помощь себѣ онъ взялъ нѣсколько преступниковъ, отбывавшихъ наказаніе въ топчидерской тюрьмѣ. 29-го мая 1868 г., когда князь гулялъ со своей невѣстой (племянница его, красавица Катерина Константиновичъ), ея матерью и однимъ адъютантомъ въ топчидерскомъ паркѣ—вдругъ къ нимъ подошли четыре человѣка, остановились и выстрѣлили изъ револьверовъ. Князь и мать его невѣсты, Анна Константиновичъ, были убиты наповаль, а Катерина Константиновичъ ранена. Убійство князя Михаила (котораго съ тѣхъ поръ стали звать княземъ-мученикомъ) произвело чрезвычайно тягостное впечатлѣніе во всей странѣ; все покрылось трауромъ; и надежды заговорщиковъ не только не оправдались, но они сами были схвачены и вскорѣ по приговору суда казнены. Армія провозгласила княземъ племянника Михаила Обреновича, Милана, обучавшагося въ то время въ Парижѣ. 20-го іюня Миланъ Обреновичъ IV былъ подтвержденъ въ этомъ званіи великой скупщиной, а за малолѣтствомъ его Сербіей стало управлять «намѣстничество» (регентство). 10-го августа 1872 г. исполнилось совершеннолѣтіе князя Милана и онъ принялъ управленіе княжествомъ въ свои руки. Въ первые же годы его княженія начались беспорядки въ Босніи и Герцеговинѣ изъ-за притѣсненія христіанъ мусульманскими властями и помѣщиками (бегами). Въ 1875 г. вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ—возлѣ Невесинья и вскорѣ распространилось по всей Босніи и Герцеговинѣ; турки жестоко расправлялись съ возставшими. Сербія и Черногорія не могли оставаться равнодушными къ страданіямъ своихъ братьевъ и стали оказывать—и матеріальными средствами и людьми—энергическую помощь возставшимъ. Однако, слѣдуя внушеніямъ Россіи, которая, находя сербскія войска слишкомъ слабыми для борьбы съ турками, устами

своего представителя въ Константинополь генерала Игнатъева, совѣтовала сербскому правительству не отваживаться на вооруженное вмѣшательство въ босно-герцеговинскія дѣла—Сербія воздержалась пока отъ рѣшительныхъ выступленій точно такъ же, какъ и Черногорія, которой тоже были сдѣланы русской дипломатіей соотвѣтствующія представленія. Съ своей стороны Австрія, вытѣсненная въ 1866 г. изъ Германскаго союза и мечтавшая съ того времени получить вознагражденіе на востокѣ, хлопотала теперь о томъ, чтобы усилить свое вліяніе въ возмущившихся провинціяхъ въ ущербъ Сербіи и Черногоріи. Она старалась раздѣлить эти славянскія княжества и всячески препятствовала ихъ успѣхамъ, особенно не желая, чтобы Боснія и Герцеговина, слившись съ единоплеменными имъ Сербіей и Черногоріей, составили бы вмѣстѣ съ ними въ территориальномъ отношеніи одно нераздѣльное цѣлое.

Между тѣмъ въ Турціи послѣ смерти султана Абдула-Азиса и воцаренія Мурада наступили смуты; казалось, что насталь удобный моментъ для начала враждебныхъ дѣйствій противъ турокъ: Сербія и Черногорія заключили наступательно-оборонительный союзъ. Всю зиму 1875—76 гг. въ Сербіи шла дѣятельная работа по подготовкѣ мобилизаци. 12-го мая 1876 г. былъ принятъ на сербскую службу отставной генераль-маіоръ русскаго генеральнаго штаба, Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, пріобрѣвшій извѣстность своей боевой дѣятельностью въ Туркестанѣ. Онъ тотчасъ же былъ назначенъ начальникомъ главной дѣйствующей арміи—Моравской, а начальникомъ его штаба—русскій же полковникъ В. В. Комаровъ. Въ это время высоко поднялась въ Россіи волна сочувствія къ славянамъ, охвативъ широкіе круги русскаго общества. Славянское благотворительное общество, во главѣ котораго стоялъ извѣстный славянофилъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, собирало громадныя суммы, расходуя ихъ какъ на непосредственную помощь потерпѣвшимъ отъ турецкихъ насилій славянамъ, такъ и на формированіе и отправленіе отрядовъ Краснаго Креста и добровольцевъ.

Наканунѣ объявленія войны сербская армія состояла приблизительно изъ 50.000 пѣхоты, 13 эскадроновъ кавалеріи (около 1.000 коней), 70 полевыхъ и 8 горныхъ орудій, тогда какъ нишскую армію Абдуль-Керима-паши составляли 38.000 низама (отборное регулярное войско), 18.000 черкесовъ и 30.000 башибузуковъ (охотниковъ) при 188 орудіяхъ. Слѣдовательно силы турокъ были

больше. Кромѣ того, по качеству вооруженія, турецкія войска, предназначенныя для дѣйствія противъ Сербіи, значительно превосходили сербскія. Притомъ же эти послѣднія состояли почти исключительно изъ милиціи и добровольцевъ, среди которыхъ было къ концу войны до 3½ тыс. русскихъ (преимущественно отставныхъ офицеровъ и солдатъ) и болгаръ.

Война Турціи была объявлена славянскими княжествами 18-го іюня 1876 г. Моравская армія начала наступленіе на Акъ-Паланку и Пиротъ (по направленію Болгаріи). Сербы надѣялись, что ихъ дѣйствія вызовутъ обширное по размѣрамъ возстаніе въ Болгаріи но этого не произошло, вслѣдствіе чего пришлось отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій и ограничиться обороной. Черезъ мѣсяцъ турецкая армія, значительно усилившаяся, перешла въ наступленіе. Произошли многочисленныя битвы съ перемѣннымъ счастьемъ въ долинѣ Моравы, но значительный перевѣсъ въ силахъ у турокъ рѣшилъ побѣду въ ихъ пользу: послѣ упорнаго сопротивленія сербовъ Дьконишскія высоты и знаменитыя въ исторіи Сербіи Делиградскія позиціи перешли 17-го октября въ руки непріятеля; матеріальныя силы княжества были истощены, войска страдали отъ холода и голода... Князь Миланъ послалъ телеграмму Императору Александру II, умоляя спасти Сербію отъ разгрома. 19-го октября Портѣ былъ предъявленъ нашимъ посломъ въ Константинополь, генераломъ Игнатьевымъ, ультиматумъ о немедленномъ заключеніи перемирія съ Сербіей и Черногоріей подъ угрозой выѣзда русскаго посольства изъ Константинополя. Турція уступила: перемиріе было заключено на два мѣсяца, а 20-го февраля 1877 г.—миръ, подъ условіемъ сохраненія прежнихъ границъ и безъ всякой контрибуціи со стороны побѣжденныхъ. Съ объявленіемъ войны Турціи Россією князь Миланъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы сербская армія была принята для совмѣстныхъ дѣйствій съ русскими войсками, но при матеріальной поддержкѣ со стороны Россіи.

Для выясненія вопроса—насколько сербская армія могла быть для насъ полезна, а также для общаго руководства сербскими военными операціями—былъ командированъ изъ Горнаго Студня (въ Болгаріи) въ концѣ августа 1877 г. генераль-маіоръ генеральнаго штаба Бобрыковъ. 1-го декабря того же года князь Миланъ издалъ прокламацію своему народу объ объявленіи новой войны Турціи. Планъ войны заключался въ содѣйствіи русскимъ

войскамъ и слѣдовательно въ отвлеченіи на себя нѣкоторой части турецкихъ силъ. Сербія на этотъ разъ выставила 80 баталіоновъ (56.500 человекъ) при 178 орудіяхъ; кромѣ того, для отдѣльныхъ операцій были предназначены корпуса: дринскій (12 тыс.) и яворскій (13 тыс.). Къ концу же войны вся сербская армія состояла изъ 138 тысячъ человекъ.

Военныя дѣйствія начались успѣшно. Бои у Акъ-Паланки и подъ Пиротомъ, окончившіеся занятіемъ этихъ укрѣпленныхъ позицій сербами, возвысили духъ войскъ и оказали немаловажное содѣйствіе отряду генерала Гурко, переходившему въ это время Балканы, такъ какъ отвлекли на сербовъ значительную часть арміи Мехмета-паши и связали софійскій резервъ. 29-го декабря былъ взятъ Нишъ, важнѣйшая турецкая крѣпость на границѣ Сербіи, гдѣ побѣдителямъ досталось 267 орудій и 13 тыс. ружей. Затѣмъ послѣдовало занятіе Куршумліи и Враньи. Дорога къ Коссову полю, въ Старую Сербію, колыбель сербства, была открыта. Но какъ разъ въ это время—19-го января 1878 г.—послѣдовало заключеніе перемирія; враждебныя дѣйствія должны были приостановиться на всемъ театрѣ войны къ глубокому огорченію сербскихъ патріотовъ. Правда, въ послѣдствіи Санъ-Стефанскій договоръ предопредѣлилъ сербамъ Ново-базарскій санджакъ съ Новымъ Базаромъ и Митровицею; но Берлинскій конгрессъ отнялъ у нихъ Старую Сербію и предоставилъ ее Австріи, равно какъ и Боснію съ Герцеговиной. Тѣмъ не менѣе результаты этой войны были весьма велики для Сербіи: она приобрѣла полную независимость и значительное приращеніе своей территоріи. Но то обстоятельство, что рядомъ съ нею создавалось новое княжество—Болгарія, которое въ границахъ, назначенныхъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, получало огромное протяженіе, тогда какъ Сербія оставалась въ ограниченныхъ сравнительно предѣлахъ (даже завоеванные сербами Акъ-Паланка, Пиротъ и Вранья по этому договору уступались Болгаріи), и болгарофильство тогдашней нашей дипломатіи, доходившее до того, что даже изъ Старой Сербіи предполагалось сдѣлать болгарскую губернію, оставили въ сербахъ извѣстный осадокъ горечи по отношенію къ Россіи. Этимъ настроеніемъ сербскаго общества искусно воспользовалась Австрія для усиленія своего вліянія въ Бѣлградѣ. Къ тому же въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ организовалась въ Сербіи на ряду съ радикальной— партія «напредняковъ» (прогрессистовъ), которая представляла собой

обновленную консервативную партію и стремилась насадить въ Сербіи европейскую культуру. Она была немногочисленна, но во главѣ ея стояло нѣсколько выдающихся по уму и образованію людей, получившихъ воспитаніе, по большей части, на западѣ (напр. Милутинъ Гарашанинъ, Чедомиль Міатовичъ и др.). Напредняки снискали себѣ полное довѣріе князя и захватили власть въ свои руки. Направленіе ихъ политики вскорѣ сдѣлалось явно австрофильскимъ. Сторонники Россіи подверглись гоненію. Русскій воспитанникъ, митрополитъ Михаилъ, былъ смѣщенъ съ должности и долженъ былъ влачить дни въ изгнаніи, въ Россіи. Самъ недоброй памяти Миланъ Обреновичъ, провозглашенный въ 1882 г. королемъ Миланомъ I, не малое число дней въ году проводилъ у своихъ друзей въ Вѣнѣ и Пештѣ, отличаясь заornoю для коронованнаго лица жизнью. Новаго митрополита, Ѳеодосія Мраовича, онъ заставилъ развести себя съ королевой Наталіей (дочерью русскаго полковника Кешко); она принуждена была удалиться изъ Сербіи.

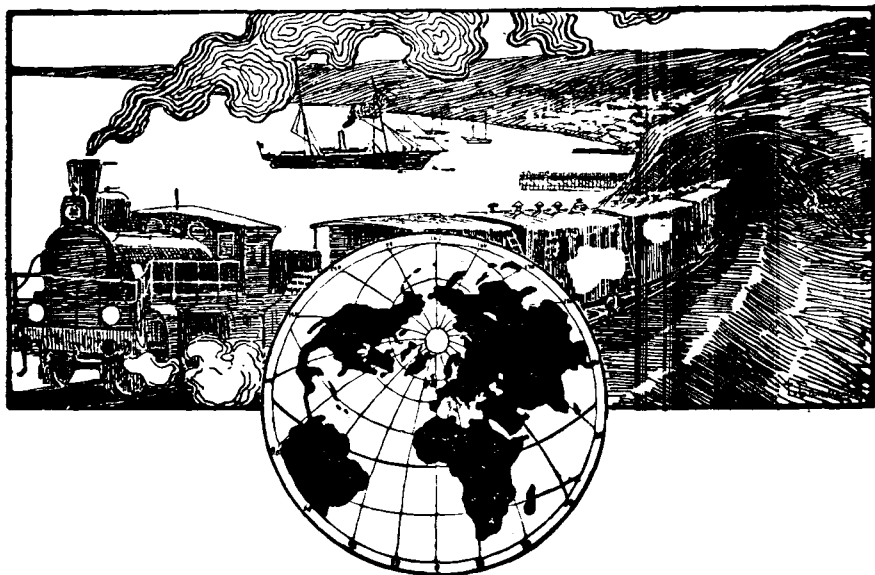
Австрійскій посланникъ графъ Кевенгюллеръ сталъ играть въ Бѣлградѣ такую же роль, какую игралъ нѣкогда въ столицѣ Сербіи (при Александрѣ Карагеоргіевичѣ) австрійскій консулъ Тея Радославлевичъ: безъ его совѣта не предпринималось ничего. Соотвѣтственно новому «культурному» курсу напредняковъ появилась надобность въ деньгахъ, которую не могли удовлетворить скромныя средства сербскаго бюджета. Тогда вѣнскій «Länder Bank» (земельный банкъ) открылъ «друзьямъ сербамъ» широкій кредитъ, подъ залогъ разныхъ доходныхъ статей. Милліонныя займы слѣдовали одинъ за другимъ и соотвѣтственно тому увеличивались налоги. Въ Бѣлградѣ появилось множество разныхъ нѣмецко-еврейскихъ предпринимателей; нѣмецкій языкъ слышался всюду; при дворѣ и въ обществѣ стала развиваться роскошь. Скромныя сербскія «господы» (госпожи) и «господицы» (дѣвushки-барышни) нарядились въ шелкъ и бархатъ... Но сербскій народъ неохотно шелъ за этимъ новымъ курсомъ своей интеллигенціи. Въ немъ мало-по-малу сталъ явственно сказываться духъ оппозиціи. Склонявшаяся къ Россіи радикальная партія была ему больше понутру. Начались возстанія, но они были подавлены суровыми мѣрами, причемъ главари были казнены. Въ сентябрѣ 1885 г. произошло объединеніе Восточной Румеліи съ княжествомъ Болгаріей. Подстрекаемый Австріей, которой были на-руку

вражда и соперничество между народами Балканскаго полуострова, король Миланъ, «для возстановленія нарушеннаго политическаго равновѣсія», объявилъ войну Болгаріи. Вначалѣ сербы имѣли успѣхъ, но когда болгарская армія, дождавшись прибытія румельскихъ войскъ, перешла въ наступленіе, то сербы подь Пиротомъ были разбиты. Тогда на сцену явился австрійскій посланникъ, графъ Кевенгюллеръ, который отъ имени Европы предложилъ болгарамъ прекратить военныя дѣйствія подь угрозою, въ случаѣ несогласія, встрѣтить въ Сербіи австрійскія войска. Болгарскія войска очистили Сербію. Эта неудачная война и послѣ нея борьба съ народнымъ движеніемъ, явно враждебнымъ королю, заставили Милана I отказаться отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына Александра. Актъ отреченія былъ подписанъ 22-го февраля 1889 г. До совершеннолѣтія короля Сербія должна была управляться намѣстничествомъ, состоявшимъ изъ трехъ лицъ. 1-го апрѣля 1893 г. король Александръ, имѣя 17 лѣтъ отъ роду, провозгласивъ себя совершеннолѣтнимъ, принялъ бразды правленія королевствомъ. Въ юнѣ мѣсяцѣ 1903 г. онъ трагически погибъ, убитый военными заговорщиками вмѣстѣ со своей супругой Драгою ночью, во дворцѣ, въ своей спальнѣ.

15-го юня 1903 г. на сербскій престолъ вступилъ внукъ Кара-Георгія, Петръ Карагеоргіевичъ, подь предводительствомъ наслѣдника котораго въ настоящую войну полки сербскіе, послѣ кровопролитныхъ боевъ съ турками подь Кумановымъ и Прилѣпомъ, заняли Старую Сербію, а передовые отряды сербовъ достигли сянго Адриатическаго моря.

Н. Б. Швановъ.

По Монголии до границъ Тибета.

Глава XVI¹⁾.

Изъ горъ въ пустыню.

Монастырь Чойбээнъ и путь въ Чортэнтанъ; трехдневное здѣсь пребываніе.—Переходъ въ новооткрытый городокъ Куань-гоу-ченъ.—Алашанская пустыня.—Пески Сэрха.—Гибель собаки Гарзы.—Городъ Дынъ-юань-инь.—Монгольское княжество Алашанъ или Алаша.—Очеркъ его обитателей.—Въ гостяхъ у Цинь-вана.

Чойбээнскій гэгэнъ все еще отсутствовалъ, хотя, по словамъ его нирвы, за хутухтой посланы подводы и онъ здѣсь ожидался, примѣрно, черезъ два-три мѣсяца. Знакомый нирва встрѣтилъ и пріютилъ моихъ спутниковъ такъ же любезно и предупредительно, какъ и въ предыдущій разъ.

На слѣдующее утро, 1-го сентября, экспедиція выступила по направленію къ Чортэнтану.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1912 г., № 11.

Какъ и въ передній путь, такъ и теперь маршрутъ экспедиціи пролегалъ по переваламъ Тэпа и Шугъ-ламъ, у подножій выдѣляющихся вершинъ Шахэръ и Ртакъ-цанъ. Каравану приходилось опять то подниматься на кручи и слѣдовать вдоль опасныхъ карнизовъ, то спускаться на дно глубокихъ ущелій и переправляться въ бродъ черезъ ручьи и рѣчки. Горы почти все время были скрыты густыми облаками; дни были непріятные сѣрые, напоминавшіе нашу ненастную осень. Это лѣто было здѣсь особенно богато атмосферными осадками; тропинки нѣсколько разъ размывались и вновь исправлялись. Нашему отряду въ этомъ отношеніи пришлось также поработать не мало, а мнѣ лично поболѣть душою при видѣ, какъ неувѣренно пробирается караванъ по скользкому глинистому обрыву: того и гляди, что полетитъ тотъ или другой व्यюкъ съ коллекціями или инструментами и въ одинъ несчастный мигъ... страшно подумать... всѣ труды пропадутъ даромъ; такого рода несчастья никогда не забудешь. Чтобы отвлечь напряженное вниманіе отъ каравана, невольно переводишь взглядъ въ другую сторону, гдѣ залегаютъ еще болѣе дикій хаосъ горъ, расчлененныхъ множествомъ ущелій; самую величественную гору изъ окрестнаго сонма громадъ—Рангхта намъ удалось увидѣть только однажды, въ незначительный ясный проблескъ; она была покрыта снѣгомъ и небольшими клочками кучевыхъ облаковъ.

Спускаясь съ перевала Тэпа, мы были встрѣчены компаніей ламъ, среди которыхъ оказался хутухта ближайшаго монастыря Гань-чянь-гомба — Ндань-ма-лама, пожелавшій съ нами непременно познакомиться и пригласить насъ къ себѣ на нѣсколько дней съ цѣлью поохотиться въ его лѣсахъ.

Монастырь Гань-чянь-гомба запрятанъ въ живописномъ ущельѣ, въ глубинѣ горъ. Монастырскія постройки лѣпятся по крутому скату, поросшему лѣсомъ и кустарникомъ. По дну ущелья грохочетъ и пѣнится небольшая рѣченка общаго съ монастыремъ названія.

Современный гэгэнъ состоитъ въ восьмомъ перерожденіи и считается четвертымъ по старшинству изъ всѣхъ восемнадцати чортэнтанскихъ хутухтъ. Молчаливый, сосредоточенный и крайне нервный Ндань-ма-лама занятъ совершенно отвлеченной мыслью, а именно созданіемъ еще болѣе усовершенствованнаго типа европейской военной пятизарядной винтовки! Новѣйшія ружья вообще—страсть перерожденца, и онъ уже имѣетъ двѣ скорострѣлки герман-

скаго и австрійскаго образцовъ. Куда бы гэгэнъ ни слѣдовалъ, всюду ему сопутствуютъ нѣсколько человѣкъ подчиненныхъ ламъ, имѣющихъ за плечами одно или два ружья, изъ которыхъ отъ времени до времени хутухта пострѣливаетъ. Внимательно осмотрѣвъ нашу трехлинейную винтовку, любознательный гэгэнъ спросилъ: «чѣмъ же былъ награжденъ ея изобрѣтатель»? Получивъ надлежащій отвѣтъ, хутухта замѣтилъ: «а я уже придумалъ типъ ружья, которое будетъ бить на разстояніе въ три раза большее, нежели бьетъ ваша винтовка, но къ сожалѣнію у меня подъ руками нѣтъ ни надлежащихъ приспособленій, ни достойныхъ помощниковъ, которые были бы въ состояніи помочь мнѣ воплотить идею». Гэгэнъ съ большимъ интересомъ относился также и ко всякаго рода европейскимъ вещамъ, въ особенности къ астрономическимъ часамъ и другимъ научнымъ инструментамъ. Не знаю, какъ хутухта относится къ своимъ прямымъ обязанностямъ, но, видя съ какимъ благоговѣніемъ подходили къ нему его единовѣрцы и молились не только самому хутухтѣ, но и его сѣдлу, въ правѣ заключить, что подобающимъ образомъ.

У этого гэгэна я также видѣлъ портретъ Н. М. Пржевальскаго, о которомъ, повторяю, старѣйшіе ламы чортэнтанскаго раіона хранятъ самое лучшее воспоминаніе. На прощанье Ндань-ма-лама преподнесъ мнѣ золоченаго бурхана.

Время, проведенное нами на правомъ берегу Тэтунга, промелькнуло незамѣтно. Эта могучая рѣка вздулась, ревѣла, бурлила и пѣнилась, высоко поднимая радужныя брызги у залежавшихъ на ея галечномъ днѣ гигантскихъ валуновъ. О существующей въ другое время года переправѣ черезъ эту рѣку въ бродъ какъ-то не вѣрилось: теперь глубина брода превышала сажень. Съ помощью тангутовъ мы соорудили бревенчатый плотъ, настлали его досками и понемногу перевезли весь свой багажъ и верблюдовъ. Одновременно нашъ плотъ поднималъ четырехъ верблюдовъ и шестерыхъ человѣкъ казаковъ, которые, уложивъ животныхъ и связавъ имъ ноги, придерживали ихъ, кромѣ того, за бурундуки или поводья; тѣмъ не менѣе въ одинъ изъ рейсовъ чуть-чуть не приключилась бѣда: по срединѣ бурной рѣки плотъ вдругъ накренился, два верблюда свалились въ Тэтунгъ, увлекая за собою и двухъ людей—тангута и Мадаева. Минута была ужасная; ревъ верблюдовъ, крикъ гребцовъ и пловцовъ и полное онѣмѣніе стоящихъ на берегахъ. Сильнымъ теченіемъ понесло внизъ и плотъ, и

животныхъ, и людей; вотъ ихъ еще разъ качнуло и обдало волной; тѣмъ временемъ гребцы оправились и дружно налегли «къ берегу»; еще двѣ—три минуты и ужасъ исчезъ; счастье и на этотъ разъ насъ не покинуло; и на этотъ разъ нашъ Мадаевъ остался невредимъ, несмотря на то, что не умѣлъ плавать.

Гора Шахэръ, прорѣзавъ кучевое облако, гордо возносились къ небу. У ея подножья съ одной стороны катились грозныя волны Тэтунга, съ другой—располагались уютныя домики земледѣльцевъ, заканчивавшихъ уборку хлѣба.

Въ два слѣдующихъ дня, пятого и шестого августа, экспедиція перенесла свой бивакъ въ Чортэнтапъ. На протяженіи большей половины пути ея, маршрутъ вновь описывалъ гигантскую волну, пересѣкая рядъ горныхъ отроговъ, съ которыхъ путникъ могъ наблюдать красивыя широкіе виды, заполненные богатою растительностью. Съ глубинъ ущелій въ красивомъ безпорядкѣ взгромождались одна на другую дикія сѣрыя скалы, по которымъ кое-гдѣ торчали жалкія деревца ели и можжевельника; отъ самыхъ высокыхъ или командующихъ вершинъ въ свою очередь сбѣгали каменные розсыпи; выше же всего, въ ярко-синемъ небѣ, плавно кружились снѣжные грифы, бородатые ягнятники и звонко клектавшіе на просторѣ орлы-беркута. Верхній поясъ съ полуденной стороны отливалъ увядшимъ тономъ альпійскихъ луговъ, средній—пожелтѣвшими кустарниками, въ нижнемъ же или лѣсномъ поясѣ попрежнему преобладалъ темнозеленый колоритъ. Лѣсныя пернатые продолжали скрываться отъ взоровъ охотниковъ. И только на одномъ изъ многочисленныхъ второстепенныхъ переваловъ, въ ожиданіи каравана, мнѣ посчастливилось замѣтить порядочный выводокъ голубыхъ фазановъ, вышедшихъ изъ лѣсу на освѣщенный солнцемъ луговой пригорокъ. Въ густой, высокой травѣ птицы хорошо скрывались за исключеніемъ красиво изогнутыхъ головъ, по которымъ только и можно было ихъ обнаружить. Прицѣпившись въ фазановъ, я выпустилъ въ нихъ зарядъ дроби; дымъ выстрѣла, громкимъ эхомъ откликнувшася въ скалахъ, повисъ надолго въ воздухѣ, и птицы незамѣтно улетѣли, за исключеніемъ четырехъ, поступившихъ въ нашу орнитологическую коллекцію.

Меньшая часть пути пролегла хорошо изученнымъ ущельемъ Мэторъ, гдѣ насъ догналъ нашъ старый знакомый Цорджи-лама—свѣтскій управитель Чортэнтана. Неожиданная встрѣча вызвала съ обѣихъ сторонъ неподдѣльную радость. Цорджи-лама забрасы-

валь насъ вопросами о Тибетѣ, о нашемъ странствованіи; мы же съ своей стороны разспрашивали его, какъ онъ сохранилъ наши коллекціи и что теперь происходитъ въ ближайшихъ, населенныхъ китайцами, пунктахъ. Въ отвѣтъ на наши вопросы свѣтскій управитель, послѣ нѣкотораго молчанія, сталъ энергично излагать слѣдующее: «За цѣлость вашего имущества, я нравственно перестрадалъ не мало. Лишь только начались волненія въ Китаѣ, ко мнѣ въ монастырь собралось нѣсколько человѣкъ нашихъ тангутовъ съ строгимъ запросомъ: вѣдомо ли мнѣ, что я принялъ отъ русскихъ на храненіе? не находятся ли въ ихъ ящикахъ разрывные снаряды, отъ дѣйствія которыхъ нашъ монастырь взлетитъ на воздухъ? Чтобы не произошло какой-либо бѣды, продолжали тангуты, мы рѣшили имущество русскихъ выбросить въ рѣку!— Ни угрозы, ни увѣщанія, ничто, говорилъ Цорчжи-лама, не могло удержать расходившихся буяновъ; они стояли на своемъ и требовали выдачи вашихъ ящиковъ для своей цѣли. И только одно мое иносказательное согласіе спасло ваши коллекціи:—хорошо, замѣтилъ я, видимо съ вами не сговоришься, берите ящики, принадлежащіе русскимъ; вы, вѣроятно, думаете, что они дѣйствительно всѣ перебиты въ Тибетѣ; но помните, если русскіе придутъ снова въ Чортэнтанъ и спросятъ свое имущество, то вы, а никто другой, явитесь отвѣтчиками! Принявъ на храненіе отъ русскихъ ихъ багажъ, я выдалъ имъ въ томъ письменное обязательство, въ силу котораго Россія всегда въ правѣ спросить съ нашего монастыря то, что намъ временно было оставлено русской экспедиціей! Послѣ этого страсти моихъ подчиненныхъ мірянъ улеглись. Тѣмъ временемъ военныя событія на Востокѣ стали затихать, а вѣсти о нашемъ приходѣ въ Сининъ учащаются, и струсившіе тангуты спрятались по щелямъ. Послѣ европейско-китайской войны престижъ или обаяніе вашей родины, ея могущество и сила, стали еще болѣе высокими. Китайцы поняли и лучшимъ образомъ доказали вамъ это своимъ привѣтомъ въ Сининѣ».

Придя въ Чортэнтанъ мы расположились на лѣвомъ берегу красавца Тэтунга, напротивъ прежней нашей стоянки, въ виду заманчивыхъ лѣсныхъ ущелій. Вблизи насъ разстилался тополевыи вѣковой лѣсъ, еще ближе монотонно шумѣла и плескалась рѣка.

Сколько лучшихъ воспоминаній вновь пробудилъ во мнѣ Тэтунгъ! На этихъ самыхъ берегахъ я впервые понялъ высокую пре-

лестъ путешествія въ Центральной Азіи; на этихъ самыхъ берегахъ я прислушивался къ заманчивымъ разговорамъ моего незабвеннаго учителя о Камѣ; среди этой же обстановки я отдыхалъ послѣ пустыни Гоби, идя въ передній путь. Теперь я вновь на этихъ берегахъ, еще болѣе чарующихъ меня обаятельной лаской природы и отрадно воскрешающихъ во мнѣ на мѣстѣ живой образъ ея перваго изслѣдователя...

Въ день прихода въ Чортэнтанъ, мы доставили на бивакъ наше имущество, образцово сбереженное монастыремъ. Каждый изъ насъ нашелъ здѣсь личный запасъ платья, бѣлья и послѣ обстоятельнаго мытья съ удовольствіемъ одѣлся во все новое, свѣжее. Первое время мы даже не сразу узнавали другъ друга, замѣчая со смѣхомъ: «все стали господами». Припрятанныя на днѣ ящичковъ заѣдочки и усладенки также пришлись намъ какъ нельзя болѣе кстати. Словомъ, приходъ въ Чортэнтанъ для экспедиціи былъ великимъ праздникомъ. Наши друзья ламы еще болѣе способствовали подобному радостному настроенію. Они насъ встрѣтили словно самыхъ близкихъ родныхъ, участливо разспрашивая не только о путешествіи по «странѣ ламъ и монастырей», но и о томъ, что намъ извѣстно изъ писемъ о нашей родинѣ, о нашихъ родныхъ. Эти люди, казалось, всецѣло отдались намъ—и радовались, и горевали неподдѣльно вмѣстѣ съ нами; свое личное я, на время нашего пребыванія, было ими забыто.

Десятаго сентября нашъ караванъ покинулъ монастырь Чортэнтанъ. Ламы вышли проводить и напутствовать экспедицію, принеся ей въ даръ интересную тибетскую книгу «Исторію царей Тибета», сочиненіе пятаго далай-ламы. Гэгэнъ ганьчянъскаго монастыря—Нданъ-ма-лама не утерпѣлъ, чтобы еще разъ не повидаться съ нами и не предложить намъ дополнительныхъ вопросовъ, касающихся новѣйшихъ военныхъ ружей, бездымнаго пороха, штыковъ и вообще холоднаго оружія. Прощаніе съ этимъ и другими тремя старѣйшими ламами Чортэнтана было самое трогательное. Цоръчи-лама, въ званіи свѣтскаго управителя, добровольно вызвался проводить насъ до Ча-коу-и чтобы помочь намъ устроиться въ дальнѣйшій путь.

Въ привѣтливыхъ долинахъ восточнаго Нань-шаня группировались китайцы и осѣдлые тангуты, въ мѣстахъ же болѣе дикихъ проживали исключительно кочевники. Горныя богатства ущелій южнаго склона разсматриваемыхъ горъ эксплуатировались китай-

Караванъ въ горахъ восточнаго Нань-Шаня.

цами и дунганами; первые разрабатывали каменный уголь, вторые были заняты добычей золота.

По мѣрѣ поднятія на хребетъ Сѣверо-тэтунгскій дорога улучшалась, и мы безъ дождя удачно, хотя и очень медленно, поднялись на переваль У-да-линь, ведущій въ ущелье Ярлынь-голь. Спускаться же по сѣверному склону намъ пришлось иною, нежели въ передній путь, болѣе кружною дорогою, въ обходъ крайне размытыхъ ливнями горныхъ тропинокъ; на этомъ добавочномъ боковомъ пути мы долгое время слѣдовали въ области альпійскихъ луговъ, осиливъ переваль Кир-хноп-па, поднятый надъ моремъ на 11.270 футовъ. Съ вершинъ второстепенныхъ отроговъ открываются красивые горные ландшафты: внизу мирно пасутся стада домашняго скота; сверху, въ трудно доступныхъ скалистыхъ вершинахъ, робко наблюдаютъ за проходящимъ караваномъ олени и куку-яманы; подлѣ васъ съ дребезжащимъ шумомъ кружить бородастый ягнятникъ: вы видите его красивую голову, иногда повертываемую въ ту или другую сторону. Не вѣрилось, что съ подобнаго рода величественными картинами природы Центральной Азіи мы уже прощались. Впереди на сѣверѣ нѣжная голубая окраска неба переходила въ сѣрую дымчатую, характеризующую присутствие пустыни...

Большая, хорошо содержимая дорога, вблизи которой мы вскорѣ расположились, была густо заселена и также оживлена, какъ и въ передній путь, когда мы слѣдовали отъ Лянъ-чжоу.

Вечеромъ, 14-го сентября, наканунѣ выступленія въ дальнѣйшій путь, явились ожидаемыя подводы и были доставлены предметы продовольствія. Миссія Цорджи-ламы считалась оконченной, и онъ пришелъ съ нами проститься. При дружескомъ разставаніи монахъ растрогался: крупныя слезы полились изъ его темныхъ глазъ, еще минута и онъ... зарыдалъ. Подобнаго рода слезы я видѣлъ у туземцевъ впервые; они на меня произвели глубокое впечатлѣніе. Человѣкъ, чуждый намъ по религіи, языку, нравамъ, обычаямъ, былъ тѣмъ не менѣе близокъ намъ по обще-человѣческимъ, душевнымъ качествамъ. Отъ этого чортэптанскаго ламы, равно и отъ другихъ пріятелей, обитающихъ въ нагорной Азіи, я періодически получаю письма. «Удостоившись знакомства съ вами, читаемъ въ одномъ изъ писемъ Цорджи-ламы, я проникся къ вамъ чувствомъ искренней преданности. Со времени разлуки съ вами, когда я постоянно съ глубокою любовью вспоминалъ о васъ, незамѣтно промелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ и зеле-

ный тростникъ покрылся туманомъ и серебристая роса сгустилась въ иней. Я думаю о томъ мѣсяцѣ (о вась), какъ будто бы онъ находился, и какъ запретить духу переноситься чрезъ пространства. Съ почтеніемъ вспоминая о вашихъ великихъ доблестяхъ и высокихъ административныхъ талантахъ, я съ глубокимъ нетерпѣніемъ ожидаю, какъ благовѣщеніе облака (отличіе) покроетъ вась, какъ роса покрываетъ бамбукъ. А я, бѣдный монахъ, обитатель пустыни, пристрастившійся къ лѣсамъ и источникамъ, хотя и мечтаю о томъ, чтобы выдѣлиться изъ толпы, но мнѣ не достаеъ указаній къ воспитанію природы. Какое сравненіе съ вашимъ превосходительствомъ, который широко распространяетъ просвѣщеніе, озаряя имъ людей»...

Впереди, по направленію къ сѣверу, разстиралось холмистое луговое плато, подъ названіемъ Чагрынской степи. Населенія въ этой степи мало: путешественникъ съ грустью отмѣчаетъ разоренныя деревни. До послѣдняго магометанскаго возстанія, въ 1895 — 1896 гг., въ разсматриваемой мѣстности проживало не мало дунганъ и китайцевъ. Передъ началомъ мятежа дунгане быстро собрали свой скарбъ и переселились къ юго-востоку отъ Синина, въ долину Ми-ла-гоу, почти исключительно обитаемую дунганскимъ и саларскимъ населеніемъ. По дорогѣ въ Ча-коу-и, повстанцы осадили маленькое китайское укрѣпленіе, въ которомъ укрывался ду-сы съ тридцатью солдатами. Дунгане потребовали сдачи, но китайцы заперлись и попрятались; тогда магометане сожгли ворота и, занявъ цитадель, произвели поголовное избіеніе, за исключеніемъ самого ду-сы и его молоденькихъ дочерей, которыхъ побѣдители взяли себѣ въ жены. Ду-сы счастливо спасся, благодаря находчивости преданнаго ему солдата-дунганина, выпачкавшего кровью лицо и одежду начальника и въ такомъ видѣ выведшаго его за крѣпость, послѣ чего китайскій офицеръ незамѣтно бѣжалъ.

Одинъ изъ ночлеговъ въ Чагрынской степи мы имѣли подлѣ ничтожнаго городишки Сунъ-шань-чена, имѣвшаго тѣмъ не менѣе два ряда крѣпостныхъ глинобитныхъ стѣнъ, помѣщавшихся одна внутри другой. Исторія возведенія наружной стѣны приписывается желанію богдыханскаго сына — изгнанника, которому невыносимо тяжело было сидѣть въ маленькой городской крѣпостной клѣткѣ. Судьба, однако, сжалилась надъ несчастнымъ принцемъ и вырвала его изъ этихъ мѣстъ раньше окончанія добавочной постройки.

Къ сѣверу отъ Сунъ-шань-чена горизонтъ замыкался невысокой плоской грядой, Лоу-ху-шань, простиравшейся съ сѣверо-

запада на юго-востокъ. Спускаясь по извилистому крутому ущелью, мы любовались попутно расположеннымъ опрятнымъ, красивымъ селеніемъ Ту-да-дунъ, гдѣ наблюдались интересные пруды съ запасомъ воды для орошенія небольшихъ горныхъ полей. При выходѣ изъ ущелья, мы свернули къ востоку и, слѣдуя вдоль окраины горъ, достигли городка Куань-гоу-чена, гдѣ и разбили бивакъ.

Городъ Куань-гоу-ченъ основанъ въ третій годъ правленія Сянь-фынъ, т. е. въ 1853 г. и процвѣталъ до четвертаго года правленія Тун-чжи, т. е. до 1865 г., когда магометане-повстанцы разграбили и сожгли его, а жителей вырѣзали. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ вновь отстроился и настолько густо заселился, что образовалъ предмѣстье, но въ седьмой годъ правленія того же Тун-чжи новое дунганское нашествіе не пощадило ни самаго города, ни его предмѣстья. Въ самое послѣднее возстаніе магометане очистили пригородъ, но городъ, окруженный высокой стѣной, отстояли селяки, вооруженные солдатскими ружьями; большинство жителей, не довѣря больше этому несчастному городу, однако, разѣхалось.

Уѣздъ подчиненъ лянчжоускому дао-таю.

Старичекъ, начальникъ Куань-гоу-чена, заранѣе увѣдомленный о нашемъ сюда приходѣ и о заготовленіи вьючныхъ подводъ до резиденціи алашаньскаго вана, встрѣтилъ насъ любезнымъ приглашеніемъ на чашку чаю. Такимъ образомъ, 17-е сентября, день именинъ моей жены, было для насъ неожиданнымъ праздникомъ. Мы съ удовольствіемъ отправились къ хозяину города пѣшкомъ; къ тому же стояла отличная солнечная погода и насъ пригрѣвало по-лѣтнему. Мои спутники радостно взирали на впереди лежавшую пустыню, за которой виднѣлся конецъ нашему продолжительному странствованію.

Начальникъ города очень извинялся за бѣдность и отдаленность его владѣній, не позволившихъ ему угостить насъ такъ, какъ онъ хотѣлъ бы это сдѣлать. По возвращеніи къ себѣ на бивакъ, мы вскорѣ были опять въ обществѣ старика-начальника, пожаловавшаго къ намъ въ нарядномъ одѣяніи, въ телѣжкѣ, сопровождаемой нѣсколькими человѣками изъ служащихъ. Насколько позволяли наши запасы, мы въ свою очередь угостили почтеннаго старика, который охотно отвѣдалъ предложенныхъ ему заѣдочекъ и усладенекъ и съ восторгомъ, въ числѣ другихъ подарковъ, принялъ нарядную коробку московской карамели. Между прочимъ старичекъ очень одобрилъ нашъ коньякъ и ликеры и,

когда В. О. Ладыгинъ объяснилъ ему, по какому случаю мы пьемъ сегодня эти напитки, то старичекъ предложилъ приличествующій тость. Какъ дороги и пріятны подобные дни въ Центральной Азiи!..

Благодаря ясному небу, я здѣсь, во вновь открытомъ городкѣ, произвелъ астрономическое опредѣленіе географическихъ координатъ. По окончаніи астрономическихъ наблюденій, подъ впечатлѣніемъ отлично проведеннаго дня, я долго гулялъ по биваку. Вечеръ былъ тихій, теплый; луна, поднявшись надъ горами, мягко озаряла нашъ лагерь и погруженный въ дремоту городокъ. Вблизи насъ протекалъ небольшой горный ручей, мелодичное журчаніе котораго рядомъ съ торжественной тишиной ночи уносило мысль далеко, далеко....

Деятнадцатаго сентября 1901 г., мы оставили городокъ Куань-гоу-ченъ и черезъ два дня слѣдованія прибыли въ богатое верблюдами селеніе Бай-гунь-цзы, откуда начинается настоящая пустыня.

У ближайшей окраины гора, наше вниманіе привлекъ воткнутый шесть съ водруженной на его вершинѣ человѣческой головой, отрубленной недавно одному изъ убійцъ китайцевъ. Въ извѣстномъ урочищѣ, въ лёссовой пещерѣ, разыгралась кровавая драма. Здѣсь неожиданно встрѣтились двѣ партіи китайскихъ паломниковъ, направлявшихся въ Лхасу. Одна изъ этихъ партій составила изъ семи человѣкъ мѣстныхъ хэшеновъ — монаховъ бѣдняковъ, другая изъ четырехъ кантонскихъ богатыхъ обитателей, которые перезнакомились съ первыми и сговорились совершать паломничество вмѣстѣ. Однако, богатство кантонцевъ и глубокая темная ночь не давали покоя мѣстнымъ монахамъ, порѣшившимъ покончить съ пришельцами и, захвативъ ихъ имущество, бѣжать. Задуманный планъ приведенъ былъ въ исполненіе. На слѣдующее затѣмъ утро одинъ изъ несчастныхъ кантонцевъ пришелъ въ себя и, собравшись съ силами, окровавленный, доташился до Куань-гоу-чена, гдѣ повѣдалъ о случившемся. Администрація города быстро приняла мѣры къ розыску и поимкѣ преступниковъ; двое изъ нихъ, дѣйствительно, вскорѣ были изловлены и казнены; прочіе же еще скрывались, хотя народъ съ увѣренностью говорилъ, что они въ скоромъ времени будутъ найдены и получать такое же возмездіе, какъ и другіе убійцы. Видѣнная нами голова на шесть принадлежала одному изъ казненныхъ преступниковъ.

Общая картина мѣстности до резиденціи алаша-вана представляется слѣдующей: восточная часть горизонта заполнена горами

западная же представляет море сыпучихъ песковъ, среди которыхъ, подобно островамъ, выступаютъ порядочныя горы Ябарай и другія значительно меньшія, тамъ и сямъ разбросанныя по равнинѣ. Съ Чагрынской степи въ Дынъ-юань-инъ ведутъ три дороги: первая, восточная, самая кружная, но и самая удобная, проходящая вдоль подножья алашаньскихъ горъ, среди китайско-монгольскаго земледѣльческаго населенія; вторая, западная или даджинская, изученная Н. М. Пржевальскимъ, и третья, средняя или куаньгоученская, кратчайшая и интересная по своей новизнѣ; экспедиція остановилась на послѣдней.

Общій видъ и характеръ сэрхэскихъ песковъ одинаковъ съ таковыми баданджарэнгскими, описанными ранѣе. Песчаные рукава, пересѣченные нами, кажутся съ вершинъ гобійскихъ высотъ въ видѣ широкихъ блестящихъ лентъ, разложенныхъ пышными складками на темно-сѣрой земной поверхности. Иногда пески тянутся длинными змѣеобразными грядами, съ рѣзко выраженными гребнями, поднимающимся до пятидесяти—семидесяти или даже до ста футовъ. Съ вершинъ подобныхъ бархановъ песчаное море представляется замѣчательно красивымъ: мѣстами ярко-желтыя волны словно въ настоящемъ морѣ располагаются одна за другой въ строгомъ порядкѣ; мѣстами, наоборотъ, нѣсколько волнъ группируются вмѣстѣ и поднимаются одна на другую, причемъ, въ концѣ концовъ, образуются характерныя бреши или воронко-образныя углубленія.

Подобно баданджарэнгскимъ, сэрхэскіе пески кажутся нѣмыми, безжизненными, а порою, въ особенности вначалѣ, даже удручающими, пока глазъ не привыкнетъ къ однообразному желтому фону и не замѣтитъ въ выемкахъ деревцо саксаула, или другой какой-либо кустъ, свойственный пустынѣ, или даже небольшую площадку зеленаго камыша, пріятно гармонирующаго съ общей золотисто-желтой окраской песковъ. Рядомъ съ растительной жизнью—кустарникомъ или камышемъ—нерѣдко обнаруживается и животная: изъ маленькихъ, едва замѣтныхъ простому глазу, норокъ осторожно высовываются мордочки остроголовыхъ и плоскоголовыхъ ящерицъ; вотъ выбѣжала одна, другая, обѣ повернули головки въ вашу сторону, напряженно слѣдя за вами и играя своими подвижными, извивающимися въ кольца, хвостиками. По красивой, мелко-волнистой песчаной поверхности въ свою очередь наблюдаешь бесконечныя узорчатые пути различныхъ жуковъ; чаще другихъ въ это время попадались у дороги навозники, трудившіяся надъ

тяжелыми комочками или катышками, въ которыхъ заключено будущее потомство ¹⁾).

Въ наблюдёніяхъ всякаго рода время бѣжить незамѣтно, караванъ подвигается впередъ. Усталые верблюды мягко ступаютъ по песку; ихъ тяжелое, учащенное дыханіе неприятно дѣйствуетъ на поднятые нервы человѣка; вереница животныхъ то поднимается па вершину песчаной волны, то скрывается въ ея широкомъ промежуткѣ. Набѣжить затѣмъ пустынный вѣтеръ, гребешки песковъ закурятся и только что проложенный караваномъ путь исчезнетъ, какъ исчезаетъ слѣдъ корабля въ океанѣ. Слѣдующій путникъ будетъ внимательно наблюдать за еще непогребенными пескомъ скелетами павшихъ животныхъ или тамъ и сямъ обнажающимися другими отбросами животныхъ, или крайне рѣдкими обо, сложенными исключительно изъ вѣтвей саксаула. Наконецъ томительные пески оканчиваются: радостно и свободно вздыхаешь, вступая на болѣе твердую почву; всѣ невольны ускоряютъ шагъ; собаки, почувявъ приближеніе воды, пускаются вприпрыжку и первыя утоляютъ жажду.

Весь путь черезъ пустыню до Дынъ-юань-ина мы прошли въ одиннадцать дней, въ среднемъ дѣлая въ день около тридцати верстъ. Почти ежедневно на встрѣчу намъ попадались паломники, шедшіе въ монастырь Гумбумъ, а нѣкоторые и дальше—въ Лхасу. Богомольцы слѣдовали или исключительно пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукахъ и котомкой за плечами, или вели въ поводу одного—двухъ верблюдовъ, завьюченныхъ ихъ походнымъ скарбомъ. Въ нѣдрахъ песковъ попался, между прочимъ, и свѣжій трупъ паломника, лежавшій подлѣ тропинки у вырытаго колодца; листки молитвенной книжки были разнесены по сторонамъ, невдалекѣ блуждалъ одинокій верблюдъ, отпущенный на свободу. Пройдетъ нѣкоторое время, налетѣвшіе грифы и вороны очистятъ косякъ, вѣтеръ же пустыни его высушитъ и занесетъ пескомъ.

Во все время нашего пребыванія въ алашаньской пустынѣ погода стояла настолько теплая, что напоминала собою паше среднероссійское лѣто, и всѣ мы чувствовали себя въ этомъ отношеніи очень хорошо. Не посчастливилось лишь экспедиціонному псу, Гарзѣ; его доконали пески, въ которыхъ Гарза тяжело заболѣлъ и палъ на послѣднемъ передъ Дынъ-юань-иномъ ночлегѣ. Полтора

¹⁾ Изъ особенно интересныхъ жуковъ, собранныхъ экспедиціей въ пескахъ, по изслѣдованію извѣстнаго русскаго энтомолога А. П. Семенова, оказались новые виды изъ рода *Ahermes*—*Ahermes Kaznakowi* и *A. Kozłowi*.

года Гарза неизмѣнно служилъ каравану. Эта собака видѣла и суровую часть тибетскаго нагорья, и его теплую, расчлененную на глубокія, низкія долины, восточную окраину, неутомимо преслѣдовала дикихъ яковъ, медвѣдей, волковъ, антилопъ, переплывала черезъ многочисленныя горныя рѣки, поднималась на высокіе вѣчно-снѣговые хребты, вернулась въ Цайдамъ, пересѣкла Нань-шань, но не вынесла алашаньскихъ песковъ—погибла. Надежды моихъ забайкальцевъ увезти ее къ себѣ на родину не оправдались. Последніе часы ночного страданія Гарза провелъ у ногъ часового, утолявшаго его острую жажду. На утро вѣрный товарищъ каравана и другъ покойнаго Мандрила лежалъ холоднымъ трупомъ...

Спѣша попасть въ родные предѣлы въ-время, до большихъ холодовъ, я дорожилъ каждымъ днемъ послѣдняго полутора-мѣсячнаго періода и заблаговременно командировалъ Бадмажанова курьеромъ въ Дынъ-юань-инъ съ цѣлью скорѣйшаго выясненія мѣстнымъ управителемъ вопроса о дальнѣйшемъ нашемъ слѣдованіи по Гоби. Какъ и слѣдовало ожидать, алаша-ванъ принялъ моего посланнаго любезно и предупредительно выслалъ ко мнѣ на встрѣчу чиновника, съ которымъ мы утромъ, 29-го сентября, вступили въ восточное предмѣстье Дынъ-юань-ина.

До прихода монголовъ въ Алашань или «Алаша», какъ говорятъ мѣстные коренные обыватели, извѣстный подъ этимъ названіемъ районъ, ограниченный на востокъ и югъ культурной полосой китайскаго населенія, на западѣ—кочевьями эцзинголскихъ торговъ, на сѣверѣ—Халхой и, наконецъ, на сѣверо-востокъ—землей уротовъ, оставался незаселеннымъ.

Въ началѣ царствованія второго богдыхана царствующей нынѣ въ Китаѣ династіи, въ Илійскомъ краѣ произошли среди олотовъ безпорядки и около тысячи семействъ, во главѣ съ однимъ тайчжи, вынуждены были бѣжать съ Или въ Алаша. Бѣглецы поселились главнымъ образомъ въ горахъ Ябарай, откуда производили лихіе набѣги за Алашаньскій хребетъ, равно къ сѣверу и западу отъ своего главнаго стана. Подобно могучему пауку, воинственный тайчжи опуталъ пески сѣтью развѣздовъ и быстро посылалъ подкрѣпленіе въ нужный районъ пустыни. Такъ длилось двадцать лѣтъ. За этотъ промежутокъ времени китайскія власти пытались, если не усмирить совершенно, то хотя бы наказать дерзкихъ олотовъ, но попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Однако, тайчжи и его ближайшій совѣтникъ, извѣстный подъ кличкою «Одноглазый-лама», видѣли, что рано или поздно имъ придется поплатиться за разбой,

и, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ спокойное владѣніе занятыми землями, рѣшили принести повинную богдыхану.

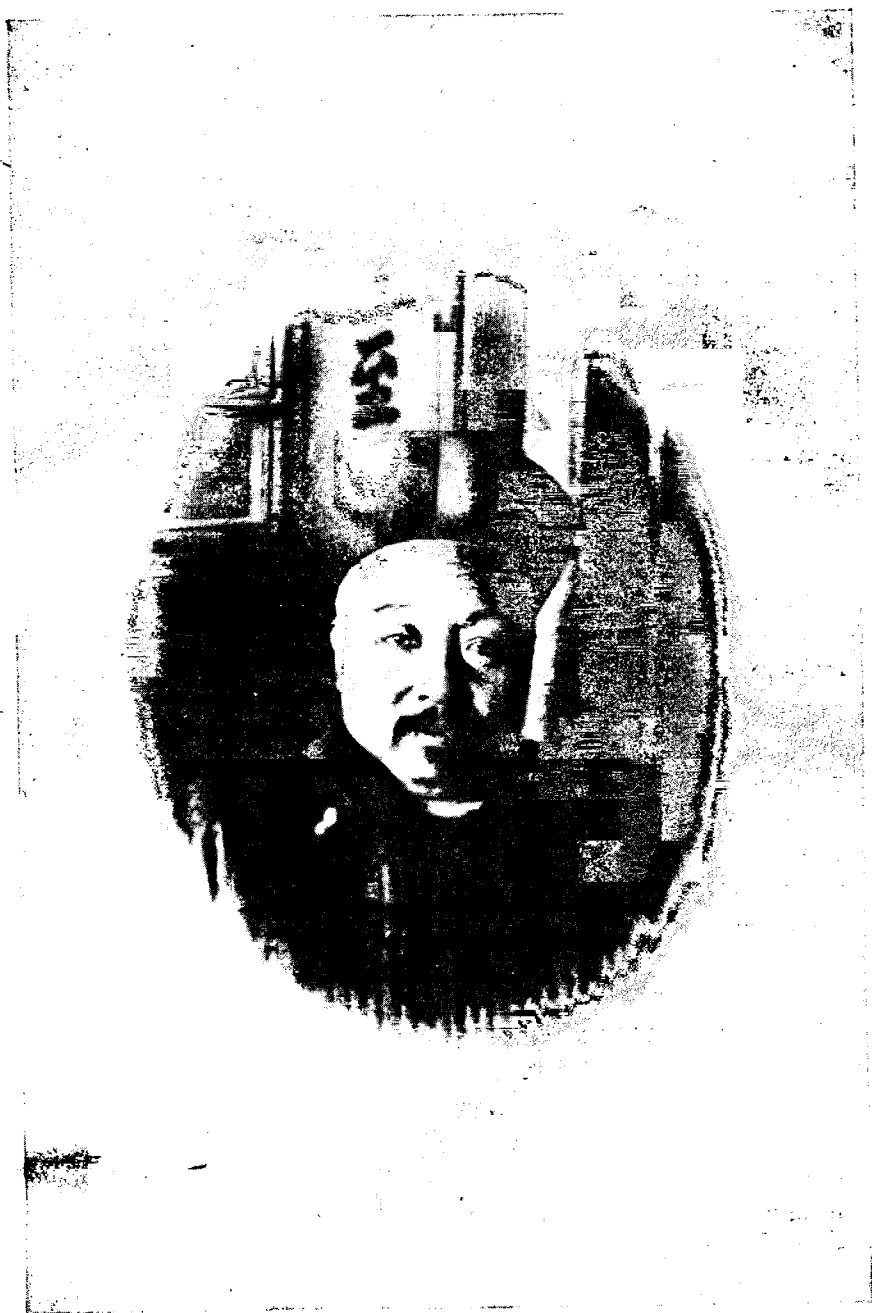
Въ тридцать седьмомъ году правленія настоящей манчжурской династіи, т. е. въ 1681 г. по Р. Х., тайчжи и Одноглазый лама, въ сопровожденіи болѣе или менѣе вліятельныхъ олотовъ, отправились въ Пекинъ, гдѣ были ласково приняты богдыханомъ Канъ-си, современникомъ Петра Великаго. Олоты «чистосердечно» сознались во всѣхъ своихъ проступкахъ, въ грабежахъ и разбояхъ, объяснивъ все это крайнею нуждою, заставившею ихъ искать себѣ пропитаніе этимъ путемъ. Но убѣдившись, что жить такимъ преступнымъ образомъ нехорошо, они явились просить устроить ихъ законнымъ порядкомъ на незаселенныхъ алапаньскихъ мѣстахъ. Повинная была принята, проступки прощены и, кромѣ того, богдыханъ командировалъ съ тайчжи одного сановника, которому предписано было указать районъ олотскихъ кочевій. Указанныя границы остаются въ силѣ и до сего времени.

Тайчжи былъ награжденъ княжескимъ званіемъ «бэйлэ». Монголы бросили грабежи и перешли къ мирному занятію—скотоводству. Богдыханъ избавилъ населеніе «песчаной страны» отъ всякихъ повинностей и податей. Эти привилегіи стали извѣстны въ окрестностяхъ, и въ хошунъ бэйлэ потянулись монголы отовсюду. Къ концу жизни третьяго бэйлэ алашаньскій хошунъ насчитывалъ уже около десяти тысячъ семействъ, богатыхъ въ особенности стадами верблюдовъ. Слава алашаньскаго хошуна скоро достигла и некинскаго двора.

Во время управленія хошуномъ четвертаго бэйлэ въ провинціи Гань-су вспыхнуло дунганско-саларское возстаніе, и алашаньскіе монголы должны были, по повелѣнію богдыхана, принять дѣятельное участіе въ подавленіи мятежа.

Алашаньскій бэйлэ освободилъ Лань-чжоу-фу и преградилъ движеніе саларовъ на Куку-норъ устройствомъ крѣпости, извѣстной подъ названіемъ Баръ-хото, развалины которой мы видѣли въ передній путь экспедиціи. Салары были не только задержаны, но и разбиты на голову.

За этотъ подвигъ алашаньскій бэйлэ былъ пожалованъ княжескимъ титуломъ «цинъ-ванъ» и тогда же богдыханъ выдалъ за него одну изъ дочерей. Отправляя въ Алашань принцессу, богдыханъ подарилъ цинъ-вану кромѣ приданаго имуществомъ и людьми-манчжурами еще десять тысячъ ланъ серебра на устройство дворца въ укрѣпленіи Дынъ-юанъ-инъ и столько же для раздачи монголь-

Алашаньскій князь (Фу-ма).

скому населенію. Дочь богдыхана сопровождалъ огромный поѣздъ, въ составъ котораго, между прочимъ, вошла и цѣлая труппа актеровъ со всѣми принадлежностями для представлений.

Къ прибытію принцессы укрѣпленіе Дынъ-юань-инъ было расширено: возвели новую городскую стѣну, внутри построили дворецъ со службами и театральнымъ заломъ и проч. Торговля новаго городка быстро увеличилась.

Если путешественникъ захочетъ видѣть въ восточномъ или южномъ Алаша чистокровнаго монгола-олбта въ его платьѣ и обстановкѣ, то онъ едва ли удовлетворитъ свое желаніе. Алашанцы этихъ частей сильно окитаились: и мужчины и даже женщины носятъ китайское платье, въ юртахъ завели китайскую обстановку, ѣдятъ китайскія кушанья изъ китайской посуды, поютъ китайскія пѣсни, а когда нужно, то и говорятъ по-китайски, хотя свой монгольскій языкъ въ большей или меньшей чистотѣ еще сохраняютъ, за исключеніемъ настоящихъ китаистовъ, вводящихъ въ разговорную рѣчь не только отдѣльныя китайскія слова, но даже и цѣлыя фразы. При дворѣ алаша-вана слышна исключительно китайская рѣчь. Нынѣшній ванъ и его старшій сынъ-наслѣдникъ не говорятъ по-монгольски, если не считать нѣкоторыхъ заученныхъ фразъ и отдѣльныхъ словъ, произносимыхъ съ китайскимъ акцентомъ.

Населеніе же болѣе удаленныхъ, глухихъ мѣстъ Алаша все еще старается сохранить монгольскій обликъ, занимаясь попрежнему только скотоводствомъ. Но и здѣсь мужской элементъ начинаетъ одѣваться въ китайское платье, да и молодая модница также не прочь принарядить свои головы въ китайскіе платки, а ноги въ мужскіе китайскіе сапоги; пожилыя же женщины еще упорно отстаиваютъ свой національный костюмъ, въ особенности безрукавку—цэгэдэкъ, убранство головы и самую прическу.

Монголы переняли отъ китайцевъ ихъ важную осанку, манеру говорить, встрѣчать и провожать гостя со всѣми китайскими церемоніями. Они перестали справлять праздники по-монгольски. Новый годъ празднуется по-китайски. Скачекъ, борьбы и проч. здѣсь нѣтъ, но зато процвѣтаетъ пьянство; городское населеніе пристрастилось къ опиуму и азартнымъ играмъ на деньги.

Наше трехдневное пребываніе въ Дынъ-юань-инѣ промелькнуло очень быстро. Приведа себя въ порядокъ, я съ своими спутниками, въ сопровожденіи конвоя, отправился къ цинъ-вану. Проѣхавъ восточное предмѣстье, мы вступили черезъ южныя, облицованныя камнемъ, ворота въ самый городъ и вскорѣ очутились у безконеч-

наго ряда всевозможныхъ построекъ княжескаго двора. Миновавъ затѣмъ нѣсколько воротъ, мы были встрѣчены чисто по-китайски наслѣдникомъ управителя Алаша и его свитой и всей компаніей прослѣдовали до покоевъ вана. По дорогѣ изъ оконъ на насъ смотрѣло много женскихъ глазъ нарядно одѣтыхъ манчжурокъ; нѣкоторыя изъ нихъ открыто стояли при входѣ въ фанзы и вполголоса дѣлали замѣчанія. Наконецъ показался и цинь-ванъ, изысканно-вѣжливо поздоровавшійся съ нами и пригласившій насъ къ себѣ въ кабинетъ.

Цинь-ванъ являлъ собою представительнаго, здороваго, хотя и съ нѣкоторою блѣдностью въ лицѣ, китайскаго чиновника, умѣвшаго держать себя съ достоинствомъ. Ванъ выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что видитъ меня второй разъ и уже въ роли руководителя экспедиціи. Впервые съ цинь-ваномъ я познакомился восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, еще будучи юношей, участвовалъ въ четвертомъ путешествіи Н. М. Пржевальскаго, о которомъ алаша-ванъ много разъ вспоминалъ съ самой лучшей стороны. Нѣсколько портретовъ великаго путешественника украшало стѣну кабинета на ряду съ другими семейными фотографіями князя. Подобно сининскимъ чиновникамъ, алаша-ванъ очень интересовался нашимъ путешествіемъ, внимательно выслушивая отвѣты на заданные имъ вопросы о природѣ отдаленнаго Тибета, о его племенахъ, про которыя онъ привыкъ слышать одни только ужасы.

Съ своей стороны я благодарилъ алаша-вана за содѣйствіе экспедиціи въ передній ея путь, когда мы прошли западнѣе Дыньюань-ина, а именно серединою горъ Ябарай, тѣхъ самыхъ, которыя послужили главнымъ пристанищемъ его отдаленнымъ предкамъ, впервые ступившимъ на эту землю. На мою благодарность ванъ учтиво замѣтилъ, что это его прямая обязанность и что теперь онъ вновь готовъ прійти на помощь экспедиціи, возвращающейся на родину. Вначалѣ я предполагалъ было отправиться путемъ Н. М. Пржевальскаго, но къ моему удовольствію ванъ предложилъ мнѣ иную, новую дорогу, проходящую какъ разъ въ серединѣ между моимъ маршрутомъ на западъ и путемъ Н. М. Пржевальскаго на востокъ.

Во все время нашего разговора, ванъ и я съ моими сотрудниками сидѣли, но наслѣдникъ вана, согласно этикета, стоялъ въ княжеской свитѣ, какъ заурядный чиновникъ.

Въ заключеніе цинь-ванъ просилъ меня не торопиться съ отхо-

домъ каравана, а денекъ—другой остаться еще въ Дынъ-юань-инъ, но въ концѣ концовъ внялъ моимъ доводамъ и позаботился отдать распоряженіе о скорѣйшемъ заготовленіи всего необходимаго на нашемъ дальнѣйшемъ пути. Отъ приглашенія же на обѣдъ, назначенный на завтра, мы не могли отказаться.

Передъ обѣдомъ А. Н. Казнаковъ сфотографировалъ вана и его сыновей; явившіяся затѣмъ для той же цѣли женщины не удостоились разрѣшенія вана и сконфуженныя поторопились убраться во свояси.

Во время обѣда, затянувшася до поздняго вечера, давалось театральное представленіе совершенно такъ же, какъ и въ Сининѣ, да и самый обѣдъ въ общемъ несъ тотъ же китайскій характеръ, съ включеніемъ лишь въ китайскія блюда монгольскихъ. Ванъ въ дружеской бесѣдѣ старался доказать намъ свои симпатіи къ Россіи потому, главнымъ образомъ, что Россія не посылаетъ въ Монголію миссіонеровъ, причиняющихъ Китаю массу неприятностей, доводящихъ до вооруженнаго столкновенія съ европейцами.

Въ десять часовъ вечера мы возвратились въ свой лагерь, который, за исключеніемъ часового и заботливаго фельдфебеля Иванова, спалъ крѣпкимъ сномъ, такъ какъ на завтра назначено было выступленіе въ дальнѣйшій путь.

Глава XVII.

Поперекъ Гоби.

Опять въ пустынь.—Неожиданное свиданіе съ разыскивавшимъ экспедицію таранчей.—Колодецъ Хара-сухай.—Пересѣченіе Монгольскаго Алтая.—По владѣніямъ Сайнъ-нойона и Тушету-хана.—Усиленные переходы п невзгоды зимы.—Томительное ожиданіе конца путешествія.—Посланецъ отъ консула.—Урга и послѣдніе дни путешествія.

2-го октября мы оставили шумный Дынъ-юань-инъ съ пріятной мыслью объ Ургѣ и сразу очутились въ тихой монотонной пустынь. Проходя у высотъ, окаймляющихъ гороль съ сѣвера, мы наблюдали интересную травлю лисицъ борзыми. Невдалекѣ отъ каравана, изъ за холмовъ, неожиданно показались всадники, которые на нашихъ глазахъ съ страшной стремительностью скакали за собаками, увлеченными лисой. Я долго не забуду въ высшей степени интересныхъ

двухъ—трехъ минутъ, въ теченіе которыхъ лиса, борзые и нѣсколько челоуѣкъ всадниковъ, слившись въ одинъ фокусъ общей картины, мчались подлѣ нашего каравана; это было нѣчто особенное, приковавшее наше вниманіе; вотъ еще одна секунда, еще одинъ моментъ, и лиса въ зубахъ собакъ; общее замѣшательство и поднятая въ воздухъ пыль подтвердили предполагаемое окончаніе успѣшной травли. Въ рукахъ нарядно одѣтаго всадника виднѣлся красивый звѣрь съ пушистымъ хвостомъ. Это былъ утренній выѣздъ младшаго изъ княжескихъ сыновей, желавшаго вѣроятно показать намъ свою лихость и молодечество.

Какъ и всегда, первоначальный переходъ нашъ былъ очень небольшой—всего лишь въ девять верстъ—приведшій караванъ на колодець Курэтэ. Нынѣшній годъ, благодаря частымъ дождямъ, отмѣченъ въ Гоби небывалымъ урожаемъ пустынной растительности, нерѣдко сплошнымъ ковромъ залегавшей на десятки верстъ по сторонамъ дороги. Сульхирь уродился также прекрасно, о чемъ свидѣтельствовали часто сложенные скирды этого дикаго хлѣба. По словамъ престарѣлыхъ монголовъ, подобные урожайные годы случаются разъ въ сто лѣтъ; поэтому не всѣ поколѣнія монголовъ могутъ видѣть свою «пустыньку» въ такомъ богатомъ убранствѣ. По случаю тѣхъ же обильныхъ дождей на нашемъ пути, по низинамъ, то и дѣло попадались не только оголенные блестящія поверхности, но даже и лужи сохранившейся воды. Порою заставляли обращать на себя вниманіе одиночки или небольшія группы робкихъ хара-сультъ, граціозными прыжкамъ исчезающихъ вдаль, рѣже взлетали дрофы или съ шумомъ бури проносились надъ головой пустынники-больдуруки. На сѣверо-западѣ изъ отдаленныхъ высотъ и горъ миражъ—«этотъ злой духъ пустыни»—строилъ цѣлыя системы хребтовъ фантастическихъ очертаній. Наконецъ, открывается видъ на углубленную часть равнины, среди которой опытный глазъ легко распознаетъ ожидаемый колодець.

Впрочемъ, теперь, когда у всѣхъ одно стремленіе скорѣе упасть въ Ургу, насъ не страшили никакіе переходы. О полученіи какой бы то ни было корреспонденціи мы уже не мечтали, о временной стоянкѣ также; мы знали только два состоянія: днемъ сидѣть на верблюдѣ или лошади, ночью спать. Поэтому мы всѣ были крайне поражены неожиданнымъ пріѣздомъ вслѣдъ за нами, на колодець Уланъ-таталъ, русско-подданнаго таранчи Касимъ-ахунъ Абдулвагапова, командированнаго Императорскимъ россійскимъ консульствомъ въ Урумчи, какъ значилось въ бумагѣ, переданной

мнѣ посланцемъ, «для разысканія членовъ и слѣдовъ экспедиціи, покинувшей Россію въ 1899 мѣ году подъ начальствомъ поручика Козлова». Со словъ порядочно говорившаго по-русски Абдулвагапова мы поняли, что въ апрѣлѣ 1901 г. въ Урумчи появился монголъ съ вѣстью о гибели нашей экспедиціи гдѣ-то въ Восточномъ Тибетѣ. Объ этомъ монголъ открыто говорилъ всѣмъ встрѣчнымъ на базарѣ людямъ и смѣло подтвердилъ при личномъ допросѣ консулу В. М. Успенскому. Нѣкоторое довѣріе къ себѣ пришелецъ приобрѣлъ, согласно показанію Касима, толковыми разказами о членахъ экспедиціи, о ихъ дѣятельности въ пути, съ допустимымъ подробнымъ изложеніемъ о томъ, между прочимъ, что во время критическаго положенія экспедиціи, онъ, монголъ, находился въ двухнедѣльномъ пути къ югу отъ насъ, куда онъ былъ командированъ начальникомъ экспедиціи для пріисканія хорошихъ мѣстъ въ смыслѣ охоты и пастбищъ, что, выполнивъ задачу, онъ возвращался въ станъ экспедиціи, но по дорогѣ встрѣчнымъ ламой-товарищемъ по школѣ, былъ уговоренъ вернуться, если ему еще дорога жизнь, такъ какъ на экспедицію будто бы напало до двухъ тысячъ нголоковъ, по всей вѣроятности уже покончившихъ съ русскими; что ему не оставалось ничего другого, какъ только скорѣе бѣжать на русскую границу, что онъ и сдѣлалъ: и, наконецъ, энергичнымъ заявленіемъ: «если его доводовъ, тѣмъ не менѣе, не примутъ во вниманіе и не награждать по заслугамъ, то онъ будетъ принужденъ отправиться въ другое консульство»... Послѣ этого, продолжалъ докладывать Касимъ, консульская администрація совѣщалась нѣсколько дней, неоднократно сносилась съ Петербургомъ и въ концѣ концовъ командировала Абдулвагапова, съ двумя товарищами-спутниками, въ Западный Китай, въ сининскій округъ. На путевые расходы разѣзду была выдана тысяча лавъ серебра. Отправляя Абдулвагапова въ путь консульство строго приказало ему свято исполнить возложенное порученіе: отыскать экспедицію или въ крайнемъ случаѣ ея слѣды и привезти въ видѣ вещественнаго доказательства, хотя бы дневники, журналы, планы, инструменты и проч., снявъ съ насъ на память фотографію. «Наши торговцы-собратья, прощаясь съ нами, говорилъ Абдулвагаповъ, плакали, говоря, что если разбойники уничтожили большую военную экспедицію, то васъ убьютъ и подавно».

Пробывъ съ нами около сутокъ, Абдулвагаповъ получилъ письмо на имя управляющаго Урумчійскимъ консульствомъ В. О. фонъ-Эттингена и отправился въ Урумчи. Теперь для насъ стало еще

яснѣ въ какой тревогѣ находились всѣ тѣ, кому были дороги интересы экспедиціи и кто такъ или иначе былъ связанъ съ нами. Нѣкоторымъ облегченіемъ путешественникамъ служило лишь то обстоятельство, что экспедиція возвращалась на родину съ чувствомъ удовлетворенія, посильно выполнивъ свою трудную и отвѣтственную задачу. Съ отъездомъ Абдулвагапова нашему желанію возможно скорѣе очутиться въ Ургѣ не было предѣловъ; для всѣхъ насъ Урга стала землею обѣтованной.

Въ началѣ путешествія, столь же продолжительнаго, какъ наше, время возвращенія на родину обыкновенно исчисляется годами, въ концѣ же странствованія—последовательно мѣсяцами, недѣлями, а затѣмъ и днями. Съ возвращеніемъ въ Цайдамъ годовые сроки прекратились; ихъ смѣнили мѣсячные. Въ настоящее же время наступили чуть не недѣльные, въ теченіе которыхъ экспедиція находилась въ пути изо дня въ день, за исключеніемъ двухъ—трехъ дневокъ, и прошла разстояніе въ тысячу верстъ, дѣлая ежедневно, въ среднемъ, около тридцати пяти верстъ. Въ этой части Гоби максимальнымъ переходомъ для нашего каравана былъ переходъ въ сорокъ восемь верстъ, минимальнымъ—въ восемнадцать.

Короткіе осенне-зимніе дни отъ зари до зари проходили въ движеніи. По части сбора и разбора бивака, гренадеры и казаки дошли положительно до виртуозности: обширный бивакъ, словно по волшебству, снимался и вновь располагался менѣе, нежели въ полчаса времени.

Наскоро выпитой чашкой кирпичнаго чая приходилось довольствоваться въ продолженіе всего дня до вечерняго чая. Вычерчиваніе планшета, писаніе дневника и приведеніе въ порядокъ коллекціонныхъ списковъ исполнялось въ двухчасовой промежуткѣ, отъ вечерняго чая до обѣда-ужина.

Самый день для меня лично проходилъ крайне быстро, незамѣтно, такъ какъ новое пересѣченіе Гоби поглощало все мое вниманіе съемкой и сборомъ образцовъ горныхъ породъ, изъ которыхъ слагались всевозможные выходы. На этомъ гобійскомъ рейсѣ наша геологическая коллекція пополнилась двумястами экземпляровъ горныхъ породъ. Здѣсь мнѣ удалось наиболѣе широко примѣнить полезные совѣты и спеціальныя указанія нашего извѣстнаго геолога, профессора Томскаго технологическаго института Владиміра Афанасьевича Обручева, который кромѣ того любезно принималъ на себя трудъ изученія и опредѣленія всей геологической коллекціи экспедиціи.

При двойномъ колодцѣ Хара-сухай мы встрѣтили шаньсѣйскихъ китайцевъ, проживавшихъ въ фанзѣ и занимавшихся покупкою верблюжьей и бараньей шерсти. Это сырье въ количествѣ семи—восьми сотъ пудовъ ежегодно китайцы отправляютъ прямымъ путемъ въ Дынъ-коу, гдѣ перепродаютъ агентамъ иностранныхъ фирмъ. Шаньсѣйцы оказались очень привѣтливими людьми и во время дневки накормили насъ превкусными пельменями. Любители и знатоки огородничества они сумѣли и въ пустынѣ развести маленькій огородикъ, въ которомъ хорошо родятся кукуруза, тыква, морковь, капуста, рѣдиска, лукъ, чеснокъ и проч. На мой вопросъ къ китайцамъ: «какъ они поживаютъ и какъ идетъ ихъ торговое дѣло?»—они отвѣтили: «жить скучно, торговля изъ-за войны унала; такіе люди, какъ вы, здѣсь никогда не бывали».

Двигаясь, затѣмъ, по глубокому, коридорообразному ущелью Торайнъ-голь, мы встрѣтили въ немъ одну жалкую юрту, молодая обитательница которой охотно пришла на помощь нашимъ проводникамъ и въ штормъ отлично провела караванъ на колодець Бѣригинъ-усунъ. Малоощутительный въ горахъ вѣтеръ даль знать себя тотчасъ по выходѣ нашемъ въ покатую на сѣверъ долину, служащую восточнымъ продолженіемъ котловины Гойцзо.

Въ этой наиболѣе углубленной части Гоби водоносный горизонтъ проходитъ на пять—семь футовъ ниже земной поверхности, которая, вообще говоря, представляетъ болѣе или менѣе измельченный продуктъ разрушенія горныхъ породъ, вынесенныхъ изъ горъ потоками и обточенныхъ пескомъ.

Подлѣ большинства горъ, по русламъ рѣчекъ, въ наиболѣе глубокихъ долинахъ, словомъ повсюду, я встрѣчалъ слѣды пребыванія монголовъ-кочевниковъ; то же самое, на всемъ поперечномъ пути по Гоби, мнѣ подтверждали и проводники относительно окрестныхъ мѣстъ. Это обстоятельство краснорѣчиво говоритъ въ пользу того, что абсолютно безлюдною, абсолютно безводною, пустыня Гоби на большія пространства нигдѣ не представляется, что нѣтъ-нѣтъ да встрѣтится колодець или родникъ, что нѣтъ-нѣтъ да встрѣтятся одинъ или нѣсколько монголовъ.

Въ сѣверо-восточномъ углу Алаша намъ нерѣдко попадались типы съ признаками арійской крови: съ большими, сравнительно, конечно, глазами, высокими, изогнутыми носами и даже длинными лицами. При разспросахъ оказывалось, что это результатъ пребыванія на сѣверо-восточной окраинѣ Алашаньскаго хребта небольшой горсти киргизовъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «хотонъ»,

живущихъ, повидимому, нѣсколько обособленно, хотя административно и входящихъ въ составъ одного изъ монгольскихъ сумуновъ.

Съ окраинныхъ высотъ Цзунъ-цохоньнъ-шилп мы увидѣли быстро скакавшихъ навстрѣчу къ намъ нѣсколькихъ челоуѣкъ чиновниковъ Балдынъ-цзасакскаго хошуна, привезшихъ мнѣ письмо отъ Бадмажанова, который вновь мчался по Гоби курьеромъ. Изъ письма моего неутомимаго спутника я узналъ, что онъ уже благополучно прослѣдовалъ въ ставку Балдынъ-цзасака—старога знакомаго, гостепрїимно встрѣтившаго Бадмажанова и попрежнему обезпечившаго дальнѣйшее движеніе по средней Монголіи. Отсюда же мы радостно привѣтствовали въ сѣверной туманной дали Монгольскій или Гобійскій Алтай, его «три хорошихъ» вершины—Гурбанъ или Гурбунъ-сайханъ, съ близкаго разстоянія заслоняемыхъ рядомъ прилежащихъ высотъ и отдѣльныхъ гороекъ.

Въ сообществѣ привѣтливыхъ чиновниковъ мы незамѣтнымъ образомъ доѣхали до колодца Мандалъ-шандэ, расположеннаго при пересѣченіи торгоутской дороги, направляющейя изъ Эцзинъ-гола, черезъ Борцзонъ, въ резиденцію богдыхана. И какъ теперь кстатн были заранѣе приготовленныя для нашего отряда большія, уютныя юрты и топливо—самыя, повидимому, необходимыя принадлежности въ дорогѣ, а между тѣмъ казавшіяся намъ роскошью, и мы послѣ дневныхъ утомительныхъ переходовъ съ прїятнымъ чувствомъ входили въ нихъ, согрѣваясь чаемъ и тепломъ маленькой заслуженной печки. Время бѣжало быстро, но несравненно медленнѣе нашихъ желаній. Мы съ дѣтской наивностью отсчитывали истекавшіе дни и дни, предстоявшіе впереди, по направленію къ Ургѣ—этой своего рода «обѣтованной землѣ» тибетскихъ странниковъ. Да, дѣйствительно, Урга была для насъ землей обѣтованной: мы сильно истомились и нравственно, и физически, почему не могли не желать скорога конца нашего путешествія.

Съ сѣверной окраины Бага-аргалинтэ мы опять увидѣли горы Гурбанъ-сайханъ во всей ихъ пустынной прелести. Каждый изъ трехъ сайхановъ выдѣлялся отчетливо, въ особенности ближайшій или восточный—Цзунъ-сайханъ, характерно-изламывающійся въ этомъ направленіи.

При рочищѣ Шины-кобэръ мы устроили первую послѣ Харасухая дневку. Здѣсь, благодаря ясному состоянію неба, мнѣ удалось произвести астрономическое опредѣленіе географической широты, важное въ томъ отношеніи, что въ этомъ пунктѣ пересѣкаются маршруты мой и А. Н. Казнакова. Здѣсь же я написалъ и

послѣднее официальное письмо въ Географическое общество о самых послѣднихъ шагахъ экспедиціи.

Въ три послѣдующихъ дня мы оставили за собою и Монгольскій Алтай. Съ массивовъ Гурбанъ-сайханъ сбѣгаютъ длинныя бѣлы—покатоги, граничація съ кукухотоскими дорогами, и открываются широкіе виды, въ особенности къ сѣверу, гдѣ мѣстность снова заполнена высотами и грядами, изъ которыхъ на нашемъ пути выдѣляются Онцо и Хонгырь-обо. Въ долину «Бѣлаго дэрэсуна» мы встрѣтили большое оживленіе въ отношеніи населенія и животнаго міра. Сюда проникаютъ, такъ называемыя, цаганъ-дзере или монгольскія антилопы, изрѣдка подвертывавшіяся подъ наши выстрѣлы.

На колодцѣ Хонгоръ-обонынъ-усу экспедиція встрѣтила молодую монголку-паломницу съ семилѣтнимъ сыномъ, слѣдовавшую нѣшкомъ изъ окрестностей Урги, въ сопровожденіи ламы, приставшаго къ нимъ по дорогѣ и несшаго ихъ общій скарбъ за плечами. По словамъ богомольцевъ конечною цѣлью ихъ былъ монастырь Гумбумъ, куда они намѣревались прибыть предстоящимъ лѣтомъ, а то и позднѣе.

Навѣщавшіе насъ чиновники-монголы, подвѣдомственные Тушету-хану, были въ высшей степени любезны и предупредительны. Мѣстный князь то и дѣло присылалъ ко мнѣ своихъ личныхъ адъютантовъ справиться о здоровѣи и о томъ, главнымъ образомъ, не имѣетъ ли экспедиція въ чемъ-либо нужду, такъ какъ на его нравственной обязанности лежитъ обычный долгъ облегчить невзгоды дружественныхъ Китаю русскихъ путешественниковъ, истомленныхъ многолѣтнимъ странствованіемъ по далекому Тибету. По своей инициативѣ хлѣбосольный ханъ прислалъ мнѣ въ подарокъ десять отличныхъ барановъ и кусокъ шелковой ткани. Съ своей стороны экспедиція не осталась въ долгу. Моему посланному ханъ нѣсколько разъ выражалъ свое сожалѣніе, что, будучи боленъ, онъ лишень возможности навѣстить меня и посмотрѣть на горсточку русскихъ людей, объѣхавшихъ огромный раіонъ, населенный самыми различными людьми, исповѣдующими, однако, одну общую религію—буддизмъ.

Отъ колодца Дэрэсунъ-усу до кумирни Кирэ-Юнцотэ, экспедиція слѣдовала въ области горъ, сначала Дэлгэрхангайскихъ, затѣмъ другихъ меньшихъ, съ востока и запада прилежащихъ къ дорогѣ.

Дэлгэръ-хангай представляетъ собою узкій скалистый кряжъ, наиболѣе высоко поднимающій свой острый гребень посерединѣ.

Въ этой, богатой кормомъ, мѣстности тамъ и сямъ виднѣлись группы цаганъ-дзере, за которыми украдкой охотились волки, устраивавшіе по ночамъ непріятные концерты. Изъ птицъ же чаще другихъ давали о себѣ знать больдуруки, саксаульня сойки, рогатые жаворонки и, высоко кружившіе въ небѣ, черные грифы; рѣже встрѣчались сокола и небольшие сычи; какъ на своего рода курьезное явленіе можно указать на одинокаго, отсталаго на пролетѣ, рыже-горлага дрозда, съ тревожнымъ пискомъ исчезнувшаго въ пустынь.

На отмѣченномъ разстояніи мы пересѣкли три дороги, по которымъ съ давнихъ поръ слѣдуютъ изъ сѣверо-западной Монголіи въ сѣверный Китай и обратно караваны со всякаго рода сырьемъ на востокъ и съ чаями на западъ. По этимъ же дорогамъ монголы прогоняютъ въ Китай много скота: верблюдовъ, барановъ, такъ называемый рогатый скотъ, и лошадей; говорятъ, что среди послѣднихъ встрѣчаются очень хорошіе иноходцы, препровождаемые обыкновенно монгольскими князьями ко двору богдыхана. Кромѣ того, по большимъ дорогамъ нерѣдко проѣзжаютъ китайскіе чиновники или двигаются казенные транспорты. Для сопровожденія и перевозки тѣхъ и другихъ вдоль главнаго пути проживаетъ отдѣльный хошунъ монголовъ, не пользующихся доброй репутаціей, такъ какъ они «не въ состояніи отличать чужой собственности отъ своей».

Монгольское населеніе, вообще говоря, стало встрѣчаться чаще и чаще. Каждый день мы также наблюдали компаніи монголовъ, закутаннхъ въ яманьи или козлиныя дохи, направлявшихъ изъ Урги. Съ этими проѣзжими мои казаки радостно вступали въ разговоръ. Курьезно, что монголы всерьезъ спрашивали моихъ спутниковъ: «правда ли, что вы сѣдаете ежедневно по десяти барановъ? что въ красныхъ ящикахъ везете полторы тысячи головъ убитыхъ вами тибетскихъ разбойниковъ? что, затѣмъ, усвоивъ привычку въ Тибетѣ вы и по пустынь ѣхали на быкахъ?» и многое другое въ этомъ родѣ.

Къ небольшой, но нарядной и чистой кумирнѣ Кирэ-Юнцостэ экспедиція пришла въ то время, когда здѣсь отправлялось богослуженіе, сопровождавшееся обычнымъ пѣніемъ и музыкой монастырскаго оркестра.

Въ послѣдніе дни октября погода испортилась: солнце закрылось туманомъ или облаками, посыпавшими землю тонкими снѣжинками. Встрѣчный вѣтеръ непріятно пронизывалъ; къ довершенію невзгодъ морозъ съ каждымъ днемъ крѣпчалъ. Между тѣмъ.

насталъ и ноябрь мѣсяцъ—мѣсяцъ, въ первыя три недѣли котораго намъ суждено было окончить свое караванное путешествіе и вступить въ Ургу.

Мы такъ привыкли къ передвиженію большими сорока-верстными переходами, что тридцати-верстный переходъ для насъ уже не «гобійскій переходъ», а нежелательная полудневка. Поэтому къ извѣстію проводниковъ о предстоящемъ съ кумирни Кирэ-Юнустэ переходѣ почти въ пятьдесятъ верстъ мы отнеслись очень одобрительно, хотя для этого перехода пришлось встать раньше обыкновеннаго и пуститься въ дорогу съ первымъ проблескомъ зари. Въ утреннемъ холодномъ воздухѣ висѣлъ туманъ, снѣгъ громко хрустѣлъ подъ ногами, когда мы, ввѣрившись опытности проводниковъ, пробирались на дорогу, темной змѣей извивавшуюся по равнинѣ и тонувшую въ утреннихъ сумеркахъ. Вступивъ на этотъ торный путь, караванъ прибавилъ шагу. Тѣмъ временемъ звѣзды поблѣднѣли, востокъ зардѣлъ яркой золотисто-багровою зарей; среди полной тишины вокругъ изрѣдка слышался лай собакъ, выдававшихъ присутствіе кочевниковъ. Еще позднѣе, свѣтовой горизонтъ расширился, на снѣжномъ полѣ стали выдѣляться темные движущіея островки табуновъ монгольскихъ лошадей, топотъ которыхъ доносился до нашего каравана. Наконецъ показалось и солнце, слабо свѣтившее сквозь густую пелену тумана, тогда какъ надъ головой открывался нѣжно-голубой сводъ неба. По мѣрѣ поднятія дневного свѣтила на западномъ небосклонѣ стало создаваться своеобразное свѣтовое явленіе: здѣсь появилась млечная дуга, началъ однообразно-блѣдная, затѣмъ, съ теченіемъ времени, принявшая нѣкоторое подобіе радуги съ огненно-золотымъ, зеленымъ и фіолетовымъ оттѣнками. Около девяти часовъ зимняя радуга незамѣтно исчезла; съ ея исчезновеніемъ прекратилось паденіе на землю тонкихъ, изящныхъ, блестявшихъ серебромъ, снѣжинокъ, обуславливавшихъ, по всему вѣроятію, и самое образованіе радуги.

Дорога была прекрасная, на первой половинѣ полого поднимавшаяся на невысокую гряду, на второй такъ же полого съ нея спускавшаяся къ небольшому соленому озерку Хара-тологойнынъ-норъ, на берегу котораго располагались двѣ большія юрты, приготовленныя для экспедиціи. У юртъ стояло до десяти лошадей и столько же людей, изъ которыхъ одинъ при моемъ приближеніи къ юртамъ вышелъ навстрѣчу и вручилъ мнѣ объемистый пакетъ, съ тремя большими консульскими печатами, и еще болѣе объемистый

свертокъ газетъ. Радости нашей не было предѣловъ: мы получили письма и газеты, которыхъ не держали въ рукахъ со дня оставленія Алтайской станицы.

Нашъ курьеръ Бадмажановъ блестяще выполнилъ возложенное на него порученіе. Урга и Кяхта уже знали о нашемъ приближеніи къ границѣ. Согласно моей просьбѣ «прислать ко мнѣ кого-нибудь», ургинское консульство командировало на встрѣчу экспедиціи одного изъ слушателей школы переводчиковъ—Колотова, который, такимъ образомъ, былъ первымъ русскимъ человѣкомъ, голосъ и родную рѣчь котораго мы услышали впервые послѣ двухъ съ половиной годового отчужденія отъ родины.

Съ нетерпѣніемъ я вскрылъ пакетъ и разсортировалъ письма; на время каждый изъ насъ отдался своимъ личнымъ интересамъ. Жадно просматриваешь строки писемъ, жадно впиваешься въ снимки-портреты: вотъ и мой сынъ, тотъ маленькій Володя, который остался съ своей мамой въ Москвѣ и который въ мое отсутствіе такъ выросъ, а вотъ и позднѣйшій портретъ жены... какая тихая радость! Тотъ, кто только самъ переживалъ подобныя минуты, пойметъ меня и проститъ мнѣ мою сантиментальность.

На утро—второго ноября—съ разсвѣтомъ мы снова въ пути, послѣдовательно пересѣкая мягко-волнистыя очертанія поверхности. Миражъ во всей прелести: оригинальныя фантастическія фигуры увѣнчивали вершины горокъ, наибольшая изъ которыхъ Мункутынъ-тѣна-ула по временамъ походила на гигантскій корабль, колыхающийся среди высокихъ волнъ разбушевавагося атмосфернаго океана. Пробѣгавшіе въ области миража монгольскіе даерены казались призраками.

У горы Хайрханъ Гоби угостила насъ такимъ сильнымъ снѣжнымъ штормомъ, подобнаго которому мы еще не видѣли ни разу. Вихреобразные порывы бури положительно сталкивали въ сторону огромныя верблюжьи фигуры, мелкій снѣгъ залѣплялъ глаза. Въ этотъ памятный день мы всѣ до единаго ознобили себѣ лица.

По мѣрѣ приближенія къ Ургѣ растительный покровъ Монголіи еще болѣе улучшается, а съ этимъ вмѣстѣ увеличивается и населеніе. Всюду виднѣлись монголы и ихъ стада; дороги были крайне оживлены пестрыми нарядными всадниками, быстро скакавшими въ ту или другую сторону. Наболѣе привлекали къ себѣ вниманіе кортежи монгольскихъ князей и старѣйшихъ ламъ, одѣтыхъ въ желто-красныя одежды. Появились и допотопныя скрипучія мон-

гольскія двухколесныя телѣги, длинными вереницами запруживающія дороги.

На предпоследнемъ переходѣ къ Ургѣ я получилъ отъ маститаго консула Я. П. Шишмарева, наканунѣ только возвратившагося изъ поѣздки въ сѣверо-западную Монголію, дружеское привѣтственное письмо; въ которомъ, уважаемый монголами, русскій генераль спѣшилъ засвидѣтельствовать его полную готовность пріютить «дорогихъ путешественниковъ» подъ гостепрѣимнымъ кровомъ русскаго консульства.

Спускаясь съ перевала Гангынъ-дабанъ, мы радостно привѣтствовали священную гору Богдо-ула, сплошь засыпанную снѣгомъ, на бѣломъ фонѣ котораго красиво выдѣлялись темныя, густыя заросли лѣса. На другой же день, седьмого ноября, обогнувъ ее у западнаго подножья и переправившись черезъ шумную, прозрачную Толу, экспедиція, вскорѣ затѣмъ, достигла и дома ургинскаго консульства.

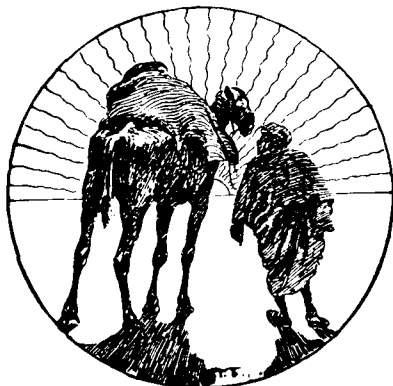
Не берусь описывать тѣхъ радостныхъ чувствъ, которыми мы были переполнены, достигнувъ конца нашей трудной задачи, увидѣвъ родныя лица, услышавъ родную рѣчь.... Чѣмъ-то сказочнымъ повѣяло на насъ при видѣ европейскихъ удобствъ, при видѣ теплыхъ уютныхъ комнатъ, при видѣ сервированныхъ столовъ. Наша вѣщность такъ сильно разнилась и не подходила ко всему этому комфорту, что Я. П. Шишмаревъ не могъ не подвести меня къ зеркалу и не показать мнѣ —меня же самого. «Такимъ, какъ вы теперь, говорилъ Я. Н. Шишмаревъ, нѣкогда вступилъ въ Ургу и вашъ незабвенный учитель Н. М. Пржевальскій, отдыхавшій вотъ въ этой большой комнатѣ, которую я приготовилъ для васъ!»

Въ теченіе недѣли мы отдыхали и приходили въ себя, окруженные самыми нѣжными заботами и вниманіемъ какъ со стороны консула Я. П. Шишмарева и его ближайшаго сотрудника В. В. Долбежева, такъ равно и со стороны временно-пребывавшаго въ Ургѣ военнаго кружка во главѣ съ генеральнаго штаба подполковникомъ Н. О. Домелунксеномъ. Каждый изъ соотечественниковъ старался оказать намъ ту или другую любезность и предупредительность.

Такимъ образомъ, время, проведенное въ Ургѣ, прошло незамѣтно. По дорогѣ въ Кяхту насъ хотя и донимали холода въ пути, но зато въ мѣстахъ ночевокъ мы чувствовали себя превосходно, попивая чай и читая газеты, журналы, которыми въ достаткѣ насъ снабдило консульство.

Кяхта и Иркутскъ своимъ широкимъ гостепріимствомъ заставили еще болѣе позабыть пережитыя невзгоды и лишенія, сочувствіе же Петербурга укрѣпило насъ въ сознаніи *посильно* исполненнаго передъ родиной долга.

П. Коваловъ.

ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Состоявшаяся въ Парижѣ съ 26-го октября по 10-е ноября н. с. 4-я воздухоплавательная выставка (salon de l'aéronautique) наглядно показала, какъ быстро идетъ впередъ дѣло завоеванія воздуха умомъ человѣка. Но особенно рельефно было подчеркнута на этой выставкѣ военное значеніе аэроплановъ; стремленіе удовлетворить въ возможно полной мѣрѣ всѣмъ требованіямъ военнаго вѣдомства сказалось въ разработкѣ всѣхъ выставленныхъ образцовъ.

При этомъ, въ отличіе отъ первыхъ трехъ выставокъ, гдѣ были предложены вниманію публики крайне разнообразныя конструкціи, аппараты послѣдней выставки имѣли большое сходство другъ съ другомъ въ наиболѣ важныхъ частяхъ своего устройства. Это обстоятельство служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что техника приближается къ выработкѣ одного, наиболѣ отвѣчающаго постепенно открываемымъ законамъ летанія, образца.

Такимъ образомъ, на 4-й выставкѣ очень мало образцовъ, съ открытымъ остовомъ (fuselage), безъ сплошной оболочки; большая часть конструкторовъ, кромѣ того, совмѣщаетъ теперь центр тяжести съ центромъ всей фигуры аппарата, исходя изъ того, что устойчивость легкаго аэроплана должна основываться на его скорости, а эта послѣдняя больше при условіи совмѣщенія центровъ; затѣмъ устройство болѣе просто и болѣе тщательно; на защиту пилота стальной броней всюду обращено вниманіе; ему и его спутнику стараются предоставить возможно большій кругозоръ и удобство дѣйствія оружіемъ.

Насколько широко задуманы были вообще всѣ эти выставки, показываетъ хотя бы перечень тѣхъ отдѣловъ, которые были представлены вниманію публики за эти четыре года; являлась полная возможность прослѣдить за успѣхами воздухоплаванія по отношенію какъ къ аэростатамъ, такъ и къ аппаратамъ легче воздуха, двигателямъ, научнымъ трудамъ, матеріаламъ и инструментамъ для постройки аппаратовъ, перевозкѣ и храненію этихъ послѣднихъ и т. п.

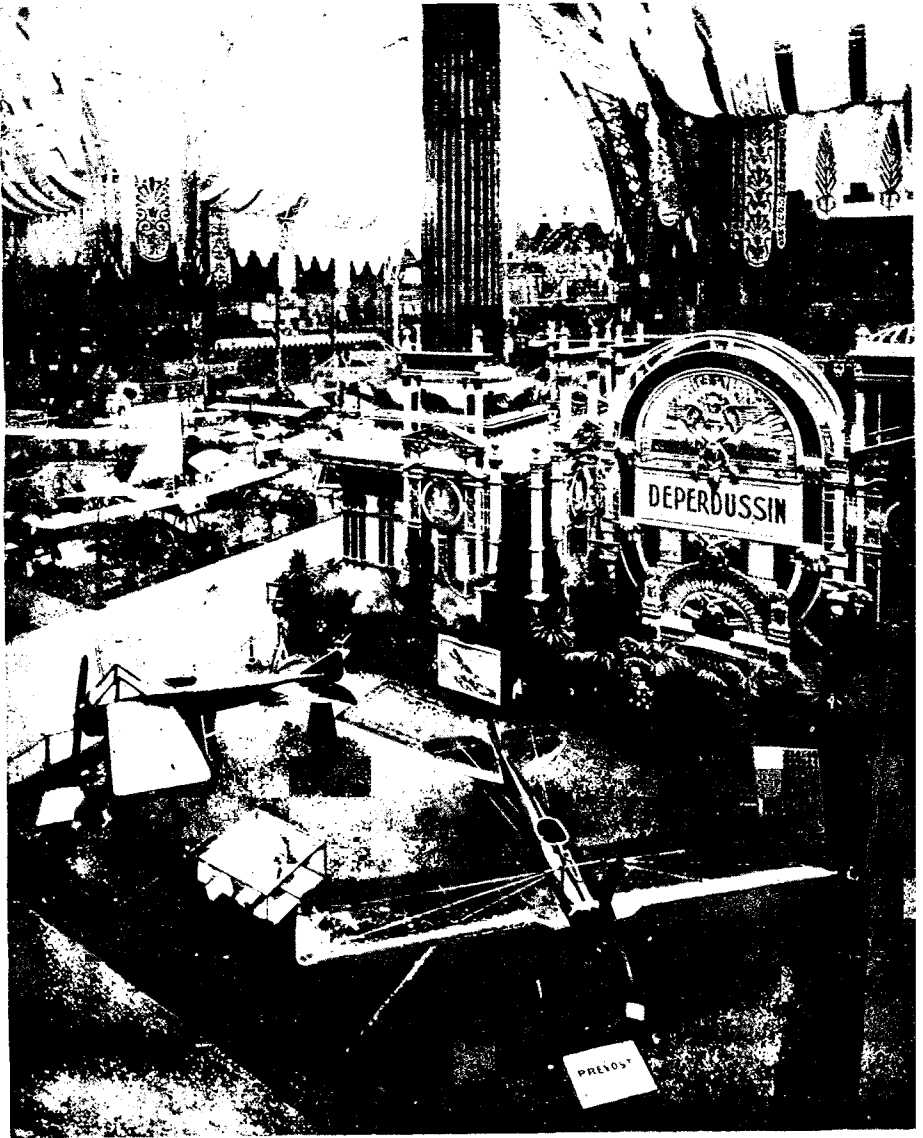
Общее вниманіе привлекалъ къ себѣ станъ фирмы Депердюссена (см. рис. № 1), гдѣ были выставлены аппараты «Монококъ», на которомъ въ этомъ году Ведринъ побилъ міровые рекорды скорости, и монопланъ, на которомъ Прево взялъ первый призъ на военномъ состязаніи въ Англіи, выполнивъ въ 5 дней всѣ требованія конкурса, на которыя былъ данъ цѣлый мѣсяць.

Очень интересенъ былъ и военный отдѣлъ (Aéronautique Militaire) съ прекрасно оборудованными подвижными мастерскими, переносными ангарами и автомобильными повозками для перевозки аппаратовъ (см. рис. № 2).

Въ общемъ вся выставка, кромѣ огромнаго практическаго интереса для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, представляла рѣдкую картину мощи человѣческаго ума и изобрѣтательности.

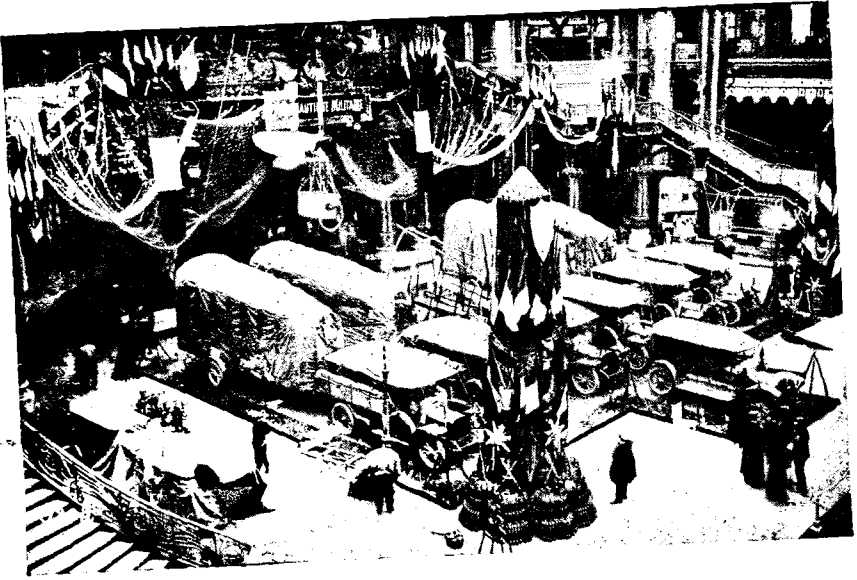
Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ современнаго воздухоплаванія является вопросъ устойчивости аппарата во время полета. Въ то время, какъ нѣкоторые считаютъ, что аппаратъ долженъ развивать возможно большую скорость и, пронизывая воздухъ какъ пуля, этимъ обезпечивать себѣ устойчивость, другіе полагаютъ, что необходима автоматическая стабилизанія, что необходимо увеличеніе площади несущихъ поверхностей и уменьшеніе скорости.

Рис. № 1.

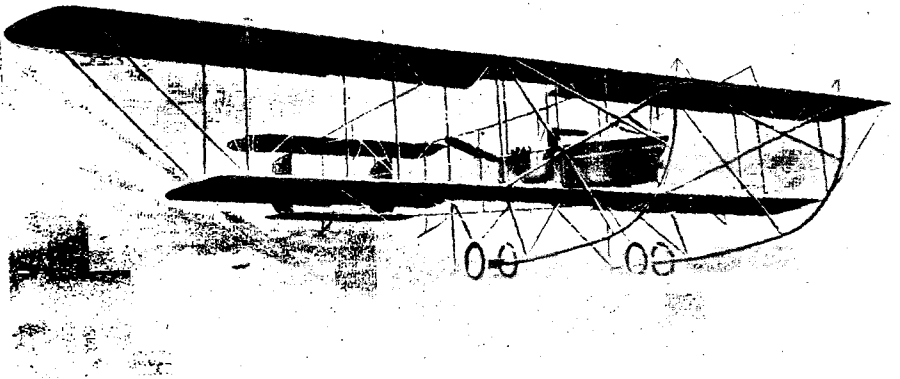
ФРАНЦИЯ. Воздухоплавательная выставка; станть Депердюссена.

Рис. № 2

ФРАНЦІЯ. Воздухоплавательная выставка; военный отдѣлъ; стандъ эскадрильи.

Рис. № 3.

ФРАНЦІЯ. Бипланъ «Doutre» со стабилизаторомъ.

Кто правъ, покажетъ будущее.

Пока что общество «Дутръ» выступило съ проектомъ биплана съ автоматической стабилизацией (см. рис. № 3); стабилизаторы помѣщены на передней и задней части аппарата и, по желанію, или дѣйствуютъ автоматически, или управляются пилотомъ.

Бипланъ интересенъ многими деталями своей конструкціи и «L'Aérophile» отмѣчаетъ его, какъ одинъ изъ лучшихъ аппаратовъ для воздушнаго туризма.

Вотъ его главнѣйшія данныя: длина 13 метровъ; длина верхнихъ крыльевъ 16 м. 50; нижнихъ—13 м.; вѣсъ—600 килогр., изъ которыхъ полезнаго груза 450 килогр.; двигатель Рено 50 или 70 HP; скорость 90 килом. въ часъ.

Въ созданіи у себя мощнаго воздушнаго флота заинтересованы всѣ государства, желающія сохранить свое мѣсто въ ряду великихъ державъ.

Даже сейчасъ, когда завоеваніе воздуха еще далеко не закончено, можно сказать, что новый родъ войскъ въ будущей войнѣ окажетъ неопцнмья услуги своей арміи въ дѣлѣ развѣдки, связи и внезапныхъ нападеній на врага.

И всѣ державы начинаютъ расходовать на новую отрасль военнаго дѣла крупныя суммы. Внимательные ко всему японцы заботливо закупаютъ всюду лучшіе образцы воздухоплавательныхъ аппаратовъ (см. рис. № 4) и не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что съ ихъ удивительнымъ даромъ подражанія эти образцы скоро будутъ воспроизведены въ Японіи своими силами и очень скоро страна Восходящаго Солнца и въ этомъ важномъ дѣлѣ перестанетъ быть въ зависимости отъ другихъ.

Очень интересна организація французской эскадрильи, являющейся «тактической развѣдывательной единицей, а можетъ быть скоро и боевой», какъ говорить объ этомъ авторитетная замѣтка въ «La vie au grand air».

Эскадрилья состоитъ изъ 6 однородныхъ аппаратовъ (для одного, двухъ или трехъ человекъ каждый). Для перевозки аппаратовъ въ эскадрильѣ имѣется 6 двухколесныхъ прицѣпныхъ повозокъ; къ нимъ 6 автомобилей съ запасомъ масла и бензина, а также и небольшимъ количествомъ матеріаловъ для починки. Кромѣ того 2 автомобильныя повозки—мастерскія, приспособленныя не только для починки аппаратовъ, но и для изготовленія различныхъ металличе-

скихъ и деревянныхъ его частей. Тамъ же установлены динамо-машины, служащая для освѣщенія и двигателями для механическихъ станковъ.

Личный составъ—6 летчиковъ и 30 саперъ, съ начальникомъ эскадрильи во главѣ; въ распоряженіи послѣдняго имѣется 2 автомобиля и 2 мотоциклетки для установки связи съ летчиками.

Французы возлагаютъ на дѣятельность этихъ эскадрилей большія и, мнѣ кажется, вполне обоснованныя надежды.

Въ Англии, въ Хендонѣ, были произведены очень эффектные испытанія въ ночной атакѣ аэропланами модели современнаго дредноута. Освѣщенные своими лампочками и лучами прожекторовъ, воздушныя птицы метали сверху бомбы въ морское чудовище... Кто знаетъ, не будетъ ли въ будущемъ эта картина (см. рис. № 5) обычнымъ видомъ борьбы съ закованными въ стальную броню гигантами?

Французы въ правѣ считать себя вполне заслужившими одержанную ими двойную побѣду на кубокъ Гордонъ-Бенетта: Ведринъ взялъ авіаціонный кубокъ Гордонъ-Бенетта 1912 года въ Америкѣ, Бьянеме (Biénaime) выигралъ кубокъ воздушныхъ шаровъ Гордонъ-Бенетта перелетомъ изъ Штутгарта въ Рязань (2.200 километровъ въ 46 часовъ).

Нравственное удовлетвореніе Франціи результатами своихъ дѣйствительно выдающихся трудовъ въ области завоеванія воздуха тѣмъ болѣе, что и другой французъ на международномъ состязаніи въ Штутгартѣ, А. Лебланъ, занялъ второе мѣсто, пролетѣвъ 2.100 километровъ въ 45 часовъ.

Всего въ Штутгартскомъ состязаніи воздушныхъ шаровъ (см. рис. № 6) на кубокъ Гордонъ-Бенетта приняло участіе 19 шаровъ: Австрія, Франція и Швейцарія—по 3 шара; Америка, Бельгія, Германія и Италія—по 2 шара; Англія и Данія—по 1 шару (Россія почему-то не участвовала).

Вотъ рассказъ побѣдителя (заимствуемъ его изъ журнала «L'Aérophile») объ его полетѣ.

«Шару «Picardie», на которомъ я принялъ участіе въ состязаніи на кубокъ Гордонъ-Бенетта вмѣстѣ съ М. Румпельмейеромъ, выпалъ жребій подняться первому. Поэтому, поднявшись въ Штутгартѣ, мы не имѣли абсолютно никакихъ указаній какъ летѣть: держаться ли ближе къ землѣ, гдѣ теченіе воздуха понесло бы

насъ къ Скандинавія: поднятѣся ли повыше, чтобы найти возможное направленіе вѣтра къ востоку съ рискомъ очутиться надъ Балтійскимъ моремъ? Послѣ довольно продолжительнаго раздумья мы избрали послѣднее.

Первая ночь нашего путешествія (мы вылетѣли въ 4 ч. 5 м. дня 27-го октября н. ст.) прошла великолѣпно; свѣтила полная луна. Въ 8 ч. 30 м. утра 28-го мы пролетѣли надъ Дрезденомъ на высотѣ 1.200 метровъ. Такимъ образомъ, мы совершили перелетъ Штутгартъ—Дрезденъ въ 16 часовъ, что даетъ среднюю скорость около 25 верстѣ въ часъ.

Въ это время случилось то, чего мы такъ ожидали; вѣтеръ сталъ увлекать насъ въ направленіи на С. В. В. Передъ закатомъ солнца мы бросили гайдропъ, чтобы опредѣлить, гдѣ мы находимся. Оказывается, мы были въ русской Польшѣ, и крестьяне, которымъ мы задавали вопросы по-нѣмецки, насъ не понимали. Около земли вѣтеръ, какъ и въ Штутгартѣ, тянулъ къ сѣверу.

Въ 10 ч. 30 м. вечера мы увидѣли огни Варшавы; ночью высота нашего полета колебалась между 2.000 и 4.000 метровъ; температура была—12° Цельсія.

Утромъ 29-го, къ 6 часамъ, погода испортилась. На высотѣ 2.000 метровъ сталъ падать густой снѣгъ. У насъ оставалось 5 мѣшковъ балласта изъ 29 взятыхъ съ собой. Выбросивъ ихъ, мы увязали все, что могло еще сыграть роль балласта: якорь, чехлы, бутылки, съѣстные припасы и все это стали выбрасывать за бортъ, чтобы не снижаться возможно дольше; оставили мы только наши плащи и двѣ бутылки кислорода. Мы поднялись на 3.000 метровъ и мучались отъ голода, такъ какъ послѣдній разъ закусили въ полночь. Но надо было идти впередъ тѣмъ болѣе, что крѣпчавшій вѣтеръ гналъ насъ все съ большей быстротой.

Однако отяжелѣвшій отъ снѣга шаръ къ 1 ч. 30 м. дня началъ опускаться и скоро почти падать, увлекаемый страшнымъ вѣтромъ, достигавшимъ до 110 километровъ въ часъ. При этихъ условіяхъ спускъ на землю не обѣщаль намъ ничего хорошаго.

Первое препятствіе, хижину, проскочили благополучно; задѣли верхушку дерева, коснулись поверхности земли, но шаръ, сдѣлавъ скачекъ, упалъ на ледъ замерзшей рѣчки и, такъ какъ разорвавшаяся оболочка образовала настоящій парусъ, то вѣтеръ проташилъ насъ еще цѣлый километръ: мы неслись черезъ заборы, кусты, кучи обмерзшаго снѣга, пока не ударились въ стѣну деревьевъ...

Толчекъ былъ очень силенъ. Мой другъ Румпельмейеръ разбилъ себѣ плечо; порядкомъ поранилъ себя и я. Было 2 часа пополудни; мы находились у Рыбнаго, около Рязани, въ 2.200 километрахъ отъ Штутгарта послѣ 46-часового полета. Чтобы собрать шаръ, пришлось, при морозѣ—16°, рубить деревья; нелегко было.

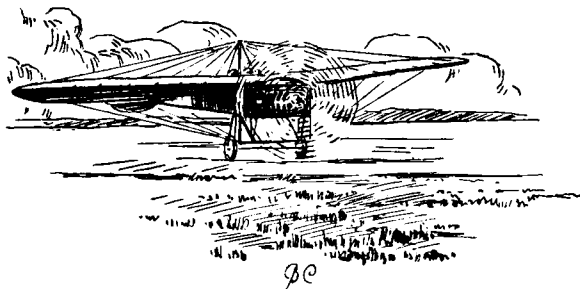
Мы были радушно приняты мѣстными властями и членами Московскаго аэроклуба и никогда не забудемъ ихъ гостепрѣимства».

Читатель можетъ спросить: зачѣмъ полеты этихъ «пузырей» по волѣ вѣтра? Какая польза отъ нихъ, когда есть уже аппараты, позволяющіе летѣть куда мы хотимъ, не въ слѣпую?

На это можно отвѣтить, что «пузыри» служатъ отличной подготовкой для отважныхъ летчиковъ въ воздушной стихіи, приучая ихъ къ непривычной для земного жителя обстановкѣ; кромѣ того, научное значеніе этихъ слугъ вѣтра (а не его повелителей) тоже не малое. Ну, а мѣста вѣдъ всѣмъ хватить!

И какъ автомобиль не дѣлаетъ лишней лошадь, мотоциклетка—велосипеда, такъ и рядомъ съ дирижаблями и аэропланами полезны и простые воздушные шары.

Вронскій.

П О П Р А В К А.

На стр. 14-й первой части статьи „Мысли о нашемъ мышленіи“, помѣщенной въ № 11 „Военнаго Сборника“, вкралась досадная опечатка: въ строкѣ 11-й снизу вмѣсто слова „безуміемъ“ надо читать „непониманіемъ“.

Рис. № 5.

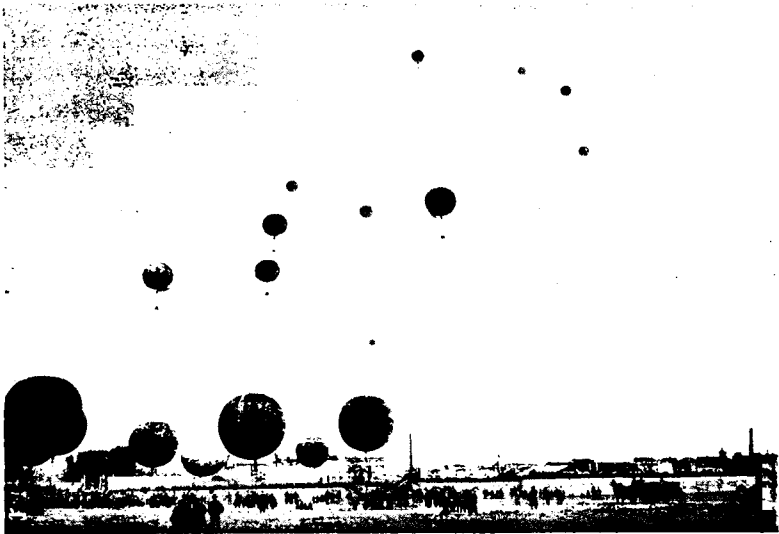
АНГЛІЯ. Атака аеропланами модели дредноута; на первомъ планѣ изображень монопланъ Догердмоссона, взлетающій для атаки.

Рис. № 4.

ЯПОНИЯ. Аэропланъ, приобретенный въ Англіи японскимъ правительствомъ.

Рис. № 6.

ГЕРМАНИЯ. Начало состязанія воздушныхъ шаровъ въ Штутгартѣ на кубокъ Гордонъ-Бенетта.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Какъ нельзя болѣе кстати напомнить о трудностяхъ продовольствованія современной арміи и о всей важности соотвѣтствующей подготовки офицеровъ-интендантовъ, заблаговременно, въ длинные періоды мира. Война коротка; нѣсколько сильныхъ ударовъ, и годами скрытая дѣятельность разряжается самыми рѣшительными результатами. Какъ наглядно сказываются въ происходящей балканской войнѣ тайны мирной подготовки турокъ и болгаръ! У первыхъ интендантской части, какъ цѣльной, глубоко продуманной организаціи, не оказалось, и въ результатѣ къ боевымъ неудачамъ прибавились злокачественный тифъ, дизентерія, холера, жертвами которыхъ легко могутъ оказаться всѣ тѣ, кого пощадить болгарское оружіе.

Поэтому съ особымъ интересомъ читается статья французскаго интенданта *Laroche'a* въ ноябрьской книжкѣ «*Revue Militaire Générale*»: «*Очеркъ службы снабженій армій*».

Жить или не жить армін, такова сущность задачи интендантства. Питаніе есть необходимый физиологическій восстановитель человѣческихъ силъ. На войнѣ дерутся временами, двигаются много, но ѣсть нужно ежедневно. Чтобы создать армію, нужно начать съ желудка, по словамъ *Coligny*. Великое искусство полководца—взять врага голодомъ, и это особенно вѣрно съ возрастаніемъ численности. «Обойти» вѣдь это значитъ отрѣзать непріятеля отъ его средствъ существованія. Военачальникъ можетъ дѣлать видъ, что онъ пренебрегаетъ вопросами желудка, но въ дѣйствительности ни на одну минуту нельзя предоставить случаю рѣшеніе этихъ самыхъ насущныхъ вопросовъ. Иначе пораженія неизбѣжны...

Нельзя скрывать, что нужно многое еще сдѣлать, дабы поставить службу продовольствія армій въ уровень со всѣми другими сторонами военного искусства—стратегіей, тактикой, фортификаціей и пр. Гдѣ же заложены причины, столь затрудняющія удовлетвори-

тельное разрѣшеніе этого дѣла? Три милліона жителей Парижа, пять милліоновъ Лондона, живущіе исключительно подвозомъ, снабжаются всѣмъ нужнымъ совершенно легко, получая самые разнообразныя продукты, между тѣмъ арміи, въ 8—10 разъ меньшія населенія этихъ центровъ, оперируя на несравненно большихъ пространствахъ, сплошь и рядомъ не въ состояніи получить во-время сѣбѣстные припасы въ опредѣленной минимально разсчитанной нормѣ.

Конечно, понятно *почему*; стоитъ только вспомнить знаменитую теорію «экономической гармоніи», предложенную Bastiat: городъ живетъ разбросанными запасами, регуляторомъ которыхъ является весь земной шаръ; во-вторыхъ, безопасность, конкуренція и свобода, эти три творческихъ начала въ жизни народовъ, въ высшей мѣрѣ, благопріятствуютъ торговому обмѣну, коммерческимъ сдѣлкамъ и дѣламъ; снабженіе мировыхъ центровъ при посредствѣ средствъ сообщеній распредѣлено по всей земной поверхности. Всѣ страны соучаствуютъ въ ихъ питаніи; повсюду припасы собираются, покупаются и отправляются затѣмъ по назначенію. Они повсюду выскиваются и сосредоточиваются.

Когда источники избраны и предназначены, ихъ нужно распредѣлить между посредниками, продавцами, для повседневнаго использования милліонами жителей. Все это выполняется безъ видимыхъ затрудненій. Какъ будто кажется, что снабженіе и продовольствованіе человѣческихъ массъ дѣло легкое, что ничего нѣтъ проще, какъ ежедневно кормить по два раза въ день пять милліоновъ жителей Лондона. Въ дѣйствительности питаніе ихъ обслуживается огромной корпораціей весьма подготовленнаго личнаго состава, численно значительно большей, нежели это кажется. Стоитъ только вспомнить, что въ большинствѣ европейскихъ городовъ, въ среднемъ, одинъ торговецъ напитками приходится на 12 жителей, одинъ булочникъ—на 60, одинъ мясникъ—на 80 человѣкъ. Наконецъ, эти центры человѣческой дѣятельности остаются всегда неподвижными; они не мѣняютъ своего мѣста.

То же ли самое представляютъ арміи? Очевидно нѣтъ, и кромѣ видимой разницы въ основныхъ условіяхъ существованія милліоновъ жителей столицъ и милліонныхъ армій, для этихъ послѣднихъ возникаютъ еще трудности, совсѣмъ неизвѣстныя первымъ.

Представимъ себѣ большой общественный балъ, въ предвидѣніи котораго были воздвигнуты открытыя даровые буфеты. У приглашенныхъ, естественно, конечно, почти одновременно возникаютъ одни и тѣ же желанія, одни и тѣ же потребности: они скопляются возлѣ буфетовъ. Всѣ подступы заграждены: становится невозможнымъ всѣмъ одновременно получить желаемое въ буфетахъ. Администрація

бала въ лицѣ буфетной прислуги, отлично вышколенной и опытной, хочеть всѣмъ угодить, всѣмъ помочь, но, вопреки ея усиліямъ, ничто не помогаетъ, движеніе у буфетовъ почти пріостанавливается, закупоривается—и пирожныя, фрукты, напитки, остаются неиспользованными. Явившаяся на помощь запасная прислуга не въ состояніи что-либо улучшить. Время проходить, балъ кончился, и многочисленные посѣтители, не успѣвшіе первыми облѣпить буфеты, уѣзжаютъ домой, мысленно проклиная неудачную затѣю устроителей.

Вотъ подобныя же затрудненія возникаютъ и передъ арміями: недостаточное число «буфетовъ», проходовъ возлѣ нихъ, подступовъ къ нимъ; неожиданное столпленіе у непредвидѣнныхъ заранѣе пунктовъ; недостаточная заготовка запасовъ или малочисленность обслуживающей эти «буфеты» администраціи; нельзя при этихъ условіяхъ обезпечить правильность функционированія «буфетовъ» въ самые нужные моменты, т. е. въ дни кризисовъ, отъ исхода которыхъ зависить окончательная развязка великихъ драмъ, взбудораживающихъ націи.

Часто при этомъ упоминаются такъ называемыя административныя службы; подъ ними разумѣютъ инженеровъ, интендантовъ, медиковъ и проч.; «это все собственно мертвый грузъ армій», говорятъ обыкновенно про представителей названныхъ службъ, и изъ этого возникло стремленіе къ елико возможному уменьшенію ихъ числа. На самомъ дѣлѣ это крупное заблужденіе, особенно принимая во вниманіе тѣ крайнія лишенія, которымъ подвергается на войнѣ весь личный составъ и всѣхъ военно-административныхъ службъ.

Чтобы дѣятельность ихъ шла безъ треній и задержекъ, нуженъ и для нихъ большой численный составъ, нужны люди испытанные въ различныхъ специальностяхъ, нужны руководители, способные на быстрыя рѣшенія и дышащіе инициативой. На ихъ плечахъ лежатъ ежедневныя заботы о томъ, чтобы армія могла жить.

Далеко не всѣмъ представляются ясными трудности прокормить современныя войсковыя массы. Изолированный полкъ, бригада, дивизія, даже армейскій корпусъ, могутъ собственными усиліями обезпечить себѣ продовольствіе на счетъ средствъ страны, и чѣмъ меньше войсковая часть, тѣмъ дольше можетъ она разсчитывать прожить на ихъ счетъ. Такъ было во всѣ времена. При отступленіи «десяти тысячъ» послѣ Кунакса, въ древнюю эпоху, черезъ всю Малую Азію, этимъ войскамъ пришлось все время питаться на счетъ мѣстныхъ средствъ. Но развѣ можно примѣнить тотъ же принципъ, что «война питаетъ войну» и къ существованію нынѣшнихъ армій? Каждый баталіонъ, полкъ, втиснуты среди тысячи имъ подобныхъ, которые одинаково всѣ нуждаются и которые въ короткій срокъ уничтожатъ всѣ ресурсы мѣстности, гдѣ они находятся. Въ бу-

дущемъ болѣе, чѣмъ когда-либо, придется прибѣгать къ подвозу сзади и имѣть весьма могущественную организацію для распредѣленія и расходовапія подвозимыхъ запасовъ. Обязательная гармонія колоссальнаго организма арміи требуетъ спеціализаціи правъ и обязанностей, точнаго опредѣленія степеней инициативы и отвѣтственности, чтобы достигнуть надлежащихъ результатовъ.

Обыкновенно говорятъ, что достаточно двигаться расчлененно и раздѣльно располагаться на ночлеги, а лишь драться вмѣстѣ. Конечно, это очень просто въ мысляхъ, но совѣмъ не такъ просто при примѣненіи этого правила, когда идетъ рѣчь о «вооруженныхъ народахъ». Придется вѣдь тратить массу времени и силъ только для того, чтобы сносно размѣститься, а затѣмъ вновь сосредоточиваться. А сколько усилій должно быть направлено къ урегулированію эксплуатаціи мѣстныхъ средствъ!

Самое опредѣленіе этихъ средствъ дѣло до крайности трудное. Это большой х, находящійся въ зависимости отъ тысячи обстоятельствъ, къ которымъ еще надо добавить пертурбаціи, производимыя войною. Результаты урожаяевъ служатъ прежде всего для удовлетворенія потребностей самой страны и сильно видоизмѣняютъ, по годамъ, потребность заграничнаго привоза. Бываютъ годы, когда Франція покупаетъ хлѣба болѣе, чѣмъ на 300 милліоновъ франковъ; въ иные годы она вполне обходится собственнымъ хлѣбомъ. Подобная же разница бываетъ и въ другихъ продуктахъ продовольствія. Неурожай въ фуражѣ, подобный бывшему въ 1892 г., можетъ парализовать совершенно часть конницы.

Независимо отъ этихъ непредотвратимыхъ случайностей, нужно считаться со спекуляціей, съ торговыми и банковыми операціями, которыя весьма умѣло способствуютъ скупкѣ продуктовъ, скопленію ихъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ или разредоточенію ихъ. Иногда приходится считаться съ вліяніемъ подобныхъ сдѣлокъ на весь міровой рынокъ при посредствѣ капиталовъ въ нѣсколько милліардовъ. Хлѣбъ, овесъ, хлопокъ, мѣдь, каменный уголь, всѣ предметы первой необходимости бываютъ объектами грандіозныхъ трестовъ. Цѣлые флоты, нагруженные запасами, ожидаютъ приказа выйти въ томъ или другомъ направленіи, а часто, наоборотъ, колоссальныя сдѣлки вершатся, не трогая съ мѣста ни одного мѣшка или бочки.

Въ запасахъ средне-оптовой и розничной торговли нѣтъ особой надобности нынѣ въ странахъ съ частыми и удобными путями сообщеній, такъ какъ увѣренность въ быстрой переброскѣ, когда и куда нужно, требуемаго количества продуктовъ, позволяетъ избѣжать имобилизаціи капиталовъ, которые лучше имѣть въ свободномъ состояніи для надобности крупныхъ оптовыхъ складовъ: естественно

ихъ сокращать съ цѣлью возможности болѣе часто ихъ возобновлять. *Денги*, сами по себѣ, работаютъ лучше, больше приносятъ.

Мѣстные склады припасовъ, неподвижные, существуютъ только въ бѣдныхъ странахъ, лишенныхъ хорошихъ и быстрыхъ сообщений. Они непосредственно пополняются сборами даннаго урожая на опредѣленной мѣстности. Въ каждомъ такомъ складѣ собирается столько, сколько можетъ понадобиться на текущей сельско-хозяйственный годъ; лишняго не запасаютъ, особенно, если предвидится хорошій урожай въ будущемъ году. Поэтому мѣстные склады бывають богатые, средніе или слабые—въ зависимости отъ сезона; иногда въ нихъ ничего не будетъ или почти ничего—въ годы неурожая, когда Франція вынуждена покупать хлѣбъ за границей на нѣсколько сотенъ милліоновъ.

На какое же время можно рассчитывать мѣстными запасами, имѣющимися въ складахъ и магазинахъ у населенія, обезпечить сосредоточенныя въ извѣстномъ районѣ нынѣшнія арміи?

Для рѣшенія этого вопроса авторъ задается слѣдующими условными данными: 1) собранныя силы насчитываютъ около одного милліона людей; сосредоточены они на территоріи трехъ французскихъ департаментовъ¹⁾; 2) мѣстное населеніе на означенной площади трехъ департаментовъ, въ круглой цифрѣ, опредѣляется также въ одинъ милліонъ человекъ. Исключивъ изъ этого числа населеніе большихъ городовъ, которое конечно съѣдаетъ часть запасовъ, но само ихъ не производитъ, остается 900.000 жителей, разселенныхъ между 250.000 дворами.

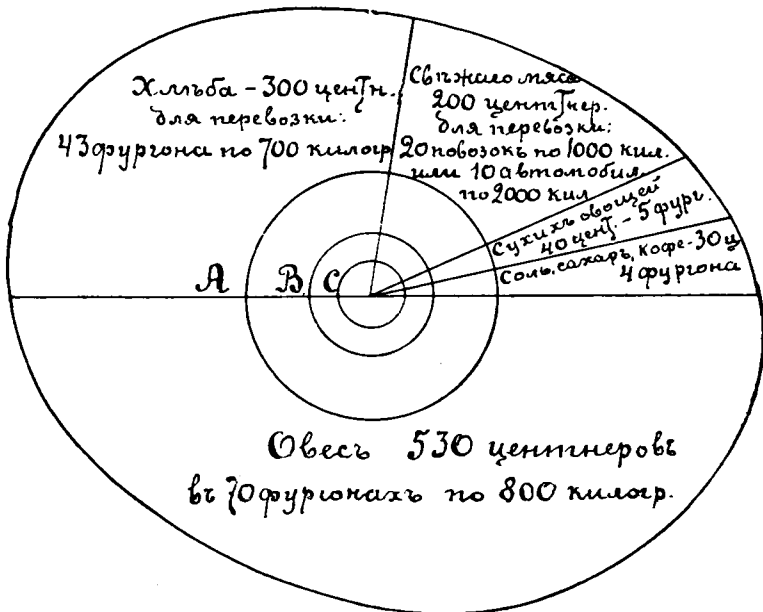
Если бы на означенной мѣстности не было войскъ, то можно было бы считать, что въ теченіе двухъ дней каждый дворъ прокормитъ 4—6 человекъ, а, въ случаѣ крайней необходимости, тѣ же 4—6 человекъ прокормитъ и каждый житель. Слѣдовательно армія въ милліонъ человекъ можетъ прокормиться, оставаясь въ одномъ и томъ же районѣ, мѣстными средствами въ теченіе не болѣе 5 дней.

Поэтому, вопросъ объ устройствѣ продовольствованія арміи въ наши дни является краеугольнымъ. Если служба снабженія будетъ дѣйствовать плохо, пораженіе неизбежно. Однимъ изъ первыхъ условій правильнаго функционированія будетъ строгое расчлененіе запасовъ продовольствія. Прежде всего, носимый запасъ въ размѣрѣ двухъ раціоновъ. Онъ служитъ солдату обезпеченіемъ отъ голодной смерти, когда подвоза нѣтъ. Какъ драгоцѣненъ бываетъ этотъ послѣдній сухарь, можно познать только на основаніи собственнаго боевого опыта. Всѣми средствами нужно приучить солдата сохранять его на крайній случай. Нужно систематически воспитывать солдата въ духъ такого

¹⁾ Какъ извѣстно территорія Франціи въ 9.619 кв. миль площадью раздѣлена на 87 департаментовъ.

взгляда на имѣющийся у него въ ранцѣ запасъ. Не лишне самыми яркими историческими примѣрами внушить самое скупое отношеніе къ своему запасу.

Затѣмъ слѣдуетъ полковой возимый запасъ—двухдневный и запасъ интендантскій ²⁾ на 4 дня; въ общемъ на шесть дней, не считая двухдневнаго носимаго и продовольственныхъ дачъ на время стратегическихъ перевозокъ и для высадки въ районѣ сосредоточенія. Изображенный здѣсь графикъ представляетъ собою тотъ «чудовищный буфетъ» (le buffet monstrueux), который составляетъ *суточное снабженіе продовольствіемъ армейскаго корпуса въ составѣ 40.000 человекъ и 10.000 лошадей.*

Примѣчаніе: Внутренніе круги подъ буквами А, В, С обозначаютъ, пропорціонально, графическіе размѣры однодневнаго продовольствія на 1.000 человекъ, когда большой кругъ соответствуетъ продовольствію 40.000, 400.000 и миллиону людей.

Изъ этого графика видно, что хлѣбъ представляетъ болѣе четверти, по вѣсу, всего нужнаго количества продовольствія. Онъ требуетъ много времени для выпечки, крайне деликатенъ въ перевозкѣ, ненадеженъ въ храненіи. Консервъ хлѣба въ видѣ сухаря или галеты, лепешки, представляетъ слѣдующія особенности: болѣе компактенъ, содержа меньше воды; его корка болѣе толстая, гладкая и лучше защищаетъ внутренность отъ атмосферическихъ вліяній. Лучше переноситъ длинныя перевозки.

²⁾ По французской организаціи.

Но хлѣбъ одинъ не въ состояніи удовлетворить нынѣшняго солдата ³⁾. Вышеприведенный графикъ раздѣленъ на секторы, которые пропорціонально указываютъ количества мяса, овощей, соли, сахара, кофе, овса. Въ общемъ нужны довольно разнообразныя и хорошо усваиваемыя продукты, которые, удовлетворяя вкусъ и желудокъ, представляли бы требуемыя современными гигиенистами основныя элементы, питающіе человѣческой организмъ. Пока мы еще далеки отъ возможности питаться или, вѣрнѣе, восстанавливаться фізіологически, посредствомъ химическихъ препаратовъ, въ видѣ пилюль, содержащихъ азотъ, углеродъ, альбуминъ и фосфаты. А между тѣмъ въ военномъ отношеніи это очень жаль: мы остаемся далеко позади римлянъ, которые, судя по Полибію, носили на себѣ продовольствіе на 20 дней. Химикъ со своими эквивалентами доказываетъ, что быкъ въ 300 кило, будучи сконцентрированъ въ пилюли, содержащія химически чистыми тѣ же питательныя вещества и въ томъ же размѣрѣ, свелся бы къ 15 фунтамъ. Ящикъ мясныхъ консервовъ, вѣсомъ въ 1 кило, эквивалентенъ 100 раціонамъ по 400 граммовъ каждый.

Надо однако признать, что въ распоряженіи современныхъ интендантовъ и средства значительно болѣе могущественныя, чѣмъ прежде. Пользованіе автомобилями позволяетъ получать, напримѣръ, убойный скотъ вдали отъ войскъ и доставлять въ районъ ихъ расположенія прекрасное мясо. Солдаты, хорошо сознавая, что совершивъ переходъ, получить продовольствіе, маршируетъ въ отличномъ настроеніи; и въ мысляхъ у него не можетъ быть объ оставленіи строя, особенно понимая, что, покинувъ ряды, онъ ничего не достанетъ...

Въ общемъ нужна самая солидная организація, дѣйствующая безъ ошибокъ. Но какъ наилучше справиться со всеѣмъ огромнымъ дѣломъ питанія арміи; создать, сохранить, поддерживать эту глыбу пищевыхъ продуктовъ, ихъ перевозить, распредѣлять постепенно, доводя наконецъ до солдатскихъ ртовъ?

Нѣтъ иного средства, какъ разрѣшить это такъ же, какъ сдѣлано это со снабженіемъ большихъ столицъ: заставить сотрудничать всѣхъ причастныхъ къ дѣлу продовольствованія органовъ, энергій, усилій. Назначить въ тылу арміи, по всей территоріи, особыя зоны заготовки запасовъ, центры ихъ сосредоточенія; затѣмъ заставить ихъ распредѣлять методически эти запасы, которые станутъ притекать къ многочисленнымъ выбраннымъ пунктамъ, а именно, къ станціямъ-магазинамъ, станціямъ снабженія и различнымъ депо на этапныхъ линіяхъ. Это и есть важнѣйшая служба

---

³⁾ Въ древности арміи часто питались прямо зерномъ и даже иногда ячменемъ. Это значительно упрощало организацію снабженія.

тыла арміи. Нуженъ заранѣе разработанный и подготовленный планъ, осуществленіе котораго требуетъ времени.

Другое дѣло, когда нужно непосредственно накормить войска, особенно тѣ, которыя сосредоточиваются неожиданно. Важность хорошей организаціи въ полосѣ сосредоточенія обязательна. Нужно безусловно обезпечить войска хлѣбомъ, жизненными припасами. Для предварительныхъ распоряженій, до подхода войскъ, будетъ только нѣсколько часовъ. Статистическія свѣдѣнія о мѣстныхъ средствахъ и спеціальныя развѣдки, своевременно освѣжаемыя, должны служить основою для разработки проектовъ по образованію центровъ продовольствія. Запасы, матеріальная часть, должны находиться въ этихъ центрахъ или поблизости. Реквизиціонныя повозки должны быть намѣчены, приказы готовы. Организація обывательскихъ транспортовъ должна быть подготовлена при посредствѣ намѣченныхъ кадровъ. Въ назначенный день и часть чины этихъ кадровъ должны направиться въ районъ сосредоточенія, и весь планъ продовольствія приводится въ исполненіе подъ прикрытіемъ прибывающихъ войскъ.

Для продовольствованія арміи во время военныхъ дѣйствій нужно разрѣшить двѣ задачи: сумѣть использовать мѣстныя средства и въ нужное время подвозить запасы съ базисныхъ станцій—stations-magasins.

Использованіе мѣстныхъ средствъ, въ свою очередь, распадается на: 1) довольствіе войскъ горячей пищей непосредственно отъ жителей или муниципалитетовъ и 2) добываніе мѣстныхъ запасовъ самими войсками черезъ интендантовъ.

Всегда, когда только можно, желательно избирать первый способъ, но это легко достижимо лишь для небольшихъ отрядовъ. Второй способъ—прямая эксплуатація мѣстныхъ средствъ, какъ сказано уже было выше, можетъ длиться недолго; при этомъ еще крайне важно умѣть разумно и правильно примѣнять его, дабы не обречь на голодовку само населеніе занятой мѣстности.

Продовольствіе войскъ посредствомъ подвоза остается вѣрнѣйшимъ средствомъ обезпечить существованіе «вооруженныхъ народовъ». При этомъ способѣ особенно важенъ спеціально подготовленный корпусъ интендантовъ. Тогда запасы будутъ прибывать съ точностью, безъ ошибокъ; будутъ во время выгружаться и передаваться кому слѣдуетъ. Станціи, пути будутъ свободны, позволяя все время развивать самую напряженную перевозочную дѣятельность, вызываемую быстрыми и огромными требованіями какъ для арміи, такъ и для мѣстнаго населенія.

Французское положеніе о полевомъ управленіи указываетъ, по поводу службы снабженія арміи, на необходимость никогда не стѣс-

нять свободу военныхъ операцій; по возможности беречь запасы, слѣдующіе за войсковыми колоннами, а также находящіеся въ ближайшихъ магазинахъ для пополненія возимыхъ запасовъ; сокращать до крайняго минимума число повозокъ для подвоза; особенно избѣгать безполезнаго утомленія войскъ и обозовъ.

Заботиться о дисциплинѣ усилій—la discipline des efforts—вотъ въ чемъ суть, дабы избѣгать безполезнаго утомленія. Это трудно, такъ какъ прежде всего нужно точно, ясно знать, что нужно дѣлать а чего не нужно; требовать отъ всякаго самаго строгаго исполненія установленныхъ правилъ. Армія, умѣющая избѣгать напрасныхъ усилій, разрушительныхъ вліяній и умѣющая возрождаться, возстанавляться въ нужное время, будетъ обладать силою наибольшаго сопротивления; хорошо подготовленная, хорошо веденная, она увидитъ свою силу возросшею вдвое, втрое... Въ искусныхъ рукахъ она будетъ чудеснымъ инструментомъ, а не инертною массою, примѣровъ какой такъ много даетъ исторія.

Въ томъ же выпускѣ адмиралъ *Vienaimé* закончилъ свой этюдъ: «Общія и отличительныя доктрины арміи и флота» (см. «обзоръ» за октябрь сего года, стр. 186—187). Указавъ въ предыдущей части своего изслѣдованія, что если и есть много общихъ положеній въ порядкѣ основныхъ принциповъ боевой дѣятельности арміи и флота, то условія ихъ примѣненія крайне различны, вслѣдствіе разницы средствъ, авторъ полагаетъ, что какъ сухопутнымъ военнымъ, такъ и морякамъ нѣтъ дѣйствительнаго интереса углубляться во взаимное изученіе способовъ дѣйствій, относящихся, какъ онъ называетъ, къ области внутренней, своей, тактики—des procédés de tactique intérieure.

Но кромѣ области большой войны, когда главная масса сухопутныхъ армій и флота стремится, каждая на своемъ театрѣ дѣйствій, достигнуть уничтоженія однородныхъ силъ непріятеля, нужно имѣть въ виду и смѣшанныя операціи, ограниченнаго порядка, состоящія въ одновременномъ или быстро слѣдующемъ одно за другимъ употребленіи сухопутныхъ и морскихъ силъ. Успѣхъ въ этомъ случаѣ зависитъ отъ цѣлесообразнаго сочетанія дѣйствій тѣхъ и другихъ. Этимъ дѣйствіямъ авторъ и посвящаетъ вторую часть своего изслѣдованія. Сначала онъ пишетъ объ оборонѣ береговъ, а затѣмъ о смѣшанныхъ или десантныхъ операціяхъ.

Оборона морскихъ береговъ, какъ извѣстно, покоится на сочетаніи слѣдующихъ трехъ элементовъ.

Въ первой линіи, въ ширь: боевой флотъ, задача котораго въ томъ, чтобы бороться съ непріятельскими морскими силами и ихъ уничтоженіемъ приобрести господство на морѣ.

Во второй линіи, вдоль линіи моря: форты и батареи (неподвижная сухопутная оборона), подводныя мины (неподвижная морская оборона) и минныя суда, а равно и суда береговой охраны (подвижная морская оборона).

Въ третьей линіи: войсковыя отряды въ извѣстныхъ стратегическихъ пунктахъ, въ большихъ портахъ или позади—въ центральныхъ мѣстахъ, готовые немедленно выдвинуться противъ непріятеля, пытающагося высадиться (подвижная сухопутная оборона).

Авторъ подчеркиваетъ особую важность второй линіи, отъ которой зависитъ и степень выполнимости своей задачи первую линію. Последняя можетъ съ полною свободою осуществить свое назначеніе при увѣренности, что ея базы защищены отъ опасности и берега достаточно гарантированы отъ ударовъ, чтобы эскадры могли по своему усмотрѣнію удаляться отъ береговъ для достиженія своей цѣли. Непосредственная оборона береговъ, въ видѣ упомянутой второй линіи, раздѣляется на прикрытіе пунктовъ трехъ различныхъ категорій: *морскихъ арсеналовъ*, оперативныхъ безъ флота; *рейдовъ и острововъ*, которыми непріятель можетъ воспользоваться въ качествѣ исходныхъ для дѣйствій противъ базъ; *большихъ коммерческихъ портовъ*, по своему богатству всегда соблазнительныхъ для непріятеля, если не для овладѣнія ими, то для производства въ нихъ разрушеній, посредствомъ которыхъ можно будетъ воздѣйствовать на общественное мнѣніе страны.

Арсеналы для флота нельзя отождествлять вполне съ крѣпостями на сухопутной границѣ. Со своими магазинами по всякаго рода снабженіямъ, съ доками и мастерскими и съ растянутыми молами, вдоль которыхъ суда могутъ ошвартоваться подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей для принятія на бортъ всѣхъ нужныхъ имъ матеріальныхъ пополненій, пункты эти, поэтому, должны не только задерживать собою непріятеля, но, будучи базами для флота, обязаны безконечно противостоять всякимъ атакамъ, направленнымъ на нихъ съ моря. Требованіе это вполне достижимо. Могущество флота всегда ограничено тѣмъ вѣсомъ, который можетъ быть поднять военными судами въ видѣ орудій, снарядовъ и брони, тогда какъ могущество фортификаціонныхъ сооруженій въ этомъ отношеніи не подвергается какому-нибудь ограничительному условію. Выискивая выгодныя мѣстныя условія, можно всегда, при устройствѣ морскаго арсенала, сосредоточить, при посредствѣ долговременныхъ сооруженій, оборонительную мощность несравненно бѣльшую, нежели та, которая можетъ

явиться передъ ними въ образѣ непріятельскаго флота. Но и еще болѣе. Припоминая, какъ легко съ форта визировать цѣль, такъ ясно обрисовывающуюся на поверхности моря, какъ корабль, тогда какъ съ этого корабля почти невозможно разобрать точку прицѣливанія для стрѣльбы по береговой батарее, всегда прилично укрытой; имѣя, затѣмъ, въ виду, что всякій снарядъ, попавшій въ судно, всегда произведетъ извѣстное дѣйствіе, тогда какъ можно послать цѣлую сотню снарядовъ на батарею, не причинивъ ей серьезнаго вреда, если только они не попали въ орудія батареи: можно заключить, что Наполеонъ былъ правъ говоря, что превосходство береговой артилеріи надъ судовой опредѣляется отношеніемъ 7 къ 1, т. е. десять береговыхъ мортиръ имѣеть то же значеніе, что 70 мортиръ морской артилеріи.

Если къ этому превосходству береговой артилеріи добавить еще огромную поддержку въ наше время подводныхъ лодокъ, естественно признать полную возможность безспорнаго предохраненія оперативныхъ базъ флота отъ какихъ-либо покушеній съ моря. Нельзя то же самое утверждать по отношенію ко всему протяженію морского побережья. Помимо арсеналовъ не могутъ быть оставлены безъ защиты нѣкоторые рейды и острова, которыми непріятель можетъ воспользоваться въ качествѣ базъ противъ насъ.

Французское морское побережье обезпечено, по словамъ столь компетентнаго автора, какъ адмиралъ *Vienaimé*, именно на основаніи вышеизложенныхъ принциповъ. Французскіе морскіе арсеналы пользуются превосходной инженерной обороной; рейды Quiberon, Aix и острововъ d'Nuèges не могутъ быть заняты непріателемъ безъ риска для себя. Большіе порты, какъ Дюнкирхенъ, Гавръ и Марсель, хорошо защищены артилеріей. «Я не хотѣлъ бы, говоритъ авторъ, утверждать, что наша система обороны морскихъ береговъ совершенна во всѣхъ подробностяхъ. Я скажу даже, что наша береговая артилерія не идетъ въ уровень съ значительнымъ ростомъ оборонительныхъ свойствъ бортовой брони; долженъ также отмѣтить, что недостаточны принятыя мѣры для обороны острововъ, защищающихъ рейды отъ атакъ, которыя могутъ быть направлены противъ нихъ; но если принять въ расчетъ ту поддержку, которую окажутъ минныя средства, то часто даже можно услышать мнѣніе, не слишкомъ ли много всего этого въ концѣ концовъ».

Вице-адмиралъ *Vienaimé* указываетъ, что циклъ обороны береговъ можетъ считаться полнымъ только при согласномъ взаимодействіи фортовъ и батарей, обслуживаемыхъ сухопутными артиллеристами, и специально морскихъ средствъ, которыя могутъ съ уснѣхомъ утилизироваться только моряками. Двойственность средствъ, ко-

торыя для дѣйствія должны быть объединены подъ одной отвѣтственностью. Тутъ сейчасъ же возникаетъ старый вопросъ, какъ помирить здѣсь на крайнемъ рубежѣ взаимнаго соприкосновенія арміи и флота интересы обоихъ элементовъ вооруженныхъ силъ? Щепетильность его разрѣшенія доказывается тѣмъ, что онъ различно разрѣшается въ разныхъ государствахъ.

Въ Англіи оборона береговъ (сухопутная подвижная и неподвижная и неподвижная морская) находятся въ рукахъ арміи, подвижная морская оборона остается въ рукахъ флота. Вслѣдствіе того довѣрія, которое Великобританія питаетъ къ своему флоту включительно до того, что она рассчитываетъ свои морскія базы перебросить на непріятельскіе берега, она съ большимъ пренебреженіемъ относится къ устройству обороны своихъ береговъ.

Въ Германіи защита береговъ ввѣрена морскому вѣдомству, по крайней мѣрѣ въ принципѣ; но это не вполне точно по отношенію къ тѣмъ имперскимъ берегамъ, которые не входятъ въ составъ прусскаго королевства; для таковыхъ только подвижная морская оборона ввѣрена флоту, а прочая военно-сухопутному вѣдомству. Но въ скоромъ времени послѣдуетъ законъ, который вполне объединитъ береговую оборону Пруссіи съ берегами Германской имперіи полностью.

Въ названныхъ двухъ крупнѣйшихъ державахъ, равно какъ и во всѣхъ другихъ, подвижная морская оборона остается въ рукахъ флота, и это настолько естественно, говоритъ авторъ, что онъ не сталъ бы особенно и подчеркивать это обстоятельство, если бы не слѣдовало бороться съ идеями, которыя проникли во французскіе военные круги въ ту эпоху, когда, слѣдуя голосу общественнаго мнѣнія, въ миновосцѣ видѣли универсальное средство для обороны. Военнымъ авторитетамъ, которые не раздѣляли этого общаго мнѣнія и ревниво хотѣли уберечь назначеніе миноносца для тѣхъ частныхъ случаевъ, для которыхъ онъ предназначенъ, пришлось отступить.

Французскіе моряки считали, что разброска этихъ небольшихъ судовъ является лучшимъ средствомъ утилизировать всѣ укромныя мѣста побережья, чтобы больше быть готовыми къ неожиданностямъ; они не имѣли намѣренія отказываться отъ операцій, которыя позволяли имъ ихъ подвижность; какъ и всякое оружіе, миноносецъ долженъ атаковать, чтобы дать максимумъ своего использованія. Для обороны побережья, слѣдовательно, нужно соединить ихъ въ группы, для нанесенія ими удара на извѣстномъ разстояніи отъ берега. Нынѣ эта задача разрѣшается въ томъ смыслѣ, что миноносцы и подводныя лодки, въ 400 тоннъ водоизмѣщенія, снабжаются подводными минами и придаются эскадрамъ не только въ качествѣ средства для

защиты своихъ береговъ, но и для дѣйствій у непріятельскаго побережья. Главнымъ условіемъ при этомъ, конечно, должно быть то, что это средство береговой обороны должно находиться исключительно въ распоряженіи флота, а не сухопутныхъ войскъ.

Въ конечномъ выводѣ вице-адмиралъ *Vienaimé* рисуетъ въ такомъ видѣ схему управленія обороной побережій. Сухопутная территория находится, въ отношеніи обороны, подъ отвѣтственностью военнаго министра, такъ какъ важно единство отвѣтственности; но во главѣ береговой обороны различныхъ прибрежныхъ участковъ военный министръ ставитъ генераловъ арміи или флота въ зависимости отъ спеціального значенія этихъ участковъ. Каждый изъ означенныхъ участковыхъ начальниковъ имѣетъ при себѣ помощника, принадлежащаго къ составу другого элемента вооруженныхъ силъ, нежели онъ самъ. Вице-адмиралы, морскіе префекты, которые вѣдаютъ защитой арсеналовъ, морскихъ базъ, съ объявленіемъ войны, переходятъ въ подчиненіе военному министру и, облеченные еще въ мирное время титуломъ военнаго губернатора, они принимаютъ участіе въ подготовкѣ обороны побережья вмѣстѣ съ назначеннымъ при нихъ, въ качествѣ помощника, сухопутнымъ генераломъ.

Во всѣхъ прочихъ укрѣпленныхъ пунктахъ побережья власть принадлежитъ сухопутному офицеру, дублированному морякомъ. Онъ заведуетъ неподвижной сухопутной обороной, фортами, батареями, станціями прожекторовъ, неподвижною морскою обороною, подводными минами и войсками подвижной сухопутной обороны даннаго сектора, исключая *подвижную* морскую оборону, которая остается во власти начальниковъ эскадръ или, какъ исключеніе, во власти морскихъ префектовъ.

Въ слѣдующей и послѣдней главѣ авторъ разсматриваетъ смѣшанныя или совмѣстныя десантныя дѣйствія войскъ флота—*opérations combinées*. Авторъ устанавливаетъ слѣдующія 5 основныхъ правилъ для успѣха таковыхъ операций.

1) Заморская или десантная экспедиція можетъ быть предпринята только при увѣренности въ свободномъ пользованіи моремъ, по крайней мѣрѣ, временно и по тѣмъ направленіямъ, которыя нужно будетъ преодолѣть.

2) Экспедиція должна имѣть вполне опредѣленную цѣль.

3) Въ предвидѣніи достиженія именно этой цѣли должно быть все изучено и устроено при самомъ дѣятельномъ соучастіи обоихъ старшихъ начальниковъ, военно-сухопутнаго и морского, которые уполномочены организовать операцію, каждый по своей спеціальности.

4) Подготовка и сосредоточеніе войскъ и матеріальной части къ пунктамъ посадки относятся къ вѣдѣнію военно-сухопутной власти,

которая даетъ всѣ необходимыя указанія по группировкѣ экспедиціоннаго корпуса для посадки на суда флота.

5) Адмиралу же принадлежитъ подготовка флота для принятія на свои суда войскъ, организація и оборудованіе транспортовъ и производство самой посадки. Онъ указываетъ моментъ отплытія. Отъ него единственно зависитъ выборъ пункта высадки, если ему предоставлено выбирать изъ нѣсколькихъ; онъ же назначаетъ и моментъ высадки десанта. Отвѣтственность старшаго сухопутнаго начальника начинается съ того времени, когда онъ самъ, высадившись на берегъ, объявляетъ о вступленіи въ командованіе ввѣренными ему войсками.

Авторъ развиваетъ эти принципы на примѣрахъ французскихъ десантныхъ экспедицій въ Алжирѣ въ 1830 г., въ Крыму въ 1854 г., въ Индо-Китаѣ (Тонкинѣ) въ 1884—1885 гг., на Мадагаскарѣ въ 1895 г.

Въ заключеніе необходимо еще разъ отмѣтить высокую поучительность изслѣдованія о боевомъ взаимодействіи арміи и флота такого авторитета въ вопросахъ морской стратегіи, какимъ является вице-адмиралъ Виенаймѣ. Можно только пожелать, чтобы подробно мною здѣсь цитированный его трудъ былъ цѣлкомъ, въ переводѣ, напечатанъ на страницахъ «Военнаго Сборника» или отдѣльной брошюрой. Всѣ, кто интересуется вопросами совмѣстныхъ дѣйствій арміи и флота, прочтутъ сочиненіе адмирала Виенаймѣ съ большой пользой и удовлетвореніемъ для себя.

Въ томъ же выпускѣ генералъ *C. de Grandprey* даетъ свои «Замѣтки о защитѣ *Портъ-Артура*». Будучи французскимъ военнымъ агентомъ въ Китаѣ наканунѣ нашей войны, онъ явился весьма подготовленнымъ къ самостоятельной разработкѣ изслѣдованій о русско-японской войнѣ 1904—5 гг. И дѣйствительно, въ 1906 г. имъ былъ изданъ солидный трудъ «*Осада Портъ-Артура*». Нынѣ въ означенныхъ замѣткахъ, на основаніи нашей официальной исторіи и книги полковниковъ ф. Шварца и Романовскаго, генералъ *C. de Grandprey* дополняетъ свой первоначальный трудъ и въ напечатанной пока первой части касается управленія войсками въ бою 13-го мая 1904 г. у Нань-шаня, пишетъ о двухъ паникахъ, имѣвшихъ мѣсто въ русскихъ войскахъ при отступленіи въ этомъ бою, и позже—въ ночь съ 14-го на 15-е іюля и разбираетъ отношенія между генералами Стесселемъ и Смирновымъ.

Въ ноябрьской книжкѣ «*Revue Politique et Parlementaire*» очень кстати помѣщена статья профессора Лионскаго университета *René Gonnard*—объ австрійскомъ «Тріализмѣ, съ точки зрѣнія славянъ и нѣмцевъ». Подъ тріализмомъ понимается новая политическая доктрина, которая, въ противоположность нынѣшнему дуализму, ведетъ къ государственному переустройству Австро-Венгрии въ томъ смыслѣ, чтобы, на ряду съ Австріей и Венгріей, въ составѣ этой монархіи была образована п третья одинаково съ ними самостоятельная часть изъ земель южныхъ славянъ, нынѣ распреѣленныхъ между двумя первыми.

Мысль объ объединеніи всѣхъ австрійскихъ славянъ, кромѣ, конечно, чеховъ, стоящихъ особнякомъ, и Галиціи, возникла еще въ эпоху Наполеона I, когда его намѣстникъ, маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, стоялъ во главѣ «Иллирійскихъ» провинцій, включавшихъ бѣольшую часть земель южныхъ австрійскихъ славянъ. Императорскимъ указомъ въ 1843 г. было запрещено въ официальномъ обиходѣ австрійской монархіи пользоваться терминами «Иллирія», «иллирійскій», такъ какъ ея правительство видѣло въ нихъ признаки славянскаго движенія и объединенія славянъ, тогда какъ всѣ усилія направлялись къ тому, чтобы сѣять раздоры и вражду между разными славянскими народностями. «Раздѣляй и властвуй»—основной принципъ австрійскаго государственнаго механизма.

Недавнее присоединеніе Босніи и Герцеговины увеличило число славянскихъ подданныхъ Австро-Венгрии на два милліона и дало толчекъ къ новѣйшему возрожденію никогда окончательно не потухавшей за послѣднія сто лѣтъ идеи славянскаго объединенія подъ скипетромъ Габсбурговъ. По мысли сторонниковъ тріализма, юго-славянскія провинціи должны быть отдѣлены отъ Австріи и Венгрии и образуютъ третье государство, ядромъ котораго послужитъ королевство Кроато-Славонія, присоединенное нынѣ къ Венгрии. Къ этому королевству юридически, но не фактически, отнесена и Далмація, въ дѣйствительности являющаяся австрійской провинціей. Всѣ три названныя провинціи составляютъ тріединое королевство Далмаціи, Кроаціи и Слбвоніи. Для осуществленія тріализма нужно было бы: 1) порвать виѣшнюю связь, существующую нынѣ между Кроато-Славоніей и Венгріей; 2) присоединить къ Кроато-Славоніи Далмацію и Босне-Герцеговину, положеніе которой въ имперіи еще не опредѣлилось и которое можетъ еще стать новымъ поводомъ ссоры между Австріей и Венгріей; 3) присоединить къ нимъ старыя австрійскія провинціи южныхъ славянъ—Грацъ и Крайну. Всѣ названныя славянскія земли объединить названіемъ Иллирія, причемъ царствующій Габсбургъ принялъ бы титулъ короля иллирійскаго такъ же, какъ

онъ именуется императоромъ австрійскимъ и королемъ венгерскимъ.

Однако, авторъ сомнѣвается, что осуществленіе мечты тріалистовъ удовлетворило бы всѣхъ славянъ, образовавшихъ новое королевство. Въ предѣлахъ его, какъ и на всей территоріи Австро-Венгрии, разныя народности перемѣшаны. Православные сербы, населяющіе многія мѣстности намѣчаемой Иллирии, едва ли бы остались довольны верховенствомъ католиковъ словенцевъ и кроатовъ. Даже среди кроатовъ есть партіи, симпатизирующія мадьяризму и слѣдовательно предпочитающія остаться подъ венгерскою короною.

Если тріализмъ былъ издавна, однако, мечтою большинства австрійскихъ славянъ, то съ нѣкоторыхъ поръ имъ стали увлекаться и австрійскіе нѣмцы, особенно принадлежащіе къ весьма вліятельной партіи христіанскихъ соціалистовъ. Они видятъ въ этомъ противовѣсь все расширяющемуся значенію Венгрии въ нынѣшней двуединой монархіи и—залогъ укрѣпленія могущества ея. Образованіемъ третьей, самостоятельной, части изъ южныхъ славянскихъ земель, Венгрія была бы удержана отъ выдѣленія въ совершенно независимое государство. Тріализмъ ампутировалъ бы Венгрію, отрѣзавъ отъ нея Кроацію, изолировалъ бы ее отъ моря и заключилъ бы ее со всѣхъ сторонъ между австрійскими и иллирійскими территоріями. Венгрія попала бы въ такое же экономическое порабощеніе къ Австріи, въ какомъ находится нынѣ Сербія. Она не могла бы образоваться сама по себѣ независимую таможенную территорію и примкнула бы къ таможенной системѣ, ключи отъ которой были бы въ Вѣнѣ и въ морскихъ портахъ Иллирии. Съ австрійской точки зрѣнія исчезла бы двойная опасность: 1) экономическая, заключающаяся въ томъ, что Венгрія отгораживается таможенными тарифами отъ цислейтанской промышленности; 2) политическая—въ томъ, что Венгрія стремится открыто порвать послѣднія узы съ Австріей. Эта послѣдняя опасность особенно беспокоитъ австрійцевъ въ военныхъ вопросахъ. Со стороны Вѣны принимаются всѣ усилія къ тому, чтобы придать арміи, не взирая на національное происхожденіе входящихъ въ составъ ея контингентовъ, единый государственный обликъ; Вѣна же озабочена планомъ увеличенія имперскихъ вооруженныхъ силъ, но мадьяры этому противятся, и мы присутствуемъ при исключительномъ зрѣлищѣ того, какъ монархія, для уничтоженія этого сопротивленія, грозитъ обратиться къ введенію закона о всеобщей подачѣ голосовъ для выборовъ, обычно угрожающаго милитаризму.

Итакъ, идея тріализма культивируется одновременно и среди славянъ, и среди австрійскихъ нѣмцевъ, но идетъ ли рѣчь объ одномъ

и томъ же триализмъ? Нѣтъ, и на этой разницѣ строятъ мадьяры свои расчеты.

Въ этомъ смыслѣ крайне интересно приводимое авторомъ мнѣніе о будущности дунайской монархіи нынѣшняго австро-венгерскаго наслѣдника престола, высказанное имъ одному венгерскому государственному мужу во время охоты въ Везценсеѣ.

По мнѣнію австрійскаго наслѣдника, дуализмъ въ Австро-Венгріи уже отжилъ свое и не можетъ далѣе служить основой устройства этой монархіи. Поэтому наслѣдникъ всецѣло склоняется къ триализму. Неизбѣжно образование третьяго государства, рядомъ съ Австріей и Венгріей: это будетъ славянское государство, предѣлы котораго не должны выйти изъ нынѣшнихъ границъ монархіи. Желательно основать великую Кроацію, которая составила бы, сверхъ кроатскихъ земель, также изъ Далмаціи, Босніи, Герцеговины, Карпатин, Истрии и Адриатическаго побережья. Это Иллирійское королевство получить независимую конституцію, чѣмъ будетъ порвана связь Венгрии съ Кроаціей. Чтобы Венгрія согласилась на выдѣленіе Кроаціи, она получитъ взамѣнъ Галицію и Буковину, другими словами, вмѣсто двухъ милліоновъ кроатовъ—5 милліоновъ поляковъ.

Галиція и Буковина имѣютъ нынѣ тѣ же экономическія связи съ Венгріей, что и Кроація. Поляки будутъ довольны такимъ переходомъ, а австрійцы—еще болѣе, избавившись отъ хлопотъ по заигрыванію съ поляками.

Таковъ краеугольный камень будущей внутренней политики наслѣднаго принца. Нѣмецкое вліяніе въ Австріи, венгерская гегемонія въ Венгрии и автономное славянское государство на югѣ, государство, которое должно обратиться лицомъ на Балканы. Опираясь на эту тройственную организацію, онъ рассчитываетъ вернуть своей монархіи и династіи ихъ былой престижъ.

Территориально Австрія, при такомъ измѣненіи государственнаго устройства двуединой монархіи, потеряетъ значительно даже больше Венгрии. Венгрія лишится только Кроато-Славоніи, не составляющей ея собственной территоріи, тогда какъ Австрія отдастъ всѣ свои южно-славянскія земли, Галицію и Буковину. Земельная площадь Венгрии при этомъ даже увеличится, тогда какъ у Австріи она уменьшится на половину. Венгрія, которая и нынѣ по площади превосходитъ Австрію, станетъ самымъ обширнымъ изъ трехъ соединенныхъ государствъ. То же самое и въ отношеніи численности населенія. У Австріи населеніе будетъ менѣе 20 милліоновъ, а у Венгрии оно возрастетъ до 25 милліоновъ.

Дабы понять, почему Австрія можетъ принять серьезно такой проектъ, нужно вспомнить, что *смыслъ Австріи не въ ея террито-*

риі, а въ политической системѣ, въ идеѣ, въ династіи, въ правительствѣ. Съ этой стороны и нужно относиться къ данному проекту. Не нужно забывать, что то, что называется обыкновенно Австріей, не существуетъ юридически и не предусматривается конституціоннымъ правомъ имперіи. Провинціи Цислейтаніи носятъ официальное наименованіе: *государства и земли, представленныя въ рейхсратъ*, а названіе Австріи принадлежатъ только двумъ дунайскимъ провинціямъ, верхней и нижней, которыя унаслѣдовали это наименованіе исторически. Не надо забывать, что Габсбургъ былъ бы королемъ въ Загребѣ—если этотъ городъ будетъ избранъ столицей австрійскихъ славянъ—точно такъ же, какъ онъ нынѣ императоръ въ Вѣнѣ и король въ Будапештѣ, повсюду онъ будетъ въ дѣйствительности императоромъ въ Вѣнѣ, проводящимъ политику своего основнаго принципа—*Divide et impera*.

При наличіи трехъ государствъ въ монархіи осуществленіе этой политики станетъ еще легче, группируя при всѣхъ осложненіяхъ двухъ противъ одного. Австрія, выдѣливъ изъ своего состава славянъ въ особое автономное государство, станетъ болѣе сплоченной внутренне, и нѣмцы, имѣя большинство въ Цислейтаніи, облегчили бы для себя возможность дальнѣйшаго означенія чеховъ Богеміи и Моравіи. Націонализмъ послѣднихъ особенно колетъ нѣмцевъ обѣихъ имперій, находясь въ сердцѣ нѣмецкихъ земель, въ богемской котловинѣ, какъ разъ посрединѣ между Берлиномъ и Вѣною.

Въ большинствѣ случаевъ южные славяне вѣроятно склонялись бы на сторону вѣнской политики противъ мадыарской. Германская культура оказываетъ довольно большое на нихъ вліяніе, даже на такихъ, какъ кроаты, находящіеся нынѣ въ подчиненіи у венгровъ. Если бы возстановленная Иллирія включила въ свои предѣлы австрійскія славянскія провинціи, то получилось бы государство съ преобладающимъ католическимъ отгѣнкомъ; въ противномъ же случаѣ, вслѣдствіе перевѣса православныхъ въ Босніи, этого бы не случилось. Такое католическое славянское государство явилось бы противовѣсомъ дальнѣйшему распространенію русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ и стало бы, къ великому благу Австріи, какъ восточной имперіи (Oesterreich-Empire de l'Est), проводникомъ западной культуры подобно той роли, которую нѣкогда блестяще выполняла на сѣверѣ славянская и католическая Польша.

Уже давно отмѣчается стремленіе австрійской государственной доктрины эволюціонировать къ постепенному перерожденію этой монархіи въ славянское государство. Историческая миссія Австріи, по тому же ученію, заключается въ приобщеніи народностей восточной Европы къ западной цивилизаціи. Вся ея исторія толкаетъ Австрію

на востокъ, къ славянамъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ будущемъ явятся два великихъ славянскихъ государства ⁴⁾, подобно тому какъ имѣется нѣсколько великихъ государствъ германскихъ и латинскихъ. Для осуществленія подобнаго будущаго, тріализмъ, съ австрійской точки зрѣнія, представляется вполне исторически осмысленнымъ переустройствомъ дунайской монархіи.

Louis Léger въ заключеніи къ своей книгѣ «*Исторія Австро-Венгріи*» выражаетъ сожалѣніе, что въ нынѣшней Австріи преобладаютъ нѣмецкіе и мадьярскіе интересы, дѣлающіе ее неспособною къ разрѣшенію восточнаго вопроса въ выгодномъ для нея смыслѣ, а вслѣдствіе этого другой націи предоставляется основать дѣйствительную великую Восточную Имперію на нижнемъ Дунаѣ. При болѣе почтительномъ отношеніи къ своимъ законнымъ интересамъ она могла бы болѣе широко раскрыть свои объятія, подъ защиту которыхъ охотно (?) прибѣгли бы народы, утомленные мусульманскимъ игомъ... Чтобы исправить свою историческую ошибку, время, можетъ быть, и пропущено, особенно если вникнуть въ историческій смыслъ происходящихъ нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ событій: тамъ закладываются прочныя основанія новой великой славянской державы. Однако, авторъ говоритъ, что, не взирая на эти событія, пока для Австріи еще не упущено время къ расширенію своего могущества въ направленіи на востокъ, туда, куда указываетъ ей путь п ея исторія, и ея наименованіе.

Читатели нашихъ «обзоровъ», вѣроятно, не посѣтуютъ за нѣсколько пространное, можетъ быть, изложеніе работы ліонскаго профессора Gonnard'a. Она появилась очень кстати, освѣщая современное настроеніе вѣнскихъ правящихъ сферъ. Мы всѣ съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдимъ за быстрымъ развитіемъ балканскихъ военныхъ событій, но они же неожиданно пріоткрываютъ завѣсу на историческія перспективы, давно уже сложившіяся для державъ Средней Европы. Наступаетъ, поэтому, моментъ, когда приходится или устремиться къ достиженію ихъ, или искать новыхъ путей. Въ такіе моменты особенно важно, при наличіи повелительной воли, ясно сознать смыслъ происходящихъ событій и тѣхъ или другихъ ихъ послѣдствій. Изслѣдованія Gonnard'a очень тому помогаетъ...

Авторъ обѣщаетъ въ послѣдующемъ дополнительномъ очеркѣ представить тѣ затрудненія, которыя встрѣтятся на практикѣ по пути осуществленія идеи тріализма и прежде всего—*со стороны мадьяръ*. Своевременно будетъ данъ отчетъ и объ этомъ очеркѣ.

---

⁴⁾ Особенно если одно изъ нихъ будетъ католическимъ, что поведетъ къ естественному между ними состязанію цивилизацій.

Въ томъ же журналѣ напечатана статья *Henry Rollin*: «Распределение французскихъ морскихъ силъ и господство на Средиземномъ морѣ». Вопросъ этотъ уже неоднократно разбирался на страницахъ повременной печати послѣ недавней отправки третьей эскадры французскаго флота въ Средиземное море. Небольшая статья Rollin'a возобновляетъ въ памяти читателей всѣ доводы, говорящія въ пользу новой дислокаціи этого флота.

Въ ноябрьскомъ «обзорѣ» (см. «Воен. Сборн.» стр. 199—205) подробно уже упоминалось объ изслѣдованіи подполковника *Le Marchand* подъ заглавіемъ «Эволюція войны», печатавшемся въ послѣднихъ книжкахъ «*Journal des Sciences Militaires*». Во второмъ октябрьскомъ выпускѣ этого журнала статья *Le Marchand*'а закончена. Авторъ доказываетъ, какъ было уже упомянуто при обзорѣ первыхъ частей его труда, что войны между культурными народами становятся все рѣже и должны вскорѣ совсѣмъ прекратиться, уступивъ мѣсто вооруженной борьбѣ только между государствами неравной цивилизаціи, т. е. между такими народами, которые не могутъ быть связаны тѣсными и сложными узами экономическихъ и общекультурныхъ отношеній. Между ними война остается неизбѣжной.

До той поры, пока на войнѣ господствующей силой оставалась физическая мощь сражающихся, конечный усилѣхъ принадлежалъ почти всегда варварамъ. Но по мѣрѣ того, какъ росъ прогрессъ знаній, сила интеллектуальная начала брать верхъ въ боевыхъ столкновеніяхъ.

Варварскіе народы исчезнутъ; они будутъ уничтожены, поглощены, ассимилированы, подъ воздѣйствіемъ усилій цивилизованныхъ народовъ. Между образованными народами, разъ они избавятся отъ варваровъ, вооруженная борьба неизбѣжно замѣнится борьбой экономической. Война подразумѣваетъ вѣдь прежде всего борьбу противъ примитивныхъ естественныхъ силъ, которыя человѣкъ не только долженъ себѣ подчинить, но въ концѣ концовъ еще и обратить на службу себѣ. Эта двойная и чудесная эволюція будетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ постепеннаго видоизмѣненія природы войны. Послѣдняя исчезнетъ послѣ того, конечно, какъ выполнить свое назначеніе въ исторіи человѣчества.

Въ томъ же журналѣ заслуживаетъ вниманія небольшая статья полковника *Rouquierol'*: «Нѣсколько мыслей о крѣпостной войнѣ». Какъ въ войнѣ на морѣ побѣда принадлежитъ крупнымъ судамъ,

солидно бронированнымъ, мощно вооруженнымъ и наиболѣе быстро ходящимъ,—судамъ, къ которымъ наилучше примѣнены означенныя качества во всей той степени, какую только позволяетъ современная техника, такъ то же самое и въ войнѣ крѣпостной. Побѣда естественнѣе всего будетъ и здѣсь принадлежать скорѣе тому, кто наилучше используетъ всѣ средства новѣйшей техники. Этимъ принципомъ слѣдуетъ руководствоваться, чтобы не запутаться въ лабиринтѣ предложеній и хваленыхъ рецептовъ, какъ защищать крѣпость.

Характерною чертою нынѣшнихъ средствъ разрушенія является та легкость, съ которой они могутъ уничтожить импровизованныя препятствія и работы полудолговременной фортификаціи. Отсюда слѣдуетъ, что нельзя возлагать большихъ надеждъ на исправленія крѣпостныхъ сооружений въ періодъ самой обороны.

Обороняющійся имѣетъ только два способа побѣдоносно бороться съ атакою: или поразить его быстрыми дѣйствіями своихъ контръ-атакъ, или засѣсть за долговременные верки.

Контръ-атака есть лучшая, если не единственная, форма подвижной обороны крѣпостей. Къ ней необходимо прибѣгать въ теченіе всей обороны, всякій разъ, какъ представляется случай нанести вредъ неприятелю. Хорошая организація контръ-атакъ требуетъ привлеченія къ участию отрядовъ развѣдчиковъ, которые легче всего формировать изъ пограничной стражи и изъ контрабандистовъ.

Неподвижная оборона должна заключать четыре линіи защиты: форты первой линіи, линію батарей, вторую линію фортовъ и ядро крѣпости. Всѣ долговременныя батареи должны быть отлично укрыты; если укрытія достигнуть нельзя, надлежитъ орудія помѣщать въ бронированныхъ башняхъ.

Очень желательно устроить подземное сообщеніе между фортами и ядромъ. Укрѣпленія могутъ быть освобождены отъ нѣкоторой части своихъ запасовъ при условіи имѣть возможность своевременно получать по подземнымъ путямъ нужное снабженіе.

Въ виду крайней дальнобойности современной артилеріи, крѣпости будутъ все раздаваться въ периметръ, но это необходимо, чтобы обезпечить прикрытіе центральныхъ крѣпостныхъ учреждений и складовъ. Необходимо также сохранить непрерывную ограду крѣпостного ядра. А главное, творцы новыхъ крѣпостей и перестраивающіе старыя обязаны проникнуться духомъ активной обороны и сознаниемъ важности строить въ строгомъ соотвѣтствіи со всѣми новѣйшими успѣхами артилерійской и инженерной техники.

Въ нѣмецкихъ военныхъ журналахъ за ноябрь мѣсяць нельзя отмѣтить изобилія заслуживающихъ вниманія статей. Съ интересомъ читается описаніе нынѣшнихъ осеннихъ французскихъ маневровъ въ «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*». Анонимный авторъ, послѣ педантично подробнаго разсмотрѣнія хода ихъ, послѣднія строки посвящаетъ общимъ впечатлѣніямъ боевой подготовки французскихъ войскъ.

Руководителемъ маневровъ былъ впервые генераль Жюффе, и все веденіе маневровъ показало, что въ лицѣ названнаго генерала былъ дѣйствительно на нужномъ мѣстѣ надлежащій человекъ. Главнокомандованіе французской арміи, объединенное съ прошлаго года съ должностью начальника генеральнаго штаба, преобразовалось самымъ выдающимся образомъ. Въ этомъ сказалась важная заслуга нынѣшняго министра Мильерана, который вообще двигаетъ республиканскія вооруженныя силы по пути вѣрнаго совершенствованія. Маневры показали, что весь управляющій аппаратъ работалъ хорошо, и приказанія правильно понимались и исполнялись. Свѣдѣнія о непріятелѣ достигали назначенія скоро и вѣрно и частью передавались при посредствѣ беспроволочнаго телеграфа. Особенно хорошо и продуктивно работали воздухоплаватели, уже по новой организаціи; это любимое дѣтище нынѣшняго военнаго министра.

Изъ войсковой работы обращали на себя особое вниманіе сформированная для маневровъ резервная дивизія и кавалерійскія дивизіи. Съ нѣкоторыхъ поръ усовершенствованію резервныхъ войскъ во Франціи придають особое значеніе. Резервные пѣхотные полки однородны со своими полевыми полками и носятъ номера, увеличенные на 200 противъ номера соотвѣтствующаго полевого полка. Резервные офицеры (офицеры запаса) тщательно подготавливаются и даже принимаютъ участіе въ полевыхъ поѣздкахъ подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба. На маневрахъ этого года высшія должности въ резервной дивизіи—начальника ея, бригадныхъ командировъ, начальника дивизионной артиллеріи—были замѣнены лицами изъ запаса. Командирами полковъ были, какъ положено и при дѣйствительной мобилизаціи, назначены подполковники изъ соотвѣтствующихъ полевыхъ полковъ. На нисшихъ должностяхъ на ряду съ офицерами дѣйствительной службы было много и офицеровъ запаса. Резервные полки производили очень выгодное для себя впечатлѣніе подобно тому же, какъ и запасные младшихъ возрастовъ, призванные для пополненія рядовъ полевыхъ полковъ. Нужно признать, что во Франціи резервисты прекрасно обучены.

Кавалерійскія дивизіи нынѣ во Франціи состоятъ изъ 4—5 полковъ, но предполагается въ недалекомъ будущемъ довести эти дивизи-

зія до 6-ти полкового состава съ раздѣленіемъ на 3 бригады. Это будетъ сдѣлано при посредствѣ включенія полковъ африканскихъ шассеровъ, которые въ свою очередь будутъ замѣнены полками спавтовъ. Обѣ участвовавшія въ маневрахъ кавалерійскія дивизіи, 1-я и 7-я, съ добавленіемъ сводной бригады въ каждую, состояли изъ 6-ти полковъ и имѣли, кромѣ приданной къ нимъ обычно конной артилеріи, по ротѣ велосипедистовъ изъ состава стрѣлковыхъ баталіоновъ. При посредствѣ ихъ въ первый же день маневровъ начальникъ 1-й дивизіи занялъ всѣ переправы по теченію рѣки и, прикрывшись такимъ образомъ отъ непріятели, которому необходимо было переправиться, заставилъ его переходить черезъ рѣку тамъ, гдѣ былъ оставленъ переходъ свободнымъ. Совершенно не случайно дислокація стрѣлковыхъ баталіоновъ, имѣющихъ велосипедныя роты, строго принаровлена къ нѣмецкой границѣ и къ центральнымъ пунктамъ въ районахъ кавалерійскихъ дивизій. Стрѣлковые же баталіоны составляютъ отборный элементъ французской арміи.

Въ томъ же журналѣ напечатаны статьи:

1) *I прусскій армейскій корпусъ въ сраженіи при Коломбей-Нуилли 14-го августа 1870 г. Curt von Colberg.*

2) *Развитіе и нынѣшнее состояніе воздухоплаванія надъ водой, подполковника Olszewski.*

Въ «*Le Spectateur Militaire*» за ноябрь приведено подробное содержаніе труда Клаузевица о *походѣ 1812 года въ Россію*. Авторъ, *Pierre Lehautcourt*, озаглавилъ это извлеченіе изъ Клаузевица: «*Катастрофа 1812 года и ея причины*». Этотъ трудъ, при всемъ глубоко уваженіи къ имени автора, совершившаго въ рядахъ нашей арміи весь великій походъ вплоть до 11-го апрѣля 1814 года, преимушественно подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Витгенштейна, въ достаточной мѣрѣ уже устарѣлъ, и естественно было бы на страницахъ французскаго военнаго журнала, въ столѣтнюю годовщину этого эпическаго похода, прочесть что-либо достойное силы генія французской мысли и пера. Но—увы, на протяженіи цѣлаго года во французскихъ военныхъ журналахъ не появилось ни одной оригинальной статьи, посвященной 1812 году, а, взамѣнъ того, перепечатывается нѣмецъ Клаузевиць.

Въ нашей печати прошло, кажется, совсѣмъ незамѣченнымъ образованіе въ Германіи, въ началѣ этого года, всенѣмецкаго *Wehrverein*'а—лиги германской обороны. Съ цѣлью этой общественной нѣмецкой организаціи подробно знакомить октябрьскій выпускъ «*Revue Militaire des armées étrangères*». Толчкомъ къ основанію этого ферейна послужило распространенное въ Германіи соображеніе о томъ, что судьбы Германіи въ концѣ концовъ разрѣшатся на сушѣ и, чтобы выполнить свое великое предназначеніе въ мірѣ, имперія должна во что бы то ни стало поддерживать свое военное первенство въ Европѣ. Присутствіе на торжествѣ его открытія, 28-го января, фельдмаршала ф.-д.-Гольца и множества офицеровъ дѣйствительной службы придало этой церемоніи совсѣмъ официальный отгѣнокъ. Предсѣдательствовалъ генераль-маіоръ запаса Кеймъ. Онъ опредѣлилъ въ своей рѣчи цѣлью общества развитіе патріотическаго чувства и нравственнаго мужества въ германскомъ народѣ. Затѣмъ выяснилось, что ближайшей скрытой задачей общества ставить себѣ расширеніе въ Германіи примѣненія закона объ общеобязательной воинской повинности. Мы не можемъ, говорятъ нѣмцы, претендовать болѣе на титулъ вооруженнаго народа, такъ какъ у насъ подъ знаменами только 0,94% населенія въ то время, какъ у французовъ армія достигаетъ 1,40% населенія, и личное участіе народа во Франціи въ случаѣ войны въ два раза болѣе, чѣмъ въ Германіи. Уже въ мирное время соединенныя силы Германіи и Австро-Венгріи на 700.000 человекъ менѣе, нежели во Франціи и Россіи, а, въ случаѣ войны, эта разница увеличится до 2.000.000 солдатъ. Союзница Германіи послѣднія 30 лѣтъ не принимаетъ вовсе какихъ-либо усилій къ увеличенію своихъ вооруженныхъ силъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ лига уже насчитывала 500 мѣстныхъ отдѣловъ и 7.000 участниковъ; въ іюнѣ число членовъ возросло до 124.142 человекъ. Цифры эти указываютъ на популярность новаго общества, не имѣющаго еще года своего существованія. Какъ извѣстно, подобная же лига имѣется въ Германіи и для развитія морского могущества нѣмцевъ.

Германское общественное мнѣніе единодушно исповѣдуетъ, какъ видно, тотъ взглядъ, что въ международныхъ отношеніяхъ самымъ важнымъ аргументомъ для убѣжденія своихъ соперниковъ служить угроза огромною, хорошо дисциплинированной и мощно всѣмъ обезпеченною арміею.

Въ томъ же выпускѣ приводятся весьма подробныя данныя по сформированію, на основаніи послѣдняго военнаго закона, пулемет-

ныхъ ротъ въ германской пѣхотѣ. Пулеметы въ каждомъ пѣхотномъ полку составлять 13-ю роту. Каждая рота изъ трехъ взводовъ, въ каждомъ по два пулемета на повозкахъ и одинъ патронный ящикъ. Личный составъ: 2 унтеръ-офицера и 51 рядовыхъ; каждая повозка запряжена парю лошадей.

С. Добродольскій.

«Rivista militare italiana» 1912 г. Августъ.

Въ статьѣ о китайской арміи капитанъ Gilberti Pietro, хорошо изучившій Китай на мѣстѣ, ставитъ себѣ цѣлью выяснитъ, каковы могутъ быть результаты усилій китайскаго правительства, направленные нынѣ къ пересозданію арміи, и могутъ ли эти усилія и осуществляемые реформы дать Китаю армію, стоящую на высотѣ современныхъ требованій.

Признается непреложнымъ, что армія того или другого народа обладаетъ достоинствами и недостатками народа, ее создававшего, но Китай рѣзко опровергаетъ таковой догматъ и ставитъ мыслителю вопросъ, достойный серьезнаго обсужденія. Китайцы, будучи въ громадномъ большинствѣ своемъ народомъ нравственно здоровымъ, полнымъ любви къ родинѣ и семейству, обладающимъ въ высокой мѣрѣ чувствомъ справедливости, послушнымъ закону и власти, трезвымъ, трудолюбивымъ, храбрымъ, выносливымъ, умнымъ, обладающимъ чувствомъ собственнаго достоинства, имѣли до послѣдняго времени самую жалкую армію.

Ясное представленіе о личномъ составѣ, поступавшемъ донныѣ на образованіе китайской арміи, даетъ бывшая въ ходу поговорка: «хорошее желѣзо не идетъ на гвозди, достойные люди не идутъ въ солдаты». Такое пренебреженіе къ воинскому званію имѣло послѣдствіемъ, что подъ знамена поступали исключительно отбросы націи, совершенно не обладавшіе качествами, служащими обезпеченіемъ здороваго воинскаго духа.

Офицеры раздѣлялись на двѣ категоріи: прошедшихъ курсъ въ иностранныхъ школахъ и получившихъ образованіе дома. Первые не пользовались ни любовью начальства, подозрѣвавшаго въ нихъ отрицателей старыхъ идей, ни товарищей, которые имъ завидовали. Вторые, составлявшіе подавляющее большинство, совершенно не соответствовали своему назначенію.

Въ Пекинѣ существовало военное министерство; но армія, какъ и флотъ, имѣла областную организацію и была въ прямой зависимости отъ вице-королей, которымъ принадлежало и командованіе ихъ арміями въ случаяхъ надобности. Такое раздѣленіе вызывалось обширностью имперіи, трудностью и медленностью сношеній. Кромѣ отсутствія единства, существовавшая организація была причиною, что вице-короли, любившіе свои войска и занимавшіеся ими, возбуждали при дворѣ подозрѣніе, и это шло, конечно, въ ущербъ достоинству китайскихъ вооруженныхъ силъ.

Въ вооруженіи и снаряженіи былъ полный беспорядокъ. Части одного и того же отряда бывали вооружены одновременно ружьями Маузера, Винчестера и ружьями китайскаго изготвленія, передѣланными изъ заряжавшихся съ дула. Въ одной и той же батареѣ скорострѣльныя современныя пушки перемѣшивались съ старыми бронзовыми.

Лошади въ конницѣ содержались дурно и не могли совершать большихъ переходовъ.

Образованіе войскъ было крайне неудовлетворительно.

Дисциплины необходимой не было и, при низкомъ нравственномъ уровнѣ личнаго состава, не могло быть. Бунты и возмущенія, вызванныя матеріальными причинами, представляли заурядныя явленія. Цѣлыя отряды нападали на деревни съ цѣлью грабежа и мѣняли воинское званіе на промыселъ разбойника. Не обладая никакою стойкостью при встрѣчѣ съ воинственнымъ противникомъ, китайскія войска избѣгали боя всѣми мѣрами, а, бывъ къ нему вынуждены, легко сдавались въ плѣнъ. Войсковыя части, дѣйствительно достойныя этого названія, встрѣчались какъ исключеніе.

Отдѣленный отъ воинственныхъ и предпримчивыхъ народовъ Европы и Америки огромными пространствами, Китай долгое время оставался въ покоѣ относительно своей внѣшней безопасности, но съ начала XIX столѣтія спокойствіе его должно было медленно и постепенно уступить мѣсто чувству противоположному. Морская граница Китая нынѣ доступна нападеніямъ на всея ея протяженіи, а сибирская наша дорога сдѣлала наиболѣе слабыя пункты его границы доступными сухопутнымъ «дьяволамъ» (Ти-ке-дзе) въ той же мѣрѣ, какъ морская граница доступна заморскимъ дьяволамъ (Ян-ке-дзе). Китай понялъ, что прошло то время, когда онъ могъ основывать свою безопасность на географическомъ своемъ положеніи, и что при современныхъ условіяхъ только храбрая армія и надежная военная организація могутъ обезпечить ему миръ и цѣлость территоріи.

Перечисленныя выше качества китайскаго народа указываютъ

въ достаточной мѣрѣ на полную его пригодность для созданія прекрасной арміи. Къ нимъ нужно еще добавить рѣдкую твердость духа, спокойствіе, холодное упорство и національную гордость, въ основѣ которой лежатъ блестящія традиции и вѣковая гегемонія, еще свѣжая въ народной памяти. Эта гордость объединяетъ 400 милліонное населеніе Китая вокругъ желтаго знамени, побуждаетъ его къ скорѣйшему исправленію сдѣланныхъ ошпобокъ и даетъ ему увѣренность занять среди народовъ то выдающееся положеніе, которое онъ потерялъ по излишней своей самоувѣренности.

Сознаніе ошибки есть первый шагъ къ ея исправленію. Событія послѣднихъ лѣтъ показали, что китайцами сознаны недостатки военной ихъ организациі и что они нашли въ себѣ силы вложить персть въ свои раны. Патріотическая печать ведетъ дѣятельную пропаганду въ цѣляхъ поднять воинскій духъ націи и привести ее къ полному сознанію необходимости для страны сильной арміи и флота. Правительство дѣлаетъ, съ своей стороны, все возможное.

Декретомъ 15-го іюля 1909 г. императоръ принялъ на себя высшее главенство надъ вооруженными силами страны, а декретомъ 16-го того же іюля во главѣ управленій арміею и флотомъ поставлены двое великихъ князей. Этими двумя декретами достигнута централизація управленія вооруженными силами и уничтожена прежняя зависимость ихъ отъ вице-королей, сопряженная съ указанными выше существенными невыгодами. Народы дѣлаютъ, по словамъ Фридриха II, то, что дѣлаютъ ихъ короли; и дѣйствительно, послѣ упомянутыхъ декретовъ, лучшія силы страны идутъ нынѣ съ энтузіазмомъ въ ряды арміи.

Все изложенное и личное изученіе на мѣстѣ китайскаго народа приводятъ автора къ заключенію, что Китай имѣетъ полную возможность создать сухопутныя и морскія силы, ни въ чемъ не уступающія силамъ другихъ государствъ. Будутъ ли таковыя дѣйствительно созданы, покажетъ будущее; несомнѣннымъ же остается фактъ, что народъ, желавшій только того, чтобы его оставили въ покоѣ, и почти упразднившій свои вооруженныя силы, почувствовалъ нынѣ безусловную въ нихъ необходимость и энергично обратился къ ихъ воссозданію. Фактъ историческій, являющійся наиболѣе рѣшительнымъ опроверженіемъ теорій, отрицающихъ необходимость постоянныхъ и хорошо организованныхъ вооруженныхъ силъ.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Римскія войска въ Ливіи» капитанъ Girolamo Carrello даетъ очеркъ исторіи Кирены, основанной греками въ VII вѣкѣ до Р. X.

Кромѣ того, въ обозрѣваемомъ выпускѣ помѣщенъ маіоромъ Pompilio Schiavini историческій очеркъ острова Роды.

Начаты статьи:

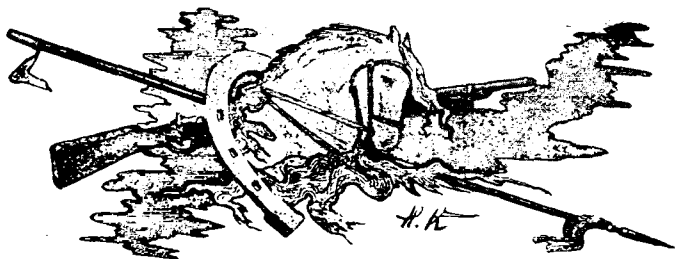
Подполковника Eduardo Nasi подъ заглавіемъ «Крѣпостная артилерія».

Капитана Carlo Passoni—о значеніи авторитета и вліянія начальниковъ на успѣхъ итальянскихъ операцій въ Ливіи.

Помѣщены продолженія статей капитановъ E. Barbarich и Rodolfo Corselli.

Окончены статьи капитана Giuseppe Silva и подполковника V. Trianiello.

В. Н.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Балканскій полуостровъ.—Очеркъ военныхъ дѣйствій.—*Великобританія.*—Большіе маневры 1912 г.—*Франція.*—Большіе маневры 1912 г.

Балканскій полуостровъ ¹⁾.

Въ послѣднемъ номерѣ «Военнаго Сборника» былъ сдѣланъ краткій очеркъ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ за три недѣли отъ начала кампаніи, съ 5/18-го октября по 26-е октября (8-е ноября) 1912 года. Къ этому времени на восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій болгары оттѣснили турокъ до позиціи Чаталджи, въ 30—40 километрахъ отъ столицы, и обложили Адрианополь. Въ центральной полосѣ болгарскіе отряды мѣстами доходили до берега Эгейскаго моря. На западномъ театрѣ сербы заняли Ускюбъ, Велесъ и Прилѣпъ и, вмѣстѣ съ черногорцами, санджакъ Ново-Базаръ, а послѣдніе, послѣ занятія Плавы, Гусинья и Тузи, осадили Скутари и заняли Діаково.

Греки заняли г. Салоники, въ который почти одновременно вошелъ болгарскій отрядъ генерала Тодорова; они овладѣли Тессаліею и на сѣверѣ дошли до озера Острова; западная греческая армія находилась въ одномъ переходѣ отъ Янины.

Настоящій очеркъ военныхъ дѣйствій обнимаетъ слѣдующій періодъ кампаніи до заключенія перемирія между Турціею и Болгаріею, Сербіею и Черногоріею 20-го ноября (3-го декабря) 1912 г.

На главномъ театрѣ во Фракіи дальнѣйшаго наступленія не происходило и операціи болгаръ продолжались подъ Чаталджей и Адрианополемъ.

Подойдя къ позиціи у Чаталджи, 26—30-го октября, болгарская армія начала на протяженіи всего фронта ея занимать исходныя для атаки позиціи, выставила батареи и подвезла тяжелую артиле-

¹⁾ См. карту, прил. къ № 230 «Русск. Инв.».

рю. Когда эти приготовления были закончены, въ теченіе 4—6-го ноября состоялась атака позиціи: такъ какъ лѣвый флангъ ея, защищенный озеромъ Беюкъ-Чекмедже и болотомъ, представлялся неудобнымъ для производства атаки, то здѣсь болгары ограничились дѣйствіемъ батарей, расположенныхъ на высотахъ у Арнауткой (см. схему въ «Русск. Инв.» № 239); противъ этихъ батарей, кромѣ артилеріи на турецкой позиціи, открыли огонь суда турецкаго флота, стоявшія на якорѣ въ бухтѣ и на рейдѣ близъ Каликратіи.

Главная атака была направлена на центръ позиціи, сѣвернѣе Чатаджп, противъ фортовъ Гамидіа I и II, Махмудіа и Каракаль, а также противъ праваго фланга южнѣе озера Деркосъ. Артилерійская подготовка продолжалась съ 6 часовъ утра до полудня, затѣмъ пѣхота начала наступленіе съ исходныхъ позицій. Въ центрѣ ей приходилось наступать по открытой мѣстности подъ сильнымъ огнемъ крѣпостныхъ (до 15 см. калибра) и полевыхъ орудій; несмотря на большія потери, передовой полкъ все же дошелъ въ первый день до разстоянія въ 1.000 шаговъ отъ фортовъ, а ночью продвинулся до 500 шаговъ отъ нихъ, здѣсь окопался и продержался 5-го числа до ночи на 6-е ноября.

На лѣвомъ болгарскомъ флангѣ наступленіе болгаръ стоило меньшихъ жертвъ, такъ какъ происходило въ рѣдкомъ лѣсу при болѣе продолжительной артилерійской подготовкѣ и дало возможность занять передовыя укрѣпленія и приблизиться къ фортамъ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ атакахъ 4—6-го ноября пока не имѣется.

7/20-го ноября болгары повидимому отвели главныя силы свои къ западу отъ линіи Чатаджа-Чишликкой, убѣдившись, что штурмовать сильно укрѣпленную позицію при недостаткѣ въ тяжелой артилеріи нежелательно; въ тотъ же день изъ числа турецкихъ судовъ, участвовавшихъ на правомъ флангѣ въ Черномъ морѣ, въ оборонѣ позиціи, крейсеръ «Гамидіа» былъ сильно поврежденъ минами болгарскихъ миноносцевъ и на буксирѣ отведенъ въ Стамбулъ; 9-го и 10-го происходилъ артилерійскій бой и шли частичныя столкновенія передовыхъ отрядовъ, причемъ турки мѣстами переходили въ наступленіе, но были отбиты.

Турецкая армія послѣ пятидневныхъ боевъ на р. Эргене, Люле-Бургасъ—Вица, поспѣшно отступила, и части ея въ большомъ безпорядкѣ прибывали на позицію Чатаджа; неурядица еще увеличивалась поголовнымъ бѣгствомъ мусульманскаго населенія; съ другой стороны стали прибывать подкрѣпленія изъ Малой Азіи, но они привезли съ собою новаго врага—холеру, которая, въ виду невозможности принять какія-либо санитарныя мѣры, быстро стала распространяться среди бѣглецевъ и въ войскахъ на позиціи, требуя ежедневно сотни жертвъ. Въ Константинополѣ возникла тревога

по поводу близости отступившей арміи, не получавшей правильнаго продовольствія; опасались наводненія столицы толпою голодныхъ солдатъ; державы послали сначала по одному, а потомъ по два военныхъ судна въ Босфоръ и настояли на высадкѣ десантовъ (всего около 3.000 человекъ) для охраненія посольствъ и учреждений иностранцевъ.

Турецкая позиція у Чатаджи очень сильна по природѣ, занимая цѣпь командующихъ высотъ, и имѣетъ хорошо обезпеченные фланги, оборона которыхъ еще усиливалась участіемъ въ ней флота. На самой позиціи имѣлось 25 фортовъ, изъ коихъ нѣсколько снабженныхъ бетонными сооружениями съ большимъ числомъ тяжелыхъ орудій; на правомъ флангѣ фронтъ былъ усиленъ передовыми укрѣпленіями, а на остальномъ протяженіи—нѣсколькими ярусами окоповъ. Невозможность для болгаръ немедленно штурмовать позицію и ворваться въ нее на плечахъ отступавшихъ въ безпорядкѣ турокъ, дала послѣднимъ время опомниться, устроиться, принять мѣры противъ холерной эпидеміи и подвести въ значительномъ числѣ подкрѣпленія, не только анатолійскіе редифы, но и регулярныя войска даже изъ Эрзинджана.

Однако обѣ стороны, повидимому, были утомлены столь быстро развившимися военными событіями и по инициативѣ Турціи между воюющими сторонами начались 12/25-го ноября переговоры о перемиріи, каковое безъ участія Греціи и было заключено 20-го ноября (3-го декабря); по условіямъ его, войска обѣихъ сторонъ остались на занимаемыхъ ими позиціяхъ, въ осажденные крѣпости подвозъ продовольствія не былъ допущенъ и на 30-е ноября назначено начало переговоровъ о мирѣ—въ Лондонѣ.

Подъ Адрианополемъ болгары не предпринимали рѣшительнаго штурма; для такого предпріятія было недостаточно тяжелой артилеріи для подготовки его и слишкомъ мало войскъ, такъ какъ и та и другія въ значительномъ числѣ были направлены къ Чатаджи. Они ограничились овладѣніемъ нѣсколькими передовыми укрѣпленіями на сѣверо-западномъ и западномъ фронтѣ; на южномъ болѣе тѣсному обложенію помѣшали обильные дожди и разливъ р. Марицы и ея притоковъ. По слухамъ къ обложенію крѣпости были притянуты 2 сербскія дивизіи, а третья, будто бы, направлена къ Чатаджи.

Комендантъ Адрианополя Шюкрю-паша, сносившійся со столицей по беспроволочному телеграфу и получившій званіе гази, располагалъ гарнизономъ, оцѣниваемымъ въ 30.000 человекъ; гарнизонъ предпринималъ нѣсколько вылазокъ, въ томъ числѣ наиболѣе значительныя 5/18-го ноября на сѣверо-западномъ фронтѣ и 10/23-го числа по направленію къ Киркилисѣ; всѣ вылазки были отбиты.

Изъ другихъ предприятий въ восточномъ районѣ можно отмѣтить, что турецкое правительство, опасаясь за судьбу Дарданельскихъ укрѣпленій, противъ которыхъ по слухамъ въ заливъ Саросъ былъ направленъ греческій десантъ, отправило значительныя подкрѣпленія въ Галиполи подъ начальствомъ Торгутъ-Шевкетъ-паши. Затѣмъ болгары, послѣ занятія узловой станціи Демотики, отправили отряды на югъ для овладѣнія городами Родосто и Дедеагачъ и возстановили желѣзнодорожную линію Дедеагачъ—Демотика.

Послѣднимъ актомъ въ этомъ районѣ до заключенія перемирія было столкновеніе болгаръ близъ Дедеагача съ турецкимъ отрядомъ силою около дивизіи изъ различныхъ частей войскъ подъ начальствомъ Яверъ-паши, окончившееся взятіемъ въ плѣнъ около 9.000 турокъ и самого паши.

Въ центральномъ районѣ болгарскіе отряды, постепенно подвигаясь на югъ къ побережью Эгейскаго моря, заняли Драму, Кавалу Гюмюльджину; къ началу перемирія болгары овладѣли всею линіею прибрежной желѣзной дороги и возстановили на ней сообщеніе.

Въ западномъ районѣ въ разсматриваемый второй періодъ кампаніи (съ 26-го октября по 20-е ноября) сербы изъ Велеса продвинулись впередъ въ долину р. Вардара до одного перехода отъ Салоникъ. Главная часть арміи наслѣднаго королевича, послѣ взятія съ боя Прилѣпа, была направлена на Монастырь, которымъ овладѣла 3-го ноября послѣ трехдневнаго боя, разсѣявъ части западной турецкой арміи, захвативъ много плѣнныхъ и артилеріи; кавалерія преслѣдовала турокъ до Флорины, гдѣ встрѣтилась съ наступавшимъ съ юга греческимъ отрядомъ.

Затѣмъ сербы поставили себѣ задачей окупированіе территоріи къ западу отъ Монастыря и движеніе къ берегу Адриатическаго моря; послѣдовательно были заняты ими Ресна 10-го ноября, Охрида 11-го, послѣ боя противъ албанскихъ бандъ въ лимскомъ округѣ Дибра (15-го ноября), а 17-го — Эльбазанъ. Движеніе къ Адриатическому морю производилось двумя колоннами; одна изъ нихъ наступала изъ Прилѣпа на западъ по очень гористой и трудно доступной мѣстности, другая съ сѣвера изъ Призрена; послѣдняя, вмѣстѣ съ черногорцами, занявъ Алесіо 5-го ноября, продолжала наступленіе вдоль побережья и 15-го безъ сопротивленія заняла портъ Дураццо.

Движеніе сербовъ къ Адриатическому морю вызвало значительную тревогу въ Австро-Венгріи, которая заявила протестъ противъ постоянного занятія сербами этого порта или какого-либо другого на Адриатическомъ морѣ. Одновременно въ печати появились слухи о приготовленіяхъ Австріи къ мобилизаціи: были призваны на службу три младшихъ возрастныхъ класса запаса, предназначавшихся для

доведенія корпусовъ I и X въ Галиціи, II въ Вѣнѣ и VII и XIII въ южной Венгріи до состава 150 человекъ на роту; расположенные въ Босніи, Герцеговинѣ и Далмаціи XV и XVI корпуса еще ранѣе были приведены въ усиленный составъ.

Въ австро-венгерскія палаты были внесены слѣдующіе законопроекты о поставкѣ лошадей и перевозочныхъ средствъ въ случаѣ мобилизаціи, объ отводѣ помѣщеній для мобилизованныхъ войскъ и о выдачѣ пособій семьямъ призванныхъ на службу чиновъ запаса.

Черногорцы были заняты осадой г. Скутари и бомбардированіемъ сначала укрѣпленной позиціи Тарабошъ, а затѣмъ и самого города; постепенно здѣсь сосредоточилось до 36.000 черногорскихъ войскъ, начальство надъ которыми принялъ на себя самъ король. Изъ-подъ Скутари временно былъ выдѣленъ отрядъ на югъ для овладѣнія портами на побережьи Адриатическаго моря; послѣ боя съ турецкимъ отрядомъ черногорцы 4-го ноября овладѣли портомъ С.-Дживаниди-Медуа, а 5-го, вмѣстѣ съ сербами, заняли Алессіо.

Дѣятельность грековъ въ описываемомъ періодѣ сводилась къ направленію части арміи наследнаго королевича изъ Салоникъ къ Острову и Баницѣ, гдѣ турки потѣснили слабый греческій отрядъ; съ приходомъ подкрѣпленій успѣхъ перешелъ на сторону грековъ; колонна, наступавшая изъ Острова на западъ, послѣ удачнаго боя въ дефиле, заняла съ боя Флорину, гдѣ вошла въ связь съ сербами. Эпирская армія имѣла нѣсколько удачныхъ столкновеній съ турками къ югу отъ Янины и подошла на разстояніе нѣсколькихъ верстъ къ этому укрѣпленному пункту. Въ Янинѣ по слухамъ сосредоточено до 30.000 турецкихъ войскъ и 3.000 албанцевъ; сюда, кромѣ того, собираются остатки турецкой арміи, разсѣянной подъ Монастыремъ и Флориной.

Большую дѣятельность проявилъ греческій флотъ: онъ блокировалъ турецкіе порты въ Адриатическомъ морѣ, конвоировалъ транспортъ съ 12.000 болгарскихъ войскъ изъ Салоникъ въ Дедеагачъ, высадилъ на Халкедонскомъ полуостровѣ, къ юго-востоку отъ Салоникъ, въ двухъ пунктахъ десантъ, который овладѣлъ всѣмъ полуостровомъ. Затѣмъ десантами съ флота, кромѣ занятыхъ ранѣе острововъ Тенедось и Самоеракии, близъ Дарданель, и Тасоса, близъ европейскаго побережья, были оккупированы острова Митилена и Хиосъ, гдѣ греки съ тремя батальонами продолжали тѣснить турецкій гарнизонъ около 1.500 человекъ. Послѣднимъ актомъ грековъ, до конца періода, было обстрѣливаніе двумя канонерскими лодками порта Валона, на Отравтекомъ проливѣ, гдѣ, между прочимъ, находилось только что образовавшееся «албанское правительство» подъ президентствомъ Измаиль-Кемаль-бея, провозгласившее автономію Албаніи.

По заключеніи упомянутого выше перемирія одна только не примкнувшая къ нему Греція находилась фактически въ войнѣ съ Турціею.

Великобританія.

Въ прошломъ году большіе маневры въ Англіи были отмѣнены вслѣдствіе дурной погоды, забастовокъ и политической обстановки (Марокскій вопросъ); зато въ этомъ году они были произведены въ большихъ размѣрахъ при участіи около 60.000 человекъ—четыре дивизіи пѣхоты, территоріальной бригады и двухъ кавалерійскихъ дивизій. Маневры происходили къ сѣверо-востоку отъ Лондона въ теченіе трехъ дней съ 16-го по 18-е сентября н. с. По установившемуся обычаю, до начала большихъ маневровъ происходили кавалерійскіе маневры; 3 бригады регулярной кавалеріи имѣли назначеніе остановить наступленіе съ сѣверо-востока непріятельской кавалеріи (1 регулярная бригада и 1 баталіонъ ѣздящей пѣхоты съ артилеріею), причеиъ одна бригада совершила переправу вплавь черезъ Темзу; четыре пѣхотныя дивизіи имѣли дивизионные маневры въ двухъ группахъ, дивизія противъ дивизіи.

Главнымъ руководителемъ большихъ маневровъ былъ генераль Френчъ, начальникъ имперскаго генеральнаго штаба; сторонами командовали генераль Хегъ арміею красныхъ (онъ въ бурскую войну былъ начальникомъ штаба генерала Френча) и генераль Гріерсонъ (также участникъ кампаній въ южной Африкѣ и въ Суданѣ)—арміею синихъ.

Предположеніе для маневровъ заключалось въ томъ, что армія красныхъ вторглась въ предѣлы Англіи (береговая черта предполагалась границею) и наступаетъ съ сѣверо-востока на Лондонъ. Наскоро мобилизованная синяя армія должна оборонять столицу.

Составъ красной арміи генерала Хега: 1-я и 2-я пѣхотныя дивизіи по 3 бригады пѣхоты, 2 эскадрона, 4 дивизиона полевой артилеріи (во 2-й дивизіи одинъ изъ нихъ гаубичный), 1 тяжелая батарея, 2 піонерныхъ роты и по 1 сигнальной ротѣ; одна сводная кавалерійская дивизія генерала Аленби изъ 1, 2 и 4 регулярныхъ бригадъ съ 2-мя дивизионами конной артилеріи, эскадрономъ спгнальщиковъ, 2-мя піонерными взводами и пѣлой бригадой велосипедистовъ территоріальной арміи (1.500 человекъ); въ распоряженіи командующаго арміею находились 1 эскадронъ, 1 рота осадной артилеріи, отрядъ піонеръ, 3 сигнальныхъ роты (для искровой, кабельной и оптической сигнализациі), 2 отряда летчиковъ, по 3 и 4 аэроплана, и дирижабль «Beta». На этапахъ было оборудовано 6 продовольственныхъ складовъ, 1 кавалерійская и 2 дивизионныя продовольственные колонны.

Въ составъ синей арміи генерала Гріерсона входили: 3-я и 4-я пѣхотныя дивизіи по 3 бригады пѣхоты, 2 роты ѣздящей пѣхоты (въ 3-й дивизіи одна рота была велосипедная), 4 дивизиона полевой артилеріи (въ 4-й дивизіи одинъ изъ нихъ гаубичный), 1 тяжелой батареѣ, 1—1½ ротѣ піонеръ и 1 сигнальной ротѣ (при 4-й дивизіи интендантскія и санитарныя части); 4-й дивизіи была придана территоріальная бригада изъ 4 баталіоновъ съ дивизиономъ артилеріи, 1½ піонернымъ ротами и санитарными и обозными частями; сводная кавалерійская дивизія полковника Бригса изъ 1 регулярной бригады, 1 бригады іоманри (территоріальной), 1 баталіона ѣздящей пѣхоты, 2 конныхъ батарей, 1½ эскадроновъ сигналистовъ, 1 піонернаго взвода и 3 баталіоновъ велосипедистовъ, а также санитарныхъ и интендантскихъ частей. Части въ распоряженіи командующаго арміею и этапныя учрежденія были одинаковы съ арміею красныхъ (дирижабль «Gamma»).

Относительно состава войскъ слѣдуетъ отмѣтить, что пѣхотныя бригады имѣли по 2 полка въ 2 баталіона по 8 ротъ, но очень слабыхъ въ 50—60 человекъ; въ баталіонахъ было не больше 400—500 человекъ. Орудій и пулеметовъ было въ арміи красныхъ 90 и 68, синихъ—96 и 67. Красная армія была сильнѣе кавалеріею и составъ ея былъ однородный; синяя имѣла на 4 баталіона больше, но кавалерія была слабѣе, самаго смѣшаннаго состава, а лишніе баталіоны были территоріальной пѣхоты. Наибольшій интересъ представляла именно организація армій—привлеченіе къ большимъ маневрамъ территоріальныхъ частей, обильная придача кавалеріи велосипедистовъ и новинка—аэропланы.

Раіонъ маневровъ находился въ 60—70 километрахъ къ сѣверу отъ Лондона, восточнѣе г. Кэмбриджа, и представлялъ въ общемъ равнину, прорѣзываемую текущею на сѣверъ рѣкою Узе и впадающею въ нее съ юго-запада р. Кэмъ, а также другими притоками ея и мелкими рѣчками, впадающими въ Сѣверное море. Мѣстность изобиловала полями и лугами съ многочисленными канавами и изгородами и довольно частыми небольшими рощами; дорогъ здѣсь много и населенные пункты часты. Возвышенности попадаются только къ востоку и юго-востоку отъ г. Кэмбриджа, гдѣ онѣ образуютъ плато въ 100—200 метровъ высоты, а нѣкоторыя высоты поднимаются до 400 м.; по гребню высотъ пролегаетъ древнее римское шоссе Via Devana; высоты оканчиваются въ 3-хъ километрахъ отъ города возвышенною группою (230 м.) Гогъ-Магогъ. Въ этомъ раіонѣ съ сѣвера къ Лондону ведутъ три главныя шоссе: 1) самое западное Эли—Кэмбриджъ—Лондонъ, 2) восточнѣе его Врандонъ—Ньюмаркетъ—Сафронъ Вальденъ—Лондонъ и 3) самое восточное Вельсъ—Тетфордъ—Бюри Эдмундъ—Лондонъ.

Утромъ 16-го сентября синяя (западная) армія генерала Гріерсона находилась на линіи Биглесведъ—Потонъ въ 25 кил. къ западу отъ Кэмбриджа (3-я и 4-я дивизіи) и кавалерія впереди фронтомъ на востокъ; територіальная пѣхотная бригада находилась у Кэмбриджа и получила приказаніе задерживать наступленіе противника. Этапная линія: Бедфордъ—Лондонъ.

Генераль Гріерсонъ предполагалъ наступленіе противника по среднему шоссе № 2 (см. выше), такъ какъ 1-е было слишкомъ удалено отъ границы, а 3-е было наиболѣе дальнимъ путемъ къ столицѣ.

Въ первые два дня маневровъ столкновений пѣхотныхъ частей не происходило, а одни лишь передвиженія; 16-го 3-я и 4-я дивизіи, наступая на востокъ, дошли до шоссе № 1, а 17-го сентября до шоссе № 2, занимая фронтъ отъ Сафронъ—Вальденъ (4 див.) до возвышенностей къ юго-востоку отъ Кэмбриджа, гдѣ 3-я дивизія заняла фронтъ вдоль дороги Via Devana по обѣ стороны шоссе № 2. Территоріальная бригада окопалась полукругомъ на сѣверѣ и востокѣ отъ Кэмбриджа, особенно сильно на возвышенности Гогъ-Магогъ, и выслала роту велосипедистовъ и 4 роты на грузовикахъ на сѣверъ по направленію на Эли (шоссе № 1) для удержанія небольшой переправы (никто ее не атаквалъ). Кавалерія синихъ вышла въ первый день впередь со своими велосипедистами по шоссе № 2, имѣла столкновенія съ частями непріятельской кавалеріи и къ вечеру bivакировала на линіи Via Devana; 17-го числа полковникъ Бригсъ произвелъ очень удачныя усиленные развѣдки на сѣверъ и востокъ, тѣсня кавалерію противника, причемъ спѣшенные велосипедисты и іоманри даже остановили головныя части непріятельской пѣхоты. Кавалерія ясно опредѣлила наступленіе непріятельскихъ главныхъ силъ не вдоль шоссе № 2, а восточнѣе его. Впрочемъ, это было установлено и летчиками и дирижаблемъ «Гамма».

Красная, восточная, армія генерала Хега въ первые два дня наступала съ сѣверо-востока (этапная линія на Вельсъ на сѣверѣ) нѣсколькими колоннами не по шоссе № 2, какъ полагалъ генераль Гріерсонъ, а восточнѣе его и въ два перехода дошла къ вечеру 17-го до линіи Коулиндъжъ—Хендонъ (9 километровъ) фронтомъ на западъ къ шоссе № 2 (17-го этапная линія была перенесена съ сѣвера на востокъ на Ипсвичъ—Феликстонъ). Противникъ къ вечеру 17-го числа занималъ очень растянутый фронтъ отъ Сафронъ—Вальденъ черезъ Гогъ-Магогъ до Гиртона (къ сѣверу отъ Кэмбриджа), около 25 километровъ, причемъ между правофланговою 4-ю дивизіею и 3-ю дивизіею былъ промежутокъ въ 9 километровъ; кавалерія—впереди праваго фланга.

Кавалерійская дивизія красныхъ наступала передъ фронтомъ главныхъ силъ, причемъ ея правый флангъ прикрывали велосипе-

дисты, слѣдовавшіе по шоссе № 2. Кавалерія и летчики установили занятіе противникомъ Кэмбриджа и движеніе непріятельской колонны южнѣе города, но ни тѣ, ни другіе не открыли наступленія 4-й синей дивизіи; нождъ Кэмбриджемъ части кавалерійской дивизіи даже атаковали территоріальную пѣхотную бригаду и захватили у нея два орудія, а гусарскій развѣздъ забралъ двухъ непріятельскихъ летчиковъ, спустившихся для поправки машины и не замѣтившихъ гусарь.

Въ третій день маневровъ 18-го сентября произошло столкновение главныхъ силъ, но оно выразилось отдѣльными боями двухъ дивизій противъ двухъ непріятельскихъ въ окрестностяхъ Хорскитъ и Кэмпсъ Гринъ съ переменнымъ счастьемъ, переходомъ опорныхъ пунктовъ изъ рукъ въ руки, захватомъ въ плѣнъ и др. инцидентами. Особенное вниманіе заслуживаетъ дѣятельное участіе въ бою на правомъ флангѣ синихъ мозаичной кавалерійской дивизіи полковника Бригса: при помощи спѣшенныхъ велосипедистовъ и юманри она атаковала и заняла деревни Вигморъ-Пондъ и Кэмпсъ-Гринъ; затѣмъ была вытѣснена подошедшими резервами красныхъ и, наконецъ, послѣ вторичной атаки окончательно овладѣла Кэмпсъ-Гринъ, захвативъ въ плѣнъ роту и взявъ орудіе. Вообще полковникъ Бригсъ своими удачными развѣдками 16-го и 17-го и дѣятельнымъ участіемъ его дивизіи въ бою 18-го сентября сдѣлался героемъ маневровъ этого года.

Кавалерійская дивизія красныхъ дѣйствовала менѣе удачно; главная часть ея съ велосипедистами находилась на правомъ флангѣ красныхъ, гдѣ пересѣченная мѣстность не благоприятствовала ея дѣйствіямъ; послѣ полудня ее стали переводить на лѣвый флангъ, но она тутъ опоздала; пѣхотная бригада синихъ, притянувшая высланный на сѣверъ отрядъ, участія въ бою почти не принимала; она только къ 4-мъ часамъ была придвинута къ лѣвому флангу 3-й синей дивизіи.

Къ 5-ти часамъ дня части войскъ совершенно спутались и генераль Френчъ, отказавшись отъ продолженія маневра еще на четвертый день, какъ предполагалось вначалѣ, приказалъ дать общій отбой.

На маневрахъ въ качествѣ зрителя присутствовалъ король Георгъ V, при которомъ для разъясненія обстановки состоялъ начальникъ военной академіи генераль Робертсонъ.

Начальникъ 3-й дивизіи генераль Раулинсонъ во второй день упалъ съ лошадыю и повредилъ себѣ ногу, но командованія дивизіею не сдалъ, а продолжалъ руководить ею, сидя въ автомобиль.

Главный руководитель маневровъ генераль Френчъ 19-го сентября въ присутствіи короля и около 100 генераловъ и высшихъ офицерскихъ чпновъ сдѣлалъ критическій разборъ маневровъ. Онъ под-

черкнулъ нѣсколько недочетовъ въ высшемъ руководствѣ: командующій красною арміею генераль Хегъ не воспользовался изолированнымъ положеніемъ территоріальной бригады 16-го сентября въ Кэмбриджѣ для нанесенія ей пораженія и ошибочнымъ отдѣленіемъ 4-й дивизіи 18-го въ Сафронъ—Вальденъ, далеко на правомъ флангѣ синихъ, которую высылкою противъ нея кавалерійской дивизіи можно было удержать отъ участія въ общемъ бою 18-го. Вообще по мнѣнію генерала Френча кавалерія красныхъ неудачно выполняла задачи развѣдыванія, образованія завѣсы и задержанія противника; съ другой стороны армія красныхъ заслужила похвалу за сосредоточенное расположеніе ея ко времени рѣшительнаго боя.

Командующему синей арміею генералу Гріерсону главный руководитель поставилъ въ упрекъ растянutosть расположенія, особенно далекое отдѣленіе 4-й дивизіи и непривлеченіе къ бою 18-го сентября территоріальной бригады. Съ большой похвалой генераль отозвался о дѣйствіяхъ кавалеріи синихъ полковника Бригса, какъ по отношенію къ развѣдыванію, такъ и дѣятельному участію въ бою. Онъ подчеркнул важное значеніе и удачныя дѣйствія территоріальныхъ частей и велосипедистовъ, приданныхъ кавалеріи обѣихъ сторонъ.

Обзоръ тактическихъ дѣйствій 18-го сентября генераль Френчъ отложилъ до полученія подробныхъ донесеній посредниковъ. Прекращеніе маневровъ за день до назначеннаго срока онъ объяснилъ тѣмъ, что 18-го стороны настолько сблизились и обстановка настолько выяснилась, что дальнѣйшее рѣшеніе основной задачи маневровъ могло быть достигнуто только силою оружія—рѣшеніе на маневрахъ невозможное.

Военные корреспонденты газетъ, не исключая и англійскихъ, и сотрудники военныхъ журналовъ, сильно критикуютъ руководство на маневрахъ и дѣйствія войскъ. Особенно подробно разсматриваетъ эти маневры «*MilitärWochenblatt*» въ 6—7 статьяхъ (подполковникъ Le Juge); авторъ особенно подчеркиваетъ несообразности (*Ungeheuerlichkeiten*), обнаружившіяся въ бою 18-го сентября: сомкнутыя части наступали подъ сильнымъ огнемъ съ нѣсколькихъ сотъ метровъ; пѣхота на близкой дистанціи перестрѣливалась съ батареею гаубиць; синія части оказались въ тылу красныхъ, но и тѣ и другія продолжали стрѣлять въ разныя стороны; всѣ части перепутались; различныя части имѣли фронтъ въ самыхъ различныхъ направленіяхъ; вообще бой производилъ впечатлѣніе отдѣльныхъ стычекъ и ничѣмъ не напоминалъ дѣйствія на маневрахъ континентальныхъ армій.

«*United Service Gazette*» пытается дать описаніе боя 18-го сентября, но получается лишь описаніе отдѣльныхъ эпизодовъ безъ всякой между ними связи. Германскій авторъ критикуетъ слабый составъ частей—400 человекъ въ баталіонѣ (въ 8 ротъ) вмѣсто военнаго

состава въ 1.000 человекъ, 3 орудія въ батареѣ вмѣсто 6, а также и эскадроновъ. Прекращеніе маневровъ онъ объясняетъ (ссылаясь на англійскія газеты) невозможностью распутать созданную боемъ 18-го сентября обстановку.

Наиболѣе интереснымъ является вопросъ, какія полезныя указанія могутъ дать очерченные англійскіе маневры. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести придачу кавалеріи цѣлыхъ и притомъ крупныхъ частей велосипедистовъ, до бригады включительно; опытъ этотъ оказался очень удачнымъ; велосипедисты оказали большія услуги при развѣдываніи и дали возможность кавалерійской дивизіи синихъ не только упорно удерживать опредѣленные пункты, но и производить съ успѣхомъ наступательныя дѣйствія, цѣлесообразно сочетая наступленіе спѣшенныхъ велосипедистовъ, кавалеріи юманри и ѣздящей пѣхоты съ атаками въ конномъ строю регулярной бригады.

Другимъ интереснымъ факторомъ является примѣненіе въ большихъ размѣрахъ механической тяги для подвоза продовольствія; при синей арміи было около 100 грузовиковъ, при красной—50, частью доставленныхъ частными владѣльцами, получающими казенную субсидію. Подвозъ на грузовикахъ былъ очень исправный; ощущался лишь нѣкоторый недостатокъ въ личномъ составѣ обозовъ, который пришлось пополнять людьми отъ войскъ, для нагрузки и разгрузки (въ Англии имѣется уже 18 ротъ механической тяги и 1 рота депо, распределенныхъ въ 8 пунктахъ квартированія войскъ).

Наконецъ, заслуживаетъ вниманія способъ укрытія отъ взорвовъ летчиковъ походнаго движенія 4 дивизіи генерала Сно. Когда на горизонтѣ показывался аэропланъ, войска сходили съ дороги и продолжали движеніе по поросшимъ травомъ краямъ ея; во время приваловъ и ночлеговъ пѣхота располагалась вблизи населенныхъ пунктовъ по возможности около плетней или въ рощахъ, а орудія и зарядные ящики ставились вплотную къ живымъ изгородамъ (очень часто попадавшимся въ районѣ маневровъ) или въ тѣни деревьевъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, нѣсколько разъ пролетавшіе надъ колонною непріятельскіе летчики ее совершенно не замѣтили.

Франція.

Большіе маневры во Франціи въ текущемъ году происходили въ районѣ Сомюръ—Туръ—Пуатье на южномъ берегу р. Луары. Мѣстность была очень удобною для маневровъ, холмистая, прорѣзанная теченіемъ нѣсколькихъ небольшихъ рѣкъ и изобилующая населенными пунктами и путями сообщенія, въ томъ числѣ и желѣзными дорогами.

Главнымъ руководителемъ маневровъ былъ начальникъ генеральнаго штаба генералъ Жофръ. Общее предположеніе заключалось въ томъ, что западная синяя армія генерала Галіени наступаетъ съ запада къ линіи Сомюръ—Пуатье; восточная красная генерала Маріона находится къ востоку отъ этой линіи. Обѣ эти арміи оперируютъ на южномъ флангѣ болѣе значительныхъ (предполагаемыхъ) силъ воюющихъ сторонъ.

Маневры начались 11-го сентября н. с. и распались на два періода I отъ 11-го до 13-го сентября и II—отъ 15-го до 17-го сентября, раздѣленныхъ днемъ отдыха 14-го сентября.

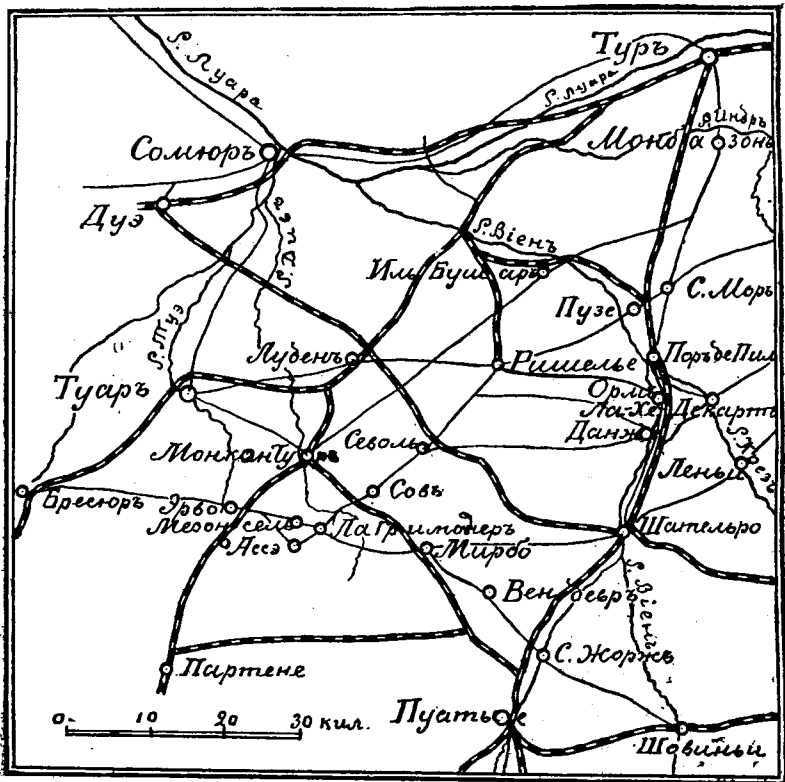
Къ началу I періода маневровъ западная армія генерала Галіени, въ составѣ X и XI корпусовъ генераловъ Сорде и Цимера и 1-й кавалерійской дивизіи генерала Дюбуа (составъ: X корпусъ—19-я и 20-я дивизіи по 12 батл., 6 бтр., 1 эск. и 1 саперной ротѣ; при корпусѣ—6 бтр., 2 эск. и 1 саперная рота; XI корпусъ—21-я и 22-я дивизіи—въ томъ же составѣ, но при 21-й дивизіи—9 батарей; 1-я кавалерійская дивизія—2-я кирасирская, 5-я драгунская и сводная драгунская бригады—24 эск.; 3 бтр. и 1 рота велосипедистовъ)—всего 48 батл., 32 эск. и 42 батареи (168 ор.), 6 саперныхъ и 1 велосип. ротъ, вечеромъ 10-го сентября была расположена такимъ образомъ: X корпусъ вокругъ Брескура, XI—передовыя части у Сомюра на сѣверномъ берегу р. Луары и 1-я кавалерійская дивизія въ Дуэ—посерединѣ между корпусами; армія, такимъ образомъ, занимала фронтъ около 80 километровъ и части ея были раздѣлены р. Луарою.

Восточная армія генерала Маріона состояла изъ IX и своднаго корпусовъ генераловъ Дюбайля и Вотье и 7-й кавалерійской дивизіи генерала Вирвера (составъ: IX корпусъ—17-я и 18-я дивизіи по 12 батл., 9 бтр., 1 эск. и 1 ротѣ саперъ; при корпусѣ—6 батарей, 2 эск. и 1 рота саперъ; сводный корпусъ—9-я и сводная дивизіи; въ 9-й дивизіи было 12 батл., 6 бтр., 1 эск. и 1 рота саперъ; сводная дивизія состояла изъ бригады колониальныхъ войскъ—2 полка въ 2 и 3 баталіона, бригады егерей—4 егерскихъ баталіона, 3 батареи, 1 эск. и 1 роты саперъ, при корпусѣ—2 эскадрона; 7-я кавалерійская дивизія—1 кирасирская, 1 драгунская и 1 сводная драгунская бригады—24 эск., 3 бтр. и 1 рота велосипедистовъ)—всего 45 батл., 32 эск. и 36 бтр. (144 ор.), 5 саперныхъ и 1 велосипедная ротъ. Части восточной арміи 10-го сентября вечеромъ были расположены: IX корпусъ вокругъ Шовиньи, сводный корпусъ—около Ла-Хе-Декартъ и 7-я кавалерійская дивизія на правомъ флангѣ въ Монбазонѣ; фронтъ арміи—120 километровъ. Разстояніе между противниками было 70—90 километровъ.

Кромѣ того, въ маневрахъ принимали участіе: одинъ дивизионъ

полевой тяжелой артилеріи изъ 3 батарей по 4 орудія съ парковой колонной и дивизионъ осадной артилеріи изъ 2 батарей, одной въ составѣ 12 см. длинныхъ орудій и другой—изъ 22 см. мортиръ, а также одна резервная пѣхотная дивизія, участвовавшая только во II періодѣ маневровъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ воздухоплаваніе на маневрахъ: при каждой изъ сторонъ находилось по одному дирижаблю, «Дюпюнде-Ломъ» у синихъ и «Адъютантъ Рео» у красныхъ, и по 4 отряда летчиковъ, въ каждомъ отрядѣ отъ 4—6 'аэроплановъ, а также воздухоплавательный и запасный парки. При главномъ руководителѣ находился особый отрядъ летчиковъ.

- Первый день маневровъ разыгрался на холмистой съ частыми рощами мѣстности между рр. Туэ и Виенъ, къ югу отъ р. Луары при хорошей погодѣ, благоприятствовавшей воздухоплаванію.

Въ этотъ день главною задачею обѣихъ сторонъ было сосредоточеніе войскъ, которыя занимали значительное протяженіе по фронту а въ западной, синей, арміи кромѣ того были раздѣлены р. Луарой.

Генераль Галіени приказаль XI корпусу перейти изъ Брескюръ въ Эрво, что не представляло собою особыхъ затрудненій.

Гораздо труднѣе была задача X корпуса—перейти р. Луару у Сомюра и совершить фланговый маршъ къ Туарь; это опасное движеніе казалось должна была бы прикрыть 1-я кавалерійская дивизія, но генераль Галіени счелъ удаленіе противника и преграду, представляемую рѣкою Дивъ, проходимою въ нижнемъ теченіи только на переправахъ, достаточнымъ обезпеченіемъ фланговаго движенія въ связи съ боковыми авангардами. Кавалерійская дивизія получила приказаніе перейти изъ Дуэ по дорогѣ въ Луденъ и, перейдя р. Дивъ, произвести развѣдку къ востоку, а затѣмъ, если противникъ ничего серьезнаго не предприметь, отойти на югъ къ Монконтуръ и освѣтить районъ по направленію къ Мирбо; эта мѣра вызывалась желаніемъ воспользоваться кавалеріей для наступательныхъ задачъ на болѣе открытой мѣстности верхняго теченія рѣкъ на южномъ флангѣ.

Переправа X корпуса у Сомюра началась въ 5 ч. утра (здѣсь присутствовалъ военный министръ) и онъ безпрепятственно достигъ окрестностей Туара, охраняемый боковыми авангардами, изъ 3 родовъ войскъ, слѣдовавшими вдоль командующаго лѣваго берега р. Дивъ. Кавалерійская дивизія, при содѣйствіи летчиковъ, успѣшно произвела развѣдку къ сторонѣ Луденъ (рота велосипедистовъ охраняла переправы на р. Дивъ) и затѣмъ отошла къ Монконтуръ и въ 13 часовъ (1 часть дня; на маневрахъ впервые примѣнялось установленное по военному вѣдомству обозначеніе часовъ отъ 1 до 24 часовъ) всѣ части западнаго отряда достигли указанныхъ въ диспозиціи пунктовъ. Генераль Галіени съ утра предоставилъ въ распоряженіе начальника 1-й кавалерійской дивизіи генерала Дюбуа отрядъ летчиковъ; послѣдніе, а позднѣе и дирижабль, доставили начальнику отряда точныя свѣдѣнія о передвиженіяхъ войскъ у противника.

Командующій восточной, красной, арміей генераль Маріонъ, въ виду крайней растянутости своего расположенія, не счелъ возможнымъ въ этотъ день беспокоить противника, а лишь сосредоточилъ свою армію: IX корпусъ изъ Шовиньи перешелъ къ С. Жоржъ—Вендевръ, сводный корпусъ изъ Ла-Хе-Декартъ къ Севоль (позади лѣса), а кавалерія—въ Ришелье на правомъ флангѣ расположенія арміи, фронтъ которой сократился до 40 километровъ. И здѣсь летчики доставили точныя свѣдѣнія о противникѣ и три моноплана красныхъ долгое время на высотѣ свыше 1.000 метровъ витали надъ райономъ Эрво—Туарь, наблюдая за сосредоточеніемъ заднаго отряда.

Во второй день маневровъ 12-го сентября серьезныхъ столкновений также не произошло; начальники обѣихъ сторонъ считали свое

расположеніе еще слишкомъ растянутымъ и потому почитали себя неготовыми къ рѣшительному бою.

Генераль Галіени (зап. син. армія) приказаль 1-й кавалерійской дивизіи оставаться у Монконтуръ до подхода головныхъ частей X корпуса, а затѣмъ перейти къ Мирбо; для поддержанія кавалеріи, къ Монконтуръ былъ высланъ отрядъ изъ полка пѣхоты съ артилеріею отъ XI корпуса. Послѣднему приказано перейти пѣз Эрво къ Ассэ, выславъ передовыя части къ Ла-Гримодіеръ; X корпусу надлежало изъ Туара перейти къ Монконтуръ.

Генераль Маріонъ (вост. крас. армія) приняль лишь слабыя мѣры къ сосредоточенію силъ: IX корпусъ (лѣвый флангъ) направленъ къ Совъ, сводный корпусъ долженъ былъ только пройти лѣсъ къ западу и юго-западу отъ Севоль и здѣсь остановиться; отъ него, кромѣ того, бригада егерей была отдѣлена на сѣверо-западъ къ 7-й кавалерійской дивизіи, которая наступала къ Луденъ и р. Дивъ. Выдѣленіе цѣлой бригады изъ раіона главныхъ операцій осуждается военными корреспондентами.

Диспозиціи были исполнены почти безпрепятственно; только послѣ полудня произошли столкновенія передовыхъ частей въ трехъ пунктахъ: 1) части егерской бригады красныхъ, переправившись черезъ р. Дивъ, атаковали боковой авангардъ X корпуса, слѣдовавшаго изъ Туара къ Монконтуръ, но послѣ высылки подкрѣпленій авангарду изъ колонны главныхъ силъ, по рѣшенію посредниковъ, отошли обратно за р. Дивъ; 2) части 1-й кавалерійской дивизіи (синей) во время перехода отъ Монконтуръ по направленію къ Мирбо близъ Совъ имѣли столкновение съ частями краснаго IX корпуса и отошли къ западу; наконецъ, 3) командиръ IX корпуса генераль Дюбайль, наступая къ Совъ, съ цѣлью обезпеченія своего лѣваго фланга выслалъ отрядъ къ Ла-Гримодіеръ, который оттѣсниль здѣсь авангардъ XI (синяго) корпуса.

Летчики и въ этотъ день совершали успѣшныя развѣдки.

Въ третій день 13-го сентября, наконецъ, произошло столкновение между главными силами обѣихъ сторонъ. Къ утру расположеніе западной арміи синихъ было слѣдующее: XI корпусъ имѣль обѣ дивизіи рядомъ, въ Ассэ и Мезонсель, въ 6-ти километрахъ къ западу отъ Ла-Гримодіеръ; X корпусъ—одна дивизія у Монконтуръ, другая—позади; 1-я кавалерійская дивизія позади праваго фланга IX корпуса. Расположеніе восточной арміи синихъ генерала Маріона было: на крайнемъ правомъ флангѣ бригада егерей съ 7-ю кавалерійскою дивизіею; остальные части своднаго корпуса впереди лѣса Севоль до Совъ, на лѣвомъ флангѣ—IX корпусъ на восточномъ берегу р. Дивъ. Генераль Маріонъ сдѣлалъ распоряженіе объ атакѣ правымъ флангомъ на Монконтуръ, а лѣвымъ на Ла-Гримодіеръ, оставивъ въ общемъ резервѣ одну дивизію IX корпуса.

Генераль Галиени (западная армія) рѣшилъ правымъ флангомъ, XI корпусъ и 1-я кавалерійская дивизія, охватить лѣвый (южный) флангъ противника, а X корпусу приказаль наступать на востокъ отъ Монконтуръ.

Между 6 и 8 часами утра на сѣверномъ флангѣ синій X корпусъ успѣшно наступаль противъ одной дивизіи своднаго корпуса; другая дивизія своднаго корпуса, 9-я, не имѣя передъ собою противника, дошла до берега р. Дивъ. На южномъ флангѣ командиръ краснаго IX корпуса, генераль Дюбайль, имѣя въ своемъ распоряженіи только одну дивизію (другая была въ общемъ резервѣ), насколько возможно растянулъ ея фронтъ, удерживая натискъ X корпуса.

Между 8 и 10 часами на сѣверномъ флангѣ X синій корпусъ отбросилъ егерскую бригаду и, выставивъ на позицію всю артилерію, заставилъ отступить и колоніальную бригаду своднаго корпуса; 9-я дивизія своднаго корпуса на берегу р. Дивъ вступила въ бой съ правофланговыми частями X корпуса.

На южномъ флангѣ генераль Дюбайль, тѣснимый XI синимъ корпусомъ, началъ отходить назадъ и просилъ генерала Маріона о присылкѣ подкрѣпленій, тѣмъ болѣе, что 1-я кавалерійская дивизія показалась на его лѣвомъ флангѣ.

Между 10 и 12 часами на сѣверномъ флангѣ и въ центрѣ возстановливается равновѣсіе силъ, такъ какъ X корпусъ принужденъ отдѣлать одну дивизію противъ 9-й дивизіи красныхъ, которая, по рѣшенію посредниковъ, отходитъ обратно на восточный берегъ р. Дивъ. Къ южному флангу красныхъ подходит дивизія изъ резерва и положеніе IX краснаго корпуса нѣсколько улучшается. Но тутъ около полудня происходитъ инцидентъ, вслѣдствіе котораго первый періодъ маневровъ былъ, повидимому, нѣсколько ранѣе, чѣмъ предполагалось, законченъ: начальникъ 1-й кавалерійской синей дивизіи генераль Дюбуа съ драгунской бригадой проникъ въ тылъ IX корпуса красныхъ и атаковаль находившіеся близъ деревни Верже штабъ командующаго восточной арміей генерала Маріона, артилерійскій резервъ и авіаціонный паркъ красной арміи. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ артиллеристы успѣли повернуть орудія и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ по атакующей бригадѣ, но все же прикрытія не было и генераль Маріонъ со штабомъ, артилерією и авіаціоннымъ паркомъ могли быть захвачены. Главный руководитель генераль Жофръ приказаль дать общій отбой.

Послѣ дневки 14-го сентября, на слѣдующее утро начался *II періодъ маневровъ*, также продолжавшійся три дня. Во время дневки войска размѣстились для отдыха на широкихъ квартирахъ; 9-я дивизія краснаго своднаго корпуса еще 13-го сентября по желѣзной дорогѣ была перевезена на сѣверъ въ окрестности Монбазонъ.

Предположеніе для II періода заключалось въ томъ, что, вслѣдствіе успѣховъ главныхъ армій синихъ (предполагаемыхъ), западная армія генерала Галіени (синія) получила значительныя подкрѣпленія и должна преслѣдовать ослабленную восточную армію генерала Маріона (красную), отступающую на сѣверо-востокъ.

Составъ и расположеніе западной арміи генерала Галіени были слѣдующіе: X корпусъ—у Монконтуръ, XI—у Совъ, IX—на правомъ флангѣ у Мирбо и 1-я кавалерійская дивизія—впередѣ праваго фланга. Западной арміи была придана тяжелая полевая артилерія (3 батареи по 4 орудія) и понтонный паркъ.

Въ составъ восточной арміи генерала Маріона входили: сводный корпусъ, 9-я дивизія котораго находилась близъ Монбазонъ, а сводная дивизія (егеря и части колоніальныхъ войскъ)—къ югу отъ Ришелье, имѣя впередѣ себя 7-ю кавалерійскую дивизію. Кромѣ того, восточной арміи была придана сформированная на время маневровъ резервная дивизія генерала Грота (изъ запаса); она занимала переправы на рр. Виень и Крезъ посреди расположенія своднаго корпуса.

Эта резервная дивизія обращала на себя особенное вниманіе; она была сформирована исключительно изъ резервистовъ съ причею лишь того числа офицеровъ и унтеръ-офицеровъ отъ постоянныхъ войскъ, которое содержится для этой цѣли по штатамъ мирнаго времени въ пѣхотныхъ полкахъ; начальникъ дивизіи и одинъ изъ бригадныхъ командировъ были генералы, состоящіе въ запасѣ; одною бригадою командовалъ отставной полковникъ; дивизионною артилеріею—полковникъ запаса; полковые командиры были подполковники дополнительнаго кадра полковъ постоянной арміи. Дивизія состояла изъ 2 бригадъ по 3 полка пѣхоты (301, 303 и 307; 324, 315 и 206), 2 дивизионовъ артилеріи постоянной арміи; ей былъ приданъ полкъ кавалеріи и рота саперъ.

Наконецъ, въ составъ восточной арміи входили еще: понтонный паркъ и осадный артилерійскій паркъ (батарея 12 см. длинныхъ орудій и батарея 22 см. мортиръ).

Четвертый день 15-го сентября. Положеніе восточной арміи генерала Маріона было затруднительно; армія эта, будучи значительно слабѣе противника, была растянута на 50 километровъ отъ Монбазонъ до Ришелье и части ея раздѣлены теченіемъ р. Виень.

Генераль Маріонъ, рѣшивъ сосредоточить армію за рр. Виень и Крезъ, приказалъ сводной дивизіи отступить отъ Ришелье на сѣверо-востокъ черезъ переправы у Пузё и Данже на р. Виень, 7-й кавалерійской дивизіи прикрывать это движеніе, собирая свѣдѣнія о противникѣ, 9-й дивизіи перейти изъ Монбазонъ къ сѣверу отъ С. Моръ, а резервной дивизіи охранять переправы у Иль-Бушаръ (сѣверная предполагалась уничтоженною) и у Пузё на р. Виень и

у Поръ де Пиль и Ла-Хе-Декартъ на р. Крезъ; ей приказано было у Пузе выслать на лѣвый берегъ р. Виень отрядъ изъ трехъ родовъ войскъ для обезпеченія переправы сводной дивизіи, а свои главные силы держать къ югу отъ С. Моръ. Сводная дивизія отступила безпренятственно; 7-я кавалерійская дивизія сначала отошла къ востоку отъ Ришелье; туманъ сильно мѣшалъ развѣдкамъ ея до 8 часовъ, а аэропланы въ это время совсѣмъ не могли подняться; къ 10 часамъ она получила свѣдѣнія о наступленіи X корпуса къ сѣверу отъ Севоль, ходила туда, а потомъ снова вернулась къ Ришелье и ушла къ р. Виень у Ормъ, гдѣ остановилась на ночлегъ на западномъ берегу рѣки.

Западная армія по диспозиціи генерала Галіени наступала на сѣверо-востокъ: 1-я кавалерійская дивизія получила приказаніе перейти р. Виень у Шательро, вдоль берега спуститься до р. Крезъ и занять на ней переправы у Поръ де Пиль и Ла-Хе-Декартъ; IX корпусъ наступалъ двумя колоннами на Данже, XI также двумя колоннами съ тяжелой артилеріей и понтоннымъ паркомъ къ югу отъ Ришелье и X корпусъ къ сѣверу отъ Севоль; отъ IX корпуса одинъ баталіонъ былъ на грузовикахъ отправленъ впередъ къ Данже для поддержанія 1-й кавалерійской дивизіи.

Въ этотъ день движенія войскъ совершались согласно диспозиціи, и столкновеніе произошло только у Данже между передовыми частями и вышло здѣсь довольно запутаннымъ: генераль Дюбуа съ 1-ю кавалерійскою дивизіею выступилъ рано и ему къ полудню удалось занять переправу у Поръ-де-Пиль, но баталіонъ IX корпуса, перевозимый по-ротно на грузовикахъ (въ 4 рейса), сильно запоздалъ и только къ 5 часамъ дня подошелъ къ переправѣ у Данже, которая, однако, еще въ 4 часа была занята частями колоніальной бригады сводной красной дивизіи; по рѣшенію посредниковъ, баталіонъ синихъ долженъ былъ отступить, и Данже осталось за красными; тѣмъ не менѣе переправы черезъ р. Крезъ у Поръ де Пиль и Ла-Хе-Декартъ продолжала занимать 1-я кавалерійская дивизія синихъ, а обозы ея, чтобы не проходить мимо Данже, должны были сдѣлать большой обходъ на западъ и къ вечеру пришли въ Ла-Хе-Декартъ; 7-я кавалерійская дивизія красныхъ находилась у Ормъ, нѣсколько сѣвернѣе колоніальной бригады.

Три корпуса синей арміи остановились на ночлегъ, не дойдя до р. Виень; только 1-я кавалерійская дивизія синихъ находилась на переправахъ р. Крезъ, отдѣленная отъ своей арміи колоніальной бригадой и 7-й кавалерійской дивизіей красныхъ (на р. Виень).

Это довольно неестественное положеніе было распутано маневромъ *пятого дня 16-го сентября.*

Генераль Маріонъ рѣшилъ собрать всю армію позади рр. Виень

и Крезъ и съ этой цѣлью приказалъ: частямъ резервной дивизіи утромъ овладѣть переправами на р. Крезъ у Поръ де Пиль и Ла-Хе-Декартъ, занятыми 1-ю кавалерійскою дивизіею синихъ; 7-й кавалерійской дивизіи идти въ Ла-Хе-Декартъ и охранять эту переправу послѣ овладѣнія ею резервною дивизіею; сводной дивизіи отступить за р. Крезъ; 9-й дивизіи перейти къ рощамъ С.-Моръ, а осадному парку стать противъ переправы у Пузе (на р. Виень).

Генераль Галіени, узнавъ о разрушеніи переправы у Иль-Бушаръ, въ диспозиціи на 16-е число передвинулъ общее направленіе наступленія нѣсколько на востокъ: X корпусу, которому приданы тяжелая артилерія и понтонный паркъ (отъ XI корпуса), идти на переправу Пузе и навести мостъ южнѣе ея; XI корпусу слѣдовать на переправы Ормъ (р. Виень) и Поръ де Пиль (р. Крезъ); IX корпусу—на Данже и Ла-Хе-Декартъ; 1-й кавалерійской дивизіи удерживать переправы у Поръ де Пиль и Ла-Хе-Декартъ до подхода пѣхоты XI и IX корпусовъ.

Распоряженія начальниковъ обѣихъ сторонъ привели прежде всего къ столкновенію на послѣднеупомянутыхъ двухъ переправахъ; части резервной дивизіи красныхъ овладѣли ими и подошедшія затѣмъ сюда колоніальная бригада красныхъ и 7-я кавалерійская дивизіа могли переправиться безпрепятственно; 1-я кавалерійская дивизіа синихъ ушла вверхъ по р. Крезъ и, переправившись у Ленъи, позднѣе атаковала здѣсь 7-ю кавалерійскую дивизію; рѣшеніемъ посредниковъ послѣ ряда атакъ обѣ дивизіи отошли къ пунктамъ ночлега.

Между тѣмъ пѣхота западной арміи подошла къ переправамъ, послѣ краткаго боя овладѣла на правомъ флангѣ переправами у Ла-Хе-Декартъ и Поръ де Пиль и утвердилась на правомъ берегу р. Крезъ. Переправа X синяго корпуса оказалась болѣе трудною: лѣвая колонна его должна была у Пузе вступить въ артилерійскій бой съ осаднымъ паркомъ, но все же овладѣла переправой; правая колонна подошла къ рѣкѣ Виень у Нуатръ и на лодкахъ переправила одинъ пѣхотный полкъ, который, однако, встрѣтилъ сильное сопротивление частей резервной дивизіи (она охраняла всѣ переправы и дѣйствовала очень хорошо) и былъ даже отброшенъ къ рѣкѣ, но до вечера удержался на восточномъ ея берегу; ночью былъ наведенъ понтонный мостъ.

Такимъ образомъ, западной арміи генерала Галіени удалось въ этотъ день перейти преграды Виень и Крезъ, но главныя силы противника не были отброшены.

... Въ послѣдній 6-й день маневровъ 17-го сентября присутствовалъ президентъ республики; онъ объѣзжалъ расположеніе войскъ въ автомобилѣ, а маневры шли своимъ чередомъ.

Генераль Маріонъ занялъ позицію къ югу отъ С. Морь: резервная дивизія на правомъ флангѣ, 9-я—на лѣвомъ флангѣ, а сводная дивизія позади лѣваго фланга въ резервѣ; она, вмѣстѣ съ 7-й кавалерійской дивизіей, охранявшей лѣвый флангъ, предназначалась для производства контръ-атаки.

Генераль Галіени рѣшилъ атаковать эту позицію всѣми силами, охватывая лѣвый флангъ противника одною пѣхотною и одною кавалерійскою дивизіею. Одна дивизія XI (средняго) корпуса оставалась въ резервѣ у Ла-Хе-Декартъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что на крайнемъ лѣвомъ флангѣ западной арміи мостъ у Пузе по предположенію въ 4 часа дня 16-го былъ настолько поврежденъ огнемъ осадной артилеріи, что часть лѣвой колонны X корпуса должна была переправиться южнѣе по понтонному мосту правой колонны.

Такимъ образомъ, 6 пѣхотныхъ дивизій синихъ атаковали позицію 3-хъ пѣхотныхъ дивизій красныхъ. Генераль Маріонъ по мѣрѣ сплъ оборонялся противъ своего сильнѣйшаго противника и долженъ былъ отказаться отъ мысли о производствѣ контръ-атаки; резервъ его постепенно расходовался на усиленіе боевой линіи. Когда густыя пѣпи противника уже близко докатились къ защитникамъ позиціи, генераль Жофръ прекратилъ маневры.

Въ этотъ день, благодаря прекрасной погодѣ, летчики въ большомъ числѣ витали надъ полемъ сраженія. Критическаго разбора на мѣстѣ сдѣлано не было.

Обращаясь къ выводамъ и поученіямъ изъ описанныхъ вкратцѣ французскихъ маневровъ, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить два фактора, одинъ—важнѣйшій, другой—новѣйшій. Наиболѣе важнымъ факторомъ было формированіе и дѣйствія резервной дивизіи. Какъ извѣстно, Германія недавно усилила свою армію и еще далеко не истощила этимъ запаса людей призывного возраста. Франція въ этомъ отношеніи съ нею тягаться не можетъ; она уже теперь принимаетъ въ армію всѣхъ годныхъ къ службѣ людей; поэтому для усиленія арміи въ военное время могутъ служить только резервные части, которыя должны войти въ составъ войскъ первой линіи. Сформированная для маневровъ резервная дивизія изъ резервистовъ, начинающая съ 7-го возрастнаго класса (болѣе молодые идутъ на комплектованіе постоянной арміи) съ офицерами «дополнительнаго кадра» и резервными, на которую легла главная тяжесть операцій восточной арміи во второй періодъ маневровъ, выдержала это испытаніе отлично. Прибывъ въ составъ среднимъ числомъ по 144 человекъ въ ротѣ, дивизія по окончаніи маневровъ сохранила еще по 135 человекъ въ ротѣ; дѣйствія частей ея въ бояхъ 16-го числа на переправахъ были вполнѣ удачны.

Новѣйшимъ факторомъ была грандіозная организація авіаціонной части и службы; всѣхъ аэроплановъ съ запасными было около 70; при главномъ руководителѣ и начальникахъ сторонъ были назначены начальники (directeurs) авіаціи; при каждой арміи было 4 отряда летчиковъ по 6 аэроплановъ (большая часть двухмѣстныхъ, остальные—одномѣстные, но въ каждомъ отрядѣ однородные: Фармана, Блеріо или Бореля); къ каждому отряду принадлежало 6 грузовиковъ съ 6-ю прицепными повозками для перевозки аэроплановъ и до 36 человекъ личнаго состава, нѣсколько мотоциклетокъ и автомобиль для начальника отряда; кромѣ того, при каждой арміи находился авіаціонный паркъ съ запасомъ бензина и масла, запасными частями и разными матеріалами и инструментами.

Кавалерія имѣла особый отрядъ летчиковъ; если таковыхъ не имѣла артилерія, то только потому, что не стрѣляла боевыми зарядами; во Франціи организуются и особыя escadrilles для артилеріи.

Каждое утро изъ штаба арміи отправлялись летчики цѣлыми отрядами или отдѣльно, пролетали 100—200 километровъ, и съ результатами развѣдки возвращались къ штабу или опускались въ новомъ пунктѣ его стоянки, куда свободные отъ службы аэропланы перевозились грузовиками. Въ главной квартирѣ генерала Жофра летчики приносили свѣдѣнія о положеніи обѣихъ сторонъ.

За время маневровъ летчики сдѣлали въ общемъ до 60.000 километровъ и, что составляетъ очень важный успѣхъ, безъ катастрофъ; было только 2—3 аваріи съ небольшою поломкою машинъ. На маневрахъ подтвердилось важное значеніе аэроплановъ для развѣдокъ; помѣхой можетъ служить только дурная погода и особенно туманъ (15-го утромъ развѣдки не могли состояться, а когда погода прояснилась—было поздно).

Дирижаблей было только 2; одинъ изъ нихъ временно былъ поврежденъ частичнымъ взрывомъ; они исправно несли службу, но подвижность и быстрота аэроплановъ оставили ихъ въ тѣни.

Маневры были очень продолжительны и требовали отъ войскъ большого напряженія, хотя столкновенія главныхъ силъ происходили только два дня 13-го и 17-го сентября и многимъ частямъ не пришлось развертываться въ боевой порядокъ; колоніальная бригада 15-го сдѣлала около 50 километровъ, а 1-я кавалерійская дивизія 70—80 километровъ; пѣхота ходила быстро и бодро и не знала утомленія; относительно кавалеріи французскіе военные корреспонденты отмѣчаютъ нѣкоторыя несовершенства въ подготовкѣ къ развѣдкѣ и бѣдѣ во время производства атакъ, но эти отзывы, повидимому, нѣсколько тенденціозны и вызваны происходящей въ военныхъ сферахъ Франціи агитаціею въ пользу возвращенія къ 3-хъ лѣтнему сроку службы въ кавалеріи; во всякомъ случаѣ дѣйствія

1-й кавалерійской дивизіи 13-го и 15-го сентября слѣдуетъ признать выдающимся.

Высшіе начальники и летчики на этихъ маневрахъ имѣли широкую практику упражненія. Относительно кавалеріи можно отмѣтить то же явленіе, которое обнаружилось и на германскихъ маневрахъ этого года: ею меньше, чѣмъ прежде, пользуются для дальняго развѣдыванія и держать ее ближе къ фронту главныхъ силъ.

Что касается веденія боя, то военные наблюдатели отмѣчаютъ нѣкоторую горячность въ наступленіи, при недостаточной подготовкѣ атаки артилерійскимъ огнемъ и организациіи руководства пѣхотою младшими начальниками. Но это явленіе традиціонное; оно зависитъ отъ темперамента французской арміи и слѣдуетъ ли слишкомъ препятствовать порыву—вопросъ спорный. Хотя въ уставахъ всѣхъ европейскихъ армій проводятся почти одинаковые принципы веденія боя, тѣмъ не менѣ каждая изъ нихъ имѣетъ свои индивидуальныя особенности, съ которыми надо считаться, извлекая изъ нихъ возможную пользу.

М. Б.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ
„КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ“

А. ГАТЦУКА.

КРЕСТНЫЙ

НА

1913 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 48.

ЦѢНА 15 КОП.

ДВѢ ПРЕМІИ.

Первый по времени изданія (1866 г.) настольный календарь выйдетъ изъ печати 15-го іюля. Съ пересылкой заказа бандеролью по полученіи марками 28 к., съ наложеннымъ платежомъ—40 к. На 1 р. высылается 5 экз., на 2 р.—11 экз., на 3 р.—18 экз. Торговцамъ обычная скидка. Принимаются публикаціи. Подробные проспекты высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО**.

Адресь: **МОСКВА**, Долгоруковская улица, д. № 33, конторъ „Крестнаго Календаря“.

При каждомъ № „НИВЫ“ подписчики **52** книги.
получать по одной книгѣ всего въ годъ

НИВА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1913 ГОДЪ

(44-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстриро-
ванный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложениями

Гг. подписчики „НИВЫ“ получать въ теченіе одного 1913 года:

52 №№ еженедѣльн. художеств. литер. журн. „НИВА“: романы, повѣсти и рассказы, критич. и популярно-научн. очерки, биографіи, обзоры дѣятельности Госуд. Думы и политич. обзорія; рис. въ краск., снимки съ картинъ, рисунки, фототюды и иллюстраціи соврем. событій. Рядъ очерковъ и рисунковъ будетъ посвященъ 300-лѣтію Дома Романовыхъ.

52 КНИГИ, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНОГО журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“: романы, повѣсти, рассказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ“ **40** КНИГЪ,

содержащихъ ЧЕТЫРЕ ПОЛНЫХЪ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

(стояція въ отдѣльн. продажѣ свыше 35 руб. безъ пересылки),

которыя подписчики получать полностью въ теченіе одного 1913 года:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **В. И. ТЮТЧЕВА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.**

(будетъ дополнено новыми произведеніями, не вошедшими въ томы собранія его сочиненій).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **В. ВЕРЕСАЕВА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **МОЛЬЕРА.**

12 №№ „НОВѢЙШИХЪ МОДЪ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовыми ящикомъ.

12 ЛИСТОВЪ: до 300 рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1913 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеми приложениями на годъ:

въ С.-Пе- безъ доставки — 6 р. 50 к.
тербургъ: съ доставкой — 7 р. 50 к.

Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ пересылкою во **8** р.
всѣ мѣста Россіи.

За границу — 12 р.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается **разсрочка платежа** на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

ИЛЛУСТРИРОВАННОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО, ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНІЮ.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

Объ изданіи „ИНТЕНДАНТСКАГО ЖУРНАЛА“

въ 1913 г.

(15-й годъ изданія).

„ИНТЕНДАНТСКІЙ ЖУРНАЛЪ“,

во-1-хъ, служить официальнымъ органомъ интендантскаго вѣдомства для опубликованія разнаго рода распоряженій и сообщеній и, во-2-хъ, назначается для литературной разработки вопросовъ военнаго хозяйства. Придать дѣятельности интендантства возможную гласность и сдѣлать эту дѣятельность ясною для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, и на первомъ планѣ для войскъ,—такова основная идея изданія «Интендантскаго Журнала». Что же касается чиновъ интендантскаго вѣдомства, то они найдутъ въ Журналѣ не мало полезныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ ихъ специальности.

Въ отдѣлѣ официальномъ будутъ помѣщаться: переѣмны по личному составу интен. вѣд., приказы по воен. вѣд., руководящія положенія Воен. Совѣта, цирк. Главн. Штаба, прик. по интен. вѣд., цирк. Главн. Интен. Управ., извлеченія изъ журналовъ Технич. Комитета Главн. Интен. Управ. переѣмны въ формахъ одежды, всѣ новыя описанія предметовъ, вещей и материаловъ, идущихъ на довольствіе войскъ и т. д.

Въ отдѣлѣ неофициальномъ помѣщаются:

1) Оригинальныя, компилированныя и переводныя статьи научнаго, техническаго и историческаго содержанія по всѣмъ предметамъ, имѣющимъ отношеніе къ военному хозяйству. 2) Хроника. 3) Интендантское дѣло въ иностранныхъ арміяхъ. 4) Свѣдѣнія по статистикѣ съ періодическими цѣнами на хлѣбъ, муку, мясо, кожи и шерсть. 5) Мелкія статьи, извѣстія и замѣтки, соотвѣтственно специальности журнала. 6) Критическіе и библиографическіе обзоры новыхъ сочиненій и статей, а равно и иностранныхъ періодическихъ изданій, посвященныхъ интендантскому дѣлу; и 7) Отвѣты и объясненія на обрацаемые къ редакціи вопросы.

Кромѣ того въ журналѣ помѣщаются казенныя и частныя объявленія. Журналъ даетъ отзывы о всѣхъ новыхъ книгахъ, авторы которыхъ присылаютъ свои труды въ редакцію.

Годовое изданіе «Интендантскаго Журнала» будетъ состоять изъ 12 книжекъ, выходящихъ въ мѣсячные сроки, объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна 7 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкой. Допускается разорочка платежа по слѣдующему расчету:

1-й взносъ при подпискѣ	4	рубля
2-й „ не позже 1-го мая	3	„
Заграничная подписка	10	„

Цѣна отдѣльной книжки безъ приложенія 70 коп., съ приложеніемъ 1 руб. безъ пересылки.

Подписка на журналъ и приемъ объявленій принимаются въ конторѣ редакціи С.-Петербургъ, ул. Глинка, д. № 2.

За редактора Генераль-Маіоръ *Егорьевъ*.

Помощникъ редактора Капитанъ *Михайловъ*.

Объявленіе объ изданіи
„АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ЖУРНАЛА“
въ 1913 г.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, «Артиллерійскій Журналъ» будетъ издаваться съ цѣлью доставить гг. офицерамъ возможность слѣдить за развитіемъ артиллерійскаго дѣла у насъ и въ иностранныхъ арміяхъ.

Программа журнала: 1) *неофициальный отдѣлъ*, въ которомъ будутъ помѣщаться самостоятельныя и переводныя съ иностранныхъ языковъ статьи, относящіяся къ теоріи, технику и практикѣ артиллеріи; 2) *официальный отдѣлъ*, который будетъ заключать: а) извлеченія ихъ журналовъ Артиллерійскаго Комитета объ исполненныхъ или предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ разныхъ отрасляхъ нашего артиллерійскаго дѣла, б) циркуляры Главнаго Артиллерійскаго Управленія, относящіеся до матеріальной части, измѣненій въ положеніяхъ и штатахъ и т. п.

«Артиллерійскій Журналъ» будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ объемѣ отъ 10 до 15 печатныхъ листовъ въ каждой, съ чертежами и политипажками.

Подписка на «Артиллерійскій Журналъ» принимается въ конторѣ Редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская ул., д. № 21,

Во избѣжаніе недоразумѣній, Редакція проситъ артиллерійскія части, выписывающія журналъ обязательно, высылать деньги за журналъ непосредственно въ Редакцію, а не черезъ комиссіонеровъ.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ «Артиллерійскаго Журнала» остается прежняя: по *семи рублей* съ пересылкой внутри Россіи и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ, а за границу *девять рублей*.

Редакція проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при высылкѣ требованій на журналъ, четко подписывать свое званіе и фамилію и непременно означать ту почтовую контору, на которую должны быть высланы книжки журнала; при перемѣнѣ же адреса извѣщать объ этомъ Редакцію.

Редакторъ, генераль-лейтенантъ Ермолаевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1913 годъ

(6-й годъ изданія)

на иллюстрированный научно-популярный журналъ

„АСТРОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ содержитъ статьи по всѣмъ отдѣламъ астрономіи, написанныя вполне доступно. Особое вниманіе будетъ удѣлено новинкамъ, какъ астрономіи, такъ и связанныхъ съ нею наукъ: физики, химіи, метеорологіи и физики земного шара. Предназначенный для широкаго круга лицъ, онъ будетъ заключать все, что можетъ быть полезно и интересно для всякаго, а въ особенности любителямъ астрономіи.

Къ напечатанію приготовленъ рядъ статей: 1) Юпитеръ въ 1912 году. 2) Солнце и земной магнетизмъ. 3) Новыя данныя о Сатурнѣ. 4) Марсъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. 5) Солнечная энергія. 6) Поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ въ древности. 7) Двѣнадцатое движеніе земли. 8) Движеніе солнца въ пространствѣ. 9) Таинственная матерія межзвѣзднаго пространства. 10) Вселенная и атомы. 11) Жизнь на планетахъ и пр. Въ каждомъ номерѣ приводятся отчеты о трудахъ любителей астрономіи и указываются планы работъ для нихъ. Кроме того сообщаются на три мѣсяца впередъ свѣдѣнія о предстоящихъ небесныхъ явленіяхъ (положеніяхъ свѣтилъ на небесномъ сводѣ, затменіяхъ, фазахъ луны, покрытіяхъ ею звѣздъ и планетъ, падающихъ звѣздахъ и проч.). Журналъ выходитъ 6—8 разъ въ годъ, номерами въ 2—3 печатныхъ листа каждый, съ рисунками и чертежами.

Цѣна съ пересылкой и доставкой **3 рубля** въ годъ; допускается разсрочка по 1 рублю. Журналы за прошлые годы высылаются по цѣнѣ 2 рубля каждый.

Подписка принимается въ редакціи: г. Николаевъ (Херс. губ.), Никольская ул. д. № 75.

Редакторъ-издатель *Н. С. Пелленко*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„НАША ОХОТА“

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ОХОТЪ РУЖЕЙНОЙ, ПСОВОЙ И РЫБОЛОВСТВУ.

Въ журналъ принимаютъ участіе лучшія силы современной охотничьей литературы.

Статьи по всѣмъ отраслямъ охоты, по охотничьему оружію, собаководству, дичеразведенію и рыболовству, по зоологін и орнитологін. Обзоръ охотничьихъ выставокъ, полевыхъ испытаній и садокъ. Корреспонденціи охотниковъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Изящная охотничья беллетристика. Отвѣты подписчикамъ на вопросы по охотѣ и собаководству.

С. А. БУТУРЛИНЪ. Обзоръ иностранной литературы объ охотничьемъ оружіи.

Всѣ годовые подписчики съ № 1 получаютъ бесплатное приложеніе—книгу С. А. БУТУРЛИНА.

СТРѢЛБА ПУЛЕЙ.

(ОХОТНИЧЬЕ ПУЛЬНОЕ ОРУЖІЕ).

Томъ II, имѣющій самостоятельное значеніе:

МЕЛКОКАЛИБЕРНОЕ ОРУЖІЕ.

Дальнобойные и боевые карабины, винтовки, прицѣльные приспособленія и пристрѣлки, чистка и сбереженіе, домашнее снаряженіе патроновъ; изданіе дополненное всѣми новостями 1912 года, со многими рисунками въ текстѣ.

Подписчики 1913 года могутъ получать изъ редакціи I томъ книги—Крупнокалиберное оружіе: основанія устройства и условія прочности ружья; обычный дробовикъ, какъ пульное ружье; парадоксы, трехстволки, штуцера, нитроэксpresso и т. д. 455+16 стр. съ 248 рис. въ текстѣ за 3 руб. съ пересылкой.

ВТОРОЕ ДОПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ 1913 ГОДА:

Приплативъ при подпискѣ на журналъ 1 руб. 50 коп. годовые подписчики получаютъ въ 1913 году книгу

ВТОРОЙ ОХОТНИЧЬЙ СБОРНИКЪ.

Собраніе новыхъ не появлявшихся въ печати беллетристическихъ произведеній и стихотвореній современныхъ авторовъ.

Около 400 страницъ четкаго, но убористаго шрифта. По примѣру 1912 года Сборникъ будетъ роскошно иллюстрированъ въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ.

Въ 1909—1912 гг. журналъ „Наша Охота“ удостоенъ 3 золотыми медалями.

24 книги въ годъ и 2 приложенія—6 р. 50 к.
24 книги въ годъ и приложеніе—5 р.

на ½ года—2 р. 50 к.; 3 мѣсяца—1 р. 25 к.; 1 мѣсяць—60 к. съ пересылкой и доставкой. За границу на годъ 10 р.

Приложенія получаютъ только годовые подписчики.

Редакція: С.-Петербургъ, Большая Посадская, № 18.

Редакторъ Н. Н. Фокинъ.

Издательница А. Н. Фокина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 Г.

Самый дешавый изъ ежемѣсячныхъ журналовъ доступный широкимъ кругамъ читателей.

Н О В Ы Й

12 книгъ **ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ** 12 книгъ

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Повѣсти, разск., стих., статьи по вопрос. науки, искусства, самообраз. педагогики, исторіи, рецензіи о новыхъ книгахъ, при участіи выдающихся литерат. и научн. силъ. Въ каждой книгѣ будетъ даваться по одному рисунку въ три краски на велен. бум.

6 книгъ приложеній по 128 стр. **БЕЗПЛАТНО** каждая, въ котор. будутъ даны произведенія соврем. извѣстн. иностран. писателей: УПТОНА СИНКЛЕРА, БЛАСКО ИБАНЬЕСА, КАРИНЬ МИХАЭЛИСЬ, ЯК. ВАССЕРМАННА и друг.

18 книгъ въ годъ, изъ которыхъ въ журн. свыше 50 печ. лист. и въ прил. 48 печ. лист. На 1 годъ—**2 руб. 20 коп.**, на 1/2 г.—**1 руб. 20 коп.**

20 книгъ получать новые годовые подписчики подписавш. до 1-го декабря 1912 г. въ томъ числѣ ноябрьскую и декабрьскую кн. за 1912 г.

Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., № 19.

*****

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 Г.

Самый дешавый изъ толстыхъ журналовъ, до 300 стр. убористаго шрифта, при участіи лучшихъ литературныхъ силъ.

12 книгъ **„НОВАЯ ЖИЗНЬ“** 12 книгъ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ 1913 г. будутъ печататься оригинальные романы: Ан. Крандіевской, фантастическій романъ Ник. Березина, романы новѣйшихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ. Въ 1912 г. печатались романы Федора Сологуба, П. Соловьевой (Allegro), Як. Вассерманна, Фридриха Хуха и друг.

12 книгъ полн. собран. сочин. **ДЖОНА ЛОНДОНА** (3.840 стр.) популярн. америк. писат. въ единствен. авторизм. перев. І. А. Маевского и по типу его изданія, стоящаго въ отдѣльной продажѣ 16 руб.

24 книги въ годъ, что въ общемъ составитъ за годъ около 380 листовъ печатнаго матеріала. На 1 годъ (съ прилож.)—**7 р. 20 к.**, на 1/2 г.—**4 р.**

Разср.: **3 р.**—при подпискѣ, **2 р. 20 к.**—1-го марта и **2 р. 20 к.**—1-го іюля. На 1 г. (безъ прил.): **4 р. 90 к.** Разср.: **3 р.**—при подп. и **2 р.**—1-го іюля.

26 книгъ получать новые годовые подписчики подписавш. до 1-го декабря 1912 г. въ томъ числѣ ноябрьскую и декабрьскую кн. за 1912 г.

Подписавшіеся совмѣстно на „НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“ и „НОВУЮ ЖИЗНЬ“ платять: на 1 годъ (съ прилож.) **9 р.** Разср.: **4 р.**—при подп., **3 р.**—1-го марта и **2 р. 20 к.**—1-го іюля. На 1 годъ (безъ прилож.)—**6 р. 60 к.** Разср.: **3 р.**—при подп., **2 р.**—1-го марта и **2 р.**—1-го іюля.

Подробные проспекты со спискомъ сотрудин. бесплатно. Пробные №№—за двѣ 7 к. марки.

ПОДПИСКА ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 19.

Всѣ обязательства за 1912 годъ выполнены.

На 1913-й годъ
Для ОФИЦЕРСКИХЪ библиотекъ г.г. ВОЕННЫХЪ

Ежемесячный иллюстрированный военно-общественный журналъ

ВОЕННЫЙ МІРЪ

(Бывш. «БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ». VII-й годъ изданія).

Москва. Пречистенка, д. Штаба Округа.

Открыта подписка на 1913 годъ.

ЗАДАЧА ЖУРНАЛА:

Служить интересамъ родной арміи и флота и по мѣрѣ силъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію нашей военной мощи.

О Т Д Ъ Л Ы:

- I. Нужды арміи.
- II. Военно-историческій.
- III. Военно-воспитательный.
- IV. Военное воздухоплаваніе.
- V. Наши сосѣди.
- VI. Путевые очерки.
- VII. Военная и общая литература.
- VIII. Русская военная старина.

О Т Д Ъ Л Ы:

- IX. Лѣтопись русской военной жизни.
- X. Иностранное военное обозрѣніе.
- XI. Обзоръ современныхъ войнъ.
- XII. Военная библиографія.
- XIII. Рисунки.
- XIV. Объявленія.

Составъ издателей и сотрудниковъ остался тотъ же, который принималъ участіе въ журналѣ «БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ».

Журналъ объявленъ Цирк. Гл. Штаба отъ 12-го января 1912 г. за № 9, рекомендованъ циркулярными приказааніями: по частямъ арміи, флоту, воен.-уч. заведеніямъ, министерству финансовъ и вызвалъ въ прессѣ цѣлый рядъ самыхъ лестныхъ отзывовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ доставкой и пересылкой):

Въ Россіи: на годъ — 9 руб.; на полгода — 5 руб.
 За границу: » » — 12 » » » — 6 »

Перемѣна всякаго адреса 28 коп. (можно почтовыми марками).

Непосредственно черезъ контору журнала—допускается разсрочка подписной платы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ журнала «Военный Міръ»—Москва, Пречистенка, д. Штаба Округа и въ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

ВОЕННАГО СБОРНИКА

за 1912 годъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ № 12-му «Военнаго Сборника»

за 1912 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 50.

1912.

I. Военное искусство.

---

1. Военное искусство вообще и стратегія.

1. Моральный элементъ въ области военного искусства. *Б. Никулицевъ. №№ 1, 3.*

2. Тактика соединенныхъ родовъ войскъ. Строевые уставы, наставленія и совмѣстное обученіе войскъ.

2. Способы и средства сохраненія въ бою свободы дѣйствій. *С. Толкушкинъ. № 1.*

3. Средства переправы черезъ рѣки отрядовъ изъ всѣхъ родовъ войскъ. *Е. Войцеховскій. № 6.*

4. О ночныхъ дѣйствіяхъ войскъ. (Со схемами). *С. Смирновъ. №№ 8, 9.*

5. Примѣненіе собакъ для службы связи. (Со схемами). *В. М—ъ. № 8.*

6. Конспектъ лекцій по тактикѣ. *М. Драгомировъ. № 9.*

7. Націонализмъ въ тактикѣ. *Ө. Огородниковъ. № 9.*

8. Полевые поѣздки. *Л. Радусъ-Зенковичъ. № 9.*

9. Крѣпостныя занятія полевыхъ войскъ. *Н. Максимовичъ-Васильковскій. № 10.*

10. О полевыхъ поѣздкахъ. *Заринъ. № 12.*

3. Пѣхота, ея тактика, обученіе и снаряженіе.

11. Пѣхотная ближняя развѣдка. *В. Воронецкій. №№ 4, 5.*

12. Дѣйствительность огня и способы учета ея при обученіи стрѣлковому дѣлу. *С. Глинскій. № 5.*

13. Ближняя развѣдка. *Н. Ливенцевъ. № 6.*

14. Массированіе ружейнаго огня. *В. Казэмъ № 7.*

15. Ближняя развѣдка. *М. Сулькевичъ. № 9.*

4. Кавалерія, ея тактика, обученіе и снаряженіе.

16. Развѣдывательныя эскадроны. *В. Закржевскій.* № 1.
17. Работа развѣдывательнаго эскадрона. (Со схемами). *В. Брендель.* № 6.
18. О переправѣ развѣздовъ вплавь черезъ рѣки. (Переводъ съ нѣмецкаго). *К. Ф.* № 6.
19. Цѣль дѣйствія передовой кавалеріи. (Изъ приказа М. Д. Скобелева). № 7.
20. Еще о развѣдкѣ. *Зальскій.* № 10.
21. Работа конницы въ военное время, въ связи съ ея организацией и обученіемъ въ мирное. *Гр. А. Д.* № 11.
22. Какія реформы нужны казакамъ. *П. Красновъ.* № 12.

5. Артилерія, ея тактика, обученіе и снаряженіе.

23. Испытаніе новаго бризантнаго снаряда на Люнебургскомъ полигонѣ. (Съ рисунками). *В. Б.* № 1.
24. Спровоженіе артилеріей пѣхоты. *А. Дмитревскій.* № 1.
25. Берегите патроны. *В. Воронецкій.* № 10.
26. Одинъ изъ назрѣвшихъ вопросовъ боевого употребленія артилерійскихъ массъ. *П. Ч.* № 3.
27. Крѣпостныя артилеристы. *А. Петровъ.* № 3.
28. Тактическая подготовка артилеріи. *А. Н. Анухтинъ.* № 5.
29. Мѣсто артилерійскихъ развѣдчиковъ на походѣ. (Со схемой). *В. Т.* № 7.
30. Употребленіе въ бою полевой артилеріи по опыту Русско-японской войны. *В. Каянека.* (Переводъ съ нѣмецкаго). * * * № 7.
31. Нѣкоторыя мысли по поводу современнаго положенія вопроса о позиціяхъ, занимаемыхъ артилеріей при ея боевыхъ дѣйствіяхъ. (Со схемами). *А. Андреевъ.* № 8.
32. Инспекторъ артилеріи корпуса. *М. Копцинскій.* № 10.
33. Совмѣстная стрѣльба артилеріи съ пѣхотой. *Е. Кобозевъ.* № 11.
34. О подготовкѣ артилеріи къ стрѣльбѣ. *И. Злобинъ.* № 11.
35. Артилерійскія единицы и ихъ стрѣльбы. *В. Воронецкій.* № 11.
36. Наши полигоны. *В. Воронецкій.* № 12.

6. Инженерныя войска, ихъ тактика, обученіе и снаряженіе.

37. Телеграфъ или телефонъ? *К. Исаковъ.* № 11.

II. Военная психологія.

38. Психо-фізическое состояніе воздухоплатателей во время по-лета. *Г. Шумковъ*. № 3.
  39. Насиліе надъ психологіей. *Н. Ухачъ-Огоровичъ*. № 4.
  40. «За» и «противъ» военной психологіи. *III—ъ*. № 8.
  41. Субъективная и объективная психологія. *III—ъ*. № 10.
  42. «За» и «противъ» психологіи г-на *III—а*. *А. Дмитревскій*. № 11.
-

III. Боевое воспитаніе, умственное и нравственное образованіе войскъ (военно-учебныя заведенія, собранія, бібліотеки, грамотность, войсковыя школы). Казарменный бытъ.

43. Раціональные приемы обученія и воспитанія краткосрочнаго солдата, а также ближайшаго его начальника. *К. Вольфъ*. №№ 1, 3.
44. Боевая подготовка арміи. *А. Мокржецкій*. № 2.
45. Служба генеральнаго штаба. *Ф. Чернозубовъ*. №№ 3, 6, 8, 11, 12.
46. Къ вопросу о реформѣ технического образованія. *Фэстэ*. № 4.
47. Подготовка подпрапорщикова. *А. Тутковскій*. № 5.
48. Индивидуальное обученіе полевому дѣлу пѣшаго и коннаго бойца. *К. Вольфъ*. №№ 5, 6.
49. Къ вопросу о реформѣ военно-техническаго образованія. *Нилусъ*. № 6.
50. Идеаль офицера. *А. Дмитревскій*. № 7.
51. Служба на маневрахъ. *А. Брандтъ*. № 7.
52. Служба и организація частей связи. (Со схемой). *Бурхановскій*. № 7.
53. Генеральный штабъ и армія. *С. Т.* № 9.
54. Библіотека въ войсковыхъ частяхъ. *А. Ергольскій*. № 9.
55. Приемы практической подготовки юнкеровъ. *Л. Адамовичъ*. № 9.
56. Походъ эскадрона юнкеровъ Тверскаго кавалерійскаго училища. *II. Р—ъ*. № 9.
57. Служба генеральнаго штаба. *Э. Х. Каминъ*. № 10.
58. Наше высшее артилерійское образованіе. *В. А. Тарновскій*. № 11.
59. Практическія занятія по стрѣльбѣ пѣхоты въ военныхъ училищахъ (краткая программа). *Н. Александръ*. № 10.

60. Подвижной сборъ юнкеровъ Кіевскаго военнаго училища. * * *
№ 11.
61. Къ вопросу о техническомъ артилерійскомъ образованіи.
А. Нилусъ. № 12.
-

IV. Военная администрація и военное хозяйство.

1. Организация войскъ, штабовъ и управленій; инспектированіе войскъ.

62. О ненормальности въ арміи выборныхъ должностей. *А. Дмитревскій.* № 3.
63. Мѣры къ упорядоченію комплектованія арміи. *П. Крицкій.*
№ 10.
64. О судахъ чести. *Л. Гладковъ.* № 10.
65. Новое положеніе о хозяйствѣ въ полку. *З. Кононенко.* № 12.

2. Военно-врачебная и санитарная часть.

66. Военная санитарія въ прошломъ и настоящемъ. *А. Федерольфъ.* № 5.
67. Полковые врачи. *С. Лавровъ.* № 10.
68. Автомобилизмъ и военно-санитарная служба. *Замуравкинъ.*
№ 12.
-

V. Военная статистика и военная географія.

69. Кагистанъ. (Путевые очерки по Средней Азій). *Д. Логофетъ.*
№ 1.
70. Самаркандъ. (Путевые очерки по Средней Азій). *Д. Логофетъ.*
№ 2.
71. По Монголіи до границъ Тибета. (Съ рисунками). *П. Козловъ.* №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11 и 12.
72. Міянкаль и Заравшанская долина. (Путевые очерки по Средней Азій). *Д. Логофетъ.* № 3.
73. Въ низовьяхъ рѣки Заравшана. (Путевые очерки по Средней Азій). *Д. Логофетъ.* № 4.
74. Изъ путевыхъ очерковъ по Восточной Бухарѣ. (Вахшскій хребетъ). *Д. Логофетъ.* №№ 8, 9, 10.

75. Дальній Востокъ. *А. Н. Анухтинъ*. № 9.

76. Отъ Алайской долины до Маргелана. (Путевые очерки по Средней Азiи). *Д. Логофетъ*. № 11.

VI. Фортификація.

77. Укрѣпленіе позиціи узлами. (Со схемами). *Г. Гласко*. № 1.

78. Туманъ фортификаціонныхъ теорій. *Саперъ*. № 8.

79. По поводу новой школы фортификаціи. *В. М. Жильцовъ*. № 11.

80. Отвѣтъ г. Саперу. *М. Грузевичъ-Нечай*. № 11.

81. Еще о редутѣ. *Исаковъ*. № 12.

82. Гдѣ располагать полевые опорные пункты? *Теръ-Акоповъ*. № 12.

VII. Спортъ, воздухоплаваніе и военная подготовка населенія.

83. Самолетъ «Блеріо» на маневрахъ. (Со схемами). *В. Кончевскій*. № 1.

84. Изъ отчета о пробѣгѣ грузовыхъ и санитарныхъ автомобилей въ 1911 г. *П. Секретевъ*. №№ 1, 2.

85. 3-я воздухоплавательная выставка въ Парижѣ. (Съ рисунками). *Вронскій*. № 1.

86. Правильное толкованіе значенія слова «Спортъ». *К. Вольфъ*. № 2.

87. Лыжный спортъ. *В. В.* № 2.

88. Четвертый родъ войскъ. *К. В.* № 2.

89. Спортъ за границей. (Съ рисунками). *Вронскій*. №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

90. Что такое физическое образованіе? *А. Бутовскій*. № 2.

91. Общія правила тѣлесныхъ упражненій. *А. Д. Бутовскій*. №№ 3, 4.

92. Воздухоплавательныя состязанія въ Германіи въ 1912 г. № 5

93. Военный автомобилизмъ за границей. *П. Секретевъ*. № 5.

94. Работа военныхъ автомобилей въ Персіи, между Джульфой и Тавризомъ. *П. Секретевъ*. № 6.

95. Спортъ у казаковъ на границѣ. (Съ рисунками). * * * № 6.

96. Гимнастика. (Историко-физиологическій очеркъ). *Е. Филипповъ*. № 7.

97. Военное воспитаніе юношества въ Японіи, какъ слѣдствіе исторіи ея народа. *Янусъ*. № 7.

98. Мотоциклетный пробѣгъ между Ковно и Гродно. *Чубимовъ*. № 10.
99. Воздухоплаваніе за границей. *В. Б.* № 10.
100. Воздухоплаваніе за границей. *Вронскій*. № 12.
-

VIII. Статьи разнаго содержанія.

101. Фотографія на войнѣ. *Об-лейт. Мильчевскій*. (Переводъ съ нѣмецкаго). № 2.
102. О разныхъ военныхъ разностяхъ. *Козловъ*. № 2.
103. Боевой флотъ въ составѣ вооруженныхъ силъ государства. *Б. Доливо-Добровольскій*. № 2.
104. Новое на войнѣ. *В. Б.* № 3.
105. Въ гостяхъ у бой-скаутовъ. (Съ рисунками). *О. Пантюховъ*. № 4.
106. Къ братьямъ славянамъ. *Н. Х.* №№ 5, 6.
107. «Хайраби зоветъ». (Переводъ съ нѣмецкаго). № 5.
108. На призывъ сердца. *Ө. Тютчевъ*. №№ 5, 6, 7, 8.
109. Замѣтки военнаго туриста. *Н. Мельницкій*. №№ 7, 8.
110. Наполеоновскіе отзвуки. *Н. Кудряцевъ*. №№ 7, 8.
111. Три письма. *И. Курмояровъ*. № 7.
112. Коневыя средства Вятско-Пермскаго района. *С. Шмико*. № 8.
113. Лѣтнія впечатлѣнія. *В. Добрынинъ*. № 8.
114. Боевое крещеніе. *В. Окороковъ*. № 8.
115. Бородинское поле. *Д. Давыдовъ*. № 8.
116. Изъ далекаго прошлаго. *Бар. Т. В—ъ*. № 9.
117. Мысли о нашемъ мышленіи. *Э. Х. Калминъ*. №№ 11, 12.
118. На Дону. *В. Добрынинъ*. № 11.
119. Служеніе священника на войнѣ. *Г. Шачельскій*. №№ 11, 12.
120. Къ возрожденію сербскаго королевства. *И. Ивановъ*. № 12.
121. Инициатива. *А. Дмитревскій*. № 12.
-

IX. Жизнеописанія.

122. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. (Съ портретами). *А. Вильдерлинъ*. № 2.
123. Графъ Д. А. Милютинъ въ отзывахъ его современниковъ. *М. Бородкинъ*. №№ 5, 6.
-

X. Стихотворенія.

124. Въ поѣздѣ. *П. Ч.* № 11.
-

ХІ. Библиографія.

1. Обзоръ иностранныхъ журналовъ.

125. «Rivista militare italiana». В. Н. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.
126. Французскихъ и нѣмецкихъ. С. *Добропольскій*. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

ХІІ. Иностранное военное обозрѣніе.

127. Маневры японской арміи въ 1910 г. (Переводъ съ нѣмецкаго). (Со схемами). П. Ч. № 1.
128. Стрѣлковыя клубы въ Австраліи. М. *Дворжицкій*. №№ 1, 2.
129. Изъ жизни иностранныхъ армій. Б. № 2.
130. Зимніе маневры въ Японіи. (Переводъ съ нѣмецкаго). (Со схемами). П. Ч. № 3.
131. Итало-Турецкая война. (Со схемой). В. *фонъ Дрейеръ*. №№ 3, 4.
132. Великое несогласіе между Англійей и Германіей. Б. *Доливо-Добровольскій*. № 3.
133. Организація маневровъ 1910 года въ Пикардіи. (Со схемами). В. Н. *Домаевскій*. № 4.
134. Англія и Германія. Б. *Доливо-Добровольскій*. № 4.
135. Новая форма французской арміи. В. Б. № 4.
136. Автомобильное отдѣленіе со змѣйковымъ аэростатомъ во Франціи. * * № 7.
137. Военная политика Японіи. (Переводъ съ японскаго). Н. *Мамонтовъ*. № 8.
138. Болгарская школа запасныхъ подпоручиковъ. Н. *Суринъ*. № 10.
139. Хроника Японскаго пѣхотнаго полка. П. *Рушэнъ*. № 10.
140. Шесть задачъ стрѣльбы для пѣхотныхъ частей и пулеметныхъ командъ, продѣланныхъ въ окрестностяхъ сел. Нёйлеп 12-го сентября 1911 г. (Переводъ съ нѣмецкаго). (Со схемами). К. Ф. №№ 11, 12.
141. Германія. Пулеметный уставъ. *Италія* и *Турція*. Второй періодъ войны. *Китай*. Боевое крещеніе «новыхъ» войскъ. М. Б. № 1.
142. *Австро-Венгрія*. Корпусныя и офицерскія школы. Велосипедныя роты. *Германія*. Ночное упражненіе пѣхотнаго полка. Военныя дѣйствія во время тумана. *Швеція*. Маневръ съ боевой стрѣльбой. М. Б. № 2.
143. *Германія*. Инструкція для сигнализациі въ войскахъ. Пулеметы кавалеріи. Военные грузовики. Новости воздухоплаванія. *Франція*. Организація велосипедныхъ ротъ. Французскіе дирижабли. *Гол-*

ландія. Новый военный законъ. *Японія*. Военное обозрѣніе Кореи. *М. Б.* № 3.

144. *Франція*. Полевые гаубицы. Организациа вооруженныхъ силъ въ Марокко. *Италія*. Новый кавалерійскій уставъ. Значеніе воздушныхъ аппаратовъ на войнѣ и итальянскіе дирижабли. *Турція*. Укрѣпленія Дарданелъ. *М. Б.* № 4.

145. *Германія*. Новыя вооруженія. *Румынія*. Новый законъ о производствѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. *Японія*. Большіе маневры 1911 года. *М. Б.* № 5.

146. *Германія*. Полевые унраженія германской пѣхоты. Служба въ воздухоплавательномъ баталіонѣ. Воздухоплавательная школа. *Франція*. Альпійскія войска. *Боларія*. Посты на турецкой границѣ. *М. Б.* № 6.

147. *Франція*. Войска на восточной границѣ. Стрѣльба пѣхоты по летательнымъ аппаратамъ. *Швеція*. Состояніе обороны страны. *Норвегія*. Вооруженныя силы. *Данія*. Условія обороны страны. *Греція*. Возрожденіе арміи. Большіе маневры. *М. Б.* № 7.

148. *Балканскій полуостровъ*. Тревога печати и подсчетъ силъ. *Румынія*. Организациа арміи. Тактическіе приемы. Укрѣпленія. *Германія*. Ознакомленіе съ арміями сосѣдей. *Японія*. Вой на штыкахъ. *М. Б.* № 8.

149. *Австро-Венрія*. Выпуски изъ военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Военная академія. *Великобританія*. Вопросъ объ обязательной военной службѣ. *Германія*. Усиленіе арміи къ 1-му октября 1912 г. Войска сообщеній. *Японія*. Военно-политическое положеніе и состояніе арміи при перемѣнѣ царствованія. *М. Б.* № 9.

150. *Австро-Венрія*. Большіе маневры 1912 г. Новый уставъ полевой службы. *Германія*. Императорскіе маневры 1912 года. *М. Б.* № 10.

151. *Балканскій полуостровъ*. Война. Вооруженныя силы сторонъ. Мобилизациа и сосредоточеніе. Очеркъ военныхъ дѣйствій до 26-го октября. *М. Б.* № 11.

152. *Великобританія*. Большіе маневры. *Франція*. Большіе маневры въ 1912 году. Война на Балканскомъ полуостровѣ. *М. Б.* № 12.

ХІІІ. Приложение.

153. Записки по военной педагогикѣ. К. Киркова. (Переводъ съ болгарскаго). *Пехливановъ*. №№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЬ АВТОРОВЪ ¹⁾

- А.**
Адамовичъ, Л. 55.
Александръ, Н. 59.
Андреевъ, А. 31.
Апухтинъ, А. Н. 28, 75.
- Б.**
Бильдерлингъ, А. 122.
Бородкинъ, М. 123.
Брандтъ, А. 51.
Брендель, В. 17.
Бурхановскій, 52.
Бутовскій, А. 90, 91.
Б. В. 23, 87, 99, 104, 135.
Б. М. 141, 142, 143, 144, 145,
146, 147, 148, 149, 150, 151,
152.
Б. 129.
- В.**
Войцеховскій, Е. 3.
Вольфъ, К. 43, 48, 86.
Воронецкій, В. 11, 25, 35, 36.
Вронскій. 85, 89, 100.
В. К. 88.
В—ъ, Т. бар. 116.
- Г.**
Гладковъ, Л. 64.
Гласко, Г. 77.
Глинскій, С. 12.
Грузевичъ-Нечай, М. 80.
- Д.**
Давыдовъ, Д. 115.
Дворжицкій, М. 128.
- Дмитревскій, А. 24, 42, 50, 62,
121.
Добропольскій, С. 126.
Добрынинъ, В. 113, 118.
Доливо-Добровольскій. 103, 132,
134.
Доманевскій, В. Н. 133.
Драгомировъ, М. 6.
Дрейеръ, В. фонъ. 131.
Д. А. Гр. 21.
- Е.**
Ергольскій, А. 54.
- Ж.**
Жильцовъ, Б. М. 79.
- З.**
Закржевскій, В. 16.
Залъсскай. 20.
Заринъ. 10.
Замуравкинъ. 68.
Злобинъ, И. 34.
- И.**
Ивановъ, И. 120.
Исаковъ, К. 37, 81.
- К.**
Казэмъ, В. 14.
Калнинъ, Э. Х. 57, 117.
Квѣцинскій, М. 32.
Кобозевъ, Е. 33.
Кононенко, З. 65.
Козловъ. 102.
Козловъ, П. 71.

¹⁾ Цифры, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, означаютъ номера, подъ которыми помѣщены заглавія статей въ систематическомъ указателѣ.

Кончевскій, В. 83.
Красновъ, П. 22.
Крицкій, П. 63.
Кудрявцевъ, Н. 110.
Курмояровъ, И. 111.

Л.

Лавровъ, С. 67.
Ливенцевъ, Н. 13.
Логофеть, Д. 69, 70, 72, 73, 74,
76.

М.

Максимовичъ-Васильковскій, Н. 9.
Мамонтовъ, Н. 137.
Мельницкій, Н. 109.
Мильчевскій. 101.
Мокржецкій, А. 44.
М—ъ, В. 5.

Н.

Никулищевъ, Б. 1.
Нилусъ. 49, 61.
Н. В. 125.

О.

Огородниковъ, О. 7.
Огороковъ, В. 114.

П.

Пантюховъ, О. 105.
Петровъ, А. 27.
Пехливановъ. 153.

Р.

Радусъ-Зенковичъ, Л. 8.
Рушэнь, П. 139.
Р—ъ, П. 56.

С.

Саперъ. 78.

Секретовъ, П. 84, 93, 94.
Смирновъ, С. 4.
Сулькевичъ, М. 15.
Суринъ, Н. 138.

Т.

Тарновскій, В. А. 58.
Терь-Акоповъ. 82.
Толкушкинъ, С. 2.
Тутковскій, А. 47.
Тютчевъ, О. 108.
Т. В. 29.
Т. С. 53.

У.

Ухачъ-Огоровичъ, Н. 39.

Ф.

Федерольфъ, А. 66.
Филипповъ, Е. 96.
Фэстэ. 46.
Ф. К. 18, 140.

Х.

Х. Н. 106.

Ц.

Чернозубовъ, Ф. 45.
Чубиновъ. 98.
Ч. П. 26, 124, 127, 130.

Ш.

Шавельскій. 119.
Шишко, С. 112.
Шумковъ, Г. 38.
Ш—ъ. 40, 41.

Я.

Янусъ. 97.

Разсрочка дѣлается лишь при подпискѣ черезъ канцелярію своей части съ уплатою взносовъ черезъ нее. Непоступленіе взноса къ указанному сроку влечетъ за собою прекращеніе доставки изданія.

Войсковыя части и учрежденія, а также отдѣльныя лица, сдающія въ редакцію подписку для себя на „Русскій Инвалидъ“, въ случаѣ присылки не полной годовой платы, будутъ зачисляться въ категорию подписчиковъ на сроки меньше года, соответственно присылаемой каждый разъ суммѣ. „Военный Сборникъ“ будетъ высылаться лишь по полученіи полной годовой платы.

Плата за перемѣну адреса на «Русскій Инвалидъ» съ городского въ С.-Петербургъ на иногородный (внутри Имперіи) или обратно съ иногороднаго на С.-Петербургскій:

на 1 мѣсяць	30	коп.
„ 2 мѣсяца	50	„
„ 3 „ и свѣше	70	„

При временной перемѣнѣ С.-Петербургскаго адреса на иногородный (напр., на время лагеря или на дачное время и проч.) первая перемѣна оплачивается по только что указанному тарифу, а обратная дѣлается бесплатно.

За всякую перемѣну иногороднаго адреса на иногородный уплачивается 20 коп.

За перемѣну городского С.-Петербургскаго адреса на таковой же городской платы не взимается.

При перемѣнѣ адреса внутренняго (внутри Имперіи) на заграничный уплачивается разница между вышеуказанною подписною платою на соответственные сроки для внутреннихъ и заграничныхъ подписчиковъ. Перемѣна адреса заграничнаго на внутренній дѣлается бесплатно.

Плата за каждую перемѣну адреса на «Военный Сборникъ»: С.-Петербургскаго городского на иногородный или обратно — 60 коп., иногороднаго на иногородный — 20 коп.; за перемѣну городского С.-Петербургскаго на другой городской С.-Петербургскій — платы не взимается.

За перемѣну адреса внутренняго на заграничный уплачивается по 15 коп. за каждый остающійся мѣсяць текущаго года.

Розничная продажа. Отдѣльные нумера «Русскаго Инвалида» продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и пересылаются по почтѣ за 7 коп.

Отдѣльныя книжки «Военнаго Сборника» продаются въ конторѣ редакціи по 60 коп. за книжку (съ пересылкою по 75 коп.), съ приложеніемъ «Военно-Историческаго Сборника» по 1 р. (съ пересылкою 1 р. 25 к.).

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 25 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{4}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282, только объявленія о вызовѣ наследниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 к. за первый лотъ вѣса объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Объявленія въ «Военномъ Сборникѣ» принимаются по тарифу 20 рублей за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при книжкахъ «Военнаго Сборника» взимается по 15 рублей съ 1000 экземпляровъ, вѣсомъ до 1 лота каждый.

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,
Ген. Шт. Генераль-Маіоръ **Виллевъ.**
Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генераль-Маіоръ **Прусанъ.**

А В Т О Р А М Ъ С Т А Т Е Й.

1. Авторамъ, присылающимъ свои статьи въ „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, редація проситъ соблюдать слѣдующее:

1) Статьи должны быть написаны четко только на одной сторонѣ страницы (другая должна оставаться чистой). Страницы должны быть перенумерованы (сшивать или брошюровать не надо). На написанной сторонѣ необходимо оставлять поля. Подъ каждою статьей должно быть указано какую подпись авторъ желаетъ видѣть подъ своею статьей въ печати: это можетъ быть полная фамилія автора, или только инициалы, или только донимъ и проч. Но ни чинъ, ни должность, ни званіе, въ силу циркуляра Главнаго Штаба отъ 17-го апрѣля 1908 года, а также, подъ статьями политическаго характера въ печати не допускаются¹⁾.

2) Въ присланной рукописи, для свѣдѣнія редакціи, должны быть указаны: положеніе (чинъ, должность, мѣсто служебнаго, званіе), имя, отчество, фамилія и адресъ автора.

3) Необходимо указывать, гдѣ авторъ желаетъ бы напечатать свою статью: въ газетѣ или журналѣ, или же выборъ предоставляется усмотрѣнію редакціи.

О желаніи имѣть отдѣльные оттиски статей печатаемыхъ въ „Военномъ Сборникѣ“, на первой страницѣ рукописи должно быть написано: „Прошу столько-то отдѣльныхъ оттисковъ“. До 20 оттисковъ безъ перверстки изготовляется бесплатно. Большее же количество ихъ, но не болѣе 100, а также перверстка всей статьи въ брошюру, могутъ быть исполнены лишь за счетъ авторовъ. О желаніи получить отдѣльные перверстанки необходимо заявлять на первой страницѣ рукописи.

О желаніи получить тѣ нумера „Русскаго Инвалида“, въ которыхъ будетъ напечатана статья, необходимо оговаривать на первой страницѣ рукописи. Нумера эти предоставляются авторамъ только за плату.

4) На рукописи должна быть помѣтка, указывающая, предоставляет ли авторъ свою статью за гонораръ или бесплатно. Статьи, не имѣющія такой отмѣтки, считаются бесплатными.

5) Рукописи, отправляемыя почтою, должны быть отправителемъ оплачены полнымъ почтовымъ сборомъ. Не исполняя назначенной корреспонденціи, за которую почта требуетъ доплату въ известномъ размѣрѣ, редація не принимаетъ.

II. Для свѣдѣнія авторовъ сообщается:

1) Изъ присланныхъ статей редакція печатаетъ въ необходимыхъ редакціонными сокращеніями тѣ, которыя признаются подходящими, причемъ срокъ напечатанія не можетъ быть определенъ заранее. Статьи предназначенныя къ печати, хранятся въ редакціи въ теченіе года и могутъ быть возвращены авторамъ по ихъ заявленію лично или чрезъ довѣреннаго, а также почтою на ихъ счетъ.

2) Ни въ какія объясненія о причинахъ не напечатанія редакція не входить.

3) Гонораръ за платныя напечатанныя статьи, въ значеніи редакціею по принятымъ ею нормамъ. Гонораръ уплачивается въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца за всѣ статьи прошедшаго мѣсяца.

¹⁾ Этотъ же циркуляръ воспрещаетъ упоминаетъ въ возмемкѣ официальное желеніе своего оппонента.

При этой книжкѣ прилагается всѣмъ подписчикамъ и стривораннымъ просектѣ объявленія о подпискѣ на журналъ „ПРОБУЖДЕНІЕ“ на 1913 г. Лицъ, почтой-либо не получившихъ просекта, просятъ обращаться непосредственно въ контору журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“, № 14, Невскій, 114